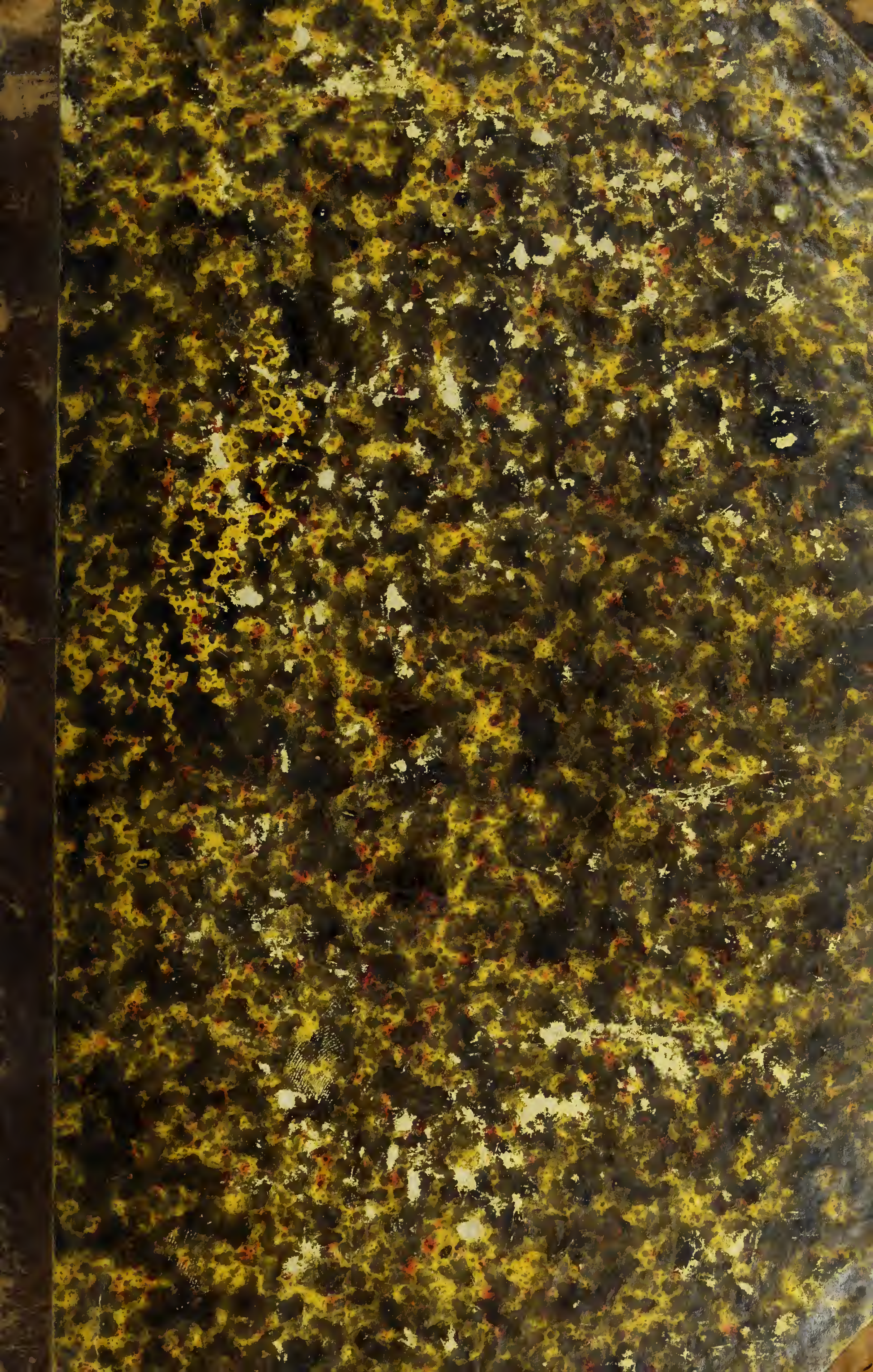

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ LXXXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАВА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

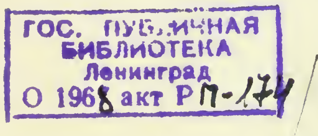
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 1 іюля 1853 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

ІЮЛЬ.

I. Словесность.

II. Науки и Художества.

III. Современная Хроника Россіи.

IV. Критика.

V. Библіографическая Хроника.

Новыя Сочиненія.

Продолженіе начатыхъ изданій.

Переводы.

Новыя изданія.

Журналистика.

Стр

VI. Иностранная Литература.

VIII. Смѣсь.

Новости Наукъ, Искусствъ и Литературы.

Петербургскія Замѣтки.

I.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

РОМАНЪ.

Часть вторая.

I.

То же потертое коричневое пальто было на плечахъ Крутоярова, на шеѣ тотъ же старый галстухъ, когда-то походившій на шолковый, и только голова его прикрывалась не прежней ветхою шапкой, а новой шляпой, когда шелъ онъ быстрыми шагами по петербургскимъ троттуарамъ отъ Чернышева Моста къ Литейной. Крутояровъ давно не видалъ Петербурга; но множество явившихся во время его отсутствія новыхъ зданій, новыхъ магазиновъ, вообще новостей, вовсе не привлекали его вниманія. Онъ почти и не смотрѣлъ по сторонамъ: его слишкомъ занимала мысль о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть первый петербургскій визитъ его.

Идя по Литейной, Александръ Петровичъ не пропускалъ ни одного дома, не прочитавъ на дощечкѣ, прибитой надъ воротами, фамиліи домовладѣльца. Наконецъ, онъ остановился у воротъ, надъ которыми стояло то имя, которое было ему нужно.

Онъ позвонилъ у кануры дворника.

— Кого? спросилъ рыжебородый стражъ дома, высовывая въ форточку свою голову.

— Гдѣ нумеръ двѣнадцатый?

— Да вамъ кого? спросилъ опять дворникъ.

— Бѣлкина, отвѣчалъ Крутояровъ.

— Бѣлкина?.. Да, Бѣлкинъ въ двѣнадцатомъ номерѣ живетъ. Изъ воротъ выйдя, на правую руку, по первому подъѣзду, въ третiй этажъ... Тутъ и будетъ.

Голова спряталась.

Крутояровъ поднялся, по указанiю дворника, въ третiй этажъ. Съ двери, надъ которой былъ выставленъ нумеръ двѣнадцатый, была снята мѣдная дощечка съ именемъ того, кто живетъ подъ этимъ нумеромъ, и оставила по себѣ только пыльный слѣдъ.

«Тутъ ли онъ живетъ?.. Для чего снята дощечка?» подумалъ Александръ Петровичъ: «Впрочемъ, вѣдь дворникъ сказалъ, что тутъ».

И онъ дернулъ за звонокъ.

Дверь скоро отворилась.

— Дома Андрей Васильичъ? спросилъ Крутояровъ.

— Дома-съ, отвѣчалъ лакей, затворяя за нимъ дверь.— Ка̀къ прикажете доложить объ васъ?

— Крутояровъ.

Лакей отправился; но черезъ минуту былъ ужь опять въ прихожей, куда явился слѣдомъ за нимъ и самъ хозяинъ.

— Ба! Крутояровъ!.. Здравствуй, мой другъ, здравствуй!.. Что́ это какъ долго тебя не было?.. Ждалъ я тебя, ждалъ... Здравствуй !

Александръ Петровичъ снялъ съ себя пальто́ ; хозяинъ и гость обнялись и поцаловались.

— Пойдемъ сюда, ко мнѣ въ кабинетъ! говорилъ Бѣлкинъ, ведя гостя черезъ довольно-большую залу, въ которой господствовалъ какой-то странный безпорядокъ; бо́льшая часть стульевъ была сдвинута въ нѣсколько кучекъ, снятыя со стѣнъ зеркала̀ стояли на полу.

— Что́ это у тебя такое? спросилъ Крутояровъ, съ удивленiемъ оглядывая залу.

— Ты еще не знаешь?.. Вѣдь я ѣду изъ Петербурга.

— Куда?

— Иди сюда — я тебѣ все разскажу.

Они вошли въ кабинетъ, въ которомъ тоже все обличало,

что хозяинъ останется въ немъ недолго. Кабинетъ былъ почти пустъ и совершенно-лишенъ комфорта.

Андрей Васильевичъ Бѣлкинъ, по наружности, составлялъ совершенную противоположность Крутоярову. Бѣлокурый, довольно-полный, неочень-высокаго роста, съ веселымъ и открытымъ лицомъ, съ быстрыми и ловкими движеніями, онъ казался годами десятью моложе своего товарища, тогда-какъ они были почти ровесники.

— Садись вотъ сюда, здѣсь будетъ поудобнѣе, сказалъ онъ, указывая гостю на диванъ. — Куришь ты?

— Нѣтъ, отвѣчалъ, садясь, Крутояровъ: — бросилъ.

— Дà, я ѣду, завтра ѣду, продолжалъ Бѣлкинъ: — но объ этомъ послѣ. Сначала разскажи-ка мнѣ ты, что̀ это съ тобой сдѣлалось такое? Отчего ты такъ долго не являлся сюда? И хоть бы на одно письмо отвѣтилъ... Три — нѣтъ, четыре, четыре письма къ тебѣ послалъ — и все̇ тебя нѣтъ, какъ нѣтъ...

Бѣлкинъ принялся закуривать сигару.

— Четыре письма? сказалъ Крутояровъ. — Да я и получить ихъ не могъ. Слѣдомъ за первымъ твоимъ письмомъ я вы... я отправился въ дорогу.

— Да̀ гдѣ жь ты до-сихъ-поръ пропадалъ? спросилъ Андрей Васильевичъ, садясь рядомъ съ Крутояровымъ. — Вѣдь этому, кажется, ужь два мѣсяца, если не больше. Пеняй теперь на себя!

При этихъ словахъ Александръ Петровичъ тревожно пошевелился на стулѣ; онъ какъ-будто и поблѣднѣлъ немного, впрочемъ, отвѣчалъ очень-твердымъ голосомъ:

— Я въ дорогѣ заболѣлъ, и никакъ не могъ продолжать пути.

— Ну, что̀ бъ тебѣ хоть недѣлей раньше пріѣхать? Все бы мы что-нибудь придумали. А теперь, признаюсь, я рѣшительно не знаю, ка̀къ бы тебѣ получше устроиться здѣсь. Ужь я уговаривалъ-уговаривалъ графа подождать—такъ нѣтъ; къ-тому жь и я-то думалъ, не получая отвѣта на мои письма, что ты перемѣнилъ свое намѣреніе. Впрочемъ, все бы это не бѣда, еслибъ ты хоть немного-пораньше явился сюда; а то я завтра долженъ непремѣнно ѣхать... Что̀ же можно успѣть сдѣлать до завтра?

— Вѣрно, не судьба, проговорилъ Крутояровъ.

— Можешь ли ты, по-крайней-мѣрѣ, прожить здѣсь хоть нѣсколько времени безъ мѣста?

— Да̀, хоть это и будетъ мнѣ несовсѣмъ-легко.

— Я поговорю сегодня съ однимъ моимъ знакомымъ, который можетъ кое-что сдѣлать для тебя; я дамъ тебѣ и письмо къ нему. Ахъ, Боже мой! какая, право, досада, что тебѣ пришлось хворать въ дорогѣ!

— Ну, Богъ съ ней, съ моей судьбой! сказалъ Крутояровъ (въ голосѣ его не слышалось ни досады, ни нетерпѣнія). — Скажи-ка лучше, ка́къ ты поживаешь?

— Да что́?.. Я, какъ видишь, живу хорошо. Теперь ѣду въ Казань: получилъ тамъ мѣсто. Женился, какъ знаешь... Теперь ужь не вашъ-братъ холостякъ.

Крутояровъ ничего не сказалъ въ опровержeніе послѣдней фразы.

— Помнишь, продолжалъ Бѣлкинъ : — я и тогда еще былъ влюбленъ — стихи даже писалъ ; впрочемъ, я влюбленъ въ жену мою и теперь, только стиховъ ужь не пишу.

Александръ Петровичъ говорилъ очень-мало. Посидѣвъ съ Бѣлкинымъ около получаса, онъ всталъ и сказалъ:

— Прощай, однакожь, Андрей Васильичъ; мнѣ пора.

— Полно, куда ты? проговорилъ хозяинъ, вставая съ мѣста и взявъ гостя за руку.

— Мнѣ еще нужно сдѣлать два-три визита, отвѣчалъ Крутояровъ.

— Подожди немного, еще рано, успѣешь. Вотъ сейчасъ воротится жена: она поѣхала недалеко, въ магазинъ... я познакомлю тебя съ ней. Впрочемъ, ты, вѣдь, конечно, обѣдаешь сегодня у насъ?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ.

— Это отчего?

Въ прихожей раздался звонокъ.

— А, вотъ и жена! сказалъ Бѣлкинъ. — Да отчего же ты не хочешь съ нами обѣдать?

— Нѣтъ, пожалуйста, извини меня на этотъ разъ... я такъ усталъ съ дороги, что мнѣ непремѣнно нужно отдохнуть; къ-тому жъ я чувствую себя что-то несовсѣмъ-хорошо.

— Нельзя же намъ, однако, не видѣться больше до моего отъѣзда!.. Мы сегодня и вечеромъ дома... Приходи-ка поболтать! Къ вечеру успѣешь отдохнуть.

Въ залѣ послышались легкіе шаги и шорохъ платья.

— Жюли! кликнулъ Андрей Васильевичъ: — войди, ma chère, сюда.

Вслѣдъ за этимъ зовомъ въ кабинетъ вошла молоденькая, хорошенькая женщина, развязывая ленты своей бархатной шляпки.

— Рекомендую, Александръ Петровичъ — моя жена, Юлія Николавна! сказалъ Бѣлкинъ гостю. — Крутояровъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Я, вѣрно, знаю васъ больше, чѣмъ вы меня, сказала Юлія Николаевна, обращаясь съ граціознымъ поклономъ къ Крутоярову: — мужъ такъ много говорилъ мнѣ объ васъ. Мы васъ давно ждали.

Крутояровъ поклонился, но, при всемъ желаніи сказать женѣ своего пріятеля хоть что-нибудь въ отвѣтъ на ея привѣтствіе, не придумалъ ничего.

— Вы давно здѣсь? спросила Юлія Николаевна, видя его затруднительное молчаніе.

— Только со вчерашняго вечера, отвѣчалъ Крутояровъ.

Юлія Николаевна сняла съ себя шляпку, и въ то время, какъ шляпка была у ней въ рукахъ, большая черная коса ея развязалась.

— Ай! проговорила она, улыбаясь: — André, возьми у меня шляпку.

Она подошла къ зеркалу и тотчасъ укрѣпила косу у себя на затылкѣ. Крутояровъ невольно любовался ею: ка̀къ ловко и мило, но, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, ка̀къ неразсчитанно, ка̀къ просто было ея каждое движеніе! какимъ благородствомъ, какою граціей дышала вся ея фигура!.. Юлія Николаевна была, вообще, не столько хороша, сколько граціозна: что̀ за стройность и гибкость стана! что̀ за прелестная ножка! что̀ за бюстъ! Она была одѣта съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ, изящно-просто.

— Жюли, сказалъ Бѣлкинъ: — Крутояровъ обѣщалъ мнѣ провести нынѣшній вечеръ съ нами.

— А отчего же не обѣдать? спросила Жюли.

— Ему надо немного отдохнуть съ дороги.

— Какъ, право, жаль, что мы ѣдемъ завтра, сказала Юлія Николаевна: — мы все думали, что вы будете здѣсь раньше.

— Я и самъ думалъ это; но — что̀ дѣлать!

Простившись съ Бѣлкиными, Крутояровъ отправился прямо домой, то-есть въ гостинницу, гдѣ остановился, вовсе не думая посѣщать кого-нибудь еще, хоть и говорилъ своему пріятелю о какихъ-то двухъ–трехъ визитахъ. Должно признаться, что, кромѣ Бѣлкина, ему было рѣшительно не къ кому идти въ Петербургѣ: всѣхъ знакомыхъ своихъ онъ давно потерялъ изъ вида ; да и никогда не было у него много знакомыхъ.

Возвращаясь къ Чернышеву Мосту, подъ кровъ нехитрой гостинницы, пріютившей его, онъ шелъ гораздо-медленнѣе, нежели давеча на Литейную , хотя пронзительный и холодный вѣтеръ, отъ котораго плохо защищало его пальто, и долженъ бы, казалось, придать больше поспѣшности его шагамъ. Ка́къ ни медленны, впрочемъ, были они, онъ, какъ и за часъ назадъ, не обращалъ ни на что́ вниманія и почти ни разу не поднялъ глазъ отъ троттуара. Его сильно разстроила неудача, которую пришлось ему встрѣтить въ первый же день по пріѣздѣ въ столицу. Правда, никогда надежды не ласкали его особенно-нѣжно , и мало довѣрялъ онъ имъ ; довольно-равнодушно встрѣчались имъ прежде и неудачи. Но теперь, его неудачи касаются уже не одного его , также , какъ и надежды его принадлежатъ не одному ему. Крутояровъ въ то же время очень сожалѣлъ и о скоромъ отъѣздѣ Бѣлкина изъ Петербурга. Бѣлкинъ былъ изъ числа всѣхъ прежнихъ и настоящихъ знакомыхъ Александра Петровича, единственный человѣкъ, къ которому онъ чувствовалъ сильную симпатію; и симпатія была взаимная, ка́къ, повидимому, ни были старые товарищи различны и по характеру, и по воспитанію. Андрей Васильевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ простыхъ, добрыхъ и открытыхъ людей, которыхъ нельзя не любить, узнавъ близко.

Когда Крутояровъ всходилъ по лѣстницѣ гостинницы, сердце его сжималось при мысли , что надо сообщить и женѣ узнанное имъ непріятное извѣстіе.

Марья Ивановна почти во все время отсутствія мужа сидѣла у окна и глядѣла на движеніе по улицѣ , которое было для нея совершенно-ново. Она даже не замѣтила, какъ прошли цѣлые два часа послѣ ухода мужа. Впрочемъ, по-крайней-мѣрѣ полчаса изъ этого времени занялъ разговоръ ея съ продавцомъ разныхъ жидкостей и порошковъ для истреб-

ленія вредныхъ насѣкомыхъ, который заглянулъ въ занятый Крутояровымъ нумеръ и, послѣ длиннаго изложенія всѣхъ благодѣтельныхъ дѣйствій своихъ снадобій, успѣлъ продать Марьѣ Ивановнѣ (разумѣется, въ три-дорога) банку съ какимъ-то мудренымъ порошкомъ. Только-что торгашъ удалился, Марья Ивановна возвратилась къ окну — созерцать уличное движеніе. Ничто не ускользало отъ ея вниманія: ни одна сцена, ни одинъ экипажъ, ни одинъ прохожій; но особенно занимали ее проходившія и проѣзжавшія мимо петербургскія дамы. Марья Ивановна осматривала каждую съ ногъ до головы и, конечно, не оставалось незамѣченнымъ ею ничто въ ихъ туалетѣ. Не одна шляпка привела нашу провинціалку въ совершенный восторгъ; не одинъ богатый салопъ возбудилъ въ ней зависть.

Но вотъ мужъ воротился. Марья Ивановна оставила окно и быстро пошла на встрѣчу Александру Петровичу.

— Что, соскучилась? спросилъ Крутояровъ, протягивая ей руку и наклоняясь, чтобъ поцаловать ее.

— Нѣтъ, отвѣчала Марья Ивановна.

Она поцаловала мужа, и тотчасъ же, въ свою очередь, спросила:

— Ну, чтó? кàкъ?

— Ничего, отвѣчалъ Крутояровъ довольно-спокойнымъ тономъ.— На дняхъ все уладится. Пока не успѣлъ еще и разспросить, кàкъ слѣдуетъ.

— Ну, и слава-Богу! весело замѣтила Марья Ивановна.

Также, какъ не былъ онъ искрененъ съ Бѣлкинымъ, не сказавъ ему о своей женитьбѣ, немного искренности показалъ Крутояровъ и въ-отношеніи къ женѣ, скрывая отъ нея свою неудачу. Впрочемъ, по моему мнѣнію, не будучи правъ въ первомъ случаѣ, онъ дѣйствовалъ очень-благоразумно въ послѣднемъ: жаль было бы огорчить хорошенькую Марью Ивановну на первыхъ порахъ пріѣзда ея въ Петербургъ, который давно представлялся ея мечтамъ чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго Эльдорадо.

— А я все въ окошко смотрѣла, продолжала Марья Ивановна.—Ахъ, Саша, какія двѣ шляпки я видѣла на улицѣ!.. Непремѣнно куплю себѣ такую.—Ты теперь, конечно, никуда больше не пойдешь?

— Никуда, отвѣчалъ, раздѣваясь, Крутояровъ. — Скоро, я думаю, можно и пообѣдать. Да что̀ это, Маша, прибавилъ онъ, глядя на нее: — ты, кажется, и головы сегодня не чесала?

Въ-самомъ-дѣлѣ, волосы лежали на головѣ Марьи Ивановны въ большомъ безпорядкѣ; видно было, что гребень чуть коснулся до нихъ въ это утро.

— А кто меня видитъ? наивно воскликнула Марья Ивановна.—Завтра ужь причешусь.

— Да̀; намъ же нужно будетъ завтра пойдти вмѣстѣ, сказалъ Крутояровъ: — поискать квартиры; здѣсь нельзя долго оставаться: и неудобно, и дорого ужасно.

Съ этимъ Марья Ивановна вполнѣ согласилась, потому-что петербургскія цѣны: рубль въ день за одну комнату, рубль за обѣдъ, казались ей баснословно-высокими.

Послѣ дороги она чувствовала такое сильное утомленіе, что, пообѣдавъ довольно-рано и прилегши отдохнуть, проспала часовъ до семи вечера.

— Тебѣ будетъ скучно сидѣть одной, Маша? спросилъ ее Крутояровъ: — но я долженъ идти: я далъ слово Бѣлкину побывать у него сегодня вечеромъ.

— Ничего, иди, отвѣчала Марья Ивановна.

— Я пробуду тамъ недолго, не больше часа.

— Ну, до свиданья.

Крутояровъ отправился.

У Бѣлкиныхъ засталъ онъ еще одного изъ прежнихъ товарищей своихъ, съ которымъ, впрочёмъ, никогда не былъ знакомъ. Крутоярову и не узнать бы его, еслибъ Андрей Васильевичъ не назвалъ его по имени.

— Васъ трудно узнать, Аверьяновъ, сказалъ Крутояровъ:— вы очень перемѣнились. Помнится, я зналъ васъ такимъ полнымъ, здоровымъ...

— Онъ побольше нашего сидѣлъ надъ книгами, прервалъ хозяинъ:—какъ было не похудѣть?.. Да и теперь, вотъ, носу никуда не кажетъ, все корпитъ надъ своими

«Греки и Латины,
«Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.»

Вы, Крутояровъ, непремѣнно должны съ нимъ сойдтись—и сойдетесь, я увѣренъ... Замѣните ему меня; иначе, я буду вѣчно безпокоиться о его милой для меня участи.

— Это правда, сказалъ Аверьяновъ, очень-бѣлокурый, подслѣповатый и худощавый юноша, съ медленною рѣчью и медленными, какъ-будто лѣнивыми движеніями: — это правда, съ твоимъ отъѣздомъ, Бѣлкинъ, я останусь здѣсь рѣшительно круглымъ сиротой.

— Полноте, пощадите мою чувствительность! весело проговорила Юлія Николаевна: — вы принимаете какой-то страшный, могильный тонъ, какъ-будто и въ-самомъ-дѣлѣ вамъ жаль насъ.

Аверьяновъ вспыхнулъ.

— Не-ужь-то вы сомнѣваетесь въ моей искренности, Юлія Николавна? сказалъ онъ быстро и тревожно.

— Вѣрю, вполнѣ вѣрю вамъ, отвѣчала Юлія Николаевна, протягивая ему свою маленькую руку, которую онъ тихо поднесъ къ губамъ и поцаловалъ. — Простите меня; мнѣ хотѣлось расшевелить васъ немножко.

— Итакъ, я поручаю вамъ, Крутояровъ, опеку надъ нашимъ сиротой. Соглашаетесь принять ее?

— Если только господинъ Аверьяновъ... началъ Крутояровъ.

— Онъ не смѣетъ ослушаться меня... сказалъ Бѣлкинъ.

— А особенно меня, вмѣшалась Юлія Николаевна: — потому-что и я желаю ввѣрить его вамъ, Александръ Петровичъ.

— Я весь въ вашей власти, сказалъ Аверьяновъ, улыбаясь и подавая руку Крутоярову: — надѣюсь, что мы будемъ друзьями. Общій другъ нашъ, Андрей Васильичъ, служитъ намъ въ этомъ ручательствомъ.

Странное дѣло! Крутояровъ, при всей своей искренней и сильной привязанности къ Бѣлкину, чувствовалъ себя какъ-то странно-связаннымъ, неловкимъ въ его домѣ. Какъ ни старались, и хозяинъ и хозяйка, вовлечь его въ разговоръ, онъ отдѣлывался только короткими фразами. Присутствіе ли женщины (къ женскому обществу онъ вовсе не привыкъ, и ему всегда было какъ-то неловко въ немъ), перемѣна ли въ обстановкѣ жизни его пріятеля, бросившая какой-то новый свѣтъ и на него-самогò, печальная ли мысль о несбывшейся надеждѣ на полученіе мѣста—Богъ-знаетъ, чтò было тому причиной, только Крутояровъ чувствовалъ и самъ, что онъ долженъ казаться страннымъ, нелѣпо-дикимъ и чуть-ли даже не глупымъ. Поэтому онъ разсудилъ поскорѣе проститься съ Бѣл-

киными и идти домой. Въ извиненіе своего ранняго ухода онъ повторилъ, что чувствуетъ чрезвычайную усталость и нездоровье.

— Это и видно, замѣтилъ Бѣлкинъ:—ты сегодня такъ нахмуренъ и молчаливъ.

Онъ взялъ Крутоярова подъ-руку и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, подавая ему запечатанный конвертъ: —я написалъ письмо, о которомъ говорилъ тебѣ сегодня поутру. Этотъ человѣкъ можетъ тебѣ всегда пригодиться.

Крутояровъ поблагодарилъ, положилъ письмо въ карманъ и хотѣлъ-было идти, но Бѣлкинъ остановилъ его.

— Послушай, сказалъ онъ:—будь откровененъ. Ты, вѣрно, нуждаешься теперь въ деньгахъ. Если нуждаешься, то я могу услужить тебѣ небольшой суммой...

Крутояровъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе; Бѣлкинъ взялъ его за руку.

— Я говорю тебѣ это, какъ старый товарищъ, Крутояровъ, продолжалъ Андрей Васильевичъ: —мы дѣлились съ тобой и прежде, когда у обоихъ насъ было очень-немного; отчего же откажешься ты взять у меня денегъ теперь, когда это нисколько меня не стѣснитъ. Я увѣренъ, что тебѣ нужны деньги.

— Благодарю тебя, крѣпко благодарю, сказалъ Крутояровъ, пожимая руку товарища.—Дá, точно, передъ тобой мнѣ нѣчего скрываться: деньги мнѣ нужны.

— Я могу дать тебѣ пятьсотъ рублей серебромъ.

— Этого слишкомъ-много; довольно и половины.

— Полно, возьми все. Чтó за охота опять, до полученія мѣста, колотиться постарому, если этого можно избѣжать.

— Давай все, если такъ, сказалъ Крутояровъ.—Ну, а вдругъ мнѣ будетъ нѣчѣмъ расплатиться съ тобой?.. Или...

— Перестань, перебилъ его Андрей Васильевичъ: —не хорошо обижать старыхъ друзей.

— Я еще, вѣрно, увижусь съ тобой завтра, сказалъ Крутояровъ.

— Врядъ-ли, отвѣчалъ Бѣлкинъ: — мы ѣдемъ чуть-свѣтъ, часу въ седьмомъ.

— Въ такомъ случаѣ, надо проститься съ тобой сегодня...

Они крѣпко обнялись и поцаловались.

— На долго ли? спросилъ Крутояровъ.

— Богъ-знаетъ... Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы воротиться поскорѣе.

Было ужь часовъ около одиннадцати, когда Крутояровъ вышелъ отъ Бѣлкиныхъ. Чтобъ поскорѣе быть дома («жена, вѣроятно, скучаетъ», думалъ онъ), Александръ Петровичъ взялъ извощика и всю дорогу торопилъ его.

Марья Ивановна не скучала: она давно спала.

II.

Крутояровы проснулись рано. Грязныя стѣны ихъ спальни смотрѣли далеко не такъ угрюмо, какъ наканунѣ. Яркое солнце, свободно входя въ комнату сквозь окна, незакрытыя шторами, весело озаряло всю ее. Солнечный свѣтъ въ Петербургѣ какъ-то особенно милъ душѣ, можетъ-быть, потому, что рѣдко показывается въ полной силѣ. Александръ Петровичъ всталъ съ постели бодръ и веселъ; вчерашней неудачи словно не бывало. Марья Ивановна, конечно, успѣла ужь совершенно отдохнуть и была въ такомъ же веселомъ расположеніи духа, какъ и мужъ.

— Такъ мы пойдемъ сегодня вмѣстѣ? спросила она.

— Дà, дà; надо же тебѣ Петербургъ показать. Одѣвайся!

Марья Ивановна причесалась очень-старательно, гладко, одѣлась въ лучшее изъ своихъ платьевъ и, повидимому, очень любовалась и собой, и своимъ уборомъ въ большомъ зеркалѣ, когда Александръ Петровичъ, въ свою очередь одѣвшись, вошелъ въ комнату. Взглянувъ на жену, онъ остался недоволенъ и прической, и платьемъ ея. Невольно пришла ему на мысль граціозная жена Бѣлкина, и Маша показалась ему какъ-будто гораздо-худшею, нежели какою находилъ онъ ее до-сихъ-поръ.

— Богъ знаетъ, кàкъ это у тебя платье сшито! сказалъ онъ, подходя къ женѣ: — тебѣ надо будетъ перешить его.

— А чѣмъ же оно нехорошо? спросила Марья Ивановна: — я его шила по модной выкройкѣ; маменькѣ изъ города выкройку прислали.

— Нынче ужь не носятъ такихъ, замѣтилъ Крутояровъ. — Впрочемъ, прибавилъ онъ: — ты сама увидишь, какія носятъ теперь, и перешьешь. Пойдемъ, пора.

Тутъ случилась, однакожь, непредвидѣнная задержка. Накинувъ на себя неновый, но порядочный салопъ, Маша покрыла голову шелковымъ платкомъ: оказалось, что у нея нѣтъ шляпки.

— Нѣтъ; если такъ, ужь ты останься покамѣстъ дома, сказалъ Александръ Петровичъ: — тáкъ нельзя же тебѣ идти. Погоди, я съѣзжу и куплю тебѣ шляпку; а то, словно ты горничная, -да и горничныя-то здѣсь въ шляпкахъ ходятъ.

Марьѣ Ивановнѣ сильно хотѣлось выбрать себѣ шляпку самóй, но она поневолѣ должна была поручить это мужу: впрочемъ, она просила его купить шляпку непремѣнно голубую и съ цвѣтами.

Крутояровъ снялъ мѣрку съ головы жены и пошелъ. Въ первый разъ случилось ему странствовать по моднымъ магазинамъ; онъ не зналъ ни цѣнъ, ни фасона современныхъ шляпокъ, и потому не удивительно, что, побывавъ по-крайней-мѣрѣ въ десяти магазинахъ, все-таки передалъ за шляпку рублей пять лишнихъ.

Какъ ни хороша была шляпка, Марья Ивановна нашла въ ней два важные недостатка: первый, что она сúняя, а не голубая, второй, что на ней нѣтъ цвѣтовъ; впрочемъ, какъ только Марья Ивановна надѣла ее, завязала ленты и взглянула на себя въ зеркало, недовольство ея мигомъ прошло; она принялась восхищаться своей обновой и благодарить мужа.

— Только, вотъ, хоть одинъ бы цвѣточекъ сюда, замѣтила-таки она: — и еще бы лучше была шляпка.

— Вѣдь я же говорилъ тебѣ, Маша, отвѣчалъ Крутояровъ: — мнѣ въ магазинѣ сказали, что цвѣтовъ нынче почти не носятъ.

— Ну, ну, хорошо и такъ. Пойдемъ теперь.

— Пойдемъ.

Александру Петровичу было не непріятно вести жену по петербургскимъ улицамъ: она была очень-хороша въ новой шляпкѣ.

— Вотъ это Невскій-Проспектъ, лучшая улица въ Петербургѣ, сказалъ Крутояровъ женѣ, когда они дошли по набережной Фонтанки до коней Аничкина Моста. — Мы пройдемся тутъ послѣ; поищемъ сначала квартиры.

— Вотъ здѣсь-то бы и нанять, сказала Марья Ивановна.

— Какъ можно! отвѣчалъ Александръ Петровичъ: — здѣсь квартиры дорогія, не по нашему карману.

— Такъ гдѣ же мы будемъ искать?

— А вотъ пойдемъ. Ужь я знаю, гдѣ.

Крутояровы перешли за Аничкинъ-Мостъ. Александру Петровичу хотѣлось найдти себѣ квартиру въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ когда-то въ первое пребываніе свое въ Петербургѣ, именно близь Владимірской, и потому онъ повелъ жену туда. Почти у каждыхъ воротъ, на которыхъ была приклеена бумажка, извѣщавшая объ отдачѣ въ наемъ квартиръ, Крутояровъ останавливался и вызывалъ звонкомъ дворника; но ему пришлось позвонить по-крайней-мѣрѣ у десяти воротъ, прежде чѣмъ была найдена квартира и удобная, и по деньгамъ. Эта квартира была во глубинѣ большаго двора, въ одной половинѣ маленькаго деревяннаго флигеля, другую часть котораго ужь занимали жильцы. Двухъ неочень-большихъ комнатъ и еще меньшихъ прихожей и спальни оказалось достаточно для помѣщенія Крутояровыхъ; ктомужь квартира была довольно-чиста и не требовала никакихъ поправокъ; надо было только омеблировать ее. Марья Ивановна, считавшая чуть не идеаломъ комфорта и изящества красногрязевскій станціонный домъ, нашла квартиру превосходною: ей понравились не только дешевыя бумажки, которыми были оклеены стѣны, но даже и видъ изъ окна на большой чистый дворъ. Крутояровъ вручилъ дворнику задатокъ и обѣщалъ переѣхать завтра же.

— Теперь надо похлопотать о мёбели, сказалъ онъ женѣ, выходя изъ воротъ.—Пойдемъ къ Гостиному Двору.

Вечеромъ этого дня, сводя счетъ сдѣланнымъ въ Петербургѣ расходамъ, Александръ Петровичъ не безъ нѣкоторой тревоги увидѣлъ, что истратилъ ужь чуть не половину всѣхъ своихъ денегъ, какъ привезенныхъ изъ Красныхъ-Грязей, такъ и взятыхъ наканунѣ у Бѣлкина. Онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что у него есть ужь и мёбель, и все необходимое для домашняго хозяйства, и что большихъ расходовъ предстоять ему теперь не можетъ.

На слѣдующее утро около полудня нумеръ пятнадцатый гостинницы «Европы» опустѣлъ.

Марья Ивановна хлопотала на новой квартирѣ, какъ говорится, до упаду и выказала замѣчательныя способности для хозяйственной части. Съ помощью нанятой наканунѣ кухарки, молодой, ловкой и бойкой, хотя и весьма-картавой Чухонки,

она уставляла мёбель, раскладывала по шкапамъ и комодамъ платье и другія вещи, пріѣхавшія въ узлахъ и ящикахъ изъ Красныхъ-Грязей, и даже на кухнѣ сама приводила все въ должный порядокъ. Крутояровъ безпрестанно предлагалъ ей свои услуги, но она только тогда просила его помочь ей, когда нужно было передвинуть, или перенести съ одного мѣста на другое что-нибудь слишкомъ-тяжолое, не подъ-силу женскимъ рукамъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Александръ Петровичъ былъ отстраняемъ такими словами: «Ужь оставь ты, пожалуйста! не твое дѣло».

И какой порядокъ былъ водворенъ къ вечеру въ маленькой квартиркѣ! ка̀къ весело билось сердце Александра Петровича, когда на̂ столъ былъ поданъ новый самоваръ, и раскраснѣвшаяся Марья Ивановна, поцаловавъ мужа, сказала ему:

— Ну, Саша, съ чаемъ ужь ты самъ хозяйничай. Я не могу: устала. Угости и меня!

Александръ Петровичъ забылъ всѣ невзгоды, которыя терпѣлъ до-сихъ-поръ, забылъ, что и теперь нѣтъ у него никакого обезпеченія для будущаго спокойствія; онъ чувствовалъ только (въ первый разъ въ жизни), что у него есть пріютный теплый уголъ, что онъ ужь не прежній скиталецъ, бездомный и безсемейный.

Взглянемъ теперь на петербургское житье Крутояровыхъ въ одно изъ ближайшихъ утръ послѣ переѣзда ихъ на новую квартиру.

Солнце глядитъ къ нимъ во всѣ окна. Въ первой комнатѣ поставленъ письменный столъ Александра Петровича, за который, впрочемъ, онъ еще ни разу не садился; около стѣнъ нѣсколько простенькихъ стульевъ, и на одномъ изъ оконъ есть ужь занавѣска, которую успѣла сшить Марья Ивановна. Вотъ и теперь сидитъ она въ комнатѣ рядомъ и занимается шитьемъ занавѣски къ другому окну. Это нужно сдѣлать поскорѣе, потому-что со двора всякому видно, что̀ дѣлается въ домѣ. Комната, гдѣ сидитъ Марья Ивановна, и которую можно, пожалуй, назвать гостиной, убрана просто, но довольно-прилично: есть тутъ и мягкій диванъ, и два мягкія кресла, и еще нѣсколько удобныхъ стульевъ, и два столика, и зеркало на стѣнѣ. Жаль, нѣтъ на окнахъ цвѣтовъ; но и цвѣты, конечно, скоро явятся; ужь Александръ Петровичъ позаботится объ этомъ: онъ не разъ говорилъ, что надо

пріобрѣсть горшка два-три съ какою-нибудь зеленью. Уютнѣе всѣхъ комнатъ спальня, гдѣ все давно ужь убрано съ величайшею тщательностью акуратными руками молодой Чухонки, которая, засучивъ рукава на полныхъ и бѣлыхъ рукахъ, моетъ теперь посуду въ кухнѣ. Акуратное сердце чистоплотной дѣвицы не нарадуется, что вся кухонная посуда совершенно-новая, какъ жаръ горитъ, и что кухня такая чистая и просторная: есть гдѣ и нестыдно принять тётеньку, что̀ недавно перебралась въ Питеръ изъ Выборга.

Но вотъ Марья Ивановна встала изъ-за работы, вышла въ другую комнату и посмотрѣла на небольшіе стѣнные часы, очень-дешево купленные на дняхъ Александромъ Петровичемъ. Скоро часъ. Александръ Петровичъ долженъ воротиться въ началѣ втораго. Надо будетъ напоить его кофеемъ.

Марья Ивановна идетъ въ кухню.

— Что̀, Анна, спрашиваетъ она: — ты еще не развела огня подъ плитой?

— Да̀, мадамъ, отвѣчаетъ, картавя, Чухонка.

Марья Ивановна находитъ очень-смѣшнымъ, что Анна называетъ ее «мадамъ», и, улыбнувшись, говоритъ:

— Такъ поставь на нее кофейникъ.

— Сейчасъ, мадамъ.

Черезъ четверть часа кофе готовъ. Анна мигомъ слетала въ булочную и въ сливочную... А вотъ и Александръ Петровичъ: Марья Ивановна видитъ его въ окно съ дивана, на который сѣла разливать кофе. Александръ Петровичъ быстро шагаетъ по двору, еще быстрѣе взбѣгаетъ по деревяннымъ ступенькамъ крыльца и весело входитъ въ комнату. Жена встрѣтила его у самыхъ дверей. Онъ, смѣясь, здоровается съ ней и, торопливо сбросивъ пальто на руки какъ-разъ кстати явившейся Анны, идетъ съ женой пить кофе.

— Ай, усталъ! говоритъ онъ, бросаясь на диванъ и кладя руку на плечо жены.

— Отчего же ты усталъ? спрашиваетъ жена: — вѣдь это, кажется, недалеко отсюда.

— Я не засталъ его до̀ма...

Крутояровъ ходилъ къ тому нужному для него человѣку, о которомъ говорилъ ему Бѣлкинъ, и его-то не засталъ онъ до̀ма.

— Не засталъ его—и пошелъ бродить.

— Гдѣ жь ты бродилъ?

— Прошелъ по Невскому. Эй, Анна!

Анна явилась.

— Достань-ка тамъ въ карманѣ пальто сверточекъ.

— Что̀ ты принесъ такое?

— А вотъ увидишь.

Анна принесла свертокъ; Крутояровъ развязалъ его и подалъ Марьѣ Ивановнѣ двѣ пары ботинокъ.

— Впору ли будутъ? спросилъ онъ.

— Вѣрно впору.

— Я съ тѣмъ и взялъ, что если не будутъ впору, то ихъ обмѣнять на другія.

— А вотъ я примѣрю сейчасъ.

— Нѣтъ, Маша, налей мнѣ прежде кофе: я ужасно ѣсть хочу. А еще прежде поцалуй меня!

— Кофе потомъ покажется, пожалуй, несладкимъ.

— Скажите пожалуйста, вскричалъ Крутояровъ:—какъ она цѣнитъ свои поцалуи!

— А! если такъ, вотъ тебѣ кофей, а цаловать не стану.

— Ну, полно же, Маша, поцалуй!

— Не хочу.

— Неправда.

— А правда! сказала Марья Ивановна, быстро повернувъ головку къ мужу и цалуя его.—Ну, чего тебѣ еще?

— Еще поцалуй!

— Ну, нѣтъ, довольно.

Марья Ивановна чувствовала себя совершенно-счастливой, и чувство это отразилось очень-полно и ясно въ письмѣ ея къ родителямъ, которое было отправлено уже съ новой квартиры. Прибывъ въ Красныя-Грязи, оно было тамъ прочитано, и станціонный смотритель и смотрительша прослезились и перекрестились, благодаря Господа Бога за дочернино счастье. Люба была тоже очень обрадована пріятнымъ извѣстіемъ о сестрѣ Машѣ, обрадована, навѣрное, неменьше Ивана Филиповича и Акулины Степановны, хотя и не прослезилась (вслѣдствіе чего получила эпитетъ «безчувственной»).

Вмѣстѣ съ Машей писалъ и Александръ Петровичъ. Будь письмо его послано въ Красныя-Грязи одно, безъ письма Марьи Ивановны, оно произвело бы тамъ такое же впечатлѣніе, какое произвели и оба письма; но въ письмѣ Алексан-

дра Петровича было мало искренности. Въ то время, какъ онъ сидѣлъ надъ листкомъ почтовой бумаги и писалъ о совершенномъ счастіи своемъ и спокойствіи, сердце его то-и-дѣло замирало, и ему безпрестанно приходило на мысль, что вѣдь у него все-таки нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ и вѣрныхъ средствъ къ жизни, и Богъ знаетъ, скоро ли еще они будутъ.

III.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Коломны, въ четвертомъ этажѣ большаго дома, въ комнаткѣ, нанимаемой у хозяйки-Нѣмки за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ со столомъ и прислугой, очень-давно, болѣе четырехъ лѣтъ, жилъ скромный и смирный молодой человѣкъ, котораго звали Николаемъ Ильичемъ; фамилія его была—Аверьяновъ. Добродѣтельная Нѣмка не могла достаточно нахвалиться своимъ жильцомъ, чтò и не удивительно: жилецъ велъ жизнь самую акуратную. Посвящая утро службѣ, онъ проводилъ остальную часть дня почти всегда дóма, за письменнымъ столомъ, или на узенькой кушеткѣ, съ книгой въ рукахъ.

Николай Ильичъ нанялъ квартиру у мадамъ Апфель незадолго до поступленія своего въ университетъ; прожилъ у нея все время своего университетскаго курса; поступилъ, наконецъ, на службу, и все-таки остается ея жильцомъ. Старая Нѣмка такъ привыкла къ своему постояльцу, что ей было бы до крайности горько разстаться съ нимъ: она успѣла изучить характеръ Аверьянова, его привычки, знала, чтò онъ любитъ и чтò ему не по нраву. Съ своей стороны, жилецъ былъ тоже вполнѣ доволенъ хозяйкой. Кромѣ его, у нея жильцовъ не было; когда онъ сидѣлъ дома за работой, ничто не нарушало тишины въ домѣ, и сама Христина Ивановна ходила на цыпочкахъ. Если у Аверьянова не случалось денегъ, чтобъ заплатить за квартиру впередъ, Нѣмка безъ всякаго прекословія, даже съ видимымъ удовольствіемъ, готова была ждать цѣлый мѣсяцъ. Она ясно видѣла, что жилецъ — человѣкъ акуратный; если же не платитъ, то единственно потому, что не случилось во-время денегъ, а ужь никакъ не потому, что и есть деньги, да ихъ онъ предпочитаетъ прокутить, или во-

обще употребить на что-нибудь другое, а не на уплату квартирной хозяйкѣ.

Аверьяновъ былъ человѣкъ очень-небогатый. У вдовы, матери его, былъ небольшой домикъ въ какомъ-то губернскомъ городѣ и на крошечные доходы съ него приходилось ей и самой жить, и давать сыну средства къ жизни и образованію. При тихомъ и спокойномъ характерѣ своемъ, Николай Ильичъ былъ вполнѣ доволенъ той скудной суммой, которую присылала ему ежегодно мать. Этой суммы не всегда доставало ему и на платье; но уроки, которые онъ постоянно давалъ, позволяли ему существовать безъ большаго горя. Оканчивая курсъ, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда, съ кандидатскимъ дипломомъ въ карманѣ, онъ отправится на свиданіе съ матерью, отблагодаритъ ее за всѣ заботы ея о немъ и будетъ покоить ея старость. Случилось иначе. Еще прежде окончанія экзаменовъ, по которымъ Аверьяновъ былъ признанъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, получилъ онъ печальное извѣстіе о внезапной и сильной болѣзни матери; а вскорѣ послѣ окончанія экзаменовъ узналъ онъ и о смерти ея.

Въ доброй старушкѣ Николай Ильичъ потерялъ единственное существо, искренно его любившее, всею душой къ нему привязанное. Только передъ выходомъ изъ университета сошелся онъ близко съ однимъ изъ товарищей своихъ, именно Андреемъ Бѣлкинымъ; во все продолженіе курса у него не было ни въ университетѣ, ни внѣ его короткихъ знакомыхъ и друзей. Зато дружба съ Бѣлкинымъ вполнѣ наградила Аверьянова за долгое и грустное одиночество, все посвященное любимымъ занятіямъ, которыя, впрочемъ, не истощали ни силъ его, ни здоровья, потому-что были спокойны, ровны и не переходили границъ, какъ это случается въ натурахъ нервныхъ, порывистыхъ и неумѣренныхъ во всемъ, и въ трудѣ, и въ наслажденіяхъ. Бѣлкинъ былъ какъ-разъ подстать Аверьянову, чтобъ сблизиться и подружиться съ нимъ. Это были характеры одного разряда, только въ Бѣлкинѣ было больше беззаботности относительно своей судьбы и несравненно-менѣе любви къ наукѣ.

Знакомство и сближеніе этихъ двухъ товарищей относится къ тому времени, когда Александра Петровича Крутоярова не было уже въ Петербургѣ. Аверьяновъ не могъ не знать

его, потому-что встрѣчался съ нимъ на лекціяхъ; но никогда не случалось завязываться между ними хоть какому-нибудь разговору. Только изъ разсказовъ Бѣлкина познакомился онъ съ Крутояровымъ: Бѣлкинъ говорилъ о немъ всегда чуть не съ восторгомъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени благородномъ и съ удивительными способностями. Онъ обвинялъ его только въ излишней дикости и отчужденіи отъ общества. Аверьяновъ, и не зная лично Крутоярова, совершенно согласился съ пріятелемъ въ этомъ обвиненіи, когда услышалъ, что Александръ Петровичъ никакъ не хотѣлъ уступить просьбамъ Бѣлкина—познакомиться съ семействомъ теперешней жены Андрея Васильевича. Для Аверьянова это обстоятельство казалось удивительнымъ, и онъ только отчасти оправдывалъ его тѣмъ, что Крутояровъ не зналъ еще Юліи Николаевны. Николай Ильичъ съ перваго визита своего (вмѣстѣ съ Бѣлкинымъ) въ домъ ея отца былъ очарованъ любезностью, добротой и простотой обхожденія Юліи Николаевны, наконецъ са̀мой любовью ея къ его товарищу. Послѣ свадьбы Бѣлкина, Аверьяновъ сдѣлался какъ-будто необходимымъ членомъ въ его семьѣ; ни у самого̀ Бѣлкина, ни у жены его не было никогда тайнъ отъ Николая Ильича: къ нему обращались они за совѣтами, съ нимъ дѣлили свои удовольствія, ему жаловались на какія-нибудь житейскія непріятности. Послѣднее случалось очень-рѣдко, потому-что судьба, какъ-бы въ благодарность за равнодушіе Андрея Васильевича ко всѣмъ ея нападкамъ на него, послала ему вмѣстѣ съ доброй женой тихое счастье, которое достается на долю очень и очень немногимъ.

Въ домѣ Бѣлкина Николай Ильичъ отдыхалъ послѣ своихъ служебныхъ и кабинетныхъ занятій; въ откровенной, прямодушной и веселой бесѣдѣ съ молодыми супругами онъ какъ-будто почерпалъ новыя силы для продолженія своихъ любимыхъ трудовъ и исполненія принятыхъ на себя обязанностей. Понятно, что отъѣздъ Бѣлкиныхъ изъ Петербурга былъ событіемъ въ высшей степени огорчительнымъ для искреннопреданнаго имъ друга.

Прошло двѣ слишкомъ недѣли съ того дня, когда, возвратясь отъ Московской Заставы, за которую проводилъ карету Бѣлкиныхъ, Николай Ильичъ въ первый разъ глубоко почувствовалъ всю скуку и тоску своего новаго одиночества. Оно

казалось ему теперь во сто разъ безотраднѣе того времени, когда онъ зналъ Бѣлкина только въ лицо и не слыхалъ еще о существованіи Юліи Николаевны. Въ эти двѣ недѣли Аверьяновъ мало находилъ удовольствія въ своихъ обычныхъ трудахъ; часто, написавъ не болѣе полустраницы, онъ съ досадой отодвигалъ отъ себя начатый листъ бумаги и принимался шагать изъ угла въ уголъ, нечувствуя въ себѣ способности продолжать работу; часто бросалъ онъ читаемую книгу, потому-что вдругъ на голову его находило какое-то затмѣніе и онъ плохо понималъ, что̀ читалъ. Со времени отсутствія Бѣлкиныхъ, Николаю Ильичу рѣшительно не доставало чего-то. Иногда ему думалось даже, ужь не влюбленъ ли онъ въ Юлію Николаевну... «Но что̀ же это за странная любовь?» спрашивалъ онъ самого себя: «Она принимается безпокоить меня только въ то время, какъ я не могу видѣть предмета любви?» Нѣтъ, это, въ-самомъ-дѣлѣ, не была любовь... Еслибъ Бѣлкинъ и не былъ женатъ, отъѣздъ его произвелъ бы точно такое впечатлѣніе на мягкое сердце Аверьянова. Не разъ намѣревался онъ отправиться къ Крутоярову, чтобъ исполнить желаніе своихъ отсутствующихъ друзей; но онъ не зналъ, гдѣ живетъ Крутояровъ. Это, конечно, не могло бы удержать Аверьянова (узнать квартиру не трудно); но онъ не могъ объяснить себѣ, почему сердце его какъ-то не лежало къ другу его пріятеля. Слишкомъ-суровая и молчаливая фигура Александра Петровича, сухое и нѣсколько-натянутое обращеніе его къ нему въ вечеръ, проведенный ими вмѣстѣ у Бѣлкина, приходя на память Аверьянову, вовсе не сообщали ему желанія идти разузнавать адресъ Крутоярова и дѣлать ему визитъ.

Онъ, можетъ-быть, и никогда не собрался бы посѣтить Александра Петровича, еслибъ въ письмѣ, полученномъ имъ отъ Бѣлкина, не было вопросовъ о Крутояровѣ. Андрей Васильевичъ спрашивалъ своего пріятеля, видится ли онъ съ Александромъ Петровичемъ, сошелся ли съ нимъ; потомъ просилъ извѣстить его въ-подробности, ка̀къ живетъ Крутояровъ, потому-что отъ него самого̀ не надѣялся получить вполнѣ вѣрныхъ свѣдѣній.

Вслѣдствіе этого письма, на другой же день послѣ полученія его, Аверьяновъ узналъ о мѣстѣ жительства Александра Петровича и подъ вечеръ отправился къ нему.

У самыхъ воротъ дома, въ которомъ жилъ Крутояровъ, Аверьяновъ съ нимъ встрѣтился.

— Здравствуйте, Крутояровъ! сказалъ онъ, увидѣвъ его.

Крутояровъ поднялъ глаза отъ троттуара.

— А! вскричалъ онъ: — здравствуйте!

Они подали другъ-другу руку.

— А я къ вамъ шелъ, сказалъ Аверьяновъ.

— И я къ вамъ.

— Вы, вѣрно, получили письмо отъ Андрея Васильича?

— Дà. И вы тоже?

— Дà.

— И у обоихъ онъ спрашиваетъ, видимся ли мы другъ съ другомъ?

— Дà.

— Пойдемте, сказалъ Крутояровъ: — ко мнѣ ближе идти, чѣмъ къ вамъ. Вотъ въ эти ворота. Прямо, прямо.

Марья Ивановна вовсе не ожидала столь скораго возвращенія мужа, и была очень-удивлена, что онъ возвратился не одинъ. Она сама вышла въ прихожую, когда у двери раздался звонокъ.

— Чтó такъ скоро? спросила она, встрѣчая мужа; но тотчасъ же, увидя за нимъ совершенно-незнакомое ей лицо, поставила свѣчу и быстро удалилась.

— Это жена моя, сказалъ Крутояровъ своему гостю.

— Вы женаты? спросилъ съ изумленіемъ гость.

— Дà.

— И давно?

— Больше мѣсяца. — Милости прошу!

— Отчего же это, продолжалъ Аверьяновъ, слѣдуя за хозяиномъ въ гостиную: — отчего же Бѣлкинъ говорилъ, что вы холостой? Развѣ онъ не зналъ, что вы женаты?

— Нѣтъ, бѣгло отвѣчалъ Александръ Петровичъ: — я не писалъ ему объ этомъ, а при свиданіи забылъ сказать.

— Забыли? спросилъ Аверьяновъ, еще болѣе изумясь и пристально глядя въ лицо Крутоярова.

Этотъ вопросъ былъ очень-непріятенъ Крутоярову, и онъ холодно и отрывисто отвѣчалъ:

— Дà, забылъ. — Садитесь пожалуйста, прибавилъ онъ потомъ. — Бѣлкинъ конечно пишетъ и вамъ, какъ хорошо онъ

устроился на новомъ мѣстѣ. Я очень этому радъ; но все-таки жалѣю, что его нѣтъ здѣсь.

— Дà, сказалъ Николай Ильичъ: — мнѣ же приходится жалѣть объ отъѣздѣ его больше, чѣмъ кому-нибудь.

— Отчего?

— Можетъ-быть, у васъ, Крутояровъ, есть въ Петербургѣ и кромѣ его люди, которымъ вы сочувствуете, которые любятъ васъ; а у меня, съ отъѣздомъ Бѣлкина и его жены, словно часть сердца оторвалась. Только въ ихъ кругу и отогрѣвался я душой отъ столичнаго холода. Кромѣ-того, вы человѣкъ неодинокій: у васъ есть жена, которая можетъ замѣнить вамъ всякаго друга. Я же... Я, право, не знаю, скоро ли теперь я образумлюсь хоть на столько, чтобъ быть попрежнему способнымъ заниматься дѣломъ. Признаюсь, я давно ужь собирался къ вамъ...

— И чтò же не пришли?

— Боялся быть вамъ въ тягость.

— Чтó вы! Я очень-радъ видѣть васъ и, повѣрьте, еслибъ зналъ, гдѣ вы живете, непремѣнно явился бы къ вамъ первый.

— Все-равно; надѣюсь, что вы еще заглянете ко мнѣ. Ну, что, какъ ваши дѣла?

— Плохо; не подвинулись ни на шагъ. Впрочемъ, я пока еще и самъ не хлопоталъ много... До-сихъ-поръ, я какъ-будто чувствую въ себѣ дорожную усталость, или даже что-то въ родѣ лѣни, хотя лѣни и не житье въ Петербургѣ.

— Не говорите этого; и здѣсь есть охотники лѣниться.

— Дà, и здѣсь лѣнятся тѣ, кому можно лѣниться, у кого жизнь не зависитъ отъ подепнаго труда. Я знаю, что не имѣю никакого права на лѣнь, знаю, что долженъ трудиться и трудиться, чтобъ существовать, а между-тѣмъ я всегда терялъ все изъ-за того, что не имѣлъ надъ собой власти, не умѣлъ принуждать себя къ дѣлу, не старался бороться съ своей позорной лѣнью.

— Полноте, пожалуйста! съ чего это взяли вы навязывать себѣ недостатокъ, котораго вовсе не имѣете?

— Вы думаете, что не лѣнь была мнѣ вездѣ помѣхой? Лѣнь — и какая-то жалкая трусость передъ неудачами. Если когда и просыпалась во мнѣ сила для дѣятельности, то это было мгновенное пробужденіе... А между-тѣмъ теперь я уже

не принадлежу одному себѣ: у меня жена, которую нужно кормить и одѣвать, которая умретъ съ голоду, если я не буду работать...

Марья Ивановна слушала весь этотъ разговоръ, стóя за полузатворенною дверью и держалась за ея ручку. При послѣднихъ словахъ Крутоярова, дверь подалась впередъ подъ рукой его жены и заскрипѣла.

— Маша! вскричалъ Крутояровъ, какъ-будто только этотъ скрипъ напомнилъ ему о близкомъ присутствіи жены: — чтó ты прячешься тамъ? Иди къ намъ.

Маша не отвѣчала и не вышла.

— Маша! повторилъ Александръ Петровичъ послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія: — что же ты?

Тутъ только Марья Ивановна вышла. Аверьяновъ поднялся со стула. Марья Ивановна посмотрѣла на него несовсѣмъ-прямо.

— Здравствуйте-съ, сказала она ему, довольно-неловко кланяясь.

Она повернулась, отошла и сѣла у окна, вдалекѣ отъ мужа и гостя, прежде чѣмъ Александръ Петровичъ успѣлъ сказать ей:

— Маша, это мой старинный товарищъ—Аверьяновъ.

На это Марья Ивановна ничего не сказала. Она оторвала клочокъ отъ какой-то бумажки, лежавшей на окнѣ, и стала мять его между пальцами.

— Чтó съ тобой, Маша? спросилъ Александръ Петровичъ: — здорова ли ты? Ты, какъ-будто, не въ духѣ.

— Ничего, отвѣчала Марья Ивановна, двинувъ немного стуломъ: — съ чего ты это взялъ?

— Мнѣ показалось, проговорилъ нѣсколько-сконфуженный Крутояровъ.

— Чтò, понравился ли вамъ Петербургъ? спросилъ Аверьяновъ, подходя къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Понравился-съ, отвѣчала Марья Ивановна, не поднимая глазъ на спрашивавшаго и продолжая мять и щипать бумажку.

— Вы еще въ первый разъ здѣсь?

— Въ первый-съ.

Крутояровъ всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

IV.

— Кто это сказалъ тебѣ, что я прячусь отъ твоего гостя? спросила Марья Ивановна мужа, когда Аверьяновъ ушелъ.

Брови ея были нахмурены.

— Я сказалъ это такъ, шутя, отвѣчалъ Крутояровъ. — А ты, кажется, сердишься?

Онъ подошелъ къ женѣ, сидѣвшей попрежнему у окна, и взялъ ее за плечо.

— Я ни отъ кого не прячусь, сурово проговорила Марья Ивановна, отводя руку мужа.

— Маша! что̀ ты? что̀ съ тобой? спросилъ съ изумленіемъ мужъ.

— Мнѣ нечего прятаться отъ какой-нибудь дряни, продолжала Марья Ивановна такъ же серьёзно.—Это, можетъ-быть, ты хотѣлъ бы меня спрятать отъ своихъ знакомыхъ.

— Маша, Маша! вскричалъ Александръ Петровичъ, качая головой.—Откуда приходятъ тебѣ такія мысли?

— Ты думаешь, я не слыхала, что̀ ты говорилъ своему пріятелю?

— Что̀ жь я говорилъ, что̀ такое? Я рѣшительно не помню.

Крутояровъ вспомнилъ, однакожь, о восклицаніи Аверьянова: «Забыли?»

— А я помню, отвѣчала Марья Ивановна.—Ужь если тебѣ совѣстно признаваться, что у тебя есть жена... такъ зачѣмъ... зачѣмъ ты женился?

Она принялась громко плакать.

— Ка̀къ тебѣ не стыдно, Маша, говорить такія вещи? Ну, можешь ли ты думать это? сказалъ Крутояровъ, садясь около жены.

Марья Ивановна продолжала плакать.

— Ужь лучше бы... лучше бы ты не бралъ меня за себя..., произносила она посреди всхлипываній.

— Да объясни ты мнѣ, ка̀къ пришло это тебѣ въ голову? говорилъ сильно-встревоженный Крутояровъ.

— Я все слышала... все...

Только и говорила огорченная Марья Ивановна.

— Да что̀ жь ты могла слышать?

— Все... все слышала.

И она плакала все громче и громче.

Но о чемъ же было ей плакать?—Она, въ-самомъ-дѣлѣ слышала отъ перваго до послѣдняго слова весь разговоръ своего мужа съ гостемъ; но что̀ жь могло такъ огорчить ее въ этомъ разговорѣ? Прежде всего огорчило ее удивленіе Аверьянова, что Крутояровъ женатъ и странное молчаніе Крутоярова о своей женитьбѣ передъ Бѣлкинымъ. Все услышанное дальше огорчило и раздражило ее еще больше. Такъ, напримѣръ, ей очень-много говорилъ мужъ о пріятелѣ своемъ, Бѣлкинѣ, но никогда не упоминалъ, что Бѣлкинъ женатъ, какъ-будто боялся, что Марья Ивановна захочетъ познакомиться съ его женой; а тутъ Аверьяновъ разсказываетъ о Бѣлкинѣ и о женѣ его. Наконецъ, по неосторожности мужа, Маша узнала и о томъ, что дѣло о полученіи Александромъ Петровичемъ мѣста не подвинулось ни на волосъ впередъ; а онъ самъ увѣрялъ ее каждый день, что все устроивается какъ-нельзя-лучше, что скоро они заживутъ припѣваючи. Какъ было не плакать Марьѣ Ивановнѣ и не упрекать мужа?

Эта размолвка молодыхъ супруговъ не первая вызвала цѣлый дождь слезъ на свѣжія щоки Марьи Ивановны; но слезы, впервые пролитыя ею подъ петербургскимъ небомъ, были совершенно-безсознательны, тогда-какъ теперь она плакала съ полнымъ сознаніемъ. Тѣ слезы выступили изъ глазъ Марьи Ивановны, однажды, во время отсутствія мужа, отъ неопредѣленной тоски, завладѣвшей ея молодымъ сердцемъ. Тогда, возвратясь домой, Крутояровъ съумѣлъ скоро утѣшить Марью Ивановну; теперь она была глуха къ его словамъ и, казалось, никогда не перестанетъ плакать и жаловаться.

Она ушла отъ мужа, начинавшаго терять терпѣніе, и улеглась въ постель; но и тутъ еще долго всхлипывала.

Между-тѣмъ Крутояровъ ходилъ неровными шагами изъ комнаты въ комнату и сердился—то на Марью Ивановну, то на самого-себя. Гнѣвъ его на себя былъ гораздо-справедливѣе: не самъ ли онъ былъ виной непріятной сцены, слѣдовавшей за посѣщеніемъ Аверьянова?... Къ-чему было говорить все то, что̀ онъ говорилъ? или къ-чему говорить такъ громко, зная, что Марья Ивановна близко и можетъ все слышать? Впрочемъ, эти обвинительные вопросы, заданные себѣ Крутояровымъ, были только первою и слабѣйшею половиной обвиненія. Главнымъ образомъ обвинялъ онъ себя за свои

странныя, неопредѣленныя и неискреннія отношенія къ женѣ. Отчего, въ-самомъ-дѣлѣ, не захотѣлъ онъ признаться Бѣлкину, что женился? Или онъ, какъ говорилъ самъ, позабылъ объ этомъ? или ему было совѣстно сознаться въ своей женитьбѣ, какъ въ поступкѣ слишкомъ-поспѣшномъ и необдуманномъ? Первое невозможно, и потому остается предположить послѣднее. Гдѣ же, послѣ этого, любовь Крутоярова къ женѣ?... Вѣдь она могла бы быть самымъ блестящимъ извиненіемъ поспѣшности и необдуманности его поступка? И, въ то же время, чѣмъ, какъ не любовью, объяснить его скрытность съ женой относительно положенія его дѣлъ? Еслибъ ему было ни почемъ огорчить ее, сталъ ли бы онъ скупиться на откровенность въ этомъ случаѣ?

Сердце Марьи Ивановны, угомонившееся во время крѣпкаго сна ея, опять шевельнулось тревожно и гнѣвно, какъ только она проснулась.

Первая утренняя встрѣча ея съ Александромъ Петровичемъ была не бѣднѣе слезами и упрёками, чѣмъ вечернее прощанье наканунѣ.

— Не-уже-ли ты все еще сердишься на меня?

Этотъ кроткій вопросъ былъ первою фразой, обращенной Крутояровымъ къ женѣ поутру.

Марья Ивановна не смотрѣла на Александра Петровича и не отвѣчала ему, то-есть ясно показывала, что все еще продолжаетъ сердиться.

— Не можетъ быть, чтобъ ты сердилась, продолжалъ Крутояровъ, дѣлая еще попытку къ сближенію.

Онъ взялъ Марью Ивановну за руку.

— Ну, взгляни же на меня, Маша! улыбнись! Тебѣ, право, нѐ за что сердиться.

Марья Ивановна высвободила руку свою изъ руки мужа.

— Нѐ за что... проговорила она съ упрекомъ и зарыдала.

Крутояровъ пожалъ плечами.

— Боже мой! да чѣмъ же я виноватъ передъ тобой? сказалъ онъ: — чѣмъ? скажи ты мнѣ.

Слезы продолжались, отвѣта не было.

— Ну, я виноватъ, виноватъ; прости меня! Ты ужь и вчера довольно посердилась. Повѣрь мнѣ...

— Да можно ли тебѣ вѣрить? вскричала Маша, закрывая лицо платкомъ и рыдая еще сильнѣе.

Отъ этихъ словъ сердце повернулось у Александра Петровича; онъ нахмурился и скрестилъ руки.

— Чтó ты сказала? проговорилъ онъ.

— Я сказала: можно ли тебѣ вѣрить? отвѣчала Марья Ивановна, отнимая платокъ отъ лица и глядя плачущими глазами въ глаза мужа. — Ты обманулъ — обманулъ меня...

— Когда? въ чемъ обманулъ я тебя? спросилъ Крутояровъ, еще болѣе насупивъ брови.

— Во всемъ, во всемъ обманулъ... всегда обманывалъ... продолжала Марья Ивановна.

Слова ея то-и-дѣло прерывались слезами.

— Ты мнѣ сказалъ — у тебя будетъ мѣсто въ Петербургѣ — мѣста у тебя нѣтъ и не будетъ... Ты сказалъ, что у тебя деньги будутъ... а теперь... теперь хочешь уморить меня съ голоду...

— Господи! воскликнулъ Крутояровъ, отходя: — ты точно маленькій ребенокъ... Ты сама не знаешь, чтó говоришь.

— Какъ же быть, что я не умѣю говорить... я необразованная... нигдѣ не училась...

— Ахъ...

— Гдѣ мнѣ умѣть говорить?.. Это вы умѣете говорить... вы умѣете обманывать.

Александръ Петровичъ взялъ шляпу и ушелъ со двора.

Онъ не зналъ, кáкъ бы успокоить жену и помириться съ ней. Это первое несогласіе было для него очень-тяжело.

Пробродивъ больше двухъ часовъ по разнымъ улицамъ, онъ рѣшился купить для Марьи Ивановны, какъ для капризнаго ребенка, какую-нибудь игрушку, которая утѣшила бы ее, и купилъ ей хорошенькій цвѣтной зонтикъ.

Когда Александръ Петровичъ воротился домой, Марья Ивановна ужь перестала плакать. Она сидѣла за какимъ-то шитьемъ.

— Здравствуй, Маша! сказалъ, входя, Крутояровъ.

— Здравствуйте-съ, отвѣчала Маша, не поднимая глазъ отъ шитья.

Въ голосѣ ея не было, однакожь, замѣтно прежняго гнѣва.

— Ну, прости же меня, прости, Маша! сказалъ нѣжно Александръ Петровичъ, садясь около нея.

Маша молчала.

— Прощаешь? а!.. Ну, дай мнѣ свою руку. Полно же сердиться! Вѣдь я прошу у тебя прощенія.

— Богъ ужь съ тобой! проговорила Марья Ивановна, подавая мужу руку.

И миръ былъ заключенъ поцалуемъ.

— Чтò это ты принесъ такое?

— Это тебѣ.

— Ахъ, какая прелесть!

Зонтикъ, принесенный въ подарокъ, скрѣпилъ миръ.

Но, къ-несчастію, еще не разъ и въ этотъ день, и въ два-три слѣдующіе дня разговору между Александромъ Петровичемъ и Марьей Ивановной приходилось возвращаться къ непріятной тэмѣ, бывшей причиною ихъ первой размолвки.

— Ты пойдешь къ Аверьянову? спросила Марья Ивановна мужа на другой день.

— Надо будетъ пойдти.

— Вотъ ужь я бы не пошла.

— Это отчего?

— Оттого, что онъ слишкомъ носъ кверху деретъ.

— Онъ — Аверьяновъ? Съ чего это ты взяла?

— Я, кажется, не слѣпая, могла видѣть.

— Вотъ этого я рѣшительно не понимаю : кàкъ ты могла видѣть въ немъ то, чего именно въ немъ нѣтъ ни на волосъ.

Марья Ивановна точно не съумѣла бы доказать справедливость своего предположенія; но Аверьяновъ ей дѣйствительно очень не понравился Какъ ни мало видѣла и знала она людей, все же тотчасъ поняла, что Аверьяновъ принадлежитъ и по рожденію, и по воспитанію не къ тому кругу, къ которому принадлежитъ ея мужъ, и это-то именно не понравилось въ немъ Марьѣ Ивановнѣ. Въ простотѣ пріемовъ и обхожденія, въ безпритязательныхъ и ровныхъ сужденіяхъ она видѣла большое превосходство Аверьянова надъ Александромъ Петровичемъ, въ манерахъ котораго было столько угловатаго, въ разговорѣ столько рѣзкаго. Ей было досадно и то, что у Аверьянова руки не больше ея рукъ и на рукахъ маленькія, гладко обтягивающія ихъ перчатки, тогда-какъ мужъ ея не привыкъ носить узкихъ перчатокъ на своихъ большихъ рукахъ; и тò ей было досадно, что Аверьяновъ просто, но очень-хорошо одѣтъ, и то, что у него такая новая шляпа, и то, что онъ ходитъ такими маленькими шагами и что у него сапоги не скрипятъ, какъ у Александра Петровича. Во всемъ, что было привычкой, или даже обычнымъ свойствомъ

Аверьянова, Марья Ивановна хотѣла видѣть какое-то небывалое желаніе его поставить себя выше ея и ея мужа. Для нея былъ въ-самомъ-дѣлѣ слишкомъ-новъ и поразителенъ тонъ Аверьянова. И вотъ отъ этого-то ей было страшно-непріятно, что Александръ Петровичъ вздумалъ признаваться своему товарищу въ своей бѣдности. Кромѣ новости этой вѣсти для нея самой, досадно въ признаніи Крутоярова было Марьѣ Ивановнѣ особенно то, что онъ говоритъ о своей бѣдности Аверьянову—человѣку, который видимо, по ея мнѣнію, смотритъ на нихъ и безъ того слишкомъ-свысока.

И при первомъ удобномъ случаѣ Марья Ивановна не пропустила возможности упрекнуть Александра Петровича въ его мнимой винѣ.

— Да что же тутъ такого? возразилъ Крутояровъ.—Отчего же было и не сказать ему, что мы бѣдны? Вѣдь онъ и самъ это видитъ.

— Вотъ прекрасно! Да какъ онъ это видитъ?

— Очень-ясно, во всемъ: и въ томъ, что мы вотъ такую квартиру нанимаемъ...

— Да чѣмъ же это не квартира?

— Разумѣется; только богатый-то не станетъ въ ней жить.

— Я думаю, у него-то у самого̀ хороша.

— Что же? можетъ-быть и хуже нашей; да вѣдь онъ зато и не скрываетъ, что не богатъ.

— Все же, по-моему, не слѣдуетъ всякому разсказывать, что у насъ ничего нѣтъ.

— Кто же разсказываетъ всякому? Вѣдь ты знаешь, что онъ очень-хорошій знакомый Бѣлкина; а Бѣлкинъ, вѣрно, не скрывалъ отъ него моего положенія: ужь Бѣлкинъ-то его очень-близко знаетъ.

— Хорошъ, я думаю, и твой Бѣлкинъ! замѣтила съ сердцемъ Марья Ивановна.—Такой же вѣрно нахалъ, какъ и этотъ...

Александръ Петровичъ промолчалъ, видя, что не съумѣетъ разувѣрить жену.

Однакожь, несмотря на всю несправедливость словъ Марьи Ивановны, эти слова имѣли вліяніе на Крутоярова—и вліяніе замѣтное, хотя, можетъ-быть, вовсе не такое, какого могла желать Марья Ивановна. Онъ началъ и самъ чувствовать превосходство обоихъ товарищей своихъ надъ нимъ, по-край-

ней-мѣрѣ, превосходство, ясное для всѣхъ. Ему было ясно, что съ перваго же взгляда каждый отдастъ Бѣлкину и Аверьянову преимущество надъ нимъ, Александромъ Петровичемъ Крутояровымъ. Въ немъ не было, нѣтъ и, вѣроятно, никогда ужь не будетъ той, если можно такъ выразиться, порядочности, которою такъ много выигрывается на свѣтѣ. Съ своей рѣзкостью, неумѣньемъ вести себя, Крутояровъ постоянно только терялъ въ своихъ отношеніяхъ съ людьми. Онъ съ огорченіемъ чувствовалъ, что ужь не въ силахъ вести себя иначе: нужно было бы иначе родиться. Вотъ, хоть бы взять послѣднее свиданіе его съ Бѣлкинымъ. Въ безцеремонномъ, простомъ и откровенномъ обществѣ двухъ прежнихъ товарищей и жены одного изъ нихъ, ему было какъ-то неловко, онъ чувствовалъ какое-то странное смущеніе, которое ничѣмъ не оправдывалось; все, что̀ ни говорилъ онъ, было и сухо, и вяло; когда же молчалъ, казалось, обращалъ на себя вниманіе своимъ молчаніемъ, и Юлія Николаевна, словно изъ сожалѣнія, начинала заговаривать съ нимъ — и заговаривать именно о томъ, о чемъ никакъ не пришло бы ей въ голову говорить, еслибъ Крутояровъ не молчалъ съ такимъ постояннымъ упорствомъ.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ Марьи Ивановны объ Аверьяновѣ, тѣмъ не менѣе Александръ Петровичъ почему-то медлилъ отплатить ему визитомъ за его посѣщеніе. Онъ и самъ не зналъ, что̀ именно удерживало его отъ этого: нѣсколько разъ собирался—и все не шелъ. Такъ прошло больше недѣли.

Можетъ-быть, и еще дольше не былъ бы Крутояровъ у своего товарища, еслибъ, по поводу какого-то домашняго безпорядка, въ которомъ виновата была исключительно одна кухарка Анна (за что̀ и получила немедленно отставку), Марья Ивановна не подняла опять на Александра Петровича всѣхъ справедливыхъ и несправедливыхъ упрековъ, которые онъ ужь не одинъ разъ выслушивалъ изъ устъ ея. Не видя конца слезамъ и словамъ, разсерженный Александръ Петровичъ ушелъ изъ дому и, не зная, куда дѣться, отправился къ Николаю Ильичу.

Онъ просидѣлъ у Аверьянова весь вечеръ и воротился домой очень-поздно, когда Марья Ивановна ужь успокоилась и крѣпко почивала.

V.

Этотъ вечеръ, весь проведенный въ оживленной бесѣдѣ, въ искреннемъ размѣнѣ мыслей, убѣжденій и чувствъ, такъ сблизилъ Крутоярова и Аверьянова, какъ не часто сближаетъ людей и долговременное знакомство, даже при общихъ интересахъ. Крутояровъ невольно, какъ-бы говоря съ самимъ-собой, передалъ Николаю Ильичу всю свою неочень-длинную, но очень-грустную исторію, разсказалъ въ подробности о томъ, какъ странно женился, и даже старался объяснить, почему скрылъ отъ Бѣлкина свою женитьбу. Хорошо, что ничего изъ этого разговора не слыхала Марья Ивановна: Крутоярову пришлось бы выслушать немало укоризнъ.

Съ этого вечера Крутояровъ сталъ видѣться съ Аверьяновымъ очень-часто; бо́льшею частью ходилъ онъ къ нему самъ, потому-что Марья Ивановна, чувствуя невыразимую антипатію къ Аверьянову, или вовсе не показывалась, когда онъ приходилъ къ ея мужу, или сидѣла въ углу и молчала.

— Что́? наговорился? обыкновенно спрашивала она мужа, когда гость уходилъ.

— Да̀, холодно отвѣчалъ мужъ: — наговорился.

— Я думаю, какъ меду напился.

— Да́.

Александръ Петровичъ съ сильнымъ безпокойствомъ, почти съ ужасомъ замѣчалъ, что теперь только начинаетъ онъ узнавать характеръ Марьи Ивановны. Немного хорошихъ сторонъ открывалъ онъ въ немъ. Ему хотѣлось сначала приняться образовывать жену по-своему; но или ужь было поздно, или въ немъ было слишкомъ-мало силы, чтобъ имѣть вліяніе на жену, только Крутояровъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и оставить жену такою, какою она есть и была. Грустно и больно было ему видѣть, что ничѣмъ не вознаграждается въ Марьѣ Ивановнѣ ея неуживчивый характеръ, вѣроятно наслѣдованный ею отъ Акулины Степановны. Оставаясь дома, онъ рѣшительно не находилъ предметовъ для разговора съ женой: она не хотѣла ни читать, ни слушать чего-нибудь серьёзнаго; мало того, сердилась даже на Александра Петровича, когда онъ долго сидѣлъ за книгой, предпочитая ее разсказу о какихъ-нибудь мелкихъ домашнихъ

дрязгахъ, который Марья Ивановна ужь нѣсколько разъ начинала.

— Хоть бы ты читала что-нибудь, сказалъ ей однажды Александръ Петровичъ. — Вотъ я принесъ сегодня книгу, которая тебѣ понравится.

Марья Ивановна взяла книгу, прочитала двѣ первыя страницы и потомъ бросила.

Когда Крутояровъ спросилъ, понравилась ли ей книга, она отвѣчала:

— Скучно.

Александръ Петровичъ поморщился.

— Неужто же веселѣе сидѣть сложа руки?..

Марья Ивановна вспылила.

— Кто это сидитъ сложа руки?.. Ужь не я ли?

— Да̀.

— Покорно васъ благодарю. Небось, вы на кухню ходите, вы смотрите, какъ обѣдъ готовится, вы...

— Да это и не мое дѣло.

— Ну, мое. Я и дѣлаю его. А это ужь ваше дѣло — байбакомъ-то лежать. Много больно вычитали вы въ своихъ книгахъ! Лучше похлопотали бы объ мѣстѣ-то, чѣмъ меня небывальщиной попрекать... Какъ же быть, что я не образованная? Ужь вы своими книгами меня не выучите.

Вопросъ объ образованіи и развитіи Марьи Ивановны былъ, послѣ этого, вопросомъ окончательно-рѣшеннымъ для Александра Петровича, и онъ уже не думалъ предлагать ей книги. Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что Марья Ивановна ни въ какой книгѣ не пошла бы далѣе первыхъ двухъ-трехъ страницъ.

Только два мѣсяца прошло со времени пріѣзда Крутоярова въ Петербургъ, а онъ началъ уже охладѣвать къ женѣ. Послѣ невольнаго увлеченія наступило протрезвленіе; но протрезвленіе это было еще не полно: Марья Ивановна была попрежнему хороша (не могла же красота ея измѣниться въ какіе-нибудь два мѣсяца), и Александръ Петровичъ часто забывалъ все, что̀ было въ ней грустнаго и горькаго для его души, лаская и цалуя ея хорошенькую головку.

Отъ глазъ Марьи Ивановны не могла ускользнуть холодность, начинавшая довольно-ясно проглядывать и въ словахъ, и въ поступкахъ Александра Петровича. Эта холодность раз-

дражала еще болѣе ея раздражительный характеръ; но, къ-несчастію, она и не думала искать повода къ ней въ своихъ собственныхъ недостаткахъ. Во всемъ обвиняла она Аверьянова, антипатія къ которому разросталась въ ней больше-и-больше: онъ былъ виноватъ и въ томъ, что Александръ Петровичъ не такъ, какъ прежде, внимателенъ къ ней и нѣженъ; онъ виноватъ и въ томъ, что нѣкоторыя привычки ея, казавшіяся Александру Петровичу очень-обыкновенными, кажутся ему теперь чуть не неприличными.

Что касается до послѣдняго пункта обвиненія, то, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ Аверьяновъ былъ отчасти не правъ, смотря съ точки зрѣнія Марьи Ивановны.

Однажды онъ зашелъ къ Крутояровымъ въ то время, какъ они обѣдали. Марья Ивановна, одѣтая въ какой-то затрапезный капотъ и очень-небрежно причесанная, выбѣжала изъ-за стола при появленіи гостя и показалась мужу не раньше, какъ когда Аверьяновъ ушелъ, чтó онъ сдѣлалъ какъ можно поспѣшнѣе.

— Марья Ивановна, вѣрно, больна, замѣтилъ гость, когда она вышла.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Крутояровъ.

— Мнѣ показалось... что она очень-блѣдна.

Ему вовсе не показалось этого, но онъ поневолѣ былъ долженъ дать такой смыслъ своему замѣчанію, вызванному слишкомъ-халатнымъ видомъ Марьи Ивановны. Сквозь послѣднюю оговорку, Крутояровъ очень-хорошо различалъ настоящее мнѣніе Аверьянова, и потому, когда гость ушолъ, а Марья Ивановна вышла продолжать прерванный обѣдъ, Александръ Петровичъ сказалъ ей:

— Отчего ты ушла?

— Развѣ не видишь ты, что я не одѣта и не причесана?

— А отчего же ты не одѣта?

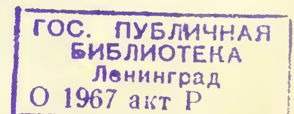
— Да чтò нынче за праздникъ?

— А голову причесываютъ развѣ только по праздникамъ?

— Дà, по праздникамъ! Не для тебя ли прикажешь помадиться да убираться? Могу слушать твою брань и нечесанная.

Возражать было нечего.

— Или для гостей твоихъ мнѣ наряжаться?.. Всякая дрянь приходитъ и смѣетъ еще умничать. Ужь ты бы лучше послалъ его ко мнѣ, чтобъ онъ мнѣ самой наставленія читалъ.

— Съ тобой нынче рѣшительно ни о чемъ говорить нельзя, замѣтилъ довольно-кротко Крутояровъ: — ты то-и-дѣло капризничаешь.

— Не говорите, если не нравится... Не просятъ говорить.

Марья Ивановна оттолкнула отъ себя тарелку съ жаркимъ, сердито отодвинула стулъ отъ стола и, бросивъ на него салфетку, поспѣшно вышла изъ комнаты.

Между-тѣмъ, не считая нужнымъ заботиться о красотѣ своего туалета для мужа, Марья Ивановна очень заботилась о ней, когда ей случалось выходить куда-нибудь изъ дома. Она обильно умащала пышные волосы свои пахучей помадой, вдѣвала въ уши гремучія бронзовыя серги, облекалась въ пестрый шолкъ и, шумя туго-накрахмаленными юбками, по часу созерцала себя въ зеркалѣ. Контрастъ этого исполненнаго претензій наряда съ ея обычнымъ неряшествомъ особенно-непріятно бросался въ глаза Александру Петровичу. Довольно-образованный и вѣрный вкусъ его никакъ не могъ одобрить костюма жены. Нельзя было въ-самомъ-дѣлѣ не похулить самаго негармоническаго смѣшенія цвѣтовъ въ ея одеждѣ, ея платья, которое такъ неловко драпировало ее, совершенно скрывая стройный станъ: Марья Ивановна никогда не носила корсетовъ и вовсе не подозрѣвала ихъ существованія. Винить ее въ недостаткѣ вкуса, въ неумѣньѣ одѣваться было бы несправедливо. На станціи Красныхъ-Грязяхъ, гдѣ прошли годы ея расцвѣта, она не видѣла ни одной порядочной женщины, а Акулина Степановна не могла служить ей ни примѣромъ, ни наставленіемъ въ дѣлѣ умѣнья одѣваться: она считала именно нарядным только то, что̀ пестро, и это мнѣніе вполнѣ усвоила себѣ Марья Ивановна. Жаль было ея красоты, когда она, воображая украсить себя, одѣвалась въ свои безвкусныя пестрыя платья, сшитыя безъ всякой сноровки и умѣнья. Изъ хорошенькой женщины она вдругъ превращалась тогда въ какую-то нелѣпо-раскрашенную и неуклюжую куклу. Александръ Петровичъ не любилъ, когда Марья Ивановна одѣта «подомашнему» (такъ называла она свое обычное неглиже); но еще болѣе не нравилось ему ея парадное убранство; онъ не разъ пробовалъ дѣлать неодобрительныя замѣчанія на ея туалетъ; но замѣчанія эти, какъ понятно, встрѣчались или крайней холодностью, или ужь черезчуръ горячими возраженіями.

— Чтò же? я, по-твоему, должна мочалкой ходить?

— Ктò говоритъ тебѣ это? Я сказалъ только, что ты испортила себѣ шляпку, наколовъ на нее эти цвѣты.

— Много вы знаете!

— Да вѣдь это ясно, какъ Божій день: шляпка была хорошенькая и сдѣлана какъ слѣдуетъ, а ты украшаешь ее посвóему, цвѣтами, и какими еще цвѣтами?.. грошовыми.

— Гдѣ же намъ рублевыя носить?

— Ахъ, Боже мой! ты никакъ не хочешь меня понять...

— Кàкъ мнѣ васъ понять?.. Вы больно по-ученому говорите.

Александръ Петровичъ рѣшился не продолжать разговора.

— Вамъ бы ужь лучше взять все, чтó у меня есть порядочнаго изъ платья, да бросить въ печку, сжечь... Пусть жена въ крашенинѣ ходитъ!

Марья Ивановна обвиняла Аверьянова даже въ томъ, что Александру Петровичу не нравилось именно то въ ея одеждѣ, чтó нравится ей самой. Обыкновенно ни одна домашняя размолвка Крутояровыхъ не кончалась безъ того, чтобъ Марья Ивановна не упомянула хоть разъ имени мужнина пріятеля.

Зима приходила къ концу; сумерки не наступали такъ рано, солнце смотрѣло теплѣе, и на Невскомъ Проспектѣ начали уже въ обычный часъ прогулокъ показываться весеннія пальто посреди теплыхъ шинелей и шубъ.

До святой недѣли оставалось только шесть дней.

— Чтó, пойдемъ мы сегодня въ Гостиный Дворъ? спросила Марья Ивановна около полудня.

— Дà, пойдемъ, пойдемъ. Надо же тебѣ купить что-нибудь весеннее, отвѣчалъ Александръ Петровичъ.

— Давно бы ужь пора. Люди съ мѣсяцъ бросили зимніе салопы.

— Ну, одѣвайся, и пойдемъ.

— Я готова.

Гостиный Дворъ былъ весь запруженъ народомъ. Пробиваясь сквозь густую толпу, Крутояровъ натолкнулся на Аверьянова.

— Бà, Аверьяновъ! здравствуйте.

— Здравствуйте. Куда это вы?

— Да вотъ иду съ женой покупать ей весеннее пальто.

— Ахъ, извините, Марья Ивановна. Я и не видалъ васъ. Какъ ваше здоровье?

— Слава Богу-съ.

— А вы вѣрно безъ всякой цѣли бродите?.. Пойдемте-ка съ нами, сказалъ Александръ Петровичъ.

— Пожалуй.

Аверьяновъ примкнулъ къ нимъ.

— Очень-нужно! прошептала довольно-сердитымъ голосомъ Марья Ивановна, обращаясь къ мужу.

Въ лавкѣ, куда они вошли, глаза Марьи Ивановны разбѣжались по множеству разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ весеннихъ одеждъ, предложенныхъ неумолкавшимъ ни на минуту сидѣльцемъ ея вниманію, хотя, говоря правду, болѣе-утонченный вкусъ между всѣми этими костюмами не выбралъ ни одного.

— Это, что̀ ли, взять?

— По-моему, лучше вотъ это.

— Нѣтъ, ужь лучше я это возьму.

— Какъ хочешь.

— Или нѣтъ, это.

— Посмотри, вотъ еще.

— Ахъ, вотъ это лучше... Вѣдь лучше?

— Да̀.

— Или это?.. Мнѣ кажется это.

— И это хорошо.

— Это, это возьму... или ужь взять вотъ это?

Послѣ долгаго разсматриванья и сотни коротенькихъ фразъ въ родѣ приведенныхъ мной, выборъ Марьи Ивановны палъ на какой-то клѣтчатый плащъ, неотличавшійся никакими достоинствами, кромѣ яркости цвѣтовъ.

Аверьяновъ все время былъ безучастнымъ зрителемъ и смотрѣлъ больше на другихъ посѣтителей лавки, въ которыхъ на этотъ разъ не было недостатка; но когда Марья Ивановна принялась торговать выбранную ей вещь, онъ подошелъ поближе и взглянулъ на клѣтчатый плащъ.

— Что̀, ка̀къ тебѣ нравится? спросилъ Крутояровъ, недовѣрчиво глядя на Аверьянова.

Сдѣлавъ этотъ вопросъ, Александръ Петровичъ нѣсколько смутился, потому-что бѣглый взглядъ, брошенный на него Марьей Ивановной, выразилъ очень-ясно ея неудовольствіе.

Вѣроятно, не замѣчая ничего, Аверьяновъ разсматривалъ покупку, и, наконецъ, сказалъ довольно-тихо Марьѣ Ивановнѣ:

— Напрасно вы хотите взять этотъ бурнусъ: нынче ужь перестали носить такіе.

Никакъ не ожидалъ Аверьяновъ такого взора, какимъ наградила его за этотъ совѣтъ Марья Ивановна; еще менѣе ожидалъ онъ сопровождавшихъ его словъ:

— Не ваше дѣло-съ.

— Извините, проговорилъ Николай Ильичъ, отходя отъ прилавка.

Онъ, однакожь, вышелъ изъ лавки вмѣстѣ съ Крутояровыми. Александръ Петровичъ несъ покупку жены — клѣтчатый плащъ, неодобренный Аверьяновымъ, и молчалъ.

Аверьяновъ скоро простился съ ними и исчезъ въ толпѣ.

Скучно было бы передавать читателю разговоръ, который происходилъ между Александромъ Петровичемъ и Марьей Ивановной, когда они воротились домой, по поводу сдѣланной покупки. Въ этомъ разговорѣ новаго было сказано очень немного, за то стараго, двадцать ужь разъ говореннаго и переговореннаго было сказано много. Я замѣчу только, что на этотъ разъ бесѣда супруговъ не могла назваться мирною: она кончилась, какъ водится, тѣмъ, что Марья Ивановна принялась плакать, а Александръ Петровичъ ходить крупными шагами изъ угла въ уголъ.

VI.

— Вставай! Будетъ тебѣ спать!

— Сейчасъ.

— Ужь двѣнадцатый часъ. Кофей давно простылъ.

— Сейчасъ.

— Что́ это ты какъ заспался?

— У меня голова болитъ.

— То-то и не надобно было спать такъ долго.

— И грудь что-то болитъ.

Солнце ярко и радостно глядитъ въ окна.

— Какъ ты думаешь: можно сегодня выставить въ окнахъ двойныя рамы?

— Отчего не выставить!

— Я думаю, теперь ужь не будетъ холодовъ.

— Вѣроятно.

— Знаешь ли что̀ : ты бы пошелъ покамѣстъ походить... и голова-то у тебя освѣжилась бы немного... Здѣсь, между-тѣмъ, окошки выставятъ, да и полы надо вымыть.

— Хорошо.

— Ты ужь приходи не раньше, какъ черезъ часъ.

— Ладно; до свиданья.

Крутояровъ пошелъ.

Черезъ часъ его не было еще дома. Зимнія рамы были уже вынуты, стекла оконъ вымыты, и, отворя одно изъ оконъ, Марья Ивановна по поясъ высунулась въ него и созерцала во дворѣ все, что̀ находила достойнымъ своего созерцанія, преимущественно противоположныя окна.

— А! и вы тоже сегодня зимнія рамы выставили?

При этой фразѣ, раздавшейся очень-близко, Марья Ивановна оборотила голову вправо, очень-скоро и какъ-будто испугавшись.

— Я васъ испугала, кажется? спросилъ тотъ же голосъ, принадлежавшій женщинѣ лѣтъ по̀дъ-сорокъ, полной и черноволосой, смотрѣвшей тоже изъ окна, рядомъ съ тѣмъ, въ которое высунулась Марья Ивановна.

— Нѣтъ-съ, нисколько.

— Извините, что начала разговоръ, незнавши васъ; по сосѣдству рѣшилась.

— Напротивъ, я очень рада...

— Вы, кажется, давно ужь на этой квартирѣ живете?

— Да̀, полгода.

— Вотъ что̀ значитъ Петербургъ: полгода живемъ стѣна объ стѣну, а даже и не встрѣчались ни разу. А прежде вы гдѣ жили?

— Мы съ мужемъ не здѣшніе: всего полгода, какъ пріѣхали сюда.

— Я, кажется, видѣла вашего мужа... Такой высокій, смуглый мужчина...

— Да̀, это вѣрно вы его видѣли.

— Служитъ онъ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, у васъ состояніе есть?.. Или онъ еще ищетъ мѣста?

— Да̀, онъ ищетъ мѣста.

— Трудно здѣсь скоро найдти.

— Говорятъ, что трудно.

— Ну, а привыкли ль вы къ Петербургу?

— Несовсѣмъ еще.

— У васъ, вѣрно, и знакомыхъ здѣсь мало?

— Почти никого.

— Вы, я думаю, ужасно скучаете.

— Да̀, случается.

— Вотъ, милости прошу ко мнѣ какъ-нибудь.

— Покорно васъ благодарю.

— Я, имѣю честь рекомендоваться, вдова, Анна Таганова.

— Милости просимъ и ко мнѣ, Анна... какъ васъ по батюшкѣ?..

— Марковна. А васъ, позвольте спросить?

— Марья Ивановна.

— Да, вотъ, Марья Ивановна, чѣмъ намъ переговариваться въ окошко-то, неугодно ли лучше ко мнѣ, выкушать чашку кофею?

— Покорно благодарю-съ; сейчасъ.

— Пожалуйте.

И обѣ головы спрятались.

Квартира у вдовы Анны Тагановой была точь-въ-точь такая же, какъ и у Крутояровыхъ, только убрана съ гораздо-бо̀льшимъ комфортомъ, или, лучше сказать, съ гораздо-бо̀льшими претензіями на комфортъ.

Въ залѣ пѣла желтобокая канарейка , прыгавшая въ желтой же клѣткѣ; стояло старенькое фортепьяно, жидкіе звуки котораго не разъ долетали сквозь нетолстую стѣну и въ жилище Крутояровыхъ; у одного окна стояло мягкое и глубокое кресло, вѣроятно, назначавшееся для послѣ-обѣденнаго кейфа и созерцанія въ окно достойныхъ любопытства предметовъ.

Дальнѣйшая комната, въ которой хозяйка встрѣтила и усадила около себя на софу Марью Ивановну , была не безъ разсчета на эффектъ украшена мягкою мёбелью изъ Апраксинскаго Двора; окна были драпированы алыми занавѣсками, и на нихъ стояли большіе горшки съ цвѣтами , неимѣвшими, впрочемъ, привычки цвѣсти.

Въ обѣихъ комнатахъ сильно пахло кофеемъ.

Анна Марковна была одѣта по-просту, но такъ щеголевато, что Марья Ивановна невольно позавидовала ей. Простое свѣтлое платье, изъ какой-то шерстяной матеріи, было сшито превосходно; на бѣлой шеѣ ея была отличнымъ бантикомъ завязана малиновая бархатная лента; на высокой груди (лифъ вверху отставалъ почти на цѣлый футъ) колыхалась тоненькая цѣпочка отъ часовъ, спрятанныхъ подъ корсажъ, и красовалась бирюзовая брошка, представлявшая вѣрное изображеніе сердца, пронзеннаго крестъ-на-крестъ двумя золотыми стрѣлами.

Вдова была недурна лицомъ, даже хороша для тѣхъ, которые любятъ круглыя лица, яркіе глаза и румяныя губы. Обиліе густыхъ черныхъ волосъ какъ-будто тяготило голову Анны Марковны, потому-что она постоянно склоняла ее немного къ лѣвому плечу, какъ Александръ Македонскій. Всѣ черты лица ея дышали веселостью. Смѣялась она всегда съ увлеченіемъ, и не пропускала ни одного удобнаго случая къ смѣху. Невольно бралъ каждаго присутствующаго страхъ, что съ Анной Марковной сдѣлается ударъ отъ прилива крови, когда она принималась хохотать, раздвинувъ свои алыя, какъ владимірская вишня, губы и показывая два ряда мелкихъ мышиныхъ зубовъ; въ эти минуты все на ней дрожало и прыгало, какъ-будто раздѣляя ея громогласный смѣхъ: и цѣпочка прыгала, и часы выскакивали изъ своего теплаго убѣжища, и коса дрожала, и бирюзовое сердечко трепетало.

— Здравствуйте, здравствуйте, душенька! Садитесь, пожалуста! проговорила вдова, подавая руку Марьѣ Ивановнѣ.

Марья Ивановна сѣла.

— Ну, что, были ли вы въ Екатерингофѣ перваго мая? спросила хозяйка.

— Нѣтъ.

— Напрасно. Я была и очень-весело провела тамъ время. Нынче погода очень-хорошая стояла, не то, что въ прошломъ году. Да вы никогда прежде не живали въ Петербургѣ?

— Никогда.

— Э! такъ вамъ еще многое пріидется посмотрѣть.

— Мнѣ все не съ кѣмъ изъ дому-то выйдти, Анна Марковна; иногда и пошла бы куда-нибудь... или мужу некогда, или дома его нѣтъ.

— Мужа и пожалѣть можно... ха, ха, ха!.. Гдѣ ему вездѣ за вашимъ хвостомъ ходить? Вотъ вмѣстѣ станемте гулять... Скоро, я думаю, и за городомъ гулянья начнутся.

— Ахъ, я очень-рада...

Анна Марковна подсѣла поближе къ своей гостьѣ.

— Ктò вамъ, душенька, это платье шилъ?

— Я сама шила; а чтò?

— Сами?.. Какже это можно самимъ шить?.. Постойте, я пришлю къ вамъ портниху; она всегда на меня шьетъ...Она вамъ это платье перешьетъ по послѣднему фасону.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе.

— Вѣдь оно на васъ совсѣмъ мѣшкомъ сидитъ. Встаньте, вотъ, посмотрите въ зеркало. Вотъ тутъ, въ таліи, совсѣмъ не годится, и здѣсь ужасно морщитъ.

— Пожалуста пришлите, Анна Марковна.

— Пришлю, пришлю.

Анна Марковна обхватила талью Марьи Ивановны.

— А! да вы еще и безъ корсета! Кàкъ это можно такое платье носить?.. Вы съ корсетомъ пробовали его надѣвать?

— Нѣтъ.

— Ужь съ корсетомъ-то оно, я думаю, просто никуда не годится.

Подали кофе.

— Марья Ивановна, кофейку.

Марья Ивановна взяла.

— Что же хлѣба?

— Не хочу.

— Курить не хотите ли?

— Что-съ?

— Курить, я говорю, не хотите ли?..

— Я не курю-съ.

— Чтó это вы такъ странно на меня смотрите?.. Васъ, вѣрно, удивляетъ мой вопросъ... Удивляетъ? скажите откровенно.

— Да-съ.

— Ахъ, душенька, какая же вы провинціалка... ха, ха, ха!.. У васъ тамъ дамы не курятъ?.. Ха, ха, ха!.. Не курятъ? а?

— Нѣтъ.

— То-то вамъ и удивительно это... Садитесь-ка, садитесь..!

А здѣсь это принято: всѣ дамы, самаго лучшаго круга даже, всѣ рѣшительно дамы курятъ. Вотъ посмотрите, какъ я покуриваю... Эй, Таня! дай-ка мнѣ папироску.

Таня подала.

— Не тѣхъ, не тѣхъ... это слабыя. Тамъ есть крѣпкія.

Таня подала крѣпкихъ.

— Я прежде... сказала Анна Марковна, глотая дымъ и потомъ выпуская его и ртомъ, и носомъ: — я прежде курила слабенькія, а вотъ теперь и крѣпкія что-то надоѣдаютъ... Стала бы сигары курить, да неловко какъ-то. А вы никогда и не пробовали?

— Никогда.

— Вотъ попробуйте!... эта слабенькая.

Марья Ивановна взяла папироску и зажгла.

— Ха, ха, ха! воскликнула Анна Марковна, глядя, какъ неумѣючи принимается за это дѣло ея неопытная гостья.—Да вы совсѣмъ не умѣете курить. Вы смотрите на меня... Держите вотъ такъ.

— Такъ?

— Ну, да... Тяните теперь въ себя. Вотъ такъ.

Анна Марковна проглотила цѣлую тучу дыма. Марья Ивановна хотѣла послѣдовать ея примѣру и такъ закашлялась, что папироска выпала у ней изъ рукъ.

— Ничего, ничего... ха, ха, ха! ободряла ее Анна Марковна.—Выучитесь послѣ.

Когда Марья Ивановна откашлялась и допила свой кофе, она собралась-было идти домой, но радушная хозяйка никакъ не хотѣла лишаться такъ скоро ея бесѣды,

— Полноте, полноте! куда вы торопитесь? сказала она, взявъ Марью Ивановну за обѣ руки и усаживая опять.

— У меня дѣло есть дома.

— Что̀ дѣло?... Полноте! Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ. — А какое дѣло? Вотъ вѣрно только уйдти хотите, а дѣла никакого нѣтъ.

— Надо объ обѣдѣ похлопотать: мужъ скоро прійдетъ.

— Успѣете еще, душенька; посидите со мной; поговоримъ лучше. Что̀, любите вы танцовать?

— Я не умѣю танцовать.

— Не умѣете? Не можетъ быть!

— Право.

— Какъ же это такъ? Вамъ непремѣнно надобно учиться танцовать.

— Да у кого же я стану учиться?

— А вотъ ходите почаще ко мнѣ... У меня кстати и фортепьяно есть; я васъ въ одну недѣлю такъ выучу, что чудо!

Марья Ивановна была въ восторгѣ отъ Анны Марковны и не знала, какъ благодарить ее за любезность.

— То-то, душенька, то-то, вы еще молоды: вамъ нужно руководство. И ужь смѣло скажу: я могу быть вамъ очень-полезной... Я вѣдь не мало-таки пожила на свѣтѣ... Я... Ну, какъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?

— Двадцать-пять...

— Ха, ха, ха! Двадцать-пять! Еще десять прибавьте... Ха, ха, ха! Тридцать-пять, душа моя. Только вы смотрите никому этого не сказывайте: это я вамъ только по секрету говорю... ха, ха, ха!.. Я вѣдь... ха, ха, ха!.. Я вѣдь всѣхъ увѣряю, что мнѣ двадцать-первый годъ... ха, ха, ха! Вотъ ужь десять лѣтъ... ха, ха, ха!.. десять лѣтъ увѣряю... ха, ха, ха!

Анна Марковна расхохоталась такъ, что Марья Ивановна начала бояться и за ея здоровье, и за крючки ея платья.

— Уфъ! произнесла вдова, вдоволь нахохотавшись. — Видите, какого я веселаго характера!... Надѣюсь, вамъ со мной не будетъ скучно... а?

— Какъ можно-съ! проговорила Марья Ивановна.

— Эй, Таня! крикнула Анна Марковна: — дай мнѣ еще папироску!

Обративъ вниманіе на горничную своей сосѣдки, Марья Ивановна замѣтила, что и она одѣта такъ же тщательно, какъ ея барыня. Талья у ней была стянута въ рюмочку; волосы очень-искусно взбиты. Марьѣ Ивановнѣ стало какъ-то неловко за свое мѣшковатое платье и за несовсѣмъ-красиво причесанную голову.

— Когда же вы пришлете ко мнѣ портниху, Анна Марковна? спросила Марья Ивановна.

— Да когда... хоть завтра... Таня! завтра придетъ швея?

— Придетъ-съ.

— Ну, вотъ завтра же и пришлю. Ступай!

Таня ушла.

— Вы отдайте ей перешить это платье; да если и новое захотите дѣлать, такъ я совѣтую ей отдавать... Зачѣмъ это вы, душенька, такъ причесываетесь?

— А что?

— Нейдетъ къ вамъ вовсе... Вы такая хорошенькая...

— Полноте.

— Что́ полноте!.. я правду говорю. Вы такая хорошенькая: вамъ надо стараться, чтобъ вы еще больше нравились. А это у васъ что́ за прическа, Богъ ее знаетъ. Вотъ вы такъ причесывайтесь, какъ я... Или, еще лучше—это къ такимъ лицамъ, какъ ваше, очень идетъ—а ля шинуазъ... Знаете, ка́къ а ля шинуазъ?

— Нѣтъ-съ.

— Ахъ, какія же вы?... ха, ха, ха!.. Вы рѣшительно ничего не знаете. Постойте, я васъ причешу.

— Полноте; зачѣмъ вамъ безпокоиться?

— Какое тутъ безпокойство! Мнѣ, напротивъ, это очень-пріятно. Садитесь сюда.

Марья Ивановна сѣла, а Анна Марковна вооружилась гребнями и щетками, и принялась убирать ея голову. Черезъ полчаса прическа была кончена, и Марья Ивановна, взглянувъ на себя въ зеркало, должна была признаться, что она, причесанная та̀къ, вчетверо лучше обыкновеннаго.

— Ну, что̀? нравится?

— Очень-нравится, Анна Марковна.

— То-то, душа моя... Ужь я даромъ не скажу.

— Благодарю васъ.

— Ну, поцалуйте меня.

Онѣ поцаловались.

— Только помада у васъ ужасно дурная : отъ нея, пожалуй, и волосы вылѣзутъ. Вотъ какъ мы съ вами пойдемъ гулять, такъ вмѣстѣ купимъ.

— Хорошо-съ.

— Ну, посмотритесь вы, посмотритесь въ зеркало : вѣдь вы теперь просто прелесть — просто прелесть... Только вотъ ленточку бы вамъ сюда приколоть... Да постойте, постойте! Я вамъ сейчасъ подарю ленточку.

— Зачѣмъ это? полноте.

— Ахъ, душа моя, ужь вы не спорьте со мной, не спорьте! Ужь я знаю, что̀ дѣлаю. Эй, Таня! подай сюда мои ленты!

Таня принесла цѣлый коробъ. Анна Марковна вынула оттуда черный бархатный бантъ и прицѣпила его къ волосамъ гостьи.

— Ахъ, прелестно, прелестно! Ну, посмотрите, посмотрите — просто чудо!

Марья Ивановна смотрѣлась въ зеркало и удивлялась, ка̀къ это не приходило ей до-сихъ-поръ въ голову, что можно такъ украсить прическои свое, и безъ того хорошенькое, лицо.

— Когда же вы ко мнѣ опять? спрашивала Анна Марковна, когда гостья прощалась съ ней. — Когда же?

— Я, право, не знаю, какъ мнѣ можно.

— Знаете... что̀ у насъ сегодня? понедѣльникъ, кажется?

— Понедѣльникъ.

— Приходите вы ко мнѣ въ субботу вечеромъ, у меня будутъ гости: вы, вѣрно, не будете скучать.

— Хорошо, Анна Марковна, непремѣнно. Прощайте!

— Прощайте, душа моя!

Она крѣпко обняла Марью Ивановну и поцаловала.

— Впрочемъ, мы еще до тѣхъ поръ увидимся. Я у васъ непремѣнно буду завтра, или послѣ-завтра.

— Прощайте, Анна Марковна.

— До свиданья, душа моя.

Таня, убиравшая коробъ съ лентами, спросила Анну Марковну, когда та проводила свою гостью:

— Это сосѣдка наша-съ?

— Да... Какая смѣшная!

— Какъ онѣ одѣты странно-съ!

— И не говори... Вмѣсто платья, просто кулёкъ какой-то... ха, ха, ха!

— Онѣ, должно быть, нездѣшнія-съ.

— Да̀, изъ провинціи... А она не глупа. Только свѣту-то, вотъ, не видала...

— Онѣ еще молоденькія-съ.

— И очень... Ей, я думаю, двадцати лѣтъ нѣтъ. Я ее возьму въ руки. Надо, чтобъ она на людей походила... Она же хорошенькая такая.

— Да́, не дурны-съ.

— Очень-хорошенькая... Ну, конечно — въ глуши гдѣ-то жила, и людей не видывала... Помилуй, поневолѣ отвыкнешь

отъ всякаго обращенія. Ты не знаешь, что̀ они, богаты, что ли?

— Нѣтъ, кажется; а впрочемъ, кухарка ихняя говорила, что всегда при деньгахъ.

— Поди-ка, приведи мнѣ извощика. Мнѣ надо съѣздить кой-куда.

— Сейчасъ-съ.

Въ то время, какъ Марья Ивановна была у своей новой знакомой, Александръ Петровичъ сидѣлъ у Аверьянова.

— Я совсѣмъ болѣнъ, Аверьяновъ: грудь сильно побаливаетъ, и кашляю.

— Что вы не лечитесь?

— Э! Богъ съ нимъ — съ леченьемъ! Было бы для чего лечиться!

— Ка̀къ было бы для чего?.. Надѣюсь, у васъ есть еще для чего! У васъ еще много впереди...

— Чего? перебилъ Крутояровъ.

— Всего, чего вы сами захотите. Полноте! Еслибъ каждый изъ насъ объ эту пору задумывался отъ всякой неудачи и опускалъ руки, что̀ было бы толку? Всему время—и счастью, и неудачѣ.

— А я начинаю думать такъ: всякому доля—одному счастье, другому неудача.

— Фатализмъ намъ вовсе не по времени.

— Что̀ жь дѣлать, если такъ думается? Я и радъ бы думать иначе, но вѣдь такая мысль не вдругъ же родилась въ моей головѣ безъ всякаго основанія; мнѣ пришлось вывесть ее поневолѣ изъ цѣлаго ряда неудачъ, изъ многихъ лѣтъ постояннаго горя. За что̀ ни брался я съ полной надеждой— все, рѣшительно все обманывало меня. Правда, въ моемъ характерѣ мало настойчивости, мало силы... Да вѣдь не я же одинъ таковъ... Есть люди и слабохарактернѣе, есть люди вовсе даже безъ характера — и они находятъ свою дорогу и спокойно идутъ по ней... И находятъ еще, не отъискивая ея. А я всю жизнь свою ищу, бьюсь — и все ничего нѣтъ, даже убѣжденія въ томъ, что не умру черезъ недѣлю съ голоду.

Крутояровъ всталъ со стула и сталъ ходить по комнатѣ.

— Да и къ-чему жить? проговорилъ онъ, нахмурившись: — при моей теперешней обстановкѣ трудно желать чего-нибудь, кромѣ смерти. Грудь заболѣла у меня очень-кстати.

— Вы сегодня что-то слишкомъ-раздражены, Крутояровъ.

— Меньше, чѣмъ обыкновенно.

— Неправда; я васъ еще никогда не видѣлъ такимъ, какъ нынче.

— Знаете ли, Аверьяновъ, отвѣчалъ Александръ Петровичъ, подходя къ нему : — мнѣ кажется, что теперь, въ настоящемъ моемъ положеніи, я ужь ни на что̀ не способенъ... я чувствую такое безсиліе, такое страшное безсиліе, какого никогда не чувствовалъ... И къ этому сознанію своего жалкаго состоянія примѣшивается еще какая-то отчаянная тоска. Съ такимъ сознаніемъ, съ такой тоской, право, нельзя жить на бѣломъ свѣтѣ.

— Но вѣдь у васъ есть обязанности...

— Вы намекаете на мою семью, то-есть на жену...

— Да́.

— Ахъ, Аверьяновъ! вы не знаете всего... Едва-ли достало бы и у васъ силъ трудиться для того, кто не только не понимаетъ, но и не любитъ васъ. Конечно, я самъ виноватъ; я увлекся, я былъ слѣпъ; но что́ же мнѣ дѣлать теперь? что̀? Научите, ка̀къ заставить себя не жалѣть, не раскаяваться въ этомъ поступкѣ!.. Вѣдь, однажды сдѣлавъ его, я далъ ему полную власть надъ всей моей жизнью... У меня нѣтъ ужь шага назадъ, но въ то же время нѣтъ возможности шагнуть и впередъ... Я долженъ стоять, стоять на одномъ мѣстѣ, не смѣя шевельнуться...

— Вы могли бы...

— Знаю, знаю, что̀ вы хотите сказать... Я могъ бы, еслибъ во мнѣ было достаточно любви, этою любовью поднять жену въ-уровень со мной, развить ее на столько, чтобъ она поняла меня, сочувствовала мнѣ... Поздно, мой другъ, поздно. То, что̀ казалось мнѣ любовью, было, просто, какой-то мгновенной вспышкой чувства... Въ ней же, въ Машѣ, едва-ли была и такая вспышка, хоть я и увѣренъ, что и разсчета не было въ ней, когда она согласилась быть моей женой. — Но довольно объ этомъ ; Богъ знаетъ, что́ я говорю сегодня... Не смѣйтесь надо мной, что я наговорилъ вамъ столько, безъ связи и смысла... Я не понимаю самъ, что́ со мной дѣлается. Голова у меня болитъ, въ глазахъ туманъ какой-то...

— Это просто хандра, которая какъ-разъ пройдетъ.

— Хандра или нѣтъ, пройдетъ или останется, все же это самое-непріятное состояніе, и дай Богъ, чтобъ у васъ нико-

гда его не было. Прощайте, однакожь, я у васъ слишкомъ засидѣлся.

Длинная дорога изъ Коломны ко Владимірской показалась Крутоярову очень-краткою—такъ былъ онъ поглощенъ своими безсвязными и докучливыми думами.

«Боже мой!» думалъ онъ: «ужь если нѣтъ ничего общаго въ понятіяхъ, въ характерѣ, въ образованіи, такъ хоть бы любовь была — слѣпая любовь, которая не отдаетъ себѣ ни въ чемъ отчета; или даже, если ужь и любви не можетъ быть, такъ хоть притворство было бы, то притворство, которое называютъ кокетствомъ... хоть оно бы дѣйствовало, если не на сердце, такъ на нервы по-крайней-мѣрѣ. Но и того нѣтъ...»

Крутояровъ вошелъ во дворъ дома, гдѣ была его квартира. Когда онъ посмотрѣлъ на окна ея, ему показалось, что у одного изъ нихъ сидитъ какая-то незнакомая дама.

«Кто бы это?» подумалъ онъ.

Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что это просто-на-просто Марья Ивановна? Ка́къ, въ-самомъ-дѣлѣ, было не удивиться?.. Марья Ивановна была неузнаваема въ новой прическѣ. Можно сказать навѣрное, что будь на ней въ это время вмѣсто ея мѣшковатаго платья другое, которое болѣе-стройно одѣвало бы ее, Александръ Петровичъ, пожалуй, влюбился бы въ жену свою въ другой разъ такъ же сильно, какъ, полгода назадъ, на красногрязевской станціи. Онъ почувствовалъ и теперь приливъ нѣжности къ своему сердцу, сѣлъ около Марьи Ивановны, крѣпко обнялъ ее и поцаловалъ.

Ему стало какъ-то легче.

— Что̀, нравится тебѣ, ка̀къ я причесана?

— Очень, очень; ты сегодня просто красавица.

— Не-ужь-то?

— Да́.

— Ну, такъ я буду каждый день такъ причесываться... Авось, ты будешь добрѣе.

— Когда же я былъ золъ, Маша?

— Знаешь самъ. Я напоминать не хочу. Нѐкогда, пора обѣдать.

Марья Ивановна встала.

— Постой, постой! Дай хоть поцаловать тебя.

— Послѣ.

— Нѣтъ, теперь; я хочу теперь.

— Хорошо, только поскорѣе.

Крутояровъ поцаловалъ.

— Ну, довольно ужь, довольно. Пусти!

И она убѣжала на кухню.

У Крутоярова перестала и голова болѣть; онъ посмотрѣлъ въ окно, и день ему показался такимъ свѣтлымъ, что было бы неумѣстно предаваться какимъ-нибудь темнымъ мыслямъ.

VII.

За обѣдомъ Марья Ивановна разсказала мужу о знакомствѣ своемъ съ Анной Марковной Тагановой. Крутояровъ былъ доволенъ, что у жены его будетъ хоть какое-нибудь женское общество. Первое вліяніе этого знакомства, проявившееся въ прическѣ Марьи Ивановны, было ему очень по нраву.

На другой день Анна Марковна заплатила визитъ своей сосѣдкѣ, но, къ-несчастью, въ такое время, когда Александра Петровича не было дома. Онъ очень жалѣлъ, что не познакомился со вдовой.

Въ этотъ же день явилась къ Марьѣ Ивановнѣ портниха, которую вдова обѣщала прислать. Ей было поручено Марьею Ивановной пріобрѣсть по мѣркѣ корсетъ и перешить два шелковыя платья по послѣднему фасону. Портниха кстати принесла кисейныя вышитыя манишетки, которыя Марья Ивановна и купила.

Одно платье было передѣлано къ субботѣ, и Марья Ивановна сообщила Александру Петровичу, что она вечеромъ не будетъ дома, потому-что ее пригласила на чай Анна Марковна.

— Иди, Маша, иди. Я очень-радъ, что тебѣ есть теперь съ кѣмъ провести время.

— Тебѣ будетъ скучно?

— Вотъ прекрасно! И не поскучать одинъ вечеръ? Вѣдь ты же, вѣрно, не разъ безъ меня скучала.

Новое, или лучше сказать, обновленное платье сидѣло такъ ловко на Марьѣ Ивановнѣ, она была въ немъ такъ стройна и хороша, что Александру Петровичу было рѣшительно жаль разстаться съ Машей и отпускать ее въ гости.

— Я ворочусь пораньше, Саша! говорила она, съ наслажденіемъ, хотя и безъ всякаго удобства, осматривая свой костюмъ въ маленькое зеркало.

— Зачѣмъ же? Оставайся тамъ, сколько хочешь, только бы весело тебѣ было.

«Какъ это» думала Марья Ивановна: «до-сихъ-поръ не приходило мнѣ въ голову носить корсетъ! Въ корсетѣ я совсѣмъ другая; а то словно старуха!»

— Ну, прощай теперь.

— Прощай, Маша; поцалуй.

Маша поцаловала.

— Еще, еще.

— Ну, пожалуй и еще. Довольно теперь?

— Нѣтъ, мало. Еще.

— Ну, вотъ тебѣ покамѣстъ еще. Будетъ теперь. Ужó, какъ ворочусь, можешь цаловать сколько хочешь.

У Марьи Ивановны какъ-будто прибавилось отъ новаго платья и легкости, и граціи. Она такъ ловко набросила себѣ на плечи плащъ и выпорхнула изъ комнаты, что Александръ Петровичъ подивился, откуда явилась въ ней такая живость. Одно не понравилось ему въ ея нарядѣ, именно, что она не сняла со своей шляпки дешевыхъ, безвкусно-сдѣланныхъ цвѣтовъ, которыми думала украсить ее.

— Здравствуйте! крикнулъ ему въ окно Аверьяновъ, когда, проводя жену глазами до крыльца сосѣдки, Крутояровъ присѣлъ-было къ окну съ книгой.

— А! Аверьяновъ! Здравствуйте! Какъ нельзя больше кстати. Я одинъ и скучаю.

— Скучаете, а не хандрите по-крайней-мѣрѣ.

— Нѣтъ, именно скучаю, хандра моя почти прошла.

— Ну, и слава-Богу!

Марья Ивановна была первою гостьей милой Анны Марковны. Анна Марковна сидѣла одна и читала что-то. На ней было черное шелковое платье, прекрасно-обрисовывавшее ея мужественный станъ и величественныя формы.

— Ахъ, душенька! Здравствуйте! Кáкъ ваше здоровье? воскликнула она, бросивъ книгу и идя на встрѣчу гостьѣ.

— Слава-Богу. Кáкъ вы, Анна Марковна?

— Я... чтò мнѣ дѣлается? Ха, ха, ха!.. Садитесь, моя милая, садитесь. Ахъ, да вы въ обновѣ, дайте я васъ ущип-

ну... ха, ха, ха! Ну, вотъ взгляните теперь на себя — прелесть! прелесть!.. Вотъ что̀ значитъ, когда платье сшито хорошо... Просто душка — дддушка.

Анна Марковна бросилась обнимать и цаловать Марью Ивановну.

— Въ васъ теперь всякій влюбится... Душка, душка — да и только. Да снимайте же шляпку... Только зачѣмъ это, моя милая, у васъ тутъ приколоты эти дрянные цвѣты?.. Ихъ надо бросить: они вовсе некстати.

Марья Ивановна вспомнила слова мужа.

— Я ихъ сниму завтра, сказала она, немного покраснѣвъ и снимая шляпку.

— А безъ шляпки еще лучше — еще лучше... восклицала съ непритворнымъ восторгомъ Анна Марковна, не выпуская гостьи изъ своихъ могучихъ объятій. — Мнѣ васъ просто бояться надо, да́, бояться... ха, ха, ха!.. Вѣдь на меня теперь при васъ вниманія никто не захочетъ обратить... ха, ха, ха!.. Я теперь буду сама себя бранить... ха, ха, ха!.. что познакомилась съ вами... Вы у меня отобьете всѣхъ моихъ поклонниковъ... ха, ха, ха!..

Марья Ивановна не могла противиться обаятельному хохоту своей хозяйки, и поневолѣ принялась сама весело смѣяться.

— Ахъ, какъ она смѣется! вскричала Анна Марковна: — какъ она очаровательно смѣется!.. Душка вы моя, душка!

И вдова опять заключила Марью Ивановну въ свои объятія и цаловала ее въ щеки такъ крѣпко, что вездѣ, куда прикасались ея пышныя уста, непремѣнно оставалось нѣжное розовое пятнышко.

Скоро раздался звонокъ у двери, и черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого звонка, въ гостиную Анны Марковны вошла еще гостья, къ которой хозяйка устремилась на встрѣчу съ такой же непритворной радостью и съ такими же нѣжными восклицаніями, съ какими встрѣтила и Марью Ивановну.

— Ахъ, Эмилія Казиміровна, ангелъ мой! ка̀къ давно я васъ не видала, ка̀къ давно!

Эти дружелюбные привѣты сопровождались, какъ понятно, не менѣе дружелюбными объятіями и поцалуями.

Эмилія Казиміровна была женщина среднихъ лѣтъ (между двадцатью-пятью и тридцатью-пятью), высокая, худощавая

блондинка съ блѣднымъ лицомъ, томными глазами, тонкими чертами и длинными жидкими локонами, которые закрывали не только ея уши, но и часть щокъ. На этой дамѣ, общимъ выраженіемъ лица и всей фигуры которой была какая-то пріятная томность, было шолковое платье стальнаго цвѣта съ высокимъ лифомъ, и большая шаль, которою она могла бы три раза обернуть свои узкія плечи.

— Позвольте васъ познакомить, продолжала хозяйка, прервавъ свои привѣтственныя восклицанія и не давъ гостьѣ сказать ни слова:—Марья Ивановна, моя сосѣдка... Эмилія Казиміровна другъ моего дѣтства, истинный другъ... Тàкъ вѣдь, Эмилія Казиміровна? а?

— Такъ, такъ, проговорила съ улыбкой прекрасная Эмилія Казиміровна и, протянувъ маленькую руку свою къ Марьѣ Ивановнѣ, прибавила: — очень-рада.

— Ну, что́, душенька, весело было вчера на пикникѣ? спросила хозяйка.

— Дà, довольно-весело, отвѣчала съ польскимъ акцентомъ Эмилія Казиміровна.

— Много было?

— Много̀.

— Изъ моихъ знакомыхъ, кромѣ васъ, былъ еще кто-нибудь?

— Да... Адель была... и только.

— А изъ мужчинъ?

— Вашъ двоюродный братъ Фараклеевъ.

— Ахъ, Анна Марковна! Чтобъ не забыть... Мнѣ нужно вамъ сказать слова два по секрету.

— Что, что̀ такое? Извольте.

Гостья и хозяйка встали съ мѣста.

— Пойдемте въ ту комнату, душа моя. Извините, Марья Ивановна; мы сію минуту.

— Дà, сейчасъ, прибавила и Эмилія Казиміровна.

Онѣ вышли въ сосѣднюю комнату и говорили довольно-долго, и несмотря на то, что дѣло было, какъ сказала бѣлокурая гостья, секретное, довольно-громко. Впрочемъ, изо всего разговора ихъ Марья Ивановна слышала только послѣднія слова Эмиліи Казиміровны:

— Хорошо, хорошо.

— Марья Ивановна почти не могла участвовать въ дальнѣйшемъ разговорѣ Анны Марковны и Эмиліи Казиміровны, потому-что разговоръ ихъ касался большею-частью лицъ или общественныхъ удовольствій, которыя не были извѣстны Крутояровой даже и по слуху. Повременамъ старалась хозяйка сдѣлать и ее участницей своей довольно-оживленной бесѣды, но Марья Ивановна, отвѣтивъ на вопросъ, опять умолкала. Хозяйкѣ приходилось бросаться къ ней съ восклицаніями: «Ахъ вы, душка моя, душка!» и съ объятіями, и затѣмъ продолжать разсуждать съ Эмиліей Казиміровной о какомъ-то неслыханномъ по фасону и матеріи бурнусѣ.

Марьѣ Ивановнѣ было скучно; она поджидала, не будетъ ли еще гостей къ Аннѣ Марковнѣ, но давно ужь пробило девять часовъ, а гостей никого не являлось.

— Эмилія Казиміровна, спойте-ка намъ что-нибудь, сказала хозяйка, желая, вѣроятно, доставить какое-нибудь развлеченіе своей сосѣдкѣ, скуку которой она успѣла замѣтить.

— Пожалуй, отвѣчала Эмилія Казиміровна и отправилась въ сосѣднюю комнату, къ фортепьяно.

— Вотъ послушайте, душка, ка̀къ она поетъ. Чудо, что̀ за голосъ! Я ей совѣтовала на сцену идти. Какъ она «Соловья» поетъ—прелесть. Что̀ твоя Вьярдо... Вы слышали Вьярдо?

— Нѣтъ.

— Неужто?.. Ахъ, восхитительно! Пойдемте туда.

Онѣ вышли.

— Эмилія Казиміровна, спойте, душенька, «Соловья»! сказала Анна Марковна, подходя къ фортепьяно.

Но Эмилія Казиміровна съиграла ужь ритурнель другаго романса и запѣла не «Соловья». Романсъ былъ иноязычный, и изъ него Марья Ивановна поняла только одну строчку, именно: «Цало́вацъ, цало́вацъ, цало́вацъ!» Когда съ тонкихъ губъ Эмиліи Казиміровны слетало это «Цало̀вацъ, цало́вацъ, цало́вацъ!» глаза ея такъ томно смотрѣли, плечи такъ уходили назадъ, а грудь такъ высоко подымалась, что слушателя вчужѣ бралъ страхъ. Страстное колыханье длинныхъ, свѣтлыхъ локоновъ придавало еще болѣе восторженный видъ милой пѣвицѣ. Голосъ Эмиліи Казиміровны былъ бы въ-самомъ-дѣлѣ очень-хорошъ, еслибъ у него убавить нѣсколько рѣзкости.

— Ну, теперь «Соловья», «Соловья», Эмилія Казиміровна!

Эмилія Казиміровна запѣла и «Соловья», и своимъ искусствомъ рѣшительно привела въ-тупикъ Марью Ивановну, которая никогда не слыхала никакого, кромѣ деревенскаго, пѣнія. (Проживъ цѣлую зиму въ Петербургѣ, она еще ни разу не была въ театрѣ). За «Соловьемъ» слѣдовали: «Ненаглядный ты мой!» и «Матушка-голубушка».

Прослушавъ «Матушку-голубушку», Марья Ивановна взялась за шляпку съ твердымъ намѣреніемъ идти домой; но милая Анна Марковна убѣдительно просила ее остаться еще хоть немножко.

— Погодите, душа моя! куда вамъ торопиться? Вы здѣсь все-равно, что дома.

— Съ-полчаса я пожалуй останусь, но ужь дольше никакъ— посмотрите, ужь десять часовъ.

— Ну, хоть полчаса. Да и что же это за поздно — десять часовъ? По петербургскому только-что начинается вечеръ. А вотъ Эмилія Казиміровна покамѣстъ споетъ намъ еще чтó-нибудь. Спойте, душа моя!

— Чтò мнѣ спѣть? Я ужь и не знаю.

— Спойте «Сарафанчикъ»!

— Ахъ, нѣтъ, подите вы съ «Сарафанчикомъ»... Я его терпѣть не могу.

— Ну, «Онъ меня разлюбилъ».

Эмилія Казиміровна забряцала на фортепьяно и запѣла — запѣла съ чувствомъ, съ энергіей...

— Браво! браво! воскликнула, хлопая въ ладоши, Анна Марковна.

— «Онъ меня разлюбилъ,
Онъ меня погубилъ...»

повторила еще разъ и еще энергичнѣе Эмилія Казиміровна.

— Прелесть, прелесть! повторяла Анна Марковна.—Неправда ли, душа моя? обратилась она къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Да-съ, очень-хорошо, отвѣчала Марья Ивановна.

— Вотъ жаль, сказала Анна Марковна, подходя къ пѣвицѣ и наклоняясь къ ней: — вотъ жаль — Матвѣя Иваныча нѣтъ. Онъ просто растаялъ бы—ха, ха, ха!

Марья Ивановна была какъ на иголкахъ: ей казалось, что она ужь черезчуръ долго засидѣлась въ гостяхъ и ее тянуло поскорѣе домой.

При вторичной попыткѣ надѣть шляпку, Анна Марковна ужь не останавливала несговорчивой гостьи, а только повторяла, сжимая ее въ своихъ теплыхъ объятіяхъ:

— Ну, нечего съ вами дѣлать, нечего... Прощайте, душа моя!.. Только ужь если вы въ другой разъ будете такъ торопиться—я просто разсержусь на васъ.

— Въ другой разъ не буду, Анна Марковна.

— Смотрите же.

Марья Ивановна пожала руку и хозяйкѣ, и Эмиліи Казиміровнѣ, и пошла къ прихожей.

Въ прихожей зазвонили.

— Эй, Таня! Таня! кликнула Анна Марковна.—Иди, отвори! звонятъ.

— Это, вѣрно, вашъ двоюродный братецъ, замѣтила Эмилія Казиміровна.

— Онъ, онъ, отвѣчала хозяйка, бросаясь въ прихожую за Марьей Ивановной. — Марья Ивановна, душенька, погодите немножко; воротитесь... на пять минутъ.

— Нѣтъ, право, не могу, въ другой разъ.

— Ахъ, какія вы!

— Ей-Богу, пора.

— Ну, Богъ съ вами! Когда же мы увидимся по-крайней-мѣрѣ?

— Когда хотите — хоть завтра.

— Хорошо, хорошо.

Опять зазвонили.

— Таня! воскликнула опять Анна Марковна:—иди же! ужь въ другой разъ звонятъ.

— Сейчасъ-съ. Салопъ только подамъ.

— Прощайте! проговорила гостья.

— Прощайте, душа моя. Не забывайте же меня.

Таня отперла дверь. Марья Ивановна пошла; ей на встрѣчу шагнулъ-было изъ сѣней какой-то высокій и полный господинъ, но, увидѣвъ даму, далъ ей пропускъ и, наклонясь, проговорилъ:

— Mille pardons, madame.

Марья Ивановна, Богъ вѣдаетъ отчего, сконфузилась и почти бѣгомъ побѣжала домой.

Господинъ, вошедшій въ переднюю, медленно и съ достоинствомъ снялъ съ себя пальто и передалъ его Танѣ, которая съ пріятной улыбкой привѣтствовала его:

— Здравствуйте, Матвѣй Иванычъ; что̀ васъ давно не видать?

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, Матвѣй Ивановичъ взялъ Таню за подбородокъ и съ серьёзнымъ видомъ произнесъ:

— Здравствуй, прелестный котёнокъ.

— Ахъ вы, шутникъ! проговорила Таня.

Матвѣй Ивановичъ снялъ шляпу и пошелъ дальше.

Его у самыхъ дверей встрѣтили хозяйка и гостья.

Все, что̀ ни говорилъ онъ, было исполнено такого достоинства, что сразу можно было угадать въ Матвѣѣ Ивановичѣ человѣка съ вѣсомъ и съ состояніемъ. Матвѣй Ивановичъ и наружность имѣлъ самую-почтенную: голова его, надъ которою прошло ужь тридцать-девять съ половиною лѣтъ, была гладко выстрижена; черные волосы пробивала ужь сѣдина, и на солнцѣ они серебрились, какъ породистый боберъ; полное лицо его было всегда чрезвычайно-чисто выбрито и на щекахъ игралъ свѣжій румянецъ здоровья и довольства; брови, глаза, носъ, губы, подбородокъ — все было въ высшей степени прилично: во всемъ была должная соразмѣрность и ничто не бросалось въ глаза. Зато, встрѣчаясь съ Матвѣемъ Ивановичемъ, нельзя было не обратить вниманія на сверкавшія неподдѣльнымъ огнемъ брильянтовыя запонки его дѣвственно-бѣлой рубашки и на огромный солитеръ, сіявшій на безъименномъ пальцѣ его правой руки. Одежда его была всегда безукоризненна по чистотѣ, новизнѣ и современности покроя, которая умѣрялась, однакожъ, всегда разборчивымъ вкусомъ Матвѣя Ивановича, и была чужда крайностей. Такъ, Матвѣй Ивановичъ терпѣть не могъ разныхъ модныхъ сюртучковъ, больше похожихъ на куртки, чѣмъ на сюртучки; никогда такія куцыя одежды не касались его тучныхъ плечъ и бедръ. Куда ни шелъ Матвѣй Ивановичъ, всюду предшествовалъ ему и слѣдовалъ за нимъ усладительный запахъ тончайшихъ французскихъ духовъ, которыми благоухало все его одѣяніе и былъ спеціально напитанъ тонкій батистовый платокъ въ заднемъ карманѣ фрака.

VIII.

Недѣли за двѣ до визита къ Аннѣ Марковнѣ, Марья Ивановна послала, во время отсутствія мужа, новую кухарку

свою, Мавру, на почту съ письмомъ, адресованнымъ въ Красныя-Грязи. Марья Ивановна не разъ ужь говорила Александру Петровичу, что пора бы написать домой, а то тамъ, Богъ знаетъ, какъ безпокоятся ихъ долгимъ молчаніемъ; но Александръ Петровичъ, всегда чувствовавшій антипатію къ писанью какихъ бы то ни было писемъ, откладывалъ это дѣло со-дня-на-день и обыкновенно говорилъ женѣ:

— Да напиши сама!

Марья Ивановна, писавшая къ родителямъ изъ Петербурга всего два раза, тотчасъ по пріѣздѣ и потомъ передъ святками, написала на этотъ разъ вотъ что̀:

«Дражайшая маменька, Акулина Степановна! Я уже давно къ Вамъ не писала; но Ваши всѣ письма получала акуратно. Хотя мнѣ очень непріятно огорчать Васъ и тятеньку, однако же не могу скрывать, по моей любви къ Вамъ: Александръ Петровичъ до-сихъ-поръ живетъ безъ мѣста и ни чѣмъ не занимается, такъ-что даже смотрѣть на это досадно. Обѣщаній давалъ онъ очень-много, и Вамъ это извѣстно; но по обѣщаніямъ своимъ не сдѣлалъ ничего, потому-что на кого надѣялся, всѣ отступились, и остался только одинъ пріятель, да и на того очень мало я имѣю надежды. Не только, чтобъ помочь, но еще самъ, кажется, ничего не имѣетъ. Сколько я ни говорила Александру Петровичу, что въ этомъ его пріятелѣ нѣтъ никакого толку, онъ не слушаетъ меня и только сердится. Характеръ у него совсѣмъ измѣнился противъ того, какъ вы знали; старается не дѣлать мнѣ никакого удовольствія и только огорчаетъ всякими попреками. Если бы Вы, маменька, знали, сколько я плакала здѣсь! Жизнь моя такая скучная, даромъ-что въ Петербургѣ живу, что даже хотѣла бы лучше жить въ Красныхъ-Грязяхъ, нежели въ Петербургѣ: у Васъ было мнѣ гораздо-больше удовольствія. Деньги у насъ теперь еще есть, только ихъ ужь не на долго достанетъ; а Александръ Петровичъ нисколько не заботится, чтобъ получить какую-нибудь должность — и только лежитъ на боку, да читаетъ книжки. Я ужь и не знаю, право, какъ мы жить будемъ. Здѣсь же дороговизна во всемъ ужасная. Я вовсе не полагала, чтобъ Александръ Петровичъ былъ такой беззаботный человѣкъ, а теперь вижу, только съ нимъ сладить не могу. Хорошо еще, что насъ теперь всего-на-все двое, а какъ лѣтомъ еще семейства прибавится—тогда бѣда. Опять новые расходы пойдутъ: кормилицу, няньку нанять надо будетъ, то, другое, а я и не надѣюсь, чтобъ Александръ Петровичъ получилъ къ тому времени хоть какое ни на есть мѣсто.

«Прощайте, милая маменька. Ахъ, еслибъ Вы только знали, въ какой я нахожусь тоскѣ! Прошу Вашего и тятенькина родительскаго благословенія, Любочку отъ всей души цалую и остаюсь любящая Васъ дочь,

Марья Крутоярова.»

Съ какимъ неизобразимымъ восхищеніемъ взяла, почти вырвала изъ рукъ плѣшиваго Ивана Филиповича это письмо Акулина Степановна, и какъ горько и тяжело было ей читать строки, написанныя рукою дочери, отъ которой она ждала вовсе не такихъ печальныхъ извѣстій! Ждала Акулина Степановна долго; и не разъ думала даже такъ: «Вѣрно, больно хорошо живется имъ въ Питерѣ, что забыли совсѣмъ объ отцѣ и объ матери. Въ счастьѣ у человѣка память коротка становится!» И вдругъ, словно упрекая старуху въ этой неправой мысли, письмо дочери разсказываетъ ей не о счастьѣ ея любимицы, а о горѣ. Акулина Степановна не дочитала письма и до половины, какъ глаза ея помутились отъ слезъ и она ужь не могла различить буквы отъ буквы. Письмо было передано Любѣ, и Люба прочитала его вслухъ отъ начала до конца.

— Голубушка ты моя! воскликнула, всхлипывая, смотрительша, когда дослушала письмо. — Точно чуяло мое сердечушко, что не будетъ проку въ этомъ дѣлѣ. Всѣ-то дни, какъ ее, мою милушку, замужъ снаряжала, я словно шальная какая ходила, словно во мнѣ сердце кровью истекало.

— О-охъ! глубоко вздохнулъ Иванъ Филиповичъ и полѣзъ въ карманъ за носовымъ платкомъ, потому-что слезы такъ и выкатывались изъ-подъ его красныхъ вѣкъ, такъ и бѣжали по худымъ щекамъ.

Люба подсѣла къ окну и стала перечитывать съизнова письмо сестры. Сердце ея болѣзненно сжималось во время этого чтенія.

Съ того самаго дня, какъ Акулина Степановна съ плачемъ проводила свою дочь на чужую сторону, на незнакомую долю, она какъ-будто стала совсѣмъ не та, какою была до этой поры. Она была ужь не такъ ворчлива и съ каждымъ днемъ все меньше и меньше приходилось Любѣ выслушивать упрековъ, которые, бывало, ежедневно читала ей мать; Акулина Степановна начала даже показывать младшей дочери малую долю той любви, какою была взыскана отъ нея Маша; Лю-

ба меньше молчала и стала нѣсколько свободнѣе въ обхожденіи, но старинная холодность не могла такъ скоро изгладиться изъ ея памяти и дѣвочка смотрѣла довольно-недовѣрчиво на ласковое обращеніе съ нею Акулины Степановны. Смотрительша, повидимому, вовсе не убивалась разлукой съ любимой дочерью, рѣдко показывались на глазахъ ея слезы, рѣдко говорила она о ней, но тѣмъ не менѣе грусть ея была сильна и глубока. Акулина Степановна такъ похудѣла, что еслибъ Крутояровъ, видѣвшій ее въ октябрѣ, увидѣлъ ее въ маѣ, онъ съ трудомъ узналъ бы ее.

Зато нисколько не перемѣнился добродушный Иванъ Филиповичъ, ни физически, ни морально: съ виду былъ онъ тотъ же дряхленькій и плѣшивенькій, но все еще юркій человѣкъ, говорить любилъ по-старому, головою былъ тоже слабъ по-старому.

Люба много выросла въ эти шесть мѣсяцевъ: она сравнялась ростомъ съ матерью и похорошѣла. Въ мартѣ пошелъ ей пятнадцатый годъ, но, глядя на ея быстро-развившіяся формы, всякій подумалъ бы, что ей скоро исполнится шестнадцать лѣтъ. Ея жалкая библіотека въ послѣднее время значительно обогатилась. Иванъ Филиповичъ долженъ былъ какъ-то ѣхать по службѣ въ городъ и, возвратясь оттуда съ сіявшимъ отъ удовольствія лицомъ, вручилъ Любѣ нѣсколько старыхъ крѣпко-исчитанныхъ томовъ. Эти томы были далеко не такъ малоцѣнны, какъ тѣ, которыми обладала до той поры Люба. «Біянка Капелло» и «Амелія Мансфильдъ» были совершенно забыты для трехъ разрозненныхъ частей Пушкина, въ которыхъ Люба не могла до̀сыта начитаться «Евгенія Онѣгина» и «Капитанской дочки». Три тома одного изъ нашихъ толстыхъ журналовъ были тоже не разъ перечитаны ею отъ первой до послѣдней страницы, несмотря на то, что почти треть каждаго изъ этихъ томовъ состояла изъ тяжелыхъ, серьёзныхъ статей.

Такъ же тихо, какъ и въ пору прихода Крутоярова въ Красныя-Грязи, такъ же мирно чередуясь, проходили одинъ за другимъ и хмурые и солнцемъ озаренные дни подъ кровлей станціоннаго дома, и развѣ только приближавшаяся сизоводская ярмарка могла бы возбудить нѣкоторую жизнь въ его старыхъ стѣнахъ и тѣмъ хоть немного сократить время, тянувшееся такъ нескончаемо-долго отъ утра до вечера. Но преж-

де чѣмъ наступила ярмарочная пора, одно неожиданное событіе пало, какъ камень, въ скромный ручеекъ жизни Ивана Филиповича и надолго-надолго возмутило его прозрачныя воды.

Это было въ половинѣ іюня.

Акулина Степановна, и безъ того грустная, стала грустить все больше и больше, послѣ полученія письма отъ своей старшей дочери. Знавъ смотрительшу до отъѣзда Маши, никто не повѣрилъ бы возможности такой глубокой печали въ сердцѣ столь суровой съ виду Акулины Степановны. Впрочемъ, и суровости ея теперь какъ-будто не бывало.

— Охъ, что-то больно мнѣ нездоровится! часто говорила Акулина Степановна, приложивъ обѣ руки къ головѣ.

— Да что́ съ вами, маменька? спрашивала Люба.

— Охъ, и сама не знаю—и сама не знаю. Точно мнѣ голову-то по срединѣ кто надрубилъ—такъ ее и разламываетъ на обѣ стороны.

— Вы бы приложили къ ней чего-нибудь.

— Э-эхъ! пусть ее болитъ.

И, отнявъ руки отъ горячей головы, Акулина Степановна прижимала ихъ къ своему лѣвому боку.

— Опять вотъ и сердце — точно кто сосетъ его... Охъ, Господи! Господи!.. Ужь такая тоска, такая тоска...

— Вы все, маменька, о сестрицѣ думаете... Полноте такъ горевать. Богъ не безъ милости, вѣрно ихъ дѣла поправятся.

— Не вѣрится что-то — охъ! не вѣрится... Ужь не даромъ у меня вся душа изнываетъ.

Акулина Степановна качала въ раздумьи головой.

— Да еще днемъ-то ничего: все еще хоть двигаюсь койкакъ, а ужь какъ вечеръ пріидетъ да спать уляжешься—такъ тутъ къ сердцу-то такъ подступитъ, что, кажется, только и впору, что умереть.

Однажды, раннимъ утромъ, когда еще чуть-чуть занималась заря и слегка начала желтѣть бѣлая колокольня красногрязевской церкви, Иванъ Филиповичъ, спавшій въ пріемной комнатѣ на рыжемъ диванѣ, пробудился въ испугѣ. Въ самую глубь его крѣпкаго сна проникъ дрожащій, полный страха и слезъ голосъ, громко звавшій его:

— Тятенька, проснитесь! Вставайте... Поскорѣе!

Иванъ Филиповичъ вскочилъ.

— Что́? что̀?

Передъ нимъ стояла блѣдная и плачущая Люба, накинувшая на себя второпяхъ какой-то ветхій салопчикъ и неуспѣвшая надѣть даже башмаковъ.

— Что̀ такое, Любочка? что́ такое? повторялъ онъ, торопливо одѣваясь.

— Скорѣе, тятенька, скорѣе! восклицала Люба: — съ маменькой дурно.

— Ахъ, Господи! Сейчасъ, сейчасъ.

— Идите поскорѣе!

И Люба убѣжала.

Немедленно послѣдовалъ за нею Иванъ Филиповичъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ подступилъ къ постели жены.

Акулинѣ Степановнѣ не суждено было выздоравливать. Черезъ три дня страданій, во время которыхъ она не узнавала ни мужа, ни дочери, смотрительша умерла.

Никогда десятилѣтній ребенокъ, оставшійся круглымъ сиротой на Божьемъ свѣтѣ, не казался столь жалкимъ, безпомощнымъ и беззащитнымъ, какъ овдовѣвшій Иванъ Филиповичъ. Лысая голова его тряслась, губы дрожали, а изъ глазъ, не переставая, катились одна за другой горькія слезы. Глядя на это обиліе слезъ, проливаемыхъ смотрителемъ, страшно становилось за глаза его: и безъ того видѣли они отъ старости плохо, а тутъ еще столько плакать... плакать не день, не два, а цѣлую недѣлю, не осушая глазъ. Одною недѣлей не кончились, однакожь, слезы Ивана Филиповича: глаза его по временамъ осушались; но стоило только вспомнить объ умершей женѣ или, говоря съ дочерью, прибавить къ имени Акулины Степановны печальное словечко: «покойница», опять начинали усиленно моргать морщинистыя вѣки смотрителя отъ набѣгавшихъ слезъ.

Печаль Любы не выражалась такъ ясно, какъ печаль старика; конечно, и Люба поплакала, но не такъ безутѣшно, какъ старикъ-отецъ. Ей было жаль Акулину Степановну, но едва-ли не больше жалѣла она объ Иванѣ Филиповичѣ, который, не будь около него Любы, вѣрно немногими днями пережилъ бы жену... А кажется Иванъ Филиповичъ видалъ слишкомъ-рѣдко привѣтливость и ласку Акулины Степановны къ себѣ; постоянно чувствовалъ онъ въ ея присутствіи самое полное сознаніе своего всяческаго безсилія, и даже нѣкото-

рый страхъ, не говоря ужь о тѣхъ минутахъ, когда покойница была не въ духѣ и градомъ сыпала изъ гнѣвныхъ устъ своихъ карающія слова на побѣдную головушку смиреннаго сожителя.

— Сироточка ты моя! лепеталъ Иванъ Филиповичъ, прижимая хорошенькую головку Любы къ своей худой, волнуемой плачемъ груди. — Одно ты у меня утѣшеніе осталось...

На этомъ обыкновенно запинался старикъ, потому-что, растроганный своими собственными словами, принимался рыдать.

— Полноте, тятенька! долго ли вамъ плакать? утѣшала его, какъ маленькаго ребенка, Люба, обвивая руками его шею и цалуя его морщинистыя влажныя щоки, но невольно у нея самой навертывались слезы.

— Ну, не буду, не буду, голубушка ты моя! едва внятно произносилъ Иванъ Филиповичъ: — ты-то только не плачь, Любочка...

И онъ плакалъ еще больше.

Казалось, еще медленнѣе стало тянуться время послѣ кончины Акулины Степановны для тихихъ обитателей тихаго станціоннаго дома въ Красныхъ-Грязяхъ; даже наступившая ярмарка, оживившая красногрязевскую дорогу, не представляла имъ никакихъ развлеченій. Напротивъ, она только еще болѣе сбила съ толку смотрителя, и безъ того ошеломленнаго неожиданною смертью своей жены. Любѣ пришлось помогать ему и, не будь ея, навѣрное, не разъ случилось бы Ивану Филиповичу прописать подорожную какого-нибудь проѣзжаго не въ той книгѣ, которая назначена для прописыванья подорожень, а въ тетради для жалобъ, или же проѣзжему, желающему пожаловаться на неакуратность Ивана Филиповича, совершенно безъ умысла подвернуть приходо-расходную книгу. Люба видѣла это очень хорошо и потому всякій разъ, какъ раздавался у оконъ почтовый колокольчикъ, выходила изъ своей темной комнатки, подходила къ письменному столу за перегородкой пріемной комнаты, брала перо и развертывала передъ собой одну изъ шнуровыхъ книгъ, ожидая Ивана Филиповича съ подорожной, отобранной у проѣзжаго.

И тянулось такимъ образомъ время годъ и другой... Люба совершенно сформировалась; она была ужь совсѣмъ невѣста и вдобавокъ красавица. Иванъ Филиповичъ между-тѣмъ почти ослѣпъ и только съ усиліемъ могъ прочитать что-ни-

будь, надѣвъ на носъ огромныя очки въ тяжелой мѣдной оправѣ; онъ очень постарѣлъ, похудѣлъ и утратилъ окончательно свою прежнюю торопливость въ движеніяхъ.

Впрочемъ, мы заглянули слишкомъ-далеко; посмотримъ сначала, что̀ дѣлается въ Петербургѣ, то-есть въ томъ уголку Петербурга, гдѣ живетъ Марья Ивановна.

IX.

Еслибъ письмо Марьи Ивановны, которое такъ опечалило Акулину Степановну, было отправлено не въ маѣ, а въ половинѣ іюня, не задолго до смерти смотрительши, то Марья Ивановна, конечно, не написала бы въ немъ: «деньги у насъ теперь еще есть». Въ это время кошелекъ Александра Петровича былъ пустъ, и еслибъ Аверьяновъ не отрекомендовалъ Крутоярова въ одинъ домъ, какъ человѣка, хорошо-знающаго греческій языкъ и латинь, то Крутоярову нечего было бы ѣсть. Хотя плата за уроки и была не велика, однако, отказывая себѣ во многомъ, ею можно было еще существовать.

Александру Петровичу сначала не хотѣлось признаваться женѣ въ безденежьѣ, но ему поневолѣ пришлось вскорѣ разсказать ей всё, ка́къ есть. Марья Ивановна, познакомясь очень-близко съ сосѣдкой, не желала отставать отъ нея ни въ чемъ, и, какъ-будто не замѣчая, что мужу ея сильно не нравится разбитная Анна Марковна, почти требовала отъ него исполненія своихъ прихотей и часто неумѣстныхъ желаній.

— Я не понимаю, Маша, что́ за удовольствіе находишь ты, говорилъ Крутояровъ: — ѣздить чуть не каждый день на эти гулянья, смотрѣть на то, что̀ видѣла по-крайней-мѣрѣ сто разъ.

Маша надувала губы и сердито отвѣчала:

— Конечно, вы желали бы, чтобъ я и людей-то никогда не видала; вы, я думаю, рады бы просто запереть меня въ какой-нибудь чуланъ да и не выпускать оттуда.

— Никто и не думаетъ говорить тебѣ, чтобъ ты сидѣла вѣчно дома; но ужь ѣздить такъ часто — вѣдь рѣдкій вечеръ ты не на гуляньѣ гдѣ-нибудь — это хорошо можетъ быть для какой-нибудь модистки, а у тебя, кажется, есть и домъ, и мужъ. Можно бы вспомнить и о томъ, что эти прогулки не дешево стоятъ.

Марья Ивановна не хотѣла больше ничего слушать.

Въ комнату вошла Таня.

— А! здравствуй, Таня!

— Здравствуйте, Марья Ивановна.

— Что̀ ты?

— Анна Марковна приказали кланяться и вотъ записку прислали.

— Что́, здорова Анна Марковна?

— Слава Богу-съ. Онѣ собираются сегодня въ Новую-Деревню.

Марья Ивановна взяла у Тани записку и прочитала :

«Жду васъ, душенька, въ семь часовъ. Фараклеевъ хотѣлъ «прислать карету—и мы поѣдемъ въ Новую-Деревню. Тамъ «ныньче будетъ великолѣпный фейерверкъ».

— Что̀ прикажете сказать Аннѣ Марковнѣ?

— Скажи, что буду.

— Слушаю-съ.

Таня ушла.

— Что́ это такое? спросилъ Крутояровъ, подходя къ женѣ, перечитывавшей записку.

— Записка, отвѣчала Марья Ивановна.

— О чемъ?

Марья Ивановна подала ему записку.

— Читай!

Крутояровъ прочиталъ.

— Ты поѣдешь?

— Поѣду.

— И если я тебя буду просить остаться, все-таки поѣдешь?

— Поѣду.

Александръ Петровичъ смялъ въ рукѣ записку и бросилъ ее на столъ передъ Марьей Ивановной.

Въ этотъ вечеръ, когда онъ сидѣлъ одинъ и читалъ — читалъ, впрочемъ, такъ невнимательно, что часто долженъ былъ пробѣгать въ другой разъ только-что прочитанную страницу, ему подали письмо, въ которомъ Люба извѣщала его и сестру свою о смерти Акулины Степановны. Это извѣстіе нисколько не огорчило его, потому-что онъ никогда не сочувствовалъ покойной смотрительшѣ; напротивъ, оно даже отчасти порадовало его : вотъ теперь есть поводъ Марьѣ Ивановнѣ оставаться дома; есть поводъ отдалиться хоть немно-

го отъ этой Анны Марковны, которую Крутояровъ начиналъ просто ненавидѣть. Онъ былъ правъ: какую пользу могла извлечь Марья Ивановна изъ тѣснаго знакомства съ своей сосѣдкой? Никакой; знакомство это могло быть даже вредно для Марьи Ивановны... Кто ее знаетъ, эту Анну Марковну, что́ она за женщина, что́ у нея за правила? Александру Петровичу было извѣстно только одно, именно, что Анна Марковна охотница до гуляній, что у нея много знакомыхъ, что она любитъ болтать безъ умолку... Зналъ онъ немного, но, судя по двумъ–тремъ визитамъ Анны Марковны къ его женѣ, рѣшительно убѣдился, что было бы гораздо-лучше, еслибъ Марья Ивановна никогда не встрѣчалась, а тѣмъ болѣе не сближалась со вдовой Тагановой. Сначала ему казалось хоть то хорошимъ въ этомъ знакомствѣ, что Марья Ивановна стала побольше заниматься собой, что она отстала отъ широкихъ и неуклюжихъ платьевъ своихъ, что перестала видѣть въ пестротѣ верхъ изящества; но скоро — увы! слишкомъ-скоро увидѣлъ Крутояровъ, что Марья Ивановна занимается собой не для того, чтобъ больше нравиться мужу... вовсе нѣтъ; наряжаясь какъ можно лучше, когда собиралась къ сосѣдкѣ, дома Марья Ивановна часто по цѣлымъ днямъ расхаживала въ замасляной широкой блузѣ безъ пояса и съ плохо-причесанной головой.

«Теперь», думалъ Крутояровъ: «она будетъ горевать о смерти матери (старуха такъ любила ее) и, конечно, у нея убавится охоты рыскать по гуляньямъ съ этой толстой Анной Марковной».

Александру Петровичу вздумалось почему-то прочитать еще разъ письмо Любы и, прочитавъ его съ бо́льшимъ вниманіемъ, нежели въ первый разъ, онъ не мало удивлялся, ка̀къ просто, съ какимъ чувствомъ, ка̀къ правильно и хорошо было написано письмо. Онъ вспомнилъ о любви Любы къ чтенію, и какъ-то невольно пожалѣлъ, что она живетъ не здѣсь, съ ними, въ Петербургѣ, а въ Красныхъ-Грязяхъ.

Марья Ивановна возвратилась поздно.

— Что̀, весело было? спросилъ, встрѣчая ее со свѣчей, Александръ Петровичъ.

— Разумѣется, веселѣе, чѣмъ съ тобой.

— Тебѣ непремѣнно хочется ссориться, даже когда тебя

просто спрашиваютъ о чемъ-нибудь! сказалъ онъ, ставя свѣчу на столъ.

— Дай хоть раздѣться-то, по-крайней-мѣрѣ, а потомъ ужь и читай, пожалуй, свои наставленія.

Александръ Петровичъ не сказалъ на это ничего.

— А ты дома былъ? спросила болѣе-мирнымъ тономъ Марья Ивановна, сбросивъ съ себя плащъ и шляпку.

— Дòма.

— А погода чудная.

— Дà, хороша.

— Пилъ ты чай?

— Пилъ.

Марья Ивановна поправила волосы передъ зеркаломъ , и сѣла.

— Охъ, какъ я устала сегодня! проговорила она.

— А я безъ тебя письмо получилъ, сказалъ Крутояровъ.

— Отъ маменьки?

— Нѣтъ.

— Отъ кого же?

— Отъ Любы.

— Ну, чтò она пишетъ?

— Мало хорошаго.

— А чтò?

— Да тàкъ, плохо.

— Чтó, чтò такое? Гдѣ письмо?

— Вотъ.

Марья Ивановна проплакала весь остатокъ вечера; Александръ Петровичъ напрасно старался утѣшить ее.

Впрочемъ, несмотря на эти старанія, онъ былъ несовсѣмъ-недоволенъ печалью жены...

На другой день поутру Марья Ивановна опять поплакала, а потомъ, около полудня, когда Александръ Петровичъ отправился на урокъ, надѣла черное платье и пошла къ сосѣдкѣ разсказать о своемъ горѣ.

— Чтò это вы какая блѣдная нынче? спросила у ней Анна Марковна.

— Ахъ, Анна Марковна! со мной случилось большое несчастіе.

— Чтò такое?.. Да вы и плакали, кажется?

— Дà.

— Вѣрно поссорились съ Александромъ Петровичемъ?

— Нѣтъ-съ, совсѣмъ другое.

И Марья Ивановна снова заплакала.

— Что̀ вы, душенька? Что̀ такое? воскликнула съ глубокимъ соболѣзнованіемъ Анна Марковна.

— У меня маменька скончалась, проговорила Марья Ивановна.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Давно ли, душа моя?.. Вы письмо получили?

— Да̀, письмо; вотъ ужь двѣ недѣли будетъ, какъ она умерла.

— Скажите! Ахъ, какъ это грустно!

Анна Марковна покачала головой, вынула изъ кармана платокъ и провела имъ по совершенно-сухимъ глазамъ.

— Не плачьте, мой ангелъ! сказала она самымъ нѣжнымъ голосомъ, наклоняясь къ Марьѣ Ивановнѣ: — что̀ дѣлать! Нашими слезами мы не воротимъ ея. Не плачьте, душенька, полноте огорчаться.

Марья Ивановна не переставала плакать.

— Миръ праху ея! проговорила вдова довольно-торжественно, и опять провела по глазамъ платкомъ.

— Я никакъ этого не ожидала, сказала плачущая Марья Ивановна: — маменька была всегда такъ здорова...

— Что̀ дѣлать, душа моя! что дѣлать! Покоритесь судьбѣ. Конечно, это горько, особенно, когда въ семействѣ своемъ не видишь большой къ себѣ любви; но ка̀къ быть?.. Оботрите глазки!.. Успокойтесь немного!.. Кофею не хотите ли?

— Покорно благодарю-съ.

— Таня! подай намъ кофею!.. Успокойтесь, душа моя. То-то я смотрю, вы въ черномъ... Хоть къ вамъ черный цвѣтъ и очень идетъ, но день сегодня такой жаркій...

— Я, вотъ, не знаю, какъ мнѣ быть, Анна Марковна: у меня черной шляпки нѣтъ.

— Да зачѣмъ же, душенька, черную вамъ шляпку—что вы за старуха?.. Вы сѣренькую какую-нибудь сдѣлайте, или просто-на-просто бѣлую.

Марья Ивановна опустила голову.

— Право, такъ, подтвердила вдова.

— Вотъ въ чемъ моя бѣда, Анна Марковна... начала-было гостья, и остановилась.

*

— Въ чемъ, душенька, въ чемъ?

— Теперь у мужа денегъ совсѣмъ нѣтъ.

— Ну, такъ ничего, душа моя, можете и въ прежней шляпкѣ ходить. Кто знаетъ, что у васъ маменька умерла?

— Да̀, я думаю, можно и не шить новой.

— Или, вотъ... Ахъ! какая превосходная мысль! воскликнула вдругъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Анна Марковна. — Погодите, душа моя, у васъ будетъ шляпка!

— Ка̀къ это?

— Нѣтъ, ужь этого не скажу, не скажу.

— Да ка̀къ же, Анна Марковна? Я, право, не понимаю.

— И понимать ненужно; а ужь будетъ, будетъ... и еще какая!

— Да скажите же, Анна Марковна, откуда?

— Не скажу, ни за что̀ не скажу.

— Скажите, по-крайней-мѣрѣ, когда?

— Когда?.. Постойте... завтра у насъ что̀?

— Вторникъ.

— Вторникъ?.. Завтра же будетъ.

— Ахъ! какія вы странныя, Анна Марковна.

— Нисколько не странная. Говорю вамъ: завтра же будетъ.

— Право, не понимаю.

— Не понимаете; а будетъ.

— Да откуда ей быть?

— Вотъ увидите, откуда. Приходите только завтра вечеромъ ко мнѣ.

— Пожалуй, только...

— Ужь приходите, знайте, приходите!

— Хорошо, посмотримъ.

— Вѣдь вы меня знаете, душа моя: я даромъ слова не скажу... Сказала: будетъ шляпка—и будетъ.

Марья Ивановна никакъ не могла понять, откуда можетъ явиться у нея новая шляпка. Эта загадка такъ заняла ее во все продолженіе слѣдующаго дня, что она почти совсѣмъ забыла о причинѣ, дѣлавшей необходимою новую шляпку. Марья Ивановна съ нетерпѣніемъ ждала вечера и, какъ-только часовая стрѣлка подошла къ цифрѣ VIII, одѣлась и стала собираться.

— Куда ты, Маша?

— Къ Аннѣ Марковнѣ. А что?

— Ничего.

Александръ Петровичъ сѣлъ за письменный столъ и принялся писать что-то; Марья Ивановна пошла къ сосѣдкѣ.

— А! вотъ и вы, наконецъ! Я ужь думала, что вы не прійдете, душа моя.

— Отчего?

— Долго ждала васъ.

— Неправда; вы, вѣрно, хотѣли, чтобъ я вовсе не приходила.

— Ахъ! ахъ! Вѣдь знаете, что говорите не правду...

— Виновата, Анна Марковна, виновата.

— То-то, душенька... отъ меня не скроется никто... Ха, ха, ха!.. Нѣтъ человѣка такого... ха, ха, ха!.. который отъ меня могъ бы скрыться. Чтó Александръ Петровичъ?

— Дома, пишетъ.

— А чтò, душа моя, кáкъ вы думаете насчетъ новой шляпки?

— Я думаю, можно и безъ нея обойдтись.

— А я думаю совсѣмъ напротивъ...

Анна Марковна быстро пошла въ другую комнату и черезъ минуту принесла оттуда картонку.

— Я думаю, сказала она, вынимая изъ картона восхитительную бѣлую шляпку, легкую, какъ пухъ: — я думаю, къ вамъ эта шляпка очень пристанетъ.

— Ахъ, какая прелесть! невольно вскрикнула Марья Ивановна, подбѣгая къ Аннѣ Марковнѣ.

— Постойте, постойте! Надобно посмотрѣть, какова она будетъ на васъ. Дайте, душенька, я вамъ ее надѣну.

И шляпка очутилась на головѣ Марьи Ивановны.

— Чудо, а не шляпка! воскликнула съ увлеченіемъ Анна Марковна:—просто, восторгъ! Посмотритесь-ка сюда, посмотритесь.

Марья Ивановна посмотрѣлась въ зеркало и невольно вскрикнула:

— Прелестная шляпочка!

— А кто вчера не вѣрилъ? спросила Анна Марковна. — Кто не вѣрилъ? а?.. ха, ха, ха!

Но Марья Ивановна какъ-будто не слыхала этого вопроса— она повертывалась передъ зеркаломъ и разсматривала шляпку со всѣхъ сторонъ.

— Ахъ, Анна Марковна! сказала она: — какое кружевцо! Посмотрите!

— Видѣла, душа моя, видѣла... Прелесть!

Тутъ только Марьѣ Ивановнѣ пришло въ голову, что шляпкѣ этой, можетъ-быть, вовсе не суждено быть ея собственностью и, слѣдовательно, восхищаться ею такъ много не для чего.

— У кого вы купили ее, Анна Марковна? спросила она.

— Ни у кого.

— Какъ ни у кого?

— Ни у кого, потому-что я ее вовсе не покупала.

— Не покупали? Да вѣдь это ваша шляпка.

— Нѣтъ.

— Такъ чья же?

— Ваша.

Марья Ивановна посмотрѣла на вдову недоумѣвающими глазами.

— Ваша, душенька, ваша! повторила Анна Марковна, бросаясь обнимать гостью.

— Ка̀къ моя, Анна Марковна?

— Ваша; это вамъ подарокъ.

— Ахъ, Анна Марковна! мнѣ, право, совѣстно. За что̀ вы дарите мнѣ такую вещь? Вѣдь она не дешево сто́итъ.

— Это не я вамъ дарю, не я, мой ангелъ.

— Не вы?

Марья Ивановна еще съ бо̀льшимъ изумленіемъ посмотрѣла на вдову.

— Кто же?

— Отгадайте!

— Я ей-Богу не знаю.

— Подумайте...

— Право, право, не знаю.

И Марья Ивановна развязала ленты шляпки и стала снимать ее.

— Не-уже-ли не угадываете? спросила Анна Марковна.

— Нѣтъ-съ, отвѣчала гостья, къ удивленію Анны Марковны, очень-сухо.

— Фараклеевъ, душа моя, Фараклеевъ.

— Съ какой стати? почти-сердито спросила Марья Ивановна, положивъ шляпку на столъ и глядя на свою хозяйку.

— Ахъ, душенька! воскликнула Анна Марковна, устремляясь заключить гостью въ свои объятія: — вы ужь, кажется, сердитесь?

— Надѣюсь, это немножно-странно, сказала Марья Ивановна, очень-холодно встрѣчая ласки вдовы. Съ чего это взялъ Фараклеевъ?

— Ахъ, душа моя! продолжала льстивымъ тономъ Анна Марковна:—ужь вы сердитесь на меня: это все я, одна я виновата!

— Кто бы ни былъ, Анна Марковна, только это очень-странно. Стану я принимать подарки.

— Боже мой! да вы поймите меня, душенька! Я цѣлый день вчера мучилась: думала, какъ бы это сдѣлать тáкъ, чтобъ у васъ была новая шляпка.

— Я, кажется, не просила васъ.

— Вотъ вы какъ разсуждаете... Не просила!... Нѣтъ, не знаете вы меня, душенька, не знаете. Ужь кого я полюблю, такъ я за того готова душу положить. Вы не просили, точно, не просили; а меня это тревожитъ. Что жь? Я и сама была молода, знаю, чего стòитъ отказать себѣ въ чемъ-нибудь... Ну, вотъ, думала я, думала и придумала... Сама я не имѣю средствъ — вы это хорошо знаете... Постой! думаю: пріѣдетъ мой двоюродный братецъ, ужь я нападу на него: скажу: чтобъ была шляпка! чтобъ была шляпка — и дѣло съ концомъ. Еслибъ я знала, душа моя, что вы будете сердиться, я, конечно, не сказала бы ему ни полслова... Если обратилась къ нему, такъ именно потому, что у него денегъ просто куры не клюютъ, не знаетъ, куда съ ними дѣться. «Отчего» думаю: «не сказать?»... И сказала. Теперь, конечно, раскаяваюсь. Я желала только доставить вамъ удовольствіе— и больше ничего; никакъ, конечно, не воображала, что вамъ это будетъ непріятно.

— Ахъ, Анна Марковна! проговорила Марья Ивановна, нѣсколько-сконфуженная длинною репликой Анны Марковны:— вы извините меня, пожалуста; только, право, мнѣ кажется это неловко...

— Чтó неловко?

— Принять подарокъ.

— Ахъ, мой ангелъ! Какъ же вы мало еще жили на свѣтѣ! Что жь тутъ неловкаго? скажите вы мнѣ, чтó?

— Я не знаю сама; но мнѣ кажется, что̀ неловко.

— Какое вы дитя, душа моя! право, дитя! Да и не-уже-ли же я на столько не успѣла выиграть въ вашихъ глазахъ, чтобъ вы не сомнѣвались въ моихъ искреннихъ чувствахъ къ вамъ? Ну, сами вы посудите, стала ли бы я дѣлать что-нибудь такое, что̀ могло бы васъ компрометировать? Никогда, никогда!... Вѣрьте, не вѣрьте, а я вамъ говорю то̀, что̀ у меня на душѣ... Скрытность не въ моемъ характерѣ: у меня что̀ на сердцѣ, то̀ и на языкѣ.

— Я вамъ вполнѣ вѣрю, Анна Марковна, вполнѣ; только....

Марья Ивановна протянула къ вдовѣ руку.

— И не-уже-ли, прервала, отвѣчая ей крѣпкимъ рукожатьемъ, Анна Марковна: — не-уже-ли вы думаете, что я не знаю, что̀ принято въ обществѣ и что̀ не принято? Ну, стала ли бы я предлагать вамъ что-нибудь такое, что̀... Нѣтъ, неправда, душа моя! вы вовсе не вѣрите моей дружбѣ, вовсе не знаете меня. Кромѣ добра, я, кажется, никогда ничего вамъ не желала.

Марья Ивановна готова была заплакать — такъ растрогали её исполненныя нѣжности рѣчи полновѣсной вдовы... Она взяла обѣ ея руки, наклонилась къ ея плечу и, поцаловавъ это плечо, пролепетала:

— Извините меня, Анна Марковна... Ей-Богу, я сама не знаю...

— Полноте, полноте, мой ангелъ! произнесла еще нѣжнѣйшимъ тономъ вдова, прижимая Марью Ивановну къ своей высокой груди: — успокойтесь! Сядемте сюда.

И гостья, и хозяйка сѣли. Анна Марковна какъ-будто совсѣмъ забыла и о шляпкѣ, и о маленькой размолвкѣ, къ которой шляпка эта подала поводъ: она весело заговорила о другихъ предметахъ.

Только передъ тѣмъ, какъ Марья Ивановна встала, чтобъ распроститься съ нею и идти домой, Анна Марковна вспомнила о шляпкѣ, и въ самыхъ дверяхъ остановила гостью такимъ вопросомъ:

— Что̀ жь, душенька, вы теперь возьмете шляпку, или прислать вамъ ее?

Не говоря ни слова, взглянула Марья Ивановна на вдову и какъ-будто искала на ея же полномъ лицѣ отвѣта на свой вопросъ.

— Прислать, я думаю? сказала Анна Марковна.

— Пришлите, отвѣчала чуть-слышно Марья Ивановна, торопливо пожимая руку вдовы и повидимому стараясь уйдти отъ нея поскорѣе.

— Я завтра пришлю.

— Хорошо-съ.

— Прощайте, душа моя.

— Прощайте.

И черезъ минуту Марья Ивановна тревожно дернула за звонокъ у дверей своей квартиры.

Она рѣшительно не могла объяснить себѣ, пріятно ли ей такое неожиданное и странное пріобрѣтеніе новой шляпки (а что̀ за прелесть эта шляпка!) или непріятно.

Крутояровъ продолжалъ еще писать, когда Марья Ивановна возвратилась. При входѣ ея въ комнату, онъ поднялъ голову отъ бумаги и посмотрѣлъ на жену. Марьѣ Ивановнѣ взглядъ этотъ, Богъ-вѣсть отчего, показался какъ-то страннымъ.

— Здравствуй, Маша! проговорилъ Александръ Петровичъ, отодвигая отъ себя бумагу и кладя въ сторону перо.

— Здравствуй, Саша! сказала Марья Ивановна, быстро подошла къ мужу, обняла его голову и съ особенною нѣжностью поцаловала его въ лобъ.

Александръ Петровичъ былъ удивленъ.

На слѣдующее утро, только-что вышла Марья Ивановна изъ своей спальни, явилась Таня съ картонкой.

— Что это? шляпка? спросилъ Крутояровъ.

— Да̀, отвѣчала Марья Ивановна, пославъ съ Таней поклонъ ея барынѣ.

— Какая?

— Вотъ посмотри!

Марья Ивановна открыла картонку.

— Чья это шляпка?

— Моя.

— Твоя?

— Да̀; ее мнѣ... подарила... Анна Марковна.

— Какъ? Анна Марковна подарила тебѣ?

— Да́, мнѣ...

— Что́ за вздоръ ты говоришь!

— Вовсе не вздоръ Я тебѣ говорю правду.

Крутояровъ пожалъ плечами и посмотрѣлъ на Марью Ивановну.

— Тебѣ?... Анна Марковна?

— Да̀, сказала безъ большой увѣренности Марья Ивановна. — Что́ жь... что̀ жь тутъ удивительнаго?

— Все удивительно... и то, что Анна Марковна вдругъ, ни съ того, ни съ сего, даритъ тебѣ такую дорогую шляпку... и то — это еще удивительнѣе — что ты берешь ее.

Марья Ивановна не отвѣчала ничего; она сердито захлопнула крышку картона и вышла изъ комнаты.

X.

Александръ Петровичъ ошибся въ разсчетѣ, предполагая, что печальное извѣстіе, полученное изъ Красныхъ-Грязей, уменьшитъ въ женѣ его желаніе кататься съ сосѣдкой по дачамъ и гуляньямъ.

Не дальше, какъ черезъ недѣлю послѣ полученія письма отъ Любы, Анна Марковна пришла звать Марью Ивановну на какую-то partie de plaisir.

— Полноте, полноте, Александръ Петровичъ! обратилась она къ Крутоярову, когда онъ совѣтовалъ женѣ остаться лучше дома. — Теперь-то и нужно развлеченье Марьѣ Ивановнѣ. Помилуйте! не вѣкъ же горевать.

— Я не удерживаю ея, отвѣчалъ Крутояровъ: — а сказалъ такъ только... Отъ нея зависитъ ѣхать или нѣтъ.

— Поѣдемте, душенька, поѣдемте. Нельзя же ей не развлечься немного! Одѣвайтесь, душа моя; Александръ Петровичъ васъ отпускаетъ.

— Она не имѣетъ надобности и спрашивать моего позволенія; только бы сама хотѣла... Ты хочешь, Маша?

— Разумѣется, хочу.

— И прекрасно, ступай съ Богомъ.

И вдова, и Марья Ивановна поѣхали.

Впрочемъ, вѣроятно, гулянье ихъ было невесело, потому-что онѣ воротились рано. Марья Ивановна, не заходя къ Аннѣ Марковнѣ, пришла домой. Она была сердита или печальна, Богъ ее знаетъ.

— Что̀ съ тобой, Маша? спросилъ мужъ.

— Ничего, голова болитъ.

— Не простудилась ли ты?

— Нѣтъ.

Черезъ пять минутъ Марья Ивановна была ужь въ постели.

Черезъ нѣсколько дней Анна Марковна послала такую записку къ своей сосѣдкѣ:

«Здоровы ли вы, душа моя? Что́ это васъ не видать? При-«ходите-ка сегодня ко мнѣ: мы постараемся провести время «повеселѣе».

Таня принесла эту записку обратно къ Аннѣ Марковнѣ съ слѣдующимъ, написанномъ на боку отвѣтомъ:

«Если будетъ такъ же весело, какъ третьяго-дня, то по-«корно благодарю».

Отвѣтъ, должно-быть, встревожилъ Анну Марковну, потому-что она поспѣшно одѣлась и пошла сама къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Душа моя, вы сердитесь на меня?

— Нисколько, Анна Марковна.

— Не правда. Еслибъ не сердились, вы не написали бы мнѣ этого.

Анна Марковна показала Марьѣ Ивановнѣ ея записку.

— Право, это я такъ, отвѣчала Марья Ивановна:—я вовсе не сержусь...

— Александръ Петровичъ дома?

— Нѣтъ.

— Ужь я сдѣлала-таки за васъ порядочный нагоняй Матвѣю Иванычу.

— Зачѣмъ, Анна Марковна?

— Какъ зачѣмъ? Это необходимо было... Только вамъ, душа моя, право, не изъ-за чего сердиться. Онъ самъ сожалѣетъ, что разсердилъ васъ своею болтовней.

— Я этому вѣрю; только ужь, какъ хотите, а сегодня я сижу дома.

— Ахъ, душа моя! Да за что же меня-то... меня-то вы лишаете удовольствія? Я, кажется, передъ вами ни въ чемъ не виновата.

— Я и не думаю обвинять васъ, Анна Марковна; только сегодня я сказала мужу, что останусь дома — и останусь.

— Какъ хотите, душенька! Но только, по-крайней-мѣрѣ, пошлите вы со мной ваше милостивое прощеніе...

— Кому это?

— Вы не повѣрите, душа моя, какъ онъ огорченъ своимъ невѣжествомъ противъ васъ, и чуть не на колѣняхъ умолялъ меня выпросить у васъ прощеніе.

— Да я же вамъ говорю, Анна Марковна, что я и не думаю сердиться.

— Такъ вы прощаете?

— Пожалуй, если это нужно.

— Онъ будетъ въ восторгѣ... въ такомъ восторгѣ... Вы и не подозрѣваете, мой ангелъ, какъ онъ...

Анна Марковна прошептала что-то на самое ухо Марьи Ивановны.

— Полноте, отвѣчала Марья Ивановна: — какія пустяки!

— Руку даю на отсѣченіе если не такъ, подтвердила Анна Марковна.

— Ахъ, какія вы!

— Ужь я вамъ говорю.

— Полноте пожалуста!

Анна Марковна просидѣла у Марьи Ивановны еще часа два и, прощаясь съ нею, повторила свое приглашеніе на этотъ вечеръ.

— Будете, душа моя?

— Буду, отвѣчала Марья Ивановна.

Недѣли черезъ полторы послѣ этого визита къ Аннѣ Марковнѣ, Марья Ивановна должна была поневолѣ перестать сопутствовать вдовѣ въ ея разъѣздахъ по многочисленнымъ петербургскимъ гуляньямъ. Марья Ивановна была, какъ говорится, въ пріятномъ положеніи, которое день-ото-дня становилось замѣтнѣе.

Въ концѣ іюля семейство Крутоярова увеличилось: у него родилась дочь. Это обстоятельство было ему очень-пріятно; но въ то же время не одна тяжелая дума омрачала его лобъ: рожденіе дочери застало отца въ крайнемъ безденежьѣ, которое теперь приходилось терпѣть ему довольно-часто.

Милая сосѣдка тотчасъ, какъ только провѣдала объ этомъ событіи, навѣстила Марью Ивановну.

— Здравствуйте, Анна Марковна, проговорила Крутоярова слабымъ голосомъ, когда вдова подошла къ ея постели.

— Что̀, ангелъ мой, ка̀къ вы?

— Я ужасно слаба.

— А кормилица есть у васъ?

— Нѣтъ еще; я думаю сама кормить.

— Что вы? чтò вы, душа моя? при этакой слабости! Помилуйте! да вы хотите уморить себя?

— Кормилицу нанять — это намъ не по средствамъ Анна, Марковна.

— Да много ли на это нужно?

— Однако...

— Ужь какъ вы хотите, а я не допущу, чтобъ вы сами кормили: вы только истощите себя—и больше ничего. Погодите, я это все устрою съ вашимъ мужемъ. Дома онъ?... Я еще не видала его.

— Кажется, дома.

Анна Марковна вышла изъ спальни и встрѣтилась лицомъ-къ-лицу съ Александромъ Петровичемъ.

— Поздравляю васъ съ новорожденной, Александръ Петровичъ, сказала она, протягивая ему руку.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ Крутояровъ безъ особой привѣтливости. — Чтò жена?

— Слаба, Александръ Петровичъ, очень-слаба.

Анна Марковна закачала головой.

— Какъ это, Александръ Петровичъ, вы и кормилицы досихъ-поръ не приговорили?

— Маша будетъ сама кормить.

— Да возможно ли это? Вы только взгляните, кáкъ она слаба. Это еще больше ее истощитъ.

— Авось не истощитъ.

— Какъ не истощитъ! Помилуйте... Ужь я знаю это очень-хорошо... У меня четверо своихъ дѣтей было; перваго я тоже сама вздумала кормить, и не такое у меня здоровье было, какъ у Марьи Ивановны: вдвое покрѣпче ея была, да не выдержала... и не скоро послѣ поправилась.

— На это нужны деньги, Анна Марковна, а мы люди небогатые.

— Вотъ и вы то же говорите, чтò Марья Ивановна. Господи, Боже мой! да чтò на это за деньги нужны? Хорошую кормилицу можете имѣть за десять, за двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ — неужто не стòитъ заплатить такія пустяки за то, чтобъ жена была здорова?

— Для насъ это не пустяки.

— Ну, не пустяки, хорошо-съ... Все же, надѣюсь, для васъ дороже всего здоровье вашей супруги; а теперь, я вамъ прямо говорю, при ея слабости да кормить ребенка... это въ гробъ ее вгонитъ, въ гробъ!

Анна Марковна еще долго уговаривала Александра Петровича, и дѣло кончилось тѣмъ, что на другой день у новорожденной, которую наименовали Катей, была уже кормилица, баба здоровая, свѣжая, видная и бойкая. Ее отъискала, по дружбѣ къ Марьѣ Ивановнѣ, вдовствующая сосѣдка.

Все время, пока Марья Ивановна не оставляла постели, Анна Марковна приходила по два раза въ день, поутру и вечеромъ, навѣстить ее; если же самой почему-либо было нельзя прійдти, то присылала Таню освѣдомиться о здоровьѣ Марьи Ивановны.

Недолго, однако жь, пробыла Марья Ивановна въ постели; черезъ недѣлю, или около того, она уже ходила по комнатамъ и, право, не казалась ни на волосъ слабѣе того, ка́къ была до рожденія дочери.

Александръ Петровичъ разъ по двадцати въ день подходилъ къ кормилицѣ и любовался своей дочкой; Марья Ивановна дѣлала это рѣже.

Вообще замѣтно было, что она совершенно-равнодушна къ малюткѣ, и въ то время, какъ Катя стала улыбаться, чѣмъ очень утѣшался Александръ Петровичъ, Марья Ивановна думала гораздо-болѣе о предстоящемъ ей гуляньѣ, ѣхать на которое съ Анной Марковной она дала слово.

XI.

И опять все пошло по-старому, если не хуже.

Марья Ивановна такъ сошлась со своей сосѣдкой, что онѣ говорили другъ-другу «ты». Не проходило почти дня, чтобъ онѣ не были вмѣстѣ. Не разъ, по поводу этой дружбы, говорилъ Крутояровъ женѣ много жосткихъ упрековъ; но упреки эти нисколько не измѣняли положенія дѣла. Марья Ивановна встрѣчала ихъ уже не съ прежнимъ жаромъ, отвѣчала на нихъ не такими же жосткими возраженіями или, какъ бывало прежде, слезами, отвѣчала очень-холодно, или вовсе не отвѣчала, а уходила просто вонъ изъ той комнаты, въ которой начина-

лась ссора. Эта холодность раздражала Александра Петровича болѣе, чѣмъ прежніе упреки и слезы жены. Единственнымъ услажденіемъ въ этихъ частыхъ домашнихъ непріятностяхъ было для него знакомство съ Аверьяновымъ: только онъ поддерживалъ замѣтно-исчезавшую энергію Крутоярова, только онъ не давалъ ему совершенно опуститься и сдѣлаться глухимъ и слѣпымъ ко всѣму на свѣтѣ. Бывали минуты, когда въ этомъ именно обвинялъ Александръ Петровичъ своего добраго и умнаго товарища.

«Богъ знаетъ» думалъ онъ: «лучше ли, что всякій разъ, послѣ свиданія съ Аверьяновымъ, я сознаю, что не совсѣмъ же я погибшій человѣкъ, что могъ бы я жить на бѣломъ свѣтѣ не для того только, чтобъ мучиться постоянно и мучить другихъ! Нѣтъ, лучше, гораздо-лучше было бы не имѣть такого сознанія... Пусть ужь сознавалъ бы я, что ни па что́, ни на какое разумное дѣло не хватитъ меня, что на то только и суждено мнѣ жить, чтобъ не умѣть устроить своей жизни...

Крутояровъ былъ очень-худъ и въ то время, когда привела его пыльная копыловская дорога на роковую станцію Красныя-Грязи; теперь же онъ не походилъ и на того Крутоярова: глаза и щоки его такъ ввалились, что поневолѣ приходило въ голову: не долго ему жить. Къ-тому жь, онъ сильно кашлялъ; лечиться же онъ не хотѣлъ, какъ ни уговаривалъ его Аверьяновъ, и не берегся ни мало: часто въ дождь и въ холодъ забывалъ онъ дома калоши и нисколько не боялся простудить ноги. Наступила зима, и онъ не позаботился обзавестись чѣмъ-нибудь потеплѣе своего стараго коричневаго пальто.

Видя, что самъ Крутояровъ не добьется для себя ничего сколько-нибудь обезпечивающаго его существованіе, Аверьяновъ старался найдти ему занятіе, и доставилъ ему мѣсто учителя во многихъ домахъ. Еслибъ не эти ежедневные уроки, еслибъ не приготовленія къ нимъ дома, еслибъ, наконецъ, не Катя, начинавшая уже хлопать маленькими ручонками, Катя, которую Александръ Петровичъ страстно любилъ, нѣтъ ничего мудренаго, что онъ пришелъ бы въ отчаяніе, несмотря даже на свою пріязнь къ Аверьянову.

Мартъ приближался къ концу, но весна еще была далеко

отъ Петербурга. Александръ Петровичъ почти черезъ силу ходилъ на уроки: у него крѣпко болѣла грудь.

Однажды (это было подъ-вечеръ) онъ попросилъ извиненія у своего ученика, что не можетъ на этотъ разъ продолжать урока, взялъ шляпу и торопливо пошелъ домой. Онъ чувствовалъ какое-то необыкновенное сжиманіе сердца и головокруженіе. По мѣрѣ ходьбы, это болѣзненное чувство увеличивалось и онъ долженъ былъ взять на полдорогѣ извощика, чтобъ только поскорѣе быть дома.

Когда кухарка отворила ему дверь, Крутояровъ былъ пораженъ страннымъ выраженіемъ испуга на ея лицѣ.

— Чтò случилось? торопливо спросилъ Александръ Петровичъ.

— Ничего, сударь, отвѣчала, съ замѣшательствомъ, кухарка.

— Кàкъ ничего? Чтò же ты такъ странно смотришь?

— Я испугалась–было немного, Александра Петровичъ: съ маленькой барышней что-то дурно.

— Съ Катей?

— Дà-съ.

Сбросивъ съ себя шляпу, которая, не попавъ на столъ, покатилась по полу, Александръ Петровичъ пробѣжалъ такъ скоро, какъ только могъ, въ комнату, служившую спальней ребенку и его кормилицѣ.

Кормилица, въ слезахъ, наклонилась надъ маленькой кроваткой Кати и, качая головой, смотрѣла на дѣвочку.

— Чтò съ ней? прошепталъ Александръ Петровичъ, подходя на цыпочкахъ къ кормилицѣ.

— Господь знаетъ, отчего это вдругъ такая напасть сдѣлалась, отвѣчала также шопотомъ кормилица: — все играла, Александра Петровичъ, да вдругъ какъ покатится, инда сердце у меня такъ вотъ и упало.

— Да чтò же такое? говори ты толкомъ! Боже мой! Ушиблась она, что ли?

— Какое, ушиблась, Александра Петровичъ! Гдѣ ей ушибиться?.. Вдругъ припадокъ сдѣлался... Теперь вотъ угомонилась немножко, а то такъ я испугалась, что не приведи Господи!

— Боже мой! Такъ надо скорѣе послать за докторомъ. Ступай, скажи Маврѣ, чтобъ она поскорѣе сбѣгала — тутъ черезъ два дома отъ насъ живетъ докторъ.

Кормилица вышла; Александръ Петровичъ сѣлъ около кроватки.

Ребенокъ лежалъ блѣдный; на лицѣ его замѣтно было сильное утомленіе, и онъ, то-и-дѣло, весь вздрагивалъ и судорожно сжималъ посинѣвшія губки.

— Гдѣ Марья Ивановна? спросилъ Крутояровъ, когда кормилица возвратилась.

— Не знаю-съ; онѣ тотчасъ послѣ обѣда вышли.

— Она, вѣрно, тутъ рядомъ—у сосѣдки. Ты не посылала туда?

— Нѣтъ, Александра Петровичъ! такъ-то мы обѣ съ Маврой перепугались, что и въ голову не пришло.

— Такъ поди же! Она, вѣрно, тамъ. Зови ее домой, сейчасъ же... Слышишь?

— Сейчасъ схожу-съ.

— Скорѣе, пожалуста, скорѣе.

Минуты черезъ двѣ кормилица воротилась.

— Что̀? спросилъ Крутояровъ.

— Марьи Ивановны тамъ нѣтъ-съ.

— Гдѣ же она? Боже мой!...

— Онѣ вмѣстѣ съ Анной Марковной поѣхали въ театръ.

— Скоро ли онѣ воротятся, по-крайней-мѣрѣ?

— Нѣтъ-съ, она сказала: нескоро.

— Ахъ, Боже мой!

— Говоритъ, раньше двѣнадцати, али часу и ждать нечего.

Пришелъ докторъ.

— Вѣрно; ее испугали? спросилъ онъ, посмотрѣвъ на дѣвочку и садясь къ столу, чтобъ написать рецептъ.

— Мавра, Мавра! крикнулъ Александръ Петровичъ: — вы испугали ее чѣмъ-нибудь?

— Ка̀къ можно, сударь! Да и чѣмъ намъ испугать ее?.. Сами-то мы испугались. Сидимъ съ кормилицей, въ карты играемъ, а она у нея на колѣнкахъ, бумажкой пестренькой забавлялась, да какъ визгнетъ вдругъ—мы такъ и обомлѣли... Глазки-то у нея закатились, ручки-то сжала...

— Не правду ты говоришь, Мавра. Вѣрно, испугалась она чего-нибудь.

— Вотъ—на семъ мѣстѣ провалиться—ничего-таки не пугалась, Александра Петровичъ.

Докторъ, прописавъ лекарство, всталъ, поклонился и пошелъ къ дверямъ.

— Чтó, докторъ, какъ она? Опасности нѣтъ? спрашивалъ Крутояровъ, догоняя его.

— Ничего, проговорилъ докторъ.

— Ужь вы потрудитесь взглянуть на нее завтра утромъ, докторъ, сказалъ Крутояровъ, вручая ему плату за визитъ.

— Хорошо-съ.

Александръ Петровичъ не отходилъ отъ кроватки дочери и слѣдилъ за каждымъ вздохомъ ея, за каждымъ легкимъ движеніемъ.

Пробило одиннадцать часовъ, а Марья Ивановна все еще не возвращалась; пробило двѣнадцать — ея нѣтъ какъ нѣтъ. Никогда съ такимъ нетерпѣніемъ не ждалъ Крутояровъ возвращенія жены.

Наконецъ, въ половинѣ перваго, раздался звонокъ и въ комнату дочери вошла черезъ нѣсколько секундъ, тихими и осторожными шагами, предувѣдомленная Маврой о случившемся Марья Ивановна.

— Ахъ, Боже мой! сказала она довольно-громко: — кàкъ это сдѣлалось съ ней?

— Тише, замѣтилъ Александръ Петровичъ, взглядывая на нее съ упрекомъ.

Ему было и грустно и тяжело смотрѣть, какъ жена его, шумя своимъ пышнымъ шолковымъ платьемъ, наклонялась надъ кроваткой Кати, охала и ахала.

— Пожалуста, тише! повторилъ онъ: — ты того-и-гляди разбудишь ее.

— Не безпокойся!

— Позволь хоть мнѣ безпокоиться, если тебѣ нѣкогда и думать объ этомъ.

Марья Ивановна выпрямилась передъ мужемъ и такъ посмотрѣла на него, что ему стало за нее стыдно.

— Чтò-же?.. При мнѣ не могла бы она захворать точно такъ же?

— Нѣтъ. Еслибъ ты любила ее, заботилась о ней, такъ этого никогда бы не случилось.

— Такъ, по-твоему, я должна цѣлые дни няньчиться съ ней? не отходить отъ нея ни на шагъ?

— Дà.

— Покорно благодарю.

Александръ Петровичъ посмотрѣлъ опять на Катю и потомъ тихо сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Довольно, довольно. Если ты не можешь не сердиться, такъ сердись по-крайней-мѣрѣ не здѣсь.

— Гдѣ же прикажете?

— Гдѣ хочешь, только не около этой кроватки.

— Не прикажете ли мнѣ и дочерью своей ее не считать?

— Молчи, сдѣлай одолженіе.

Александръ Петровичъ просидѣлъ около Кати всю ночь. Марья Ивановна, снявъ съ себя парадный туалетъ и облекшись въ домашнюю блузу, помѣстилась тоже вблизи катиной постели; но ее скоро началъ клонить сонъ.

Она подошла къ Катѣ, посмотрѣла на нее и сказала:

— Спитъ... кажется, теперь все прошло.

Успокоивъ себя этимъ замѣчаніемъ, Марья Ивановна отправилась спать. Сонъ ея былъ, должно думать, очень-крѣпокъ и спокоенъ, потому-что она ни разу не просыпалась ночью, и утромъ проспала бы, вѣроятно, долго, еслибъ кухарка не разбудила ее словами:

— Марья Ивановна, Марья Ивановна! вставайте! съ барышней опять припадокъ.

Къ полудню Катя умерла.

Никогда не болѣло такъ и не ныло сердце у Александра Петровича, какъ въ ту минуту, когда дочь его, одѣтую въ бѣлое кисейное платье, положили на столѣ подъ образами, и добрая кормилица, отъ всей души жалѣвшая о смерти своей питомицы, уложила вокругъ холодной головки ея на подушкѣ нѣсколько вѣтокъ герани и левкоя. Крутояровъ ужь не помнилъ, когда случалось ему плакать: а теперь слезы бѣжали обильно изъ глазъ его.

Марья Ивановна тоже плакала... Вотъ все, что́ можно сказать о ней.

Съ того дня, какъ Александръ Петровичъ проводилъ на Смоленское Кладбище маленькій гробикъ Кати, онъ совсѣмъ измѣнился: какая-то странная апатія ко всему овладѣла имъ. Онъ не принималъ ни малѣйшаго участія ни въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, ни въ чемъ-либо другомъ; рѣже сталъ онъ посѣщать Аверьянова и, посѣтивъ его, сидѣлъ насупившись и молчалъ; началъ забывать объ урокахъ — и скоро потерялъ

ихъ. Дома онъ не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. Марья Ивановна сначала ждала отъ него упрековъ въ смерти Кати, но не только упрековъ, даже какого-нибудь намека не услыхала... Пришлось привыкать къ мужнину молчанію—и Марья Ивановна скоро привыкла. Аверьяновъ, видя такую крутую перемѣну въ характерѣ Крутоярова, сталъ часто заходить къ нему и, несмотря на кислыя мины Марьи Ивановны, не прекращалъ своихъ посѣщеній; впрочемъ, всѣ его совѣты, разсужденія и утѣшенія не производили никакого впечатлѣнія на Александра Петровича.

Пришла и прошла весна; пришло и прошло лѣто... Крутояровъ худѣлъ, грустилъ и бездѣйствовалъ.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ТЯЖБА.

ГЛАВА X.

Унылый и измученный, вошелъ Обри въ контору мистера Везеля, но это не помѣшало ему, съ благороднымъ усиліемъ воли, въ ту же минуту заняться ежедневнымъ своимъ дѣломъ. Порой, онъ упрямо гналъ прочь тревожныя мысли объ утреннемъ свиданіи его съ мистеромъ Роннинтономъ и успѣлъ наконецъ сосредоточить всю силу своего вниманія на одномъ дѣлѣ, необыкновенно-трудномъ, темномъ и заключавшемъ въ себѣ такое сплетеніе разнообразныхъ, мелкихъ подробностей, что даже самъ мистеръ Везель, заглянувъ въ него, отложилъ въ сторону, для тщательнаго просмотра въ болѣе-досужное время. Мистеръ Везель передалъ, однакожь, это дѣло мистеру Обри, скоро по приходѣ его въ контору, съ какимъ-то скрытымъ удовольствіемъ ожидая, что оно будетъ слишкомъ-трудно для его ученика; но Везель ошибся. Обри ушелъ немного-раньше обыкновеннаго, но не прежде, какъ отославъ съ клеркомъ въ кабинетъ мистера Везеля всю толстую кипу, ему порученную, и при ней листа полтора форменной бумаги, съ короткимъ изложеніемъ результатовъ, до которыхъ онъ дошелъ и которые не мало удивили мистера Везеля. Дѣло не заключало въ себѣ особенной технической учености; но темное изложеніе и запутанные случаи, изъ которыхъ возникали вопросы, еще болѣе затемненные лицомъ, излагавшимъ ихъ на бумагѣ, требовали настойчиваго, терпѣливаго вниманія, твердой памяти и ясной головы. Однимъ словомъ, Везель не могъ не признаться внутренно, что бѣдный Обри бросилъ мастерской взглядъ на дѣло. Что же сказалъ бы онъ, еслибъ узналъ, въ какихъ обстоятельствахъ находился его ученикъ и какія мысли должны были развлекать его вниманіе, мѣшая той полной и усердной преданности юридическому дѣлу, безъ которой, Везель зналъ, напрасна попытка успѣть въ изученіи права.

— Читали вы мнѣніе Обри объ этомъ запутанномъ дѣлѣ Корнвельскаго Банка? спросилъ Везель, нюхая табакъ, у мистера Сорропэса, другаго ученика, только-что сѣвшаго возлѣ затѣмъ, чтобъ Везель *утвердилъ* (то-есть покрылъ вычерками, подчерками и поправками) бумагу, составленную этимъ Сорропэсомъ. Тотъ от-

вѣчалъ отрицательно.—Славная голова! Могу васъ увѣрить. Такъ или сякъ, а ужь онъ всегда попадетъ въ настоящую точку.

— Мнѣ ужь давно сдается, отвѣчалъ тотъ:—почти съ самаго начала, какъ онъ сюда сталъ ходить, что этотъ человѣкъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Онъ дѣлаетъ мало отмѣтокъ на бумагѣ и, если не ошибаюсь, полагается во всемъ на свою голову.

— Хмъ, перебилъ мистеръ Везель, втягивая въ носъ призъ табаку: — иные это доводятъ ужь слишкомъ-далеко.

— Ну, я бы желалъ быть однимъ изъ этихъ иныхъ, отвѣчалъ Сорропэсъ:—потому-что бываетъ другая крайность и часто случается такъ, что рука отбиваетъ дѣло у головы. Везель при этомъ невольно вспомнилъ, что у него въ библіотекѣ стояли еще и теперь двѣнадцать толстыхъ in folio, наполненныхъ *старыми дѣлами*, которыя онъ имѣлъ глупость переписывать собственною рукою впродолженіе своего ученическаго поприща и даже года два долѣе послѣ того, какъ онъ открылъ ужь контору. При этомъ воспоминаніи, онъ кашлянулъ и снова полѣзъ въ свою табакерку.—Какъ вы съ нимъ уживаетесь, тамъ, въ вашей комнатѣ? спросилъ онъ.

— Хмъ, по правдѣ сказать, сначала онъ мнѣ не очень понравился. Манеры такія холодныя и даже немного-спѣсивыя. Да и теперь онъ хоть очень-учтивъ, а говоритъ мало; весь погруженъ въ свое дѣло; а между-тѣмъ, кажется, какъ-будто имѣетъ при этомъ еще что-то на душѣ, что̀ его безпокоитъ.

— Надѣюсь. Наша наука не шутка: ужь я ему за это отвѣчаю. Вѣрно она достается ему солоно, отвѣчалъ Везель, съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ.

— Ну нѣтъ, я не думаю, чтобъ очень-солоно. Я никогда еще не видалъ, чтобъ она кому-нибудь давалась такъ легко. Между-прочимъ, надо правду сказать, онъ смотритъ совершеннымъ джентльменомъ и въ лицѣ имѣетъ что-то такое, привлекательное. Онъ вѣрно имѣетъ знатныя связи и большое знакомство, потому-что я видѣлъ, какъ къ нему приходили записки съ гербами на печати, и нѣкоторыя изъ нихъ, съ очень-знакомыми...

— О, да̀; развѣ вы не слыхали о большой тяжбѣ *До, по сдачѣ Титмауза, противъ Джультера*, рѣшенной въ Йоркширѣ, на ассизахъ не далѣе, какъ прошедшей весною. Ну-съ, онъ вотъ видите ли отвѣтчикъ и, какъ говорятъ, потерялъ рѣшительно все.

— Неужели! Ну такъ было же у него довольно хлопотъ!..

— Не пора ли намъ за дѣло, мистеръ Сорропэсъ? вдругъ сказалъ Везель, посмотрѣвъ на часы, лежавшіе на столѣ. — Я обѣщалъ доставить это прошеніе къ шести часамъ — иначе ихъ дѣло проиграно; и, обмакнувъ перо въ чернильницу, онъ принялся за дѣло, по своему обыкновенію, какъ-будто бы такой особы, какъ Обри, никогда и на свѣтѣ не существовало. Онъ былъ совсѣмъ не жестокосердый человѣкъ; но я думаю, если бы *capias ad satisfaciendum* (то-есть окончательный процесъ о взятіи лица подъ стражу) противъ Чарльза Обри, эсквайра, поступилъ

къ исполненію въ контору Везеля, какъ дѣло, требующее особенной акуратности и вниманія, то, помычавъ немного, да, можетъ-быть, нюхнувъ лишнюю дозу табаку, онъ повершилъ бы его какъ слѣдуетъ, отмѣтивъ 7 шиллинговъ и 6 пенсовъ въ уголкѣ, и отослалъ бы вмѣстѣ съ другими бумагами, утѣшая себя логическимъ разсужденіемъ, что вѣдь кто-нибудь да долженъ же это сдѣлать; а между-тѣмъ, онъ могъ также хорошо получить деньги за трудъ, какъ и всякой другой.

Возвратясь домой къ обѣду, мистеръ Обри узналъ, что сестра его получила еще письмо отъ доктора Тэсема, въ постскриптѣ къ которому онъ упоминалъ о мистерѣ Геммонѣ въ такихъ терминахъ, что мистеръ Обри составилъ себѣ маленькій планъ и рѣшился выполнить его на слѣдующій же день, а именно, побывать въ конторѣ гг. Кверка, Геммона и Снапа и искать свиданія съ мистеромъ Геммономъ, о которомъ пасторъ писалъ, что онъ уѣхалъ въ Лондонъ, наканунѣ. Обри провелъ очень безпокойную ночь, въ продолженіе которой его мучили разныя ужасныя сновидѣнія, и въ каждомъ изъ нихъ гг. Кверкъ, Геммонъ и Снапъ играли роль грозныхъ, таинственныхъ властителей земной его участи. Проснувшись, онъ рѣшился положить конецъ настоящему, невыносимому состоянію неизвѣстности и узнать разомъ, до какой степени онъ могъ надѣяться или долженъ былъ опасаться—и для того сходить въ тотъ же день, послѣ обѣда, въ Сэффрон-Хилль. Съ этою цѣлью, онъ вышелъ изъ конторы мистера Везеля рано, часовъ около трехъ, и отправился прямо, черезъ Цѣнную-Улицу, къ Хэттон-Гардену, а оттуда сталъ спрашивать дорогу въ Сэффрон-Хилль. Тамъ онъ недолго искалъ домъ; взоръ его скоро остановился на большой, сіяющей мѣдной доскѣ, съ именами *Кверкъ*, *Геммонъ* и *Снапъ*, стоявшими на ней такъ же четко и грозно, какъ въ дни мучительнаго ожиданія Титмауза. *Тотъ* смотрѣлъ на нихъ часто, какъ помнитъ читатель, съ безсмысленнымъ томленіемъ и грубымъ страхомъ. Совсѣмъ другаго рода человѣкъ глядѣлъ на нихъ теперь, съ чувствомъ глубокаго интереса, заботы и опасенія, какъ на имена тѣхъ, которые имѣли его совершенно въ своей власти, держали въ рукахъ своихъ состояніе, свободу и средства къ жизни его и тѣхъ милыхъ существъ, судьба которыхъ, личная безопасность и все на свѣтѣ заключено было въ немъ. Обри, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху, и съ зонтикомъ подъ-мышкою, вошелъ съ усталымъ видомъ въ переднюю, гдѣ сидѣло и стояло нѣсколько человѣкъ довольно-странной наружности, и двое или трое изъ нихъ въ явномъ волненіи и безпокойствѣ. То были родственники обвиненныхъ, содержимыхъ въ Ньюгетѣ и судимыхъ на другой день за уголовныя преступленія. Онъ прошелъ далѣе, въ комнату, надъ дверьми которой написано было: *зала писцовъ*.

— Что вамъ угодно? спросилъ тономъ довольно-дерзкой самоувѣренности щеголевато-одѣтый юноша, съ еврейскимъ типомъ

*

лица, который сидѣлъ развалясь у стола и произнесъ эти слова, нетрогаясь съ мѣста.

— Что́, мистеръ Геммонъ здѣсь? спросилъ Обри, снимая шляпу. Въ голосѣ, лицѣ и манерахъ его было что-то такое, что́ заставило того, къ кому онъ обращался, соскочить со стула и принять вдругъ самый вѣжливый видъ.

— Мистеръ Геммонъ у себя въ кабинетѣ, сэръ, и одинъ. Я полагаю, что онъ очень-занятъ; но вы, конечно, можете его видѣть.

Дѣло въ томъ, что мистеръ Геммонъ въ эту минуту занятъ былъ составленіемъ инструкціи, по иску объ уплатѣ доходовъ неправильнаго владѣнія противъ мистера Обри. Онъ не далѣе какъ накапунѣ вернулся изъ Яттона, гдѣ случились обстоятельства, ускорившія предположенныя дѣйствія фирмы противъ мистера Обри, какъ перваго лица, отъ котораго, по указанію Титмауза, они должны были ожидать значительной выдачи чистыми деньгами. Въ этотъ же самый день, поутру, въ той же самой комнатѣ, въ которую мистеръ Обри собирался войдти, происходило длинное совѣщаніе между Кверкомъ и Геммономъ о томъ самомъ предметѣ, который привелъ къ нимъ въ контору мистера Обри. Кверкъ настаивалъ на томъ, чтобъ порѣшить дѣло разомъ, идти прямо впередъ и получить или всю сумму 60,000 фунтовъ, или обезпеченіе на $^2/_3$ ея, а 20,000 фунтовъ чистыми деньгами. Геммонъ однакожь думалъ, что требованіе такого рода было бы чистымъ сумасшествіемъ, и что если они станутъ доводить до крайности такого несчастнаго страдальца, какъ мистеръ Обри, то это навлечетъ непремѣнно на нихъ и на ихъ кліента общую ненависть, а кромѣ того, можетъ привести Обри въ отчаяніе и принудить его: или бѣжать изъ Англіи, или отдать себя подъ защиту закона о несостоятельныхъ должникахъ. Онъ наконецъ убѣдилъ Кверка, что единственный путь къ успѣху, съ ихъ стороны, есть кротость и умѣренность, и старый джентльменъ, по обыкновенію, принялъ планъ дѣйствія, предложенный Геммономъ. Этотъ послѣдній, впрочемъ, имѣлъ такое же сильное желаніе и такое же точно твердое намѣреніе, какъ и первый: исторгнуть у ихъ несчастной жертвы все, что́ только было возможно, до послѣдняго фартинга; потому-что Титмаузъ указалъ имъ на Обри, какъ на средство уплаты обязательства, даннаго фирмѣ на 10.000 фун. и представленнаго ими счета издержекъ. Затѣмъ 20 или по крайней-мѣрѣ 15.000 фунтовъ должны были быть отданы ему, Титмаузу, а все остальное, что́ только можно было получить, Геммону дозволено было положить въ свой карманъ. Розыски на счетъ состоянія мистера Обри убѣдили однакожь Геммона вполнѣ, что нѣтъ никакой надежды получить хоть сколько-нибудь значительную сумму отъ этого несчастнаго джентльмена; и что если они успѣютъ добиться до уплаты ихъ счета, да, можетъ-быть, вырвутъ у Обри надежное обезпеченіе на 4 или 5.000 фун. изъ суммы главнаго долга, да получатъ, сверхъ-того, его собственное, личное обязательство къ уплатѣ нѣкоторой доли осталь-

наго современемъ — то имъ лучше удовольствоваться этимъ и стараться очистить собственную свою значительную претензію на Титмауза, посредствомъ залога земель изъ имѣнія въ Яттонѣ. Кромѣ того, то-есть кромѣ простаго исторженія денегъ, мистеръ Геммонъ насчетъ Обри имѣлъ въ виду еще нѣкоторыя другія цѣли; однимъ словомъ, побуждаемый всѣми этими соображеніями, онъ рѣшился, не долѣе какъ за часъ до совершенно-неожиданнаго посѣщенія мистера Обри, приготовить заблаговременно всѣ необходимыя средства для приведенія въ дѣйствіе законной процедуры, по иску объ уплатѣ доходовъ неправильнаго владѣнія.

— Я имѣю честь говорить съ мистеромъ Геммономъ? произнесъ вѣжливо Обри, входя въ комнату, гдѣ Геммонъ сидѣлъ, прилежно занимаясь сочиненіемъ машины, на которой долженъ былъ быть подверженъ пыткѣ ничего-неподозрѣвающій гость его.

— Да̀, сэръ, меня зовутъ Геммонъ, отвѣчалъ онъ, слегка покраснѣвъ и вставая со стула, въ сильномъ удивленіи. — Если не ошибаюсь, я имѣю честь видѣть мистера Обри? Позвольте мнѣ предложить вамъ стулъ, продолжалъ онъ, поставивъ одинъ стулъ какъ можно далѣе отъ стола, потомъ взялъ другой и сѣлъ самъ между мистеромъ Обри и столомъ, ожидая, что его посѣтитель тотчасъ же начнетъ говорить о счетѣ, который они только-что представили.

— Позвольте мнѣ, мистеръ Обри, началъ Геммонъ съ любезною и кроткою улыбкою, не льстивою, но очень-почтительною: — прежде чѣмъ мы начнемъ говорить о дѣлѣ, заставившемъ васъ прійдти сюда, въ нашу контору, позвольте мнѣ изъявить глубокое, искреннее сочувствіе къ вашимъ несчастіямъ и мое *личное* сожалѣніе о томъ участіи, которое я долженъ былъ принять въ тяжбѣ, окончившейся такъ гибельно для вашихъ интересовъ. Но обязанность людей нашего званія, мистеръ Обри, бываетъ часто столько же ясна, какъ и непріятна.

— Я очень вамъ обязанъ, сэръ, за ваше участіе; но я не могу себѣ представить, чтобъ съ вашей стороны нужно было какое-нибудь оправданіе. Ни я, ни мои совѣтники, ни разу еще не имѣли причины жаловаться на жестокое или неприличное обращеніе съ вашей стороны. Конечно, ваша тяжба упала на меня и на всѣхъ насъ, какъ громъ на голову, продолжалъ Обри съ тихимъ вздохомъ. — Я надѣюсь, вы засвидѣтельствуете, мистеръ Геммонъ, что съ моей стороны не было сдѣлано никакихъ недобросовѣстныхъ препятствій и затрудненій.

— О, мистеръ Обри, напротивъ! Я не нахожу словъ выразить вамъ, до какой степени я цѣню ваше прямое и великодушное поведеніе. Я ужь нѣсколько разъ сообщалъ мои чувства на этотъ счетъ господамъ Роппинтонъ (Обри поклонился); и еще разъ прошу васъ повѣрить, что я принимаю глубочайшее участіе... Онъ остановился, повидимому слишкомъ-сильно тронутый, и такое впечатлѣніе дѣйствительно могъ произвести спокойный и

грустный видъ мистера Обри, его худоба и черты лица его выражавшія заботу и утомленіе.

(«Желалъ бы я знать», думалъ Геммонъ: «застраховалъ ли онъ свою жизнь? Наружность у него немного чахоточная. Какъ бы узнать: застраховалъ ли онъ себя и гдѣ именно?»)

— Я надѣюсь отъ всей души, мистеръ Обри, что горести, вами перенесенныя, не повредили вашему здоровью? спросилъ Геммонъ съ видомъ глубокаго участія.

— Немножко, но, благодаря Бога, не существеннымъ образомъ. Я никогда не былъ очень-крѣпко сложенъ, отвѣчалъ онъ, слабо и печально улыбаясь.

(«Какъ похожъ на свою сестру!» подумалъ Геммонъ, наблюдая выраженіе лица своего собесѣдника съ дѣйствительнымъ участіемъ.)

— Я опасаюсь, мистеръ Геммонъ, продолжалъ Обри: — не нарушилъ ли я формы обычая, явясь такимъ образомъ къ вамъ по дѣлу, которое вы, можетъ-быть, считаете, что я долженъ былъ предоставить вполнѣ моимъ стряпчимъ, незнающимъ ничего о моемъ теперешнемъ посѣщеніи; но...

— Такая благородная душа, какъ у васъ, мистеръ Обри, можетъ безъ малѣйшаго сомнѣнія дѣйствовать смѣло, по собственнымъ своимъ побужденіямъ. А что касается до приличія, то я не нарушаю никакого правила, принятаго въ нашей профессіи, вступая въ совѣщаніе съ вами, по какому бы то ни было предмету, касающемуся до недавно-рѣшеннаго дѣла, отвѣчалъ Геммонъ, очень-осторожно, особенно съ-тѣхъ-поръ, когда его зоркій глазъ замѣтилъ проницательность, примѣшанную къ чистосердечію и простотѣ характера и вмѣстѣ съ ними выражавшуюся на лицѣ мистера Обри.

— Я думаю вы догадываетесь о причинѣ моего посѣщенія, мистеръ Геммонъ.

(«Ну, теперь пойдетъ дѣло о нашемъ счетѣ. Посмотримъ, что̀ будетъ далѣе», думалъ Геммонъ.) Онъ поклонился съ внимательнымъ, ожидающимъ видомъ.

— Я говорю о вопросѣ, который остается еще нерѣшеннымъ между вашимъ кліентомъ и мною... о доходахъ неправильнаго владѣнія...

— Я боялся... я такъ и думалъ, что вы объ этомъ начнете говорить. Я былъ сильно встревоженъ, какъ только замѣтилъ, что вы подходите къ этому предмету.

— Для меня это рѣшительно — вопросъ о жизни или смерти, мистеръ Геммонъ, вопросъ, доводящій меня почти до безумія.

— Прошу васъ, мистеръ Обри, возразилъ Геммонъ такимъ тономъ голоса и съ такимъ взглядомъ, которые тронули сердце его взволнованнаго собесѣдника: — не преувеличивайте бѣду, не воображайте, прошу васъ, чтобъ ваше положеніе было такъ безнадежно. Я не вижу, что̀ можетъ помѣшать дружелюбной сдѣлкѣ между обѣими сторонами насчетъ этихъ претензій. Еслибъ я

могъ распоряжаться по собственному желанію, мистеръ Обри, я бы написалъ: 60,000 фартинговъ, вмѣсто 60,000 фунтовъ.

— Вы назвали сумму, которую, какъ я полагаю, я по законамъ долженъ мистеру Титмаузу, произнесъ Обри съ принужденнымъ спокойствіемъ. — Уплатить ему эти деньги или обезпечить ихъ уплату не только во всемъ объемѣ, но даже и въ одной четвертой части, для меня такъ же невозможно, какъ достать ему одну изъ планетъ.

— Я понимаю, мистеръ Обри: разные непредвидѣнные расходы въ послѣднюю пору должны были временно истощить ваши средства...

— Временно! повторилъ Обри съ болѣзненною улыбкою.

— Я отъ всей души надѣюсь, что это не болѣе какъ временно... надѣюсь, для васъ и для вашего семейства, прибавилъ онъ торопливо, замѣтивъ зоркое вниманіе, съ которымъ каждый взглядъ и слова его были наблюдаемы его собесѣдникомъ. — Всякое предложеніе, мистеръ Обри, продолжалъ онъ съ прежнимъ любезнымъ видомъ, но съ серьёзною и медленною обдуманностью: — какое вы найдете нужнымъ сдѣлать, я готовъ, отъ всей души готовъ принять и разсмотрѣть въ самомъ щедромъ духѣ. Я повторяю, еслибъ вы имѣли дѣло со мной однимъ, вы бы вышли изъ этой комнаты съ облегченнымъ сердцемъ; но, говоря прямо и чистосердечно, нашъ кліентъ, мистеръ Титмаузъ, такой человѣкъ, что съ нимъ очень, очень-трудно ладить. Увѣряю васъ честью (о, Геммонъ! Геммонъ!), что я не разъ уговаривалъ мистера Титмауза освободить васъ отъ уплаты всего, что̀ вы получили, до той минуты, когда вамъ сообщено было законное объявленіе. (Я думаю, Геммонъ чувствовалъ, что это увѣреніе было принято не такъ довѣрчиво, какъ онъ желалъ и надѣялся, потому-что онъ тотчасъ же, довольно-отрывисто и сухо прибавилъ): — Я увѣряю васъ, сэръ, что это фактъ. Я всегда считалъ слишкомъ-суровымъ и даже ошибочнымъ въ основаніи законъ, который вынуждаетъ проигравшую сторону пополнить доходы, невиннымъ образомъ присвоенные, въ такомъ дѣлѣ, какъ ваше, гдѣ владѣлецъ имѣнія, считающій право свое врожденнымъ, лишается его вслѣдствіе претензій, основанныхъ на другомъ правѣ, о которомъ онъ прежде не зналъ ничего и не имѣлъ даже *средства* узнать... Геммонъ произнесъ эти послѣднія слова очень-явственно, устремивъ, между-тѣмъ, проницательный взоръ на мистера Обри. — Вотъ мое мнѣніе, хоть можетъ-статься я и не правъ. Я обязанъ прибавить однакожь, что по закону въ томъ видѣ, какъ онъ теперь существуетъ, еслибъ мистеръ Титмаузъ рѣшился, на зло моему совѣту, настаивать на точномъ смыслѣ своего права... Геммонъ остановился, покачалъ головой, пожалъ плечами и устремилъ печально-значительный взглядъ на мистера Обри.

— Я совершенно въ его рукахъ, я понимаю. Я надѣюсь, однакожь, что, во имя общей, человѣческой справедливости, онъ бу-

детъ имѣть нѣкоторое вниманіе къ безпомощному, несчастному положенію, въ которое я поставленъ такъ неожиданно, произнесъ Обри съ горестною энергіею. — Я никогда не воображалъ нужнымъ копить деньги...

— О да̀, разумѣется—даже не прибѣгали, что съ вашимъ доходомъ было бы очень-нетрудно, къ обыкновеннымъ средствамъ обезпеченія: къ застрахованію жизни и проч., подхватилъ Геммонъ съ непринужденнымъ видомъ.

— Нѣтъ, мнѣ объ этомъ и въ голову не приходило. («Да! какъ бы не такъ! не приходило!» подумалъ Геммонъ). — Я признаюсь, это было непредусмотрительно. Мое положеніе, мистеръ Геммонъ, такъ горько и отчаянно, что всякая скрытность съ моей стороны была бы безсмысленна, даже еслибъ я и могъ унизить себя до этого. И я призываю Бога въ свидѣтели, что, неразставшись съ небольшимъ остаткомъ серебра, мною сбереженнаго и съ моими книгами, я не въ-состояніи буду уплатить даже итога вашего счета, присланнаго третьягодня. Геммонъ смотрѣлъ на Обри пристально и безмолвно. — И еслибъ ничтожные остатки, которыми я теперь владѣю, были у насъ такимъ-образомъ отняты, тогда мы рѣшительно... мы *буквально нищіе.* Голосъ его задрожалъ и онъ остановился.

— Право, право, мистеръ Обри, вы меня огорчаете до крайности, произнесъ Геммонъ тихимъ голосомъ.

— Еслибъ вы могли хоть только обезпечить мнѣ снисходительную отсрочку, промежутокъ времени, въ который я могъ бы приготовить себя къ той карьерѣ, которую я началъ—къ званію адвоката: все что̀ я только могъ бы успѣть заработать современемъ, за исключеніемъ самаго необходимаго для поддержанія себя съ своимъ семействомъ, было бы неизмѣнно посвящаемо мною на уплату моего тяжелаго долга. Что до меня касается, мистеръ Геммонъ, я бы готовъ былъ жить на хлѣбѣ и на водѣ хоть цѣлыя 10 лѣтъ... но есть другія... голосъ его дрожалъ: — сэръ, всѣмъ, что̀ только можетъ имѣть вліяніе на джентльмена, я умоляю васъ защитить меня отъ совершенной и немедленной гибели.—Это былъ настоящій, трепетный голосъ души, но онъ непроизвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на Геммона, кромѣ сильнаго неудовольствія и досады.

— О, еслибъ въ моей власти было, воскликнулъ онъ энергическимъ голосомъ: — выпустить васъ изъ этой комнаты, свободнымъ человѣкомъ! Еслибъ одного меня спросили, я бы тотчасъ же освободилъ васъ отъ всѣхъ претензій, или, по-крайней-мѣрѣ, далъ вамъ какой-угодно срокъ, нетребуя другаго обезпеченія, кромѣ вашей чести.

— О! какимъ счастливымъ, счастливымъ человѣкомъ, какимъ счастливымъ семействомъ были мы всѣ... Обри не могъ договорить — такъ сильно онъ былъ тронутъ.

(«Вотъ тебѣ и на̀!» думалъ Геммонъ самъ-про-себя, и, опустивъ голову, онъ закрылъ глаза руками. Хуже, гораздо-хуже,

чѣмъ я предполагалъ. Я бы взялъ 5 фунтовъ за весь мой остальной интересъ въ этихъ 60,000 ф. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ говоритъ правду. Но дѣло съ нашимъ счетомъ выходитъ очень-неудовлетворительное. Я бы желалъ, чтобъ старикъ Кверкъ былъ здѣсь въ эту минуту. Конечно, мистеръ Обри въ-состояніи достать поруку. Съ такими друзьями и связями, какъ у него! Еслибъ только можно было заставить ихъ поручиться хоть за 10,000 ф... Впрочемъ, нѣтъ; это все-таки будетъ не то, что̀ надо. Я долженъ его притиснуть»).

— Я такъ глубоко тронутъ вашимъ положеніемъ, мистеръ Обри, сказалъ Геммонъ съ трудомъ, повидимому, превозмогая свое волненіе и чувствуя необходимость сказать что-нибудь: — я думаю, я могу принять на себя и обѣщать вамъ, что инструкціи, нами полученныя, не будутъ выполнены ни въ какомъ случаѣ. Надо быть, дѣйствительно, чудовищами, а не людьми, чтобъ притѣснять человѣка въ такихъ обстоятельствахъ, какъ вы; и подобное намѣреніе со стороны того, кто наслѣдовалъ всѣ ваши бывшія права, въ высшей степени оскорбляетъ чувство справедливости. Нѣтъ, мистеръ Обри, вы не должны быть разорены окончательно, и вы не будете, до-тѣхъ-поръ, по-крайней-мѣрѣ, пока я членъ и, можетъ-быть, не безъ вѣса въ этой фирмѣ, покуда я имѣю какое-нибудь вліяніе на вашего грознаго кредитора, мистера Титмауза. Я не могу сказать вамъ, до какой степени я желаю заслонить васъ и ваше семейство, мистеръ Обри, отъ бури, которой вы опасаетесь такъ основательно.—Въ манерѣ Геммона, когда онъ говорилъ эти слова, въ тонѣ его голоса была такая теплота, такая энергія, которыя ободрили невольно-унывающее сердце бѣднаго Обри. — То, что̀ я вамъ сейчасъ скажу, мистеръ Обри, будетъ подъ строгою тайной, продолжалъ Геммонъ, вполголоса. Обри поклонился съ видомъ тревожнаго ожиданія. — Могу ли я расчитывать на ваше молчаніе?

— Вполнѣ и совершенно, сэръ. То, что̀ вы желаете сохранить въ тайнѣ, никто на свѣтѣ не узнаетъ *отъ меня*.

— Къ тому, чтобъ дѣйствовать въ вашу пользу, существуютъ серьёзныя затрудненія. Мистеръ Титмаузъ, человѣкъ слабый и неопытный. Онъ естественнымъ образомъ сильно возбужденъ своимъ неожиданнымъ счастіемъ и ужь чувствуетъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ. Вы легко можете себѣ представить, сэръ, что долги его нашей фирмѣ очень-значительны, а между-тѣмъ вы бы съ трудомъ повѣрили, мистеръ Обри, еслибъ я вамъ сказалъ, ка̀къ далеко простирается итогъ однѣхъ тѣхъ денегъ, которыя онъ долженъ намъ за наши издержки по дѣлу. Издержки эти, впродолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, значительно убавили денежныя средства, необходимыя при такой обширной практикѣ, какъ наша, и заставили насъ войдти въ долги, которые начинаютъ сильно безпокоить и меня и моихъ партнёровъ. Разумѣется, мистеръ Обри, мы должны требовать скорой уплаты отъ мистера Титмауза, а онъ настаиваетъ, чтобъ мы немедленно обра-

тились къ вамъ; а я не безъ основанія подозрѣваю, что онъ имѣетъ у себя подъ-рукой двухъ или трехъ бездушныхъ совѣтниковъ, которые навели его на эту дорогу, потому-что онъ слѣдуетъ по ней довольно-упрямо. Что онъ не можетъ выплатить тѣхъ долговъ, о которыхъ я говорю, изъ своего ежегоднаго дохода, неотказавшись отъ него совершенно на $1\frac{1}{2}$ или на 2 года, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я, къ-сожалѣнію, долженъ прибавить, что мистеръ Кверкъ и мистеръ Снапъ ободряютъ его расположеніе притѣснять васъ. Не бойтесь, однакожь, сэръ, продолжалъ онъ, замѣтивъ смертную блѣдность мистера Обри, взоръ котораго былъ пристально устремленъ въ глаза Геммону: — потому-что *я* объявляю вамъ, что *я* стану между вами и ими, и для меня довольно будетъ прибавить, что я имѣю силу это сдѣлать. Я единственный человѣкъ на свѣтѣ, который обладаетъ средствами имѣть рѣшительное вліяніе на мистера Титмауза, и я намѣренъ ими воспользоваться. Теперь (нетеряя изъ виду того обстоятельства, что я не имѣю надъ Титмаузомъ никакой законной власти и притомъ, что я не болѣе все-таки, какъ одинъ изъ членовъ фирмы и подвергаюсь, могу васъ увѣрить, серьёзной отвѣтственности за то, что̀ я дѣлаю) позвольте мнѣ изложить вамъ *примѣрно* то, что̀, по моему мнѣнію, слѣдовало бы сдѣлать.

— Я вполнѣ понимаю васъ; продолжайте, сэръ; я слушаю съ величайшимъ вниманіемъ, отвѣчалъ мистеръ Обри.

— Еслибъ это отъ меня зависѣло, мы предложили бы вамъ, касательно нашего счета... (который, я откровенно готовъ допустить, заключаетъ въ себѣ итоги слишкомъ-щедрые для строгой, законной повѣрки, и который не я составлялъ)... Геммонъ понималъ, что онъ дастъ мистеру Обри выгодное понятіе о своей откровенности, допустивъ такой фактъ, о которомъ мистеръ Роннинтонъ непремѣнно долженъ былъ увѣдомить своего кліента.—Съ перваго взгляда на счетъ, я говорю, *я* бы предложилъ вамъ, во-первыхъ : уплату нашего счета частями, впродолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ вы представили намъ ручательство хоть на нѣкоторую часть цѣлой суммы. Но я одинъ между тремя, и мнѣ извѣстна твердая рѣшимость мистера Кверка и мистера Снапа: не слушать никакихъ предложеній насчетъ доходовъ неправильнаго владѣнія, непринявъ за основное условіе... Короче сказать, они говорятъ : *счетъ долженъ быть выплаченъ разомъ и не заглядывая*... то-есть, я хочу сказать, прибавилъ онъ торопливо, неподвергая его тому утомительному и медленному разбору, который часто бываетъ во власти недовѣрчивыхъ и неблагодарныхъ кліентовъ. О, позвольте мнѣ не скрывать отъ васъ ничего, сэръ, въ разговорѣ этого рода, между двумя джентльменами, продолжалъ Геммонъ, съ неподражаемымъ видомъ прямодушія, замѣтивъ, что Обри немного колеблется. — Я, къ стыду моему, долженъ признаться, что этотъ счетъ содержитъ статьи, превышающія всякую мѣру, статьи, бывшія поводомъ частыхъ и жаркихъ споровъ между мною и моими партнёрами; *но что*

прикажете дѣлать! Главная часть суммъ компаніи принадлежитъ мистеру Кверку; и еслибъ вы только взглянули на условія нашего товарищества (Геммонъ пожалъ плечами), вы бы увидѣли, какую неограниченную власть онъ обезпечилъ себѣ надъ своими партнёрами. Вы видите мою откровенность, откровенность, можетъ-быть, слишкомъ-неосторожную...

(«Я еще не совсѣмъ одолѣлъ его — я это вижу по его глазамъ», думалъ Геммонъ. «Что жь это значитъ? Ужь не играемъ ли мы партію въ шахматы? Пожалуй, чего добраго, господамъ Роннинтонъ извѣстно, что онъ здѣсь и, можетъ-быть, они его знаютъ, полагаются на его искусство и успѣли его достаточно предостеречь? Онъ безпрестанно удерживаетъ въ себѣ сильные порывы чувства и явно взвѣшиваетъ каждое слово съ моей стороны. Несчастье, должно-быть, изострило его врожденную проницательность».)

— О не говорите этого, мистеръ Геммонъ! Я вполнѣ цѣню ваши побудительныя причины и горю нетерпѣніемъ узнать въ чемъ состоятъ условія, которыя вы собирались такъ любезно опредѣлить.

— *Опредѣлить!* Вы ожидаете отъ меня слишкомъ-многаго; но я продолжаю. Предполагая, что тотъ предварительный вопросъ, о которомъ мы съ вами сейчасъ говорили, разрѣшенъ удовлетворительно, мнѣ кажется, я могу сказать, что еслибъ вы представили намъ поруку въ уплатѣ суммы 10,000 ф. черезъ годъ или года черезъ полтора (бѣднаго Обри, при этихъ словахъ, бросило въ холодъ), я... я, то-есть по *моему* мнѣнію, но не болѣе какъ по моему, прибавилъ Геммонъ серьёзно:—остальное могло бы быть предоставлено на вашу собственную честь, съ тѣмъ, чтобъ вы, сверхъ-того, дали личное обязательство заплатить современемъ, когда-нибудь, нескоро, и такимъ-образомъ, какъ только можетъ быть удобнѣе для васъ, еще 10,000 ф., что́, всего-на-все, составитъ не болѣе какъ треть должной вами суммы; а отъ остальныхъ двухъ третей вы будете освобождены совершенно, то-есть отъ 40,000 ф.

Обри слушалъ все это съ душою и силами, доведенными до высшей степени напряженія; и когда Геммонъ окончилъ, онъ испыталъ на минуту такое чувство, какъ-будто бы ужасная гора, тяготѣвшая долго на его сердцѣ, пошевельнулась. — Понятно ли я объяснился, мистеръ Обри? спросилъ Геммонъ ласковымъ и серьёзнымъ видомъ.

— Совершенно; но я до такой степени пораженъ важностью предметовъ, о которыхъ мы разсуждаемъ, что не могу покуда еще составить себѣ яснаго понятія о томъ положеніи, въ которое вы хотите меня поставить. Я долженъ ввѣрить себя, мистеръ Геммонъ, вполнѣ вашему снисхожденію.

Геммонъ, казалось, былъ немного обманутъ въ своемъ ожиданіи.

— Мнѣ не трудно вообразить себѣ ваши чувства, сэръ, сказалъ онъ, взявъ въ руки карандашъ и записывая на листкѣ бу-

маги вкратцѣ главные пункты предложенной сдѣлки. — Вы видите, продолжалъ онъ: — огромные результаты того, что́ я изложилъ вамъ на скорую руку. Вамъ данъ будетъ широкій срокъ, полное время на уплату тѣхъ денегъ, о которыхъ я вамъ говорилъ, и вы освобождены будете разомъ и окончательно отъ суммы не менѣе 40,000 ф. — произнесъ онъ медленно и торжественно — то-есть отъ долга, который, въ противномъ случаѣ, тяготѣлъ бы надъ вами, со всѣми процентами, до самаго дня вашей смерти, безо всякой надежды отъ него избавиться, исключая, развѣ, добровольнымъ изгнаніемъ, которое для вашихъ чувствъ было бы хуже смерти, потому-что это было бы безчестное бѣгство отъ справедливыхъ долговъ, и человѣкъ съ вашимъ именемъ...

— Молчите, сэръ, воскликнулъ Обри такимъ тономъ, который, какъ электрическій ударъ, поразилъ Геммона и заставилъ его вскочить со стула. Обри сильно поблѣднѣлъ и устремилъ грозный, огненный взоръ на своего собесѣдника. Геммонъ тоже поблѣднѣлъ и, можетъ-быть, первый разъ въ своей жизни уступилъ передъ величіемъ человѣка. То было вмѣстѣ и величіе страданія, потому-что онъ терзалъ сердце возвышенное. Нѣсколько времени оба молчали. Мистеръ Обри все еще былъ сильно взволнованъ; Геммонъ смотрѣлъ на него съ непритворнымъ изумленіемъ. Бумажка въ рукахъ Геммона дрожала, и онъ принужденъ былъ положить ее на колѣни изъ опасенія, чтобъ мистеръ Обри не замѣтилъ этого признака волненія.

— Я обнаружилъ большую слабость, сэръ, сказалъ наконецъ Обри, очень мало еще успокоенный. Онъ стоялъ прямо и говорилъ съ строгою явственностью: — но вы, съ вашей стороны, можетъ-быть, неумышленно подали къ тому поводъ. Я разоренъ, сэръ, я нищій; на то воля Божія — и я покоряюсь ей; но ужь не думаете ли вы, сэръ, что наконецъ и честь моя въ опасности? и вы находите нужнымъ, точно какъ-будто бы вы предостерегали человѣка, готоваго сдѣлаться преступникомъ, находите нужнымъ распространяться о свойствѣ задуманнаго дѣла, которымъ, вы полагаете, что я намѣренъ обезчестить себя и свое семейство! Тутъ это семейство предстало передъ его глазами. Губы его задрожали, слёзы сверкнули на рѣсницахъ и онъ затрепеталъ отъ избытка чувствъ.

— Съ вашей стороны, мистеръ Обри, это была выходка неожиданная, и я осмѣлюсь прибавить, непозволительная, произнесъ Геммонъ, спокойно, пришедя совершенно въ себя. — Вы поняли меня превратно, или я худо объяснился. Ваше явное волненіе и огорченіе, мистеръ Обри, трогаютъ меня до глубины души. Голосъ его дрожалъ. — Позвольте мнѣ прибавить, что я чувствую къ вамъ глубокое уваженіе и удивленіе, и мнѣ больно думать, что какое бы то ни было слово съ моей стороны могло причинить вамъ минутное неудовольствіе.

Обращеніе такого рода къ душѣ возвышенной почти всегда пробуждаетъ въ ней чувство безпредѣльнаго раскаянія въ своей винѣ или неосторожномъ поступкѣ, вмѣстѣ съ живымъ сознаніемъ той

обиды, которая была нанесена другому лицу. Такимъ-то образомъ Геммонъ не успѣлъ еще кончить, какъ мистеръ Обри уже стыдился своего восклицанія, досадовалъ на самого себя и начиналъ чувствовать удивленіе къ полной достоинства кротости Геммона; чувство это скоро дошло въ немъ до уваженія къ общему характеру этого человѣка въ томъ видѣ, какъ онъ представлялся мистеру Обри. Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, онъ почувствовалъ горячую благодарность за расположеніе, обнаруженное Геммономъ съ начала и до конца разговора такъ безкорыстно служить человѣку разоренному. Всѣ предложенія Геммона представились ему теперь въ какомъ-то новомъ свѣтѣ; онъ началъ смотрѣть на нихъ сквозь иную призму и раздражительныя чувства его грозили затмить совершенно разсудокъ.

— Такъ-какъ я человѣкъ дѣловой, мистеръ Обри, и комната эта дѣловая, то станемъ продолжать нашъ разговоръ, произнесъ Геммонъ скоро послѣ того, съ самой плѣнительной улыбкою. (Какимъ откровеннымъ и незлопамятнымъ показался нравъ его мистеру Обри въ эту минуту!)—Насчетъ первыхъ 10,000 фунтовъ можно будетъ условиться впослѣдствіи, то-есть опредѣлить, какими документами уплата ихъ должна быть обезпечена. Что же касается до остальныхъ 10,000 фунтовъ—еслибъ я не боялся нарушить свой долгъ къ мистеру Титмаузу, повѣрьте, я удовольствовался бы вашимъ словеснымъ обѣщаніемъ, просто, однимъ вашимъ честнымъ словомъ заплатить ихъ такимъ образомъ и въ такую пору, какъ обстоятельства вамъ позволятъ. Но чтобъ мнѣ остаться правымъ передъ собственною своею совѣстью, я долженъ получить отъ васъ, хоть только для виду, какое-нибудь обезпеченіе. Положимъ, напримѣръ, два заемныя письма на 5000 фунтовъ каждое, данное на имя мистера Титмауза. Вы можете дѣйствительно смотрѣть на нихъ какъ на простыя формальности, потому-что, когда вы вручите ихъ мнѣ, они будутъ спрятаны вотъ здѣсь (онъ указалъ на желѣзный шкафъ), и вы не услышите о нихъ болѣе до-тѣхъ-поръ, пока сами не потребуете ихъ назадъ. Все вліяніе, которое я успѣлъ пріобрѣсти надъ мистеромъ Титмаузомъ, вы можете быть увѣрены, я употреблю самымъ энергическимъ образомъ, если когда-нибудь онъ вздумаетъ торопить васъ уплатою по этимъ двумъ документамъ. Я объявляю чистосердечно, что они должны быть дѣйствительны въ-отношеніи формы, но я увѣряю васъ такъ же чистосердечно, что я никогда не допущу привести ихъ въ дѣйствіе. Теперь, могу ли я надѣяться, что мы понимаемъ другъ друга? прибавилъ Геммонъ съ веселымъ видомъ: — и что если я въ-состояніи буду осуществить условія, мною предложенныя, то это послужитъ достаточнымъ доказательствомъ моего желанія быть вамъ полезнымъ и освободить васъ отъ неизмѣримаго гнета безпокойства и отвѣтственности?

— Отъ огромнаго, отъ сокрушительнаго гнета, дѣйствительно сэръ, если только Провидѣніе какимъ-нибудь образомъ (до-сихъ-

поръ для меня непонятнымъ) дастъ мнѣ средства исполнить мою долю условія, и если только вы будете въ-состояніи привести ваши намѣренія въ дѣйствіе, отвѣчалъ мистеръ Обри съ тревожнымъ вздохомъ и съ благороднымъ взоромъ.

— Предоставьте это мнѣ, мистеръ Обри. Я берусь это выполнить; я все на свѣтѣ для этого сдѣлаю, тѣмъ усерднѣе и тѣмъ скорѣе, что я могу надѣяться такимъ образомъ хоть отчасти вознаградить васъ за тѣ бѣдствія и потери, къ нанесенію которыхъ я способствовалъ невольно своими трудами по должности.

— Я глубоко вамъ благодаренъ за вашу большую, за вашу неожиданную доброту, мистеръ Геммонъ; но все-таки условія, вами предложенныя, жестоко тревожатъ меня въ томъ отношеніи, что я не знаю, буду ли я въ-состояніи выполнить ихъ съ своей стороны.

— Никогда, никогда не отчаявайтесь, мистеръ Обри. Богъ помогаетъ тѣмъ, кто самъ себя бережетъ, и мнѣ кажется, право, что я уже вижу какъ ваши способности и силы начинаютъ превозмогать огромныя затрудненія. Утро вечера мудренѣе, и черезъ нѣсколько времени вы почувствуете, какое облегченіе можетъ доставить вамъ нашъ договоръ. Само-собою разумѣется, что вы немедленно сообщите господамъ Роннинтонъ сущность условія, мною предложеннаго, и я предвѣщаю вамъ, что они всѣми силами будутъ побуждать васъ къ окончательному его заключенію. Не могу, однакожь, не напомнить вамъ, еще разъ, чтобъ быть справедливымъ къ самому себѣ, что это не болѣе какъ предложеніе, дѣлая которое, я надѣюсь, что я не былъ увлеченъ своимъ чувствомъ далѣе, чѣмъ долгъ къ моему кліенту или его выгоды...

Обри боялся услышать конецъ этой фразы, опасаясь, чтобъ слабый разсвѣтъ надежды не исчезъ съ мрачной и бурной поверхности того океана горести, по которому онъ носился.

— Я поговорю, какъ вы сами мнѣ намекнули, сэръ, съ моими совѣтниками, и надѣюсь, что они будутъ съ вами согласны... Я обязанъ спросить ихъ совѣта...

— О, конечно, конечно! Я самъ очень-пунктуаленъ въ соблюденіи этикета нашей профессіи, могу васъ увѣрить, и не намѣренъ, при заключеніи этого условія, вести дѣло иначе, какъ черезъ нихъ, вашихъ законныхъ представителей. Объ одномъ я васъ прошу, мистеръ Обри, чтобъ кто-нибудь, или вы, или они, сообщили результатъ вашихъ совѣщаній *мнѣ лично*. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ эти условія узнаны были другими лицами не иначе, какъ черезъ меня. Между-прочимъ, еслибъ вы сдѣлали мнѣ честь сообщить вашъ адресъ, я бы счелъ долгомъ побывать у васъ надняхъ, когда-нибудь позже вечеромъ, или рано поутру. (Какъ-будто гг. Кверкъ, Геммонъ и Снапъ не слѣдили орлинымъ взоромъ за каждымъ шагомъ Обри, по выѣздѣ изъ Яттона, съ тѣмъ, чтобъ принять немедленно строгія мѣры, въ случаѣ какого-нибудь подозрительнаго движенія его къ морскому берегу!)

— Я чрезвычайно обязанъ вамъ, сэръ; но для насъ обоихъ было бы гораздо-удобнѣе, еслибъ вы потрудились написать мнѣ нѣсколько строкъ, или удостоили меня посѣщеніемъ въ конторѣ мистера Везеля въ Темплѣ.

Геммонъ вспыхнулъ до ушей: еслибъ не случайно-произнесенное имя мистера Везеля, который былъ однимъ изъ дѣлопроизводителей, повременамъ употребляемыхъ фирмою Кверка, Геммона и Снапа въ важныхъ дѣлахъ, то мистеру Обри дня черезъ два, можетъ-быть, пришлось бы упражнять свои способности, если угодно, надъ объявленіемъ по иску о уплатѣ доходовъ неправильнаго владѣнія въ дѣлѣ *Титмауза противъ Обри*.

— Какъ вамъ угодно, какъ вамъ угодно мистеръ Обри, отвѣчалъ Геммонъ, съ трудомъ скрывая чувство досады и уколотаго самолюбія при видѣ потеряннаго такимъ-образомъ удобнаго случая лично познакомиться съ семействомъ мистера Обри. Затѣмъ сказано было нѣсколько словъ обыкновеннаго разговора. Геммонъ разспрашивалъ Обри, какъ ему нравится новая его профессія и увѣрялъ его съ жаромъ, что съ той минуты, какъ онъ вступитъ въ званіе адвоката, онъ можетъ разсчитывать на самую усердную поддержку со стороны фирмы Кверка, Геммона и Снапа. Послѣ того они разстались. Для Обри это было достопамятное свиданіе, а для Геммона довольно-жаркое дѣло, во время котораго онъ вынужденъ былъ напрягать всѣ свои способности самообладанія и скрытности. Какъ только Геммонъ остался одинъ, мысли его обратились тотчасъ къ странному порыву гордости и негодованія, обнаруженному мистеромъ Обри. Въ душѣ его осталось жгучее и язвительное чувство униженія передъ энергіей высшаго рода, и онъ досадовалъ на себя за то, что выходка эта не возбудила въ немъ надлежащаго гнѣва. Даже отложивъ въ сторону этотъ источникъ ядовитаго раздраженія для сердца гордаго человѣка, онъ чувствовалъ тягостное сознаніе, что онъ не встрѣтилъ обыкновеннаго успѣха въ своей недавней схваткѣ съ мистеромъ Обри, который, впродолженіе всего разговора, былъ остороженъ, чутокъ и вѣжливо-недовѣрчивъ. Обри обнаружилъ случайные проблески недоступной гордости своего духа; Геммонъ передъ нимъ склонился. Не было ли при этомъ свиданіи сказано чего-нибудь такого, думалъ онъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по своей комнатѣ, надъ чѣмъ, еслибъ тотъ сталъ думать... напримѣръ, не высказалъ ли онъ слишкомъ-много о вліяніи своемъ на Титмауза? Краска выступила слегка на его лицѣ. Вздохъ усталости и раздраженія вырвался у него невольно и, собравъ свои бумаги, онъ началъ готовиться къ уходу изъ конторы на этотъ день.

Мистеръ Обри вышелъ отъ гг. Кверка, Геммона и Снапа въ уныломъ и утомленномъ состояніи духа. Дорогою, середи жалкихъ и отвратительныхъ окрестностей Сеффронъ-Хиля, какія сцены попадались ему на глаза! Нищета и развратъ со всѣхъ сторонъ пировали въ буйномъ и грязномъ нзступленіи!..

Всѣ эти ужасающія сцены промелькнули передъ глазами мистера Обри въ-теченіе пяти минутъ ходьбы черезъ Сэффронъ-Хиль, впродолженіе котораго времени онъ не разъ останавливался и смотрѣлъ вокругъ себя съ чувствомъ жалости, удивленія, отвращенія, которыя наконецъ усилились и слились въ одно нераздѣльное чувство ужаса. Эти сцены, для иныхъ такъ фатально-обыкновенныя (фатально, я полагаю, по причинѣ равнодушія, которое соединяется съ привычкою), для мистера Обри имѣли всю страшную горечь новизны. Онъ никогда не видалъ ничего похожаго прежде и не имѣлъ понятія даже о существованіи такихъ вещей; а между-тѣмъ народъ, по обѣимъ сторонамъ улицы, повидимому былъ совершенно пріученъ къ зрѣлищамъ подобнаго рода и смотрѣлъ на нихъ съ такимъ же безсмысленнымъ равнодушіемъ, съ какимъ иной, прожившій всю жизнь подлѣ бойни, смотритъ на ягнёнка, котораго ведутъ на убой. Жидъ-ветошникъ, передъ дверью котораго онъ стоялъ минуты двѣ, остановленный зрѣлищемъ окровавленнаго въ дракѣ печника, котораго несли въ больницу, воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ пристать къ нему съ своими дерзкими и неотвязчивыми предложеніями. Жирный булочникъ и грязный харчевникъ стояли у своихъ дверей, одинъ со сложенными, другой съ засунутыми въ карманъ руками, и оба глядѣли, оскаля зубы, на двухъ собакъ, грызущихся посреди улицы, и оба — о! какъ совершенно-безчувственны они были къ жадной нуждѣ, мелькающей безпрестанно вокругъ нихъ!.. Блѣдныя привидѣнія, входившія и выходившія изъ кабака на углу, глядѣли впалыми, мутными глазами, съ безчувствіемъ опьяненія, на человѣка, котораго проносили мимо.

«Что́ это за сцены?.. и на существованіе какихъ другихъ незримыхъ сценъ намекаютъ онѣ? Боже милостивый! подумалъ Обри, въ какомъ мірѣ я живу? и отчего эта мрачная сторона его открылась передо мною, именно теперь, когда я потерялъ всякую возможность помогать несчастью?.. Но, увы! Еслибъ въ эту минуту я имѣлъ десять тысячъ разъ 10,000, на долго ли мнѣ хватило бы ихъ среди подобныхъ сценъ, которымъ счету нѣтъ въ одномъ этомъ городѣ?..

Также, какъ слабый свѣтъ исчезаетъ въ присутствіи сильнѣйшаго, такъ и въ душѣ Обри, меньшее горе, имъ терпимое, поглощено было тѣми страшными бѣдствіями, которыя онъ видѣлъ передъ собой. Что́ такое, въ-самомъ-дѣлѣ, было его положеніе въ-сравненіи съ положеніемъ людей, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ, и ка̀къ долженъ онъ былъ благодарить судьбу за ея милостивое и кроткое снисхожденіе къ нему и къ его семейству! Съ такими мыслями и съ такими чувствами стоялъ онъ, смотря на сцены, ихъ пробудившія, какъ вдругъ онъ увидѣлъ мистера Геммона, къ нему подходившаго. Онъ шелъ своею дорогою, повидимому, углубленный въ мысли, мимо сценъ, такъ сильно-поразившихъ мистера Обри, который стоялъ, глядя на приближаю-

щагося, съ какимъ-то безсознательнымъ напряженіемъ, какъ человѣкъ увѣренный, что на него не смотрятъ—до-тѣхъ-поръ, покуда тотъ не повернулся къ нему.

— Мистеръ Обри! воскликнулъ Геммонъ, съ учтивымъ поклономъ.

Оба сняли шляпы другъ другу. Безъ особеннаго намѣренія со стороны Обри, у него какъ-то невольно завязался разговоръ съ мистеромъ Геммономъ, который голосомъ полнымъ чувства и съ ловкимъ, лестно-почтительнымъ видомъ, замѣтилъ, что онъ можетъ угадать предметъ, занимавшій мысли мистера Обри, а именно: тѣ важныя дѣла, о которыхъ они совѣщались недавно.

— Нѣтъ, вы не угадали, отвѣчалъ Обри со вздохомъ, продолжая свой путь. Геммонъ непринужденно пошелъ съ нимъ рядомъ. —Меня глубоко поразили тѣ сцены, которыя я встрѣтилъ, въ окрестностяхъ вашей конторы. Какія страданія! Какой ужасъ!..

— Ахъ, мистеръ Обри! воскликнулъ Геммонъ со вздохомъ, пока они оба медленнымъ шагомъ шли вверхъ по Хольборн-Хилю не рука-объ-руку, но рядомъ. — Какая пестрая сцена — жизнь! Преступленіе и невинность, счастіе и страданіе, богатство и бѣдность, болѣзнь и здоровье, мудрость и дурачество, грубая чувственность и самая изящная утонченность, набожность и безвѣріе!.. Какъ странно перемѣшано все это вездѣ, куда мы ни взглянемъ на жизнь! И какъ трудно для философа постичь основный законъ...

— Трудно, говорите вы? невозможно! невозможно! воскликнулъ Обри, задумчиво.

— Сравненіе, я часто объ этомъ думалъ, продолжалъ Геммонъ, послѣ короткаго молчанія: — сравненіе собственныхъ своихъ несчастій съ несравненно-бóльшими несчастіями другихъ людей бываетъ спасительно или вредно, утѣшительно или убійственно, смотря по тому, хорошо или дурно устроена душа того, кто дѣлаетъ сравненіе; надѣлена нравственными и религіозными правилами или лишена ихъ.

— Вы говорите правду, отвѣчалъ Обри. Онъ былъ не слишкомъ расположенъ вступать въ разговоръ, но ему понравилось замѣчаніе, сдѣланное его спутникомъ.

— Что касается до меня, продолжалъ Геммонъ, слегка вздохнувъ: — поглощающія заботы, соединенныя съ занятіями моего званія, и съ такою отраслью этого званія къ тому же, которая, на зло моей склонности, приводитъ меня въ безпрестанное прикосновеніе съ разными сценами, въ родѣ тѣхъ, какія вамъ попались на глаза, сдѣлали меня менѣе-чувствительнымъ къ ихъ истинному значенію. Несмотря на то, я могу живо представить себѣ, какое впечатлѣніе онѣ должны произвести въ первый разъ на умъ и сердце человѣка чувствительнаго, наблюдательнаго и разсуждающаго.

Геммонъ имѣлъ наружность джентльмена, обращеніе не принужденное и вкрадчивое, полное деликатной внимательности, безъ

малѣйшаго оттѣнка ханжества или подобострастія; черты лица умныя и выразительныя, разговоръ человѣка образованнаго и мыслящаго. Онъ старался всѣми силами произвести хорошее впечатлѣніе на мистера Обри, и не удивительно, что успѣлъ. Миновавъ Цѣпную Улицу, они шли ужь рука-объ-руку. Подходя къ Оксфордской Улицѣ, на встрѣчу имъ попался вдругъ мистеръ Роннинтонъ.

— Боже мой, мистеръ Обри! произнесъ онъ съ удивленіемъ:— и мистеръ Геммонъ! Какъ ваше здоровье, мистеръ Геммонъ? продолжалъ онъ, снимая шляпу съ немного-формальнымъ видомъ и говоря соотвѣтствующимъ тономъ; но Геммонъ встрѣтилъ его самымъ непринужденнымъ образомъ и съ гораздо-болѣе холоднымъ видомъ, чтò сильно кольнуло самолюбіе мистера Роннинтона, побѣжденнаго своимъ собственнымъ оружіемъ.

— Ну теперь я долженъ сдать васъ на руки вашему законному совѣтнику, мистеръ Обри, сказалъ Геммонъ съ улыбкою; потомъ, обращаясь къ Роннинтону, въ лицѣ котораго досада и уколотая гордость были очень замѣтны: — мистеръ Обри удостоилъ меня сегодня своимъ посѣщеніемъ, сказалъ онъ: — и мы имѣли съ нимъ маленькое совѣщаніе о предметахъ, которые онъ вамъ объяснитъ. Что касается до меня, мистеръ Обри, то я долженъ былъ повернуть въ сторону, улицы двѣ тому назадъ. Итакъ, желаю вамъ добраго вечера.

Прощаясь, Обри и онъ пожали другъ другу руки. Потомъ мистеръ Роннинтонъ и мистеръ Геммонъ дотронулись оба до своихъ шляпъ и поклонились другъ другу съ холодной учтивостью. Проходя съ своимъ кліентомъ далѣе, по направленію къ другому концу города, Роннинтонъ, человѣкъ очень-осторожный, не счелъ приличнымъ обнаруживать безпокойства, которое онъ ощутилъ при видѣ того, въ какія короткія отношенія мистеръ Обри вступилъ съ человѣкомъ, по его мнѣнію, такимъ опаснымъ и хитрымъ, какъ Геммонъ. Онъ былъ, однакожь, сильно удивленъ, узнавъ о предложеніи Геммона, которое, говорилъ онъ, было такъ неизъяснимо-умѣренно и даже щедро (принимая въ соображеніе со стороны кого оно сдѣлано), что онъ, Роннинтонъ, опасается, не ошибся ли какимъ-нибудь образомъ мистеръ Обри. Онъ обѣщалъ, впрочемъ, прилежно объ этомъ подумать и посовѣтоваться съ своими партнёрами, однимъ словомъ, сдѣлать все, чтò только они найдутъ полезнымъ для мистера Обри.

— А между-тѣмъ, прибавилъ онъ съ улыбкою, подъ которою старался скрыть значительное безпокойство: — на всякій случай, вамъ было бы вѣрнѣе не входить болѣе въ личныя сношенія съ этими людьми, которыхъ вы не знаете такъ хорошо, какъ мы знаемъ, и предоставить намъ вести съ ними переговоры обо всемъ, чтò нужно.

Такимъ-образомъ они разстались и Обри вернулся въ Вивьенскую Улицу съ сердцемъ, гораздо-болѣе легкимъ, чѣмъ когда-нибудь прежде. Живое воспоминаніе сценъ, видѣнныхъ въ Сеф-

фрон-Хилѣ, заставило его глубоко оцѣнить комфортъ своего маленькаго уголка и отвѣчать на ласки и привѣтствіе, встрѣтившіе его тамъ съ трепетнымъ, нѣжнымъ увлеченіемъ. Прижавъ къ груди свою жену, обнявъ сестру и лаская лепечущихъ малютокъ, которые карабкались къ нему на колѣни, онъ забылъ на-время труды и горе, но вспомнилъ уроки, полученные имъ въ этотъ день.

Пора, однакожь, вернуться въ Яттонъ, гдѣ происходили вещи, достойныя замѣчанія. Мистеръ Яхъ, правда, заботливо ухаживалъ за Геммономъ, чувствуя, что этотъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ему не по силамъ; а между-тѣмъ, не трудно было видѣть, что онъ боялся и ненавидѣлъ его ровно на столько же, на сколько тотъ его презиралъ. Геммонъ безъ труда вывѣдалъ у Титмауза, что Яхъ не разъ старался искусно вооружить его противъ его наставника и покровителя. Это одно было ужь не бездѣлица. Мало того, Яхъ, лихой и бойкій негодяй, пріобрѣталъ съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе вліянія надъ Титмаузомъ, котораго онъ быстро посвящалъ въ разныя отвратительныя привычки и занятія: короче, совершенно развращалъ его. Но что́ важнѣе всего, Геммонъ удостовѣрился, что Яхъ ужь началъ съ большимъ успѣхомъ свои эксперименты надъ кошелькомъ Титмауза. Не успѣли они пробыть и недѣли въ Яттонѣ, какъ вдругъ появился, нарочно-выписанный изъ Лондона, великолѣпный бильярдъ, со всѣми принадлежностями и съ человѣкомъ, чтобъ приладить его ка́къ слѣдуетъ къ библіотекѣ, въ которой онъ разомъ изгладилъ всѣ слѣды прежняго ея назначенія; и тутъ-то Яхъ, Титмаузъ и Фицъ-Снуксъ проводили бо̀льшую часть времени; а порой, они отдавали приказаніе вынести стулья, столы, карты и проч. на чудесный, мягкій и ровный дернъ лужайки передъ домомъ и просиживали цѣлые дни за *écarté*, пріятно успокоивая и возбуждая себя поочереди сигарами и грогомъ. Далѣе, Яхъ затѣялъ частыя поѣздки въ Грильстонъ и даже въ Йоркъ, гдѣ, вмѣстѣ съ своими двумя товарищами, онъ потѣшался на славу, о чемъ въ газетахъ начинали упоминать чаще и чаще, и съ каждымъ разомъ подробнѣе. Подстрекаемый тою отвратительною и грязною страстью къ женскому полу, которою онъ отличался, гордился и хвасталъ, Яхъ завелъ интриги въ окрестностяхъ Яттона, наконецъ, даже въ барскомъ домѣ, и въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ Фицъ-Снуксъ и Титмаузъ подражали ему охотно. Геммонъ скоро почувствовалъ ужасное, судорожное отвращеніе къ басурману, предводительствующему во всѣхъ этихъ мерзостяхъ; и еслибъ не страхъ за послѣдствія, отправилъ бы его на тотъ свѣтъ такъ же хладнокровно, какъ готовъ былъ подсыпать яду какой-нибудь дерзкой и прожорливой крысѣ, или убить змѣю. Впрочемъ, въ двухъ или трехъ случаяхъ онъ успѣлъ, изподтишка, доказать ему свою дружбу. Яхъ обидѣлъ какъ-то очень-сильно невѣсту одного дюжаго молодаго фермера, отчаянныя жалобы котораго дошли до ушей мистера Геммона, и этотъ джентльменъ, подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ хранить тайну,

подарилъ фермеру двѣ гинеи съ тѣмъ, чтобъ онъ подсторожилъ Яха и далъ ему отвѣдать на-славу пару дюжихъ, йоркширскихъ кулаковъ. День или два спустя, сатиръ столкнулся съ своимъ неожиданнымъ врагомъ. Яхъ былъ рослый, сильный мужчина и ловкій боксёръ; несмотря на то, сначала онъ уклонялся отъ поединка, при видѣ страшныхъ размѣровъ Хазеля и бѣшенства, сверкающаго у него въ глазахъ. Но замѣтивъ, въ какую неловкую позицію сталъ бѣдный фермеръ, Яхъ улыбнулся, снялъ свой сюртукъ и тотчасъ вступилъ въ бой. Я, къ-сожалѣнію, долженъ сказать, что долго Хазель не могъ нанести ни одного удара искусному своему противнику; подъ-конецъ, однакожь, Яхъ началъ уставать. Тогда Хазель избилъ его жестоко и, въ-заключеніе, вышибъ у него пять зубовъ спереди, а именно: три въ верхней и два въ нижней челюсти, пять славныхъ, бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ, потеря которыхъ сильно огорчала Яха въ-отношеніи къ его наружности, затрудняла процесъ куренія сигары и, кромѣ того, лишала его возможности поступить въ солдаты, потому-что онъ не могъ болѣе откусить патрона. Хазель, слѣдовательно, совершилъ проступокъ, извѣстный подъ названіемъ: *мейхемъ* (*). Мистеръ Геммонъ отъ души соболѣзновалъ, слушая изъ устъ мистера Яха разсказъ о такомъ звѣрскомъ нападеніи; и такъ-какъ дѣло произошло безъ свидѣтелей, то онъ сильно совѣтовалъ ему жаловаться въ судъ на мистера Хазеля и взялся вести искъ, съ намѣреніемъ, конечно, окончить ничѣмъ. Среди такого дружескаго разговора съ Яхомъ, Геммону вдругъ пришло въ голову, что онъ можетъ оказать ему другую услугу и съ такимъ же строгимъ соблюденіемъ правила, чтобъ лѣвая рука не знала того, чтó дѣлаетъ правая, потому-что Геммонъ любилъ роль тайнаго благодѣтеля. Вслѣдствіе того, онъ написалъ письмо къ Снапу, который, онъ хорошо это зналъ, перенесъ не одну обиду отъ мистера Яха, прося своего партнёра зайдти къ двумъ или тремъ самымъ извѣстнымъ ростовщикамъ и мѣняламъ заемныхъ писемъ, освѣдомиться: не имѣютъ ли они какого-нибудь документа за подписью «Яха», и въ случаѣ, если таковой найдется, дѣйствовать по наставленіямъ, сообщеннымъ Снапу въ письмѣ. Снапъ полетѣлъ стрѣлой, тотчасъ по полученіи письма, и у перваго же лица, къ которому онъ обратился, а именно, у мистера Сэкэм-Дрей, нашелъ во владѣніи вексель Яха на 200 ф. Сэкем-Дрей охотно согласился на убѣдительныя просьбы Снапа, предлагавшаго ему удовольствіе пугнуть мистера Яха, и вручилъ документъ этому джентльмену, который передалъ вексель, по секрету, мистеру Свиндль-Шарку, маленькому жидку-стряпчему, въ Канцлерской Улицѣ, въ контору котораго черная работа господъ Кверка, Геммона и Снапа была выметаема, въ такихъ случаяхъ, когда они не хотѣли вести какого-нибудь

(*) *Mayhem (maim)* — увѣчье, которое лишаетъ человѣка естественныхъ средствъ къ защитѣ, какъ-то: руки, ноги, глаза или передняго зуба. (Юридическій терминъ.) *Примѣч. къ перев.*

дѣла отъ собственнаго имени. Жаль, что изувѣченный Яхъ не могъ увидѣть блестящаго ряда зубовъ, оскаленыхъ голоднымъ жидомъ, когда тотъ получилъ такое порученіе. Обязанность жидка, хотя и печальпая, была очень-короткаго и простаго сорта. Это былъ безспорный искъ *кредитора* противъ *должника*. Дѣйствительность долга подтверждена была клятвою въ тотъ же самый вечеръ и, черезъ часъ спустя, тонкій лоскутокъ бумаги выданъ былъ на имя йоркширскаго ундер-шерифа, съ предписаніемъ взять особу мистера Пимпа Яха, если таковая окажется у него въ округѣ, и содержать Яха подъ стражею, въ безопасномъ мѣстѣ, чтобъ дать ему возможность уплатить 200 ф. долга мистеру Сэкэм-Дрею, да 24 ф. 6 шил. и 10 пенсовъ издержекъ мистеру Свиндлю-Шарку. И вотъ, эта маленькая *адская машинка* отправилась въ Йоркширъ въ тотъ же день, съ вечернею почтою.

Кàкъ описать удивленіе и печаль мистера Геммона, когда, полторы сутки спустя, возвратясь въ барскій домъ, съ поѣздки въ Грильстонъ, онъ услыхалъ отъ господъ Титмауза и Фиц-Снукса, бѣдныхъ, покинутыхъ друзей, что, съ часъ тому назадъ, два дюжіе, грубые парня, и одинъ изъ нихъ съ длиннымъ лоскутомъ бумаги въ рукахъ, пришли въ барскій домъ, вызвали невиннаго и ничего-неподозрѣвающаго Яха, какъ-разъ въ ту самую минуту, когда онъ только-что успѣлъ сдѣлать мастерской ударъ на бильярдѣ, и настоятельно требовали, чтобъ онъ отправился съ ними къ помянутому ундер-шерифу, а оттуда въ Йоркскій Зàмокъ. Они привезли съ собой тележку для его помѣщенія, и въ нее-то, между двумя своими новыми пріятелями, долженъ былъ сѣсть удивленный Яхъ, куря, какъ могъ, сигару, одну изъ нѣсколькихъ дюжинъ, которыми онъ набилъ карманы, и бранясь на всю окрестность. Мистеръ Геммонъ пришелъ въ сильное негодованіе, узнавъ о такой низости и спросилъ: — «отчего этихъ бездѣльниковъ не продержали, по-крайней-мѣрѣ, хоть до его возвращенія. Потомъ онъ оставилъ грустныхъ друзей на-время однихъ и отправился погулять по вязовой алеѣ, гдѣ (горесть выражается очень-разнообразно) облегчилъ свою растроганную душу нѣсколько разъ повторенными, небольшими порывами тихаго хохота. Едва успѣлъ *Йоркскій-Истинный-Синій* (журналъ), между прочими извѣстіями о происшествіяхъ Моднаго Круга, увѣдомить публику о томъ, что достопочтенный мистеръ Пимпъ Яхъ переѣхалъ изъ Яттона въ Йоркскій Зàмокъ, гдѣ намѣренъ принимать большое число друзей, какъ эти друзья начали сходиться вокругъ него съ удивительною поспѣшностью. *Детейнеры* (*) (такъ называется этотъ сортъ визитныхъ карточекъ) посыпались на него какъ снѣгъ и, однимъ словомъ, не было конца любезностямъ и привѣтствіямъ тѣхъ, кого онъ обязалъ своимъ безцѣннымъ знакомствомъ и практикою.

Увы, бѣдный Яхъ! погибъ! невозвратно погибъ! Такъ-то слу-

(*) Предписаніе объ арестѣ.

чается зачастую въ этомъ жалкомъ мірѣ. Планы самые благоразумные, самымъ отличнымъ образомъ задуманные, разрушаются вдругъ рукою завистливой и капризной судьбы! Такъ-то руки твои, о Яхъ! вдругъ оттянуты были назадъ именно въ ту минуту, когда ты готовъ былъ обнять ими самаго прелестнаго, жирнаго голубка, какой только когда-нибудь гнѣздился въ нихъ съ игривою довѣрчивостью затѣмъ, чтобъ быть ощипаннымъ. Увы! замѣтилъ ли ты опасность, которой подвергался этотъ голубокъ, поднимаясь безсознательно туда, гдѣ дружескій взоръ твой открылъ настороже чуткаго сокола?

Бѣдный Титмаузъ былъ очень-грустенъ нѣсколько времени послѣ отбытія этого смѣлаго и блестящаго генія, и хотѣлъ, по совѣту Фиц-Спукса, жаловаться на бездѣльника, дерзнувшаго привести въ дѣйствіе законъ, въ Яттонѣ, подъ самымъ носомъ его помѣщика и обладателя; но когда Геммонъ объяснилъ ему, что всѣ тѣ, которые давали мистеру Яху въ займы свои деньги, могутъ теперь положиться на честь этого джентльмена и посвистывать надосугѣ, въ ожиданіи ихъ возврата, Титмаузъ пришелъ въ страшное бѣшенство и сказалъ Геммону, что онъ не далѣе какъ день тому назадъ, далъ Яху въ займы 150 фунтовъ чистыми деньгами, и что этотъ Яхъ, окаянный мошенникъ, зналъ, занимая деньги, что онъ не въ-сотояніи будетъ ихъ выплатить. Вслѣдствіе того новый *детейнеръ*, по иску Титльбета Титмауза эсквайра, былъ однимъ изъ первыхъ, полученныхъ въ конторѣ шерифа, и этотъ новый заимодавецъ сталъ однимъ изъ самыхъ злыхъ и неумолимыхъ противъ падшаго Яха, исключая, развѣ, мистера Фиц-Спукса. Послѣдній далъ въ долгъ пріятелю своему, Яху, неменѣе 1,300 ф. и былъ совершенно-спокоенъ все время, въ полномъ убѣжденіи, что драгоцѣнные документы, извѣстные подъ названіемъ I. O. И., полученные имъ отъ вышеупомянутаго Яха, имѣли такую же цѣну, какъ звонкая монета, и былъ ужасно-огорченъ, узнавъ, что онъ ошибся и что по нимъ не будетъ уплаты, прежде всѣхъ остальныхъ кредиторовъ, немедленно. Вслѣдствіе того, и онъ тоже послалъ отъ себя особое посланіе, въ видѣ *детейнера*, въ сопровожденіи большаго числа проклятій.

Въ-теченіе времени, мистеръ Яхъ сталъ думать о томъ, какъ бы ему *выбьлиться;* но, по надлежащемъ осмотрѣ, найдено было, что онъ недовольно еще *просохъ;* а потому операція отложена была на два года, вслѣдствіе одного постановленія, которое гласитъ : буде окажется, что содержимый за долги арестантъ сдѣлалъ который-нибудь изъ своихъ долговъ мошенническимъ образомъ, или на основаніи фальшивыхъ предлоговъ, или неимѣя никакой правдоподобной надежды уплатить свой долгъ въ ту пору, когда онъ его дѣлалъ и проч. и проч., или задолжалъ за убытки, отъискиваемые съ него за преступныя сношенія, или обольщеніе, или за побои и увѣчье и проч. и проч., то таковой арестантъ можетъ быть освобожденъ отъ такихъ долговъ и убытковъ, по причинѣ несостоятельности, не прежде, какъ

просидѣвъ въ тюрьмѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Скоро послѣ того, какъ мистеръ Геммонъ успѣлъ такъ ловко сбыть съ рукъ мистера Яха, къ большому удовольствію его, этотъ баловень и простякъ Фиц-Снуксъ тоже уѣхалъ. Онъ соскучился и сталъ тосковать по удовольствіямъ Лондона, имѣя довольно еще денегъ, чтобъ наслаждаться экономическимъ образомъ года три, послѣ чего онъ могъ отправиться въ чужіе края или къ чорту. Въ Яттонѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, стало ужасно скучно. Та дичь, на которую мистеръ Яхъ пріохотилъ его гоняться, была чрезвычайно какъ строго оберегаема въ этомъ мѣстѣ, и птицы были необыкновенно пугливы, дики и быстры на лету. Къ-тому же, присутствіе мистера Геммона было для него ужаснымъ гнётомъ: оно усмиряло и сковывало его, на зло неоднократнымъ попыткамъ, дѣланнымъ порою, когда онъ былъ нагруженъ достаточнымъ количествомъ вина, попыткамъ установить дерзкую фамильярность, или даже идти наперекоръ Геммону. Простившись съ Снуксомъ, пожавъ его руку и потерявъ его изъ виду, бѣдный Титмаузъ остался въ Яттонѣ *одинъ-на-одинъ съ мистеромъ Геммономъ*, и вдругъ почувствовалъ себя какъ-будто бы заколдованнымъ. Онъ былъ совершенно-запутанъ и убитъ духомъ; а между-тѣмъ Геммонъ дѣлалъ все возможное, чтобъ дать поправиться Титмаузу и воскресить его упадающее расположеніе духа. Титмаузъ, Богъ знаетъ по какимъ причинамъ, забилъ себѣ въ голову, что таинственный и грозный мистеръ Геммонъ какимъ-нибудь непонятнымъ для него образомъ, былъ главною причиной похищенія Яха и отъѣзда Фиц-Снукса, и что скоро онъ сдѣлаетъ и съ нимъ то же самое. Онъ совсѣмъ не чувствовалъ себя хозяиномъ въ Яттонѣ, а какъ-будто только жильцомъ, на-время, и съ дозволенія Геммона. Всякій разъ, какъ онъ пытался разувѣрить себя, твердя самъ себѣ, что все это пустяки, что Яттонъ его собственность, и что онъ могъ поступать какъ ему угодно, чувства его можно было сравнить съ воздушнымъ шаромъ, на который устремлены взоры тысячи любопытныхъ зрителей, но который все-таки не можетъ наполниться достаточно, чтобъ подняться хоть на одинъ вершокъ отъ земли. Отчего это такъ? Мистеръ Геммонъ обращался съ нимъ самымъ почтительнымъ образомъ — и чего же больше могъ онъ отъ него требовать? А между-тѣмъ, онъ охотно далъ бы мистеру Геммону 1,000 ф., чтобъ тотъ убрался прочь и никогда болѣе не показывалъ носа въ Яттонѣ. Ему было досадно, притомъ, невыразимо-досадно видѣть, какое вниманіе и почтеніе всѣ въ барскомъ домѣ обнаруживали передъ мистеромъ Геммономъ. Порой, оставаясь одинъ, онъ топалъ ногами съ дѣтскою яростью, размышляя объ этомъ предметѣ. За обѣдомъ, когда они оставались вдвоемъ, послѣ дессерта, Геммонъ истощалъ свое воображеніе, придумывая тысячи шутокъ и анекдотовъ, чтобъ занять Титмауза, который, конечно, смѣялся и восклицалъ: «Браво! ха, ха! Клянусь Богомъ, славно! Отлично! Ну, что вы говорите! Неуже-ли!» и пилъ вино рюмку за рюмкою, грогъ стаканъ за ста-

каномъ, курилъ сигару за сигарою, покуда не начиналъ чувствовать опьяненія и дурноты, и въ этомъ положеніи уходилъ спать, оставляя Геммона съ ясною головой и въ спокойномъ расположеніи духа думать наединѣ. Наконецъ, разъ какъ-то Геммонъ заговорилъ съ Титмаузомъ о счетѣ издержекъ: итогъ его былъ огроменъ; о деньгахъ, истраченныхъ мистеромъ Кверкомъ на его содержаніе, впродолженіе восьми или девяти мѣсяцевъ, которыя выдаваемы были ему очень-щедрой рукой и простирались на несравненно-болѣе значительную сумму, чѣмъ можно было предполагать и, наконецъ, объ уплатѣ 10,000 ф. по обязательству, какъ о справедливой наградѣ за ихъ долговременныя, заботливыя и успѣшныя старанія въ его пользу. Титмаузъ собралъ всю свою рѣшимость, какъ-будто бы для послѣдней, отчаянной борьбы; сталъ клясться, что они хотятъ его ограбить и прибавилъ, бѣшено щолкнувъ пальцами: «ужь лучше бы они взяли имѣніе себѣ, разомъ, а ему назначили по фунту въ недѣлю и отослали его назадъ, къ Тэг-Рэгу». При этомъ, онъ ударился въ слезы и рыдалъ, какъ ребенокъ, долго и горько.

— Хорошо, сэръ, произнесъ Геммонъ, посмотрѣвъ нѣсколько времени на Титмауза молча и спокойно, но съ такимъ выраженіемъ лица, которое напугало его кліента до смерти. — Если вы нешутя намѣрены обращаться такимъ-образомъ со мной, единственнымъ, истинно-безкорыстнымъ другомъ, котораго вы имѣете на свѣтѣ (въ чемъ вы имѣли сотни случаевъ убѣдиться на дѣлѣ); если вы подозрѣваете мои побудительныя причины и отвергаете съ презрѣніемъ мои совѣты; если ваши первоначальныя и добровольныя обязательства нашей фирмѣ должны быть такъ прихотливо нарушены...

— Ахъ, нѣтъ, недобровольныя! Клянусь Богомъ, у меня ихъ выманили обманомъ! воскликнулъ Титмаузъ съ жаромъ.

— Безсовѣстный мальчишка! воскликнулъ Геммонъ, вскочивъ со стула и глядя на него такъ грозно, какъ-будто бы онъ хотѣлъ опалить его своимъ взоромъ. — Какъ вы смѣете это говорить? Если въ васъ нѣтъ благодарности, то у васъ должна быть хоть память! Что вы такое были, когда я выкопалъ васъ изъ вашей грязной норы въ Оксфордской Улицѣ? Сколько разъ ползали вы передъ нами на колѣняхъ? Развѣ вы не повторяли тысячу разъ обѣщанія сдѣлать несравненно-болѣе, чѣмъ отъ васъ теперь требуютъ? Такъ-то вы, дерзкая, презрѣнная тварь, такъ-то вы отплачиваете намъ за то, что мы поставили васъ, нищаго, почти идіота...

— Вы чрезвычайно-учтивы! замѣтилъ Тутмаузъ, неожиданно и горько.

— Молчать!.. Я не въ духѣ шутить! перебилъ Геммонъ строго. Я говорю: такъ-то вы думаете отблагодарить насъ? Вы хотите не только оскорбить своихъ благодѣтелей, но и отказаться отъ уплаты денегъ, дѣйствительно нами истраченныхъ, чтобъ спасти васъ отъ голода; отказаться отъ вознагражденія за деньги и время,

за дни и ночи, недѣли и мѣсяцы, многіе мѣсяцы тяжкихъ заботъ, истраченные на открытіе средствъ, поставить васъ въ обладаніе вашимъ блестящимъ богатствомъ... Ба! вы жалкій шутъ! Съ чего я стану себя волновать такимъ образомъ?... Не забудьте, не забудьте, Титмаузъ, продолжалъ Геммонъ въ полголоса, устремивъ на него свой тонкій указательный палецъ съ грознымъ, зловѣщимъ видомъ: — я, который въ одинъ день поставилъ васъ такъ высоко, я сдуну васъ съ этого мѣста какъ клочокъ пуха, и васъ никто больше не увидитъ, не услышитъ, не будетъ думать о васъ, кромѣ какого-нибудь мелкаго лавочника, у котораго вы будете служить на посылкахъ!

— Ха, ха! Ей-Богу, кажется, вы думаете, что я ужасно испугался! ха, ха!... Удивительно! превосходно! говорилъ Титмаузъ; но, несмотря на тонъ этихъ восклицаній, Геммонъ замѣтилъ, что онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ, и улыбка, которую Титмаузъ пытался наклеить себѣ на лицо, была такъ жалка, что еслибъ кто увидѣлъ его въ эту минуту и сообразилъ его положеніе, то, несмотря на все справедливое презрѣніе къ этому человѣку, невольно пожалѣлъ бы его.

— Вы нынче все гнете на этотъ ладъ. Удивительно какъ правдоподобно! продолжалъ онъ. Дà, какъ же? Клянусь Богомъ, да вѣдь я не сегодня, такъ завтра, могу лордомъ сдѣлаться! Кàкъ вы этому помѣшаете? Развѣ вы можете послать лорда въ магазинъ, за прилавокъ?.. Желалъ бы я знать: чтò вы на это скажете?

— Чтò я скажу? повторилъ Геммонъ спокойно. — Меня сильное искушеніе беретъ сказать и сдѣлать кое-что такое, чтó заставитъ васъ прыгнуть головой внизъ, вонъ изъ окошка... У Титмауза, душа ушла въ пятки.

— Титльбетъ! Титльбетъ! продолжалъ Геммонъ, понизивъ голосъ и говоря очень-ласковымъ, убѣдительнымъ тономъ: — еслибъ вы только знали, до какой степени одинъ случай отдалъ васъ въ мою власть — дà, въ мою власть, теперь, въ эту самую минуту! Право, я почти дрожу при мысли объ этомъ. Онъ всталъ, вынесъ изъ передней залы свой ночникъ, зажегъ его, пожелалъ Титмаузу доброй ночи печальнымъ, но строгимъ тономъ, и пожалъ ему руку. Я освобожу васъ отъ моего присутствія завтра поутру, мистеръ Титмаузъ, и оставлю васъ съ тѣмъ, *чтобъ вы постарались наслаждаться Яттономъ.* Желаю вамъ найдти себѣ друга *вѣрнѣе* и сильнѣе того, котораго вы теперь потеряли. — Титмаузу никогда еще не случалось оплѣшить передъ Геммономъ такъ безпомощно, какъ въ эту минуту.

— Вы... вы... и вы не хотите подождать, выкурить еще сигарочку съ вашимъ покорнѣйшимъ слугой? спросилъ онъ слабымъ голосомъ. — Здѣсь какъ-то... какъ-то ужасно-пусто, въ этомъ странномъ, огромномъ, старомодномъ...

— Не сегодня вечеромъ; покорно васъ благодарю, отвѣчалъ Геммонъ сухо и ушелъ, оставивъ Титмауза въ гнѣвѣ и страхѣ, но съ большимъ перевѣсомъ послѣдняго.

«Признаюсь!» воскликнулъ онъ наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, тяжело вздыхая и проглотивъ остатки своего грога: если этотъ джентльменъ, мистеръ Геммонъ, не самъ дьяволъ, то по-крайней-мѣрѣ онъ похожъ на него болѣе чѣмъ кто-нибудь другой! При этомъ, онъ оглянулся робко кругомъ и немножко струхнулъ; потомъ дернулъ торопливо звонокъ и, въ-сопровожденіи слуги, ушелъ въ спальную.

На слѣдующее утро, буря совершенно прошла. За завтракомъ, какъ Геммонъ зналъ это напередъ, Титмаузъ изъявилъ совершенную покорность и глубочайшее почтеніе. Ясно было, что его жестоко напугали слова, произнесенныя Геммономъ наканунѣ, и гораздо-болѣе еще тотъ видъ, съ которымъ они были сказаны. Несмотря на то, Геммонъ сохранялъ еще нѣсколько времени надменную холодность, обнаруженную имъ при встрѣчѣ. Наконецъ, нѣсколько словъ со стороны несчастнаго Титмауза, изъявившаго глубокое сожалѣніе насчетъ того, что онъ имѣлъ глупость сказать вчера вечеромъ, когда выпилъ не въ мѣру, и выказавшаго безусловную покорность всѣмъ требованіямъ мистера Геммона, скоро разогнали тучу, омрачившую лицо его патрона. — Ну, вотъ, мой милый сэръ, сказалъ онъ очень-ласково: — теперь вы показали себя тѣмъ самымъ человѣкомъ за котораго я васъ всегда принималъ; а потому, я забываю навсегда всѣ наши вчерашнія непріятности. Я увѣренъ, что этого болѣе никогда не случится, потому-что теперь мы совершенно понимаемъ другъ друга — неправда ли?

— О, да̀, клянусь Богомъ, совершенно! отвѣчалъ Титмаузъ смиреннымъ голосомъ.

Скоро послѣ завтрака они отправились, по желанію Геммона, въ бильярдную и тамъ, несмотря на то, что этотъ джентльменъ умѣлъ владѣть кіемъ, а Титмаузъ нѣтъ, Геммонъ удивлялся искусству своего кліента и учился у него съ большимъ любопытствомъ, ка̀къ однимъ ударомъ отправить по шару въ обѣ лузы — мастерской маневръ, который удался Титмаузу раза два или три, а Геммону ни разу, впродолженіе цѣлаго часа игры. При этомъ-то случаѣ происходилъ тотъ дружескій разговоръ, въ которомъ Титмаузъ сдѣлалъ предложеніе, ужь извѣстное читателю, чтобъ поставить мистера Обри немедленно въ тиски и выжать изъ него количество денегъ, достаточное по-крайней-мѣрѣ для немедленной уплаты обязательства Титмауза на 10,000 фунтовъ и счета издержекъ; а для побужденія къ скорѣйшей уплатѣ остальнаго, онъ просилъ мистера Геммона отправить Обри разомъ туда же, гдѣ сидѣлъ Яхъ, то-есть въ Йоркскій Замокъ. На это Геммонъ возразилъ, что, по всей вѣроятности, у мистера Обри не осталось за душой и 2000 фунтовъ.

— Что жь, этого будетъ довольно сначала, отвѣчалъ Титмаузъ: — а остальное должно быть получено рано или поздно.

— Положитесь на меня, мой милый мистеръ Титмаузъ, или, скорѣе, на мистера Кверка, который ужь выжметъ его ка̀къ слѣ-

дуетъ, я вамъ за это ручаюсь; а между-тѣмъ, я буду стараться день и ночь, чтобъ какъ-нибудь освободить васъ отъ этой претензіи мистера Кверка, потому-что, по правдѣ сказать, мнѣ до нея почти нѣтъ дѣла.

— Ну, ужь вы вѣрно вырѣжете себѣ жирный ломтикъ изъ этихъ 10,000 по обязательству? Хе, хе, мистеръ Геммонъ! Но что̀ такое вы говорили, что вы хотите для меня сдѣлать?

— Я повторяю вамъ, мистеръ Титмаузъ, что я вашъ единственный, безкорыстный другъ. Я никогда не получу и 100 фунтовъ изъ того, что̀ попадетъ въ руки мистера Кверка, который — я впрочемъ долженъ сказать — заслужилъ все это вполнѣ, слѣдуя моимъ наставленіямъ съ начала до конца. Но я хотѣлъ вамъ сказать, что мнѣ пришла въ голову мысль, какъ избавить васъ отъ вашихъ затрудненій; хотя... разумѣется... вы только-что вступили еще во владѣніе собственностью, и потому вамъ не очень-охотно дадутъ деньги подъ залогъ; но если только вы останетесь въ покоѣ и предоставите мнѣ это дѣло вполнѣ, то я берусь достать вамъ тысячъ 20.

— Что̀ вы говорите! воскликнулъ Титмаузъ, встрепенувшись; но онъ скоро потомъ прибавилъ съ печальнымъ видомъ: — да̀, а какой кушъ изъ этихъ денегъ перейдетъ въ руки стараго Кверка?

— Конечно, онъ очень-жадный и крутой человѣкъ... хмъ, но...

— А что, чортъ возьми, нельзя ли намъ надуть стараго джентльмена?

— Ни подъ какимъ видомъ, мистеръ Титмаузъ. Это былъ бы гибельный шагъ для васъ, да по правдѣ сказать, и для меня.

— Какъ? Развѣ и онъ тоже можетъ сдѣлать все, что̀ захочетъ? А я думалъ, что это только вы одни! Маленькій шутъ заставилъ слегка покраснѣть своего Просперо; но болтовня его скоро успокоила Геммона. — А впрочемъ, какъ же, клянусь Богомъ, вѣдь мнѣ прійдется потомъ выплачивать всѣ эти деньги! Вотъ тебѣ и на! А мнѣ объ этомъ и въ голову не пришло.

— Я постараюсь прежде достать эти деньги отъ мистера Обри, сказалъ Геммонъ: — а потомъ отъ другаго изъ вашихъ пріятелей. А между-тѣмъ, покуда, намъ не слѣдуетъ забывать семейство Тэг-Рэговъ.

Вслѣдъ затѣмъ они вступили въ длинный и откровенный разговоръ и середи этого разговора Титмаузъ случайно проговорился объ одномъ маленькомъ секретѣ, который онъ до-тѣхъ-поръ старался прятать отъ своего патрона: а именно, о своей пылкой и безкорыстной привязанности къ миссъ Обри. Геммонъ не ожидалъ такого признанія и странно, какъ зоркій глазъ Титмауза не замѣтилъ у него на лицѣ признаковъ внезапнаго и сильнаго смущенія? Покуда его кліентъ распространялся усердно и болтливо объ этомъ предметѣ, Геммонъ, подумавъ немного, что̀ ему слѣдуетъ дѣлать съ этимъ интереснымъ открытіемъ, рѣшился покуда одобрить его чувство и выманилъ у Титмауза полный и подробный отчетъ о началѣ его страсти, о неизгладимомъ вне-

чатлѣніи, которое *она* сдѣлала на его сердце и, между прочимъ, о письмѣ его *къ ней*. Бойкая фантазія заставила Геммона такъ живо вообразить себѣ, какого рода было это сочиненіе, конечно, дошедшее въ руки миссъ Обри, что онъ едва не покатился со смѣху. Наконецъ, Титмаузъ, съ удивительнымъ чистосердечіемъ, или, скорѣе — отдадимъ ему полную справедливость — съ откровенной простотой, свойственной возвышеннымъ душамъ, описалъ ему свою неблагополучную встрѣчу съ миссъ Обри и ея служанкою въ зимнюю ночь. При этомъ Геммонъ почувствовалъ внутреннее содроганіе, возбудившее, по какой-то странной симпатіи, нестерпимое щекотаніе въ кончикѣ правой ноги; но это скоро прошло. Разумѣется, на разсказанное происшествіе надо было смотрѣть не болѣе, какъ на маленькую, юношескую шалость со стороны Титмауза; но Геммонъ увѣрялъ очень-серьёзно, что этимъ поступкомъ Титмаузъ повредилъ жестоко успѣху своихъ надеждъ на миссъ Обри.

— Какъ, чортъ возьми! Да развѣ я не намѣренъ сдѣлать ей предложеніе, несмотря на то, что у нея нѣтъ ровно ничего? перебилъ Титмаузъ съ удивленіемъ.

— Ахъ, дà, правда! Я совсѣмъ было и позабылъ. Ну, если вы дасте мнѣ слово не писать къ ней больше писемъ и не предпринимать никакихъ мѣръ, чтобъ увидѣть ее, непереговоривъ прежде со мной, въ такомъ случаѣ я, можетъ-быть, въ-состояніи буду вамъ обѣщать... Хмъ!.. онъ посмотрѣлъ лукаво на Титмауза.

— Она премилая дѣвушка! пробормоталъ его кліентъ, застѣнчиво улыбаясь. Дѣло въ томъ, что Геммонъ придумалъ для Титмауза совсѣмъ-другой планъ, рѣшительно-несовмѣстимый съ его чистою, пламенною привязанностью къ миссъ Обри; планъ, безъ сомнѣнія довольно-смѣлый и честолюбивый, но Геммонъ не отчаявался, потому-что онъ имѣлъ увѣренность въ себѣ и въ своемъ знаніи человѣческой природы, увѣренность, которая поддерживала его въ самыхъ трудныхъ и въ самыхъ повидимому безнадежныхъ предпріятіхъ.

Замѣтная перемѣна къ-лучшему произошла въ Яттонѣ скоро послѣ того, какъ мистеръ Яхъ и мистеръ Фиц-Снуксъ оставили это мѣсто. Отъ поры до времени, нѣкоторые изъ почетныхъ особъ, удостоившихъ мистера Титмауза своимъ участіемъ въ той процесіи, которая встрѣтила и привѣтствовала его прибытіе, приглашаемы были провести денекъ въ Яттонѣ и обыкновенно уѣзжали оттуда преисполненные почтительнаго удивленія къ обѣдамъ, къ винамъ, которыми ихъ угощали, къ непритворному добродушію и простотѣ гостепріимнаго хозяина и къ ласковому, спокойному, умному обращенію и разговору мистера Геммона. Когда наступилъ срочный день уплаты арендныхъ денегъ, мистеръ Титмаузъ, въ-сопровожденіи Геммона, выходилъ нѣсколько разъ въ комнату управляющаго, а также въ переднюю залу, гдѣ, по старому обычаю, вкусное и существенное угощеніе приготов-

лено было для фермеровъ. Они приняли его съ должнымъ почтеніемъ; но куда дѣвалось веселье, искренность, простота, прямое радушіе прошедшихъ дней? Немногіе изъ фермеровъ рѣшились отвѣдать вкусныя блюда, для нихъ приготовленныя, что́ сильно тронуло мистера Гриффитса и раздосадовало Геммона. Но, что касается до Титмауза: «Чортъ ихъ побери»! сказалъ онъ, смѣясь: — «пускай-себѣ не ѣдятъ, если сыты»; если ему и было немножко досадно, то это чувство мигомъ исчезло при видѣ итога суммы, полученной имъ въ этотъ день. Геммонъ очень-хорошо понималъ, что сцены, происходившія въ Яттонѣ въ первую ночь ихъ прибытія, сильно повредили его кліенту во всей окрестности и потому онъ старался изгладить это дурное впечатлѣніе какъ можно скорѣе, принудивъ Титмауза очиститься и жить опрятно, по-крайней-мѣрѣ хоть на время.

Позвольте мнѣ остановиться теперь на минуту и спросить: не долженъ ли былъ этотъ счастливый молодой человѣкъ чувствовать себя совершенно-довольнымъ и счастливымъ? Вотъ онъ сталъ, наконецъ, владѣльцомъ прекраснаго имѣнія, доставляющаго ему великолѣпный доходъ, хозяиномъ славнаго дома, приводящаго на умъ много благородныхъ, историческихъ воспоминаній, драгоцѣнныхъ для патріотизма всякаго Англичанина; имѣлъ роскошный столъ съ отборными винами, въ изобиліи; могъ курить самыя лучшія сигары, какія только существуютъ на свѣтѣ, съ самаго утра пожалуй хоть до ночи; обладалъ безконечными удобствами и средствами держать свою наружность всегда въ самомъ блестящемъ видѣ, во всемъ, что касается до одежды и наряда; имѣлъ всѣ удовольствія и забавы графства у себя подъ рукой; толпу усердныхъ и внимательныхъ слугъ; лошадей и экипажей, сколько угодно и какихъ угодно; имѣлъ, однимъ-словомъ, все, что́ только могъ пожелать и вообразить себѣ джентльменъ въ его положеніи и съ его средствами. Мистеръ Геммонъ хоть и былъ съ Титмаузомъ немножко-строгъ, а иногда даже и крутъ, все-таки былъ для него самый искренній и могущественный другъ, глубоко, безкорыстно-озабоченный его интересами и защищающій его отъ замысловъ низкихъ интригантовъ; наконецъ, впереди онъ имѣлъ блестящую перспективу модной жизни въ столицѣ. О! именемъ всего, что́ этотъ свѣтъ можетъ произвести, скажите: не долженъ ли былъ Титмаузъ наслаждаться жизнью, быть счастливымъ вполнѣ и совершенно?.. А между-тѣмъ, онъ не былъ счастливъ. Онъ чувствовалъ, совершенно-независимо отъ принужденія, соединеннаго съ присутствіемъ мистера Геммона, какую-то страшную тоску, какое-то неизъяснимое утомленіе, отъ которыхъ ничто не могло облегчить его, кромѣ постояннаго употребленія сигаръ и грога. Въ первое воскресенье, по отъѣздѣ Фиц-Снукса, онъ былъ принужденъ сопровождать набожнаго и примѣрнаго мистера Геммона въ церковь, гдѣ, за исключеніемъ большаго числа худоскрытыхъ зѣвковъ и нетерпѣливаго ёрзанья на своемъ мѣстѣ, онъ велъ себя,

вообще говоря, довольно-прилично. Несмотря на то, его костюмъ и наружность произвели въ небольшомъ собранiи сильное удивленiе. Народъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза, думая, что вотъ этотъ человѣкъ — владѣлецъ Яттона, и невольно сравнивалъ Титмауза съ его предшественникомъ, мистеромъ Обри. Что касается до почтеннаго викарiя, доктора Тэсема, то Геммонъ рѣшился прiобрѣсти его расположенiе и успѣлъ. Онъ посѣтилъ его скоро послѣ того, когда узналъ отъ Титмауза о томъ, какъ они, вмѣстѣ съ Яхомъ и Фиц-Снуксомъ, встрѣтили доктора Тэсема въ Паркѣ, и изъявилъ глубокое сожалѣнiе насчетъ того обращенiя, которое онъ долженъ былъ перенести. Въ обращенiи Геммона съ докторомъ замѣтна была какая-то кроткая любезность, смягчавшая, но вмѣстѣ и возвышавшая его очевидную ловкость и знанiе свѣта, которыя совершенно очаровали маленькаго доктора. Но болѣе всего выраженье съ его стороны нѣжнаго участiя и жалости всякой разъ, какъ разговоръ касался до бывшихъ владѣльцевъ Яттона, передъ которыми строгiя требованiя и обязанности званiя заставили его играть такую ненавистную роль, выманили все, что было въ сердцѣ доктора насчетъ его отбывшихъ друзей. Геммонъ смотрѣлъ съ глубокимъ участiемъ на старую, слѣпую гончую собаку и на слабую, старую Пегги, и слушалъ безъ устали маленькiе анекдоты, касавшiеся до этихъ животныхъ. Онъ отрекомендовалъ доктору Титмауза и, въ присутствiи его, объявилъ о ненависти и презрѣнiи его Титмауза къ двумъ особамъ, находившимся съ нимъ при первой встрѣчѣ его съ докторомъ Тэсемомъ, который, вслѣдствiе того, изгналъ изъ своего сердца малѣйшее воспоминанiе о поведенiи, такъ жестоко его оскорбившемъ. Въ другой разъ, Геммонъ доставилъ доктору безконечное удовольствiе, посѣтивъ его въ понедѣльникъ утромъ и упомянувъ съ явнымъ интересомъ и участiемъ о нѣкоторыхъ мѣстахъ въ проповѣди доктора, произнесенной наканунѣ, что повело къ очень-длинному и интересному разговору. Вслѣдствiе этого разговора, докторъ вдругъ вздумалъ пустить въ ходъ старую проповѣдь, которую онъ когда-то произносилъ передъ судьями, на ассизахъ. Въ-продолженiе недѣли онъ переправилъ ее съ большимъ старанiемъ для слѣдующаго воскресенья, и въ этотъ день имѣлъ удовольствiе замѣтить явное и неуклонное вниманiе, съ которымъ слушалъ его мистеръ Геммонъ. По окончанiи службы, этотъ простодушный изслѣдователь истины вошелъ въ маленькую ризницу приходской церкви и горячо поздравилъ доктора съ его рѣчью.

Такимъ-то образомъ произошло, что докторъ написалъ тотъ постскриптъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ миссъ Обри, о которомъ мы прежде упоминали и съ котораго мы представляемъ здѣсь копiю:

P. S. «Скажу вамъ, между-прочимъ, что новое положенiе вещей въ барскомъ домѣ, по моему мнѣнiю, происходитъ вполнѣ отъ присутствiя и влiянiя мистера Геммона, одного изъ глав-

ныхъ стряпчихъ мистера Титмауза, къ которому онъ, кажется, сильно привязанъ. Я слишкомъ-долго жилъ на свѣтѣ, не составляю своего мнѣнія о людяхъ на скорую руку и не привыкъ ошибаться въ оцѣнкѣ характера; а потому, могу сказать смѣло, что я считаю мистера Геммона человѣкомъ, далеко-выходящимъ изъ разряда людей обыкновенныхъ, какъ по характеру, такъ по уму и по образованію. Онъ обладаетъ большою ловкостью, знаніемъ свѣта и универсальными познаніями; въ обращеніи очень-тихъ и вѣжливъ; но главное, что́ мнѣ нравится, онъ человѣкъ съ просвѣщенными и религіозными чувствами. Онъ посѣщаетъ постоянно церковь и даетъ всѣмъ окружающимъ истинно-назидательный примѣръ приличія и вниманія. Вамъ бы, навѣрно, доставило большое удовольствіе послушать, какія разсужденія мы съ нимъ имѣли о вопросахъ, пробужденныхъ въ его умѣ моими проповѣдями. Я недавно говорилъ одну, особенно-приноровленную къ его нравственному состоянію и, благодаря Бога, имѣю основательныя причины думать, что она счастливо достигла своей цѣли, разсѣявъ нѣсколько ужасныхъ сомнѣній, долгіе годы его мучившихъ. Я увѣренъ, что мой дорогой другъ (то-есть мистеръ Обри) былъ бы въ восторгѣ отъ него. Я самъ, увѣряю васъ, долженъ былъ побѣдить въ себѣ очень-сильное предубѣжденіе противъ этого человѣка: подвигъ, который я всегда любилъ предпринимать, и въ настоящемъ случаѣ до нѣкоторой степени успѣлъ. Онъ говоритъ обо всѣхъ васъ часто съ замѣтной осторожностью, но вмѣстѣ съ почтеніемъ и участіемъ».

Этотъ постскриптъ, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, навелъ мистера Обри на мысль искать того свиданія съ Геммономъ, которое было описано, и впродолженіе котораго слова доктора часто приходили ему на умъ.

Но покуда Титмаузъ, подъ гнётомъ присутствія и власти мистера Геммона, велъ короткое время такую скромную и уединенную жизнь въ Яттонѣ — зачѣмъ? онъ и самъ не могъ дать себѣ въ этомъ другаго отчета, кромѣ того, что Геммону такъ угодно, случились обстоятельства, вдругъ поставившія его на высшую точку популярности въ столичномъ кругу. Я съ трудомъ могу обуздать въ себѣ чувство восторга, описывая тѣ быстрые переходы, посредствомъ которыхъ мистеръ Титмаузъ превращенъ былъ во льва первой величины.

Да будетъ извѣстно, что въ Лондонѣ существовалъ нѣкто мистеръ Бледдери-Пипъ, модный романистъ, одаренный самою необыкновенною гибкостью и плодовитостью таланта, потому-что онъ, по истеченіи каждыхъ девяти мѣсяцевъ, впродолженіе послѣднихъ девяти лѣтъ, производилъ на свѣтъ романъ въ трехъ томахъ, и каждый изъ этихъ новыхъ романовъ затмѣвалъ блескомъ своихъ предшественниковъ (по сужденію, самыхъ даровитыхъ и безпристрастныхъ журнальныхъ критиковъ) въ-отношеніи *мастерскаго хода завязки, живаго и разнообразнаго очерка характе-*

ровъ, глубокаго знакомства съ механизмомъ человѣческаго сердца, тонкой оцѣнки жизни во всемъ безконечномъ ея разнообразіи, колкой, но деликатной сатиры, смѣлаго и могущественнаго обвиненія общественныхъ пороковъ, роскошной нѣжности семейныхъ сценъ, неподражаемой свободы и граціи, совершеннаго такта, ума, глубокомыслія равнаго съ наблюдательностью, слога гладкаго, блестящаго, энергическаго, разнообразнаго, живописнаго, и проч. Въ настоящее время, благодаря Бога, мы имѣемъ не менѣе сотни такихъ писателей; но около того времени, о которомъ я пишу, мистеръ Бледдери-Пипъ былъ почти одинъ въ своей славѣ. Таковъ-то былъ человѣкъ, которому вдругъ пришло въ голову, прочитавъ въ газетахъ отчетъ о рѣшеніи тяжбы *До, по сдачѣ Титмауза, противъ Джультера,* пришло въ голову, я говорю, основать на интересныхъ фактахъ этого дѣла сюжетъ новаго романа, по совершенно-новому плану, романа, который долженъ былъ неизмѣримо превосходить всѣ его прежнія произведенія; однимъ словомъ, сдѣлать совершенный переворотъ въ этомъ блестящемъ и назидательномъ отдѣлѣ литературы. Мистеръ Пипъ принялся за дѣло не позже, какъ дня черезъ два по окончаніи процеса и въ невѣроятно-скорое время достигъ до окончанія своихъ трудовъ. Практика довела его до совершенства въ этомъ отношеніи и одарила безконечною легкостью въ произведеніи первоклассныхъ твореній. Дѣятельный издатель его, мистеръ Бёбль, тотчасъ принялся за дѣло съ намѣреніемъ расшевелить и вскипятить любопытство публики. О, какъ скрытно и какъ искусно онъ принялся за это дѣло! Въ ежедневныхъ газетахъ начали появляться безпрестанные намёки на то, что въ *высшемъ кругу* были *на сторожѣ* въ ожиданіи извѣстнаго и проч.; что надо ожидать *открытій самаго необыкновеннаго рода*; что *попытки сдѣланы были замять* и проч... *факты, компрометирующіе нѣкоторыхъ владѣльцевъ* и т. д.

Всѣ эти намёки написаны были самымъ безукоризненнымъ издательскимъ слогомъ и заставляли догадываться о какой-то скрытой струѣ любопытства и нетерпѣнія, существующей будто-бы въ той сферѣ общества, за которою низшія сферы слѣдятъ съ почтительнымъ и неутомимымъ вниманіемъ. По-мѣрѣ-того, какъ время подвигалось впередъ, чаще и ощутительнѣе становились эти щекотанія литературнаго аппетита публики, эти намеки на то, что подвигалось впередъ и чего можно было ожидать при появленіи въ свѣтъ давно-обѣщаннаго творенія. Прочтите, для примѣра, хоть слѣдующія строки, помѣщенныя во всѣхъ газетахъ и обѣжавшія весь фронтъ ежедневныхъ изданій: онѣ напрягали до высшей степени любопытство публики.

Попытки лишить публику любопытныхъ и оригинальныхъ сценъ, содержащихся въ ожидаемомъ романѣ, и остановить его выходъ, не удались совершенно, благодаря рѣшимости даровитаго автора и твердости дѣятельнаго издателя. Въ результатѣ, это только подстрекнуло и ускорило усиліе этихъ лицъ. Ро-

манъ будетъ названъ: *Типпетивинкъ* и, какъ говорятъ, основанъ на замѣчательныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ недавно-рѣшенную важную тяжбу въ Йоркѣ. Семейная исторія не одного аристократическаго дома, какъ говорятъ, вплетена въ нѣкоторыя подробности выходящаго въ свѣтъ изданія, на которое, какъ увѣряютъ, по всѣмъ признакамъ произойдетъ самое безпримѣрное требованіе. Немногіе счастливцы, читавшіе его въ рукописи, предвѣщаютъ, что романъ произведетъ огромное ощущеніе. Удачная смѣлость, съ которою авторъ придерживался фактовъ, мы надѣемся, не поведетъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ, которыхъ ожидаютъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Объявляя, что авторъ его то же самое талантливое лицо, которое произвело на свѣтъ: *Серебрянныя Ложки, Шпинатъ, Пируэтку, Болтовню; Фицъ-жиблеты, Сквинтъ* и проч. надѣемся, что мы не нарушаемъ литературной тайны».

Невозможно было устоять противъ такихъ вещей. Въ тѣ времена искусно-направленный огонь подобныхъ выходокъ и пуфовъ повергалъ ницъ весь читающій модный свѣтъ и производилъ то самое нетерпѣливое броженіе, о существованіи котораго они только повидимому намекали. Артиллеристомъ въ настоящемъ случаѣ былъ одинъ писака, купленный мистеромъ Бёблемъ на полное содержаніе, нарочно для исполненія услугъ такого унизительнаго рода, и этотъ писака сидѣлъ съ утра до вечера въ задней комнаткѣ, на квартирѣ мистера Бёбля, занятой сплетеніемъ такого рода лживыхъ статеекъ для каждой изъ книгъ, изданныхъ или издаваемыхъ мистеромъ Бёблемъ. Потомъ Бёблю пришла въ голову другая, отличная уловка: онъ напечаталъ книгу въ 700 экземплярахъ и назначилъ изъ нихъ 100 на *первое* изданіе, заглавные же листки остальныхъ 600 были варьированы словами: *2 изданіе, 3 изданіе, 4 изданіе, 5, 6 и 7 изданіе.*

Къ тому времени, какъ возвѣщено было четвертое изданіе, книга производила фуроръ. Библіотеки для чтенія на западномъ концѣ города осаждены были жадными толпами читателей; извѣстія, разборы и экстракты стали появляться чаще-и-чаще. Идея сочиненія была отличная. *Типпетивинкъ*—герой, былъ молодой джентльменъ древней фамиліи, единственный сынъ, похищенный и скрытый въ дѣтствѣ, вслѣдствіе злодѣйскихъ козней изверга *Мобри*, дальняго родственника съ свирѣпымъ и злобнымъ характеромъ, который такими средствами успѣлъ воспользоваться имѣніемъ и достигъ бы современемъ до почестей и наслѣдства самой древней и знатной фамиліи во всемъ королевствѣ, фамиліи *графа Фризльтона*. Несчастный *Типпетивинкъ* открытъ былъ наконецъ своимъ знаменитымъ родственникомъ совершенно-случайно, въ бѣдномъ состояніи, на службѣ у добродушнаго лавочника *Бляк-Бэга*, изображеннаго въ романѣ однимъ изъ самыхъ любезныхъ и великодушныхъ лавочниковъ на свѣтѣ. Послѣ множества чудесныхъ приключеній, въ которыхъ герой обнаружилъ самую геройскую твердость, графъ успѣваетъ наконецъ поста-

вить своего угнетеннаго и обиженнаго родственника на то возвышенное положеніе въ свѣтѣ, которое онъ долженъ былъ всегда занимать. Дочь его, совершенство женскихъ прелестей, леди *Саффейра Сей-авей*, принимала все время глубочайшее участіе въ успѣхѣ Типпетивинка, и наконецъ — счастливый результатъ отгадать нетрудно. Изъ этихъ немногихъ и очень-естественныхъ происшествій (какъ провозгласили наконецъ тѣ упомянутые газетные писаки, которые направляютъ въ Англіи общественное мнѣніе) мистеръ Бледдери-Иппъ создалъ безсмертный памятникъ своему генію, избѣжавъ всѣхъ ошибокъ и соединивъ всѣ достоинства прежнихъ своихъ произведеній. Тождество Титмауза съ Типпетивинкомъ, графа Дреддлинтона и графа Фриззльтона, леди Сесиліи и леди Саффейры, мистера Обри и демона Мобри — открыто было мигомъ. Романъ достигъ быстро до десятаго изданія; неоспоримое и очень-сильное ощущеніе было произведено; извлеченныя описанія главныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ романѣ, въ-особенности Титмауза, графа и леди Сесиліи, сообщено было въ лондонскихъ газетахъ и оттуда заимствовано всѣми провинціальными. Самъ авторъ мистеръ Бледдери-Иппъ сдѣлался львомъ и, разодѣвшись въ самомъ изъисканномъ вкусѣ, велѣлъ снять съ себя портретъ съ самымъ геніальнымъ выраженіемъ на лицѣ, и этотъ портретъ помѣщенъ былъ въ заглавіи 10-го изданія. Затѣмъ послѣдовали портреты Титльбета Титмауза, эсквайра (дѣланные за глаза), на которыхъ онъ изображенъ былъ съ большими томными глазами, очень-задумчивымъ лицомъ и въ самомъ щегольскомъ костюмѣ; графъ Дреддлинтонъ и леди Сесилія сдѣлались тоже — первый львомъ, а вторая львицею. Сотни лорнетовъ въ Оперѣ устремлены были на ихъ ложу; безчисленные и заботливые поклоны встрѣчали ихъ на прогулкахъ по парку, и они стали дѣлать эти прогулки втрое или вчетверо чаще чѣмъ прежде. Слухи ходили, что будто бы король прочелъ книгу и пилъ за здоровье графа подъ именемъ лорда Фриззльтона; а королева будто бы сдѣлала то же въ честь леди Сесиліи, подъ именемъ леди Саффейры. Бѣдный лордъ Дреддлинтонъ и леди Сесилія быстро вознеслись на седьмое небо восторга, потому-что головы ихъ имѣли то легкое свойство, которое обезпечиваетъ скорое и граціозное движеніе кверху. Оба они были неизъяснимо-счастливы, живя съ утра до вечера въ легкомъ упоительномъ волненіи восторженнаго чувства. Неукротимый восторгъ сверкалъ въ глазахъ графа. Вездѣ, гдѣ онъ ни бывалъ и что́ бъ онъ ни говорилъ, онъ дѣлалъ это съ видомъ безконечно-ласковымъ и вѣжливымъ, какъ-будто бы это уже не трудно было для него теперь, когда онъ сталъ твердо увѣренъ въ недостижимой высотѣ своего положенія. Немножко-смѣшно было, однакожь, видѣть отчаянныя усилія его удержать прежнюю ледяную холодность обращенія—усилія напрасныя! Возбужденное состояніе его похоже было на внезапный, хотя и легкій припадокъ пляски Святаго Вита. Пріятельницы леди Сесиліи осыпали

ее безконечными разспросами о Титмаузѣ, его особѣ, манерахъ, характерѣ и одеждѣ. Молодыя дѣвицы мучили ее просьбами прислать его автографъ. Съ ней происходило нѣчто въ родѣ того, какъ-будто бы поверхность Мертваго Моря взволнована была вдругъ свѣжимъ вѣтромъ.

Если только однажды вещи подобнаго рода пойдутъ въ ходъ, какъ слѣдуетъ, то кто можетъ предвидѣть, гдѣ онѣ кончатся? Когда Мода взбѣсится, бѣшенство ея изумительно и она очень-часто сводитъ съ ума цѣлый свѣтъ. Молодые люди начали появляться въ черныхъ атласныхъ галстухахъ, вышитыхъ, у однихъ цвѣтами, у другихъ золотомъ, которые продаваемы были въ магазинахъ подъ именемъ *Титмаузовыхъ Косынокъ*—и въ шляпахъ съ высокими верхушками и бортами въ четверть вершка, называвшихся *титльбетками*. Всѣ молодые щеголи въ Лондонѣ, а особенно въ Сити (*), начали одѣваться въ самомъ нелѣпомъ вкусѣ. Сигарная торговля вдругъ поднялась удивительнымъ образомъ. Табачныя лавки наполнились покупщиками, особенно по вечерамъ, и всякій встрѣчный и поперечный франтъ, на улицахъ, пускалъ вамъ подъ-носъ струю табачнаго дыма. Однимъ словомъ, бездна Титмаузовъ расплодилась по городу во всѣхъ направленіяхъ. Что касается до Тэг-Рэга, то съ нимъ произошли чудеса. Въ какой-то газетѣ на него указано было, какъ на оригиналъ Бляк-Бэга и на лавку его, въ Оксфордской Улицѣ, какъ на мѣсто титмаузовой службы—и туда быстро устремился приливъ моднаго любопытства и модныхъ покупщиковъ. Торговля его скоро утроилась. Онъ сталъ носить самое лучшее платье свое каждый день и ухмылялся и суетился среди толпы въ своемъ магазинѣ, въ горячкѣ одушевленія; онъ началъ подумывать о томъ, какъ бы ему откупить сосѣднюю квартиру и прибавить ее къ своей собственной, и поставилъ свое имя въ числѣ подписчиковъ, по полгинеи въ годъ, на суммы благотворительнаго Общества Пособія семействамъ разорившихся лавочниковъ. То были времена славы для мистера Тэг-Рега. Ему пришлось нанять цѣлую дюжину лишнихъ конторщиковъ, потому-что въ лавкѣ его находилось рѣдко менѣе пятидесяти или ста покупщиковъ за-разъ. Ряды экипажей тѣснились у подъѣзда и кучера ссорились за первенство. Однимъ словомъ, онъ начиналъ ужь думать, что *тысячелѣтіе*, о которомъ проповѣдывалъ мистеръ Дизмаль-Хорроръ, не въ шутку наступило.

XI.

Отголосокъ моднаго одушевленія въ столицѣ скоро достигъ до мирнаго убѣжища Титмауза въ Йоркширѣ. Неговоря уже о томъ, что онъ нѣсколько разъ замѣчалъ художниковъ, прилежно сни-

(*) Центръ Лондона, преимущественно населенный купечествомъ. *Прим. перев.*

мавшихъ эскизы барскаго дома и окружающей мѣстности, съ разныхъ точекъ зрѣнія, и по справкѣ узнавалъ, что художники эти посланы были изъ Лондона нарочно, съ цѣлью изображенія для публики видовъ резиденціи мистера Титмауза, неговоря уже о томъ, экземпляръ неподражаемаго творенія мистера Бледдери-Пипа, *Типпетивинкъ* (въ 10 изданіи) присланъ былъ мистеру Титмаузу Геммономъ, доставлявшимъ ему также отъ времени до времени тѣ нумера газетъ, гдѣ доказывали тождество Титмауза съ героемъ этого романа и вмѣстѣ упоминали о глубокомъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ па мыслящій классъ общества. Разумѣется, это породило въ Титмаузѣ очень-естественное желаніе быть свидѣтелемъ ощущенія, такъ безсознательно-произведеннаго имъ въ столицѣ. Въ Яттонѣ становилось скучнѣе день-ото-дня, еще до прибытія этихъ возбудительныхъ извѣстій изъ Лондона; Титмаузъ чувствовалъ себя тамъ совсѣмъ не въ своемъ элементѣ, а потому (Геммонъ non contradicente), Титмаузъ отправился въ Лондонъ. Еслибъ онъ и не былъ отъ природы глупцомъ, то шумъ, произведенный имъ въ Лондонѣ, скоро долженъ былъ свести его съ ума. Онъ собирался-было пріѣхать по почтѣ четверкой, но Геммонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ успѣлъ отговорить его, отъ такого безполезнаго расхода, утверждая, что люди, такіе же знатные, какъ и онъ, постоянно пользовались удобнымъ и быстрымъ средствомъ переѣзда въ королевскихъ дилижансахъ. Лакей его, спрошенный по этому случаю, подтвердилъ доводы мистера Геммона, прибавивъ, что поздній часъ вечера, въ который дилижансы пріѣзжаютъ въ Лондонъ, скроетъ его какъ-нельзя-лучше отъ вниманія публики. Нѣсколько разъ повторивъ строгія приказанія этому человѣку доставить его разомъ въ самый лучшій отель, на западномъ концѣ города, гордый властитель Яттона, снабженный обильнымъ запасомъ сигаръ, вошелъ въ дилижансъ, а лакей его усѣлся на козлахъ. Человѣкъ этотъ хорошо знакомъ былъ съ Лондономъ и рѣшился помѣстить своего барина въ Харкортской Гостинницѣ, неподалеку отъ Бондской Улицы. Дилижансъ проѣхалъ гостинницу Павлинъ, въ Эйслингтонѣ, около половины девятаго; но задолго еще до того, какъ они поровнялись съ этимъ мѣстомъ, нетерпѣливый и озабоченный взоръ Титмауза искалъ вокругъ признаковъ своей знаменитости. Онъ принужденъ былъ, однакожь, согласиться, что люди и улицы имѣли довольно-обыкновенный видъ и не обнаруживали никакого особеннаго одушевленія. Это его слегка огорчило, покуда онъ не разсудилъ о плебейскомъ невѣжествѣ восточной части города относительно всего, что́ происходитъ въ кругу аристократіи, а также о густѣющемъ сумракѣ вечера и быстрой ѣздѣ дилижанса, соединенныхъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ скрытъ былъ внутри. Когда его смиренная, наемная карета (запряженная парою хромыхъ и дряхлыхъ клячь, съ кучеромъ, слабымъ старикомъ, въ шляпѣ, обвитой пучкомъ соломы вмѣсто повязки, кучеромъ, сидѣвшимъ на шаткихъ козлахъ, какъ связ-

ка стараго и грязнаго платья), медленно подъѣхала къ высокимъ и мрачнымъ дверямъ Харкортской Гостинницы, она не произвела, повидимому, никакого впечатлѣнія. Рослый слуга, въ простомъ черномъ фракѣ, засунувъ руки въ задніе карманы, продолжалъ стоять попрежнему на просторномъ крыльцѣ и смотрѣлъ на подъѣхавшую плебейскую повозку съ совершеннымъ равнодушіемъ, соображая, вѣроятно, что она остановилась тутъ по ошибкѣ. Съ такимъ-то надменнымъ и спѣсивымъ видомъ онъ стоялъ, пока лакей Титмауза, соскочивъ съ козелъ подбѣжалъ къ нему и повелительнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Мистеръ Титмаузъ—изъ Яттона!

Это немножко расшевелило слугу.

— Сюда, сэръ! закричалъ мистеръ Титмаузъ изнутри кареты, и когда тотъ медленно подошелъ, онъ спросилъ его съ довольно-чваннымъ видомъ: — скажите, пожалуйста, что, графъ Дреддлинтонъ справлялся здѣсь обо мнѣ сегодня?

Слова эти подѣйствовали, какъ волшебство, превративъ мигомъ того, къ кому они обращались, въ раба гибкаго и услужливаго.

— Его милость не изволили быть сегодня здѣсь, сэръ, отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ, съ самымъ вѣжливымъ поклономъ, отворяя потихоньку дверцы и осторожно спуская подножки. — Изволите войдти, сэръ?

— А, есть у васъ комната для меня и для моего человѣка?

— О, да, сэръ, конечно. Прикажете проводить васъ въ кофейную, сэръ?

— Въ кофейную? Чортъ побери кофейную, сэръ! Что я, купецъ съ дороги, что-ли? Проводите меня въ особую комнату, сэръ.

Слуга поклонился низко и съ безмолвнымъ удивленіемъ повелъ мистера Титмауза въ просторную, щегольски-убранную комнату, гдѣ, при блескѣ шести восковыхъ свѣчей, съ тремя лакеями прислуги, онъ ужиналъ, часа два спустя, очень-парадно, и около одиннадцати часовъ ушелъ въ свою спальную, утомленный дорогою и грогомъ, счастливо избѣгнувъ позора быть принужденнымъ сидѣть въ той самой комнатѣ, гдѣ одинъ лордъ и нѣсколько членовъ Парламента сидѣли, допивая лафитъ, и одни изъ нихъ писали письма, а другіе читали вечернія газеты. Около полудня, на слѣдующій день, Титмаузъ посѣтилъ графа Дреддлинтона; и хотя, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, его милость нашелъ бы такой визитъ несвоевременнымъ, но, несмотря на то, онъ принялъ своего счастливаго и поистинѣ-знаменитаго родственника съ самымъ любезнымъ радушіемъ. По совѣту графа и съ содѣйствіемъ мистера Геммона, Титмаузъ, черезъ недѣлю по прибытіи въ городъ, нанялъ квартиру въ Альбани, роскошно-мёблированную и убранную прежнимъ жильцомъ, молодымъ офицеромъ знатной фамиліи, который незадолго передъ тѣмъ уѣхалъ въ чужіе края съ дипломатическимъ порученіемъ. Мистеръ Титмаузъ скоро началъ чувствовать многоразличнымъ образомъ знаменитость, пріобрѣтенную его именемъ, начавъ немед-

женно блестящую и веселую жизнь человѣка высшаго круга, подъ величественнымъ руководствомъ и покровительствомъ графа Дреддлинтона. Какъ кошка, обутая въ чашечки грѣцкихъ орѣховъ какимъ-нибудь веселымъ маленькимъ баловнемъ, удивленная и встревоженная шумомъ, который сама она производитъ, прыгаетъ взадъ и впередъ по полу и по лѣстницамъ, чувствовалъ себя и Титмаузъ чѣмъ-то въ этомъ родѣ, окруженный внезапнымъ изумительнымъ шумомъ, сопровождавшимъ всѣ его появленія и шаги въ модномъ свѣтѣ. Для дурака все-равно, смѣетесь вы съ нимъ или надъ нимъ, лишь бы вы только смѣялись—и этимъ можно объяснить многое въ поведеніи обоихъ нашихъ знакомыхъ : Дреддлинтона и Титмауза. Въ этой короткой жизни, среди этого скучнаго міра, главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ произвести ощущеніе — что̀ за дѣло, какъ? И за всякій удобный случай къ тому должны хвататься съ благодарностью и пользоваться имъ донельзя тѣ, которымъ нечего больше дѣлать, и которые желаютъ отличаться отъ уровня обыкновенныхъ людей. Лордъ Дреддлинтонъ былъ такъ вознесенъ вниманіемъ, которое онъ возбуждалъ, что все, что̀ онъ только ни видѣлъ, все относилъ къ собственному почтенію и удивленію. Его тщеславная самоувѣренность была такъ сильна, что она уничтожила въ этомъ человѣкѣ малѣйшіе слѣды здраваго смысла. Онъ стоялъ въ уединенномъ величіи, на возвышенномъ пьедесталѣ своей спѣси, недоступный насмѣшкѣ, и не чувствуя ея приближенія, какъ статуя олицетвореннаго тщеславія, отвѣчающаго улыбкою на презрѣніе,

И какъ звѣзда, была его душа,
И какъ звѣзда — жила особо...

Онъ не считалъ возможнымъ, чтобъ кто-нибудь смѣялся надъ нимъ или надъ чѣмъ-нибудь, что̀ ему вздумалось сдѣлать или надъ кѣмъ-нибудь, кого бы онъ рѣшился присоединить къ себѣ и отрекомендовать вниманію общества. Такую дружескую услугу онъ съ этихъ поръ началъ исполнять для Титмауза, съ странною особою котораго и нѣсколько эксцентрическимъ костюмомъ и обращеніемъ его милость съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе мирился, воображая, что такой же точно процесъ долженъ происходить и въ душахъ другихъ людей. Такимъ-образомъ съ тѣмъ, что̀ сначала его ужасало, онъ наконецъ помирился совершенно и началъ даже подозрѣвать, не было ли это принято Титмаузомъ нарочно изъ смѣлаго презрѣнія къ навязчивому мнѣнію свѣта — что̀ обличало величіе духа, съ родни его собственному; кромѣ-того, можно было смотрѣть на этотъ предметъ и съ другой точки зрѣнія. Положимъ, что манеры и наружность Титмауза были бы еще вдесятеро сумасброднѣе; но до-тѣхъ-поръ, покуда его милости угодно будетъ ихъ терпѣть, кто осмѣлится порицать ихъ? Такимъ-образомъ графъ приглашалъ Титмауза часто обѣдать, бралъ съ собою, когда его милость и леди Сесилія выѣзжали на вечера, давалъ ему мѣсто въ своемъ экипажѣ, отправ-

ляясь въ Палату, и приглашалъ съ собой, когда они катались или ѣздили верхомъ вокругъ парка. Что касается до послѣдняго упражненія, то прилежное посѣщеніе манежа дало Титмаузу возможность появляться верхомъ, необнаруживая слишкомъ-явной неспособности управлять своею лошадью, которую онъ, впрочемъ, раза два довелъ до-того, что она оказала расположеніе лягать лошадей леди Сесиліи и графа. Однажды, за обѣдомъ у графа, Титмаузъ упомянулъ, что онъ въ этотъ день заказалъ для себя щегольскую коляску. Его милость замѣтилъ ему, что кабріолетъ былъ обыкновенный экипажъ молодаго человѣка хорошаго тона. Вслѣдствіе того, Титмаузъ отмѣнилъ свой заказъ и довольно-удачно купилъ кабріолетъ, только-что изготовленный для одного молодаго аристократа, который не въ-состояніи былъ заплатить за экипажъ и котораго, по этой причинѣ, каретникъ не боялся раздосадовать. Титмаузъ скоро запасся большою лошадью и маленькимъ тигромъ. Какое перо можетъ изобразить тѣ чувства, съ которыми онъ въ первый разъ сѣлъ въ этотъ кабріолетъ, подавшійся на своихъ упругихъ рессорахъ, взялъ возжи изъ рукъ своего маленькаго тигра, и потомъ услыхалъ какъ тотъ вскочилъ сзади. Такъ-какъ было немножко-рано еще ѣхать въ парки, то ему вдругъ пришло въ голову щегольнуть въ своемъ великолѣпіи передъ магазиномъ Тэг-Рэга; а потому, онъ велѣлъ своему тигру сбѣгать и позвать къ нему лакея, который тотчасъ же явился, и на вопросъ: не нужно ли какихъ-нибудь покупокъ для туалета, отвѣчалъ незапинаясь, что шесть дюжинъ лучшихъ батистовыхъ платковъ, дюжины двѣ бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ, полдюжины галстуховъ и нѣсколько другихъ вещей нужно было купить (тоесть для него самого, потому-что Титмаузъ былъ ужь достаточно снабженъ всѣмъ этимъ). Титмаузъ поѣхалъ и остановился наконецъ у магазина Оксфордской Улицы, у дверей котораго ужь стояло пять или шесть каретъ. Надо признаться, что, входя въ мѣсто прежняго своего несчастнаго рабства, онъ испыталъ такой порывъ восторга, который въ-состояніи былъ изгладить малѣйшія воспоминанія горестей, лишеній и притѣсненій, вытерпѣнныхъ имъ въ былые дни. Замѣтное смятеніе произошло между джентльменами, которые стояли за прилавками, потому-что, думали они, это долженъ быть великій мистеръ Титмаузъ! Тэг-Рэгъ, увидавъ его, выскочилъ изъ своей маленькой комнаты и суетливо спѣшилъ къ нему черезъ толпу покупщиковъ, кланяясь, шаркая, краснѣя и потирая себѣ руки въ пріятномъ одушевленіи, съ глубокимъ, но самымъ услужливымъ подобострастіемъ. «Какъ ваше здоровье, сэръ?» началъ онъ тихимъ голосомъ; но замѣтивъ, что мистеръ Титмаузъ хочетъ показать, будто онъ пріѣхалъ за дѣломъ, тотчасъ же прибавилъ: — «чѣмъ я буду имѣть честь служить вамъ сегодня поутру, сэръ?» и подвинувъ ему стулъ, Тэг-Рэгъ съ почтительнымъ видомъ, выслушалъ отъ мистера Титмауза очень-щедрый заказъ, который тотчасъ же и отмѣтилъ у себя въ памятной книжкѣ.

— Боже мой! сэръ, это вашъ кабріолетъ? говорилъ Тэг-Рэгъ, провожая Титмауза за двери, съ поклонами на каждомъ шагу и останавливаясь съ минуту на крыльцѣ. — Я въ жизнь свою не видалъ такого прелестнаго экипажа.

— Гмъ... да! не дуренъ, не дуренъ. Но эта маленькая ракалія выпачкалъ себѣ одинъ сапогъ грязью—чортъ его побери! И онъ грозно посмотрѣлъ на тигра.

— Ахъ, Боже мой, въ самомъ дѣлѣ выпачкалъ! Прикажете вытереть сэръ, позвольте мнѣ...

— Нѣтъ, это пустяки! Кстати, мистеръ Тэг-Рэгъ, прибавилъ Титмаузъ, нараспѣвъ: — что у васъ, все благополучно въ... въ этой... совсѣмъ позабылъ, какъ бишь называется, это мѣсто у васъ за городомъ...

— Атласная Дача, сэръ, отвѣчалъ Тэг-Рэгъ кротко, но съ сильнымъ внутреннимъ безпокойствомъ.

— А, да, точно, такую кучу право видишь разныхъ мѣстъ... Ну что, всѣ здоровы?

— Всѣ совершенно-здоровы сэръ, и постоянно говорятъ о васъ.

— А, хорошо! Передайте имъ мое почтеніе... Тутъ онъ натянулъ вторую перчатку и подошелъ къ своему кабріолету, въ-сопровожденіи Тэг-Рэга.—Радуюсь, что они здоровы. Если когда-нибудь буду проѣздомъ въ тѣхъ краяхъ... Прощайте... онъ вскочилъ въ экипажъ, бичъ щелкнулъ, кабріолетъ помчался. Тэг-Регъ стоялъ, провожая его удивленнымъ и озабоченнымъ взоромъ.

Разодѣтый по самой послѣдней модѣ, въ шляпѣ, надвинутой на-бекрень, на свои густые, щедро намасляные и слегка пестроватые волосы, въ сюртукѣ, подбитомъ бархатомъ, въ широкомъ атласномъ галстухѣ съ вытканными золотыми цвѣточками и двумя великолѣпными брошками, соединенными двойною тонкою золотою цѣпочкою, въ воротничкахъ, откинутыхъ на галстухъ, съ лорнетомъ, оправленнымъ въ золото и ввинченымъ въ правый глазъ, съ туго-накрахмаленными рукавчиками, отвернутыми на рукава своего сюртука, Титмаузъ сидѣлъ въ своемъ новомъ экипажѣ, по дорогѣ въ паркъ и держа въ рукахъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными лайковыми перчатками, свой бичъ и поводья, думалъ о томъ: какое великолѣпное зрѣлище долженъ былъ онъ представлять взорамъ прохожихъ, на него глядѣвшихъ, и о томъ, что они должны смотрѣть на него съ такого же рода чувствами, какія еще недавно возбуждаемы были подобными картинами въ его собственной страждущей груди, и въ эту минуту, при этихъ мысляхъ, его маленькій кубокъ блаженства былъ полонъ такъ, что даже лился черезъ край. Такое разсужденіе, хотя можетъ-быть, и несовсѣмъ-основательное, съ его стороны было все-таки очень-естественно, потому-что онъ зналъ, каковы были его собственныя чувства, хоть и не зналъ того, какъ безхарактерны и безсмысленны они были, и, разумѣется, судилъ о другихъ по себѣ.

Еслибъ самъ маркизъ Вигборо съ своими 200,000 годоваго дохода и 5000 избирателей къ услугамъ, сидя въ своемъ кабріолетѣ, по дорогѣ въ Парламентъ, обогналъ или встрѣтилъ его въ эту минуту, онъ все-таки былъ бы увѣренъ, основываясь на глубокомъ знаніи человѣческой природы, что видъ его, блестящій костюмъ и щегольской экипажъ непремѣнно должны были обратить вниманіе и кольнуть самолюбіе маркиза Вигборо. Еслибъ Мильтонъ заброшенъ былъ на пустынный островъ, со всѣми средствами и съ полной возможностью написать свой *Потерянный Рай*, но съ увѣренностью, что ни одинъ человѣческій взоръ не прочтетъ изъ него ни строчки, написалъ ли бы онъ свою поэму? Или, еслибъ мистеръ Титмаузъ, въ своемъ великолѣпномъ кабріолетѣ, очутился вдругъ, среди пустыни Сахары, неимѣя вокругъ себя никого изъ себѣ подобныхъ, чтобъ устремить на него завистливый взоръ, чувствовалъ ли бы онъ, несмотря на то, сильное удовольствіе? Этого я не могу сказать. Но такъ-какъ, однакожь, всякое положеніе въ жизни имѣетъ свою дурную и хорошую сторону, то и Титмаузъ, еслибъ онъ находился въ эту минуту среди вышеупомянутой пустыни, вмѣсто того, чтобъ мчаться по Оксфордской Улицѣ, избѣгнулъ бы нѣкоторыхъ затрудненій и опасностей, встрѣченныхъ имъ по дорогѣ. Мнѣ кажется, еслибъ обезьяна, незнакомая съ искусствомъ править, посажена была на его мѣсто, она бы, вѣроятно, правила не хуже; да сверхъ-того, имѣла бы очень-большое преимущество надъ своимъ соперникомъ въ своей простой, безъискусственной наружности, которая, на взглядъ человѣка со вкусомъ, «была краше всего, безъ прикрасъ». Что касается до нашего пріятеля, то, несмотря на дополнительное пособіе своему зрѣнію, извлекаемое изъ лорнета, онъ безпрестанно приходилъ въ столкновеніе съ экипажами, которые встрѣчали и обгоняли его, на пути къ кемберлендскимъ воротамъ. Между этимъ мѣстомъ и магазиномъ Тэг-Рэга онъ имѣлъ по-крайней-мѣрѣ четыре отдѣльныя стычки (неговоря уже о проклятіяхъ, произнесенныхъ на него мимоходомъ). Но такъ-какъ онъ былъ человѣкъ съ духомъ, то сидѣлъ въ своемъ кабріолетѣ, при всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ, бранясь и заклиная, какъ маленькой бѣсёнокъ, до-того, что онъ едва не довелъ до слезъ двухъ или трехъ своихъ противниковъ (кучеровъ, водоносовъ, извощиковъ, тележниковъ и кондукторовъ), которые неожиданно увидѣли собственное свое оружіе, то-есть брань, употребленное съ такимъ могущественнымъ эффектомъ въ рукахъ щеголя-аристократа! Нѣкоторые изъ его противниковъ, превосходившіе другихъ своимъ великодушіемъ, проникнуты были втайнѣ глубокимъ почтеніемъ къ обладателю такихъ неожиданныхъ силъ. Все-таки, непріятно было для такой знатной особы, какъ мистеръ Титмаузъ, принимать участіе въ этихъ стычкахъ. Онъ далъ бы дорого въ эту минуту, чтобъ быть въ-состояніи преодолѣть свое самолюбіе, посадить тигра внутри и уступить ему вожжи. Но о такомъ жалкомъ сознаніи

своей неспособности, нечего было и думать. Встрѣтивъ еще нѣсколько непріятностей въ паркѣ, онъ поѣхалъ домой. Поврежденный кабріолетъ отосланъ былъ каретнику и необходимыя починки исправлены были за бездѣльную сумму — 40 ф. стер.

Высокое положеніе, доставленное Титмаузу мастерскимъ талантомъ мистера Бледдери-Инпа, укрѣплено и поддержано было гораздо-болѣе существенными правами на уваженіе общества, находившимися у него въ рукахъ. Молва—женщина, вѣчно-глядящая на вещи въ сильное увеличительное стекло—основываясь на томъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ представились ея взорамъ, при этомъ случаѣ, скоро распустила про Титмауза слухъ, что онъ патронъ трехъ мѣстечекъ, имѣетъ чистаго дохода 30,000 ф. въ годъ и получилъ ужь около 100,000 фунтовъ чистыми деньгами отъ прежняго владѣльца имѣнія, въ вознагражденіе за старые доходы, которыми тотъ пользовался столько лѣтъ. Далѣе, онъ былъ очень-близокъ къ наслѣдству стариннаго баронства Дреддлинкуртъ и обширныхъ владѣній, съ нимъ соединенныхъ. Онъ былъ молодъ, недуренъ лицомъ, холостъ. Подъ маскою наивности и эксцентризма, многіе полагали, онъ скрываетъ большую природную остроту ума, съ цѣлью удостовѣриться кто были его искренніе, а кто мнимые друзья и доброжелатели, и что его знатные родственники вошли въ его маленькій планъ, желая помочь ему въ этомъ важномъ открытіи. Большой эффектъ получила такимъ-образомъ рекомендація графа. Вездѣ, куда ни появлялся Титмаузъ, составлялъ онъ новыя и восхитительныя знакомства. Приглашенія на обѣды, балы, рауты и вечера сыпались градомъ въ его квартиру въ Альбани, гдѣ также оставляемы были безчисленные визитные билеты съ именами высокихъ аристократическихъ лицъ. Всѣ, имѣвшіе дочерей или сестеръ незамужнихъ, усердно и неотступно ухаживали за Титмаузомъ, а еще болѣе за графомъ Дреддлинтономъ и леди Сесиліею, его величественными покровителями, такъ-что по благоусмотрѣнію капризной шалуньи-Фортуны, тѣ, которые, бывало, смотрѣли на него съ презрѣніемъ и отвращеніемъ и едва не собирались приказать своимъ слугамъ выпроводить его обратно на улицу, теперь были нѣкоторымъ образомъ возвеличены, почтены и прославлены черезъ свое родство съ нимъ, или, лучше сказать, общество посредствомъ него вдругъ почувствовало высокія достоинства и права графа Дреддлинтона и леди Сесиліи. На балахъ, даже въ Альмекѣ, сколько молодыхъ людей, любезныхъ и привлекательныхъ и съ существеннымъ значеніемъ въ свѣтѣ добивались напрасно чести танцовать съ надменными красавицами, которыхъ Титмаузу стоило только пригласить — и онѣ съ нимъ шли. Была ли ложа въ оперѣ, въ которую онъ не могъ бы войдти пріятнымъ гостемъ и сидѣть тамъ въ завидной фамильярности съ ея прекрасными, блестящими обладательницами? Матери, женщины высокаго тона, величественныя и спѣсивыя англійскія барыни готовы были унизиться передъ Титмау-

зомъ, еслибъ этимъ онѣ могли сдѣлать изъ него жениха для одной изъ своихъ дочерей. Но не на одинъ прекрасный полъ имя и значеніе мистера Титмауза производило такое волшебное дѣйствіе: онъ обратилъ на себя большое вниманіе и между мужчинами моднаго круга, изъ которыхъ многіе скоро распознали въ немъ человѣка, способнаго быть ихъ жертвою и игрушкою. Что за бѣда для людей, увѣренныхъ насчетъ собственнаго положенія въ свѣтѣ, что ихъ видѣли публично въ обществѣ съ такою-то, дурацки-одѣтой, грубой и въ высшей степени невѣжественною особой? Покуда онъ былъ сговорчивъ и послушенъ и сорилъ деньгами охотно, всѣ его странности могли быть не только терпимы, но и терпимы съ удовольствіемъ. Возьмите, напримѣръ, веселаго и всѣмъ знакомаго маркиза Гант-Жонъ де-Мильфлёръ; но онъ заслуживаетъ нѣсколькихъ страницъ особаго описанія, вслѣдствіе положенія, которое онъ умѣлъ пріобрѣсти и удержать, и вліянія его на значительную часть лондонскаго общества. То, чего онъ добивался, былъ титулъ законодателя вкуса, и онъ старался показать, что этотъ титулъ единственный предметъ его честолюбія. Но, дѣлая видъ, что онъ поглощенъ совершенно безконечнымъ видоизмѣненіемъ фасона костюмовъ и экипажей, въ-сущности этотъ человѣкъ стремился къ болѣе-существенной цѣли, а именно, къ удовлетворенію своихъ сластолюбивыхъ вкусовъ и склонностей, тайно и безнаказанно. Онъ презиралъ дурачество и наслаждался серьёзно только порокомъ. Мужчина сорока-двухъ лѣтъ отъ-роду, онъ былъ когда-то хорошъ собой, имѣлъ ласковое и привлекательное обращеніе, разнообразные таланты, отличный тактъ и изъисканный вкусъ. Въ чертахъ его замѣтна была какая-то полнота и опухлость, а глаза выражали пресыщеніе, и они не обманывали. Онъ былъ гордый, безчувственный эгоистъ; но эти качества онъ успѣвалъ скрыть отъ многихъ, даже самыхъ короткихъ своихъ пріятелей. Онъ постоянно старался вкрадываться въ довѣренность и дружбу младшихъ, слабѣйшихъ отраслей аристократіи, затѣмъ, чтобъ пріобрѣсти себѣ почетное положеніе въ обществѣ, и успѣвалъ. Съ этою цѣлью онъ напрягалъ всѣ свои силы. Мало кому изъ людей, добивающихся вліянія, удавалось соединить въ себѣ такъ ловко черты диктатора и паразита; онъ всегда казался добрымъ товарищемъ и равнымъ тѣмъ, кого ни за что̀ въ мірѣ онъ не осмѣлился бы оскорбить серьёзно. Онъ не имѣлъ состоянія, никакихъ замѣтныхъ средствъ пріобрѣтать деньги; не пользовался ощутительно кошелькомъ своихъ друзей, не попадалъ въ большія затрудненія, а между-тѣмъ жилъ всегда въ роскоши и безъ денегъ, какимъ-то непонятнымъ образомъ успѣвалъ всегда владѣть и пользоваться тѣмъ, что̀ стоило денегъ. Онъ имѣлъ волшебный даръ успокоивать неугомонныхъ кредиторовъ. Онъ имѣлъ сноровку выставлять всегда себя, свою шайку, свои рѣчи и дѣла на видъ передъ публикой такимъ образомъ, что убѣждалъ ее, будто онъ былъ признанный законодатель хорошаго тона, а между-

тѣмъ на дѣлѣ было не то. Тонъ его былъ поддѣльный: между нимъ и человѣкомъ съ настоящимъ значеніемъ въ свѣтѣ была такая же разница, какъ между поддѣльнымъ и настоящимъ жемчугомъ, страсомъ и брильянтомъ. Правда, что молодые люди съ громкимъ именемъ и титуломъ постоянно находились въ его свитѣ, такимъ-образомъ существенно поддерживая человѣка, отъ котораго имъ самимъ казалось, что они получаютъ извѣстность, и давая ему возможность установить свое положеніе въ предмѣстіяхъ аристократіи; но онъ не могъ проникнуть, такъ-сказать, въ центръ земли, подобно тому, какъ иностранные купцы не могутъ проникнуть далѣе Кантона, во владѣніяхъ императора китайскаго. Онъ былъ не болѣе, какъ терпимъ въ сферахъ истинной аристократіи — фактъ, сознаніе котораго было очень-обидно для маркиза, хотя наружнымъ образомъ оно и не въ-состояніи было смутить его спокойствіе духа, или прекратить дѣятельное употребленіе систематической и утонченной лести, которая одна могла обезопасить его шаткое положеніе.

Средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ для достиженія своихъ цѣлей, доставили ему родъ постоянной извѣстности. По части костюма и экипажей, маркизъ былъ дѣйствительно законодателемъ вкуса и, какъ истинный практическій юмористъ, желая возвысить свои права въ глазахъ людей, пользующихся безконечными варьяціями моды, а потому содѣйствующихъ и апплодирующихъ ему очень-усердно, былъ очень-причудливъ въ употребленіи своей власти и не пропускалъ ни одного случая выказать ее въ полномъ объемѣ. Онъ воспользовался появленіемъ нашего маленькаго героя, чтобъ обнаружить свое могущество самымъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ махнулъ рукой надъ Титмаузомъ и въ минуту превратилъ его изъ небольшаго осла въ огромнаго льва. Никто иной, какъ маркизъ, собственною своей рукой, нарисовалъ изъ головы портретъ Титмауза, и распорядился, чтобъ онъ выставленъ былъ въ окошкахъ почти каждаго книжнаго магазина. Онъ зналъ, что еслибъ ему вздумалось появиться раза два въ паркахъ, да въ главныхъ улицахъ и скверахъ въ чемъ бы то ни было, напримѣръ, хоть въ полномъ и величественномъ вечернемъ костюмѣ театральнаго шута, съ расписаннымъ лицомъ, въ широкихъ бѣлыхъ inexpressibles, въ красивой курткѣ и шляпѣ, то черезъ нѣсколько дней тысячи клоуновъ появились бы въ городѣ, превративъ городъ въ огромную пантомиму. Могла ли власть маркиза выказаться разительнѣе, какъ надъ Титмаузомъ? Скоро послѣ того, какъ романъ Типпетивинкъ сдѣлалъ нашего пріятеля предметомъ общаго любопытства, маркизу случилось какимъ-то образомъ увидѣть эту забавную маленькую обезьяну. Зоркій глазъ его подмѣтилъ съ перваго взгляда всѣ личныя особенности Титмауза, и дня черезъ два появилось въ публикѣ живое и великолѣпное изданіе Титмауза съ лорнетомъ, ввинченнымъ въ глазъ, и съ сигарой во рту, съ тонкой черной тросточкой и въ узкомъ сюртукѣ съ бѣлоснѣжнымъ кончикомъ платка, выглядывающимъ изъ наружнаго кармана на

груди, въ шляпѣ съ едва-примѣтными бортами, въ атласномъ галстухѣ, съ множествомъ вытканныхъ золотыхъ цвѣтковъ, съ воротничкомъ, откинутымъ внизъ, и съ его неподражаемой походкой. Этого было довольно. Разсудительные молодые люди въ Лондонѣ на минуту были озадачены и поколебались, но скоро пришли опять въ себя. Маркизъ, самъ маркизъ, пустилъ эту вещь въ ходъ и черезъ три дня наполнилъ городъ несчастнымъ роемъ Титмаузовъ. Такимъ-то образомъ произведено было то положеніе вещей, о которомъ мы писали въ концѣ послѣдней главы. Что касается до самого маркиза, то, увидавъ, что нѣсколько дурней изъ числа первыхъ щеголей Лондона ударились, очертя голову, въ новую моду, онъ возвратился къ прежней, строгой простотѣ костюма и, сопровождаемый двумя или тремя пріятелями, бывшими съ нимъ въ заговорѣ, гулялъ по Лондону, наслаждаясь своимъ тріумфомъ и встрѣчая на каждомъ шагу свои трофеи, *титльбетки* и *титмаузовы платочки*, которые наполняли окошки магазиновъ въ будніе дни и населяли улицы города по воскреснымъ. Маркизъ успѣлъ скоро познакомиться съ чудеснымъ маленькимъ мильйонеромъ, къ распространенію славы котораго онъ вмѣстѣ съ своимъ знаменитымъ пріятелемъ, Бледдери-Пипомъ, содѣйствовалъ такъ усердно. Титмаузъ, часто слыхавшій о маркизѣ, смотрѣлъ на него съ неизъяснимымъ почтеніемъ и принялъ съ трепетнымъ восторгомъ приглашеніе на одинъ изъ воскресныхъ обѣдовъ маркиза. Онъ явился туда въ назначенный день и своимъ оригинальнымъ нравомъ тѣшилъ до невѣроятности всѣхъ гостей. Но, къ-счастью своему, онъ успѣлъ спозаранку напиться мертвецки-пьянъ и потому не могъ сопровождать блестящаго и добродушнаго хозяина въ два или три модные увеселительные домы (*) въ Сенджемской Улицѣ, какъ это было заранѣе устроено.

Позвольте жь мнѣ теперь спросить: не было ли это бѣдное маленькое созданіе — поистинѣ достойно сожалѣнія, созданіе вырванное изъ сферы тихой и относительно-счастливой неизвѣстности, только затѣмъ, чтобъ сдѣлаться игрушкой всякаго, жертвой жадности и жестокости всякаго? Не похожъ ли онъ былъ на летучую рыбу, которая, выскакивая изъ воды, чтобъ избѣжать тамъ своихъ опасныхъ преслѣдователей, тотчасъ привлекаетъ къ себѣ новыхъ, жадныхъ враговъ въ воздухѣ? Не таково ли было положеніе бѣднаго Титльбета Титмауза и въ низшихъ и въ высшихъ сферахъ общества? Не было ли его давно-желанное повышеніе простымъ переходомъ отъ сценъ грубаго къ сценамъ утонченнаго грабительства? Имѣлъ ли онъ хоть разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ ему повезло счастье, хоть одного друга, который шепнулъ бы ему на ухо слово искренняго состраданія и безкорыстнаго совѣта? Въ тѣхъ великолѣпныхъ областяхъ, куда онъ вступилъ, смотрѣлъ ли на него кто-нибудь иначе, какъ на законную цѣль

(*) Игорные домы.

грабительства и насмѣшки, изъ которыхъ послѣдняя скрываема была только людьми, имѣвшими на него замыслы? Даже самъ его важный, примѣрный родственникъ, старый графъ Дреддлинтонъ, несмотря на свой титутлъ лорда, не былъ ли побуждаемъ одними только видами низкаго эгоизма? Не имѣлъ ли и онъ своихъ собственныхъ, смѣшныхъ и корыстныхъ цѣлей, скрытыхъ подъ тѣмъ вниманіемъ, которымъ онъ благоволилъ удостоивать Титмауза? Старикъ Гоббесъ оф-Мальбесбюри утверждалъ, что естественное состояніе человѣческаго рода есть война каждаго противъ каждаго; и право, въ жизни иногда видишь много такого, особенно наблюдая за успѣхами общества, чтò даетъ нѣкоторый видъ истины этому странному убѣжденію. Сначала, конечно, все было дѣломъ простой потасовки, матеріальной борьбы, происходившей, главнымъ образомъ, по мнѣнію Гоббеса, отъ нашихъ естественныхъ наклонностей и усиленной желаніемъ каждаго отнять то, чтó другіе имѣли. Съ успѣхомъ общества, мы нѣкоторымъ образомъ бросили матеріальную часть этого дѣла. Вмѣсто того, чтобъ тузить по головѣ, царапать, лягать, кусать и сбивать съ ногъ другъ друга, попрежнему вѣрные первоначальнымъ правиламъ нашей падшей природы, мы всѣ стараемся опутать и провести другъ друга; и только-что кто-нибудь изъ насъ скопилъ у себя нѣсколько вещей, его тотчасъ подцѣпитъ сосѣдъ, который, въ свою очередь, становится добычей другаго и такимъ—образомъ круговая продѣлка идетъ безъ конца. Мы не можемъ существенно помочь сами себѣ. Какъ мы ни ломаемъ головы, чтобъ придумать средства законами обуздать эту наклонность нашей природы—ничто не помогаетъ. Мы всѣ обманываемъ, надуваемъ другъ друга. Правъ или ошибается мудрецъ Гоббесъ въ своихъ догадкахъ, а право, нельзя не признаться, что мы преудивительное племя!

Чѣмъ болѣе графъ и леди Сесилія замѣчали возрастающую популярность Титмауза, тѣмъ усерднѣе парадировали они съ новооткрытымъ родственникомъ, открыто выставляя себя въ качествѣ его покровителей.

Въ дополненіе къ этому, леди Сесилія начала мало-по-малу слегка догадываться о цѣли, которую графъ имѣлъ въ виду. Если графъ, взявъ его съ собой въ Палату Лордовъ и доставивъ ему мѣсто въ числѣ зрителей, тотчасъ, по появленіи своемъ, подходилъ къ нему и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нимъ, называя ему разныхъ перовъ по имени, по мѣрѣ того, какъ они входили, и объясняя своему понятливому слушателю, когда и какимъ образомъ и по какимъ причинамъ получено было это достоинство многими изъ нихъ, а также формы, обряды и порядокъ производства дѣлъ въ Палатѣ, то леди Сесилія, съ своей стороны, не опускала воспользоваться, посвоему, такими случаями, какіе ей представлялись. Разъ, напримѣръ, она пригласила Титмауза, еще въ началѣ недѣли, ѣхать съ ними въ церковь на слѣдующее воскресенье, а въ промежуткѣ, сообщила своимъ короткимъ

пріятельницамъ, что онѣ увидятъ Титмауза на скамейкѣ ея папа. Онъ принялъ это предложеніе и въ назначенный часъ отправился, въ каретѣ графа, слушать вечернюю службу въ капеллу-Розимери, къ достопочтенному Морфину Вельвету, близь Сенджемской Площади.

Пять или шесть каретъ должны были остановиться у входа, прежде чѣмъ экипажъ, содержавшій графа Дреддлинтона, леди Сеселію и мистера Титмауза, могъ подъѣхать въ свою очередь, а тѣмъ временемъ почти столько же экипажей накопилось сзади ихъ. Вслѣдъ за графомъ и его дочерью, вошелъ нашъ герой, держа свою шляпу и трость въ одной рукѣ, а другой расправляя волосы, важно покачиваясь и съ трудомъ удерживая свой восторгъ, при мысли о томъ, ка̀къ въ прежнія времена, года два тому назадъ, ему случилось войдти въ ту же самую церковь, и ка̀къ тогда онъ былъ принятъ. Въ ту пору онъ сунулся-было туда же, вслѣдъ за другими, съ намѣреніемъ пробраться на середину капеллы, но сторожа рѣшительно, хотя и учтиво, его не впустили, вслѣдствіе чего, умирая съ досады, онъ отравился на хоры, гдѣ долженъ былъ простоять минутъ десять, по-крайней-мѣрѣ, пока старуха, отворявшая скамейки, кивнувъ ему головой, не засадила его на самую дальнюю, позади органа, на которой сидѣло въ эту минуту всего только четыре лакея. Одно ужь это сосѣдство возбуждало въ немъ отвращеніе! Какой замѣтный и яркій контрастъ между настоящимъ и прежнимъ его положеніемъ представился въ эту минуту его мыслящему разсудку! Стоя въ набожномъ положеніи, съ прикрытымъ шляпой лицомъ, думалъ онъ: «желалъ бы я знать, что̀ бъ всѣ эти франты и вся эта знать сказали, еслибъ они знали какимъ образомъ я молился въ послѣдній разъ здѣсь?» далѣе: «ей-Богу! чего бы я не далъ, чтобъ кто-нибудь изъ прежнихъ, положимъ, хоть Хекебекъ, увидѣлъ меня теперь!»

Какой блестящій и модный видъ имѣло собраніе. Возлѣ него сидѣлъ лордъ Дреддлинтонъ, въ золотыхъ очкахъ, и слѣдилъ пристально глазами, по страницамъ своего молитвенника, за каждымъ словомъ молитвы, повторяя его со строгой аккуратностью неуклоннаго усердія; но какъ только мистеръ Вельветъ занялъ каѳедру и всталъ, чтобъ произнести проповѣдь, графъ спокойно сложилъ руки, прищурилъ глаза, и въ очень-внимательной позѣ, съ важнымъ видомъ, расположился ко сну. Леди Сесилія сидѣла возлѣ, совершенно-неподвижная впродолженіе всей проповѣди, со взоромъ, томно-устремленнымъ на проповѣдника. Что касается до Титмауза, то онъ высидѣлъ минутъ пять довольно-хорошо; потомъ началъ снимать и надѣвать перчатки разъ двадцать сряду, потомъ сталъ крутить платокъ вокругъ пальцевъ, потомъ взглянулъ съ нетерпѣливымъ видомъ на часы, потомъ вставилъ лорнетъ себѣ въ глазъ и началъ смотрѣть по сторонамъ. Къ тому времени, когда мистеръ Вельветъ окончилъ проповѣдь, Титмаузъ находился въ самомъ раздраженномъ со-

стояніи духа. Но какъ только органъ заигралъ снова и они встали, чтобъ идти домой; какъ только онъ очутился снова среди сладкаго шелеста этой роскошной, блестящей, въ атласъ и въ бархатъ одѣтой толпы, кивая однимъ, раскланиваясь съ другими, пожимая руки третьимъ, онъ почувствовалъ себя снова въ своей тарелкѣ.

Мистеръ Титмаузъ простился съ графомъ и леди Сесиліею у дверецъ ихъ экипажа, потомъ сѣлъ въ свой кабріолетъ, которому онъ приказалъ заранѣе быть готовымъ, и катался на-досугѣ по городу до-тѣхъ-поръ, пока не пришла пора одѣваться къ обѣду. Онъ принялъ на этотъ день приглашеніе обѣдать въ компаніи офицеровъ и весело провелъ это время вмѣстѣ съ ними. Титмаузъ въ надлежащее время напился мертвецки-пьянъ и тогда одинъ изъ его собесѣдниковъ, быстро-приближавшійся къ такому же состоянію, воспользовался этимъ случаемъ и выпачкалъ ему все лицо жженой пробкой, что̀ подало поводъ къ разнымъ шуткамъ и замѣчаніямъ. Многіе изъ офицеровъ нашли въ немъ большое сходство съ однимъ изъ полковыхъ негровъ и такимъ-образомъ онъ такъ же сильно потѣшалъ своихъ пріятелей пьяный, какъ и трезвый. Такъ-какъ онъ былъ рѣшительно не въ-состояніи доѣхать домой одинъ, то они посадили слугу съ нимъ въ кабріолетъ (боясь, что его маленькій тигръ не въ силахъ будетъ съ нимъ справиться).

Титмаузъ провелъ жалкую ночь, но ему стало лучше на слѣдующій день поутру, и онъ поправился достаточно, чтобъ принять двухъ посѣтителей. Одинъ изъ нихъ былъ молодой лордъ Фредерикъ Фезеръ (въ сопровожденіи пріятеля). Оба они обѣдали вмѣстѣ съ Титмаузомъ наканунѣ, и его-то милость изволила разукрасить лицо Титмауза вышеописаннымъ образомъ, такъ, что его лакей едва не умеръ со смѣху, когда господина привезли домой, а теперь, разсудивъ, что до свѣдѣнія Титмауза можетъ дойдти, кто оказалъ ему такую услугу, лордъ Фредерикъ пріѣхалъ открыто и прямо признаться въ ней и просить извиненія. Но увидѣвъ съ какимъ дуракомъ имѣетъ дѣло, онъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и объявилъ, что Титмаузъ не только сдѣлалъ это самъ, но имѣлъ дерзость поступить такимъ же образомъ и съ его милостью (пріятель котораго подтвердилъ это обвиненіе) и что они пріѣхали къ нему, получить частнымъ образомъ его извиненіе. У Титмауза захватило дыханіе, когда онъ услыхалъ въ первый разъ такое изумительное объясненіе дѣла. Онъ клялся, что не дѣлалъ самъ ничего подобнаго, а напротивъ, вытерпѣлъ очень-много. Но онъ понизилъ голосъ, замѣтивъ строгій взглядъ собесѣдника и сталъ увѣрять, что не помнитъ ничего подобнаго, причемъ собесѣдники улыбнулись добродушно и сказали, что это вещь очень-возможная. Тогда Титмаузъ сдѣлалъ требуемое отъ него извиненіе и такимъ образомъ эта непріятная исторія была окончена. Лордъ Фредерикъ послѣ того еще нѣсколько времени поддерживалъ легкую

болтовню съ Титмаузомъ, разсчитывая, что, находясь часто въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ могъ извлечь пользу изъ дружбы этого человѣка. Дѣйствительно, бѣдный лордъ Фредерикъ въ эту самую минуту радъ былъ стать на колѣни, чтобъ получить отъ Титмауза вексель на его банкира въ 300 или 400 ф. «О!», думалъ этотъ благородный молодой франтъ, «чего бы я не далъ, чтобъ быть въ положеніи Титмауза, съ его 30 тысячами годоваго дохода и съ 100,000 чистыхъ денегъ!» Но, какъ извѣстно читателю, средства бѣднаго Титмауза, несмотря на ихъ полноту, были далеко не такъ великолѣпны, какъ полагали многіе. Частію по склонности, а частію по причинѣ временнаго затрудненія, происходившаго отъ недостатка чистыхъ денегъ, Титмаузъ не тратилъ и десятой доли той суммы, которою, какъ вездѣ думали, онъ могъ сорить щедро во всѣ стороны, и это заставило вѣрить многихъ, что онъ имѣетъ дѣйствительно все, что́ молва ему приписала, да сверхъ-того, еще расположеніе не сорить деньги безъ толку. Его не разъ уговаривали попробовать счастія въ экартѐ, въ красную и черную и во французскій азардъ (*); и раза два или три, увлеченный внимательностью къ своимъ знатнымъ товарищамъ, онъ дѣйствительно проигрался довольно-щедро; но увидѣвъ, что это дѣло серьёзное, что надо платить, и почувствовавъ, что кошелекъ его становится легче, а бумажникъ, въ которомъ лежали его банковые билеты, начинаетъ замѣтно уменьшаться въ объемѣ, по мѣрѣ того, какъ вечеръ подвигался впередъ — Титмаузъ ощутилъ сильный страхъ и отвращеніе, вмѣстѣ съ возрастающимъ нерасположеніемъ быть жертвою: чувства, значительно-подкрѣпленныя частыми предостереженіями его знатнаго и безкорыстнаго ментора графа Дредлинтона.

Но была одна ступень въ быстромъ возвышеніи Титмауза, которая заслуживаетъ особеннаго отчета, а именно: представленіе его ко двору. Необходимость такой мѣры объяснена была Титмаузу знаменитымъ его родственникомъ, день или два спустя, по появленіи обыкновеннаго оффиціальнаго объявленія о слѣдующемъ выходѣ. Этотъ важный предметъ изложенъ былъ ему графомъ однажды, послѣ обѣда, съ видомъ глубокой заботы и интереса. Я думаю, еслибъ этотъ старый простакъ наставлялъ своего, разиня ротъ слушающаго, родственника въ мелочно-строгихъ правилахъ этикета, необходимыхъ для должнаго исполненія обязанностей посланника, съ деликатнымъ и затруднительнымъ порученіемъ при дворѣ короля Селькипунктильо, онъ бы не былъ болѣе проникнутъ чувствомъ отвѣтственности, на немъ лежавшей. Дредлинтонъ началъ съ того, что изложилъ Титмаузу предлинную исторію начала и прогреса такихъ церемоній и подробный отчетъ о практическомъ образѣ ихъ соблюденія, что́ все, впрочемъ, для Титмауза

(*) Сложная азартная игра, въ которой употребляютъ вмѣстѣ и карты и кости.

было какъ дыханіе на зеркалѣ и выходило изъ одного уха такъ же скоро, какъ входило въ другое. Когда, однакожь, графъ дошелъ до костюма, то Титмаузъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе, и способности его возбуждены были до высшей степени напряженія. На слѣдующее утро онъ спѣшилъ къ своему портному, чтобъ заказать придворное платье, и въ назначенный день оно принесено было къ нему на домъ; но когда онъ надѣлъ его и, выйдя на середину комнаты въ своемъ новомъ важномъ костюмѣ, взглянулъ на свою фигуру въ зеркало, лицо его вытянулось. Онъ былъ ужасно-недоволенъ и обманутъ въ своемъ ожиданіи. Надо припомнить, что у него не было кружевныхъ маншетъ ни на груди, ни на рукавахъ. Посмотрѣвъ на себя нѣсколько минутъ молча, онъ вдругъ щелкнулъ пальцами и воскликнулъ, обращаясь къ портному, который вмѣстѣ съ лакеемъ стоялъ вблизи.

— Мнѣ это совсѣмъ не нравится!

— Не нравится, сэръ! воскликнулъ мистеръ Клип-Клёзъ, съ удивленіемъ.

— Совсѣмъ не нравится. Помилуйте, какой это придворный костюмъ; это платье квакера, передѣланное на лакейскую ливрею! я въ немъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на лакея, да еще на очень-простаго. Два человѣка стоявшіе возлѣ, отвернулись вдругъ отъ него и другъ отъ друга, и изъ ихъ носовъ вырвались звуки худо-удержаннаго смѣха.

— Ахъ сэръ, тысячу разъ прошу у васъ извиненія, проворно воскликнулъ Клип-Клёзъ: — не знаю право, о чемъ я думаю! а шпага-то, шпага, вѣдь мы совсѣмъ и забыли про шпагу!

— Ну вотъ то-то же! Клянусь Богомъ, я тотчасъ замѣтилъ, что тутъ что-то не такъ, сказалъ Титмаузъ, когда мистеръ Клип-Клёзъ принесъ ему шпагу съ другаго конца комнаты и пристегнулъ ее.

— Надѣюсь, сэръ, что теперь... началъ онъ.

— Да́, теперь все какъ слѣдуетъ.

— Ей-Богу, это преудивительно! воскликнулъ Титмаузъ, посматривая на свою фигуру въ зеркало съ торжествующею улыбкой:—не странно ли это, что шпага составляетъ всю разницу между мною и лакеемъ? ей-Богу!

При этомъ у тѣхъ у обоихъ, въ одно и то же время, сдѣлался припадокъ кашля.

— А? не такъ ли, не правда ли? продолжалъ Титмаузъ со взоромъ, приклееннымъ къ зеркалу.

— Конечно, сэръ, оно безъ-сомнѣнія даетъ, какъ-бы вамъ сказать, какую-то грацію, какую-то полноту, что-то величественное, особенно тѣмъ господамъ, кому это идетъ, отвѣчалъ портной съ хладнокровной увѣренностью, замѣтивъ, что лакей его понимаетъ.—Но позвольте мнѣ, сэръ, доложить вамъ, если вы не привыкли носить шпагу—такъ-какъ, кажется, вы изволили говорить, что вы не были прежде при дворѣ — осмѣлюсь напомнить вамъ,

что нужно носить ее очень-осторожно, чтобъ она не попала между...

— Чортъ возьми, сэръ! воскликнулъ Титмаузъ, отскакивая въ сторону съ обиженнымъ видомъ:—что вы думаете, я не умѣю владѣть шпагою? Клянусь всѣми чертями... и, выхвативъ тонкій мечъ изъ ноженъ, онъ махнулъ имъ надъ головою, потомъ сталъ въ первую позицію (въ послѣднее время, онъ очень-прилежно занимался фехтованьемъ), и съ очень-пылкимъ видомъ, сдѣлалъ нѣсколько предварительныхъ движеній. То былъ сюжетъ для живописца и зрѣлище разительное, примѣръ силы, безмолвно-сосредоточенной и готовой дѣйствовать при первой потребности. Портной и слуга, стоявшіе порознь другъ отъ друга на безопасномъ и почтительномъ разстояніи отъ мистера Титмауза, смотрѣли на него съ безмолвнымъ удивленіемъ.

Когда насталъ великій день (въ промежуткѣ Титмаузъ не могъ думать ни о чемъ другомъ, и надоѣдалъ всякому встрѣчному и поперечному своими безконечными разспросами и ребяческими замѣчаніями объ этомъ предметѣ), онъ подъѣхалъ въ назначенный часъ къ дверямъ графа Дреддлинтона; карета котораго, убранная параднѣе обыкновеннаго, стояла у крыльца. Выходя изъ своего кабріолета, онъ вбѣжалъ такъ проворно вверхъ на лѣстницу, что не успѣлъ замѣтить, какую потѣху особа его доставила даже отлично-дисциплинированнымъ лакеямъ графа Дреддлинтона. Многое, однакожь, можно сказать въ ихъ извиненіе. Подумайте только о Титмаузѣ: въ узенькихъ брюкахъ по колѣно, въ бѣлыхъ чулкахъ, съ серебряными пряжками на башмакахъ, брыжжами и маншетами! Подумайте о его шитомъ кафтанѣ, мѣшечкѣ съ косою и шпагѣ; о его волосахъ, залѣпленныхъ медвѣжьимъ жиромъ, раздѣленныхъ посреди головы и завитыхъ круто надъ каждымъ вискомъ, и представьте себѣ его открытое лицо, озаренное улыбкою торжества и одушевленія! Войдя въ гостиную, онъ увидѣлъ поистинѣ разительный предметъ: графа въ полномъ придворномъ костюмѣ, совершенно-готоваго ѣхать, и держащаго въ рукѣ парадную шляпу. Поза его имѣла въ себѣ что-то непринужденное и вмѣстѣ величественное. Еслибъ онъ позировалъ передъ сэромъ Томасомъ Лоренсомъ, онъ не могъ бы выбрать лучшаго положенія. Леди Сесилія сидѣла на софѣ, опираясь на спинку, лѣниво разговаривая съ отцомъ и, судя по тому, какъ оба они вздрогнули при появленіи Титмауза, ясно было, что они не разсчитывали на необыкновенное преобразованіе ихъ родственника, когда онъ надѣнетъ придворный костюмъ. Минуты двѣ оба они были почти такъ же сильно поражены, какъ въ ту пору, когда его сумасбродная фигура появилась первый разъ въ ихъ гостиной. «О, Боже!» прошептала леди Сесилія между-тѣмъ, какъ у графа совсѣмъ отнялся языкъ. Вошедшій джентльменъ, впрочемъ, нисколько не похожъ былъ на Титмауза прежнихъ дней. Онъ теперь пріобрѣлъ должное чувство собственной своей личной значительности и надлежащую

*

увѣренность въ самомъ-себѣ. Величіе потеряло надъ нимъ прежнее, оцѣпеняющее дѣйствіе. Что же касается до его наружности при этомъ случаѣ, то онъ такъ свыкся съ нею, глядя въ свое зеркало, что ему ни разу не приходило въ голову, чтобъ она отличалась чѣмъ-нибудь отъ другихъ людей, глядящихъ на него въ первый разъ. Чистосердечіе, которымъ я такъ горжусь, заставляетъ меня, однакожь, сказать, что когда Титмаузъ увидѣлъ воинственный видъ и великолѣпный костюмъ графа, то хотя онъ и самъ носилъ шпагу, а все-таки почувствовалъ себя рѣшительно-уничтоженнымъ. Онъ подошелъ, впрочемъ, довольно-смѣло, торопливо отмахивая поклоны сперва леди Сесиліи, потомъ графу и, обращаясь къ послѣднему:

— Право, милордъ, сказалъ онъ, поздоровавшись съ нимъ наскоро: — смѣю замѣтить, ваша милость, вашъ видъ сегодня необыкновенно-красивъ.

Графъ не отвѣчалъ ничего, но наклонился къ нему величественно. Онъ не понималъ намѣренія и смысла этого замѣчанія, но былъ обиженъ словами.

— Осмѣлюсь спросить, какъ ваша милость находите меня? Первый разъ, что я увидѣлъ себя въ этомъ нарядѣ, милордъ, ха, ха, ха!.. вы понимаете, ваша милость!..

Пока онъ это говорилъ, взглядъ и голосъ его обличали грозное впечатлѣніе великолѣпной наружности графа, которое быстро оледеняло потокъ фамильярности или, вѣрнѣе сказать, болтливости, закипѣвшей въ маленькой груди Титмауза при появленіи въ комнатѣ. Обращеніе его невольно сдѣлалось робко и почтительно. Графъ Дреддлинтонъ въ простомъ платьѣ — и въ полномъ придворномъ костюмѣ, были двѣ совершенно-розныя особы, хотя для его милости было бы смертельнымъ оскорбленіемъ узнать, что кто-нибудь такъ думалъ. Между-тѣмъ, однакожь, какъ онъ ни сожалѣлъ, что предложилъ Титмаузу взять его съ собой на выходъ, но въ настоящую минуту не было никакой возможности избѣгнуть этого несчастія, а потому, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ дернулъ звонокъ и объявилъ, что готовъ ѣхать. Въ сопровожденіи мистера Титмауза, его милость медленно пошелъ внизъ по лѣстницѣ, но, недоходя двухъ или трехъ ступеней до пола (мнѣ очень-больно это разсказывать), полетѣлъ почти прямо носомъ внизъ, и еслибъ слуги его не подбѣжали во-время, могъ бы ушибиться очень-серьёзно.. Бѣдный Титмаузъ былъ причиною этого несчастія. Шпага его, болтаясь во всѣ стороны, очутилась вдругъ у него между ногами и онъ повалился на графа, который, естественнымъ образомъ, упалъ на полъ, какъ было сказано. Титмаузъ ушибся не сильно, но былъ ужасно испуганъ и поблѣднѣлъ какъ смерть, глядя на графа, который казался слегка взволнованнымъ; но, непретерпѣвъ никакого существеннаго вреда, скоро пришелъ совершенно въ себя. Обильны были извиненія Титмауза, какъ можно предполагать; но какъ ни огорчало его все случившееся, видъ лакеевъ,

смотрѣвшихъ сердито, какъ-будто бы внутренно проклиная его дурачество и неловкость, подстрекнулъ немножко его бодрость и возвратилъ ему нѣкоторую власть надъ самимъ-собою. Онъ готовъ былъ дать сто фунтовъ стерлинговъ, лишь бы имѣть возможность выгнать всѣхъ ихъ, тутъ же, на мѣстѣ.

— Довольно было сказано, сэръ, произнесъ графъ нѣсколько-холодно и надменно, утомленный безконечными извиненіями Титмауза.—Я благодарю Бога, сэръ, что я не ушибся, хотя упасть, въ мои лѣта, не бездѣлица. Сэръ, продолжалъ графъ колко: — вы не столько виноваты, какъ вашъ портной: онъ долженъ былъ растолковать вамъ, какъ носить вашу шпагу.

Съ этими словами, задѣвъ Титмауза за живое, графъ сдѣлалъ ему знакъ идти далѣе. Они вышли на крыльцо, сѣли въ карету и отправились. Оба сидѣли молча нѣсколько времени, наконецъ:

— Прошу прощенія у вашей милости, сказалъ Титмаузъ довольно-пылко:—но еслибъ только ваша милость знали, какъ я ненавижу эту шпильку, пристегнутую у меня съ боку!

И онъ поглядѣлъ на свою шпагу съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣлъ разломать ее пополамъ и выбросить вонъ изъ окошка.

— Сэръ, я цѣню ваши чувства. Шпага, впрочемъ, не виновата, но я васъ прощаю, отвѣчалъ все-еще взъерошенный графъ.

— Премного обязанъ, вашей милости! отвѣчалъ Титмаузъ, тономъ, немножко-непохожимъ на тотъ, съ какимъ онъ всегда обращался къ великому родственнику, потому-что онъ почувствовалъ себя жестоко-уколотымъ, ѣдкимъ и презрительнымъ обращеніемъ графа. Онъ немало тоже бѣсился на самого себя, зная, что самъ былъ виноватъ и вспоминая пренебреженный совѣтъ портнаго. Вслѣдствіе того, его природная дерзость, какъ пресмыкающееся, которое начинаетъ пробуждаться отъ долгаго оцѣпенѣнія, сдѣлала слабое усиліе выказаться, но безъ успѣха. Онъ былъ совершенно запуганъ и уничтоженъ присутствіемъ того, съ кѣмъ онъ сидѣлъ, и желалъ отъ всей души, чтобъ даже тѣ короткія слова, которыя онъ осмѣлился произнести, не были выговорены. Графъ замѣтилъ это, хоть онъ того и не показывалъ. Онъ привыкъ владѣть собою и, при настоящемъ случаѣ, старался удержать эту власть, изъ страха, чтобъ не отбить отъ себя Титмауза какимъ-нибудь обнаруженіемъ оскорбленнаго достоинства.

— Какой прекрасный день, сэръ! замѣтилъ онъ ласково, послѣ строгаго молчанія, продолжавшагося по-крайней-мѣрѣ пять минутъ.

— Превосходный, милордъ! Я только-что самъ собирался это сказать, отвѣчалъ Титмаузъ, сильно-утѣшенный и вслѣдъ за тѣмъ разговоръ ихъ пошелъ на обыкновенный ладъ.

— Мы должны учиться сносить эти маленькія непріятности спокойно, благосклонно замѣтилъ графъ, когда Титмаузъ намекнулъ ему снова на свою неловкость. — Что касается до меня, сэръ, то я вамъ скажу, что лицо, находящееся въ томъ высо-

комъ положеніи, на которое Небу угодно было меня вознести, по своему неисповѣдимому промыслу, имѣетъ свои особенныя и очень-тяжкія непріятности... существенныя огорченія...

Онъ вдругъ остановился. Карета его стараго соперника, графа Фиц-Вальтера обогнала ихъ, и Фиц-Вальтеръ рукою послалъ Дреддлинтону вѣжливый поклонъ, такъ-что нашъ графъ съ горькой улыбкой принужденъ былъ сдѣлать то же самое и потомъ погрузился въ молчаніе, обнаруживая на своемъ лицѣ, какъ глубоко отрава проникала въ его душу, и тѣмъ самымъ разительно подтверждая истину замѣчанія, сдѣланнаго Титмаузу. Скоро, однакожь, передъ ними открылась сцена блестящая и шумная, которая разомъ заняла и одушевила обоихъ. Передъ дворцомъ стояла любопытная толпа, смотря съ удивленіемъ и робкимъ почтеніемъ на каждый блестящій экипажъ, проносившійся мимо; а тамъ кирасиры, въ сверкающемъ и грозномъ строю, съ ихъ длинными, свѣтлыми мечами и касками, сіяющими, какъ зеркало, на солнцѣ! Внутри, по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, стояла дворцовая стража, въ бархатныхъ шляпахъ и красныхъ мундирахъ, держа въ рукахъ тяжелые бердыши; и эта стража, одѣтая точь-въ-точь въ тотъ самый военный костюмъ, какой она носила при Генрихѣ VIII, невольно напоминала тѣ дни, дни блеска и великолѣпія, просвѣщенной душѣ Титмауза. Однимъ словомъ, тутъ былъ весь придворный цермоніалъ. По-счастью, Титмаузъ былъ слишкомъ-смущенъ и пораженъ новостью всего окружающаго, чтобъ замѣтить худоскрытый смѣхъ, возбужденный его наружностью со всѣхъ сторонъ. Обыкновеннымъ путемъ онъ подвигался впередъ и обыкновеннымъ порядкомъ вошелъ въ залу, въ непосредственное присутствіе короля. Сердце его трепетало. Ослѣпленный взоръ его увидѣлъ мелькомъ высокую, величественную фигуру, стоявшую передъ трономъ. Онъ подошелъ, не слыша земли подъ собой, почтительно принесъ дань своего благоговѣнія, потомъ всталъ и былъ проворно выведенъ черезъ другую дверь, не сохранивъ въ душѣ никакого яснаго впечатлѣнія отъ всего имъ видѣннаго. Передъ нимъ мелькнуло одно неясное, трепетное видѣніе! Онъ и не замѣтилъ, бѣдняга, что король, до котораго дошелъ слухъ о его знаменитости въ обществѣ, просилъ, чтобъ ему указали этого человѣка въ числѣ подходящихъ, и что онъ имѣлъ счастье заставить его величество сдѣлать большое усиліе, чтобъ сохранить серьёзное лицо. Не прежде, какъ черезъ нѣсколько времени по выходѣ изъ дворца, вздохнулъ онъ снова свободно.

Играя такую блестящую роль въ высшихъ сферахъ общества, и составляя тамъ каждый часъ новыя знакомства и связи, живя, однимъ словомъ, въ совершенномъ вихрѣ удовольствій съ утра и до ночи, Титмаузъ не былъ такъ неблагодаренъ, не позабылъ совершенно дружески-расположенныхъ особъ, съ которыми былъ коротокъ и отъ которыхъ получилъ столько добрыхъ услугъ въ прежніе дни и въ обстоятельствахъ болѣе-тёмныхъ. Я опасаюсь, однако, что еслибъ не Геммонъ, который былъ всегда возлѣ Титмауза, какъ

таинственный кормчій, тайно направлявшій его маленькую ладью среди великолѣпныхъ, но чуждыхъ и опасныхъ морей, по которымъ ей приходилось плавать, боюсь, я говорю, что Титмаузъ, потерявъ ихъ изъ виду, потерялъ бы вмѣстѣ и изъ памяти. Но Геммонъ, постоянно и чутко сторожа существенные интересы своего кліента и вмѣстѣ съ наслажденіемъ готовый быть посредникомъ милостей, жалуемыхъ другимъ лицамъ, передавалъ отъ времени до времени интересному семейству Тэг-Рэговъ особенные знаки вниманія и благодарности мистера Титмауза. Иногда бокъ лани отсылаемъ былъ къ мистеру Тэг-Рэгу; въ другое время, красивый рабочій ящикъ, или изящно-переплетенная Библія отправляемы были къ доброй мистриссъ Тэг-Рэгъ и наконецъ, нарядная гитара, для миссъ Тэг-Рэгъ, которая тотчасъ же начала брянчать на ней съ утра до вечера, мечтая съ восторгомъ о миломъ человѣкѣ, ее подарившемъ. Нѣсколько времени спустя послѣ этого, Титмаузъ вмѣстѣ съ Геммономъ имѣли несказанное удовольствіе, будучи приглашены на обѣдъ въ Атласную Дачу, слушать какъ миссъ Тэг-Рэгъ, аккомпанируя себя на новомъ инструментѣ, пѣла нѣжный романсъ, слова и музыка котораго сочинены были ея учителемъ-юношею, съ черными усами, длинными, темными волосами, раздѣленными посреди головы, воротничками à la Byron и вдохновеннымъ взоромъ.

Я сказалъ, что это было по случаю обѣда въ Атласной Дачѣ. Дѣло въ томъ, что мистеръ Тэг-Рэгъ старался развѣдать, и узнавъ, что Титмаузъ и мистеръ Геммонъ очень-рады будутъ воспользоваться его гостепріимствомъ, пригласилъ ихъ. Дѣйствительно обѣдъ былъ на славу (мнѣ очень-жаль, что я не имѣю времени его описать) и данъ былъ на болѣе-великолѣпную ногу, чѣмъ мистеръ Тег-Рэгъ когда-нибудь до-тѣхъ-поръ осмѣливался рискнуть. Онъ собственными руками принесъ изъ города бутылку шампанскаго и держалъ ее въ холоду, у себя на погребѣ, цѣлые три дня. За столомъ была рыба, супъ, жареная баранина, жареныя утки, жареная дичь, горохъ, капуста простая и цвѣтная, картофель и земляныя груши, былъ яблочный пирогъ, былъ плюм-пуддингъ, блины, кремъ, желе, и человѣкъ для прислуги, нанятый изъ таверны на углу улицы. Имъ не пришло въ голову запастись шампанскими рюмками, а потому всѣ старались обойдтись, какъ умѣли, съ помощью простыхъ, всѣ, кромѣ Титмауза, который съ какой-то бонтонной безпечностью, чтобъ показать, какъ мало онъ объ этомъ заботится, налилъ себѣ шампанскаго въ стаканъ, наполнивъ его до двухъ третей, и выпилъ непереводя духа. Увидѣвъ это, мистеръ Тэг-Рэгъ напрасно старался, подъ печальной улыбкой, скрыть сильное внутреннее содроганіе. Онъ обмѣнялся съ женою робкимъ взглядомъ: вся ихъ единственная бутылка шампанскаго, едва-откупоренная, была ужь выпита.

— Я всегда пью шампанское стаканами! сказалъ Титмаузъ безпечно: — это гораздо-пріятнѣе.

— Да... да, разумѣется сэръ, отвѣчалъ мистеръ Тэг-Рэгъ, едва-внятно.

Скоро послѣ того Титмаузъ предложилъ выпить рюмку шампанскаго съ миссъ Тэг-Рэгъ. Отецъ ея весь покраснѣлъ и наконецъ, съ отчаяннымъ усиліемъ сказалъ : — къ-несчастью, мистеръ Титмаузъ, стараясь изо всей мочи, смотрѣть беззаботно : ...дѣло... дѣло въ томъ, вотъ видите ли, что я никогда не держу у себя на погребѣ болѣе дюжины, а сегодня поутру, какъ нарочно, шесть бутылокъ у меня лопнули, увѣряю васъ.

— Душевно сожалѣю, ей-Богу! сказалъ Титмаузъ. — Надо будетъ прислать вамъ дюжину изъ моего погреба; я всегда держу у себя дюжинъ 50 или 100. О, я вамъ пришлю непремѣнно полдюжины.

Тэг-Рэгъ, съ минуту самъ едва-могъ разобрать, доволенъ ли онъ или взбѣшенъ чертою такого деликатнаго великодушія. Такимъ-то образомъ Титмаузъ осыпалъ знаками своей благосклонности и дружбы семейство Тэг-Рэговъ, изъ послушанія къ совѣтамъ Геммона, увѣрявшаго безъ шутокъ, что для него было очень-важно обезпечить себѣ доброе расположеніе этихъ людей. Поэтому-то мистеръ Титмаузъ ѣздилъ порой въ Атласную Дачу то въ кабріолетѣ, то верхомъ, въ-сопровожденіи своего щегольскаго грума, и разъ (хитрый маленькій бѣсенокъ!) случаемъ незаставъ дома никого, кромѣ миссъ Тэг-Регъ, онъ, несмотря на то, все-таки вошелъ, пробылъ почти цѣлыя 10 минутъ и велъ себя совершенно, какъ сговоренный женихъ, зная, что онъ могъ это сдѣлать безнаказанно, потому-что тутъ не было свидѣтелей (обстоятельство, на которое намекнулъ ему Геммонъ). Онъ цаловалъ щечки бѣдной миссъ Тэг-Рэгъ со всѣми наружными признаками страсти, утверждая клятвами, что она самое прелестное созданіе въ мірѣ, и оставилъ ее въ самомъ очаровательномъ состояніи восторга. Она ужь воображала себя непремѣнною обладательницею 10,000 ф. годоваго дохода и цвѣтущей женою блестящаго моднаго щеголя. Услыхавъ о томъ, что произошло въ этотъ день между Титмаузомъ и ихъ дочерью, достойные родители ея тоже смотрѣли на это дѣло какъ на рѣшенное ; а между-тѣмъ счастье не переставало осыпать своими дарами Тэг-Рега. Магазинъ его былъ каждый день полонъ народомъ попрежнему, число конторщиковъ удвоено, такъ-что онъ наконецъ, вмѣсто того, чтобъ платить, началъ ужь брать деньги съ молодыхъ людей за позволеніе прослужить короткое время въ такомъ извѣстномъ магазинѣ; затѣмъ, чтобъ они могли научиться вести торговое дѣло первостатейнымъ образомъ и потомъ, обзаведясь на свой собственный счетъ, вывѣсить у себя надъ дверьми: Тимоти Тэпъ, изъ магазина Тэг-Рэга и К°, въ Оксфордской Улицѣ.

Рѣшась убирать свое сѣно, покуда солнце свѣтило, Тэг-Рэгъ прибѣгалъ къ разнымъ маленькимъ затѣямъ. Такъ, напримѣръ, были у него рубашки съ манишетами, расположенными въ видѣ большой буквы Т, и такихъ рубашекъ, подъ именемъ *титокъ*,

онъ продалъ несчетное множество второстепеннымъ франтамъ Лондона. Наконецъ Геммону пришло въ голову намекнуть Титмаузу о средствѣ удостоить своего стараго друга и господина знакомъ постояннаго, публичнаго и существеннаго отличія, и средство это состояло въ томъ, чтобъ выпросить для него, черезъ графа Дреддлинтона, назначеніе въ число придворныхъ поставщиковъ: а именно, назначеніе туалетнымъ поставщикомъ двора его величества короля. Когда неутомимый и безкорыстный благодѣтель Тэг-Рэга, Геммонъ, зашелъ однажды къ нему въ Оксфордскую Улицу и, вызвавъ его на минуту изъ суеты многолюднаго магазина, упомянулъ о почести, которую сэръ Титмаузъ будетъ стараться всѣми силами доставить ему, Тэг-Рэгу, по настоятельнымъ просьбамъ Геммона, то этотъ почтенный человѣкъ не зналъ, какими словами выразить свою благодарность. Титмаузъ охотно согласился попросить объ этомъ предметѣ великаго человѣка, и исполнилъ свое обѣщаніе. Графъ выслушалъ его просьбу съ озабоченнымъ видомъ.

— Сэръ, сказалъ онъ: — всему свѣту извѣстно, какъ я не люблю выпрашивать милости у тѣхъ, кто состоитъ при мѣстѣ. Когда я самъ былъ при мѣстѣ, я чувствовалъ съ избыткомъ неудобство такихъ ходатайствъ. Къ-тому же, назначеніе, о которомъ вы говорите, вещь очень-важная, и нужно дѣйствительно большое вліяніе, чтобъ выхлопотать его. Подумайте сэръ, какое огромное число существуетъ въ Лондонѣ поставщиковъ всякаго разбора и изъ нихъ туалетные поставщики (какъ видно изъ послѣдняго отчета, представленнаго въ Парламентъ, по настоянію моего пріятеля лорда Гуза) гораздо-многочисленнѣе всѣхъ другихъ. Всѣ они, по естественному честолюбію, добиваются такого высокаго отличія; а между-тѣмъ, сэръ, замѣтьте, король, которому они хотятъ служить, одинъ, и королевская фамилія одна. Лордъ Шамбелянъ, безъ-сомнѣнія, замученъ сверхъ всякой мѣры просителями такихъ почестей.

Выслушавъ графа, Титмаузъ испугался неожиданной огромности той услуги, о которой онъ упомянулъ, и объявивъ, что онъ не заботится ни на волосъ о Тэг-Рэгѣ, просилъ оставить его ходатайство безъ вниманія. Но графъ съ очень-величественнымъ видомъ перебилъ его:

— Что жь за бѣда, сэръ, вы имѣете полное право надѣяться на ваши родственныя связи со мной, и я не думаю, чтобъ вы ошиблись насчетъ того вліянія, которое я, можетъ-быть... словомъ, сэръ, я постараюсь сегодня непремѣнно увидѣть лорда Ко-ту и поговорю съ нимъ объ этомъ предметѣ.

Въ тотъ же самый день произошло свиданіе двухъ знаменитыхъ аристократовъ, лорда Дреддлинтона и лорда Ко-ту. Оба они подошли другъ къ другу на ходуляхъ. Самый деликатный тактъ обнаруженъ былъ со стороны графа Дреддлинтона. Что касается до лорда Ко-ту, тотъ сдѣлалъ изъ этого преважное дѣло и обѣщалъ подумать.

ГЛАВА XII.

Дня два спустя, мистеръ Тэг-Рэгъ получилъ письмо изъ канцеляріи лорда Шамбеляна съ увѣдомленіемъ, что его величество соизволилъ назначить Тэг-Рэга своимъ туалетнымъ поставщикомъ. Это извѣстіе возбудило въ немъ бурное чувство гордости и удовольствія, чувство въ родѣ того, съ какимъ графъ Дреддлинтонъ принялъ бы увѣдомленіе о пожалованіи ему давно-желаннаго титула маркиза. Онъ бросился, четверть часа спустя по полученіи письма, въ находившуюся неподалеку отъ его магазина лавку рѣзчика и золотильщика и велѣлъ немедленно изготовить ему перваго сорта литую и золоченую вывѣску королевскаго герба, которая черезъ недѣлю красовалась во всемъ своемъ блескѣ надъ центральною дверью его магазина, внушая робкое почтеніе прохожимъ и возбуждая зависть въ сосѣдяхъ и соперникахъ. Тэг-Рэгъ немедленно адресовалъ благодарственное письмо къ мистеру Титмаузу и другое къ *высокопочтенному и высокоблагородному графу Дреддлинтону*; а къ послѣдней особѣ, сверхъ-того, послалъ великолѣпный пунцовый атласный, съ цвѣтами, халатъ—*смиренный знакъ благодарности за благосклонное вниманіе, оказанное его милостью.*

Письмо и халатъ доставили большое удовольствіе каммердинеру графа, дальше котораго они не пошли. Примѣривъ на себя халатъ, онъ тотчасъ же сѣлъ и написалъ превѣжливую записку отъ имени его милости въ отвѣтъ на письмо Тэг-Рэга, при которымъ былъ присланъ подарокъ; а на другой день поутру, чтобъ очистить свою совѣсть, выискалъ случай упомянуть графу, что мистеръ Тэг-Тэгъ являлся засвидѣтельствовать свою благодарность за благодѣяніе, оказанное его милостью. Этотъ лакей былъ, сверхъ-того, такъ доволенъ образчикомъ товаровъ мистера Тэг-Рэга, что, ни мало немедля, завелъ съ нимъ счетъ и послалъ ему очень-щедрый заказъ для почина. То же самое сдѣлали и нѣсколько низшихъ чиновниковъ при дворѣ; такимъ-образомъ число покупщиковъ мистера Тэг-Рэга еще увеличилось, хотя, впрочемъ, я и не слыхалъ, чтобъ, за поставленныя имъ, по этому случаю, вещи, онъ когда-нибудь получилъ деньги; но зато новое его назначеніе удивительнымъ образомъ возвысило его въ глазахъ свѣта. Никто не сомнѣвался, что Тэг-Рэгъ идетъ впередъ быстрыми шагами въ торговыхъ дѣлахъ и современемъ станетъ въ главѣ своей отрасли. Назначеніе его произвело большой шумъ въ томъ уголкѣ Сити, съ которымъ онъ былъ въ связи. Нѣсколько торговыхъ компаній выбрали его своимъ членомъ и, съ открытіемъ одной вакансіи въ томъ кварталѣ, къ которому онъ принадлежалъ (потому-что онъ и въ Сити имѣлъ тоже довольно-значительный магазинъ), Тэг-Рэга сдѣлали общиннымъ совѣтникомъ (*). Двѣ или три рѣчи,

(*) Городское Управленіе состоитъ изъ *лорда-мера*, *Совѣта Альдер-*

имъ произнесенныя, обратили на него еще болѣе вниманія, и нѣсколько человѣкъ, изъ первыхъ лицъ въ кварталѣ, начали ему намекать, что онъ имѣетъ очень-хорошіе шансы быть выбраннымъ въ достоинство альдермена при первой вакансіи; такъ-что, сидя иногда вдвоемъ съ женою, мистеръ Тэг-Рэгъ начиналъ ужь поговаривать съ немалымъ безпокойствомъ о расходахъ, сопряженныхъ съ званіемъ лорда-мера. Онъ пересталъ ходить въ молельню пѣшкомъ, а отправлялся туда въ открытомъ кабріолетѣ, съ какимъ-то сидѣньемъ, въ видѣ у́гольнаго ящика, привинченнымъ сзади, куда онъ втискивалъ кучерёнка (у котораго, между-прочимъ, на панталонахъ прибавленъ былъ красный кантъ, вслѣдствіе назначенія мистера Тэг-Рэга на королевскую службу). Мистеръ Тэг-Рэгъ началъ также являться немножко-позже въ молельню; вдоль всей скамейки его разостлана была малиновая бархатная подушка, а Библіи и Псалмовники появлялись очень-красиво-вызолоченные. Что̀ касается до Атласной Дачи, то онъ пристроилъ къ ней два флигеля, и въ гостиной, надъ каминомъ, повѣсилъ портретъ Титльбета Титмауза (подъ именемъ Типпетивинка) въ великолѣпной рамкѣ и за стекломъ.

Немножко спустя послѣ того, какъ Тэг-Рэгъ получилъ вышеупомянутое назначеніе, о которомъ я разсказалъ все такъ подробно, Геммонъ *случайно* проходя мимо, завернулъ къ нему въ магазинъ, и увидѣвъ мистера Тэг-Рэга, поздоровался съ нимъ очень-любезно. А тамъ, какъ-будто это такъ, мимоходомъ только, пришло Геммону въ голову, невызывая Тэг-Рэга изъ общей комнаты, упомянулъ, что онъ былъ на западномъ концѣ города, для окончанія кой-какихъ форменныхъ сдѣлокъ по переустройству значительной части имѣнія мистера Титмауза, вслѣдствіе намѣренія недавно-принятаго его кліентомъ. Но, при видѣ магазина мистера Тэг-Рэга, ему, Геммону, пришло въ голову, что мистеру Тэг-Рэгу можетъ-быть пріятно будетъ принять для формы участіе въ этой сдѣлкѣ, зная навѣрное, что мистеръ Титмаузъ будетъ очень-радъ присоединить къ имени графа Дреддлинтона и двухъ или трехъ другихъ знатныхъ лицъ, участвующихъ въ этомъ дѣлѣ, имя такого стариннаго, искренняго друга, какъ мистеръ Тэг-Рэгъ, друга, который сверхъ того... тутъ Геммонъ остановился съ улыбкой безконечно-выразительной, прибавивъ, что онъ не смѣетъ намекать на свои догадки...

— Сэръ, я... я... не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату, перебилъ Тэг-Рэгъ очень-живо, горя нетерпѣніемъ получить болѣе-точное понятіе о томъ, что мистеръ Геммонъ хотѣлъ сказать; но этотъ джентльменъ, взглянувъ на свои часы, изви-

---

меновъ и *Общиннаго Совѣта*. Лорд-меръ — главный представитель распорядительной власти. Альдермены, хотя это званіе и не наслѣдственное, могутъ быть названы аристократами купеческаго сословія. Что касается до Общиннаго Совѣта, то онъ соотвѣтствуетъ Палатѣ Депутатовъ. *Прим. перев.*

нился недостаткомъ времени и вдругъ, пожавъ руку мистера Тэг-Рэга, повернулся къ дверямъ.

— Вы говорили о подписи, сэръ, можетъ-быть вы принесли съ собой то, что вы хотите, чтобъ я подписалъ. Я подпишу все, что угодно, все, что угодно для мистера Титмауза; я очень горжусь, я считаю за честь находиться съ нимъ въ какой бы то ни было связи. Геммонъ сталъ щупать у себя въ карманахъ, какъ-будто бы ожидая найдти въ нихъ то, что, онъ очень-хорошо зналъ, лежало ужь совсѣмъ готовое у него въ конторѣ, въ желѣзномъ шкапу.

— У меня нѣтъ этого маленькаго документа съ собой, сказалъ онъ наконецъ съ безпечнымъ видомъ:—онъ вѣрно лежитъ, вмѣстѣ съ другими бумагами, гдѣ-нибудь въ конторѣ, или, можетъ-быть, остался у графа. (Я долженъ признаться по совѣсти, что хотя цѣль Геммона и заставляла его упоминать о графѣ Дреддлинтонѣ, но онъ отъ-роду еще не былъ ни разу въ присутствіи этого великаго человѣка).

— Такъ вотъ что я вамъ скажу, мистеръ Геммонъ, произнесъ Тэг-Рэгъ, раздумывая: — ваша контора въ Сэффрон-Хилѣ, хорошо-съ! Я буду идти мимо завтра поутру, по дорогѣ къ моему магазину въ Сити около полудня, зайду къ вамъ и сдѣлаю все, что вамъ угодно.

— Не можете ли вы какъ-нибудь устроить, чтобъ встрѣтиться съ графомъ у насъ; впрочемъ, отвѣчать за аккуратность его милости, ха, ха! Это довольно... того...

— Я сочту за особенную честь встрѣтить его милость, сэръ, чтобъ засвидѣтельствовать ему лично мою благодарность...

— О, графъ не любитъ, чтобъ ему напоминали о какихъ-нибудь маленькихъ любезностяхъ и одолженіяхъ, которыя ему случается дѣлать. Но если вы зайдете къ намъ въ двѣнадцать, то мы можемъ подождать немножко; ну, а если графъ будетъ не аккуратенъ, чтожь, мы даже можемъ дать вамъ подписать сперва и объяснить это графу послѣ, когда онъ пріѣдетъ; потому-что я знаю, какъ ваше время дорого. Боже мой! мистеръ Тэг-Рэгъ, какая у васъ тутъ вѣчно пропасть народу! Я слыхалъ еще недавно, говорятъ, что вы скоро заберете въ свои руки всю главную торговлю по вашей части, въ Оксфордской Улицѣ.

— Вы очень-любезны, мистеръ Геммонъ. Конечно, я не имѣю причины жаловаться. Я всегда держу у себя самые лучшіе товары и здѣсь и въ Сити, продаю по самымъ дешевымъ цѣнамъ, и не жалѣю трудовъ, чтобъ угодить покупщикамъ. И не справедливо было бы...

— А, здравствуйте, произнесъ Геммонъ, вдругъ повертываясь и кланяясь какой-то воображаемой особѣ на другой сторонѣ улицы. — Ну, прощайте, мистеръ Тэг-Рэгъ, прощайте! до свиданія, завтра утромъ, въ двѣнадцать часовъ.

— Къ вашимъ услугамъ, мистеръ Геммонъ, отвѣчалъ тотъ и такимъ образомъ они разстались.

— Какъ-разъ въ двѣнадцать часовъ, на другой день по утру, Тэг-Рэгъ явился въ контору, въ большихъ попыхахъ, говоря, что ему нужно еще побывать лично мѣстахъ въ пятидесяти, по-крайней-мѣрѣ.

— Его милости, вѣроятно, еще нѣтъ, произнесъ онъ, сжимая руку мистера Кверка и мистера Геммона. Послѣдній джентльменъ, вынувъ часы и пожавъ плечами, произнесъ съ улыбкою:—нѣтъ еще; мы ему дадимъ полчаса сроку.

— Полчаса! мой милый сэръ, воскликнулъ Тэг-Рэгъ: — я никакъ не могу оставаться такъ долго, даже, чтобъ имѣть честь встрѣтить его милость. Онъ не дѣловой человѣкъ, вотъ видите ли, а я дѣловой. Кто первый пришолъ, тому первому и подавай! На столѣ разбросано было много только-что переписанныхъ пергаментовъ и бумагъ и, пошаривъ между ними нѣсколько времени, Геммонъ вынулъ наконецъ какой-то листъ. Онъ былъ со штемпелемъ и на первыхъ двухъ страницахъ исписанъ.

— Ну, джентльмены, скоро слово говорится, нескоро дѣло дѣлается; а время дорого, сказалъ Тэг-Рэгъ, взявъ перо и обмакивая его въ чернильницу. Геммонъ съ беззаботнымъ видомъ положилъ передъ нимъ документъ, имъ отъисканный! А, какъ мнѣ знакома эта подпись, этотъ расчеркъ! Какая бойкость въ немъ видна, не правда ли? сказалъ Тэг-Рэгъ, замѣчая подпись Титмауза. Она стояла прямо надъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ онъ собирался написать свое имя, а снизу написано было карандашомъ: *Дреддлинтонъ*, очевидно на мѣстѣ, назначенномъ для подписи графа.

— Ну, нечего сказать, мое имя будетъ стоять между двумя славными! Затѣмъ, Геммонъ и Кверкъ сказали ему нѣсколько темныхъ юридическихъ фразъ: «О распорядителяхъ по предстоящему сроку. «О ввѣреніи имущества въ руки этихъ распорядителей», «о какой-то власти, которая слишкомъ-важна, чтобъ ее ввѣрить въ руки кого-нибудь, кромѣ людей, самой высокой честности.

— Помилуйте, сказалъ Геммонъ, позвонивъ въ колокольчикъ, стоявшій на столѣ:—аккуратность прежде всего, даже и въ безделицахъ.

Въ комнату вошелъ молодой клеркъ, одѣтый щеголемъ.

— Мы васъ позвали, продолжалъ Геммонъ: — только за тѣмъ, чтобъ быть свидѣтелемъ подписи. Теперь мы сейчасъ васъ отпустимъ, мистеръ Тэг-Рэгъ. Скажите—*я вручаю сіе, какъ мой актъ, и мое дѣло*, и положите при этомъ вашъ палецъ сюда, вотъ на эту печать!

Такъ сказалъ и такъ сдѣлалъ мистеръ Тэг-Рэгъ, согласно данному наставленію. Клеркъ подписалъ свое имя, подъ заголовкомъ свидѣтеля, и съ этой минуты, безъ вѣдома своего, мистеръ Тэг-Рэгъ пріобрѣлъ интересъ въ стоимости Титмаузова богатства, на сумму около 40,000 ф.

— Затѣмъ, джентльмены, прошу васъ засвидѣтельствовать мое

почтеніе его милости; и если онъ спроситъ, какъ это вышло, что я подписалъ прежде его, то потрудитесь объяснить, что я торопился. Время никого не дожидается. Прощайте, джентльмены, прощайте! Передайте отъ меня нижайшій поклонъ нашему общему пріятелю, мистеру Титмаузу.

Геммонъ проводилъ его до крыльца, дружески пожалъ ему руку и потомъ вернулся въ ту же самую комнату, гдѣ засталъ мистера Кверка, держащаго въ рукахъ своихъ только-что подписанный документъ. Этотъ документъ, дѣйствительно, былъ не что̀ иное, какъ совокупное и раздѣльное поручительство, простиравшееся на сумму 40,000 фунтовъ, данное въ обезпеченіе надлежащей уплаты со стороны Титмауза 20,000 ф. съ процентами по 5%, то-есть тѣхъ денегъ, которыя Титмаузъ долженъ былъ получить въ займы, подъ залогъ части имѣнія въ Яттонѣ. Геммонъ сѣлъ на стулъ, потихоньку взялъ изъ рукъ мистера Кверка документъ и спокойно вытеръ на немъ резинкою написанное карандашомъ имя: *Дреддлинтонъ*.

— Вы, чертовски-ловкій человѣкъ, Геммонъ! воскликнулъ мистеръ Кверкъ съ невольнымъ вздохомъ.

Геммонъ не отвѣчалъ ни слова. Лицо его было немножко-блѣдно и сохраняло какое-то озабоченное выраженіе.

— Ну, теперь дѣло въ шляпѣ! продолжалъ мистеръ Кверкъ, потирая себѣ руки съ очень-довольнымъ видомъ.

— Богъ знаетъ, отвѣчалъ Геммонъ, тихимъ голосомъ.

— Э! что̀ вы говорите! Не пришло ли вамъ еще чего въ голову? Надѣюсь, что тутъ ничего не опущено?

— Нѣтъ; но мы теперь *на очень-глубокой водѣ*, мистеръ Кверкъ!

— О, чортъ возьми! покуда вы стоите на сторожѣ, я не боюсь ничего. Я вамъ отдаю руль въ руки.

Но Геммонъ былъ въ молчаливомъ расположеніи духа и потому Кверкъ его скоро оставилъ.

Теперь надо сказать, что хоть я и не считаю мистера Тэг-Рэга своимъ фаворитомъ, а все-таки у меня какъ-то душа неспокойна на его счетъ. Я желалъ бы, чтобъ онъ не былъ такъ тороплив по дѣлу, требующему такой серьёзной обдуманности, какъ *подпись*, *приложеніе печати* и *собственноручная передача*. Когда отъ человѣка требуется исполненіе такого важнаго обряда, то не мѣшало бы ему узнать, что̀ такое значитъ формула: *Я вручаю сіе, какъ мой актъ и мое дѣло*. Насчетъ этого предмета, одинъ изъ великихъ авторитетовъ права — старикъ Пловденъ говоритъ слѣдующее:

«Слова *произносятся* часто необдуманно и срываются съ языка легко. Но тамъ, гдѣ взаимное соглашеніе производится *актомъ*, тамъ есть болѣе времени для соображенія, потому-что когда человѣкъ обязывается къ чему-нибудь актомъ, то, вопервыхъ, тутъ бываетъ внутреннее намѣреніе сдѣлать дѣло, а потомъ нужно, чтобъ актъ былъ *написанъ*, что̀ заставляетъ о немъ

размыслить. Потомъ онъ прикладываетъ къ нему свою печать, что въ другой разъ даетъ ему случай подумать, и наконецъ онъ вручаетъ бумагу, какъ сдѣланный имъ актъ, что̀ ужь есть окончательное исполненіе его намѣренія. Такимъ-образомъ много размышленія нужно бываетъ употребить при совершеніи акта, и по этой причинѣ актъ считается обязательствомъ, окончательнымъ для заключившаго, по которому его присуждаютъ исполнить то, къ чему онъ себя обязалъ, неразбирая ужь далѣе, по какой причинѣ или въ какомъ предположеніи онъ это сдѣлалъ». (Смотри «Комментаріи Пловдена», стр. 308, а.).

Можетъ-статься, что кто-нибудь изъ читающихъ теперь эти страницы узналъ очень-печальнымъ опытомъ истину того, что̀ выше упомянуто. Съ другой стороны, я надѣюсь, что надлежащее разсужденіе избавитъ отъ такого печальнаго опыта многихъ читателей. Что касается до Тэг-Рэга, то, можетъ-быть, наши опасенія на его счетъ были и неосновательны, а все-таки непріятно видѣть, какъ люди дѣлаютъ важныя вещи въ попыхахъ; и такъ-какъ мы должны теперь разстаться съ мистеромъ Тэг-Рэгомъ на нѣсколько времени, то нѣтъ никакой бѣды пожелать ему выпутаться благополучно изъ того, что̀ онъ сдѣлалъ...

Лондонскій сезонъ приближался къ концу. Прелестныя леди начинали утомляться и пресыщаться операми, концертами, балами, раутами, вечерами, собраніями, базарами, праздниками и паркомъ. Ихъ мужьямъ наскучили клубы впродолженіе дня и обѣды на скорую руку; поздніе часы, спертый воздухъ и длинныя рѣчи въ обѣихъ Палатахъ, гдѣ хотя они могли и дремать для препровожденія времени, но имъ рѣдко удавалось испытывать наслажденіе крѣпкаго, сплошнаго сна, часика два сряду; они вѣчно вздрагивали, открывая глаза съ просонковъ и воображая себя въ Вавилонской Башнѣ, обхваченной пожаромъ — такъ странны и такъ ужасны вокругъ нихъ были огни и шумъ. Самые даже распорядители парламентскихъ засѣданій имѣли видъ утомленный и заспанный. Гдѣ графъ Дреддлинтонъ и леди Сесилія должны были провести эту осень, то былъ вопросъ, о которомъ они начинали подумывать съ немалымъ безпокойствомъ. Всякій посторонній человѣкъ, взглянувъ на торжественный списокъ ихъ резиденцій въ Англіи, Шотландіи, Валлисѣ и Ирландіи, исчисленныхъ въ книгѣ Дебрета, и въ придворныхъ указателяхъ, могъ бы подумать, что они имѣли полный выборъ передъ собою; но читатель знаетъ лучше все это дѣло. Досадное изъясненіе, досадное для бѣднаго графа, разъ уже было мною сдѣлано и я не стану повторять его съизнова. Довольно будетъ сказать, что Попльтон-Халь въ Хертфордширѣ, имѣлъ свои неудобства. Они должны были содержать тамъ полный штатъ прислуги и принимать у себя аристократію графства, а также и другихъ гостей, сильно задолжавъ передъ многими, въ-отношеніи гостепріимства. Дорого было тоже и на водахъ, а ѣхать въ чужіе края не только дорого, но въ преклонныя лѣта

графа, ктому жь, и безпокойно. Печально размышляя объ этихъ предметахъ, однажды вечеромъ они были прерваны слугою съ письмомъ, которое оказалось отъ мистера Титмауза. Онъ приглашалъ ихъ въ самыхъ вѣжливыхъ и искреннихъ выраженіяхъ почтить Яттонъ своимъ присутствіемъ впродолженіе такой части наступающей осени, какую они не найдутъ случая употребить лучше и веселѣе. Дѣлая это приглашеніе, писалъ далѣе мистеръ Титмаузъ, онъ не можетъ не признаться въ нѣкоторой долѣ эгоизма съ своей стороны. Онъ надѣется, что, во время своего присутствія въ Яттонѣ, графъ найдетъ удобный случай, если онъ будетъ къ тому расположенъ, познакомить его, Титмауза, съ тѣми изъ главныхъ лицъ графства, которыя имѣютъ честь быть знакомы съ графомъ, и что онъ, Титмаузъ, въ его теперешнемъ положеніи сильно озабоченъ на этотъ счетъ. Онъ надѣется, прибавилъ онъ, что графъ и леди Сесилія будутъ смотрѣть на Яттонъ, впродолженіе всего времени ихъ пребыванія тамъ, какъ на резиденцію, во всѣхъ отношеніяхъ ихъ собственную, и что онъ, Титмаузъ, не пожалѣетъ никакихъ стараній, чтобъ сдѣлать ихъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ на столько пріятнымъ, сколько возможно. Смиренное приглашеніе Титмауза склонило къ согласію его великаго родственника, который на слѣдующій день послалъ ему письмо съ отвѣтомъ, что его милость вполнѣ признаетъ право мистера Титмауза смотрѣть на него какъ на главу семейства и что его милость будетъ очень-радъ воспользоваться случаемъ, ему представляющимся, поставить мистера Титмауза на должную ногу въ отношеніяхъ его съ главнѣйшими лицами въ графствѣ; что для этой цѣли его милость готовъ отказаться отъ всѣхъ другихъ приглашеній, какія могли бы ему быть сдѣланы на эту осень и проч. Однимъ словомъ, и отецъ и дочь, какъ говорится, прыгнули отъ этого приглашенія. Оно произошло первоначально отъ Геммона, который, для своихъ собственныхъ видовъ, предложилъ это дѣло Титмаузу, уговорилъ его согласиться и написалъ самъ пригласительное письмо. Я говорю: для собственныхъ своихъ видовъ. Геммонъ хотѣлъ лично познакомиться съ графомъ и утвердиться, если можно, совершенно въ довѣренности его милости. Онъ успѣлъ вывѣдать у Титмауза, недавъ этому джентльмену ничего замѣтить, что въ немногихъ случаяхъ, когда имя его, Геммона упомянуто было графомъ, оно сопровождалось всегда презрительными выраженіями, проблесками ненависти и подозрѣнія. Но пусть только дадутъ ему удобный случай, думалъ Геммонъ, онъ скоро успѣетъ перемѣнить это расположеніе графа. Поэтому, какъ только онъ узналъ, что приглашеніе принято, тотчасъ же рѣшился быть однимъ изъ гостей въ Яттонѣ все время, какъ графъ будетъ тамъ жить. Въ благоразуміи этого плана онъ безъ труда убѣдилъ мистера Кверка; но Титмаузу не сказалъ объ этомъ пока ни слова, опасаясь, чтобъ онъ не проговорился какъ-нибудь прежде времени и не навлекъ какое-нибудь возраженіе со стороны графа, который, заставъ Геммона уже на мѣ-

стѣ, долженъ будетъ помириться съ этой непріятностью какъ знаетъ. Въ надлежащее время отъ повѣреннаго графа сообщено было повѣренному мистера Титмауза, отправлявшемуся въ Яттонъ, что его милость съ грознымъ ополченіемъ прислуги явится въ Яттонъ въ назначенный день. Графу благоугодно было распространить приглашеніе на миссъ Максплейханъ и на стольких лицъ изъ своей свиты, сколько онъ нашелъ нужнымъ взять съ собой затѣмъ, чтобъ они не проѣдали свои столовыя деньги даромъ, въ городѣ или въ Попльтон-Халѣ. Боже мой! какое помѣщеніе и удобство потребовались для графа, для леди Сесиліи, для каждаго изъ ихъ приближенныхъ, для миссъ Максплейханъ и для пятерыхъ слугъ! Затѣмъ приглашены были двое другихъ гостей, для компаніи и для увеселенія графа, а именно, маркизъ Гантъ, Джонъ де-Мильфлёръ и нѣкто мистеръ Тэфтъ. Квартиры потребовались и для этихъ двоихъ, такъ-что мистеръ Титмаузъ съ мистеромъ Геммономъ были оттѣснены на самый конецъ дома. Четверо слугъ и фургонъ съ поклажею пріѣхали дня за два до прибытія графа съ дочерью, затѣмъ, чтобъ устроить все къ ихъ пріѣзду; и вопервыхъ, съ этою цѣлью, главная прислуга его милости заняла помѣщеніе прислуги мистера Титмауза, которая, говорили они, должна была стараться помѣститься какъ-нибудь и устроиться въ маленькихъ голыхъ комнатахъ надъ конюшнями. Однимъ словомъ, не прошло и двадцати-четырехъ часовъ по пріѣздѣ великихъ гостей мистера Титмауза въ Яттонъ, какъ ужь по всему барскому дому распространился тотъ самый холодный парадъ и торжественный церемоніалъ, который царствовалъ въ собственномъ домѣ графа. Наконецъ пыльная дорожная карета графа, четверкою, съ нимъ самимъ, съ леди Сесиліею и съ миссъ Максплейханъ внутри, съ его камердинеромъ и горничною леди Сесиліи сзади, промчалась съ громомъ черезъ все село, пронеслась быстро по извѣстной алеѣ парка, загремѣла подъ стариннымъ въѣздомъ и наконецъ остановилась у крыльца, передъ которымъ взмыленныхъ и упаренныхъ лошадей осадили вдругъ, такъ-что онѣ чуть не присѣли на заднія ноги. Мистеръ Титмаузъ находился въ совершенной готовности къ пріему своихъ знаменитыхъ гостей. Дверцы кареты были отворены, подножки опустились и черезъ нѣсколько минутъ гордый старый графъ Дреддлинтонъ и его гордая дочь, вступивъ въ барскій домъ, сдѣлались гостями смущеннаго и честолюбиваго маленькаго обладателя. Покуда всѣ гости, занятые въ своихъ уборныхъ, оправляются тамъ отъ усталости и стѣсненія длинной дороги и собираются выйдти къ обѣду, позвольте мнѣ отрекомендовать вамъ единственнаго гостя, который до-сихъ-поръ еще вамъ незнакомъ: я разумѣю мистера Тэфта, мистера Венома Тэфта.

Часто случается, что неопытный охотникъ за грибами, обманутый разстояніемъ, думаетъ видѣть вдали подъ тѣнью величественнаго дерева прекрасный пучокъ шампиньйоновъ, и онъ бѣжитъ и, наклоняясь, собрать ихъ, вдругъ узнаетъ съ отвра-

щеніемъ и досадою, что это совсѣмъ не шампиньйоны, а скверныя, нездоровыя, даже ядовитыя поганки; и тогда, чтобъ избавить другихъ отъ подобной ошибки, онъ разбиваетъ ихъ и растаптываетъ ногами. Не есть ли это эмблема того, чтó нерѣдко встрѣчается въ обществѣ? Какъ часто, подъ *холодною тѣнью аристократіи* встрѣчаются люди, принадлежащіе къ жалкой породѣ льстецовъ и паразитовъ! Мистеръ Веномъ Тэфтъ былъ одинъ изъ такихъ. Душа его выражалась въ лицѣ. Некрасивый собой, хоть онъ и думалъ противное, несмотря на то, онъ старался и успѣвалъ заставить слушать себя съ удовольствіемъ томныхъ и пресыщенныхъ женщинъ моднаго круга. Онъ говорилъ всегда,

...«Напѣвомъ лести,
Смиреннымъ шопотомъ, удерживая духъ».

...Наружность его была вмѣстѣ изнѣженная и грубая; манеры и обращеніе подобострастныя. Что-то нестерпимо-гладкое и тихое замѣтно было въ нихъ всегда, но особенно когда онъ трудился по своему призванію. Этотъ человѣкъ умѣлъ подносить лесть не только словами, но даже просто однимъ взглядомъ, почтительнымъ и вкрадчивымъ. Онъ всегда держалъ у себя подъ рукой обильный запасъ сплетней, сильно-приправленныхъ скандаломъ, сплетней, которыя онъ собиралъ и подготовлялъ очень-обдуманно и старательно. Льстецы искусные всегда бываютъ ѣдкіе и злые люди. Имѣя довольно смысла, чтобъ сознать, но недовольно духа, чтобъ побѣдить свои низкія склонности, они понимаютъ, какую презрѣнную картину представляютъ они въ глазахъ людей хоть сколько-нибудь независимыхъ и проницательныхъ, а междутѣмъ, чтобъ отразить или наказать явное пренебреженіе этихъ людей, у нихъ не достаетъ ни мужества ни силы. Тогда-то ихъ задавленное бѣшенство кидается внутрь, кипитъ въ крови и наконецъ скопляется на языкѣ, съ котораго оно сбѣгаетъ каплями жгучаго яда. Трудно такому человѣку вообразить, чтобъ его патронъ, если можно назвать такимъ именемъ того, кому льстятъ, не замѣчалъ унизительнаго характера и положенія человѣка льстящаго. Пусть бы льстецъ только послушалъ, кàкъ о немъ говорятъ тѣ, которыхъ онъ недавно еще *подмасливалъ*. Еслибъ онъ могъ хоть на одинъ мигъ увидѣть себя глазами другихъ людей, онъ въ ту же минуту ускользнулъ бы навсегда отъ опаляющаго взора человѣка. Но мистеръ Тэфтъ былъ льстецъ не простаго разбора и, какъ ловкій человѣкъ, онъ понималъ, что его вниманіе могло бы безконечно возвыситься въ цѣнѣ, еслибъ на него смотрѣли какъ на человѣка съ нѣкоторой извѣстностью. Такое справедливое желаніе возвыситься на той карьерѣ, которой онъ себя посвятилъ, подстрѣкало его къ большимъ усиліямъ и, въ свое время, было увѣнчано нѣкоторымъ успѣхомъ, потому-что на него начали смотрѣть *отчасти* какъ на литератора. Чтобъ заслужить это мнѣніе, онъ проводилъ время по утрамъ, начитываясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могъ понабрать матеріаловъ, чтобъ блеснуть въ обществѣ, подъвечеръ, и въ эту послѣднюю пору, онъ выискивалъ случай —

или, если не представлялся, то онъ самъ его создавалъ — выискивалъ случай, я говорю, свернуть разговоръ на такую дорогу, которую онъ могъ расцвѣтить игривою и пестрою каймой только-что пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній. Все его знаніе было болтливаго, разговорнаго свойства. Онъ былъ очень-искусенъ въ употребленіи лести. Случалось ли ему обѣдать съ его свѣтлостью, или съ его милостью, говорившими въ Палатѣ рѣчь того дня, или наканунѣ, мистеръ Тэфтъ изучалъ тщательно эту рѣчь, а также и ту, которая сказана была въ отвѣтъ, съ двойною цѣлью: вопервыхъ, чтобъ показаться совершенно-знакомымъ съ вопросомъ, и вовторыхъ, чтобъ слегка разойдтись въ мнѣніяхъ съ его свѣтлостью, или съ его милостью, собственно только затѣмъ, чтобъ потомъ позволить имъ опровергнуть себя и переубѣдить. Или, когда разговоръ обращался на предметы, за день передъ тѣмъ поднявшіе на ноги въ Палатѣ его свѣтлость, или его милость, мистеръ Тэфтъ потихоньку вмѣшивался съ замѣчаніемъ, что такіе-то и такіе-то пункты были введены въ прежніе удивительно какъ сильно и какъ кстати кѣмъ-то изъ ораторовъ, кѣмъ именно, онъ не помнитъ; и когда его о томъ увѣдомлялъ съ живымъ поклономъ великій человѣкъ, къ которому относился его безнамѣренный комплиментъ, то онъ былъ очень, очень-изумленъ, почти раздосадованъ. Кáкъ осторожно, однакожь, ни велъ дѣла свои мистеръ Тэфтъ, онъ былъ скоро понятъ и обнаруженъ мужчинами, чтò заставило его обратиться съ десятикратнымъ рвеніемъ къ женщинамъ, у которыхъ успѣхъ его былъ гораздо-продолжительнѣе. Онѣ считали его великимъ литераторомъ, потому-что онъ могъ приводить наизустъ и критиковать множество мѣстъ изъ разныхъ поэтовъ и изъ большого числа романовъ. Онъ умѣлъ доказать, что иныя вещи, которымъ всѣ удивлялись, были полны ошибокъ; а другія, общимъ голосомъ осужденныя, были удивительны, такъ-что милыя созданія, его слушавшія, вынуждены были не довѣрять собственному сужденію, въ той степени, въ какой онѣ покорялись авторитету мистера Тэфта. Онъ не признавалъ правъ на высокое званіе ни за кѣмъ, кромѣ особъ высокаго званія, да двухъ или трехъ лицъ, недавшихъ себѣ труда отвергать его навязчивую любезность, или, можетъ-быть, находившихъ удобнѣе этого не дѣлать. Далѣе, онъ сглаживалъ стихи прекрасныхъ дамъ, поправлялъ ихъ маленькія повѣсти и обезпечивалъ имъ помѣщеніе въ модныхъ журналахъ. Поэтому-то и по причинѣ его знаменитой болтовни, ни одинъ вечеръ, простой или литературный, не могъ безъ него обойдтись также точно, какъ безъ чая, кофе, мороженаго или лимонада. Всѣ льстецы ненавидятъ другъ друга; но собратія мистера Тэфта, сверхъ-того, еще и боялись его, потому-что онъ не только самъ пользовался успѣхомъ, но, кромѣ того, умѣлъ еще пріобрѣсти всѣ нужныя средства, чтобъ угнетать своихъ соперниковъ. Мистеръ Тэфтъ долго надѣялся, что одинъ изъ его партнёровъ протолкнетъ его какимъ-нибудь образомъ въ Парламентъ, въ качествѣ представителя ма-

ленькаго уютнаго мѣстечка; но великому человѣку онъ надоѣлъ и тотъ его бросилъ, несмотря на то, что дамы его семейства продолжали все-таки доставлять мистеру Тэфту доступъ къ обѣденному столу. Онъ, впрочемъ, не обнаруживалъ особенной благодарности за подобнаго рода снисхожденія. Несмотря на свою безобразную и неуклюжую фигуру, ему казалось, что онъ имѣетъ для женщинъ личную привлекательность. Основываясь на этомъ убѣжденіи, онъ принималъ невинное и неумышленно-короткое обращеніе особъ, опиравшихся на свою чистоту и высокое положеніе въ свѣтѣ, за доказательства власти, пріобрѣтенной надъ ними, и очень-дерзко хвасталъ о томъ впослѣдствіи. До-тѣхъ-поръ, впрочемъ, пока его не начали подозрѣвать и не вывели на чистую воду, мистеръ Тэфтъ посѣщалъ много лучшихъ домовъ въ столицѣ и проводилъ бо́льшую часть каждой осени въ сельскихъ резиденціяхъ своихъ патроновъ, гордо отмѣчая на письмахъ къ друзьямъ имена тѣхъ за́мковъ, дворцовъ и аббатствъ, гдѣ онъ находился. Надо сказать, между-прочимъ, что онъ держалъ альбомъ великолѣпно-переплетенный и разукрашеный, съ серебряными вызолоченными застежками и съ надписью на корѣшкѣ переплета: *Собраніе Автографовъ*. Въ альбомѣ этомъ хранились собственноручныя записки первѣйшихъ лицъ аристократіи, адресованныя къ нему по разнымъ случаямъ. Такъ, напримѣръ:

«Герцогъ Вольворсъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе мистеру Тэфту, считая себя премного обязаннымъ»... и проч.

«Герцогиня Дейямондъ надѣется, что мистеръ Тэфтъ не забудетъ привести съ собою, сегодня вечеромъ»... и проч.

«Маркизъ М*** имѣетъ честь увѣдомить мистера Тэфта, что»... и проч.

«Дорогой мистеръ Тэфтъ! Отчего вы не были у ***, вчера вечеромъ. Намъ было очень-скучно безъ васъ. К** былъ также глупъ, какъ онъ, по вашимъ словамъ, всегда бываетъ». (Эта записка была отъ одной хорошенькой, блестящей графини и носила внизу заглавныя буквы ея имени).

«Если мистеръ Тэфтъ умеръ, то леди Дёльсимеръ проситъ увѣдомить ее, когда будутъ похороны, потому-что она, вмѣстѣ съ цѣлой толпой огорченныхъ, намѣрена отдать ему послѣднюю дань уваженія».

«Дорогой мистеръ Тэфтъ! У пуделя, котораго вы мнѣ принесли, сдѣлалась чесотка или какая-то другая, ужасная болѣзнь въ этомъ родѣ, отъ которой у него выпадаютъ всѣ волосы. Придите пожалуйста и скажите, что́ дѣлать? Куда мнѣ послать этого милаго страдальца?» Ваша: Арабелла Д***.

(Это было отъ старшей и самой милой дочери одного извѣстнаго герцога).

«Лордъ-канцлеръ свидѣтельствуетъ свое почтеніе и имѣетъ честь увѣдомить, что онъ получилъ отъ мистера Венома Тэфта любезный подарокъ его творенія: *Опытъ о величіи*».

Вотъ образчики, взятые наудачу изъ принадлежавшаго мис-

теру Тэфту собранія автографовъ, образчики, съ избыткомъ доказывающіе на какой короткой ногѣ онъ находился въ своихъ сношеніяхъ съ знатью, и Тэфтъ былъ въ восторгѣ, когда завистливые и удивленные взоры кого-нибудь изъ его собственнаго круга общества пробѣгали блестящій реестръ его тріумфовъ. Какъ онъ любилъ, чтобъ его разспрашивали о томъ, что̀ говорится и дѣлается въ большомъ свѣтѣ! Съ какою таинственностью онъ намекалъ на отчаянное положеніе какого-нибудь больнаго пера; давалъ объясненіе какой-нибудь модной шалости, или упоминалъ о предложеніи, которое должно быть сдѣлано въ Палатѣ *сегодня вечеромъ!* Бѣдный Тэфтъ не подозрѣвалъ (сидя такъ уютно въ раковинѣ своей самоувѣренности), какъ часто, при этихъ случаяхъ, онъ попадалъ въ руки Филистимлянъ и былъ, безъ вѣдома своего, выводимъ на-показъ какимъ-нибудь хладнокровнымъ, саркастическимъ Иппокритомъ, для забавы присутствующихъ, ни дать ни взять, какъ какая-нибудь маленькая обезьяна, которую тормошатъ палкою, чтобъ она встала и начала показывать свои штуки. Таковъ-то былъ мистеръ Тэфтъ, большой другъ и поклонникъ *маркиза*, вліянію котораго онъ былъ обязанъ за приглашеніе, полученное отъ Титмауза, въ силу котораго приглашенія, онъ теперь одѣвался въ очень-маленькой комнаткѣ, выходившей окошками на задній дворъ, и дѣлалъ разные планы, надѣясь сблизиться еще болѣе съ довольно-коротко ужь знакомымъ ему семействомъ графа, а также извлечь изъ характера человѣка, гостепріимствомъ котораго онъ пользовался, матеріалы для увеселенія знатныхъ своихъ друзей на слѣдующее лѣто.

Все общество, передъ обѣдо̀мъ, собралось въ гостиной, и еслибъ мы заглянули въ эту комнату, мы бы увидѣли: мистера Тэфта, въ почтительномъ разговорѣ съ леди Сесиліею; мистера Геммона, съ учтивой любезностью и съ открытымъ, непринужденнымъ видо̀мъ, занимающаго миссъ Максилейханъ, возлѣ которой онъ сталъ тотчасъ, какъ только увидѣлъ, что она сидитъ одна, всѣми оставленная; графа, разговаривающаго то съ маркизомъ, то съ Титмаузомъ, а иногда и съ мистеромъ Тэфтомъ, который, казалось, особенно ему нравился. Случайно очутился графъ наконецъ возлѣ Геммона, спокойная и благородная наружность котораго обратила его вниманіе. Графъ не зналъ о немъ ничего. Онъ не подозрѣвалъ того, что зоркій глазъ этого человѣка понялъ истинный характеръ и свойства его милости съ одного взгляда, ни того, что, черезъ нѣсколько часовъ, этотъ человѣкъ пріобрѣтетъ надъ нимъ такую же полную власть, какую когда-нибудь пріобрѣталъ надъ новымъ конемъ извѣстный *гипподамистъ* въ Виндзорѣ, вынуждавшій совершенную покорность со стороны животнаго, однимъ прикосновеніемъ руки до какой-то жилы у него во рту. Графъ и онъ случайно сказали нѣсколько словъ другъ другу. Почтительный видъ, съ которымъ Геммонъ выслушивалъ маленькія любезности великаго человѣка, былъ верхомъ

совершенства. Онъ ясно давалъ понимать, что высокія претензіи графа были извѣстны лицу, имѣвшему честь съ нимъ разговаривать, и оцѣнены глубоко. Геммонъ сказалъ немного, но это немногое какъ значительно! Онъ зналъ, что графъ сейчасъ, вслѣдъ за тѣмъ, спроситъ непремѣнно у Титмауза, кто онъ такой, и что Титмаузъ отвѣтитъ ему навѣрно, съ самоувѣреннымъ, можетъ-быть даже съ презрительнымъ видомъ (если только ему покажется, что это можетъ быть пріятно графу), отвѣтитъ, что это *не больше, какъ мистеръ Геммонъ, одинъ изъ его стряпчихъ* — что̀ поставитъ его разомъ и навсегда ниже вниманія графа. Но онъ не намѣренъ былъ до этого допустить. Онъ рѣшился предупредить такое открытіе и устроить такъ, чтобъ оно проистекло свободнымъ, непринужденнымъ и выгоднымъ образомъ отъ него самого, такъ, чтобъ Геммонъ могъ видѣть какой эффектъ оно произведетъ на графа и, основываясь на томъ, расположить свой планъ атаки. Онъ засѣлъ передъ твердынею графовой спѣси и положилъ, что несмотря на весь ея неприступный и непобѣдимый видъ, она должна пасть непремѣнно, какое бы ни потребовалось искусство и терпѣніе при осадѣ. Покуда проницательный взоръ его не встрѣтилъ графа, Геммонъ чувствовалъ маленькое безпокойство, въ родѣ того, какое, можетъ-быть, испыталъ бы Ван-Амбургъ, призванный въ присутствіе избраннаго общества, чтобъ показать образчикъ своего искусства надъ животнымъ, о родѣ и свойствахъ котораго не объявлено ему ровно ничего. Въ ожиданіи неизвѣстнаго звѣря, онъ приготовилъ бы всю свою грозную силу глазъ и напрягъ бы мускулы своего тѣла до высшей степени напряженія; но когда дверь отворилась, онъ отвернулся бы вдругъ съ улыбкой презрѣнія или даже съ негодованіемъ, отъ какого-нибудь теленка, или цыпленка, или осла. Кое-что похожее испыталъ Геммонъ, разглядѣвъ лицо и фигуру графа Дреддлингтона. Онъ скоро замѣтилъ, что смиреніе, принятое имъ въ обращеніи съ графомъ, производило свое дѣйствіе на этого величественнаго простяка. Выбравъ удобный случай, онъ полегоньку навелъ разговоръ на недавнюю перемѣну въ обладаніи Яттономъ и разсказывалъ о томъ, какъ Титмаузъ встрѣтилъ это неожиданное счастіе.

— Я помню, милордъ, продолжалъ Геммонъ съ безпечнымъ видомъ: — я помню, что я ему сдѣлалъ въ ту пору какое-то замѣчаніе въ этомъ родѣ, и онъ отвѣчалъ мнѣ: «да̀, *мистеръ Геммонъ*, вы правы»... Спокойно и хладнокровно сказаны были эти слова; но Геммонъ замѣтилъ, что графъ удалился въ свое графство. Графъ вздрогнулъ легонько; небольшая краска вспыхнула на щекахъ; манера его стала замѣтно-надменнѣе, и когда Геммонъ кончилъ, то разстояніе между ними увеличилось, какъ лордъ Дреддлингтонъ полагалъ, незамѣтнымъ образомъ на два или на три вершка. Геммонъ былъ *человѣкъ*, способный и *гордый* человѣкъ, и ему стало досадно; но .. «Погоди!» думалъ онъ, «погоди ты, пышный, старый простакъ! я отплачу тебѣ когда-нибудь за

это съ процентами». Графъ отошелъ прочь, но Геммонъ смотрѣлъ на него какъ на нарядный кораблпкъ, правда, удаляющійся отъ него на-время, но осужденный быть скоро-потопленнымъ. Мистеръ Тэфтъ (самъ сынъ почтеннаго табачнаго фабриканта), узнавъ, что Геммонъ не болѣе, какъ стряпчій Титмауза, нѣсколько времени велъ себя такъ, какъ-будто бы Геммона совсѣмъ и не было въ комнатѣ; но, будучи отъ природы человѣкъ наблюдательный и подмѣтивъ раза два тонкую саркастическую улыбку, съ которою тотъ на него смотрѣлъ, Тэфтъ скоро ощутилъ довольно-непріятное и неловкое сознаніе его присутствія. Высокій тактъ маркиза и его знаніе людей, заставили этого человѣка обходиться съ Геммономъ совершенно-иначе. Въ обращеніи его замѣтна была внимательность и даже заботливое стараніе поправиться, которое Геммонъ понялъ очень-хорошо. Онъ и маркизъ имѣли много общихъ свойствъ; но первый изъ нихъ былъ въ истинномъ смыслѣ слова «*мужъ силы*». За столомъ Геммонъ сидѣлъ возлѣ миссъ Макспленханъ и почти одинъ съ нею разговаривалъ. Онъ приглашалъ Титмауза пить вино съ видомъ замѣтно увѣреннымъ, но скромнымъ. Маркизъ приглашалъ Геммона съ видомъ изысканной вѣжливости. Вниманіе графа было почти вполнѣ занято мистеромъ Тэфтомъ, который сидѣлъ возлѣ него, болтая безъ умолку, какъ сорока, усѣвшаяся къ нему на плечо; маркизъ сидѣлъ рядомъ съ леди Сесиліею, и для забавы ея, отъ времени до времени поднималъ на смѣхъ ихъ маленькаго хозяина въ той мѣрѣ, въ какой дозволялъ ему его осторожный тактъ. Наконецъ, въ отвѣтъ на одинъ вопросъ маркиза, графъ произнесъ какое-то великолѣпное замѣчаніе, съ которымъ маркизъ, утомленный скучнымъ и однообразнымъ тономъ общаго разговора, позволилъ себѣ не согласиться. Тэфтъ въ ту же минуту взялъ сторону графа и говорилъ нѣсколько минутъ сряду удивительно-гладко и плавно. Несмотря на то, Геммонъ скоро убѣдился, что онъ берется за дѣло, въ которомъ смыслитъ очень-немного и, улучивъ минуту, однимъ словомъ, первымъ словомъ, которое онъ сказалъ этому человѣку, обличилъ явный историческій промахъ въ доводахъ мистера Тэфта, сбилъ его съ ногъ такъ же неожиданно и такъ же рѣшительно, какъ пуля изъ самострѣла сбиваетъ какую-нибудь синицу со стѣны, на верху которой она прыгаетъ безпечно, несознавая опасности. Дѣло было такъ ясно, что не допускало никакого сомнѣнія.

— Вотъ что называется *порѣшить*, Тэфтъ! сказалъ маркизъ, обращаясь къ Тэфту послѣ нѣкотораго молчанія.

Тэфтъ покраснѣлъ жестоко, проглотилъ рюмку вина и затѣмъ, вмѣстѣ съ немного-поколебавшимся графомъ, остался безмолвнымъ слушателемъ спора, завязавшагося между маркизомъ и мистеромъ Геммономъ. Сколько ни тупъ былъ графъ, но Геммонъ успѣлъ дать ему замѣтить, ка̀къ сильно и ка̀къ успѣшно поддерживалъ онъ мнѣніе его милости — предпріятіе, въ которомъ мистеръ Тэфтъ такъ смѣшно оборвался. Маркизъ былъ слегка побѣжденъ въ

спорѣ съ Геммономъ. Онъ видѣлъ его цѣль, удивлялся его такту и очень-благоразумно позволилъ ему выставить себя успѣшнымъ защитникомъ графа, желая пріобрѣсти расположеніе человѣка. Сверхъ-того, онъ довольно-радъ былъ видѣть совершенное и неожиданное пораженіе бѣднаго Тэфта, котораго онъ, несмотря на короткія отношенія, отъ всей души презиралъ. Какъ-себѣ тамъ ни забавлялись его знатные гости, но Титмаузу было далеко невесело. Несмѣя напиться до-пьяна, онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Никто изъ сидѣвшихъ вокругъ не имѣлъ привычки пить много, вслѣдствіе чего Титмаузъ ушелъ очень-рано въ свою спальную, гдѣ сталъ утѣшать себя грогомъ и сигарами, покуда гости его занимались картами, бильярдомъ, или иначе, какъ кто умѣлъ. Дѣйствительно, онъ стоялъ какъ нуль въ длинномъ итогѣ своихъ посѣтителей, и вмѣсто того, чтобъ сознавать себя хозяиномъ того дома, гдѣ лордъ Дреддлинтонъ находился въ гостяхъ, онъ чувствовалъ себя самого неболѣе, какъ гостемъ его милости, напрасно усиливаясь преодолѣть холодную церемонію и этикетъ, которые графъ носилъ вездѣ съ собою, въ родѣ какой-то атмосферы. Въ этой крайности онъ втайнѣ уцѣпился за Геммона, опираясь на его могущественную подпору и участіе полнѣйшее, нежели когда-нибудь до-сихъ-поръ. Скоро наступило время охоты. Дичи въ имѣніи было очень-много, и маркизъ съ мистеромъ Тэфтомъ находили себѣ довольно занятія впродолженіе дня; а иногда въ этой забавѣ участвовалъ и Геммонъ. Титмаузъ тоже-было разъ какъ-то отправился вмѣстѣ съ ними; но онъ едва не оторвалъ себѣ руку и не вышибъ глаза маркизу, вслѣдствіе чего они совѣтовали ему, чтобъ онъ впередъ лучше ходилъ одинъ — что̀ онъ и попробовалъ раза два; но ему скоро наскучила такая уединенная забава. Къ-тому же, зайцы, фазаны, рябчики, старые или молодые, самцы или самки — все одно, повидимому, не обращали ни малѣйшаго вниманія ни на Титмауза, ни на его ружье, какъ громко и часто, близко или далеко — онъ ни палилъ. Единственный предметъ, въ который онъ попалъ и на этотъ разъ совершенно-прямо, была одна изъ его несчастныхъ собакъ, которую онъ убилъ на мѣстѣ и потомъ, поровнявшись съ ней, ударилъ ногой ея окровавленный трупъ, примолвивъ съ гнѣвнымъ проклятіемъ: «Что̀ жь ты, бестія, не убиралась съ дороги!»

Графа дѣйствительно заботило желаніе исполнить обѣщанное и ввести Титмауза, или доставить ему средство быть принятымъ въ кругъ высшей аристократіи и богатыхъ помѣщиковъ графства; но выполнить это намѣреніе оказалось труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, потому-что первые подвиги Титмауза, по прибытіи въ Яттонъ, не были еще забыты. Нѣсколько гордыхъ виговъ, наравнѣ съ сосѣдями своими—тори, не скрывали явнаго презрѣнія къ человѣку, который такъ позорилъ имя и званіе, пріобрѣтенное въ графствѣ, такъ-что лорду Дреддлинтону пришлось выслушать не одинъ обидный отказъ, во время его стараній въ поль-

зу своего молодаго родственника. Нашлось, однакожь, нѣсколько лицъ, между которыми иные, изъ уваженія къ званію графа и нежелая его оскорбить, а другіе, по разнымъ политическимъ соображеніямъ, согласились принять новаго яттонскаго владѣльца на формальную ногу равенства, такъ-что многочисленные визиты графа остались несовсѣмъ-безполезными. По воскреснымъ днямъ все общество барскаго дома сопровождало графа въ церковь, наполняя всю скамью сквайра и другую, сосѣднюю, и своимъ приличнымъ поведеніемъ представляя назидательное зрѣлище смиренному собранію, которое видѣло разительный контрастъ между настоящими и прежними гостями Титмауза. Докторъ Тэсемъ приглашенъ былъ нѣсколько разъ къ обѣду, по желанію графа, обращавшагося съ нимъ всегда съ большою, хотя и съ церемонною учтивостью. Единственные люди въ этомъ новомъ кругу, съ которыми докторъ чувствовалъ себя на свободѣ, были: мистеръ Геммонъ и миссъ Максилейханъ. Послѣдняя вела себя съ нимъ всегда самымъ дружескимъ и почтительнымъ образомъ. Какъ проводили время обѣ дамы впродолженіе дня — я и самъ хорошенько не знаю. Въ Яттонѣ не было никакого музыкальнаго инструмента. Китайскій бильярдъ, да романы изъ публичной библіотеки въ Йоркѣ, да частыя прогулки верхомъ, или въ экипажѣ, по имѣнію и въ сосѣдствѣ, да случайные обмѣны визитовъ съ двумя или тремя семействами изъ лондонскихъ знакомыхъ леди Сесиліи, занимали ихъ по утру; а послѣ обѣда, робберъ виста съ графомъ, иногда тоже съ маркизомъ и мистеромъ Тэфтомъ (которые оба не опускали случая оказывать замѣтное вниманіе леди Сесиліи, съ цѣлію разсѣять, по-мѣрѣ-возможности, неизбѣжную скуку ея положенія), помогали имъ убивать время, довольно, впрочемъ, короткое, потому-что всѣ въ барскомъ домѣ ложились спать очень-рано. Удивительно, что двое такихъ людей, какъ маркизъ и мистеръ Тэфтъ, могли оставаться такъ долго въ такомъ скучномъ мѣстѣ и съ такими скучными людьми. Внутренно они оба величали графа несноснымъ старымъ болтуномъ; дочь его—олицетвореніемъ томной скуки, и можно было подумать, что имъ день-ото-дня тяжелѣе становится поддерживать свою вѣжливую внимательность; но читатель увидитъ, что они имѣли свои цѣли въ виду.

Къ удивленію графа, Геммонъ оставался, повидимому, постояннымъ гостемъ въ барскомъ домѣ, гдѣ онъ всегда, казалось, занятъ надзоромъ за важными дѣлами мистера Титмауза и приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Изъ этого необходимо вышло, что они съ графомъ случайно сталкивались, потому-что графъ, нестрѣляя дичи и никогда не читая книгъ, даже еслибъ онѣ и были подъ-рукой, въ часы свободные отъ тѣхъ выѣздовъ, о которыхъ было говорено, не имѣлъ почти никакого другаго занятія, какъ прохаживаться около дома и по имѣнію, заводя разговоръ со всякимъ, кого ни встрѣчалъ. Пособіе, оказанное Геммономъ графу, при первой встрѣчѣ ихъ за обѣдомъ, не было забыто его милостью

и послужило къ тому, чтобъ смягчить остроту его презрительной антипатіи и предубѣжденія. Геммонъ между-тѣмъ постоянно и упрямо держался поодаль, рѣшась дожидаться, чтобъ первые шаги къ сближенію сдѣланы были со стороны графа. Раза два, когда его милость спрашивалъ у него съ безпечностью, явно притворною, о положеніи дѣлъ мистера Титмауза, Геммонъ изъявлялъ очень-любезную готовность сообщить ему общія свѣдѣнія, впрочемъ замѣтно и старательно остерегаясь, чтобъ не высказать слишкомъ-многаго, даже передъ графомъ, знаменитымъ родственникомъ его кліента, о настоящемъ состояніи имущества. Несмотря на то, онъ открывалъ достаточно, чтобъ убѣдить графа въ своемъ усердіи, ловкости и въ своихъ отличныхъ способностяхъ къ дѣлу, и отъ времени-до-времени замѣчалъ, что старанія его производятъ на графа хорошее дѣйствіе. Особенное удовольствіе доставляла графу чрезвычайная заботливость мистера Геммона о томъ, какъ бы устроить, чтобъ мѣстечко Яттонъ во второй разъ не было вырвано изъ рукъ своего обладателя и не представило отъ себя въ Парламентъ приверженца противной партіи. Графъ увлекся въ длинный разговоръ съ мистеромъ Геммономъ о политическихъ предметахъ, и къ концу его былъ пораженъ здравымъ взглядомъ на вещи, твердостью правилъ, остроуміемъ и энергіею, которыя этотъ человѣкъ обнаружилъ, соглашаясь со всѣмъ, что ему графъ говорилъ, и укрѣпляя каждую изъ позицій, выбранныхъ послѣднимъ; причемъ онъ обнаружилъ, сверхъ-того, глубокую оцѣнку яснаго отчета, даннаго его милостью о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Графъ принужденъ былъ сознаться про-себя, что онъ никогда еще до-сихъ-поръ не встрѣчалъ человѣка съ такою силою ума, взгляды и мнѣнія котораго такъ близко, такъ совершенно сходились бы съ его собственными, были бы даже, можно сказать, почти-одинаковы. Интересно было бы послушать ихъ разговоры при этихъ случаяхъ, наблюдая, съ какимъ удивленіемъ Геммонъ внималъ урокамъ политической мудрости, истекавшимъ все чаще-и-чаще, длиннѣе-и-длиннѣе изъ устъ его милости.

И не только съ графомъ наединѣ, Геммонъ идолопоклонничалъ такимъ образомъ: онъ не стыдился дѣлать то же самое при всѣхъ, за обѣдомъ; но—у! какъ деликатно и какъ ловко скрывалъ онъ отъ зрителей свою игру, что, между-прочимъ, становилось для него день-ото-дня затруднительнѣе, потому-что, чѣмъ охотнѣе Геммонъ принималъ, тѣмъ нетерпѣливѣе графъ стремился сообщать ему свои наставленія. И если какъ-нибудь при одномъ изъ такихъ случаевъ, обремененный множествомъ и разнообразіемъ своихъ мыслей и ихъ внезапнымъ стеченіемъ, онъ останавливался вдругъ, запутавшись въ ряду полуоконченныхъ сентенцій, Геммонъ былъ подъ рукой: онъ вмѣшивался легко и непринужденно и оканчивалъ начатое изъ собственныхъ, обильныхъ матеріаловъ графа, которые онъ высмотрѣлъ мелькомъ и въ подобныхъ случаяхъ не болѣе какъ разработывалъ.

Маркизъ и мистеръ Тэфтъ начали наконецъ понемногу терять терпѣніе, замѣчая продѣлки Геммона съ графомъ. Но что̀ толку имъ вмѣшиваться? Геммонъ былъ такой человѣкъ, съ которымъ связываться было очень-неловко и трудно, потому-что, ставъ ужь разъ на твердую ногу и овладѣвъ однажды вниманіемъ графа, онъ умѣлъ употребить свою точность, находчивость, свои обширныя свѣдѣнія по политическимъ предметамъ и удивительное умѣнье владѣть собой съ такимъ успѣхомъ противъ этихъ двухъ противниковъ, что они стали наконецъ вмѣшиваться въ разговоръ рѣже и рѣже, причемъ маркизъ еще умѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, скрывать свою досаду, а мистеръ Тэфтъ не въ силахъ былъ даже и этого сдѣлать. Да и неудивительно, потому-что Геммонъ казалось находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобъ давить этого джентльмена всею силою своего превосходства. Маркизъ, впрочемъ, однажды рѣшился, во что̀ бы то ни стало, показать Геммону, ка̀къ ясно онъ замѣчаетъ планъ его операціи. Съ этою цѣлью онъ выждалъ, пока тотъ, слѣдуя въ разговорѣ за графомъ, дошелъ до высшей точки безсмыслія и тогда, устремивъ взоръ на Геммона, онъ расхохотался во все горло. Рѣдко, что̀ въ жизни могло смутить Геммона сильнѣе, чѣмъ этотъ неожиданный смѣхъ, потому-что въ эту минуту онъ увидѣлъ себя обнаруженнымъ.

Оставаясь съ графомъ наединѣ, онъ выслушивалъ съ живымъ интересомъ по нѣскольку разъ, съ начала до конца, неуставая, великолѣпные отчеты графа о томъ, что̀ тотъ намѣренъ былъ сдѣлать, еслибъ только остался въ числѣ министровъ по важному отдѣлу, ввѣренному однажды его управленію, и не разъ приводилъ его милость въ сладкій трепетъ одушевленія, намѣкая о слухахъ, которые, Геммонъ говорилъ, созрѣли: что, въ случаѣ перемѣны министровъ, ожидаемой въ скоромъ времени, графъ будетъ сдѣланъ президентомъ Совѣта.

— Сэръ, отвѣчалъ ему тогда графъ:—конечно, я не сталъ бы уклоняться отъ исполненія своей обязанности передъ королемъ, къ какой бы должности его величеству ни заблагоразсудилось призвать меня. Мѣсто, о которомъ вы говорите, сэръ, имѣетъ свои особенныя трудности, и если я сколько-нибудь знаю себя, сэръ, то къ нему-то, могу сказать, я особенно способенъ. Да̀, сэръ, обязанность предсѣдательствовать при совѣщаніяхъ могущественныхъ умовъ требуетъ большаго благоразумія и большаго личнаго достоинства, потому-что... словомъ сказать... особенно въ дѣлахъ государственныхъ... вы понимаете, мистеръ Геммонъ?..

— Если я не ошибаюсь, ваша милость желаете сказать, что тамъ, гдѣ предметы разсужденія бываютъ такой огромной важности, а начала разногласія въ такомъ обширномъ объемѣ, умѣрять и руководить враждующіе интересы и мнѣнія...

— Да̀, сэръ, это дѣйствительно такъ, tantas componere lites, hic labor, hoc opus, перебилъ графъ съ отчаяннымъ усиліемъ, припоминая отрывокъ былой учености, и черты его приняли, на

одну минуту торжественное, повелительное выраженіе, убѣдившее Геммона, какое вліяніе могъ бы имѣть этотъ человѣкъ, предсѣдательствуя за столомъ Совѣта. Геммонъ, порой, тоже вводилъ въ разговоръ предметы, относившіеся до геральдики, дѣлалъ вопросы касательно этой науки и вмѣстѣ разспрашивалъ о генеалогіи главнѣйшихъ лицъ между перами, которая, какъ онъ основательно полагалъ, была очень-коротко знакома его собесѣднику, и графъ иногда говорилъ впродолженіе цѣлаго часа, безъ умолку, объ этихъ интересныхъ предметахъ.

Однажды, скоро послѣ закуски, въ которой одинъ только Геммонъ, да графъ, да двѣ дамы принимали участіе, Геммонъ вошелъ въ гостиную, гдѣ онъ засталъ графа, сидящаго на софѣ, въ массивныхъ золотыхъ очкахъ на носу и сгорбясь надъ столомъ, читающаго первую часть творенія, которое тою порою выходило въ періодическомъ изданіи, и въ этотъ самый день прислано было въ барской домъ. Графъ спросилъ Геммона: видѣлъ ли онъ эту вещь? Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Сэръ, сказалъ графъ, вставая и снимая очки: — это очень-интересная и замѣчательная книга, доказывающая большія познанія въ одной очень-трудной и важной наукѣ, въ которой низшіе классы общества, мало того, я, къ-сожалѣнію, долженъ прибавить, огромное большинство среднихъ классовъ, отличается жалкимъ невѣдѣніемъ: я разумѣю, въ геральдикѣ и въ исторіи начала, прогресса и настоящаго положенія древнѣйшихъ родовъ этой земли.—Книга, имѣвшая счастіе заслужить такое лестное одобреніе графа, была послѣдній мѣсячный нумеръ исторіи Графства Йоркскаго, изъ которой покуда всего только 38 нумеровъ in-quatro появились въ свѣтъ. То было превосходное и назидательное твореніе, каждый нумеръ котораго содержалъ панегирикъ одному изъ главнѣйшихъ семействъ въ Йоркширѣ. Высокое покровительство Титмауза пріобрѣтено было для этого безцѣннаго изданія очень-лестнымъ письмомъ отъ ученаго издателя, но еще болѣе выдумкою его, помѣщенною въ послѣднемъ нумерѣ, которая не могла не обратить на себя вниманія и не заинтересовать чувства новаго обладателя Яттона. Противъ гравированной картинки барскаго дома изображено было дерево великолѣпное, генеалогическое дерево съ большимъ, пестрымъ гербомъ, наверху содержащимъ много отдѣловъ. То и другое должно было служить эмблемою древней славы дома *Титмауза Яттонскаго*. Мистеръ Титмаузъ, хоть онъ и отъ всей души расположенъ былъ вѣрить, что вещи эти указывали на какую-нибудь основательную причину родовой гордости, смотрѣлъ на нихъ съ такою же точно глубокоразсудительною оцѣнкою, съ какою цыпленокъ нерѣшительно ставитъ ногу и забавно прищуриваетъ глазъ на лоскутокъ бумаги, покрытый алгебраическими выкладками и фигурами. Далеко не такъ, однакожь, представлялось все это графу, въ глазахъ котораго сложный и таинственный характеръ изображенія безконечно возвышалъ его достоинства. Разговоръ объ этомъ предметѣ затронулъ въ его

груди нѣсколько глубокихъ струнъ генеалогическаго чувства, и въ отвѣтъ на заботливые разспросы Геммона, онъ началъ ему излагать подробный отчетъ о несравненной славѣ и древности своихъ предковъ. Что касается до Геммона, то, производя розыски для процеса, онъ успѣлъ познакомиться довольно-коротко съ древнею исторіею и родственными связями дома Дреддлингтоновъ, и такое знакомство его съ этимъ предметомъ, хотя оно и не удивило графа, считавшаго долгомъ всякаго порядочнаго человѣка изучать предметы такой огромной важности, возвысило, однакожь Геммона, въ его глазахъ довольно-быстро. Онъ начиналъ ужь смотрѣть на этого человѣка совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, а именно, какъ на орудіе, избранное самимъ Провидѣніемъ, чтобъ низвергнуть строптиваго Обри съ того высокаго мѣста, которое онъ сдѣлался недостоинъ занимать вслѣдствіе мятежнаго сопротивленія желаніямъ и политическимъ видамъ главы своего семейства, между-тѣмъ, какъ другая отрасль, болѣе-вѣрная своему долгу, тѣмъ же самымъ орудіемъ Провидѣнія, возвышена была изъ неизвѣстности къ обладанію утраченнаго имъ сана и богатства. Дѣйствительно, графъ началъ смотрѣть на Геммона, какъ на человѣка, справедливое уваженіе котораго къ высокому положенію его милости въ кругу англійской аристократіи, было такъ сильно, что оно заставило его даже отгадать и предупредить возможныя желанія его милости. Вслѣдствіе того, графъ старался скрѣпить такое самопроизвольное подданство, разговаривая съ самою снисходительною любезностью о длинномъ рядѣ высокихъ родственныхъ связей, которыя впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ поколѣній, мало-по-малу улучшая древнюю кровь Дредлинкуртовъ, превратили ее наконецъ въ какую-то безконечно-перегнанную и утонченную лимфу, которая текла теперь въ его собственныхъ жилахъ. Мистеръ Геммонъ наблюдалъ ходъ его чувствъ съ величайшимъ интересомъ, замѣчая постоянно-возрастающую пропорцію, въ которой уваженіе къ нему, Геммону, начинало смѣшиваться съ высокимъ самодовольствіемъ его милости.

Недовольный, однакожь, такого рода успѣхами, Геммонъ рѣшился въ другой разъ, когда онъ былъ оставленъ наединѣ съ графомъ, находившимъ, какъ онъ видѣлъ, все болѣе-и-болѣе удовольствія въ повтореніи такихъ разговоровъ, рѣшился, я говорю, попробовать счастія и прорыть колодезь въ новую мину. Онъ, вслѣдствіе того, такъ только, собственно неболѣе, какъ для пробы, завелъ рѣчь, въ видѣ случайнаго предмета разговора, о неблагоразуміи знатныхъ особъ, съ большимъ состояніемъ, возлагающихъ управленіе своими дѣлами вполнѣ на другихъ, и такимъ-образомъ подвергающихъ себя всѣмъ опаснымъ послѣдствіямъ, соединеннымъ необходимо съ употребленіемъ неспособныхъ, нерадивыхъ или продажныхъ агентовъ. Онъ продолжалъ вслѣдъ затѣмъ, что онъ знаетъ очень-недавній примѣръ одного вельможи (объ имени котораго онъ умолчалъ по очевидной при-

чинѣ), вельможи, который, встрѣтивъ надобность занять большую сумму денегъ подъ залогъ, предоставилъ всѣ распоряженія по этому дѣлу въ руки агента, какъ впослѣдствіи оказалось, бывшаго въ заговорѣ съ заимодавцами и допустившаго кліента своего платить, впродолженіе 10 или 12 лѣтъ, излишекъ процентовъ, составлявшій въ его доходѣ положительную разницу 1000 ф. въ годъ. При этомъ, сохраняя прежнее хладнокровіе, онъ выглянулъ изъ сѣверовосточнаго уголка своего глаза и замѣтилъ, что графъ слегка вздрогнулъ, посмотрѣлъ на него довольно-тревожно, но не сказалъ ни слова и немножко ускорилъ свой шагъ.

Затѣмъ Геммонъ прибавилъ, что случай поставилъ его въ дѣловыя отношенія съ этимъ вельможей (о, Геммонъ! Геммонъ!) и что онъ окончательно успѣлъ спасти его отъ ежегоднаго грабительства, имъ терпимаго. Этого было довольно: онъ увидѣлъ, что сказанное погрузилось, какъ свинецъ, въ душу его собесѣдника, который все остальное время дня былъ замѣтно опечаленъ тѣмъ, что̀ онъ слышалъ, или какою-нибудь другою причиною безпокойства. По задумчивому, тревожному взгляду, который графъ устремлялъ на него нѣсколько разъ за обѣдомъ, онъ чувствовалъ, что скоро услышитъ отъ него что-нибудь въ связи съ предметомъ, о которомъ шло дѣло — и онъ не ошибся. На другой же день, поутру, они встрѣтились снова въ паркѣ, и послѣ двухъ или трехъ случайныхъ замѣчаній, графъ сказалъ, что, между-прочимъ, въ-отношеніи къ ихъ вчерашнему разговору, *случилось такъ* (очень-страннымъ образомъ), что графъ имѣлъ друга, который находился въ положеніи, очень-похожемъ на то, о которомъ разсказывалъ мистеръ Геммонъ.

То былъ очень-близкій другъ, и графъ желалъ бы знать мнѣніе мистера Геммона о его дѣлѣ. Геммонъ съ трудомъ могъ удержаться отъ улыбки, слушая, какъ тотъ продолжалъ говорить, съ каждой минутой обнаруживая все болѣе-и-болѣе живое участіе насчетъ своего таинственнаго *друга*, до-тѣхъ-поръ, пока не оказалось внезапно, что этотъ *другъ* былъ не кто иной, какъ самъ графъ, который, въ отвѣтъ на одинъ вопросъ мистера Геммона, нечаянно изволилъ отвѣтить *въ первомъ лицѣ*. Замѣтивъ свой промахъ, онъ жестоко смѣшался; но Геммонъ пропустилъ это очень-легко, и своимъ серьёзнымъ, скромнымъ тономъ обращенія скоро успокоилъ графа, помиривъ его съ досаднымъ признаніемъ, сдѣланнымъ такъ нечаянно, *досаднымъ*, впрочемъ, только потому, что графъ счелъ нужнымъ, безъ всякой надобности, дѣлать секретъ изъ очень-обыкновенныхъ вещей. Онъ довольно-повелительно просилъ мистера Геммона сохранять въ тайнѣ то, что̀ онъ слышалъ, и получивъ на этотъ счетъ очень-охотно данное слово, вступилъ съ нимъ въ длинное и откровенное разсужденіе объ этомъ предметѣ. Въ-заключеніе, Геммонъ взялся, безъ малѣйшаго затрудненія, устроить переводъ долга, въ ту пору существовавшаго на имѣніи графа, и такимъ-образомъ уменьшить ежегодно платимую имъ сумму по-крайней-мѣрѣ на полтора про-

цента, что̀ должно было составить въ его пользу разницы, примѣрнымъ счетомъ, до 500 ф. въ годъ. Но онъ прибавилъ ясно и прямо, что графъ отнюдь не долженъ считать себя обманутымъ въ первоначальной сдѣлкѣ, или думать, что интересы его въ ту пору были пренебрежены; что дѣло это ведено было стряпчимъ его, мистеромъ Мёджемъ, однимъ изъ самыхъ-почтенныхъ людей въ профессіи, и что нѣсколько лѣтъ времени обыкновенно составляютъ всю разницу въ предметахъ этого рода. Кромѣ-того, онъ объявилъ, что прежде, чѣмъ онъ, Геммонъ, станетъ вмѣшиваться далѣе въ это дѣло, онъ проситъ его милость написать къ мистеру Мёджу, приложивъ къ письму проектъ сдѣлки, предложенной мистеромъ Геммономъ, и просить его сказать свое мнѣніе. Графъ сдѣлалъ все, что ему было сказано, и черезъ нѣсколько дней получилъ отвѣтъ. Мистеръ Мёджъ былъ очень-радъ, что предстоитъ возможность такой выгодной сдѣлки, не находилъ ни малѣйшаго препятствія къ выполненію ея и изъявлялъ готовность съ своей стороны содѣйствовать мистеру Геммону всячески и во всякое время, какое только его милости угодно будетъ назначить. Такимъ-образомъ, мистеръ Геммонъ оказывалъ графу существенную и очень-важную услугу. Что же касается до мистера Мёджа, то нетрудно понять, какимъ образомъ вышло съ его стороны такое опущеніе. Онъ былъ человѣкъ ужь очень-старый, сталъ богатъ и лѣнивъ и занимался дѣлами не съ прежнею своею энергіею, а дремалъ, переваливая ихъ, такъ-сказать, со-дня-на-день. Кромѣ-того, вслѣдствіе своей устарѣлой методы и постоянно-уменьшавшагося круга связей, онъ не могъ воспользоваться всѣми рессурсами, открытыми для людей молодыхъ и дѣятельныхъ. Такимъ-образомъ, хотя капиталы въ послѣднее время умножились и, слѣдовательно, ихъ можно было получить за меньшіе проценты, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ, когда графъ принужденъ былъ занять большую сумму денегъ подъ залогъ, старый мистеръ Мёджъ оставлялъ дѣло въ прежнемъ положеніи, въ которомъ оно и продолжало бы находиться, еслибъ не случайное вмѣшательство Геммона; потому-что графъ самъ не былъ дѣловымъ человѣкомъ, терпѣть не могъ говорить съ кѣмъ-нибудь о томъ, что его имѣніе заложено, не любилъ даже думать о томъ и полагался вполнѣ на стараго мистера Мёджа, надѣясь, что онъ наблюдаетъ довольно-зорко за интересами своего знатнаго кліента. Графъ отдалъ письмо своего стряпчаго мистеру Геммону и просилъ его, нетеряя времени, вступить въ сношенія съ мистеромъ Мёджемъ, для приведенія въ дѣйствіе предположеннаго трансферта. Геммонъ взялся за это дѣло, и замѣтивъ, что онъ успѣлъ стать на твердую ногу въ добромъ мнѣніи графа, котораго въ настоящее время привязывали къ нему еще и собственныя выгоды, разсудилъ, что онъ можетъ теперь безопасно покинуть Яттонъ и возвратиться въ Лондонъ, чтобъ заняться разными предметами, нетерпящими отлагательства.

Передъ отъѣздомъ, впрочемъ, онъ имѣлъ длинный разговоръ

съ Титмаузомъ, въ-теченіе котораго сообщилъ своему, теперь ужь совершенно-покорному кліенту, нѣсколько простыхъ, легко-понятныхъ и опредѣлительныхъ наставленій насчетъ того, какой дороги онъ долженъ былъ держаться въ своихъ поступкахъ, дороги, которая одна могла провести къ осуществленію его постоянныхъ выгодъ, и отъ которой Геммонъ запретилъ ему уклоняться, подъ опасеніемъ самыхъ непріятныхъ послѣдствій. Графъ Дреддлинтонъ, которому дѣйствительно жаль было разстаться съ человѣкомъ такого ума и такого очаровательно-почтительнаго обращенія, прощаясь съ мистеромъ Геммономъ, обнаружилъ самую крайнюю степень любезности, какая только могла быть совмѣстна съ чувствомъ собственнаго достоинства.

Чѣмъ долѣе графъ продолжалъ жить въ Яттонѣ, въ которомъ онъ поселился и устроился точно такъ же покойно и ловко, какъ еслибъ онъ нанялъ домъ, обыкновеннымъ путемъ, на всю осень, тѣмъ болѣе онъ былъ пораженъ красотами Яттона; и чѣмъ чаще представлялись онѣ его уму, тѣмъ живѣе становилось его сожалѣніе насчетъ разрыва семейныхъ интересовъ, существовавшаго такъ долго, тѣмъ сильнѣе остановилось желаніе воспользоваться удобнымъ случаемъ, который, какъ онъ думалъ, само Провидѣніе нарочно ниспосылало, чтобъ соединить ихъ. Во время уединенныхъ прогулокъ онъ думалъ съ глубокой заботой о своихъ преклонныхъ годахъ и замѣтно-увеличивающейся слабости. Положеніе его дѣлъ было неудовлетворительно. Далѣе, онъ оставлялъ послѣ себя единственную дочь, на которую одну упадетъ современемъ великолѣпная отвѣтственность поддерживать славу его древняго рода. Тогда приходилъ ему на умъ новооткрытый родственникъ, мистеръ Титмаузъ, единственный и прямой обладатель этой прекрасной родовой собственности, человѣкъ простодушный и довѣрчивый, съ чувствами искренняго уваженія къ нимъ, главамъ своего семейства, притомъ, несомнѣнный и неоспоримый патронъ мѣстечка Яттона, питавшій и громко-признававшій одинакія съ нимъ политическія убѣжденія, человѣкъ, который рѣдкимъ соединеніемъ личныхъ достоинствъ съ случаемъ, вознесенъ былъ на высшую точку популярности, въ высшей сферѣ общества, и который, сверхъ-того, оставался ближайшимъ наслѣдникомъ (послѣ него и послѣ леди Сесиліи) древняго баронства Дреддлинкуртъ и владѣній, съ нимъ соединенныхъ. И какъ мало, если по правдѣ сказать, можно было противопоставить этому всему. Странность обращенія, за которую, если и можно было винить, то одну только природу. Далѣе, склонность къ щегольству, маленькій недостатокъ знанія приличій свѣтскаго этикета, быстро-пополняемый ежедневнымъ опытомъ и навыкомъ въ обращеніи съ людьми, а наконецъ, небольшое пристрастіе къ удовольствіямъ обѣденнаго стола, которое, безъ-сомнѣнія, исчезнетъ съ той минуты, когда онъ будетъ имѣть предметъ постоянной и облагороживающей привязанности. Таковъ былъ Титмаузъ. Онъ до-сихъ-поръ, конечно, не дѣлалъ никакихъ попытокъ сблизиться съ ле-

ди Сесиліею, не обнаруживалъ даже къ тому никакого расположенія, несмотря на всѣ многочисленные и благопріятные случаи, постоянно къ тому представлявшіеся. Но развѣ нельзя было этого приписать вполнѣ крайней неувѣренности его въ самомъ-себѣ и въ сбыточности претензій своихъ на руку такой высокой особы, какъ леди Сесилія? Но, конечно, можно было другимъ образомъ объяснить себѣ его поведеніе. Не успѣлъ ли онъ ужэ запутаться въ какую-нибудь постороннюю привязанность? Въ столичномъ обществѣ за нимъ гонялись такимъ неслыханнымъ образомъ въ самый первый его сезонъ. Можетъ-быть, его сердце было уже уловлено? Всякій разъ, какъ графъ останавливался на такой печальной возможности, если это случалось въ ту пору, когда онъ лежалъ проснувшись въ постели, съ нимъ дѣлался припадокъ невыносимаго безпокойства и безсонницы. Онъ вставалъ и, набросивъ халатъ, ходилъ по комнатѣ иногда цѣлый часъ, припоминая себѣ имена всѣхъ женщинъ, которыя, по его понятію, могли бы разставить сѣти Титмаузу, чтобъ пріобрѣсти его для своихъ дочерей. Потомъ, дѣло зависѣло, конечно, и отъ самой леди Сесиліи; но онъ зналъ, что она не пошла бы, наперекоръ его желаніямъ, и потому, на этотъ счетъ, онъ не опасался никакого затрудненія. Она всегда спокойно покорялась его волѣ, имѣла такое же высокое чувство родоваго достоинства, какъ и онъ самъ, и нерѣдко участвовала съ нимъ въ его глубокомъ сожалѣніи о раздѣлѣ семейныхъ интересовъ. Она была все-еще не замужемъ, а между-тѣмъ, по смерти отца, она получала титулъ пера, по собственному праву и всю фамильную собственность. Причудливость, думалъ графъ, одна мѣшала ей до-сихъ-поръ сыскать себѣ партію; но онъ былъ увѣренъ, что она не дозволитъ этой причинѣ служить препятствіемъ на пути къ такой отличной семейной сдѣлкѣ, какая произошла бы отъ ея союза съ Титмаузомъ. А тамъ, думалъ онъ, когда союзъ ужь будетъ заключенъ и онъ успѣетъ обезпечить ей отъ Титмауза приличную запись, если и окажется какая-нибудь несообразность характеровъ, или недостатокъ симпатіи, то въ самомъ худшемъ случаѣ все-таки они могутъ отдѣлиться и разъѣхаться, не прибѣгая къ формальному разводу, средство, которое, думалъ графъ, съ каждымъ днемъ теперь входитъ болѣе-и-болѣе въ употребленіе, не навлекаетъ ни на одну изъ сторонъ никакого укора и оставляетъ всегда во власти ихъ сойдтись опять, если вздумается. А что касается до одежды и до обращенія Титмауза, то, допуская, что они были немного-странны, можно было надѣяться, что одного слова ея будетъ довольно, чтобъ возвысить его, въ этомъ отношеніи, до степени джентльмена. Такъ думалъ ея нѣжный и разсудительный отецъ; такъ думала тоже и она, изъ чего, очевидно, слѣдуетъ, что еслибъ только Титмаузъ былъ однажды направленъ на истинный путь, еслибъ ему дано было почувствовать гдѣ его долгъ сходится съ его интересомъ — все остальное было бы дѣло простое и легкое. Осуще-

ствить такое желательное положеніе вещей , дать молодымъ людямъ случай вполнѣ узнать другъ друга и привязаться другъ къ другу—было одною изъ нѣсколькихъ цѣлей, которыя графъ имѣлъ въ виду, принимая приглашеніе въ Яттонъ. Но время уходило, а между-тѣмъ еще никакого рѣшительнаго шага не было сдѣлано. Конечно, ледяная холодность леди Сесиліи , окаменяющая равнодушіе ея обращенія, ея флегматическій темпераментъ и надменная спѣсь были качества , способныя скорѣе оттолкнуть, чѣмъ ободрить попытки человѣка, расположеннаго искать ея руки, въ-особенности, такого человѣка, какъ Титмаузъ ; несмотря на то, однакожь, безъ вѣдома графа, были люди, горѣвшіе нетерпѣніемъ завладѣть такими высокими прелестями, люди, которыхъ не могли отбить отъ нея такія пустяки. Не знаю, повѣрите ли вы, но мистеръ Веномъ Тэфтъ, искавшій давно ужь для себя аристократической супруги , счелъ возможнымъ овладѣть сердцемъ леди Сесиліи, очаровать ея умъ выставкою своихъ блестящихъ талантовъ и, пользуясь относительнымъ уединеніемъ Яттова, выискать удобный случай къ достиженію своей цѣли. Дѣло довольно-невѣроятное, а между-тѣмъ это было дѣйствительно такъ. Ослѣпленный самолюбіемъ , которое заставляло его думать , что онъ особенно-пріятенъ женщинамъ, Тэфтъ, наконецъ, имѣлъ невообразимое дурачество и самонадѣянность открыться въ любви. На другой день, послѣ одного вечера, въ который онъ выказалъ себя, какъ онъ полагалъ , необыкновенно-блестящимъ образомъ, онъ объявилъ леди Сесиліи, что его сердце ужь болѣе не принадлежитъ ему и что оно взято въ плѣнъ ея неотразимыми прелестями. Надежда его была напрасна: онъ такъ же мало могъ ожидать успѣха, какъ воробей, который захотѣлъ бы сдружиться съ величавымъ лебедемъ. Леди Сесилія нѣсколько минутъ съ трудомъ могла понять, что онъ нешутя дѣлаетъ ей предложеніе. Наконецъ, однакожь, онъ успѣлъ убѣдить ее въ томъ, и тогда ея прищуренные взоры , ея томно-спѣсивые жесты выразили все удивленіе, какое только они могли изобразить. Увидѣвъ свою неудачу, бѣдный Тэфтъ вспыхнулъ весь огнемъ.

— Не приняли ли вы меня , по ошибкѣ , за миссъ Макспелйханъ? сказала она съ едва-замѣтною улыбкой:—вы съ мистеромъ Титмаузомъ и съ маркизомъ , говорятъ, вчера послѣ обѣда сидѣли долѣе обыкновеннаго.

Тэфтъ былъ совершенно уничтоженъ. Не-уже-ли ея милость намекала, что онъ говоритъ не въ трезвомъ видѣ? Слова замирали у него на языкѣ.

— Я увѣряю васъ, леди Сесилія... пробормоталъ онъ.

— О, теперь я понимаю : вы , вѣроятно, репетируете для домашняго театра леди Тодри. Что вы играете тамъ , въ будущемъ мѣсяцѣ? Ну, я вамъ должна сказать , что изъ васъ выйдетъ прекрасный Ромео.

Въ эту минуту вошелъ графъ и леди Сесилія, съ томной улыбкой увѣдомила его, что мистеръ Тэфтъ сейчасъ декламировалъ удивительно какъ хорошо любовную сцену, которую онъ училъ

наизустъ для домашняго театра Леди Тодри; на что графъ отвѣчалъ съ добродушною улыбкой, что онъ желалъ бы посмотрѣть и послушать, еслибъ это не слишкомъ обезпокоило мистера Тэфта. Еслибъ этотъ джентльменъ могъ залѣзть въ каминную трубу непримѣтнымъ образомъ, онъ навѣрное въ первую минуту отдыха и безопасности сталъ бы молить Бога, чтобъ леди Сесилія повѣрила, что онъ дѣйствительно игралъ сцену. Онъ рѣшился дождаться ухода графа, который дѣйствительно ушелъ черезъ нѣсколько минутъ; и когда ея милость съ отверженнымъ любовникомъ остались снова одни :

— Еслибъ я былъ виноватъ передъ вами въ дерзости, леди Сесилія... началъ онъ съ трепетнымъ напряженіемъ и съ очень-жалкимъ видомъ.

— Нисколько, мистеръ Тэфтъ, отвѣчала она, спокойно улыбаясь:—или, даже, если вы и были, я вамъ прощаю все съ однимъ условіемъ...

— Вамъ стоитъ только назвать...

— Съ условіемъ, что вы повторите все сказанное передъ миссъ Мэксплейханъ... или, нельзя ли будетъ устроить нѣжную сцену съ моей горничной Анетъ—прехорошенькая дѣвушка и ея ломаный выговоръ...

— Миледи, вы ужь слишкомъ со мною строги; но я чувствую, что я это вполнѣ заслужилъ. Все-таки, зная ваше доброе сердце, я осмѣливаюсь просить васъ объ одной милости, въ которой если вы мнѣ откажете, то черезъ часъ я долженъ буду оставить Яттонъ. Я умоляю васъ, миледи, изъ состраданія къ моимъ чувствамъ, не говорите объ этой сценѣ никому.

— Если вы этого желаете, мистеръ Тэфтъ, то я сохраню вашу тайну, отвѣчала она, ласковѣе и серьёзнѣе, чѣмъ когда-нибудь до-сихъ-поръ.

Оставленный, наконецъ, одинъ, онъ съ трудомъ могъ дать себѣ отчетъ: кого онъ ненавидѣлъ болѣе : себя или леди Сесилію. Нѣсколько дней спустя, маркизъ Гант-Жонъ де-Мильфлёръ, собираясь покинуть Яттонъ, искалъ удобнаго случая повергнуть себя, блестящаго, неотразимаго маркиза, къ ногамъ всепобѣждающей леди Сесиліи, будущей леди Дредлинкуртъ, съ титуломъ пера по собственному праву и наслѣдницѣ родовыхъ имѣній. Онъ ужь дѣлалъ разъ шесть то же самое съ разными женщинами, изъ которыхъ всѣ были съ богатымъ состояніемъ, а многія, притомъ, и знатнаго рода. Манера его была чрезвычайно-деликатна и привлекательна; но леди Сесилія, слегка покраснѣвъ (потому-что она дѣйствительно была довольна), спокойно отказала ему. Онъ увидѣлъ, что не было ни малѣйшей надежды и нѣсколько минутъ чувствовалъ себя въ невыразимо-глупомъ положеніи ; но скоро оправясь, принялъ видъ тонкой шутливости и привелъ ее въ такое хорошее расположеніе духа, что, забывъ на минуту обѣщаніе, данное бѣдному Тэфту, она, подъ строжайшимъ секретомъ, разсказала маркизу о предложеніи, которое мистеръ Тэфтъ успѣлъ сдѣлать ей прежде его ! Лицо маркиза вспыхнуло и зардѣлось и,

непонимая самъ того, что происходило въ душѣ его, онъ испыталъ невыносимое чувство: ему показалось, будто онъ и Тэфтъ были два низкіе интриганта и, что еще хуже, смѣшные и обнаруженные интриганта. Почти первый разъ въ своей жизни, онъ пришелъ въ замѣшательство отъ минутнаго стеченія мыслей и чувствъ, которое оковало ему языкъ. Наконецъ :

— Я полагаю, леди Сесилія, сказалъ онъ тихимъ тономъ , съ огорченнымъ видомъ и съ такимъ взглядомъ, который сдѣлалъ болѣе въ его пользу, передъ леди Сесиліей, чѣмъ тысяча самыхъ лестныхъ фразъ : — что и я такимъ же образомъ буду предметомъ забавы для вашей милости наравнѣ съ мистеромъ Тэфтомъ.

— Сэръ, отвѣчала она гордо и покраснѣла : — мистеръ Тэфтъ и маркизъ Гант-Жонъ де-Мильфлёръ — двѣ совершенно-разныя особы. Я удивляюсь , monsieur le marquis, какъ вы могли мнѣ сдѣлать такое замѣчаніе.

Этими словами онъ былъ очень утѣшенъ и не боялся болѣе, что она его обнаружитъ передъ Тэфтомъ такимъ же образомъ, какъ Тэфтъ былъ обнаруженъ передъ нимъ. Несмотря на то, онъ ошибся. Не знаю, проститъ ли читатель леди Сесиліи ея двойное нарушеніе даннаго слова , но, дня два спустя, случайно встрѣтясь наединѣ съ Тэфтомъ, отчасти изъ состраданія къ своему отвергнутому и горько-обиженному обожателю , частью изъ женскаго тщеславія, а частью по какому-то проблеску равномѣрнаго правосудія, вынуждавшему ее сдѣлать какое-нибудь вознагражденіе Тэфту за то , что онъ былъ обнаруженъ передъ маркизомъ, она, подъ строжайшимъ секретомъ, открыла первому, что его примѣру послѣдовалъ и маркизъ; но при этомъ, она опустила изъ вида отличное правило, «не начинай ничего, не подумавъ сперва о послѣдствіяхъ». Ея милости не пришло въ голову одно очень-естественное послѣдствіе нарушенія обѣщаннаго, а именно, что Тэфтъ спроситъ ее непремѣнно: сохранила ли она *его* тайну? Онъ такъ и сдѣлалъ. Она покраснѣла до ушей, и хотя , такъ же какъ ея папа, она могла бы отвѣчать *двусмысленностью*, нечувствуя себя въ силахъ *солгать* , но тутъ она была въ такой дилеммѣ, изъ которой ничто, кромѣ прямой лжи, не могло ее выпутать; а потому, увѣреннымъ тономъ, но съ пылающимъ лицомъ, она просто сказала ложь и при этомъ съ досадой прочла въ глазахъ мистера Тэфта, что онъ ей не вѣритъ. Что можетъ превзойдти комическое замѣшательство маркиза и мистера Тэфта, когда , послѣв сего случившагося , имъ приходилось оставаться вдвоемъ! Какъ страшно было каждому изъ нихъ думать, что другой, можетъ-быть, знаетъ столько же, сколько и онъ , а междутѣмъ, какъ въ этомъ увѣриться? Но возвращаемся къ графу Дредллинтону (дѣйствительно незнавшему ничего о предложеніяхъ Маркиза и мистера Тэфта): задача, которая теперь мучила его милость, состояла въ томъ , какъ бы, некомпрометируя собственнаго достоинства и невредя любимой надеждѣ преждевременнымъ обнаруженіемъ своихъ видовъ, развѣдать мысли Титмауза насчетъ желаемаго союза? Какъ пробить лёдъ? Какъ начать раз-

говоръ объ этомъ вопросѣ? Эту великую задачу графъ вертѣлъ и перевертывалъ въ своемъ умѣ довольно-долго. Теперь, замѣтьте: когда безтолковому человѣку прійдется, наконецъ, дѣйствовать, то какъ бы за долго онъ ни предвидѣлъ эту необходимость, какъ бы твердо онъ ни увѣренъ былъ въ предстоящей надобности выбрать тотъ или другой образъ дѣйствія и, слѣдовательно, какой долгій срокъ онъ не имѣлъ бы для соображенія, онъ остается въ смущеніи и нерѣшимости до самой послѣдней минуты, и тогда дѣйствуетъ наконецъ чисто, какъ орудіе каприза и случая. Такъ было и съ графомъ Дреддлинтономъ. Онъ думалъ о пяти или шести разныхъ манерахъ начать дѣло съ Титмаузомъ и рѣшался поочереди на каждую изъ нихъ; но когда ожиданная минута пришла, онъ потерялъ ихъ всѣ изъ вида, среди внутренняго смущенія и тревоги.

Былъ полдень и Титмаузъ, покуривая сигару, ходилъ медленно взадъ и впередъ съ засунутыми въ карманы руками и упертыми въ бока, по еловой алеѣ въ концѣ сада, единственному мѣсту, гдѣ онъ могъ наслаждаться этимъ роскошнымъ удовольствіемъ впродолженіе жительства своихъ великихъ гостей. Увидѣвъ, что Титмаузъ замѣтилъ его и бросилъ въ сторону свою сигару, графъ просилъ его продолжать куритъ, а самъ старался успокоиться и придать себѣ твердости, размышляя о своемъ безконечномъ превосходствѣ надъ Титмаузомъ во всѣхъ отношеніяхъ; но все это было напрасно.

А между-тѣмъ, отъ какого безпокойства и замѣшательства былъ бы избавленъ графъ, еслибъ онъ могъ знать объ одномъ маленькомъ фактѣ, о томъ именно, что мистеръ Геммонъ, безъ вѣдома его милости, былъ могущественнымъ союзникомъ его въ дѣлѣ достиженія той великой цѣли, которая лежала такъ близко къ сердцу графа! Дà, это было дѣйствительно такъ. Геммонъ употребилъ въ дѣло все свое искусство, воспользовался всѣмъ своимъ таинственнымъ вліяніемъ на Титмауза, чтобъ убѣдить его сдѣлать, во всякомъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ хоть попытку передъ своею знатною родственницей. Понимая, однакожь, какъ необходимо было раздѣлаться съ старою любовью, прежде-чѣмъ заводить новую, онъ началъ съ того, что объяснилъ Титмаузу, кàкъ напрасна и безнадежна и даже недостойна его была страсть къ бѣдной миссъ Обри. Здѣсь, впрочемъ, Геммонъ не встрѣтилъ такого большаго затрудненія, какъ онъ ожидалъ, потому-что образъ миссъ Обри, давнымъ-давно былъ вытолканъ изъ воспоминанія Титмауза безчисленными, блестящими и свѣтскими женщинами, въ кругу которыхъ онъ проводилъ послѣднее лѣто. Поэтому, когда мистеръ Геммонъ увѣдомилъ его, что миссъ Обри захворала чахоткой и что, сверхъ-того, когда онъ (Геммонъ), во исполненіе обѣщанія, даннаго имъ Титмаузу, выбравъ удобный случай, ходатайствовалъ за него, то она презрительно отвергла даже малѣйшую мысль о союзѣ (все это, разумѣется, было вымышлено)...

— Какъ, чортъ возьми! не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ? воскликнулъ

Титмаузъ съ видомъ гнѣвнаго удивленія.—Дѣвчонка очень-хорошая, конечно, продолжалъ онъ, стряхивая пепелъ своей сигары съ равнодушнымъ видомъ:—да только это ужь черезчуръ крѣпкая шутка съ ея стороны, клянусь Богомъ, черезчуръ! Но, какъ вы думаете, Геммонъ, не-уже-ли она воображала серьёзно, что я дѣйствительно полагаю жениться на ней? Хмъ!...

Тутъ онъ подмигнулъ глазкомъ Геммону и потомъ медленно выпустилъ изо рта дымъ. Геммонъ поблѣднѣлъ отъ борьбы, возбужденной въ немъ послѣдними словами гнуснаго маленькаго басурмана. Онъ совладалъ, однакожь, съ собой и успѣлъ сохранить молчаніе.

— Ну, продолжалъ Титмаузъ: — пустивъ еще раза два дымъ изо рта, съ видомъ соболѣзнованія:—если бѣдной дѣвчонкѣ суждено умереть... ну, что жь дѣлать, бѣда еще небольшая. Чертовски-бѣдны они всѣ, говорятъ. Это обидно, между-прочимъ, Геммонъ, что самыя хорошенькія дѣвчонки пропадаютъ, какъ на зло, раньше всѣхъ.

Только-что Геммонъ успѣлъ побѣдить себя совершенно, онъ началъ подстрекать тщеславіе и честолюбіе Титмауза, изображая ему блескъ родственнаго союза съ послѣднею представительницею такого древняго и славнаго дома.

— И дѣйствительно, какъ подумаешь, говорилъ онъ: — нельзя не согласиться, что это было слишкомъ-огромное предпріятіе и что она, по всей вѣроятности, не захочетъ и думать объ этомъ, потому-что она отказала множеству молодыхъ лордовъ! Будетъ имѣть званіе пера по собственному праву, съ независимымъ доходомъ 5000 фунтовъ въ годъ, съ резиденціями, дворцами и за̀мками, во всѣхъ четырехъ концахъ Англіи!

Такія рѣчи раздражали Титмауза и раздували тщеславіе его такъ сильно, какъ только могъ желать мистеръ Геммонъ, который, сверхъ-того, при послѣднемъ свиданіи съ кліентомъ своимъ, передъ отъѣздомъ изъ Яттона, какъ мы ужь говорили, очень-торжественно объявилъ ему, что отъ успѣха его въ дѣлѣ союза съ леди Сесиліею зависѣло рѣшительно сохраненіе всего имѣнія яттонскаго въ его рукахъ. Такимъ-то образомъ произошло, что Титмаузъ желалъ жениться на леди Сесиліи гораздо-сильнѣе даже, чѣмъ графъ желалъ устроить такое благополучное происшествіе. Въ самую ту минуту, когда онъ увидѣлъ графа, прохаживавшагося взадъ и впередъ по еловой алеѣ, и вдыхалъ успокоительное вліяніе своей сигары, его мучили опасенія, что такой призъ былъ слишкомъ-великолѣпенъ для него и онъ задавалъ себѣ поминутно безпрестанно-возвращающійся въ голову вопросъ: ка̀къ бы ему, чортъ возьми! пустить это дѣло въ ходъ? Встрѣча графа съ Титмаузомъ— двухъ человѣкъ, подстрекаемыхъ одинакими желаніями и удерживаемыхъ одинакими опасеніями, похожа была на встрѣчу хитрыхъ дипломатовъ, сходящихся съ намѣреніемъ перехитрить другъ друга въ достиженіи цѣлей, безъ вѣдома ихъ, совершенно-согласныхъ.

— Скажите, мистеръ Титмаузъ, началъ графъ ласково, высту-

пая съ граціозной рѣшительностью изъ тумана замѣшательства и путаницы, который царствовалъ у него въ головѣ: — *о чемъ это вы думаете?* потому-что вы, *кажется*, о чемъ-то думаете, и небольшой, вѣжливый смѣхъ сопровождалъ послѣднія слова.

— Клянусь Богомъ!.. я... извините графъ, но я не могу понять какимъ образомъ вы объ этомъ узнали, пробормоталъ Титмаузъ и вдругъ покраснѣлъ какъ ракъ.

— Сэръ, отвѣчалъ графъ, такъ удачно, какъ ему еще ни разу въ жизни не случалось: — нисколько не странно, если выходитъ такъ, что, по всей вѣроятности, мы, можетъ-быть (замѣтьте, сэръ, я говорю: можетъ-быть,) думаемъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Титмаузъ продолжалъ краснѣть сильнѣе и сильнѣе, уставивъ глаза безмолвно и съ какою-то странною полуубкою на своего знатнаго собесѣдника, который, заложивъ руки за спину, шелъ съ нимъ рядомъ.

— Сэръ, продолжалъ графъ вполголоса: — я вполнѣ цѣню то деликатное затрудненіе, въ которомъ я замѣчаю, вы находитесь въ эту минуту...

— Милордъ, вы очень-любезны, произнесъ Титмаузъ, вдругъ снимая свою шляпу и кланяясь очень-низко. Графъ тоже дотронулся до шляпы съ гордымъ, но очень-довольнымъ видомъ — и снова наступилъ короткій промежутокъ молчанія, на этотъ разъ прерванный Титмаузомъ.

— Стало-быть, ваша милость изволите полагать, что это возможно? спросилъ онъ очень-робко, но съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Сэръ, я имѣю честь увѣрить васъ, что на сколько это отъ меня зависитъ, я не вижу никакого препятствія...

— Да̀; но извините меня, милордъ, вотъ изволите видѣть, ваша милость... я хочу сказать... изволите видѣть...

— Сэръ, я полагаю, мало того, я увѣренъ, что я *понимаю* вашу мысль, перебилъ графъ, желая облегчить явное замѣшательство своего собесѣдника: — но я не вижу ничего такого, что̀ бъ должно было васъ безпокоить... (Какъ интересно было слѣдить за таинственнымъ процесомъ, посредствомъ котораго эти два могущественные разсудка постепенно приближались къ уразумѣнію другъ друга! То было какое-то уравненіе съ неизвѣстною величиною, отъискиваемою посредствомъ выключенія извѣстныхъ).

— Въ-самомъ-дѣлѣ, милордъ? воскликнулъ Титмаузъ довольно-живо.

— Сэръ, вы знаете поговорку одного изъ великихъ... я хочу сказать что это... но вы вѣрно сами знаете... однимъ словомъ: *ничѣмъ не рискуя, ничего не получишь.*

— Я бы готовъ рисковать чѣмъ-угодно, милордъ, еслибъ я только думалъ, что могу получить то, что̀ желаю.

— Сэръ... воскликнулъ графъ снисходительно.

— Еслибъ ваша милость были только такъ необыкновенно-добры и любезны, согласились бы намекнуть о томъ ея милости, въ родѣ того, то-есть, такъ-сказать, милордъ, пробили бы ледъ для меня и проч...

— Сэръ, я могу увѣрить васъ, что леди Сесилія, молодая дѣвица съ такимъ высоко-деликатнымъ чувствомъ...

— Такъ, стало-быть, ваша милость въ-самомъ-дѣлѣ изволите думать, что я имѣю какую-нибудь возможность? перебилъ Титмаузъ съ робкимъ любопытствомъ. — Она, вѣроятно, говорила объ этомъ вашей милости?

Такое странное понятіе о деликатности молодой дѣвицы немного озадачило его почтеннаго родственника. Чт́о ему было отвѣчать. Онъ и она дѣйствительно часто упоминали объ этомъ другъ другу; но тутъ вопросъ предложенъ былъ прямо съ плеча. Графъ былъ слишкомъ-спѣсивъ, чтобъ сказать прямую ложь и снисходилъ до двусмыслія только въ случаѣ крайней необходимости.

— Сэръ, отвѣчалъ онъ запинаясь:—безъ-сомнѣнія, я долженъ сказать, что иногда, когда ваше вниманіе становилось слишкомъ-замѣтно...

— Повѣрьте, милордъ, клянусь Богомъ, я никогда не имѣлъ въ мысляхъ... перебилъ Титмаузъ серьёзно. — Тысячу разъ прошу извиненія у вашей милости; я право не думалъ ничего обиднаго...

— Чт́о жь за бѣда, сэръ, что жь за бѣда! Я не нахожу ничего обиднаго, возразилъ графъ очень-ласково. — Сэръ, я знаю человѣческое сердце очень-хорошо и, проживъ столько лѣтъ на свѣтѣ, слава Богу, могу понять, что мы не всегда владѣемъ своими чувствами.

— Вотъ именно ваша милость изволили сказать совершенную правду.

— Не воображайте, мистеръ Титмаузъ, чтобъ я думалъ, что ваше вниманіе можетъ быть непріятно для леди Сесиліи; совсѣмъ нѣтъ. Я по совѣсти не могу сказать ничего подобнаго.

— О, милордъ! воскликнулъ Титмаузъ, снимая шляпу, кланяясь и кладя руку на грудь, въ которой маленькое сердечко его билось необыкновенно-сильно и внятно.

— Вы знаете пословицу: *робкое сердце* (*)... ха, ха! замѣтилъ графъ тихо и весело.

— Право, милордъ, тутъ есть съ чего оробѣть, могу васъ увѣрить. Я не привыкъ къ этимъ вещамъ, милордъ; но еслибъ ваша милость были такъ добры, согласились бы замолвить за меня хоть одно словечко передъ леди Сесиліею, чтобъ пустить насъ въ ходъ, милордъ. Самой малости было бы довольно, милордъ.

— Хорошо, мистеръ Титмаузъ, отвѣчалъ графъ съ благосклонною улыбкою: — если ваша скромность такъ велика, то я постараюсь быть вашимъ уполномоченнымъ передъ леди Сесиліей. Если вы будете такъ счастливы, мистеръ Титмаузъ, прибавилъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, перемѣняя тонъ: — что успѣете заслужить расположеніе леди Сесиліи, то вы увидите, какое неоцѣненное сокровище вы пріобрѣли.

(*) *Faint heart never winns fair lady.* Робкое сердце никогда не завоюетъ красавицы. *Прим. перев.*

— О, конечно, особенно, если принять во вниманіе высокій санъ ея милости — это будетъ такъ снисходительно съ ея стороны. Между-прочимъ, мнѣ хотѣлось бы знать: если мы съ ней успѣемъ поладить и она за меня выйдетъ замужъ, будетъ ли *она* называться: *мистриссъ Титмаузъ*, или я буду называться *лордъ Титмаузъ* — мнѣ бы очень-любопытно было знать, какъ это будетъ? Конечно, милордъ, это только насчетъ леди Сесиліи я этимъ интересуюсь, потому-что для меня это будетъ все-равно, если я на ней женюсь.

Графъ смотрѣлъ на него съ удивленнымъ и опечаленнымъ выраженіемъ. Онъ тотчасъ, однакожь, отвѣчалъ спокойно и серьёзно: — сэръ, это не лишній вопросъ. Хоть я и не предполагалъ, чтобъ вы могли... но... однимъ словомъ, леди Сесилія сохранитъ свой санъ и сдѣлается *леди Сесилія Титмаузъ*, то-есть, покуда я живъ, а послѣ моей смерти, она наслѣдуетъ баронство Дреддинкуртъ и тогда будетъ называться, безъ-сомнѣнія, *леди Дредлинкуртъ*.

— А что же *я*-то буду тогда? спросилъ Титмаузъ съ жаднымъ нетерпѣніемъ.

— Сэръ, вы, разумѣется, останетесь попрежнему *мистеръ Титмаузъ*.

— Какъ, милордъ, неужли въ-самомъ-дѣлѣ? перебилъ онъ съ опечаленнымъ видомъ.—*Мистеръ Титмаузъ и леди Дредлинкуртъ?* Извините меня, милордъ, но это какъ-то непохоже на мужа и жену...

— Сэръ, это такъ было, будетъ и должно быть всегда, отвѣчалъ графъ, важно.

— Конечно, однакожь, извините меня, милордъ, бракъ очень-серьёзное дѣло, какъ извѣстно вашей милости.

— Да, сэръ, конечно, отвѣчалъ графъ, и мракъ замѣтно отуманилъ его лицо.

— Скажите, продолжалъ Титмаузъ: — что, еслибъ леди Сесилія умерла прежде меня?

Графъ молча устремилъ на Титмауза взоръ отца, хотя, конечно, очень-глупаго, и потомъ съ замѣтнымъ трепетомъ голоса, отвѣчалъ: «Сэръ, вы мнѣ дѣлаете довольно-странные вопросы! Въ такомъ печальномъ случаѣ...

— О, милордъ, сто разъ прошу у васъ прощенія! Разумѣется, я былъ бы, клянусь вамъ Богомъ, милордъ, я былъ бы въ высшей степени огорченъ, перебилъ Титмаузъ съ немного-встревоженнымъ видомъ.

— Я говорю, сэръ, въ случаѣ, еслибъ отъ леди Дредлинкуртъ не осталось потомства, вы бы наслѣдовали баронскій титулъ; но еслибъ отъ нея остались дѣти, они назывались бы *достопочтенными* (honourable).

— Какъ! *Достопочтенный Титльбетъ Титмаузъ*, въ случаѣ если сынъ, и *достопочтенная Сесилія Титмаузъ*, если дѣвочка?

— Да, сэръ, именно такъ, какъ вы говорите; если только вы

не вздумаете принять имя и гербъ Дреддлинтоновъ, вступая въ бракъ съ единственною наслѣдницею...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, милордъ? Ей-Богу, это стóитъ того, чтобъ подумать; потому-что я не такъ, чтобъ ужь слишкомъ былъ доволенъ моимъ именемъ. А сколько бы это могло стоить, перемѣнить его теперь, милордъ?

— Дà, сказалъ графъ, пораженный этой мыслью, объ этомъ дѣйствительно стоитъ додумать. Въ дѣлѣ такой огромной важности, сэръ, я полагаю, что за расходомъ нечего останавливаться.

Поговоривъ еще немного, графъ приступилъ къ главному вопросу, на которомъ все вертѣлось — къ записямъ и условіямъ брачнаго договора. О! что касается до нихъ, то нашъ герой, который только-что начиналъ оправляться отъ удара, нанесеннаго ему открытіемъ, что этотъ бракъ, какъ бы ни унизилъ онъ леди Сесилію, все-таки не можетъ облагородить его самого, обѣщалъ все, чтò отъ него хотѣли, и изъявилъ полную готовность предоставить все на благоусмотрѣніе его милости. Скорò послѣ того они разстались; причемъ графъ намекнулъ ему, что онъ надѣется, что въ такомъ безконечно-деликатномъ дѣлѣ, какъ то, о которомъ они сейчасъ говорили, онъ не станетъ спрашивать совѣта ни у кого посторонняго, насчетъ чего Титмаузъ тоже далъ ему слово. Скоро послѣ того, невидавъ еще леди Сесиліи, графъ приказалъ осѣдлать свою лошадь и выѣхалъ на довольно-далекую прогулку, одинъ, въ-сопровожденіи грума. Въ этотъ день и во время этой долгой, тихой, уединенной прогулки верхомъ, онъ старался подумать серьёзно и думалъ дѣйствительно такъ, какъ ему никогда еще не случалось. Первый разъ въ своей жизни онъ позабылъ званіе пера и думалъ о *человѣкѣ* и объ *отцѣ*.

Но, чтò пользы? Скоро, по возвращеніи, онъ увидѣлся съ леди Сесиліей и, вспомнивъ свое обѣщаніе, приготовилъ ее принять, можетъ-быть, на слѣдующій день, предложеніе *Титльбета Титмауза*

Удобный случай выдался на другой день поутру. Титмаузъ спалъ, какъ сурокъ, цѣлую ночь, выкуривъ на сонъ грядущій множество сигаръ и выпивъ два или три стакана грога. Но леди Сесилія провела очень-безпокойную, почти безсонную ночь и не явилась къ завтраку. Узнавъ, однакожь, что ея милость сидѣла въ гостиной одна, около полудня, Титмаузъ, который въ промежуткѣ времени, занимался еще прилежнѣе обыкновеннаго своимъ туалетомъ, тихонько заглянулъ въ комнату. Увидѣвъ, что она дѣйствительно сидитъ одна, прислонясь къ спинкѣ софы, онъ, съ сильнымъ біеніемъ сердца, заперъ дверь и подошелъ, кланяясь низко. Бѣдная леди Сесилія дрожа, блѣдная какъ полотно, привстала ему на встрѣчу.

— Здравствуйте, леди Сесилія, началъ Титмаузъ, взявъ стулъ и садясь на немъ прямо противъ нея.

— Вы, кажется, несовсѣмъ-здоровы сегодня, леди Сесилія? спросилъ онъ, замѣтивъ, кàкъ она блѣдна и какъ мало расположена къ разговору.

— Я совершенно-здорова, отвѣчала она едва-внятно и оба опять замолчали.

— Начинаетъ маленько зимой попахивать? а леди Сесилія—замѣтилъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ затруднительнаго молчанія, выглядывая въ окно. День былъ сумрачный. Буйный вѣтеръ рвалъ сухіе и желтые листья кучами съ высокихъ деревьевъ, которыя виднѣлись невдалекѣ и стояли, качаясь съ печальнымъ, унылымъ стономъ. Послѣдовало новое молчаніе.

— Да̀, конечно, здѣсь становится довольно-пусто и скучно, отвѣчала наконецъ леди Сесилія. Титмаузъ поблѣднѣлъ и, крутя пальцами свои волосы, устремилъ на нее безсмысленный, возмущающій взоръ, отъ котораго глаза ея потупились въ землю и оставались неподвижно въ этомъ направленіи.

— Я... я надѣюсь, что его милость замолвилъ за меня доброе словечко, леди Сесилія?

— Мой отецъ упоминалъ мнѣ вчера вечеромъ о васъ, отвѣчала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Клянусь Богомъ! это очень-любезно съ его стороны, замѣтилъ Титмаузъ, дѣлая отчаянное усиліе, чтобъ не показаться стѣсненнымъ. «Онъ обѣщалъ мнѣ проломить лёдъ за меня, въ этомъ дѣлѣ». За этими словами, послѣдовало новое молчаніе.— Всякому, знаете ли, надо имѣть что-нибудь такое съ чего бы начать. Клянусь честью все, что̀ онъ вамъ говорилъ обо мнѣ, совершенная правда. Несмотря на глубокое уныніе, леди Сесилія, на минуту открыла широко глаза и поглядѣла на Титмауза съ явнымъ удивленіемъ.—Ну, леди Сесилія, признайтесь мнѣ прямо, по-пріятельски, не говорилъ ли онъ вамъ чего-нибудь особеннаго обо мнѣ; не говорилъ, а? Она не отвѣчала ни слова.

— Я надѣюсь, леди Сесилія, хоть вы какъ-то и невесело смотрите, что вамъ непротивно видѣть меня здѣсь, а? Много есть женщинъ въ Лондонѣ, которыя бы не отказались... но, что̀ толку въ этомъ теперь? Я люблю васъ, право люблю, леди Сесилія! Она дрожала жестоко, видя, какъ онъ подвигаетъ свой стулъ все ближе и ближе къ ней. Ей было тошно, до смерти тошно.

— Я знаю, что это очень-непріятно... то-есть я хочу сказать, что это очень-неловко и затруднительно; но я надѣюсь, что вы любите меня, леди Сесилія? а, немножко? Голова ея опустилась и жгучая слеза пробѣжала по щекѣ. — Надѣюсь, что вы не огорчены, дорогая леди Сесилія? Я очень горжусь и очень-счастливъ. Ахъ, леди Сесилія! Онъ взялъ одну изъ ея худыхъ, бѣлыхъ рукъ, ту, которая была поближе къ нему, и поднесъ ее къ губамъ. Еслибъ осязаніе его было хоть немного-потоньше, онъ бы не могъ не замѣтить легкаго содроганія, пробѣжавшаго по всему тѣлу несчастной леди, когда онъ исполнилъ этотъ подвигъ любезности, и при этомъ—замѣтилъ бы выраженіе на ея лицѣ, очень-похожее на отвращеніе. Онъ видѣлъ часто любовниковъ на театрѣ и, слѣдуя ихъ примѣру, сталъ на одно колѣно, все еще держа руку леди Сесиліи въ своихъ рукахъ и прижимая ее во второй разъ къ губамъ.

— Еслибъ вашей милости только угодно было осчастливить меня, выйдти за меня замужъ! Вы будете владѣть всѣмъ, что я имѣю, и можете смотрѣть на это мѣсто, какъ на ваше собственное! Понимаете ли вы меня, дорогая леди Сесилія? скажите! Я совершенно теряю разсудокъ... любите ли вы меня, леди Сесилія? скажите хоть одно слово!

— Слабый, чуть внятный звукъ послышался у нея на губахъ. То было: *да*. О, бѣдная, бѣдная леди Сесилія! Какая несчастная, гибельная ложь!

— Такъ будь же Богъ мнѣ свидѣтель, дорогая дѣвушка, я люблю васъ! произнесъ онъ съ жаромъ и силой, вставая съ пола. Онъ сѣлъ рядомъ съ ней на софѣ, обнялъ ее одною рукой вокругъ таліи и, схвативъ за руку, поцаловалъ ея блѣдную щеку, которая такъ надменно отодвинута была отъ самонадѣянныхъ попытокъ маркиза де-Мильфлёра и полдюжины другихъ, многіе изъ которыхъ были люди съ существенными достоинствами, люди привлекательные и ловкіе, съ талантами, съ умомъ, съ значительнымъ состояніемъ и даже хорошей фамиліи; но, по ея понятію, *недовольно*-знатнаго рода и *недовольно*-богатые, чтобъ имѣть право мечтать о союзѣ съ ней.

— Клянусь, леди Сесилія, вы премилая дѣвушка! произнесъ Титмаузъ съ возраставшею энергіею.—И теперь вы принадлежите мнѣ вполнѣ, хоть я и просто «*мистеръ Титмаузъ*», а вы останетесь: *леди Сесилія*. Я вамъ буду хорошимъ мужемъ! и снова онъ сжалъ ея руку и поцаловалъ ея холодную щеку. Но какъ ни холодны и какъ ни вялы были чувства леди Сесиліи, они начинали приходить въ слишкомъ-сильное раздраженіе, и не позволяли ей оставаться долѣе въ комнатѣ.

— Я надѣюсь, что вы извините меня, мистеръ Титмаузъ, невнятно и быстро проговорила она, вставая съ софы. Возвратясь въ свою комнату, она плакала горько, плакала цѣлый часъ и миссъ Макплейханъ, понимая хорошо причину этихъ слезъ, не знала какъ утѣшить женщину, которая такъ произвольно и такъ обдуманно принесла себя въ жертву маленькому идолу Маммону, унизивъ себя, а вмѣстѣ съ собой и весь свой полъ.

Скоро послѣ того *Аврора*, модная утренняя лондонская газета, слѣдующимъ образомъ извѣстила публику о счастливомъ происшествіи, которое мы такъ отчетливо описали читателю:

«Молва идетъ, что мистеръ Титмаузъ, тотъ самый, который еще недавно пріобрѣлъ имѣніе Яттонъ, въ Йоркширѣ, и появленіе котораго въ модномъ свѣтѣ произвело такое сильное ощущеніе, находясь ужь и безъ того въ родственной связи съ древнимъ и знаменитымъ семействомъ Дреддлингтонъ, входитъ теперь въ еще болѣе-тѣсный союзъ съ этимъ семействомъ, въ качествѣ помолвленнаго жениха прелестной леди Сесиліи, Филиппы, Леопольдины, единственной дочери графа Дреддлингтона и ближайшей наслѣдницы баронства Дреддлинкуртъ, древнѣйшаго, если мы не ошибаемся, во всемъ королевствѣ».

II.

ДМИТРІЙ ПОЛІОРКЕТЪ.

Эпизодъ изъ исторіи Діадоховъ.

Съ смертью македонскаго героя наступила тяжкая година испытаній для народовъ Греціи и Востока. Судьбою ихъ играли наемники, стекшіеся подъ знамена смѣлыхъ вождей со всѣхъ сторонъ Греціи и Македоніи; отъ береговъ Инда и до Атлантическаго Океана, отъ Африки и до крайнихъ предѣловъ Европы, раздавался воинскій кликъ ихъ. Давно ужь не видалъ древній міръ такихъ характеровъ, какъ въ эпоху Діадоховъ. Это были люди, взросшіе на ратномъ полѣ; неукротимые, честолюбивые характеры ихъ не сдерживались никакою мыслью объ общемъ благѣ; они были сами себѣ цѣлью, и для удовлетворенія своего эгоизма они жертвовали спокойствіемъ народовъ.

Ни одна эпоха не бѣдна въ такой степени памятниками и извѣстіями, какъ время Діадоховъ. Дройзенъ свелъ всѣ извѣстія, касающіяся наслѣдниковъ Александра, и представилъ въ своей исторіи Гелленизма весьма-полную, ясную и живую картину этого времени. Жаль только, что онъ, для занимательности разсказа, жертвуетъ нерѣдко своими источниками и произвольно влагаетъ имъ свои собственныя слова и мнѣнія. Онъ вообще очень-многословенъ, и это одинъ изъ главныхъ недостатковъ его книги, которая, впрочемъ, остается до-сихъ-поръ лучшимъ и единственнымъ трудомъ, обнимающимъ эпоху Діадоховъ.

Предстоящій очеркъ посвященъ Дмитрію, сыну Антигона.

Въ толпѣ старыхъ полководцевъ Александра и молодыхъ эпигоновъ, ихъ наслѣдниковъ, рѣзко выдается личность Дмитрія. Блестящимъ метеоромъ пронесся онъ въ исторіи, неоставивъ по-себѣ никакого прочнаго памятника, неосновавъ ни государства, ни династіи, какъ Лагидъ или Селевкъ; онъ

окончилъ жизнь свою плѣнникомъ въ заточеніи; но смѣло можно сказать, что не въ одной личности не отразилась такъ ярко эпоха Діодоховъ, какъ въ Дмитріѣ. Всѣмъ существомъ своимъ принадлежалъ онъ этому бурному, безпокойному времени, и долгое время былъ центромъ, около котораго вращались всѣ событія. Востокъ и Греція дружно воспитали его. Физической силой, красотой напоминалъ онъ героевъ старой Греціи. Онъ былъ такъ хорошъ, что народъ сбѣгался смотрѣть на него; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ самою-утонченною аттическою образованностью, любилъ художества, любилъ бесѣдовать съ учеными мужами; онъ былъ знатокъ военнаго дѣла, и въ воинскихъ упражненіяхъ не уступалъ простому наемнику; не было человѣка воздержнѣе его въ минуты, когда нужно было дѣйствовать, и никто не любилъ такъ предаваться восточной нѣгѣ и роскоши, какъ Дмитрій.

До 312-го года мы имѣемъ мало свѣдѣній о Дмитріѣ. Ребенкомъ еще, бѣжалъ онъ съ отцомъ своимъ, Антигономъ, отъ преслѣдованій Пердикка. Когда Антигонъ сдѣланъ былъ стратегомъ въ Азіи и предпринялъ борьбу съ Эвменомъ, Дмитрій находился при немъ въ двухъ сраженіяхъ, при Габіенѣ и Гадамартѣ, гдѣ рѣшилась судьба Эвмена. Дмитрій игралъ не послѣднюю роль, и съ этого времени начинаетъ ужь отецъ возлагать на него важныя порученія. До 315-го года, до начала борьбы Антигона съ Птоломеемъ и Селевкомъ, Дмитрій стоитъ въ тѣни; только съ этого времени встрѣчается все чаще-и-чаще его имя.

Судьбы Александровой Монархіи до 315 года можно очертить въ нѣсколькихъ словахъ. Немедленно послѣ смерти Александра завязалась борьба между двумя партіями: въ главѣ одной стоитъ правитель Пердиккъ, представитель единства монархіи; съ другой стороны стоятъ сатрапы, пытающіеся освободиться изъ-подъ его вліянія и завоевать себѣ самостоятельность. Пердиккъ не устоялъ и погибъ. Съ его смертью семейство Александра оставило Азію и удалилось въ Европу, подъ защиту стараго слуги Филиппа и Александра — Антипатра, избраннаго правителемъ. Антипатръ жилъ недолго. Тогда выступили за семейство Александра старикъ Полиснерхонъ въ Европѣ и Эвменъ въ Азіи: первый противъ Кассандра, второй противъ Антигона. Но борьба продолжалась недолго. Къ концу 316 года, послѣ окончательнаго пораженія и смерти Эвмена, Антигонъ былъ единственнымъ владыкой въ Азіи и господствовалъ отъ Инда и до Геллеспонта. Въ это-то время задумалъ и онъ вызвать къ жизни призракъ Монархіи Александра, и выступилъ съ тѣми же замыслами, какъ и Пердиккъ. Такое отпаденіе отъ бывшихъ союзниковъ не могло не встрѣтить рѣзкаго отпора. Въ концѣ 316 года началась борьба

между нимъ, Птоломеемъ, Кассандромъ, Селевкомъ и Лизимахомъ. Это была ужь третья великая распря наслѣдниковъ Александра. Вначалѣ ни Кассандръ, ни Лизимахъ не принимали въ ней дѣятельнаго участія: они выжидали. Борьба шла у Антигона съ Птоломеемъ, съ которымъ соединился Селевкъ, изгнанный Антигономъ изъ Вавилона. Театръ военныхъ дѣйствій былъ въ Сиріи и около острова Кипра.

Птоломей, занятый въ Африкѣ неустройствами въ Киренѣ, принужденъ былъ раздробить свои силы, и Антигонъ успѣлъ скоро укрѣпиться на сирійскомъ и финикійскомъ берегахъ, размѣстивъ во всѣхъ укрѣпленныхъ городахъ свои гарнизоны. Этого мало; онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ новыхъ союзниковъ въ Греціи и Малой Азіи, въ лицѣ Полиперхона и сына его Александра, враговъ Кассандра; онъ противопоставилъ Лизимаху греческіе города Пропонтиды и Чернаго Моря и расположилъ въ свою пользу умы воиновъ и Македонянъ, объявивъ, что идетъ на защиту законнаго наслѣника Александра Эга; однимъ словомъ, къ концу 313 года дѣла его были вездѣ въ самомъ блистательномъ положеніи, и онъ выжидалъ только удобной минуты, чтобъ переправиться въ Европу. Въ ожиданіи болѣе-благопріятнаго времени и благопріятной погоды, онъ расположился на зимнихъ квартирахъ во Фригіи; сынъ его Дмитрій стоялъ съ своимъ отрядомъ въ Киликіи и Верхней Сиріи.

Весной 312 года двинулся наконецъ и Птоломей. Дѣла въ Киренѣ были устроены; успѣхи Антигона начинали внушать опасеніе; Селевкъ безпрестанно понукалъ его — и Птоломей явился въ Сиріи. Войско его состояло изъ 18,000 пѣхоты и 4,000 конницы. Это былъ сбродъ изъ Македонянъ, Грековъ и Египтянъ. Около старой Газы Птоломей расположился лагеремъ. Когда Дмитрій получилъ извѣстіе о приближеніи опаснаго врага, онъ стянулъ всѣ свои отдѣльные отряды и поспѣшилъ на встрѣчу.

Дмитрію было въ это время только 22 года. Напрасно пытались удержать его старые воины отъ битвы съ непріятелемъ, несравненно-многочисленнѣйшимъ, и съ такими опытными старыми вождями, каковы были Селевкъ и Лагидъ: Дмитрій не внималъ, рѣшившись дать битву, недожидаясь отца. Войску отданъ былъ приказъ собраться. Въ полномъ вооруженіи взошелъ Дмитрій на возвышеніе, хотѣлъ говорить, оробѣлъ и смѣшался. Единогласно и громко ему закричали фалангиты, чтобъ онъ ободрился, и не успѣлъ еще вѣстникъ остановить шумящихъ, какъ ужь войско готовилось въ безмолвіи слушать рѣчь юнаго вождя своего.

Произнеся рѣчь, Дмитрій поставилъ войско въ боевой порядокъ, и битва началась.

Изъ разсказа Діодора видно, что Дмитрій проигралъ ее отъ

своихъ слоновъ. Слоны сдѣлались извѣстны Грекамъ и Македонянамъ со времени похода Александра на Индію; Антипаръ привелъ ихъ первый съ собой въ Европу, и съ того времени во всѣхъ войнахъ Діадоховъ, въ войнахъ Пирра, въ пуническихъ войнахъ слоны играли важную роль; но ужь самъ Пирръ, а за нимъ и лучшіе полководцы того времени сознавались, что такой родъ войска не удобенъ и влечетъ за собою послѣдствія самыя гибельныя. Первое появленіе слоновъ озадачивало, безъ-сомнѣнія, войска, незнакомыя еще съ громадными животными; особенно страдала отъ нихъ конница: лошади пугались, сбрасывали съ себя всадниковъ, и слоны массою своею пробивали ряды пѣхоты. Но скоро нашли вѣрное средство противъ страшнаго врага: закапывали доски съ желѣзными спицами, кидали въ слоновъ горящія стрѣлы, намазанныя смолой—и тогда звѣри кидались съ рѣвомъ назадъ, приводя въ разстройство и смятеніе свои собственные ряды. Это испыталъ теперь Дмитрій въ сраженіи при Газѣ.

Конница начала битву. Правое крыло союзниковъ, гдѣ начальствовали лично Птоломей и Селевкъ, бросилось на лѣвое крыло непріятеля, гдѣ былъ самъ Дмитрій. Старые вожди имъ не пренебрегали, зная, подъ чьимъ руководствомъ получилъ онъ свое военное образованіе и какое дѣятельное участіе онъ принималъ въ битвахъ съ Эвменомъ при Габіенѣ и Гадамартѣ. Военачальники присутствовали вездѣ лично, подавая собою примѣръ воинамъ и ободряя ихъ. Долго исходъ битвы оставался нерѣшительнымъ; но вотъ двинулись слоны Дмитрія—и дали битвѣ другой оборотъ. Еще до начала сраженія Птоломей приказалъ вбить въ землю колья, и поставилъ свою легкую пѣхоту, пращниковъ и стрѣлковъ, съ приказаніемъ бросать пращи и стрѣлы въ вожатыхъ и слоновъ.

Слоны были встрѣчены цѣлымъ градомъ стрѣлъ и камней; понуждаемые вожатыми шли они далѣе, но стрѣлы сыплются гуще, острыя колья вонзаются въ ноги, большая часть Индійцевъ-вожатыхъ перебита; слоны пришли въ безпорядокъ и обратились назадъ, на собственные ряды. Паническій страхъ овладѣлъ тогда всѣмъ войскомъ. Несмотря на увѣщанія Дмитрія, его конница обратилась въ бѣгство, а самъ онъ съ незначительнымъ отрядомъ прискакалъ въ полночь въ Ацотъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Газы.

До 800 всадниковъ покрывали поле сраженія; въ числѣ ихъ палъ и Пиѳонъ, одинъ изъ старыхъ воиновъ Александра. Изъ Ацота отправилъ Дмитрій пословъ къ Птоломею съ просьбою о перемиріи и дозволеніи погребсти убитыхъ.

Птоломей не только дозволилъ, но отправилъ къ нему его став-

ку и весь багажъ, слугъ и плѣнныхъ друзей безъ всякаго выкупа. На такую внимательность Дмитрій отвѣчалъ весьма-ловко и вѣжливо: «Надѣюсь», поручилъ онъ сказать Птоломею, «что не долго останусь должникомъ благороднаго Лагида: скоро найду случай отплатить ему тѣмъ же».

Антигонъ стоялъ во Фригіи, когда къ нему прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ о пораженіи при Газѣ. Въ первую минуту гнѣва онъ собрался идти въ Сирію доказать Птоломею «что безбородыхъ мальчиковъ побѣждать легче, нежели опытныхъ воиновъ». Убѣдительныя просьбы сына—не отнимать отъ него начальства и позволить поправить первую неудачу—удержали старика. Онъ не хотѣлъ отказомъ оскорбить самолюбіе сына и остался во Фригіи.

Дмитрій вышелъ съ остаткомъ войска изъ южной Сиріи и пришелъ берегомъ до Триполя. Сюда вызвалъ онъ изъ Киликіи и верхней Сиріи отдѣльные отряды, здѣсь нанималъ наемниковъ, запасался оружіемъ, обучалъ войска и готовился къ новому походу. Оставаться долго въ Триполи ему нельзя было: Птоломей шелъ за нимъ по пятамъ; Аскалонъ, Акра и Сидонъ отворили ему ворота; сдался и Тиръ, стоившій Антигону много денегъ и войска. Дмитрій отступилъ въ Киликію, гдѣ сама природа этой гористой страны ограждала его отъ нежданнаго и нечаяннаго нападенія.

Теперь только оказалось, какія важныя послѣдствія должна была имѣть битва при Газѣ. Она открыла врагу путь во внутреннія провинціи Азіи, гдѣ оставалось мало войска, ибо всѣ силы Антигона были сосредоточены въ Киликіи и Фригіи. Селевкъ поспѣшилъ этимъ воспользоваться.

Съ небольшимъ отрядомъ, въ 800 человѣкъ пѣхоты и 200 конницы, пошелъ онъ на Вавилонъ—предпріятіе на первый взглядъ безумное и отчаянное; но Селевкъ разсчитывалъ на старинную привязанность Вавилонянъ, гдѣ онъ былъ долго сатрапомъ, на ненависть къ Антигону, разорявшему ихъ тяжкими налогами; онъ не ошибся: толпами выходили къ нему жители на встрѣчу; малочисленные гарнизоны Антигона сдавались ему безъ боя. Никаноръ, правитель Медіи и окружныхъ провинцій, собралъ 17,000 воиновъ и поспѣшилъ къ Вавилону, чтобъ спасти этотъ важный стратегическій пунктъ, соединявшій восточныя и западныя сатрапіи Азіи, но потерпѣлъ пораженіе. Вавилонъ былъ взятъ, путь въ Персиду, Медію и Сузіану открытъ; сатрапы изъявили готовность повиноваться Селевку—и господство Антигона на Востокѣ было такимъ-образомъ потрясено въ основаніи.

Не считаемъ излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о счастливцѣ, которому суждено было съ потомствомъ владычество-

вать на берегахъ Оронта и Евфрата. Селевкъ, сынъ Антіоха, принадлежалъ къ молодому поколѣнію полководцевъ Александра; въ немъ ужь нѣтъ ни того упрямства, ни того упорнаго презрѣнія къ Востоку, которымъ отличались старые вожди Александра и Филиппа. Онъ отличился въ сраженіи при Гидаспѣ, начальствуя отрядомъ благородныхъ Македонянъ; во время знаменитаго бракосочетанія въ Сузѣ, Селевкъ былъ также въ числѣ счастливыхъ жениховъ и получилъ въ жены дочь согдіанскаго князя Спитамена. По смерти Александра, Пердиккъ назначилъ его хиліархомъ, нежелая видѣть на этомъ мѣстѣ кого-нибудь изъ старыхъ полководцевъ, своихъ сатраповъ. Это былъ характеръ веселый, открытый, но нѣсколько-хитрый. Онъ былъ отличный воинъ, одаренъ физической силой, привѣтливъ съ воинами и любимъ ими. Во время новаго раздѣла сатрапій, послѣ смерти Пердикка, Селевку досталась Вавилонія, гдѣ онъ въ короткое время умѣлъ снискать себѣ привязанность жителей. Изгнанный изъ Вавилона Антигономъ, онъ нашелъ убѣжище при дворѣ Птоломея, и съ нимъ вмѣстѣ пошелъ на Антигона. Его быстрый успѣхъ можно объяснить только тѣмъ, что ни Дмитрію, ни Антигону нельзя было двинуться ни изъ Сиріи, ни изъ Малой Азіи. Перваго преслѣдовалъ Птоломей, послѣдній опасался ежеминутно Лизимаха, а, въ добавокъ, извѣстіе о взятіи Вавилона и отпаденіи смежныхъ съ нимъ провинцій пришло очень-поздно. Вѣроятно, еще и то, что Антигонъ, зная малочисленность отряда Селевка, не обратилъ должнаго вниманія на его смѣлый и дерзкій походъ, и слишкомъ положился на своихъ подчиненныхъ.

Что жь дѣлалъ въ это время Дмитрій? Окончивъ приготовленія и собравъ новое, сильное войско, онъ двинулся въ верхнюю Сирію. Птоломей и не подозрѣвалъ, что его молодой соперникъ, потерпѣвшій еще недавно такое рѣшительное пораженіе, совершенно готовъ на новую борьбу. Онъ послалъ ему на встрѣчу Килла, своего полководца, съ значительнымъ отрядомъ. Киллъ расположился близь Міуса. Едва узналъ Дмитрій о его приближеніи, какъ немедленно пошелъ къ нему на встрѣчу. Онъ оставилъ свой обозъ, оставилъ тяжелое войско, и съ легкимъ отрядомъ пошелъ ночью на непріятеля. Съ разсвѣтомъ онъ находился ужь близь египетскаго лагеря. Передовые посты были обезоружены, лагерь взятъ, и прежде нежели еще непріятель успѣлъ очнуться, 7,000 плѣнныхъ вмѣстѣ съ военноначальникомъ и богатымъ обозомъ достались Дмитрію. Теперь настала удобная минута отплатить Лагиду вѣжливостью за вѣжливость. Онъ отправилъ къ нему Килла съ остальными приближенными, съ богатыми подарками и съ просьбою принять все это въ знакъ его глубокаго уваженія къ Птоломею.

Дмитрій укрѣпилъ въ то же время свой лагерь, разбивъ его на удобномъ мѣстѣ, окруженномъ болотами и озерами, потому-что опасался новаго нападенія со стороны Птоломея, и послалъ гонца къ Антигону съ просьбой прислать свѣжее войско, надѣясь, что, обладая значительными силами, возвратитъ снова все утраченное въ Сиріи.

«Мальчикъ стóитъ цѣлаго царства», сказалъ Антигонъ, получивъ это извѣстіе. Въ нѣсколько дней прошелъ онъ Фригію, перешелъ Тавръ и явился въ лагерѣ сына. Теперь Птоломею трудно было бороться. Онъ воротился въ Египетъ ждать за Ниломъ приближенія непріятеля. Это было въ августѣ. Передъ отступленіемъ онъ срылъ укрѣпленія Газы и другихъ городовъ Сиріи, захватилъ, сколько могъ, сокровищъ и занялся приведеніемъ въ оборонительное положеніе своихъ собственныхъ земель.

Нѣтъ сомнѣнія, что Антигонъ и Дмитрій думали ужь въ это время о походѣ на Египетъ, тѣмъ болѣе, что еще не получили подробныхъ извѣстій съ Востока и не знали ничего объ успѣхахъ Селевка; но Птоломей ошибся, полагая, что Антигонъ пойдетъ на него тою же дорогой, которой шелъ Пердиккъ. Зная всѣ ея неудобства, Антигонъ рѣшился найдти иной путь, гдѣ бы ему можно было миновать опасную дельту.

Походъ на Египетъ былъ давно ужь задушевной мыслью Антигона. Никто изъ сатраповъ не мѣшалъ ему болѣе Птоломея, который былъ душой всѣхъ союзовъ, направленныхъ противъ его честолюбивыхъ замысловъ. Кромѣ-того, Сирія была постоянно яблокомъ раздора между двумя соперниками, борьба которыхъ занимаетъ самыя интересныя страницы въ исторіи Діадоховъ. Сирія съ финикійскимъ берегомъ и Малая Азія были необходимы Антигону, какъ точки опоры для морскаго владычества и для вліянія на дѣла Греціи и Македоніи. Но, съ другой стороны, нельзя было и Птоломею уступить Сирію. Не властолюбивые планы о возстановленіи александровой монархіи заставляли его держаться упорно дорогихъ береговъ — нѣтъ; Лагидъ былъ въ этомъ отношеніи дальновиднѣе Антигона. Онъ понималъ, что Египту не быть никогда сильной державой безъ торговли, а послѣдняя не могла процвѣтать безъ Сиріи и Финикіи. На Сирію не переставали никогда заявлять своихъ правъ владыки Египта. Безъ флота Египетъ не въ-состояніи былъ бы поддерживать своего морскаго владычества, а нужный для флота корабельный лѣсъ доставлялъ Ливанъ. Отсюда постоянныя борьбы Птоломея за Сирію, Финикію и острова Средиземнаго Моря.

Птоломей былъ, безспорно, единственный великій администраторъ изъ всѣхъ сподвижниковъ Александра. Египетъ вздохнулъ при немъ свободно послѣ персидскаго владычества, истощившаго въ-конецъ

богатую страну. Никто не обладалъ въ такой мѣрѣ даромъ привязывать къ себѣ чуждую національность, щадя ея предразсудки и оставляя ей всѣ обычаи и привычки. Птоломей облегчилъ повинности народныя и, несмотря на то, его казна была всегда въ исправности. Ужь при немъ сдѣлалась Александрія средоточіемъ тогдашней торговли, а щедрость Птоломея влекла къ нему лучшіе умы Греціи. Это былъ, за исключеніемъ развѣ Дмитрія, самый образованный изъ Діадоховъ. Ему мы обязаны лучшими извѣстіями объ Александрѣ, ибо записки Птоломея служили драгоцѣннымъ матеріаломъ для Арріана и Плутарха.

Несмотря на то, что онъ принадлежалъ къ числу старыхъ слугъ Филиппа, мы не находимъ въ немъ ни одной черты, обличавшей суровую надменность и закоренѣлое презрѣніе къ варварамъ, которыми отличались благородные Македоняне и Греки. Александръ цѣнилъ Птоломея, хотя и не сочувствовалъ этому холодному, разсчетливому характеру. Относительно нравственныхъ его достоинствъ, мы можемъ сказать одно, что Птоломей не свирѣпствовалъ безъ нужды; но, для удовлетворенія своего честолюбія, онъ не останавливался ни передъ какими средствами.

Съ самой смерти Александра предвидѣлъ онъ несостоятельность всѣхъ попытокъ поддержать его монархію, и, довольствуясь независимымъ своимъ положеніемъ, сосредоточилъ всѣ силы и все вниманіе на Египтѣ, неопуская, однакожь, изъ вида хода дѣлъ въ остальныхъ частяхъ государства, гдѣ честолюбивые замыслы бывшихъ соратниковъ вызывали его нерѣдко на борьбу. Его равнодушіе къ потомству Александра, его преслѣдованіе вѣрныхъ слугъ ихъ—понятны; онъ смотрѣлъ на первое, какъ на орудіе въ рукахъ честолюбивыхъ своихъ сверстниковъ, и боялся вторыхъ, какъ опасныхъ соперниковъ, въ случаѣ удачи; въ возможность же сохраненія монархіи не вѣрилъ.

Въ настоящую минуту готовился Птоломей встрѣтить Антигона; но послѣдній рѣшился, во что бы то ни стало, найдти болѣе-удобный путь, чтобъ обойдти опасную дельту съ ея каналами. Походъ Пердикка былъ еще въ свѣжей памяти. Антигонъ желалъ проложить себѣ дорогу черезъ пустынныя степи Аравіи, лежащей между Мертвымъ Моремъ и Аравійскимъ Заливомъ, по которымъ бродили независимыя и воинственныя кочевыя племена.

Первый отрядъ Антигона, посланный для покоренія ихъ (Набатеевъ), погибъ, по оплошности своего предводителя. Тогда послалъ онъ сына. Три дня бродилъ Дмитрій по пустынѣ, чтобъ скрыть отъ варваровъ свое приближеніе, но кочевники, помня еще недавнее нашествіе, не дремали. На возвышенностяхъ пустыни разставлены были вездѣ сторожевые, и едва завидѣли они непріятеля, какъ зажгли костры. Тогда часть Набатеевъ съ же-

нами, дѣтьми и всѣмъ богатствомъ заперлась въ Петрѣ, укрѣпленномъ мѣстѣ на непреступной скалѣ; остальные разсѣялись по пустынѣ. Взять Петру силъ не было, и Дмитрій чрезвычайно обрадовался, когда сами осажденные начали послѣ перваго приступа переговоры, и выслали дары. Дмитрій заключилъ миръ съ условіемъ, однакожь, чтобъ они уступили ему добываніе асфальта на берегу Мертваго Моря.

Послѣднее условіе нѣсколько смягчило старика Антигона, который сильно-было разсердился на сына за неудачный походъ. Старикъ зналъ натуру дикихъ кочевниковъ, готовыхъ всякую уступчивость считать за слабость, непризнающихъ ни условій, ни договоровъ и смиряющихся только передъ жестокими и грозными завоевателями.

Чтó предчувствовалъ Антигонъ, то и случилось. Едва только прибыли первыя лодки для добычи асфальта, какъ Набатеи, въ числѣ 600 человѣкъ, напали на работниковъ и избили ихъ.

Но теперь было не до Набатеевъ. Новыя важныя событія на Востокѣ требовали немедленныхъ и сильныхъ приготовленій. Антигонъ получилъ теперь только письма отъ Никанора съ подробнымъ извѣстіемъ о вавилонскихъ событіяхъ, изложенныхъ нами выше. Медлить было нечего. Антигону грозила опасность потерять разомъ все, надъ чѣмъ онъ трудился слишкомъ четыре года. Сильное войско изъ 5,000 Македонянъ, 10,000 наемниковъ и 4,000 конницы двинулось подъ предводительствомъ Дмитрія въ Вавилонъ. Дмитрій не зналъ еще о пораженіи Никанора и о походѣ Селевка на верхнія сатрапіи; это извѣстіе застало его на дорогѣ, и онъ поспѣшилъ переправиться черезъ Евфратъ. Патроклъ, оставленный Селевкомъ въ Вавилонѣ, удалился, неполагаясь на свои силы, а за нимъ вышли изъ Вавилона всѣ приверженцы Селевка и разсѣялись — кто по степямъ Аравіи, кто въ верхнія сатрапіи, къ Селевку. Самъ Патроклъ укрѣпился почти въ непристунной части Вавилоніи, прорѣзанной каналами и рукавами Евфрата. Здѣсь хотѣлъ онъ ожидать помощи отъ Селевка, а между-тѣмъ безпокоить врага набѣгами.

Дмитрій нашелъ Вавилонъ оставленнымъ всѣми; только въ двухъ замкахъ сидѣли гарнизоны. Одинъ сдался, другой держался; но Дмитрій ничего не могъ сдѣлать, имѣя отъ отца предписаніе не оставаться долго въ Вавилоніи, а торопиться назадъ, въ Сирію. Онъ оставилъ въ Вавилонѣ Архелая съ 5000 пѣхоты и 1,000 конницы, а самъ удалился, опустошивъ огнемъ и мечомъ всю сатрапію.

Это было въ концѣ 312 года. Здѣсь на короткое время извѣстія прерываются, и мы совершенно не знаемъ, кáкъ дѣйствовали главные актёры драмы, чтó происходило въ Азіи до 311 года.

«Въ этомъ году заключенъ былъ миръ, говоритъ Діодоръ, между Кассандромъ, Лизимахомъ, Птолемеемъ и Антигономъ».

Но это было скорѣе перемиріе, кратковременный отдыхъ, впродолженіе котораго каждая сторона готовилась къ новымъ битвамъ и пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ ослабить противника, то захватывая вѣроломно его области, то отнимая вѣрныхъ союзниковъ, то возмущая его данниковъ.

«Кассандръ», такъ гласитъ мирный договоръ, «да будетъ верховнымъ стратегомъ въ Европѣ до совершеннолѣтія Александра, сына Роксаны, Лизимахъ да владычествуетъ во Ѳракіи, Птоломей въ Египтѣ и прилежащихъ къ нему государствахъ Ливіи и Аравіи, Антигонъ въ цѣлой Азіи, Греки же да будутъ независимы».

Въ этомъ мирномъ договорѣ страннѣе всего отсутствіе имени Селевка. Его точно забыли союзники и отдали совершенно на произволъ Антигона, предоставивъ послѣднему господство въ Азіи, несмотря даже на то, что дѣла его находились не въ самомъ блистательномъ положеніи, а силы были раздроблены. Трудно рѣшить, что̀ заставило союзниковъ такъ поторопиться Скорое возвращеніе Дмитрія въ Сирію изъ Вавилона находилось, можетъ-быть, въ связи съ предполагаемымъ походомъ Антигона на Египетъ, которымъ онъ хотѣлъ принудить Птоломея къ выгодному миру и обезпечить себя на Западѣ, надѣясь тогда справиться съ Селевкомъ; возстаніе же наемниковъ въ Киренѣ заставило и Птоломея поспѣшить заключить миръ, отказаться на-время отъ дорогаго ему финикійскаго берега и пожертвовать Селевкомъ. Что же касается до Лизимаха и Кассандра, то дѣятельность ихъ, равно какъ и участіе въ войнѣ и мирѣ, были очень-второстепенны. Кассандръ готовъ былъ на миръ, отдававшій ему въ руки Македонію и Грецію; Лизимахъ и безъ того былъ занятъ постоянно на сѣверѣ, гдѣ онъ боролся съ племенами ѳракійскими и дикими обитателями Южной Россіи.

Мирный договоръ содержитъ въ себѣ еще одну чрезвычайноважную и замѣчательную сторону. Въ статьяхъ его обозначены уже весьма-рѣзко границы новыхъ царствъ, возникающихъ послѣ долгихъ битвъ и споровъ на развалинахъ великой монархіи. Теперь ужь почти нѣтъ рѣчи объ отдѣльныхъ сатрапахъ: они теряютъ уже всякую самостоятельность и становятся правителями отдѣльныхъ областей въ обширныхъ государствахъ, выпавшихъ на долю нѣсколькимъ счастливцамъ, выступающимъ съ характеромъ независимыхъ властителей; новыя государства были Македонія съ Греціей, гдѣ, именемъ младенца Александра Эга, владычествовалъ Кассандръ, Египетъ и Азія. Въ Азіи дѣла окончательно еще не устроились, и будущимъ великимъ

битвамъ предоставлено было рѣшить, кому здѣсь господствовать: Антигону ли съ потомствомъ, или Селевку.

Властители-сатрапы дѣйствовали, правда, покуда все еще именемъ Александра и Роксаны, и прикрывали тѣмъ свои честолюбивые замыслы; но со смертію ребенка ихъ замыслы вполнѣ обнаружились. Антигонъ же, занятый войною съ Селевкомъ, надѣялся, что имя Александра сдержитъ честолюбивые замыслы Кассандра, особенно въ Македоніи, гдѣ всѣ, и преимущественно войско, помнили и любили малютку, въ которомъ находили поразительное сходство съ отцомъ. Антигону нужно было это имя, чтобъ придать хоть тѣнь законности своему дѣлу. Это видно изъ того, что едва только онъ успѣлъ помириться съ Селевкомъ, уступивъ ему весь востокъ Азіи, какъ немедленно бросился на западъ, и въ то же время старикъ Полисперхонъ провозгласилъ, по наущенію его, наслѣдникомъ Александра-Великаго, побочнаго сына Антигона отъ Баренны, Геркулеса.

На западѣ Антигону предстояла новая борьба. Птоломей успѣлъ во время его отсутствія завладѣть всѣми почти важными пунктами на малоазійскомъ берегу; крѣпкій Галикарнассъ сдался, и только появленіе Дмитрія съ флотомъ заставило Птоломея удалиться.

Мы не намѣрены излагать всѣ скучныя подробности безпрестанныхъ битвъ, гдѣ главную роль играетъ вѣроломство, гдѣ войско и Македоняне служатъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ. Въ короткій періодъ отъ 311 года, то-есть отъ заключенія перемирія, и до 308 года пали: Александръ съ Роксаной, Геркулесъ и Клеопатра.

Смерть послѣднихъ членовъ семейства Александра подала поводъ къ новымъ кровавымъ распрямъ между сатрапами. Въ настоящую минуту главный театръ дѣйствія перенесенъ былъ на-время въ Грецію и на острова Средиземнаго Моря; здѣсь идетъ отчаянная борьба между Антигономъ и Птоломеемъ, въ которой главнымъ дѣятелемъ является Дмитрій.

По послѣднему мирному договору самостоятельность Греціи была признана. Но въ каждомъ болѣе или менѣе-важномъ городѣ находился гарнизонъ одного изъ властителей, оставленный подъ предлогомъ защиты гражданъ, но въ-сущности для того, чтобъ поддерживать права свои и наблюдать надъ противникомъ. Къ этому еще должно прибавить, что каждый гарнизонъ былъ гибелью для гражданъ. Наемники, главная основа тогдашняго войска, хозяйничали вездѣ какъ въ непріятельской землѣ. Самостоятельность греческихъ городовъ — было пустое слово, потому-что здѣсь, на этой, повидимому нейтральной почвѣ, сатрапы могли всегда найдти поводъ и случай къ новой борьбѣ съ против-

никомъ, и борьбѣ повидимому законной, какъ съ нарушителемъ договора; не нарушать же нейтралитета не было возможности при запутанныхъ обстоятельствахъ самой Греціи, и ея связи съ Македоніей и другими частями бывшей монархіи. Ниже, при разсказѣ о пребываніи Дмитрія въ Аѳинахъ, мы коснемся еще разъ Греціи.

До-сихъ-поръ Антигону не удавалось еще стать твердой ногой въ Греціи: борьба съ Селевкомъ не позволяла ему дѣйствовать противъ Кассандра и подорвать его вліяніе на греческіе города; галеры Птоломея, разъѣзжавшія по Средиземному Морю и державшія въ повиновеніи островитянъ, его смѣлыя операціи въ Малой Азіи заставили Антигона сосредоточить и силы свои и вниманіе въ Сиріи и на берегахъ Малой Азіи. Наконецъ онъ рѣшился на сильныя мѣры и обратилъ вниманіе на Аѳины. Онъ разсчитывалъ очень-вѣрно, что, имѣя въ рукахъ Аѳины, можно смѣло назваться владыкой Греціи, потому-что до-сихъ-поръ еще, несмотря на свой упадокъ, на свое ничтожество, этотъ городъ былъ средоточіемъ Греціи и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи. Антигонъ рѣшился послать въ Аѳины Дмитрія.

Съ 318 года владычествовалъ въ Аѳинахъ именемъ Кассандра Дмитрій Фалерейскій—типъ тогдашняго Грека. Это былъ риторъ, обладавшій въ высшей степени даромъ говорить и спорить обо всемъ изящно, гладко, чѐ весьма цѣнилось; онъ отличался прекрасными манерами. «Дмитрій», говоритъ о немъ Дурисъ изъ Самоса, «хотѣлъ своими законами исправить нравы, но портилъ ихъ еще болѣе своимъ примѣромъ». Антипатръ умертвилъ его брата Гимерея, но Дмитрій не переставалъ искать милостей македонскихъ властителей, льстилъ и Кассандру и Птоломею, и поставленъ былъ первымъ во главѣ Аѳинъ. Вначалѣ жилъ онъ, говорятъ, чрезвычайно-умѣренно; за трапезой не встрѣчали у него ничего, кромѣ оливъ да сыру съ островокъ; но, получивъ въ руки власть, онъ началъ вести жизнь самую роскошную. Ежедневно бывали у него пиры, гдѣ онъ превосходилъ расточительностью Македонянъ, а изяществомъ и вкусомъ Финикіянъ и Кипрійцевъ; великолѣпіе и роскошь доходили до того, что его поваръ, которому доставались остатки, выручилъ за нихъ большую сумму и купилъ три помѣстья. Дмитрій одѣвался съ изысканностью и изяществомъ, красилъ свои волосы, румянился и умащалъ тѣло драгоцѣнными маслами; всѣмъ старался нравиться и улыбка не сходила съ устъ его.

Десять лѣтъ сряду правилъ Аѳинами Дмитрій и умѣлъ — надо отдать ему справедливость — хранить миръ; успѣлъ поднять матеріальное благосостояніе государства до такой высоты, которой давно ужь не достигали Аѳины. Обширная, торговля съ Родо-

сомъ, Византіей и Александріей, благодаря миру съ окрестными державами, десятилѣтній миръ и большое стеченіе иностранцевъ, стремившихся сюда, въ столицу, и средоточіе наукъ и художествъ, гдѣ былъ до-сихъ-поръ лучшій театръ, способствовали богатству и матеріальному благосостоянію Аѳинъ. Художники получали безпрестанные заказы отъ владыкъ и сатраповъ, отъ новыхъ городовъ, основанныхъ въ Азіи. До 1200 талантовъ простирались доходы аѳинскіе; они даже при Периклѣ не были такъ велики.

Всѣмъ этимъ обязаны были Аѳины Дмитрію; но зато напрасно будемъ мы искать другихъ благъ въ Аѳинахъ. Аѳинскій народъ впалъ въ самый грубый матеріализмъ. «Дмитрій умѣлъ заботиться (говоритъ его врагъ Демохаръ), чтобъ городъ не нуждался ни въ чемъ необходимомъ, чтобъ его торговля была прибыльна; но онъ не стыдился, что родина его не имѣла никакого нравственнаго значенія своего». Аѳины играли роль паразита; забавляли своимъ остроуміемъ македонскихъ сатраповъ, расточали имъ лесть и за то получали деньги и кормъ; боялись они только скуки. Стильпо изъ Мегары былъ любимымъ риторомъ и философомъ; ремесленники бросали свои мастерскія и бѣжали слушать его рѣчи; комики, Филемавъ и Менандръ, выходили публично на состязаніе. Суевѣріе, чародѣйство, вызовъ злыхъ духовъ распространялись посреди пустыхъ декламацій и софистическихъ диспутовъ. Новая комедія рисуетъ намъ живѣй всего картину тогдашней жизни аѳинской.

Въ 307 году, весною, поплылъ Дмитрій въ Аѳины изъ Эфеса. У него было 250 галеръ, достаточное число войска и 5,000 талантовъ серебра. Онъ прибылъ къ мысу Сунію безъ всякихъ препятствій, оставилъ здѣсь бо́льшую часть своего флота, а самъ поплылъ съ двадцатью избранными тріерами далѣе, вдоль берега, какъ-будто бы въ Саламинъ. Его замѣтили въ Акрополѣ. Всѣ были въ полной увѣренности, что это корабли Птолемея. Когда эскадра повернула къ направленіи къ Пирею, то начали даже дѣлать приготовленія впустить ее въ гавань. Но вотъ галеры приблизились — и тогда только замѣтили ошибку. Все засуетилось, бросилось къ оружію — но было ужь поздно: Дмитрій вступилъ въ гавань. Въ полномъ вооруженіи стоялъ онъ на своей галерѣ и приказалъ герольду объявить, что онъ присланъ въ Аѳины отцомъ своимъ, Антигономъ, освободить ихъ отъ македонскаго владычества. Его приняли съ радостью. Кому была, въ-самомъ-дѣлѣ, охота жертвовать собой за Кассандра? а перемѣнять владыку приходилось не въ первый разъ: къ этому Аѳиняне ужь привыкли. Діонисій, начальникъ македонскаго гарнизона, удалился въ Мунихію и заперся; Дмитрій Фалерейскій оставался въ горо-

дѣ. Его послали къ Дмитрію для переговоровъ, вмѣстѣ съ другими послами.

Дмитрій Фалерейскій былъ принятъ милостиво и, по собственному желанію, отпущенъ въ Македонію къ Кассандру, откуда онъ потомъ переѣхалъ въ Египетъ, гдѣ жилъ до конца жизни своей при дворѣ Птоломея.

Взятіе Минихіи и Мегары слѣдовало быстро одно за другимъ. Послѣдній городъ былъ спасенъ отъ разграбленія только по просьбѣ аѳинскихъ пословъ. Укрѣпленія Минихіи были срыты, мѣсто отдано Аѳинамъ. Послѣ торжественнаго въѣзда въ Аѳины, Дмитрій превозгласилъ, что онъ доставитъ Аѳинамъ прежнюю силу и могущество; что прежде всего они должны позаботиться о своей морской силѣ, и онъ надѣется выхлопотать для нихъ у отца своего корабельный лѣсъ для 600 кораблей, и возвращеніе острова Имбра. Онъ совѣтовалъ имъ далѣе, отправить пословъ къ Антигону и обѣщалъ хлѣба для продовольствія.

Чѣмъ же начали свое поприще граждане аѳинскіе? Вся дѣятельность ихъ обратилась на преслѣдованіе олигарховъ и на различные декреты въ честь Дмитрія и Антигона. Статуи Дмитрія Фалерейскаго были сброшены или перелиты; его друзья — кто приговоренъ къ смерти, кто изгнанъ. Всѣ силы ума своего и воображенія напрягали жители Аѳинъ, стараясь превзойдти другъ друга въ изобрѣтеніи новыхъ почестей Дмитрію, чтобъ обратить на себя его вниманіе и снискать его милость. Но всѣхъ превзошелъ старый демагогъ Стратоклъ. По его предложенію, народъ аѳинскій рѣшилъ воздвигнуть золотыя квадриги, съ изображеніями Антигона и Дмитрія, и поставить ихъ подлѣ статуй Аристогитона и Гармодія; поднесть имъ золотые вѣнки, каждый цѣной въ 200 талантовъ, воздвигнуть имъ въ честь алтарь, какъ избавителямъ Аѳинъ, умножить число филъ двумя новыми и назвать ихъ Антигонидой и Деметріодой, учредить имъ въ честь ежегодныя игры съ жертвоприношеніями и процесіями; ихъ изображенія приказано было выткать въ священное одѣяніе богини Аѳины... не перечтешь, однимъ словомъ, всѣхъ почестей, которыми осыпали Аѳиняне сына антигонова; они завершили, наконецъ, тѣмъ, что начали величать и Дмитрія и Антигона царями.

Нѣсколько мѣсяцевъ провелъ Дмитрій въ Аѳинахъ, непредпринимая ничего болѣе для освобожденія другихъ городовъ греческихъ. Въ пирахъ и забавахъ онъ забылъ объ опасностяхъ, которыя могли грозить ему со стороны Птоломея и Кассандра; онъ праздновалъ въ Аѳинахъ свою свадьбу со вдовой киренскаго предводителя наемниковъ, Офелла, прекрасной Эвридикой, хотя ужь и былъ женатъ на Филѣ, дочери Антипатра, и Аѳиняне ликовали, потому-что этотъ бракъ новаго героя съ отраслью рода

Мильтіадова, соединялъ чудеснымъ образомъ прошедшую славу Аѳинъ со славою могущественнаго владыки Азіи.

Дмитрія вызвали изъ нѣги, въ которой онъ забывался ужь нѣсколько мѣсяцевъ, послы Антигона. Старикъ-отецъ звалъ его на Востокъ, въ Кипръ, и поручалъ ему войну съ Птоломеемъ, явившимся на водахъ Средиземнаго Моря и покорившимъ ужь Кипръ. Успѣхи Антигона и Дмитрія въ Греціи, особенно въ Аѳинахъ, устрашили ихъ соперниковъ. Никто не сомнѣвался, что Дмитрій легко успѣетъ покорить и остальную Грецію, а тамъ недалеко ужь было и до Македоніи. Надо было ему помѣшать; война кипрская должна была отвлечь его отъ Греціи и дать Кассандру возможность утвердиться снова въ Аѳинахъ.

Дмитрій прибылъ сначала въ Киликію, увеличилъ здѣсь новыми галерами свой флотъ, нанялъ еще воиновъ, и съ 15,000 пѣхоты и съ 400 конницы явился въ началѣ 306 года подъ Кипромъ. Онъ присталъ къ сѣверному берегу острова, укрѣпился здѣсь, взялъ нѣсколько ближайшихъ городовъ и двинулся къ главному городу Кипра, Саламину, лежавшему по ту сторону горъ, на южномъ берегу острова. Здѣсь начальствовалъ братъ Птоломея, Менелай. Имѣя въ своемъ распоряженіи значительную силу, Менелай рѣшился дать битву Дмитрію, проигралъ ее и принужденъ былъ запереться въ Саламинѣ. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ, снабженъ въ избыткѣ всѣми нужными запасами и боевыми снарядами; 60 галеръ лежало въ гавани, чтобъ удержать натискъ непріятеля со стороны моря, наконецъ, отправлены были гонцы къ Птоломею съ просьбою о немедленной помощи. Чтобъ предупредить Птоломея, Дмитрій рѣшилъ взять прежде всего Саламинъ.

Знаменитая осада Саламина и потомъ Родоса доставили Дмитрію почетное имя Поліоркета, оставшееся за нимъ въ исторіи. Здѣсь въ первый разъ раскрылъ онъ свой талантъ и свое знаніе въ военномъ и осадномъ дѣлѣ. Общее мнѣніе современниковъ было, что нѣтъ такого города, котораго бы не взялъ Дмитрій. Какъ во всемъ, такъ и здѣсь, проглядывала одна сторона его характера, напоминающая Александра: страсть къ необычайному и чудесному. Никто не сооружалъ такихъ ужасныхъ машинъ, никто не спускалъ на воду такихъ громадныхъ кораблей, какъ Дмитрій.

Эпоха, описываемая нами, составляетъ переворотъ въ исторіи военнаго искусства. Древняя тактика, стратегія, вся система войны была измѣнена ужь наемниками; ее измѣнило еще болѣе изобрѣтеніе новыхъ орудій и метательныхъ снарядовъ. Результаты новыхъ изобрѣтеній, переворотъ, совершившійся, благодаря имъ, въ военномъ искусствѣ, можно сравнить съ переворотомъ, послѣдовавшимъ въ XIV и XV вѣкахъ за введеніемъ артиллеріи.

«Увы! пришелъ конецъ воинской доблести», воскликнулъ Спартанецъ Агисъ, увидѣвъ въ первый разъ катапульту. Огромными массами бросали такія махины стрѣлы и камни въ ряды непривыкшаго еще къ нимъ войска, и приводили его въ безпорядокъ. Махины, сооруженныя Дмитріемъ при помощи извѣстныхъ механиковъ того времени, служили долгое время образцомъ для потомства. Подъ Саламиномъ онъ построилъ въ первый разъ огромную свою гелеполь, при содѣйствіи знаменитаго механика, Аѳинянина Эпимаха. Со всѣхъ сторонъ Азіи нагнали рабочаго народа; матеріала заготовили бездну, и началась работа. Новая махина, гелеполь, должна была заключать въ себѣ и сосредоточить всѣ возможные метательные снаряды. Она имѣла 75 футовъ въ вышину и раздѣлялась на 9 ярусовъ. Она имѣла видъ огромной башни и двигалась на 4 огромныхъ колесахъ, 14 футовъ въ діаметрѣ каждое. Въ нижніе ярусы помѣстилъ онъ махины такого устройства, что метаемые ими камни падали отвѣсно. Эти камни имѣли нѣсколько пудовъ вѣсу; въ среднихъ ярусахъ помѣщались махины, метавшія въ горизонтальномъ направленіи, а наверху находились наконецъ небольшіе метательные снаряды для маленькихъ камней; въ гелеполѣ было 200 человѣкъ для прислуги. Единственная ошибка Дмитрія состояла въ томъ, что онъ недостаточно предохранилъ свою гелеполь отъ огня. Ему удалось разрушить часть стѣны, и онъ считалъ ужь городъ своимъ, какъ вдругъ въ одну ночь Менелаю удалось сжечь всѣ его махины. Дмитрій удвоилъ свои усилія: онъ стѣснилъ еще болѣе городъ, рѣшился взять его во что́ бы то ни стало, считая себя въ-силахъ бороться въ то же время и съ Птоломеемъ, еслибъ онъ явился на помощь брату. Птоломей былъ дѣйствительно ужь близокъ, верстахъ въ 35 отъ Саламина.

Его флотъ состоялъ изъ 150-ти галеръ, за которыми слѣдовали 200 транспортныхъ судовъ съ 10,000 воиновъ. Вполнѣ увѣренный въ своемъ превосходствѣ, Птоломей послалъ сказать Дмитрію, чтобъ онъ поспѣшилъ удалиться, пока еще есть возможность, пока онъ не нападетъ на него со всей своей силой и не уничтожитъ въ-конецъ. «Я дозволяю съ своей стороны также свободное отступленіе Птоломею», отвѣчалъ Дмитрій, «если онъ только обяжется немедленно отозвать свои гарнизоны изъ Коринѳа и Сикіона». Надо было дѣло рѣшить оружіемъ. Числомъ кораблей Птоломей превосходилъ Дмитрія; его флотъ былъ, по общему мнѣнію, испытаннѣе и лучше обученъ, но зато Дмитрій имѣлъ корабли несравненно-бо́льшаго размѣра, а главное, какую-то непреодолимую увѣренность въ самого себя, въ свою счастливую звѣзду, рѣшительность и запальчивую смѣлость, которая почти всегда творитъ чудеса въ битвахъ, особенно ежели имѣть

дѣло съ осторожными, и несовсѣмъ-рѣшительными противниками, каковъ былъ Птоломей.

Мы не будемъ вдаваться въ подробности знаменитой битвы саламинской, описанной Діодоромъ. Дмитрій одержалъ блистательную побѣду. Весь успѣхъ его, какъ видно изъ разсказа, зависѣлъ оттого, что онъ, сосредоточивъ всѣ свои огромные корабли на одномъ флангѣ, пробилъ линію непріятельскаго флота, разстроилъ его и загналъ бо́льшую часть къ берегу, гдѣ довершено было пораженіе ужь на сухомъ пути конницей Дмитрія, посланной имъ заранѣе на берегъ. Птоломей бѣжалъ съ 8-ю кораблями; весь флотъ его былъ уничтоженъ или взятъ въ плѣнъ. Слишкомъ 8,000 плѣнныхъ, огромная добыча и наконецъ знаменитая флейщица, прекрасная Ламія, досталась въ руки побѣдителя. Вслѣдъ за этой побѣдой сдался Дмитрію Менелай и покорились всѣ остальные города Кипра. Дмитрій велѣлъ предать землѣ съ честью убитыхъ непріятелей и отослалъ безъ всякаго выкупа родственниковъ и друзей Птоломея, богато одаривъ ихъ. Аѳинянамъ послалъ онъ, въ благодарность за ихъ содѣйствіе, 1200 полныхъ военныхъ вооруженій.

Аристодемъ, одинъ изъ близкихъ людей Антигона и Дмитрія, отправленъ былъ имъ къ отцу съ извѣстіемъ о счастливомъ взятіи Кипра.

Антигонъ былъ въ это время въ Сиріи. Онъ трудился надъ построеніемъ своей новой столицы Антигоніи, на Нижнемъ Оронтѣ. Аристодемъ бросилъ якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, самъ сѣлъ въ лодку и присталъ одинъ къ берегу. Давно ужь безпокоился Антигонъ, что долго не имѣлъ никакого извѣстія отъ сына. Узнавъ, что прибылъ корабль изъ Кипра, онъ слалъ гонца за гонцомъ. Медленно, какъ-будто въ раздумьи, шелъ Аристодемъ, неотвѣчая на вопросы гонцовъ. Антигонъ наконецъ не вытерпѣлъ и поспѣшилъ навстрѣчу послу, узнать отъ него объ участи Дмитрія и флота. Тогда только Аристодемъ протянулъ ему руку и воскликнулъ громко: «Радуйся царь Антигонъ! Птоломей разбитъ, Кипръ нашъ и 16,800 плѣнныхъ». Всѣ вокругъ стоящіе подхватили: «Да здравствуетъ царь Антигонъ? Радуйся царь! Да здравствуетъ царь Дмитрій». Друзья и приближенные подошли къ маститому стратегу и возложили на главу его діадему. «А за то, что ты насъ долго мучилъ», сказалъ Антигонъ Аристодему, «ты будешь наказанъ и долго прождешь подарка за счастливую вѣсть». Къ сыну отправилъ Антигонъ письмо, вложилъ въ него діадему и надписалъ: «Царю Дмитрію.»

Едва пришло въ Египетъ извѣстіе, что Антигонъ провозгласилъ себя царемъ, какъ войска Птоломея привѣтствовали тѣмъ же именемъ своего полководца. Ихъ примѣру послѣдовали Се-

левкъ, Лизимахъ и Кассандръ. Съ этой минуты великая монархія Александра перестала ужь существовать окончательно.

Недолго пришлось Дмитрію пировать и веселиться въ Кипрѣ: письмо отца вызвало его на новые труды и опасности. Антигонъ задумалъ походъ на Египетъ. Дмитрій поспѣшилъ въ Антигонію, гдѣ производились ужь гигантскія приготовленія. Дѣятельно помогалъ отцу Дмитрій, ночи же проводилъ въ пирахъ и удовольствіяхъ и, утомленный, не являлся часто къ отцу, отговариваясь нездоровьемъ.

Къ концу лѣта всѣ приготовленія были кончены. Слишкомъ 80,000 войска, 83 слона, 150 галеръ и 100 транспортныхъ судовъ, съ военными снарядами, двинулись къ Египту. Дмитрій начальствовалъ флотомъ. Ему поручено было плыть берегомъ до Газы, куда пошло и сухопутное войско черезъ Целесирію. Изъ Газы хотѣлъ Антигонъ идти и моремъ и сухимъ путемъ на Египетъ. Въ началѣ ноября собрались всѣ въ Газѣ. Къ-несчастію, это было время самое-неудобное для похода. Кормчіе говорили Дмитрію, что время стоитъ неблагопріятное, что чрезъ восемь дней наступитъ захожденіе плеядъ, а съ этимъ вмѣстѣ и сильныя бури: Дмитрій не послушался и былъ причиною всей неудачи. Буря разсѣяла его флотъ, множество кораблей погибло, и едва-едва успѣли остальные собраться и пристать къ берегу, гдѣ, близь восточнаго рукава Нила, расположился лагеремъ Антигонъ. Всѣми силами пытались и Антигонъ и Дмитрій переправиться чрезъ рукава Нила, но тщетно. Вездѣ разставлены были войска, на переправахъ, вездѣ были укрѣпленія, но, кромѣ того, Птоломей позаботился и о другихъ средствахъ. Онъ разсылалъ въ лодкахъ своихъ людей, которые должны были склонять воиновъ Антигона пристать къ Птоломею. Каждому дезертиру обѣщалъ онъ награду — простому воину 200 драхмъ, офицеру талантъ. Толпами стали переходить къ Птоломею наемники, измученные долгимъ, тяжелымъ походомъ и лишеніями всякаго рода; перешли даже многіе высшіе начальники, недовольные Антигономъ. Послѣдній отгонялъ соблазнителей отъ берега стрѣлами и камнями, приказалъ выставить на берегу метательные снаряды, подвергалъ самымъ мучительнымъ казнямъ перебѣжчиковъ, но это не помогало. Участь Пердикка угрожала Антигону; онъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ и рѣшено было воротиться.

Второй разъ доказалъ уже Птоломей своимъ противникамъ, какъ опасно и трудно бороться съ нимъ на его землѣ. Приготовленія, стоившія громадныхъ суммъ, были сдѣланы даромъ; страшныя потери понесли Антигонъ и Дмитрій; но, при неукротимомъ и упрямомъ характерѣ отца и честолюбіи сына, трудно было пред-

полагать, чтобъ новая неудача заставила ихъ отказаться навсегда отъ завоеванія Египта.

Если, съ одной стороны, Лагидъ былъ неуязвимъ, то были зато другія слабыя стороны, неукрывшіяся отъ Антигона. Чтобъ сокрушить силу Египта, надо было отрѣзать его торговые пути, вырвать изъ его рукъ Средиземное Море, запереть ему всѣ гавани. Это имѣли въ виду оба завоевателя, когда начали кипрскую войну, и мы не можемъ не удивляться, какъ разсчетливый, прозорливый Антигонъ могъ рѣшиться на такое отважное и безразсудное предпріятіе, каковъ былъ сдѣланный имъ походъ, когда ужь было нѣсколько печальныхъ примѣровъ передъ глазами и въ томъ числѣ примѣръ Пердикка. Антигонъ и Дмитрій обратили теперь свое вниманіе на островъ Родосъ.

Родосъ былъ въ это время государствомъ сильнымъ и независимымъ. Какими путями достигъ онъ такого цвѣтущаго состоянія, объ этомъ не говоритъ никто ни слова. Его независимость всѣми признана; въ его гавани не встрѣчаемъ мы македонскихъ галеръ, въ стѣнахъ его нѣтъ македонскаго гарнизона. Родосъ имѣлъ значительную морскую силу и держался строгого нейтралитета.

Почти съ достовѣрностью можно сказать, что причина возвышенія и благосостоянія Родоса крылась въ совершенномъ измѣненіи торговли и торговыхъ путей послѣ завоеваній Александра-Великаго. Въ короткое время стала Александрія первымъ торговымъ городомъ и средоточіемъ всей тогдашней торговли. При такомъ переворотѣ въ коммерческихъ отношеніяхъ древняго міра, всплыли вдругъ наверхъ многіе города, многія мѣстности, игравшія дотолѣ роль совершенно-второстепенную, и между ними въособенности Родосъ, какъ главный посредникъ между Александріей и черноморскими колоніями. Родосцы занимались преимущественно перевозкой товаровъ между всѣми главными портами; они оказали еще важную услугу тѣмъ, что очистили море отъ разбойниковъ и купеческіе флоты ихъ ходили всегда подъ прикрытіемъ ихъ собственныхъ галеръ. Обмѣнивая произведенія Египта на черноморскія, они должны были необходимо дорожить союзомъ съ Египтомъ, точно такъ же, какъ и Птоломей, съ своей стороны, искалъ ихъ дружбы и союза.—Понятно, отчего Антигонъ и Дмитрій бросились на Родосъ и требовали отъ богатыхъ островитянъ разрыва съ Птоломеемъ. Родосцы отказали имъ наотрѣзъ.

Враждебныя отношенія начались тѣмъ, что Дмитрій захватилъ родосскія суда, плывшія съ товарами въ Египетъ. Родосцы отплатили Антигону тѣмъ же, и тогда Дмитрій получилъ приказаніе взять Родосъ. Островитяне попытались-было кончить дѣло

мирной сдѣлкой, но условія Антигона были такъ жестоки, что согласиться на нихъ значило бы лишить себя всѣхъ средствъ къ торговлѣ, перестать, однимъ словомъ, существовать.

Антигонъ требовалъ сто заложниковъ по своему назначенію, требовалъ уступки гавани для своего флота, требовалъ союза съ нимъ противъ Птоломея. Родосцы отказались, и Дмитрій присталъ къ острову съ громадными силами. У него было 200 большихъ военныхъ кораблей, 170 транспортныхъ судовъ и слишкомъ 40,000 войска.

Все пространство между берегами Каріи и Родосомъ кипѣло его судами; онъ присталъ безъ сопротивленія къ острову, соорудилъ гавань для своихъ галеръ и занялся приготовленіемъ осадныхъ снарядовъ. Островъ былъ опустошенъ; всѣ, кто не успѣлъ укрыться въ стѣнахъ города, были проданы въ рабство.

Родосцы взялись всѣ до единаго за оружіе. Число ихъ вмѣстѣ съ метойками и чужестранцами, взявшимися также за оружіе, простиралось до 7000; рабамъ дали оружіе и обѣщали имъ, по окончаніи войны, свободу и право гражданства. Городъ Родосъ лежалъ на сѣверовосточной сторонѣ острова того же имени. Террасообразно подымался городъ отъ берега морскаго и на высшей точкѣ находился акрополь. Гавани были превосходныя: двѣ косы образовывали обширный заливъ, за которымъ находилась маленькая гавань, предназначаемая собственно для родосскаго флота. Косы или плотины были слабо укрѣплены, но зато крѣпкая высокая стѣна окружала городъ. Дмитрій началъ осаду со стороны гавани и всѣ свои силы, всѣ махины устремилъ на плотину, укрѣпленную довольно-слабо. Его махины дѣйствовали съ кораблей, но первыя попытки не совсѣмъ удались. Родосцы успѣли, съ своей стороны, также воспользоваться новыми изобрѣтеніями механики и противопоставили махинамъ Дмитрія свои собственныя, съ тою только разницею, что первыя приводились въ движеніе наемниками и людьми, согнанными со всѣхъ концовъ Азіи, а родосскія—гражданами, бившимися за родной свой кровъ; было и еще одно различіе: вмѣсто пеньковыхъ веревокъ употреблены были для катапультъ веревки, свитыя изъ волосъ гражданокъ Родоса.

Дмитрій употребилъ впродолженіе этой осады всѣ свои громадныя средства, всю изобрѣтательность своего ума; но Родосцы стояли крѣпко; когда часть стѣны была разрушена, они сломали театръ и храмы и построили новую стѣну; они истребили часть машинъ Дмитрія брандерами; Птоломей посылалъ имъ безпрестанно то съѣстные припасы, то свѣжіе снаряды, но, несмотря на все это, они много-много продержались бы еще нѣсколько мѣсяцевъ, потому-что слишкомъ-неравна была борьба. Но въ то

самое время, когда Дмитрій готовился къ новому, рѣшительному нападенію, онъ получилъ приказаніе отъ отца заключить миръ съ Родосомъ и спѣшить въ Грецію, гдѣ снова одержалъ верхъ Кассандръ.

Миръ заключенъ былъ въ 304 году. Родосцы сохранили свою самостоятельность, обязались быть вѣрными союзниками Антигона и Дмитрія, только не противъ Птоломея, и дали заложниковъ; Дмитрій подарилъ имъ, съ своей стороны, знаменитую свою гелеполь, въ знакъ своего глубокаго уваженія къ ихъ геройской храбрости. Со времени этой осады до самаго покоренія Римлянами, Родосъ стоялъ на ряду съ самыми значительными и могущественными государствами. Родосцы умѣли пользоваться обстоятельствами, жили дружно со всѣми сосѣдями и торговыя ихъ связи распространились по всему Западу и Востоку. Съ Карѳагеномъ имѣли они давно ужь сношенія, съ Римомъ также. Это былъ, безъ-сомнѣнія, самый многолюдный и богатый изъ всѣхъ греческихъ островов.

Дмитрій спѣшилъ въ Грецію. Послы аѳинскіе и другихъ городовъ Геллады молили его поторопиться избавить ихъ отъ Кассандра, который завладѣлъ почти всею Греціей и стоялъ ужь у аѳинскихъ стѣнъ. Филе и Панактъ, важные стратегическіе пункты на границѣ Аттики, были въ рукахъ Кассандра; Беотія и Эвбея также, а въ Халкидѣ находился центръ всѣхъ его силъ и операцій. Дмитрій присталъ къ Авлидѣ и бросился прежде всего на Халкиду. Городъ сдался скоро; беотійскій гарнизонъ не имѣлъ никакого желанія жертвовать собой за Кассандра; мрачная, холодная, чуждая всякаго увлеченія личность его не внушала къ себѣ никакой симпатіи ни въ Греціи, ни на Востокѣ, ни даже въ Македоніи. Едва-только пронесся слухъ о приближеніи сына Антигонова, какъ, одинъ за другимъ, начали отпадать города. Кассандръ оставилъ Аттику, опасаясь, что Дмитрій отрѣжетъ ему отступленіе, тѣмъ болѣе, что никакъ не надѣялся на вѣрность Беотіи. Онъ оставилъ гарнизоны въ крѣпостяхъ, а самъ поспѣшилъ съ главными силами къ Термопиламъ.

Дмитрій не пошелъ въ Аѳины; онъ бросился прямо въ слѣдъ за Кассандромъ. До 6,000 Македонянъ передались ему добровольно; Гераклея у самыхъ Термопилъ отворила ворота. Въ Гелладѣ не осталось такимъ-образомъ ни одного кассандрова воина; Панактъ и Филе взяты были имъ на возвратномъ пути и отданы Аѳинянамъ. Зиму хотѣлъ Дмитрій провести въ Аѳинахъ. По предложенію Стротокла, выслано было къ нему на встрѣчу посольство съ предложеніемъ, отъ имени богини Аѳины, остановиться въ Партенонѣ. Здѣсь, въ храмѣ богини, покровительницы города, основалъ свое мѣстопребываніе молодой полководецъ. Цѣ-

лая толпа льстецовъ и паразитовъ окружали его; надъ всѣми господствовала любимица Дмитрія, Ламія, доставшаяся ему послѣ саламинской битвы; она была ужь не въ первой молодости, но чрезвычайно-остроумна и ловка. Безъ нея Дмитрію чего-то недоставало — такъ умѣла Ламія привязать его къ себѣ; она тратила огромныя суммы, сбирая ихъ съ Аѳинянъ. Лесть и раболѣпство Аѳинянъ дошли до того, что они воздвигли храмъ Ламіи и Афродитѣ и приносили имъ жертвы. Когда Дмитрій возвратился изъ похода въ Аѳины, его встрѣтили наиторжественнѣйшимъ образомъ: въ честь его пѣлись священныя пѣсни, гдѣ его называли сыномъ Посидона и Афродиты.

Весною 302 года собрались послы городовъ греческихъ въ Коринѳъ на сеймъ, и здѣсь выбранъ былъ Дмитрій единодушно верховнымъ полководцемъ Гелленовъ, но не противъ Востока, какъ нѣкогда Филиппъ и Александръ, а противъ Македоніи.

Къ лѣту всѣ приготовленія къ походу на Македонію были окончены. Съ огромнымъ войскомъ и сильнымъ флотомъ, къ которому присоединилось много морскихъ разбойниковъ, двинулся Дмитрій на сѣверъ. Новая экспедиція подала знакъ ко всеобщей войнѣ между наслѣдниками Александра, исходомъ которой было сраженіе при Ипсѣ и паденіе Антигона.

Кассандръ, видя приближающуюся грозу, предложилъ первый Антигону мирныя условія. Антигонъ требовалъ безусловной покорности, и тогда Кассандръ обратился къ Лизимаху, Птоломею и Селевку. Новыя предпріятія Антигона и Дмитрія угрожали всѣмъ имъ; никто изъ нихъ отдѣльно не въ-состояніи былъ бороться: каждый могъ опасаться за свои владѣнія; властолюбивые замыслы Антигона извѣстны были всѣмъ; однимъ словомъ, предложеніе Кассандра—соединиться общими силами на борьбу съ Антигономъ — было принято всѣми съ готовностью.

Союзники рѣшились вторгнуться со всѣхъ сторонъ въ Малую Азію и дать здѣсь рѣшительную битву. Они надѣялись этимъ отвлечь Дмитрія отъ Македоніи и спасти Кассандра. Предположеніе оправдалось вполнѣ. Антигонъ послалъ, немедленно по полученіи извѣстія о новомъ ему враждебномъ союзѣ, повелѣніе къ Дмитрію явиться въ Малую Азію, и поступилъ неосторожно. На сторонѣ Дмитрія были всѣ выгоды; онъ могъ бы однимъ ударомъ сокрушить Кассандра, завладѣть Македоніей и тогда ужь двинуться къ отцу, въ Малую Азію. Замѣтно по всему, что старикъ Антигонъ потерялъ ужь ту энергію, ту смѣлость и рѣшительность, которыми отличался прежде; онъ потерялъ увѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ, сдѣлался черезчуръ осторожнымъ и предусмотрительнымъ. Дмитрій ему покуда вовсе былъ ненуженъ: противъ Антигона шелъ Лизимахъ одинъ; о Селевкѣ не было

еще и слуху; Птоломей, вѣрный своей политикѣ и своему характеру, выжидалъ и ограничился только взятіемъ сирійскихъ городовъ и занятіемъ дорогаго ему сирійскаго берега; отозвавши же Дмитрія, Антигонъ далъ возможность Кассандру переправить всѣ свои силы къ союзникамъ. Впрочемъ, несмотря на ошибку, дѣла отца съ сыномъ шли очень-успѣшно. Дмитрій нанесъ сильный ударъ Лизимаху подъ Лампсакомъ и принудилъ его къ отступленію; Селевкъ не являлся; Птоломей медлилъ, и, при первомъ извѣстіи объ успѣхахъ Антигона, удалился даже изъ Сиріи; Лизимахъ, отъ природы скупой, платилъ наемникамъ плохо жалованье, такъ-что они толпами перебѣгали къ врагамъ, къ Антигону, и получали отъ него все должное имъ жалованье сполна. Однимъ словомъ, къ концу 302 года Антигонъ имѣлъ явное превосходство надъ своими врагами.

Къ-несчастью, о послѣдующихъ операціяхъ враждующихъ партій мы имѣемъ весьма-скудныя извѣстія. Мы знаемъ достовѣрно, что около этого времени прибылъ наконецъ Селевкъ съ значительными силами и расположился въ Каппадокіи. Онъ привелъ съ собою 480 слоновъ и 100 колесницъ съ серпами; войско его носило совершенно азіатскій характеръ; Кассандръ успѣлъ опять стать твердой ногой въ Греціи и, кромѣ-того, прислалъ еще до 13,000 воиновъ на помощь союзникамъ, которые, однакожь, потерпѣли сильную потерю отъ бури во время переправы въ Гераклею.

Событія первой половины 301 года намъ неизвѣстны; мы встрѣчаемъ противниковъ только лѣтомъ, на поляхъ Ипса, гдѣ въ послѣдній ужь разъ рѣшался вопросъ о единствѣ монархіи. Селевкъ и Лизимахъ соединились на рѣкѣ Галисѣ; первый шелъ изъ Каппадокіи, второй — изъ Гераклеи; Птоломей не принималъ участія въ рѣшительной битвѣ; онъ только опять прибылъ въ Сирію и занялъ города, незаботясь о своихъ союзникахъ. Дмитрій шелъ на соединеніе съ отцомъ отъ береговъ Пропонтиды. Враги сошлись на равнинѣ при Ипсѣ. Гдѣ лежалъ этотъ городокъ—опредѣлить трудно; вѣроятно, недалеко отъ Синады, на томъ мѣстѣ, гдѣ большая военная дорога раздвоялась на двѣ: въ Византію и Эфесъ. Такъ по-крайней-мѣрѣ думаетъ Маннертъ.

Сраженіе происходило лѣтомъ 301 года, но день его неизвѣстенъ. Описалъ намъ битву Плутархъ, весьма, однакожь, поверхностно. Числомъ воиновъ и слоновъ союзники превосходили Антигона, но между ними начинались ужь несогласія, которыми легко бы могъ воспользоваться послѣдній. Птоломей медлилъ и выжидалъ попрежнему; нѣсколько уступокъ — и онъ отсталъ бы непремѣнно отъ союза. Что побудило Антигона дать рѣшитель-

ную битву — неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, это было желаніе Дмитрія, котораго не устрашали ни многочисленность непріятеля, ни слоны его. Послѣдніе были для него нестрашны: онъ собственнымъ опытомъ дозналъ подъ Газой, какъ гибеленъ можетъ быть этотъ родъ войска.

Странныя предзнаменованія наканунѣ битвы смутили старика-Антигона; Дмитрію приснился Александръ-Великій, подошелъ къ нему въ блестящемъ вооруженіи и спросилъ: какой изберетъ онъ воинскій кличъ, и на отвѣтъ Дмитрія: «Зевесъ и побѣда», Александръ удалился, сказавъ, что перейдетъ къ врагамъ, гдѣ его ожидаетъ лучшій пріемъ. Передъ самымъ началомъ битвы Антигонъ, выходя изъ шатра, упалъ и сильно разбилъ себѣ лицо. Онъ поднялся съ трудомъ, вознесъ руки къ небесамъ и молилъ боговъ даровать ему побѣду, или смерть.

Битва началась кавалерійскимъ дѣломъ. Дмитрій бросился съ своей конницей на Антіоха, сына Селевка, начальствовавшаго азіатской конницей; послѣдняя не выдержала натиска и обратилась въ бѣгство. Въ пылу преслѣдованія, Дмитрій не замѣтилъ, что Селевкъ приказалъ двинуть слоновъ, чтобъ отрѣзать его. Фаланга Антигона, неподкрѣпляемая болѣе конницей, пришла въ разстройство; легкая кавалерія Селевка начала ее тѣснить со всѣхъ сторонъ. Въ войскѣ Селевка было нѣсколько тысячъ конныхъ стрѣлковъ; они метали издали стрѣлы и пращи въ непріятеля, то вдругъ дружно врѣзывались въ ряды его, то опять разсыпались и дѣйствовали издали. Ряды Антигона поколебались: одни сдались непріятелю, другіе обратились въ бѣгство. Одинъ Антигонъ не двигался съ мѣста. Когда непріятель началъ къ нему приближаться, когда окружающіе воскликнули съ ужасомъ: «Царь! они на тебя идутъ!», Антигонъ не двинулся съ мѣста и продолжалъ смотрѣть въ даль, ожидая сына. «Дмитрій сейчасъ будетъ здѣсь», говорилъ онъ окружающимъ: «онъ выручитъ насъ»; но Дмитрій не являлся; туча стрѣлъ посыпалась на старца; свита бѣжала; онъ остался одинъ; стрѣла за стрѣлой вонзалась въ него, и Антигонъ палъ на 81-мъ году жизни. У трупа остался только одинъ изъ приближенныхъ, Тораксъ изъ Ларисcы. Побѣдители погребли Антигона съ царскими почестями. Дмитрій едва успѣлъ собрать 5,000 пѣхоты и 4,000 конницы. Съ этими малыми остатками бѣжалъ онъ въ Эфесъ.

Съ этой поры начинается новый отдѣлъ въ жизни Дмитрія, неменѣе-замѣчательный и любопытный. Битва при Инсѣ лишила его всего: онъ потерялъ отца, потерялъ царство, но не потерялъ надежды поправить свои дѣла и не упалъ духомъ. Въ этомъ-то и состояла замѣчательная сторона въ характерѣ Дмитрія, что чѣмъ сильнѣе была опасность, чѣмъ круче и неблагопріят-

нѣе обстоятельства, тѣмъ смѣлѣе, дѣятельнѣе онъ становился, не щадилъ трудовъ, забывалъ о своемъ покоѣ и бросалъ всѣ забавы. Съ этой поры начинается для него жизнь искателя приключеній; онъ рыскаетъ по морямъ, захватываетъ въ-расплохъ города, то вдругъ, пользуясь обстоятельствами, завоевываетъ области и носится опять съ обширными гигантскими замыслами, которые никогда не давали успокоиться его пылкому и дѣятельному характеру. Но въ немъ замѣтна одна перемѣна: онъ огрубѣлъ; неудачи его озлобили. Напрасно станемъ мы искать въ немъ благородныхъ порывовъ молодости, уваженія къ личнымъ доблестямъ другихъ. Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности онъ становится болѣе похожъ на дикаго, суроваго предводителя наемниковъ, жертвующаго всѣмъ для удовлетворенія своихъ прихотей.

Дмитрій остался, впрочемъ, не безъ средствъ послѣ сраженія при Ипсѣ: у него былъ сильный флотъ, превосходившій флоты его противниковъ; у него были въ рукахъ Тиръ, Сидонъ и Кипръ, острова Эгейскаго Моря и, наконецъ, въ городахъ Пелопоннеза находились его гарнизоны. Онъ бросился въ Эфесъ; здѣсь была превосходная стоянка для его флота. Отсюда могъ онъ держать въ страхѣ и покорности весь малоазійскій берегъ. Къ чести его должно сказать, что, несмотря на крайнюю нужду въ деньгахъ, онъ не дерзнулъ наложить руки на сокровища эфесскаго храма. Въ Эфесѣ оставилъ онъ гарнизонъ подъ начальствомъ Діодора, назначилъ каждой эскадрѣ и каждому отряду сборное мѣсто, а самъ бросился въ Киликію за своей престарѣлой матерью, Стратоникой, и отправилъ ее съ остатками сокровищъ въ Кипръ къ своей женѣ, Филѣ, самъ же поплылъ въ Грецію, въ Аѳины. Діодоръ, подкупленный Лизимахомъ, рѣшился передать послѣднему Эфесъ. Дмитрій провѣдалъ объ измѣнѣ на дорогѣ, быстро воротился назадъ, казнилъ измѣнника и поплылъ въ Аѳины; но на дорогѣ ожидала его печальная и грустная вѣсть: навстрѣчу ему плылъ ужь аѳинскій корабль съ послами, которые возвѣстили Дмитрію, что Аѳиняне просятъ его убѣдительно не безпокоить ихъ своимъ присутствіемъ и не накликать на городъ новую бѣду. «Я не заслужилъ такой встрѣчи отъ Аѳинъ», отвѣчалъ онъ посламъ и просилъ только, чтобъ позволили удалиться безпрепятственно его гарнизону изъ Пирея, а самъ поплылъ къ Истму; въ Коринѳѣ и Мегарѣ находились его гарнизоны; онъ надѣялся, что города, которымъ еще недавно дарована была имъ самостоятельность, примутъ его сторону — и горько ошибся Ежедневно приходили къ нему вѣсти о новомъ отпаденіи. Греція и Пелопоннезъ были для него окончательно потеряны Его планъ — сдѣлать

Аѳины центромъ своихъ новыхъ операцій и средоточіемъ новаго, сильнаго Греческаго Царства, къ которому надѣялся присовокупить еще Македонію, Ѳессалію и Ѳракію—рушился. Дмитрій видѣлъ, что въ Греціи дѣлать нечего. Онъ оставилъ здѣсь безземельнаго молодаго эпирскаго князя Пирра, брата жены своей Дейдаміи, будущаго врага Римлянъ, а самъ пустился опять въ море на новыя приключенія и опасности. Онъ обратился на сѣверъ, во Ѳракію, на владѣнія Лизимаха и опустошилъ богатые берега Геллеспонта и Пропонтиды, гдѣ награбилъ значительныя сокровища. Богатое жалованье и громкое имя привлекало къ нему со всѣхъ сторонъ наемниковъ; его войско росло; онъ задумывалъ опять обширные планы; наконецъ, одно совершенно-неожиданное обстоятельство дало новый и счастливый оборотъ его судьбѣ.

Доброе согласіе между союзниками не могло долго продолжаться. Когда главнаго противника, Антигона, не стало, тогда вражда, несогласіе и завистъ взяли снова верхъ. Лагидъ отсталъ первый; Лизимахъ и Селевкъ не довѣряли другъ другу; послѣдній былъ, безспорно, самымъ могущественнымъ; лучшія страны Азіи находились въ его рукахъ. Лизимахъ опасался за Малую Азію. Птоломей полагалъ, что новый владыка Востока для него такъ же опасенъ, если еще не опаснѣе Антигона: онъ боялся за Сирію; Кипръ, обѣщанный ему Селевкомъ, находился все еще въ рукахъ Дмитрія. Оба, и Лизимахъ и Птоломей, рѣшились сблизиться покороче и дружными силами противодѣйствовать новымъ замысламъ Селевка.

Желая еще болѣе скрѣпить союзъ, они рѣшились породниться. Старикъ Лизимахъ женился на дочери Птоломея, Арсиноѣ.

Новый союзъ этотъ побудилъ Селевка искать также себѣ помощника и сотрудника; онъ обратился къ Дмитрію. Болѣе выгоднаго союзника онъ не могъ найдти. Дмитрій имѣлъ въ рукахъ огромный флотъ, острова и громкое имя; Селевкъ поспѣшилъ предложить ему дружбу и просилъ у него руку его дочери, Стратоники. Дмитрій не медлилъ. Съ своимъ флотомъ и дочерью поплылъ онъ вдоль малоазійскаго берега въ Сирію, захватывая города. Его внезапное появленіе въ Киликіи устрашило брата кассандрова, Плейстарха, утвердившагося въ здѣшнихъ мѣстахъ; Плейстархъ бросилъ свои владѣнія и бѣжалъ отъ Тарса къ брату, громко жалуясь на измѣну Селевка, а Дмитрій присталъ къ Киındѣ, взялъ оставшіяся здѣсь сокровища — до 1200 талантовъ, и поплылъ далѣе къ Россу, у южной оконечности Исскаго Залива. Здѣсь ждалъ ужь его Селевкъ; сюда прибыла и супруга Дмитрія Фила, мать Стратоники. Дружественно и сердечно было свиданіе союзниковъ; пиры и веселье сопровождали бракосочетаніе; сначала угощалъ Селевкъ гостей въ своемъ лагерѣ, потомъ задалъ пиръ

Дмитрій на своемъ громадномъ и великолѣпномъ адмиральскомъ кораблѣ, въ тринадцать рядовъ веселъ. Накопецъ они разстались. Стратоника уѣхала съ мужемъ въ новую столицу Антіохіи, Дмитрій поплылъ занять Киликію.

Но чтобъ сохранить міръ съ Кассандромъ, онъ отправилъ въ Македонію его сестру и свою жену, Филу. При посредствѣ ея Кассандръ согласился уступить Киликію Дмитрію и не требовать болѣе возвращенія ея Плейстарху; въ-замѣнъ того, Дмитрій уступилъ ему право на Коркиру, Левкадію, Акарнанію, сѣверныя части Геллады и Эвбею. Лизимахъ и Птоломей рѣшились также примириться; они понимали, что покуда имъ невыгодно бороться съ двумя такими врагами, каковы были Селевкъ и Дмитрій. Птоломей протянулъ первый руку Дмитрію и обручилъ съ нимъ малолѣтнюю дочь свою Птолемаиду; призналъ ли онъ его полнымъ властелиномъ Финикіи, Кипра и Киликіи—это неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, не оспоривалъ ихъ у него. Онъ, вѣроятно, охотнѣе видѣлъ ихъ въ рукахъ Дмитрія, нежели могущественнаго Селевка.

Около трехъ лѣтъ продолжался всеобщій миръ. Это время весьма-важно для исторіи гелленизма. Новые правители занялись внутреннимъ устройствомъ и организаціей своихъ государствъ. Пора была и народамъ отдохнуть послѣ безпрестанныхъ и опустошительныхъ войнъ. Если и раздавался кой-гдѣ воинскій кличъ дикихъ наемниковъ, хоть бы въ Коркирѣ, гдѣ столкнулся Кассандръ съ смѣлымъ искателемъ приключеній, Агаѳокломъ, или на далекомъ Востокѣ, гдѣ Селевку пришлось сдерживать непокорныхъ сатраповъ, или воинственныя племена теперешняго Афганистана и Пенджаба — все же это были ничтожныя сшибки въ-сравненіи съ историческими войнами Антигона съ его соперниками, вызывавшими къ оружію Востокъ и Грецію, и впродолженіе которыхъ не оставался въ покоѣ ни одинъ даже самый-глухой и отдаленный уголокъ монархіи Александра. Правители и не желали войны; одному развѣ Дмитрію война могла принести пользу; одинъ онъ, вѣроятно, сѣтовалъ на мирные договоры, связывавшіе его по рукамъ и по ногамъ, и недававшіе никакого простора его дѣятельному характеру. Привыкнувъ къ безпрестаннымъ походамъ, носясь постоянно съ обширными планами, Дмитрій скучалъ своимъ бездѣйствіемъ; онъ выжидалъ только удобнаго случая выступить снова на поприще. Случай не замедлилъ представиться.

Селевкъ жалѣлъ, что уступилъ тестю Киликію, одинъ изъ самыхъ-важныхъ стратегическихъ пунктовъ для его владѣній, и изъявилъ желаніе купить ее. Дмитрій отказалъ на-отрѣзъ, укрѣпилъ города, усилилъ гарнизоны и готовился встрѣтить, съ ору-

жіемъ въ рукахъ, вѣроломнаго зятя. До войны, конечно, не дошло. Селевкъ не рѣшался употребить противъ Дмитрія силу, предвидя, что первая стрѣла, пущенная имъ въ лагерь Дмитрія, заставитъ послѣдняго соединиться съ Птоломеемъ и Лизимахомъ, и что новый союзъ могъ бы поставить его въ такое же затруднительное и опасное положеніе, въ какомъ находился Антигонъ передъ сраженіемъ при Ипсѣ, и угрожать ему подобной же участью. Селевкъ смолчалъ; но не остановился Дмитрій. Онъ сознавалъ свое шаткое положеніе, понималъ, что держится единственно только тѣмъ, что обѣ враждебныя стороны употребляютъ его какъ пугало другъ для друга. Не такой самостоятельности, не такого царства хотѣлъ Дмитрій—и вотъ онъ рѣшился выступить изъ бездѣйствія. Онъ обратилъ свое вниманіе опять на Грецію, на почву, ему дорогую и любезную.

Мы видѣли выше, какъ поступили съ нимъ Аѳины: послѣ сраженія при Ипсѣ, они его отвергли. Примѣру ихъ послѣдовали и другіе города, надѣясь возвратить себѣ прежнюю самостоятельность; но они ошиблись. Кассандръ вмѣшался попрежнему въ ихъ дѣла, несмотря на договоры; онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ захватить Аттику, но не успѣлъ. Тогда онъ подкупилъ одного изъ самыхъ отчаянныхъ аѳинскихъ демагоговъ, Лахареса, и помогъ ему захватить въ руки власть. Дмитрію это было, конечно, извѣстно, и на этомъ основалъ онъ планъ своего вторженія въ Грецію. Въ 297 году Дмитрій двинулся изъ Кипра съ огромнымъ флотомъ и значительнымъ войскомъ къ берегамъ Аттики. Буря разбила его корабли; онъ сдѣлалъ съ остальными высадку на ея берега, но безъ успѣха. Тогда онъ бросился за свѣжими силами въ Кипръ, обратился потомъ къ Пелопонезу и осадилъ Мессену. Взятіе этого города ему едва не стоило жизни: стрѣла, пущенная изъ катапульты, пронзила ему обѣ щеки на-вылетъ и причинила долгія страданія. Плодомъ похода была Мелена и нѣсколько городовъ Пелопонеза; но объ Аѳинахъ покуда нечего было думать. Лахаресъ готовился къ энергической защитѣ; Лизимахъ и Птоломей помогали деньгами, послѣдній обѣщалъ даже флотъ.

Смерть Кассандра, скончавшагося отъ водяной, не измѣнила хода дѣлъ; его наслѣдникъ, 18-ти лѣтній Филиппъ, поддерживалъ дружбу съ Аѳинами или, лучше сказать, съ Лахаресомъ, и двинулся съ войскомъ на помощь; но злая чахотка свела и его черезъ 4 мѣсяца въ могилу. Царемъ македонскимъ признанъ былъ его братъ, Антипатръ. Злая участь, постигшая семейство Кассандра, послужила въ пользу Дмитрію ужь тѣмъ, что отклоняла или, по-крайней-мѣрѣ, замедляла вмѣшательство Македоніи. Онъ успѣлъ взять Эгину и Саламинъ, стѣснилъ Аѳины, отрѣзалъ имъ всѣ подвозы и грозилъ уморить голодомъ. Пирей сдался Дмитрію,

но городъ держался. Лахаресъ наказывалъ смертью всякую попытку къ сдачѣ, ожидая съ-часу-на-часъ египетскій флотъ; флотъ показался наконецъ у Эгины, но уплылъ назадъ, узнавъ, что Дмитрій получилъ подкрѣпленіе изъ Кипра и Пелопоннеза и что 300 галеръ готовы отразить нападеніе. Послѣдняя надежда Аѳинъ исчезла, а голодъ доходилъ въ городѣ до ужасающихъ размѣровъ: четверть пшеницы стоила въ Аѳинахъ до 60 руб. серебромъ; народъ ѣлъ коренья, траву, всякихъ гадовъ; Лахаресъ снялъ, говорятъ, въ это время золотыя украшенія съ Фидіевой Паллады и золотые щиты съ архитрава Партенона, и несмотря на то питался только ягодами. Онъ наконецъ бѣжалъ. Въ деревенской одеждѣ, съ замараннымъ лицомъ, съ корзиной на спинѣ, вышелъ онъ изъ городскихъ воротъ, гдѣ ждала его лошадь, и помчался къ беотійской границѣ. Всадники Дмитрія бросились за нимъ въ погоню. Каждый разъ, какъ они его настигали, Лахаресъ бросалъ на дорогу горсти золотыхъ дарейковъ: всадники подбирали и дали ему возможность уйдти.

Аѳиняне отворили ворота Дмитрію и сдались.

Успѣхи Дмитрія и взятіе Аѳинъ не могли не вызвать, какъ и слѣдовало ожидать, противодѣйствія. Птоломей выставилъ ему въ Греціи опаснаго соперника въ лицѣ молодаго Пирра, жившаго давно ужь заложникомъ при египетскомъ дворѣ. Птоломей далъ Пирру денегъ, войско и отправилъ въ Эпиръ. Эпироты встрѣтили молодаго предпріимчиваго князя съ восторгомъ, и Эпирское Царство соединилось теперь подъ одной сильной рукой воинственнаго Пирра, ожидавшаго только случая помѣрить свои силы съ Дмитріемъ и вмѣшаться въ дѣла Греціи. Первое столкновеніе произошло въ Македоніи.

Въ то самое время, когда Пирръ устроивалъ свои дѣла въ Эпирѣ и готовился къ вмѣшательству въ Македонію, Дмитрій былъ занятъ войною съ новыми врагами, выставленными ему хитрымъ Лагидомъ въ Греціи. Этотъ новый врагъ былъ — кто бы могъ то подумать? — Спарта, Спарта, забытая всѣми, неимѣвшая ужь никакого голоса въ дѣлахъ Греціи. Птоломей далъ ей средства вооружиться противъ Дмитрія, а вмѣстѣ съ Спартою поднялся и Аргосъ. Спартанское войско, подъ предводительствомъ Архидама, двинулось къ сѣверу. Дмитрій нашелъ его ужь въ Аркадіи подъ Мантинеей. Лѣсистая Ликейская Гора, на югозападной сторонѣ города, раздѣляла оба войска. Дмитрій, незная хорошо мѣстности, опасался, чтобъ Спартанцы не обошли его и не напали на него въ-расплохъ. День былъ ненастный; сѣверный вѣтеръ вылъ по лѣсу. Дмитрій велѣлъ зажечь лѣсъ на сѣверной сторонѣ: съ страшною силой охватило пламя вѣковыя деревья и Спартанцы вынуждены были удалиться къ Спартѣ. Дмитрій шелъ

за ними по пятамъ. Въ долинѣ Эвротаса дана была битва, въ которой Лакедемоняне были разбиты на–голову.

Но судьба видимо преслѣдовала Дмитрія: ежели въ одномъ мѣстѣ онъ торжествовалъ, зато терпѣлъ въ другомъ неудачи и потери. Только-что онъ низложилъ Спарту и готовился къ походу для завоеванія остальнаго Пелопоннеза, какъ начали приходить извѣстія одно другаго печальнѣе и заставили его остановить свои побѣдоносныя войска. Лизимахъ захватилъ въ его отсутствіе лучшіе города Малой Азіи и, между–прочимъ, Эфесъ; Селевкъ наложилъ руку на Киликію и Финикію; Кипръ захватилъ Птоломей, наконецъ въ Македоніи, куда его звали для рѣшенія споровъ между дѣтьми Кассандра, Пирръ успѣлъ ужь его предупредить. Послѣднее извѣстіе пришло къ нему вслѣдъ за побѣдой надъ Спартанцами. Что̀ ему оставалось дѣлать? Броситься въ Азію и выгнать непріятеля? Но тогда онъ подвергалъ опасности свои завоеванія въ Греціи. Онъ рѣшился попытать счастья въ Македоніи, зная нелюбовь народонаселенія къ Кассандру и его потомству, и въ надеждѣ найдти здѣсь, въ случаѣ удачи, болѣе средствъ къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Поспѣшно оставилъ онъ Лакедемонъ и быстро двинулся на сѣверъ. Спартанцы преслѣдовали его. Дмитрій прошелъ узкія дефилеи, оставилъ здѣсь весь свой обозъ и зажегъ его. Покуда пламя удерживало преслѣдующихъ, онъ успѣлъ оставить ихъ далеко за собой, прошелъ Аркадію, перешелъ чрезъ Истмъ и явился въ Беотію. Послѣдняя покорилась, за исключеніемъ Ѳивъ, гдѣ находился Лахаресъ, но Дмитрій, нежелая терять дорогаго времени, продолжалъ свой путь далѣе въ Македонію.

Событія въ послѣдней странѣ напоминаютъ намъ живо тѣ времена, когда Македонія была еще ничтожнымъ государствомъ, игрушкой въ рукахъ своихъ сосѣдей. Партіи и раздоры — вотъ что̀ представляла намъ Македонія до Филиппа, вотъ что̀ видимъ мы въ ней и теперь. Сила ея, превосходство, историческое значеніе было дѣломъ двухъ великихъ личностей, которыя, ежели судить строго, столько же принадлежали Греціи, сколько и Македоніи. Съ смертью, ихъ Македонія потеряла всякое значеніе. Дмитрій Поліоркетъ обратилъ на нее вниманіе потому, что видѣлъ въ ней превосходное матеріальное средство для поправленія своихъ запутанныхъ и несчастныхъ обстоятельствъ. Македонія могла дать ему превосходное войско; съ своей же стороны, онъ господствовалъ почти надъ цѣлой Греціей. Съ такими силами можно было предпринять новые походы, задумать новые планы и, можетъ–быть, возвратить утраченныя земли. Внутреннія дѣла Македоніи были къ–тому же въ самомъ плачевномъ состояніи и не представляли большихъ препятствій смѣлому завоевателю.

Единственнымъ опаснымъ противникомъ Дмитрія былъ Пирръ; съ нимъ не имѣлъ онъ еще случая помѣрить силы и, должно предполагать, не ожидалъ найдти въ немъ такого опаснаго соперника.

Не ранѣе какъ въ 294-мъ году прибылъ Дмитрій изъ Греціи къ границамъ Македоніи. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ вся страна, ненавидѣвшая давно ужь Кассандра, передалась Дмитрію съ восторгомъ. Это было въ концѣ 294 года.

Мы имѣемъ полное право вѣрить искренности восторга, съ которымъ Македонія приняла Дмитрія. Ничтожная роль, которую она играла при Кассандрѣ и еще болѣе при его дѣтяхъ, оскорбляла національную гордость. Еще жили старые ветераны, сподвижники Александра, соратники Антигона, любимаго вождя, и разсказы ихъ оставались не безъ вліянія на сердца молодаго поколѣнія этого воинственнаго народа. Очаровательная наружность и любезность Дмитрія привязывали къ нему сердца всѣхъ; онѣ должны были произвести сильное впечатлѣніе на Македонянъ, помнившихъ надменную, грубую и жестокую личность Кассандра и ничтожество его дѣтей. Слава Дмитрія гремѣла повсюду; его воинскія доблести, его побѣды, его великія предпріятія напоминали Александра, и македонскія фаланги могли надѣяться, что съ такимъ вождемъ займутъ онѣ снова почетное мѣсто въ Греціи, въ Азіи и подымутъ Македонію на степень первокласснаго и сильнаго государства.

Но въ какомъ положеніи были къ концу 294 года дѣла Дмитрія? Въ Азіи не оставалось у него ни одного клочка земли; даже Саламинъ, на островѣ Кипрѣ, сдался Птоломею вмѣстѣ съ благородной Филой, женой Дмитрія и его дѣтьми; Лагидъ отослалъ ихъ, впрочемъ, съ богатыми дарами къ Дмитрію; Пирръ завладѣлъ чуть-ли не половиной Македоніи; Лизимахъ грозилъ со стороны Ѳракіи; Спартанцы, ободренные минутной удачей, вступили въ союзъ съ Ѳивами; Пелопоннезъ, Аѳины были также готовы взяться за оружіе; Птоломей старался всѣми силами вооружить ихъ и другіе важные пункты Греціи противъ Дмитрія.

Дмитрій обратился прежде всего не на Пирра, не на Лизимаха, но бросился въ Грецію, чтобъ по-крайней-мѣрѣ съ этой стороны быть въ безопасности. Лизимахъ былъ ему, впрочемъ, неопасенъ; Геты и другіе кочевники нынѣшней Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, вели съ нимъ жестокую войну, въ которой Лизимахъ былъ даже взятъ въ плѣнъ. Съ 293 по 290-й годъ Дмиріи былъ занятъ безпрестанными войнами въ Греціи; онъ взялъ Ѳивы, взялъ Аѳины, вездѣ оставилъ македонскіе гарнизоны и обратилъ города съ ихъ областями въ македонскія провинціи. Но до какой степени Птоломей слѣдилъ за его движеніями и успѣхами, до ка-

кой степени онъ старался препятствовать Дмитрію въ Греціи, видно изъ того, что Өивы возстали снова, немедленно за удаленіемъ Дмитрія на сѣверъ. Дмитрій хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ Лизимаха и бросился на Өракію; онъ готовъ ужь былъ къ походу, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о возстаніи Өивъ и о вторженіи Пирра въ Өессалію. Дмитрій быстро двинулся въ Беотію, покорилъ снова всѣ города и, оставивъ сына своего подъ крѣпкими Өивами, обратился на Пирра, который, вовсе неожидая такой быстроты и такого внезапнаго отпора, тотчасъ удалился. Дмитрій оставилъ въ Өессаліи сильный отрядъ и явился снова подъ Өивами. Всѣ свои махины, все свое искусство употребилъ Дмитрій, чтобъ взять городъ; онъ не щадилъ ни денегъ, ни людей. Изъ одного упрямства жертвовалъ онъ тысячами. Впрочемъ, онъ самъ не щадилъ своей жизни: всегда былъ впереди и получилъ жестокую рану въ шею, отъ которой едва не умеръ. Наконецъ Өивы пали окончательно.

На зиму Дмитрій воротился въ Македонію. Великіе и громадные планы зараждались въ это время въ головѣ новаго владыки македонскаго; его природа не знала покоя: едва довершалъ онъ одно, какъ ужь задумывалъ новое; не было прочности въ его созданіяхъ, но нельзя отказать его предпріятіямъ въ величавости и особенномъ фантастическомъ характерѣ. Въ Дмитріи было слишкомъ-много эгоизма и не было той широты природы, которою отличался Александръ. На Дмитріи слишкомъ-ярко лежалъ отпечатокъ современной ему эпохи, которая представляла сама какое-то хаотическое состояніе, и не выработала ничего прочнаго. Мы не знаемъ, замышлялъ ли онъ ужь въ это время свой походъ на Азію, но сохранились зато извѣстія, что онъ хотѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ въ Греціи и Македоніи греческіе города Сициліи и Великой Греціи, что онъ хотѣлъ осуществить мысль Александра—походъ на Карөагенъ, и съ этою цѣлью замышлялъ прорыть Коринөскій Перешеекъ и вступилъ въ сношеніе съ Римлянами. Онъ схватилъ какъ-то на греческихъ водахъ римскихъ пиратовъ и отослалъ ихъ на родину.

Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что война была даже необходима Дмитрію. Оставя въ сторонѣ его безпокойный характеръ, его ничѣмъ неудовлетворимую жажду дѣятельности и страсть къ завоеваніямъ, должно сознаться, что обстоятельства сами вынуждали его къ войнѣ; только она единственно могла дать ему средства содержать громадное войско, которое становилось тяжкимъ бременемъ для Македоніи.

Прежде всего хотѣлъ Дмитрій обезопасить западныя границы Македоніи, гдѣ угрожалъ ему главный врагъ, Пирръ, и союзники

его, Этолійцы. Въ 289 году двинулся Дмитрій на Эпиръ, выжегъ и опустошилъ страну, взялъ даже Корциру; но въ то же самое время сильный отрядъ его войска, находившійся въ Этоліи подъ начальствомъ Пентавха, былъ разбитъ на-голову Пирромъ и потерялъ до 5000 плѣнныхъ. Этолія была спасена. Пирръ спѣшилъ назадъ въ Эпиръ сразиться съ Дмитріемъ, но ужь не нашелъ его: Дмитрій поспѣшилъ возвратиться въ Македонію. Его побуждали къ тому важныя причины: число перебѣжчиковъ изъ его войска возрастало съ каждымъ днемъ; до его ушей доходили безпрестанныя хвальбы царю эпирскому и громкій ропотъ на его обращеніе съ Македонянами. — «Дмитрій—это комедіантъ» говорили македонскіе воины; «онъ сегодня разъигриваетъ роль Александра, а завтра разъиграетъ, пожалуй, Эдипа-бѣглеца». Личность Пирра не могла не поразить ихъ; его воинскія доблести пришлись по нраву воинственному народу, а привычки и обращеніе согласовались болѣе съ обычаями македонскими, нежели всѣ пріемы Дмитрія, воспитаннаго въ Азіи, въ восточныхъ понятіяхъ.

Жители Македоніи страдали подъ бременемъ налоговъ и терпѣли постоянно отъ необузданности наемниковъ; въ то же время самъ Дмитрій тратилъ неимовѣрныя суммы на свои пиры, на одежды и на другія прихоти.

Дмитрій сильно заболѣлъ. Пользуясь его положеніемъ, Пирръ вторгся въ Македонію; толпами сбѣгались къ нему воины Дмитрія; съ радостью встрѣчали его жители, такъ-что Пирръ безпрепятственно дошелъ до Эдессы. Едва только Дмитрій оправился, какъ тотчасъ же пополнилъ свои рѣдѣвшіе полки и пошелъ на Пирра; но послѣдній отступилъ: онъ избѣгалъ серьёзной битвы; цѣль его похода была, по всему вѣроятію, желаніе развѣдать состояніе умовъ въ Македоніи. Дмитрій успѣлъ, однакожь, настичь его въ горахъ и нанесть ему сильное пораженіе.

Казалось бы, что Дмитрій могъ предвидѣть всю опасность со стороны Эпира; казалось бы, что, необезопасивъ себя съ этой стороны, необезоруживъ такого врага, ему ни о чемъ другомъ и думать нельзя было; но Дмитрій бѣжалъ самъ на встрѣчу своей гибели. Не въ его характерѣ было упрочить свою силу. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами внѣшними и внутренними, онъ ничего не предпринималъ для устраненія угрожающей опасности. Вмѣсто того, чтобъ идти на Пирра, возвратить захваченныя имъ области въ Македоніи, онъ самъ предложилъ ему миръ, сдѣлалъ всевозможныя уступки, чтобъ Пирръ только не мѣшалъ его предпріятіямъ и его походу на востокъ.

Весь 288 годъ употребилъ Дмитрій на приготовленія къ походу. Читая разсказъ Плутарха о приготовленіяхъ Дмитрія, не зна-

емъ, вѣрить ли ему или нѣтъ—такъ они были громадны, такъ превосходили все, что̀ дѣлалось до-сихъ-поръ въ древнемъ мірѣ. Не вѣришь потому, что приготовленія не согласуются съ средствами Дмитрія. Онъ собралъ войско въ 98,000 человѣкъ пѣхоты и 12,000 конницы; въ Пиреѣ, въ Коринѳѣ, въ Халкидѣ и въ Пеллѣ сооружались корабли, подъ личнымъ надзоромъ Дмитрія; подобнаго флота не видывалъ еще древній міръ; въ числѣ кораблей были страшныя галеры въ 15 и 16 рядовъ веселъ; однихъ гребцовъ потребно было слишкомъ 100,000 человѣкъ, вся же сила, которую онъ хотѣлъ двинуть въ Азію, простиралась до 300,000 человѣкъ. Откуда, съ какими усиліями, на какія средства Дмитрій могъ собрать такую силу? Но ежели извѣстія Плутарха не преувеличены, то мы невольно должны задать себѣ вопросъ: коково̀ было положеніе Македоніи и Греціи, выставившихъ подобныя силы, давшихъ деньги и средства на ихъ содержаніе? Правда, войска Дмитрія состояли по-большой-части изъ наемниковъ, людей бездомныхъ; но каково же было положеніе страны, которая выставила столько бездомныхъ и праздношатающихся людей? Смѣло можно сказать, что врядъ-ли во времена римскія Греція испытала такія насилія, какъ подъ владычествомъ этого овосточившагося Греко-Македонянина.

Въ началѣ 287 года всѣ приготовленія были окончены, какъ вдругъ вѣсти, одна другой печальнѣе, пришли къ Дмитрію. Египетскій флотъ показался на Эгейскомъ Морѣ, побуждая греческіе города къ возстанію, а Лизимахъ вступилъ въ сѣверныя области Македоніи. Дмитрій оставилъ своего сына въ Греціи, а самъ бросился на Лизимаха. Здѣсь пришлось ему опять испытать горькіе плоды своего страннаго и безразсуднаго поведенія въ Македоніи. Громко начали воины славить Лизимаха, маститаго вождя временъ великаго Александра, и толпами переходили къ нему.

Желая спасти остальное войско, Дмитрій отступилъ и пошелъ на Пирра, забиравшаго въ его отсутствіе снова македонскія области. Около Берреи, въ Южной Македоніи, нагналъ онъ Пирра и расположился лагеремъ. Тайкомъ перебралось нѣсколько Македонянъ въ эпирскій станъ. Пирръ принялъ ихъ милостиво; онъ надѣлъ свой шлемъ съ высокимъ перомъ и взошелъ на валъ, окружавшій его лагерь. Видя его издали, видя Македонянъ, стоявшихъ вокругъ него, съ дубовыми вѣтками на шлемахъ, воины Дмитрія не выдержали: они цѣлыми толпами бросились къ Пирру, надѣли на шлемы дубовыя вѣтви, привѣтствовали Пирра и требовали его приказаній. Дмитрій едва успѣлъ переодѣться и бѣжать тайкомъ въ Кассандрею, у Термейскаго Залива, откуда

онъ переправился въ Грецію. Его вѣрная жена, Фила, уморила себя голодомъ.

Въ Греціи ожидала бы его, вѣроятно, такая же участь, какъ и въ Македоніи, еслибъ здѣсь не стоялъ сынъ его, Антигонъ, съ значительнымъ отрядомъ; къ нему явился Дмитрій бѣглецомъ, оставленный всѣми. Покуда Лизимахъ и Пирръ дѣлили между собой Македонію, Дмитрій готовился къ новой борьбѣ. Греція была еще ему покорна; ни Пелопоннезъ, ни Геллада не тронулись; однѣ Аѳины звали къ себѣ Пирра. Дмитрій осадилъ городъ, но приближеніе Пирра заставило его удалиться въ Коринѳъ. Вѣроятно ужь въ это время началась размолвка между Пирромъ и Лизимахомъ; иначе трудно себѣ объяснить легкое примиреніе перваго съ Дмитріемъ. Дмитрій отказался отъ Македоніи; Пирръ призналъ за нимъ Ѳесалію и Грецію.

Осенью 287 года переправился Дмитрій наконецъ въ Азію. Его силы далеко были ужь не тѣ, но все еще значительны. Первая удачная битва, первое завоеваніе богатыхъ городовъ Малой Азіи могли доставить ему деньги, а съ деньгами можно было имѣть всегда воиновъ. Въ короткое время Лидія и Карія были въ его рукахъ; многіе города передались ему добровольно, помня счастливыя времена подъ владычествомъ Антигона; многіе полководцы Лизимаха передались ему также; Сарды, столица Лидіи, отворили ему ворота.

Противъ него отрядилъ Лизимахъ своего сына, Агаѳокла, съ сильнымъ войскомъ. Считалъ ли себя Дмитрій слабѣе, или изъ другихъ разсчетовъ, только онъ не пошелъ на встрѣчу Агаѳоклу и удалился во Фригію. Агаѳоклъ былъ, должно предполагать, искусный воинъ и достойный соперникъ Дмитрія; онъ отрѣзалъ ему проходъ чрезъ Фригію, заставилъ двинуться къ югу и слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Въ нѣсколькихъ стычкахъ Дмитрій одержалъ верхъ и опередилъ своего противника; но Агаѳоклъ разослалъ своихъ легкихъ всадниковъ съ приказаніемъ захватывать вездѣ фуражировъ Дмитрія. Войско послѣдняго голодало, воины роптали, полагая, что ихъ ведутъ въ Арменію; при переправѣ чрезъ рѣку Меандръ многіе погибли, остальные страдали отъ холода въ гористыхъ странахъ около нынѣшней Арменіи; наконецъ, къ довершенію всего, въ войскѣ показалась зараза, отъ которой погибло до 8,000 человѣкъ. Пробиться въ Арменію не было возможности; возвратный путь былъ запертъ; Эфесъ, единственный приморскій городъ Дмитрія, сдался ужь лизимахову военачальнику. Дмитрій стоялъ на сѣверномъ склонѣ Тавра, но на битву съ Агаѳокломъ не рѣшался, считая себя слабѣе. Онъ прорвался въ Киликію, дошелъ до Тарса, хотѣлъ пробиться гдѣнибудь на сѣверъ, но всѣ проходы были заняты Агаѳокломъ.

Ему ничего не оставалось, какъ обратиться къ великодушію Селевка съ просьбой сжалиться надъ несчастнымъ воителемъ, котораго такъ безпощадно преслѣдуетъ злая судьба.

Увлекшись первымъ порывомъ, Селевкъ сжалился и послалъ приказаніе своимъ военачальникамъ и правителямъ доставить все необходимое для содержанія Дмитрія и его войска. Слова Патрокла, любимаго друга и совѣтника, заставили его, однакожь, образумиться и не очень довѣрять Дмитрію. Селевкъ, неотмѣняя перваго приказанія, собралъ значительныя силы и пошелъ въ Киликію. Это озадачило Дмитрія. Онъ ожидалъ, что его окружатъ и убьютъ, удалился къ самымъ неприступнымъ мѣстамъ Тавра и отправилъ снова посла къ Селевку съ просьбою, дать ему свободный пропускъ. Онъ обѣщалъ удалиться, въ далекихъ странахъ поискать себѣ счастія, и тамъ, между варварами, завоевать себѣ царство, чтобъ покончить мирно дни свои. Селевкъ позволилъ ему, въ отвѣтъ на это, провести зиму въ Катаоніи, но потребовалъ его главныхъ военачальниковъ въ заложники. Самъ онъ занялъ всѣ проходы въ Сирію и просилъ Агаѳокла, вступившаго во время преслѣдованія Дмитрія въ его владѣнія, удалиться, обѣщая справиться съ послѣднимъ.

Не въ характерѣ Дмитрія было принять такія условія и покориться, имѣя въ рукахъ хотя даже и ничтожныя средства. Онъ предпринималъ безпрестанные набѣги, разбивалъ небольшіе отряды Селевка, набиралъ новыхъ ратниковъ. Скоро сдѣлался онъ грозою окрестныхъ областей, пробился до сирійскихъ проходовъ, разбилъ стоявшій здѣсь отрядъ и открылъ себѣ дорогу на востокъ. Досада, скорбь, труды и лишенія истощили его силы; онъ опасно занемогъ въ ту самую минуту, когда обстоятельства начали повидимому снова благопріятствовать ему. Сорокъ дней лежалъ онъ въ постели, когда каждая минута была дорога. Во время его болѣзни начались безпорядки въ войскѣ; многіе дезертировали; но въ маѣ 286 года Дмитрій выздоровѣлъ и бросился къ Иссу. Селевкъ полагалъ, что онъ воротится въ Киликію, но Дмитрій обратился на востокъ, прошелъ ночью Аманскіе Проходы, опустошая всѣ области. Селевкъ бросился за нимъ, нагналъ и остановился, полагая, что Дмитрій не рѣшится на битву.

Ночью пробрались два Этольца къ Селевку въ лагерь и объявили, что Дмитрій намѣревается напасть на него ночью въ-расплохъ. Селевка разбудили: «Мы имѣемъ дѣло съ дикимъ звѣремъ», сказалъ онъ, приказалъ трубить тревогу, приказалъ зажечь передъ каждой палаткой огни и вывелъ свое войско. Видя безчисленные огни, слыша воинскій кличъ, Дмитрій догадался, что ему измѣнили — и удалился.

На слѣдующее утро Селевкъ напалъ на него. Дмитрій сильно наперъ на его правый флангъ, поколебалъ его и двинулся въ лощину, откуда воины Селевка ужь удалились. Селевкъ бросился туда съ лучшими воинами и 8 слонами, поставилъ ихъ на дорогѣ, соскочилъ самъ съ коня, сбросилъ шлемъ и, держа одно копье, сталъ на сторонѣ дороги. Воины Дмитрія бросили оружіе.

Съ небольшой свитой успѣлъ Дмитрій убѣжать къ Аманскимъ Проходамъ; онъ скрылся въ дремучемъ лѣсу и ожидалъ здѣсь ночи; онъ хотѣлъ бѣжать къ Кавну, откуда надѣялся пробраться къ морскому берегу, гдѣ его ждали корабли, отъ которыхъ онъ такъ безразсудно удалился еще въ самомъ началѣ похода. Но оказалось, что у Дмитрія было всего только на день провіанта; Дмитрій перемѣнилъ планъ и бросился на сѣверъ къ Тавру; его приближенный Созигенъ предложилъ ему 400 золотыхъ монетъ, обнадеживая, что съ ними можно будетъ добраться до перваго приморскаго города. Ночью направили бѣглецы путь свой къ югу. Между-тѣмъ Селевкъ послалъ Лизія съ сильнымъ отрядомъ занять Аманскія Горы и разложить на всѣхъ предгоріяхъ огни. Увидя огни, Дмитрій повернулъ опять назадъ; ночь была тёмная, ужасная; многіе изъ спутниковъ оставили его, остальные потеряли всякую надежду на спасеніе. Одинъ изъ нихъ рѣшился сказать, что надо сдаться; Дмитрій бросился на него съ мечомъ. Наконецъ однакожь Дмитрій убѣдился самъ въ невозможности спасенія и послалъ къ Селевку сказать, что сдается ему.

Селевкъ принялъ его посланныхъ чрезвычайно-милостиво. Онъ велѣлъ приготовить для Дмитрія богатую ставку, торжественную встрѣчу, и послалъ къ нему стараго его слугу, друга Аполлонида, съ привѣтствіемъ. Въ лагерѣ Селевка ожидали съ любопытствомъ знаменитаго плѣнника. Аполлонидъ явился къ Дмитрію и передалъ ему дружеское привѣтствіе отъ Селевка; Дмитрій былъ вполнѣ увѣренъ, что явится къ Селевку не какъ плѣнникъ, но вдругъ показался отрядъ войска въ 1,000 человѣкъ пѣхоты и конницы, который окружилъ его и, въ молчаніи, проводилъ къ Селевку.

Дмитрія перевезли въ укрѣпленный городъ Апамею, на Оронтѣ. Его окружала сильная стража, но содержаніе было роскошное, и онъ пользовался совершенной свободой; ему служили придворные Селевка; денегъ онъ получалъ сколько угодно; отпускалось все, чего бы ни пожелалъ онъ; всѣ друзья и соратники имѣли къ нему свободный доступъ; царская охота, бѣги — все было къ его услугамъ.

Съ разныхъ сторонъ осаждали Селевка просьбами объ освобожденіи Дмитрія; сынъ Дмитрія, Антигонъ, предлагалъ Селевку самого себя въ заложники, предлагалъ Грецію, лишь бы только

онъ выпустилъ отца; просили за Дмитрія Птоломей и Пирръ, даже многіе города Греціи и Малой Азіи. Одинъ Лизимахъ остался вѣренъ себѣ и, съ свойственною ему грубостью, совѣтовалъ Селевку умертвить плѣнника, предлагалъ даже за это 2000 талантовъ; послѣднее много значило, потому-что Лизимахъ былъ очень-скупъ на деньги. Селевкъ отвѣчалъ ему съ негодованіемъ, что онъ не убійца и не намѣренъ употреблять во зло довѣрія своего плѣнника.

Мѣсяцъ за мѣсяцомъ проходилъ, а Дмитрій все еще томился въ неволѣ. Онъ самъ начиналъ ужь отчаяваться въ возможности свободы и писалъ къ сыну и военачальникамъ въ Грецію, чтобъ не ожидали его, смотрѣли бы на него какъ на умершаго и не вѣрили бы письмамъ за его печатью. Сыну Антигону предоставилъ онъ свои владѣнія.

Онъ началъ искать развлеченія въ охотѣ и скачкахъ; это ему надоѣло. Бездѣйствіе грызло его душу; скука томила его; онъ цѣлые дни проводилъ за веселыми пиршествами. На третьемъ году своего плѣна онъ началъ хворать и въ 283-мъ году умеръ, на 53 году своей жизни.

Пепелъ его положили въ золотую урну и отправили въ Грецію. Сынъ его, Антигонъ, выѣхалъ съ цѣлымъ флотомъ на встрѣчу, чтобъ привезти прахъ въ Коринѳъ; города, къ которымъ приставалъ корабль съ бренными остатками Поліоркета, украшали урну вѣнками и высылали печальныя посольства сопровождать ее; когда флотъ присталъ къ Коринѳу, урна выставлена была на палубѣ, украшена пурпуровой мантіей; юноши коринѳскіе содержали почетную стражу; знаменитый игрокъ на флейтѣ, Ксенофонтъ, игралъ печальную пѣснь, и ровными взмахами веселъ приближился корабль къ берегу. Толпы народа стояли здѣсь; онѣ шли за урной, которую несъ Антигонъ, проливая слезы. Прахъ Дмитрія перенесенъ былъ въ Ѳессалію и положенъ въ городѣ Димитріадѣ, одномъ изъ немногихъ твореній, переживвшихъ своего созидателя.

И. Бабстъ.

III.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАЙ 1853 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Высочайше повелѣно: составленное въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ Морскаго Министерства первое продолженіе къ Своду морскихъ уголовныхъ постановленій, напечатать и ввести въ руководство по морскому вѣдомству. Вслѣдствіе чего обнарованъ экземпляръ означеннаго продолженія.

— Высочайше утвержденъ добавочный штатъ Контрольнаго Отдѣленія Интендантства Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, и при этомъ повелѣно: 1) должность начальника того Отдѣленія причислить къ VI классу должностей; 2) сумму, слѣдующую по вышеозначенному добавочному штату на содержаніе чиновъ, въ текущемъ году отнести на остатки отъ смѣтныхъ суммъ Интендантства Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, а съ 1854 года требовать, по смѣтамъ, изъ Государственнаго Казначейства.

— Вслѣдствіе просьбы, Высочайше утвержденной 8-го апрѣля 1852 года, Компаніи для обжиганія въ Санктпетербургской Губерніи извести посредствомъ привилегированныхъ рюдерсдорфскихъ печей, разрѣшено: число акцій этой Компаніи, вмѣсто 3,300, назначенныхъ § 4 Устава Компаніи, ограничить 1,650, изъ которыхъ 1,500 акцій, ужь проданныхъ, обратить въ складочный капиталъ Компаніи, а 150 раздать безденежно учредителямъ.

— Компанія заготовленія корабельныхъ сухарей и печенаго хлѣба, на основаніи ст. 1848 Св. Зак. гр. т. X, освобождена отъ обязанности брать свидѣтельства въ продолженіе десятилѣтняго срока.

— Въ видахъ оживленія торговли, производимой чрезъ Ейскій Портъ на Азовскомъ Морѣ, дозволено, впредь по 15-е декабря 1855 года, очищать пошлиною въ Ейской Таможенной Заставѣ въ-теченіе шести мѣсяцевъ со времени привоза всѣ иностранные товары, которые, по существующимъ постановленіямъ, разрѣшено привозить въ эту Заставу для оплаты пошлиною.

— Разрѣшено продолженіе существованія Временнаго Счетнаго Отдѣленія при Хозяйственномъ Департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ еще на девять мѣсяцевъ, считая срокъ сей съ начала апрѣля настоящаго года по 1-е января 1854 года, съ отнесеніемъ содержанія его попрежнему, насчетъ остатковъ отъ доходовъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.

— Высочайшимъ повелѣніемъ, предложеннымъ Правительствующему Сенату, 18 марта сего года, разрѣшено: для распространенія круга дѣйствій Санктпетербургской и Московской Сберегательныхъ Кассъ, принимать отъ вкладчиковъ отъ 50 коп. до 50 руб. сер. въ одинъ разъ, между-тѣмъ, какъ прежде высшій размѣръ ограничивался 25-ю руб., и умножить въ Кассахъ число присутственныхъ дней, назначивъ въ здѣшней Кассѣ, вмѣсто трехъ, по пяти, а въ Московской, вмѣсто двухъ, по три дня въ недѣлю. Нынѣ, для успѣшнаго, на будущее время, производства дѣлъ здѣшней Сберегательной Кассы, въ 11-й день апрѣля Высочайше повелѣно: 1) срокъ пріема и выдачи вкладовъ назначить въ Кассѣ отъ 9-ти часовъ утра до 1-го часа пополудни, и 2) съ открытіемъ въ ней присутствія по пяти разъ въ недѣлю; относительно праздничныхъ дней, установить такой же порядокъ, какой существуетъ въ Сохранной и Ссудной Казнахъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ Касса непремѣнно была открываема по воскресеньямъ, если не случится въ эти дни двунадесятыхъ праздниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить Высочайшаго утвержденія новый штатъ означенной Кассы, составленный соотвѣтственно съ дѣйствительною, при нынѣшнихъ ея оборотахъ, потребностью, который увеличенъ противъ прежняго штата, назначеніемъ новыхъ должностей: одного помощника бухгалтера, одного помощника кассира и двухъ писарей средняго оклада.

— Дозволено россійскимъ подданнымъ, строящимъ на свой счетъ суда на русскихъ верфяхъ, получать, впредь по 1-е января 1858 года, безпошлинно изъ-за границы нужныя имъ для снаряженія судна металлическія корабельныя принадлежности, а именно: механическіе шпили и брашпили, цѣпные якоря, цѣпи и цѣпные канаты всякаго рода, цѣпные борги для реевъ, штурвалы съ принадлежностями, желѣзные блоки, мантены съ блоками, камбузы, помпы, буйхи или тамбуи и машины для отдачи якорей, съ тѣмъ, чтобъ каждый разъ испрашивалось кораблехозяевами на этотъ предметъ особое разрѣшеніе отъ Министерства Финансовъ, съ означеніемъ въ просьбахъ, по-

даваемыхъ ими, рода и количества помянутыхъ металлическихъ издѣлій, которыя и выпускать имъ изъ таможни не прежде, какъ при самомъ ужь окончаніи постройки судна.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

—Высочайше утверждена нормальная табель состава пожарной части въ городахъ. По этой табели города раздѣлены на семь нумеровъ, по числу жителей обоего пола, и именно: 1) до 2,000; 2) отъ 2,000 до 5,000; 3) отъ 5,000 до 10,000; 4) отъ 10,000 до 15,000; 5) отъ 15,000 до 20,000; 6) отъ 20,000 до 25,000; 7) отъ 25,000 до 30,000. Эта табель служитъ основаніемъ для составленія по каждому городу въ отдѣльности особаго штата пожарной части, пропорціонально его населенію. При семъ должны быть принимаемы въ соображеніе также мѣстныя обстоятельства, требующія большаго или меньшаго состава пожарной части съ тѣмъ, однако, чтобъ онъ, во всякомъ случаѣ, не превосходилъ размѣровъ, опредѣляемыхъ сею табелью для надлежащаго класса народовъ. Составленные на семъ основаніи губернскимъ начальствомъ штаты пожарной части утверждаются Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Одновременно съ проектами такихъ штатовъ начальники губерній представляютъ подробную вѣдомость о мѣстныхъ цѣнахъ на лошадей, инструменты и всѣ пожарныя принадлежности.

— Высочайше утвержденъ штатъ Керченскаго Музеума, на который будетъ отпускаться 2,500 руб. сер. въ годъ.

—По вопросу о томъ, кому принадлежитъ по имѣніямъ калмыцкихъ владѣльцевъ ревизія опекунскихъ отчетовъ и наблюденіе за правильнымъ веденіемъ опекъ, повелѣно: § 25 учрежденія о управленіи Калмыками, кочующими въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ (прилож. къ ст. 530 Учр. Инор. Св. Зак. т. II къ прод. IX) измѣнить слѣдующимъ образомъ: предметы обязанностей Палаты Государственныхъ Имуществъ по управленію Калмыками суть тѣ же самые, какіе имѣетъ она по части попечительства надъ государственными крестьянами; сверхъ-того, Палатѣ принадлежать: вопервыхъ, ревизія отчетовъ по опекѣ подъ имѣніями калмыцкихъ нойоновъ владѣльцевъ и зайсанговъ и, вовторыхъ, наблюденіе за правильнымъ веденіемъ ихъ опекъ.

— По вопросу о сборахъ на устройство мостовыхъ въ городѣ Ригѣ, Высочайше повелѣно: 1) Для устройства мостовыхъ въ городѣ Ригѣ, сверхъ установленнаго на сей собственно предметъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 4-го іюня 1851 г. 2% сбора съ домовладѣльцевъ и взимаемаго въ пользу города съ извощиковъ за взятіе билетовъ, установить еще слѣдующіе сборы: вопервыхъ, съ лошадей, принадлежащихъ извощикамъ цеховымъ по одному рублю, а нецеховымъ по 1 руб. 50 коп. съ каждой лошади и, вовто-

рыхъ, съ экипажей какъ обывательскихъ, такъ и съ извощичьихъ, и именно: а) съ каретъ, колясокъ и большихъ роспусковъ по 5 руб., в) съ дрожекъ и карафашекъ по 2 руб.; г) съ телегъ и малыхъ роспусковъ по 1 руб. сер. съ каждаго экипажа, съ тѣмъ, чтобъ частныя лица изъ обывателей платили сборъ этотъ не болѣе какъ съ двухъ принадлежащихъ имъ каждаго рода экипажей, а промышляющіе извозомъ какъ цеховые, такъ и нецеховые — съ каждаго экипажа. II) Сборы эти, равно съ домовладѣльцевъ по 2% съ чистаго дохода по оцѣнкѣ недвижимой ихъ собственности, взимать, не ограничивая срокомъ, впредь до окончанія всѣхъ работъ по устройству мостовыхъ въ городѣ Ригѣ и предмѣстіяхъ его до покрытія всѣхъ по сему предмету расходовъ. III) Освободить отъ платежа 2% сбора на устройство мостовыхъ тѣхъ домовладѣльцевъ города Риги, которыхъ чистые доходы съ домовъ оцѣнены ниже 20 руб. сер. IV) Министру Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобъ какъ учрежденные нынѣ въ городѣ Ригѣ сборы съ лошадей и экипажей, такъ и установленный уже по Высочайше утвержденному 4-го іюня 1851 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта 2% сборъ съ домовладѣльцевъ (кромѣ тѣхъ, доходы которыхъ съ принадлежащихъ имъ домовъ оцѣнены ниже 20 руб. сер. въ годъ), были обращаемы исключительно на устройство мостовыхъ въ городѣ Ригѣ и его предмѣстіяхъ, но ни въ какомъ случаѣ не были употребляемы на какой-либо иной предметъ, и чтобъ мѣстное губернское начальство въ представляемыхъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 8 постан. огород. и сельск. хоз. вообще (Св. Зак. т. XII) спискахъ ежегодныхъ смѣтъ о доходахъ и расходахъ г. Риги, показывало особою статьею: какое именно пространство мостовыхъ въ-теченіе года устроено по городу Ригѣ и его предмѣстіямъ и какое количество суммы употреблено на этотъ предметъ изъ установленныхъ сборовъ. Затѣмъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ строжайше наблюдать, чтобъ сборы на устройство мостовыхъ въ городѣ Ригѣ и его предмѣстіяхъ, по окончаніи всѣхъ работъ по сему устройству, были непремѣнно прекращены, такъ-какъ сборы эти, установленные исключительно на покрытіе расходовъ по первоначальному выведенію мостовыхъ, не должны быть производимы тогда, когда цѣль ихъ установленія будетъ достигнута.

Высочайше повелѣно: 1) Московскую Медицинскую Контору освободить отъ завѣдыванія тамошнею Запасною Аптекою, упразднивъ оказывающіяся затѣмъ излишними въ этой конторѣ должности присутствующаго, контролера и состоящихъ при семъ послѣднемъ двухъ канцелярскихъ чиновниковъ, съ тѣмъ, чтобъ на счетъ ассигнуемой по штату конторы изъ Государственнаго Казначейства, на содержаніе означенныхъ чиновниковъ, суммы, составляющей всего 955 руб. 4 коп. производимо было штатное жалованье, по 285 руб. 92 коп. въ годъ, одному изъ отставляемыхъ изъ конторы членовъ, которое донынѣ производилось ему изъ операціонной суммы Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій. 2) Для завѣдыванія Московскою Запасною Аптекою учредить въ Москвѣ особое инспекторство аптекарской части съ тѣми правилами и обязанностями, какія изложены въ ст. 52 — 76

Уст. и Учр. Врач. (Св. Зак. т. XIII). 3) На содержаніе инспекторства обратить отпускаемые изъ Государственнаго Казначейства и остающіеся свободными отъ упраздненія по Московской Медицинской Конторѣ упомянутыхъ должностей 669 руб. 12 к., а остальные 1,114 руб. 92 коп. производить изъ операціонной суммы Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій.

Высочайше повелѣно: 1) Уроженокъ прибалтійскихъ губерній, ищущихъ званія домашнихъ учительницъ, подвергать испытанію, независимо отъ другихъ предметовъ, въ русскомъ языкѣ, и предоставлять означенное званіе тѣмъ только изъ нихъ, которыя окажутъ по-крайней-мѣрѣ достаточныя въ ономъ свѣдѣнія; 2) степень познанія въ русскомъ языкѣ означать въ выдаваемыхъ на званіе домашнихъ учительницъ свидѣтельствахъ, съ опредѣлительнымъ показаніемъ, имѣютъ ли онѣ право обучать этому языку. 3) Отъ уроженокъ прибалтійскихъ губерній, испытуемыхъ только на право заниматься первоначальнымъ обученіемъ дѣтей, требовать по-крайней-мѣрѣ начальныхъ знаній въ русскомъ языкѣ и 4) вышеозначенныя статьи привесть въ исполненіе по истеченіи года, дабы желающія подвергнуться испытанію имѣли возможность довершить познанія свои въ русскомъ языкѣ.

— Въ Иркутскомъ и Енисейскомъ казачьихъ конныхъ полкахъ, пятымъ сотнямъ, сформированнымъ изъ бывшихъ станичныхъ казаковъ и расположеннымъ по границѣ китайской, одна въ Тункинскомъ Краѣ, а другая въ Минусинскомъ Округѣ, предоставлено право безпошлинной мѣны съ Китайцами собственныхъ сельскихъ произведеній.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Должность совѣтника Троицко-Савскаго Пограничнаго Правленія отнесена по пенсіи къ IV разряду.

— Должность письмоводителя Кишмурунскаго Внѣшняго Приказа Сибирскихъ Киргизовъ отнесена по пенсіи къ IX разряду.

— Званіе библіотекаря Департамента Генеральнаго Штаба отнесено по росписанію должностей къ VII классу.

— Повелѣно: 1) Въ тѣхъ случаяхъ, когда избранные дворянствомъ и утвержденные уже въ должности земскіе исправники выбудутъ изъ этой должности за смертію, или выходомъ въ отставку, и также, когда они будутъ отъ оной удалены по суду или по распоряженію начальства, то на мѣсто ихъ назначать чиновниковъ отъ правительства; 2) таковыхъ чиновниковъ оставлять на первый разъ въ должности земскихъ исправниковъ до первыхъ слѣдующихъ выборовъ, и 3) утвержденіе ихъ въ должности предоставить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по представленію о томъ генерал-губернаторовъ и начальниковъ губерній, и, по утвержденіи, давать знать Инспекторскому Департаменту Гражданскаго Вѣдомства, для внесенія въ Высочайшій приказъ.

IV. Законы уголовные.

— Въ дополненіе и поясненіе подлежащихъ статей законовъ уголовныхъ положено: отзывы по дѣламъ уголовнымъ должны быть представляемы за подписаніемъ приносящихъ оные, съ означеніемъ ихъ мѣста жительства, а равно и числа подачи отзыва или принятія онаго на почтѣ, для отсылки по принадлежности. День подачи отзыва на почту долженъ быть показанъ просителемъ въ подписи на пакетѣ, вслѣдъ за означеніемъ имени отправляющаго оный. За исполненіемъ этихъ правилъ наблюдаютъ судебныя мѣста при подачѣ въ оныя лично таковыхъ отзывовъ и принимающіе ихъ для отправленія съ почтою; но въ случаѣ несоблюденія означеннаго правила, оно не должно быть поставляемо причиною непринятія отзыва.

— По вопросу объ усиленіи мѣръ наказанія нерадивыхъ и дурнаго поведенія волостныхъ и сельскихъ писарей, получившихъ образованіе на счетъ общественнаго сбора, повелѣно: писарей, которые, по отдачѣ, на основаніи примѣч. 2. къ ст. 4711, Т. II, Губ. Учр. (по прод. XV ч. II-й) въ лѣсную стражу, не исправятся въ своемъ поведеніи, въ случаѣ способности ихъ къ военной службѣ, сдавать въ оную по постановленіямъ Палатъ Государственныхъ Имуществъ, утвержденнымъ начальникомъ губерніи и съ зачетомъ обществу и семейству рекрута, наблюдая, чтобъ, прежде принятія подобной мѣры, производимо было о дурномъ поведеніи сдаваемаго въ рекруты формальное слѣдствіе.

События въ Отечествѣ.

— *Ярмарки въ Нижегородской Губерніи.* Въ нижегородской губерніи существуютъ 42 ярмарки. Оборотъ ихъ въ 1852 году составлялъ 66,205,898 р. с., въ томъ числѣ на одной нижегородской 65,928,530 р. Не говоря о нижегородской ярмаркѣ, гдѣ сосредоточивается вся внутренняя торговля Россіи, изъ прочихъ ярмарокъ нижегородской губерніи замѣчательны: *Маровская,* при селѣ Чернухѣ, макарьевскаго уѣзда, по торговлѣ скотомъ, воскомъ и медомъ, и *Спасская,* васильевскаго уѣзда, по торговлѣ краснымъ товаромъ, привозимымъ съ нижегородской ярмарки, послѣ которой она вскорѣ бываетъ. Оборотъ маровской ярмарки, такъ-называемой по расположенію своему на

холмахъ, которые мѣстными жителями называются марами, простирается до 65,000, а Спасской—до 50,000 р. Прочія ярмарки въ губерніи не иное что̀, какъ базары, или извѣстные торговые дни, куда стекаются окрестные жители для размѣна своихъ произведеній.

— *Ярмарка въ Пинегѣ.* На бывшую въ г. Пинегѣ въ мартѣ благовѣщенскую ярмарку, было привезено разныхъ товаровъ на 31,630 руб., продано на 26,310 руб. и осталось не продано на 8,320 руб. с. Въ доходъ города поступило 98 р. и въ пользу гражданъ 350 р. Стеченіе народа простиралось до 1,150 человѣкъ.

— *Торговля въ Самарѣ.* Впродолженіе минувшей зимы въ самарской пристани закупъ нѣкоторыхъ товаровъ былъ въ слѣдующемъ видѣ: пшеницы куплено 845,000 четвертей, считая каждую четверть въ 10 пудовъ, а въ прошломъ году куплено 710,450 четвертей, слѣдовательно, нынѣ куплено болѣе прошлогодняго 435 четвертей. Гороху нынѣ куплено 11,695 четвертей, болѣе прошлогодняго 6,025 четвертей. На крупу и пшено мало было требованій, и потому закупъ сдѣланъ незначительный. Сала куплено 453,000 пудовъ, менѣе прошлогодняго на 33,000 пудовъ. Поташу куплено 40,000 пудовъ, менѣе прошлогодняго 18,000 пудовъ. Сверхъ-того, по самарской губерніи на пристаняхъ куплено нынѣ пшеницы: екатеринославской 50,000, балахновской 420,000 и по колоніямъ 150,000 четвертей.

— *Ввозъ каменнаго угля въ Одессу.* Привезено изъ-за границы къ одесскому порту каменнаго угля въ послѣднія двадцать лѣтъ:

годы:	пуды:	годы:	пуды:
1833.	90,400.	1843.	421,100.
1834.	59,400.	1844.	256,700.
1835.	350,800.	1845.	741,775.
1836.	332,300.	1846.	1,094,800.
1837.	667,800.	1847.	1,103,500.
1838.	289,600.	1848.	672,120.
1839.	585,100.	1849.	389,175.
1840.	108,700.	1850.	2,000,336.
1841.	42,200.	1851.	1,427,253.
1842.	254,800.	1852.	1,195,104.

— *Открытіе руды въ имѣніи графа А. С. Уварова.* Въ Муромскомъ Уѣздѣ, въ имѣніи надворнаго совѣтника графа А. С. Уварова, при селѣ Панфиловѣ, открыта въ недавнемъ времени по лѣвому берегу рѣки Оки руда, которая, по испытаніи въ лабораторіи Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, оказалась состоящею изъ бураго и шпатоваго желѣзняка. Бурый желѣзнякъ даетъ изъ 100 частей 56,18% чугуна; при обжогѣ теряетъ 14,10%; при доменной плавкѣ слѣдуетъ прибавлять известковаго флюсу. При обжиганіи руда теряетъ 28,71%. Открытіе руды подало поводъ владѣльцу устроить чугунно-плавильный заводъ въ имѣніи своемъ, который и началъ уже свои дѣйствія съ 29 іюня прошлаго года. Съ этого времени по 1 декабря выплавлено 56,160 пудовъ, въ сутки выходитъ чугуна до 200 пудовъ, рабочихъ при этомъ заводѣ было 36 и 48 рудокоповъ.

— *Судоходство въ Владимірской Губерніи въ 1852 году.* Въ Владимірской Губерніи судоходныя рѣки: Ока и Теза и сплавныя Клязьма и Теша. По Окѣ прошло въ 1852 году судовъ 1,187 и плотовъ 114, по Тезѣ только 636 судовъ. Судорабочихъ по Окѣ было 12,110, а по Тезѣ 882. Общая цѣнность груза простиралась по Окѣ до 7,132,418 р., а по Тезѣ до 122,387 р. По Клязьмѣ прошло 491 судно и 727 плотовъ, по Тешѣ 1 судно и 107 плотовъ. Число судорабочихъ было по Клязьмѣ 1,231, а по Тешѣ 270 человѣкъ. Общая цѣнность груза простиралась по Клязьмѣ до 1,297,775 р., а по Тешѣ до 140,032 р. Грузъ провозимыхъ товаровъ состоялъ преимущественно изъ фабричныхъ и заводскихъ издѣлій, полотенъ, мыла, свѣчей, желѣза, чугуна, дегтя, смолы, скипидара, алебастра, камня и проч. Всѣхъ пристаней въ губерніи девять

IV.

ДЖОНЪ ЛО, *или финансовый кризисъ во Франціи въ первые годы регентства. Сочиненіе* **Ивана Бабста.** *Москва. 1852.*

(Статья вторая и послѣдняя.)

Ло былъ единственный человѣкъ, предложенія котораго могли найдти сочувствіе. Онъ не говорилъ ни о сбереженіи, ни объ уничтоженіи привилегій, ни о преобразованіи регламентарнаго устройства промышлености; напротивъ, находя почти всѣ отрасли частной дѣятельности въ рукахъ привилегированныхъ корпорацій и администраціи, онъ совѣтовалъ распространить вліяніе государства на кредитъ, сдѣлавъ изъ него орудіе для финансовыхъ преобразованій и для устройства монопольныхъ торговыхъ учрежденій, обнимающихъ цѣлую Францію. Въ этой мысли заключалось явное противорѣчіе: привилегированное, регламентарное устройство, непрерывно сталкивающееся съ частнымъ интересомъ, должно было опираться на довѣріи, предполагающемъ добровольное участіе въ хозяйственныхъ сдѣлкахъ.

Мы замѣтили, что какъ понятія Ло, содержащіяся въ его сочиненіяхъ, такъ и его система — практическое осуществленіе этихъ понятій, изложены г. Бабстомъ съ тѣмъ сочувствіемъ, которое не позволило ему быть строгимъ и всегда безпристрастнымъ судьею. Поэтому, желая возстановить истину и имѣть данныя для опроверженія мнѣній, содержащихся въ разбираемой нами книгѣ, мы разсмотримъ критически начала, которыми руководствовался Ло, и обозначимъ въ общихъ чертахъ сущность системы, не касаясь историческихъ ея подробностей. Подробно-

сти эти, повторяемъ еще разъ, изложены г. Бабстомъ въ занимательномъ разсказѣ, и читатель, безъ-сомнѣнія, самъ пожелаетъ ознакомиться съ ними.

Ученые труды Ло представляютъ странную смѣсь противорѣчій. Его понятія о цѣнности, критика чужихъ мнѣній, сужденіе о мѣрахъ, принятыхъ для установленія торговаго баланса, нерѣдко поражаютъ справедливостью выводовъ; но тамъ, гдѣ онъ касается придуманныхъ имъ средствъ для пріобрѣтенія выгоднаго торговаго баланса, для экономическихъ и финансовыхъ преобразованій, на каждомъ шагу поражаютъ васъ не только противорѣчія, но какое-то странное невѣдѣніе экономической жизни и отношеній, изъ которыхъ она слагается.

Онъ начинаетъ свои «Considerations» слѣдующимъ замѣчательнымъ положеніемъ: «Предметы получаютъ свою цѣнность отъ употребленія; но бóльшая или меньшая цѣнность предметовъ зависитъ отъ количества ихъ сравнительно съ запросомъ. Напримѣръ: вода находится въ большомъ употребленіи, но не имѣетъ цѣнности, и это потому, что предложеніе превышаетъ запросъ; напротивъ того, драгоцѣнные камни имѣютъ большую цѣнность, потому-что запросъ сильнѣе предложенія» (1). Хотя здѣсь упущена изъ виду зависимость цѣнности отъ труда, употребленнаго на ея производство, или отъ монополій производителей, но изъ своего главнаго положенія Ло выводитъ нѣсколько вѣрныхъ заключеній. Локкъ утверждалъ, что люди, находя золото и серебро годными для монеты, приписали имъ воображаемую цѣнность; Ло опровергаетъ это, замѣчая: «если цѣнность монеты воображаемая, то и цѣнность прочихъ вещей должна быть тоже воображаемою, потому-что вещь получаетъ цѣнность отъ употребленія и отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ (2). Вообще мысли Ло о цѣнности особенно-замѣчательны и по тому, что онъ смотритъ на цѣнность какъ на основное экономическое начало, и по тому, что этому положенію онъ подчиняетъ свои изслѣдованія о цѣнности монеты. Опредѣленіе цѣнности приводитъ Ло къ убѣжденію, что цѣнность монеты зависитъ не отъ произвола, отъ штемпеля и названія, но отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ. «Въ противномъ случаѣ (говоритъ онъ), чтó мѣшало бы чеканить монету изъ свинца? Чеканка означаетъ на монетѣ только количество металла и пробу его» (3).

Переходя къ оцѣнкѣ народно-экономическаго значенія денегъ, Ло говоритъ: «До появленія монеты, цѣнности обмѣнивались другъ на друга; теперь мѣна производится при помощи денегъ металлическихъ и кредитныхъ знаковъ. По-мѣрѣ-того, какъ ко-

---

(1) Collection des économistes, Oeuvres de Law, p. 465.
(2) Ib., p. 470.
(3) Ib, p. 469 и 680.

личество монеты увеличивалось и неудобства простой мѣны исчезали, праздный и бѣдный находили занятія, большее количество земли получало обработку, производство усиливалось, мануфактуры и торговля совершенствовались».

Вслѣдъ за этими общими замѣчаніями, Ло переходитъ къ оцѣнкѣ торговли внутренней и внѣшней. Здѣсь его меркантильныя понятія обнаруживаются во всей своей силѣ. Онъ смотритъ на деньги, какъ на главнаго двигателя торговли, какъ на виновника развитія промышлености и занятія большаго числа рабочихъ рукъ. Трудъ и капиталъ—два вида усилій человѣка, приводящихъ въ движеніе производство, при помощи силъ природы, для Ло не существуютъ: онъ видитъ одну торговлю, оживленную деньгами и ихъ быстрымъ обращеніемъ.

«Внутренняя торговля (говоритъ онъ) зависитъ отъ монеты; большее количество денегъ занимаетъ большее количество рукъ. Хорошіе законы могутъ ускорить обращеніе, дать монетѣ наилучшее назначеніе, но не могутъ доставить занятія большему числу работниковъ, не увеличивъ количества монеты. Можно дать возможность работать на кредитъ; но въ этомъ предположеніи кредитъ есть монета и имѣетъ равное съ нею значеніе во внутренней и во внѣшней торговлѣ» (1).

Переходя къ изслѣдованіямъ о внѣшней торговлѣ, Ло касается вопроса о вывозѣ денегъ за границу вслѣдствіе невыгоднаго вексельнаго курса (2). По его мнѣнію, противный вексельный курсъ не только влечетъ за собою вывозъ монеты на сумму, которою цѣна привозныхъ товаровъ превышаетъ цѣну отпускныхъ товаровъ, но на сумму несравненно-бо́льшую. Если, напримѣръ, вексельный курсъ будетъ противъ Парижа, такъ-что лондонскій вексель въ 100 рублей будетъ сто́ять въ Парижѣ 105 рублей, то товары англійскіе поднимутся вслѣдствіе этого курса въ Парижѣ на 5 процентовъ, и новый привозъ изъ Англіи еще болѣе обратитъ балансъ въ ея пользу.

Это ложное мнѣніе защищается у Ло длиннымъ рядомъ вычисленій, которыя теряютъ вѣсъ, если глубже вникнуть въ природу цѣнности. Вексель, по которому слѣдуетъ платежъ въ Лон-

---

(1) Ib., p. 472.

(2) Вексельнымъ курсомъ называется рыночная цѣна векселя. Если, напримѣръ, вексель въ 100 рублей, по которому слѣдуетъ платежъ въ Лондонѣ, сто́итъ въ Петербургѣ 105 рублей монетою, то говорятъ, что вексельный курсъ противъ Петербурга и въ пользу Лондона. Это возвышеніе цѣны векселей происходитъ отъ разныхъ причинъ; главныя состоятъ въ томъ, что векселей, которые даны лондонскими купцами, и по которымъ слѣдуетъ плата въ Петербургѣ, на петербургскомъ рынкѣ мало, что векселей, данныхъ Лондономъ, нельзя обмѣнять на данные Петербургомъ, и что изъ Петербурга приходится пересылать плату по векселямъ въ Лондонъ монетою.

донѣ, является на парижской биржѣ какъ товаръ: есть на него запросъ—онъ поднимается въ цѣнѣ, нѣтъ—онъ упадаетъ. Цѣна другихъ товаровъ совершенно-независима отъ этого явленія. При вексельномъ курсѣ, противномъ для Парижа, товары, привезенные изъ Англіи во Францію, не только не возвысятся въ цѣнѣ, пропорціонально вексельному курсу, но упадутъ, потому-что парижскіе негоціанты будутъ разсчитывать на трудность уплаты по векселямъ, выданнымъ лондонскимъ купцамъ. Первые могутъ разсчитывать на продажу англійскихъ товаровъ потребителямъ по высшей цѣнѣ только при сильномъ запросѣ и при возвышеніи доходовъ, чего можно ожидать единственно при быстрыхъ успѣхахъ благосостоянія. Можно сказать съ увѣренностью, что противный вексельный курсъ заставляетъ удерживаться отъ большаго привоза товаровъ. Исключеніе можетъ имѣть мѣсто при однѣхъ отсрочкахъ въ платежѣ, представляемыхъ купцамъ тѣхъ мѣстъ, которымъ вексельный курсъ противенъ. Еслибъ вексельный курсъ былъ противъ одного какого-либо государства на всѣхъ мѣстахъ, съ которыми оно находится въ сношеніи, то дороговизна денегъ подѣйствовала бы на уменьшеніе привоза всѣхъ иностранныхъ произведеній въ такое государство, кромѣ одной монеты. Этой истины Ло не понималъ. Убѣжденный въ томъ, что противный вексельный курсъ истощаетъ запасъ денегъ въ извѣстной странѣ и останавливаетъ въ ней движеніе промышлености, онъ разсматриваетъ тѣ мѣры, которыми надѣялись отвратить это зло.

Къ такимъ мѣрамъ, по словамъ Ло, относились: 1) возвышеніе курса монеты придачею прежней монетѣ высшей нарицательной цѣнности, или же сохраненіемъ стараго названія для вновь-выпускаемой монеты худшаго достоинства; 2) перечеканку серебряной посуды; 3) установленіе торговаго баланса таможенною системою; 4) банки. Ло оспориваетъ пользу всѣхъ этихъ средствъ. Онъ замѣчаетъ, что искусственное возвышеніе монетнаго курса не придаетъ металлическимъ деньгамъ большей цѣнности, потому-что всѣ товары возвысятся въ цѣнѣ относительно низко пробной монеты. Кромѣ-того, эта мѣра несправедлива относительно частныхъ сдѣлокъ: она освободитъ должниковъ отъ части долговъ; если же съ нею соединена перечеканка старыхъ денегъ въ новыя, низшей пробы, то это налогъ на владѣльцевъ денегъ, задерживающій быстрое обращеніе монеты (1).

О перечеканкѣ издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ Ло почти ничего не упоминаетъ и, обращаясь къ изслѣдованію запретительной системы, какъ средства для достиженія выгоднаго торговаго баланса, говоритъ: «Утверждаютъ, что ограниченіемъ потребленія иностранныхъ произведеній можно склонить балансъ

---

(1) Ib., p. 496 и 501.

въ свою пользу; но 1) прекращеніе привоза иностранныхъ товаровъ или уничтожитъ, или уменьшитъ эту статью государственныхъ доходовъ; 2) при строгомъ соблюденіи запретительныхъ таможенныхъ постановленій, контробанда замѣнитъ правильный привозъ товаровъ; 3) если привозъ заграничныхъ произведеній уменьшится, то потребленіе внутреннихъ товаровъ увеличится; слѣдовательно, сбытъ за границу будетъ менѣе, и балансъ не можетъ быть выгоденъ; 4) если одно государство (у Ло сказано Шотландія) запретитъ, или чрезмѣрно высокими пошлинами ограничитъ привозъ иностранныхъ произведеній, то и другія государства могутъ послѣдовать этому же примѣру (1)». Наконецъ, банки, по мнѣнію Ло, не могутъ также увеличить количества орудій обращенія въ значительной степени. «Кредитъ (замѣчаетъ онъ), который обѣщаетъ уплату монетою, не можетъ простираться далѣе извѣстныхъ предѣловъ, назначаемыхъ количествомъ металлическихъ *денегъ*».

Возраженія Ло противъ искусственнаго возвышенія курса денегъ и запретительной системы вѣрны. Онъ подтверждаетъ несообразность обоихъ средствъ для умноженія денегъ самыми убѣдительными примѣрами. Но критика его направлена только противъ мѣръ, ужь придуманныхъ; отвергая существующія средства, онъ предлагаетъ свои собственныя для достиженія той же самой цѣли. Здѣсь-то кроется источникъ противорѣчій, встрѣчающихся у Ло. Заботясь объ одномъ умноженіи денегъ, онъ забываетъ то, что́ сказано имъ о независимости цѣнности денегъ отъ штемпеля и наименованія, и вдается въ разсужденія о пользѣ пониженія нарицательной цѣнности монеты (2). Трудно допустить, чтобъ онъ имѣлъ въ виду одно пониженіе нарицательной цѣнности монеты торговой до цѣнности металла, изъ котораго монета сдѣлана.

Доказавъ безсиліе средствъ, служившихъ для увеличенія количества орудій обращенія, Ло переходитъ къ изложенію своей любимой мысли, представивъ предварительно нѣсколько замѣтокъ относительно металлическихъ денегъ.

1) Металлическія деньги (говоритъ Ло) могутъ быть повышаемы и понижаемы по произволу; это отнимаетъ у нихъ главное свойство, которое дѣлаетъ ихъ годными для обращенія (3).

2) Независимо отъ возвышенія курса, монета потеряла свою цѣнность: предметы, за которые платили прежде 5 ливровъ, сто́ятъ теперь 100, и 100 ливровъ приносятъ вмѣсто 10 процентовъ 6%. Все это происходитъ оттого, что количество монеты превышаетъ запросъ (4).

---

(1) Ib, p. 501—505.
(2) Ib., p. 485—488.
(3) Ib., p. 508—518.
(4) Ib., p. 511—512.

3) Металлическія деньги хотя и потеряли свою цѣнность, но стоятъ дороже самого металла.

Мы не будемъ разбирать подробно этихъ положеній и сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній. Въ первомъ положеніи Ло осуждаетъ монету за то, что ей приписывали высшую или низшую нарицательную цѣнность противъ дѣйствительной; но это злоупотребленіе возможно со всѣми видами орудій обращенія. Во второмъ положеніи Ло говоритъ, что количество денегъ превышаетъ запросъ; но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ увеличивать ихъ число. Послѣднее положеніе, утверждающее, что деньги дороже металла, изъ котораго онѣ сдѣланы, можетъ имѣть смыслъ при насильственномъ возвышеніи курса, и потому не составляетъ недостатка, свойственнаго одной монетѣ.

Но Ло, не замѣчая этихъ противорѣчій, предлагаетъ замѣнить деньги металлическія деньгами поземельными, равными цѣнности земли и чеканной монеты (1). «Монета (говоритъ онъ) будетъ упадать въ цѣнѣ, земля никогда, потому-что всѣ вещи составляютъ произведеніе земли, и слѣдовательно запросъ на земли не можетъ уменьшиться» (2).

Въ проектѣ, представленномъ Шотландскому Парламенту, Ло совѣтовалъ учредить коммиссію, которая выпускала бы билеты:

1) подъ залогъ земель за обыкновенный %, но такъ, чтобъ величина ссуды не превышала ½ или ⅔ цѣнности земли (3);

2) уплачивая билетами полную цѣнность земли по размѣру двадцатилѣтняго дохода; эти земли должны поступать въ завѣдываніе коммиссіи, предоставляющей владѣльцамъ право выкупа до истеченія извѣстнаго срока;

3) покупая земли безъ возврата.

Черезъ 3 мѣсяца, послѣ изданія этого постановленія, по мнѣнію Ло, слѣдовало понизить цѣнность шотландской монеты до цѣнности англійской; по истеченіи 4 мѣсяцевъ, слѣдовало запретить употребленіе другихъ денегъ, кромѣ поземельныхъ, разрѣшая пріемъ благородныхъ металловъ только на монетный дворъ. Исключеніе допущено для одной англійской монеты (4).

Выгоды новыхъ денегъ (продолжаетъ Ло) слѣдующія: 1) ими легче будетъ производить уплату; 2) онѣ будутъ вездѣ сохранять однообразную цѣнность, потому-что ихъ легче перевозить; 3) онѣ будутъ удобнѣе для храненія и не потерпятъ, подобно монетѣ, траты отъ тренія; 4) онѣ будутъ менѣе подвержены поддѣлкѣ; 5) цѣнность земли будетъ возвышаться, а слѣдовательно и цѣн-

---

(1) Ib., p. 522.
(2) Ib., p. 514, 528.
(3) Ib., p. 524.
(4) Ib., p. 525.

ность денегъ не упадетъ (1); 6) предложеніе денегъ будетъ соотвѣтствовать запросу, всѣ жители будутъ заняты, торговля внутренняя и внѣшняя распространится, мануфактуры усовершенствуются; 7) такія деньги не будутъ вывозиться изъ государства. Страна, которая введетъ у себя деньги, имѣющія цѣнность только внутри ея предѣловъ, достигнетъ того, чего напрасно добивались, устроивая таможенную систему и налагая запрещенія. Если мы ничего не будемъ должны другимъ государствамъ, то существованіе поземельныхъ денегъ заставитъ купца (который захотѣлъ бы привезти товаровъ на сумму, превышающую цѣну отпуска) соразмѣрить привозъ съ отпускомъ. Если намъ понадобятся товары государства, которое не находится съ нами въ непосредственныхъ сношеніяхъ—напримѣръ, датскіе—то мы можемъ сдѣлать обмѣнъ при помощи посредника, который пріобрѣтетъ наши товары для себя, а въ замѣнъ ихъ дастъ намъ датскіе, которые онъ вымѣняетъ на свои. Такимъ-образомъ деньги наши сохранятся въ государствѣ, и богатство его будетъ возрастать непрерывно. Увеличившееся производство увеличитъ внѣшній сбытъ, вексельный курсъ обратится въ нашу пользу, и меньшему количеству билетовъ будетъ соотвѣтствовать бо́льшее количество монеты (2); наконецъ процентъ понизится отъ увеличенія количества денегъ. Эта мысль упоминается въ «Considerations» мимоходомъ (3); она получаетъ полное развитіе въ «Запискахъ» и въ письмахъ къ регенту.

Итакъ, умноженія орудій обращенія было цѣлью, къ которой стремился Ло! Но могло ли оно оживить промышленость, стѣсненную привилегіями? могло ли оно дать занятіе праздному и нищему, при существовавшихъ цехахъ? могло ли оно замѣнить естественное побужденіе къ труду, заключающееся въ стремленіи къ пріобрѣтенію собственности и къ образованію, когда трудъ встрѣчалъ на каждомъ шагу тысячи преградъ? могли ли орудія обращенія привести въ движеніе имущества и оживить мѣну въ то время, когда пути сообщенія находились въ жалкомъ состояніи? Средство, которое предложилъ Ло для умноженія *денегъ* (говоря его словами), обнаруживаетъ невѣдѣніе его въ области хозяйства и науки. Проектъ, представленный Шотландскому Парламенту, велъ къ поглощенію частной поземельной собственности государствомъ и къ выпуску неуплатимыхъ кредитныхъ знаковъ. Земли, подъ залогъ которыхъ Ло совѣтовалъ выпускать билеты, должны были поступать въ распоряженіе коммиссіи; билеты же должны были замѣнить деньги въ обращеніи и составлять что-то въ родѣ ассигновки на имущества, поступившія въ распоряженіе, или въ собственность государства. Это первая ошибка, по-

---

(1) Ib., p. 528—529.
(2) Ib., p. 535—539.
(3) Ib., p. 475—478, 497.

тому-что земля не можетъ служить для уплаты кредитныхъ знаковъ. Вторая ошибка состоитъ въ томъ, что, при подобномъ основаніи для выпуска билетовъ, предложенію ихъ нельзя назначить границъ. Каждый новый выпускъ долженъ служить поводомъ къ дальнѣйшимъ, содѣйствуя возрастанію цѣнности земли.

Столь же неосновательно предположеніе, что замѣнъ монеты билетами прекратитъ вывозъ денегъ изъ государства. Безъ-сомнѣнія, билеты не могутъ имѣть внѣшняго сбыта; но это не остановитъ вывоза золота и серебра. Еслибъ монеты было очень-мало, или еслибъ употребленіе ея было запрещено, то, безъ-сомнѣнія, трудность въ платежахъ иностранцамъ не только не обратила бы курса въ пользу государства, выпускающаго билеты, но сдѣлала бы его еще болѣе-невыгоднымъ, чѣмъ прежде. Балансъ между привозомъ и отпускомъ, при содѣйствіи монеты, установляется самъ-собою; но, при исключительномъ обращеніи билетовъ, однажды нарушенный, онъ возстановился бы только тогда, когда монета снова вступила бы въ свои права.

Надежда на пониженіе процентовъ, при умноженіи орудій обращенія, не могла оправдаться, потому-что процентъ уменьшается только при увеличеніи предложенія свободныхъ капиталовъ. Притомъ, говоря о несовершенствѣ денегъ металлическихъ, Ло самъ иначе смотрѣлъ на это пониженіе. Онъ приводилъ его какъ доказательство упадка цѣнности монеты, какъ признакъ ея негодности. И тотъ же самый фактъ представляется имъ впослѣдствіи, какъ благопріятный результатъ, достигаемый «Системою»! Такихъ противорѣчій у Ло можно найдти довольно-много. Въ одномъ мѣстѣ (1) онъ считаетъ возможнымъ ограничить внутреннее потребленіе запретительною системою, въ другомъ (2) доказываетъ безполезность подобныхъ мѣръ, приводя самыя очевидныя доказательства. Въ одномъ мѣстѣ (3) онъ говоритъ положительно, что предложеніе монеты сильнѣе запроса, а вслѣдъ за тѣмъ, въ другомъ, доказываетъ необходимость умноженія орудій обращенія.

Не останавливаясь далѣе на разборѣ понятій Ло, перейдемъ къ «Системѣ», въ которой мысли его о деньгахъ и о кредитѣ получили практическое примѣненіе. Поясненіе началъ, осуществленныхъ въ «Системѣ», заключается въ «Запискахъ о банкахъ» — Mémoires sur les banques, поданныхъ регенту, въ письмахъ Ло, и нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Collection des économistes подъ общимъ заглавіемъ: «Oeuvres de Law».

«Записками о банкахъ» и «Письмами къ регенту» Ло̀ хотѣлъ склонить правительство къ открытію банка и приготовить умы

(1) Ib., p. 482.
(2) Ib., p. 475.
(3) Ib., p. 513.

къ дальнѣйшимъ экономическимъ преобразованіямъ. Планъ цѣлой системы, созрѣвшій въ головѣ Ло, кажется, не былъ предложенъ вначалѣ: о немъ говорится намеками, понятными для того, кто знаетъ послѣдовавшія событія. «Я (говоритъ Ло) достаточно открылся на счетъ банка; но это не единственная и не самая великая изъ моихъ идей. Я удивлю Европу своимъ твореніемъ; оно произведетъ болѣе-значительныя перемѣны въ состояніи Франціи, нежели тѣ, которыя были слѣдствіемъ открытія Индіи и введенія кредита. Мое предпріятіе доставитъ вашему высочеству возможность извлечь государство изъ печальнаго положенія, въ которомъ оно находится, сдѣлать его болѣе-могущественнымъ, чѣмъ прежде, водворить порядокъ въ финансахъ, поддержать земледѣліе, мануфактуры и торговлю, увеличить число народа и государственные доходы, наконецъ — уменьшить государственный долгъ» (1).

Ло смотрѣлъ на эти обѣщанія какъ на дѣло сбыточное. Стóяло только:

1) Учредить банкъ. «Банкъ (говоритъ Ло)—это общій кредитъ, который доставляетъ выгоды всему государству, въ-особенности же торговлѣ (2). Но банки другихъ государствъ не производятъ всѣхъ желаемыхъ результатовъ; особенно же они не могутъ увеличить количество денегъ, потому-что выпускъ билетовъ ограниченъ металлическимъ запасомъ, находящимся въ кассѣ банка. Притомъ польза государства требуетъ, чтобъ тò, чтó можетъ дать король, служило его величеству, а не частной компаніи (3 и 4). Кредитъ долженъ доставить его величеству необходимыя суммы за умѣренный процентъ (5) и облегчить для него пользованіе доходами, которые еще не поступили въ казну (6). Банкъ, сдѣлавшись кассиромъ короля, дастъ кредиту бóльшую прочность, и билеты банка будутъ всеобщими векселями» (7).

«Введеніе кредита посредствомъ учрежденія банка умножитъ монету (то-есть орудія обращенія) въ одинъ годъ болѣе, нежели выгодная торговля въ 10 лѣтъ. Это самое лучшее средство для быстраго возстановленія довѣрія въ дѣлахъ короля (8). Но кре-

---

(1) Ib., p. 621.
(2) Ib., p. 578.
(3) Ib., p. 565.
(4) По мнѣнію Ло, король можетъ оказывать большій кредитъ, нежели частныя лица и компаніи, и кредитъ короля принесетъ болѣе пользы, нежели кредитъ частныхъ лицъ. Почти излишне упоминать о томъ, что кредитъ, по понятіямъ Ло, состоитъ въ *возможности* выпускать кредитные знаки, или, точнѣе, въ самыхъ кредитныхъ знакахъ.
(5) Ib., p. 583.
(6) Ib., p. 585.
(7) Ib., p. 586.
(8) Ib., p. 609.

дитъ возстановляется постепенно. Прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до постройки зданія, надо положить ему основаніе. *Есть средство* возвысить курсъ облигацій (по государственнымъ займамъ), упавшихъ ниже 60 процентовъ; но надо дѣйствовать постепенно: дитя не можетъ вынести бремени, которое по-силамъ взрослому человѣку» (1).

Далѣе, учрежденіемъ банка Ло надѣялся умножить количество *денегъ* (2), умноженіемъ *денегъ* понизить проценты. Исчисливъ выгоды низкихъ процентовъ въ Голландіи, онъ замѣчаетъ, что если его королевское высочество выпуститъ значительное количество денегъ (то-есть кредитныхъ знаковъ), то облигаціи возвысятся и проценты понизятся. Отъ этого произойдетъ польза и для казны, которая будетъ платить меньшіе проценты по государственнымъ займамъ, и для частныхъ лицъ, которыя задолжали другимъ (3). Когда деньги сдѣлаются изобильными, тогда цѣны земель, домовъ и другихъ имуществъ, а равно и доходы, получаемые какъ отъ послѣднихъ, такъ и отъ промышлености, возрастутъ, потому-что цѣнность всѣхъ вещей зависитъ отъ отношенія между количествомъ ихъ и запросомъ; запросъ же при умноженіи денегъ увеличится. Если предположить, что общій доходъ Франціи 1200 мил., то можно допустить, что банкъ возвыситъ его до 1500 мил. — предположеніе очень-скромное, если взять во вниманіе то, что̀ сдѣлано въ другихъ государствахъ кредитомъ, недостигшимъ того развитія, которое я намѣренъ дать ему во Франціи» (4).

2-го мая 1716 года Ло получилъ позволеніе учредить частный банкъ. Основный капиталъ опредѣленъ былъ въ 6 мил. ливровъ, раздѣленныхъ на 1200 акцій, по 5000 ливровъ каждая; $^3/_4$ цѣны акціи уплачивались облигаціями по государственнымъ займамъ, $^1/_4$ монетою. Банкъ принималъ на себя учеты, трансферты и обѣщалъ уплату не деньгами ходячими, цѣнность которыхъ измѣнялась по усмотрѣнію финансоваго управленія, но банковыми, цѣнность которыхъ не должна была подлежать колебаніямъ. Въ 1717 г., когда успѣхъ банка былъ упроченъ, приказано было принимать банковые билеты въ уплату податей; такимъ образомъ мысль о lettres de change universelles — о всеобщихъ векселяхъ, была осуществлена. Оставалось сдѣлать банкъ королевскою кассою, понизить проценты по государственнымъ займамъ, увеличить доходы и основать систему обращенія не на цѣнныхъ металлическихъ деньгахъ, но на цѣнности земли. Ло приступилъ къ выполненію обѣщаній, которыя были высказаны имъ въ темныхъ намекахъ.

---

(1) Ib., p. 607, 621.
(2) Словомъ «деньги» Ло означаетъ орудія обращенія.
(3) Collection des économ. Oeuvres de Law., p. 611—612.
(4) Ib., p. 628—629.

Въ августѣ 1717 года Ло принялъ въ свое вѣдѣніе Компанію Западную отъ Кроза̀ (Crozat). Король уступилъ компаніи Луизіану, всѣ корабли, крѣпости и право монопольной торговли на 25 лѣтъ. Колонизація и торговля были цѣлью учрежденія компаніи. Капиталъ во сто мильйоновъ ливровъ, раздѣленный на двѣ тысячи акцій, каждая по пятисотъ ливровъ, уплачивался исключительно однѣми облигаціями (billets d'état), которыя ходили отъ 66 до 72% ниже пари и приносили по 4%. Доходъ съ этихъ облигацій—четыре мильйона ливровъ въ годъ, долженъ былъ служить въ первомъ году для составленія основнаго капитала, во второмъ — для уплаты дивиденда акціонерамъ. Капиталъ банка обращенъ былъ также въ акціи Западной Компаніи. Такъ, мало-по-малу, государственный долгъ обращался въ акціи торговаго предпріятія, или, другими словами, компанія становилась вѣрителемъ правительства. Но курсъ акцій возвышался медленно, средства предпріятія были ничтожны. Поэтому Ло позаботился объ увеличеніи доходовъ компаніи. 4-го сентября 1718 года она взяла въ содержаніе откупъ табаку. 4-го декабря 1718 года Банкъ объявленъ былъ *Королевскимъ*. Акціонеры получили извѣщеніе, что король уплатилъ монетою внесенный ими капиталъ, который долженъ былъ храниться въ кассѣ; далѣе, тѣмъ же декретомъ было постановлено, что для выпуска банковыхъ билетовъ достаточно было одного опредѣленія Королевскаго Совѣта, и плата по билетамъ обѣщана была не банковыми экю, но ливрами (livres tournois). Впрочемъ, ливръ банковый долженъ былъ сохранять неизмѣняемость курса, какимъ бы перемѣнамъ ни подвергался курсъ монеты. Вмѣстѣ съ этими мѣрами соединены были ограниченія насчетъ обращенія монеты; однакожь, курсъ акцій Западной Компаніи все еще стоялъ ниже пари: акціи въ 500 ливровъ ходили за 300. Ло употребилъ въ дѣло ажіотожъ — распустилъ слухи о блестящей будущности компаніи и купилъ 200 акцій на срокъ, уплативъ 40,000 ливровъ съ тѣмъ, что, по наступленіи срока, онъ или уплатитъ остальныя 60,000, или же откажется отъ сдѣлки, потерявъ 40,000. Эта биржевая сдѣлка, извѣстная подъ названіемъ покупки съ преміею — marché à prime, надѣлала много шуму во Франціи и содѣйствовала возвышенію курса акцій въ маѣ до 500 ливровъ.

Еще въ концѣ 1718 года Компанія Западная пріобрѣла права Компаніи Сенегальской на исключительную торговлю неграми, кожею, слоновою костью и золотомъ отъ мыса Бѣлаго до рѣки Сіерра-Леоне. Эдиктъ мая мѣсяца 1719 года предоставилъ ей права Компаній Китайской и Восточной Индіи и названіе Компаніи Обѣихъ Индій (Compagnie des Indes). Такимъ-образомъ компанія соединила въ себѣ монопольную колоніальную торговлю, сдѣлалась вѣрителемъ казны на сумму (billets d'état) облигацій, обмѣненныхъ на акціи, Королевскій Банкъ сдѣлался кассою короля и средствомъ для умноженія орудій обращенія. Банкъ выполнялъ это

назначеніе, выпуская непрерывно большее и большее количество билетовъ. Недоставало только погашенія всего долга и окончательной связи банка съ компаніею и съ финансовымъ устройствомъ. Для увеличенія средствъ преобразованной компаніи, положено было выпустить 50,000 акцій, по 500 ливровъ (эти акціи получили названіе les filles (дочерей), уплачиваемыхъ монетою; но на полученіе акціи имѣлъ право только тотъ, кто представлялъ четыре акціи Компаніи Западной. Въ концѣ іюля старыя и новыя акціи возвысились до 1000 ливровъ.

25 іюля компанія пріобрѣла за 50 мильйоновъ ливровъ право чеканить монету впродолженіе девяти лѣтъ. Для уплаты этой суммы выпущено было 50,000 акцій, по 1000 ливровъ каждая, съ нарицательнымъ капиталомъ въ 25 мильйоновъ. Эти акціи получили названіе les petites filles (внучекъ). Для поддержанія курса, Ло обѣщалъ акціонерамъ 12% дивиденда съ 1-го января 1720 года. Въ августѣ 1719 года акціи, стоявшія 500 ливровъ на государственныя облигаціи (billets d'état) и отъ 150 до 160 ливровъ на монету, ходили по 5000 ливровъ.

Наконецъ Ло приступилъ къ довершенію начатаго. Компанія сдѣлана посредницею между правительствомъ и плательщиками податей: постановленіе 27 августа 1719 года предоставило ей въ содержаніе откупа государственныхъ доходовъ за 1,500 мильйоновъ ливровъ, отданныхъ королю въ ссуду по 3%, для уплаты государственнаго долга. Казна выигрывала при этомъ 15 мильйоновъ отъ обращенія четырехпроцентнаго долга въ трехпроцентный. Постановленіе 31 августа объявляло государственнымъ вѣрителямъ, что они могутъ явиться въ казну для полученія ассигновки на Компанію Обѣихъ Индій, которая будетъ производить по нимъ уплату билетами или монетою (уплата, безъ-сомнѣнія, могла быть произведена не монетою, но билетами, потому-что въ рукахъ компаніи не было 1,500 мильйоновъ ливровъ металлическихъ денегъ). Для того, чтобъ дать помѣщеніе этимъ орудіямъ обращенія, Ло выпустилъ 300,000 новыхъ акцій по нарицательной цѣнѣ въ 500 ливровъ, а по продажной — въ 5000 каждая. Уплата была разсрочена, акціи получили названіе пятисотенныхъ (cinq cents). Въ концѣ года акціи дошли до 13,500 ливровъ (1). Это была самая высшая цѣна, по свидѣтельству Ло.

Въ январѣ 1720 г. Ло сдѣлался генеральнымъ контролеромъ финансовъ, а 23 февраля послѣдовало сліяніе банка съ компаніею; 5 марта установленъ былъ курсъ акцій въ 9,000 ливровъ и открытъ въ банкѣ размѣнъ акцій на билеты и обратно; мѣ-

---

(1) Ib., p. 645. Г. Бабстъ на стр. 104 доказываетъ, что акціи не могли возвыситься до 20,000, а на стр. 130 принимаетъ эту послѣднюю цифру. Свидѣтельство Ло не было замѣчено ни Дэромъ, ни г. Бабстомъ.

ра эта сопровождалась увеличеніемъ количества билетовъ (которыхъ было къ 1-му января 1720 г. 1,000 мил.), до 2,696,400,000 ливровъ. Деклараціею 11 марта Ло опредѣлилъ время для совершеннаго прекращенія употребленія монеты. Такимъ-образомъ система была завершена: монета изгнана, новымъ орудіемъ обращенія замѣнилось старое и, при возможности обмѣна акцій на билеты, должно было всегда удовлетворять ощущаемой въ немъ потребности.

Но для введенія «Системы» необходимо было прибѣгнуть къ мѣрамъ насильственнымъ. Предъявленіе огромнаго количества билетовъ къ обмѣну на монету не разъ поставляло банкъ въ критическое положеніе. Ло пытался сначала остановить обмѣнъ, измѣняя безпрерывно цѣнность монеты : то понижая ее, для того, чтобъ привлечь въ банкъ, то возвышая, для того , чтобъ облегчить уплату билетовъ по предъявленію ; затѣмъ онъ установилъ пятипроцентную премію въ пользу билетовъ; наконецъ, сначала ограничилъ, а потомъ запретилъ употребленіе монеты. Однакожь, все это не помогало; акціи обмѣнивались на билеты, по билетамъ требовалась уплата монетою. Напрасно Ло, или аббатъ Террасонъ, какъ полагаетъ Эженъ Дэръ, доказывали безсмысленность стремленія къ обмѣну акцій на билеты, а билетовъ на монету тѣмъ, что акціи составляютъ дѣйствительное богатство : «реализація» продолжалась. Тогда Ло рѣшился на декретъ 21 мая, которымъ курсъ акцій былъ пониженъ на 5,000 ливровъ (1). Декретъ этотъ возбудилъ всеобщій ропотъ, и 28 мая послѣдовала его отмѣна; но вслѣдъ затѣмъ и Ло былъ удаленъ отъ должности генерал-контролера финансовъ , сохранивъ мѣсто генеральнаго директора и перваго докладчика Компаніи Обѣихъ Индій. Регентъ рѣшился извлечь изъ обращенія банковые билеты и нуждался въ помощи его, какъ человѣка, свѣдущаго въ банковыхъ дѣлахъ.

13 іюля 1720 года положено было учредить вклады въ банкъ акціями для трансфертовъ. Декретомъ, изданнымъ въ августѣ, положено было извлечь билеты посредствомъ выпуска пожизненныхъ рентъ (то-есть облигацій, приносившихъ пожизненный доходъ). Несмотря на всѣ старанія Ло и уничтоженіе огромнаго количества билетовъ (2), цѣнность ихъ упала къ 31 августа на 69% (3) : Ло потерялъ вліяніе на дѣла и въ декабрѣ 1720 года оставилъ Парижъ (4).

---

(1) Пониженіе это, кажется, имѣло цѣлью усиленіе значенія металлическаго фонда банка и соединенной съ нимъ компаніи. — Ср. Dutot.

(2) По Дюто (Col. des écon., p. 930), къ 31 іюля уничтожено билетовъ почти на 600 мил. ливровъ; оставалось слишкомъ на 2,100 мил.

(3) Ib., p. 932.

(4) Ib. Notice sur Law. — Pièces justificatives.

Мы не будемъ слѣдить далѣе за судьбою «Системы»: читатель можетъ прочесть объ этомъ въ сочиненіи г. Бабста. Наша задача состояла въ томъ, чтобъ показать, въ какой формѣ мысли Ло получили практическое примѣненіе. Намъ остается объяснить видоизмѣненіе ихъ въ практикѣ и раскрыть въ самыхъ фактахъ ихъ неудобоисполнимость.

Въ своихъ «Considerations» Ло говорилъ о выпускѣ денегъ территоріальныхъ, то-есть, орудій обращенія, обезпеченныхъ землею. Устроивая свою систему, онъ основываетъ цѣнность билетовъ на цѣнности акцій торговой компаніи, владѣющей колоніями, и на кредитѣ государственномъ. Этотъ новый планъ, выполненіе его и средства, употребленныя для поддержанія падающей системы, свидѣтельствуютъ объ основательномъ знакомствѣ Ло съ устройствомъ банковъ и привилегированныхъ торговыхъ компаній. Амстердамскій и лондонскій банки убѣдили Ло въ томъ, что касса банка не нуждается въ монетномъ фондѣ, равномъ нарицательной цѣнности выпущенныхъ билетовъ. Банкъ лондонскій отдавалъ почти весь итогъ своего основнаго капитала въ заемъ государству; банкъ амстердамскій употреблялъ въ оборотахъ вклады, отданные ему на храненіе. Компаніи остиндскія — англійская и голландская, также, какъ и банки, ссужали своими капиталами казну. Это подало Ло мысль объ учрежденіи (состоящемъ изъ банка, соединеннаго съ торговою компаніею), которое было бы вѣрителемъ государства и выпускало бы акціи и банковые билеты, обмѣнивающіеся другъ на друга. Акціи обезпечивались имуществами компаніи и банка, ихъ доходами, средствами главнаго должника — казны и, наконецъ, арендою государственныхъ доходовъ. Цѣнность билетовъ основывалась на цѣнности акцій. Обмѣнъ акцій на билеты и билетовъ на акціи долженъ былъ служить для превращенія капитала затраченнаго въ свободный, и наоборотъ. Слѣдующее мѣсто, которое мы заимствуемъ изъ первой «Записки о банкахъ», убѣждаетъ насъ въ томъ, что эта мысль созрѣла у Ло при изученіи устройства Англійской Остиндской Компаніи: «Фондъ Остиндской Компаніи (англійской)—говоритъ Ло — раздѣленъ на акціи, подобно банковому. Купцы употребляютъ часть своего капитала въ этой компаніи; и если ихъ касса недостаточна для производства уплаты, то они обращаютъ акціи въ деньги, потому-что деньги даютъ доходъ только тогда, когда представляется случай употребить ихъ; акціи имѣютъ цѣнность уже употребленную (то-есть представляютъ цѣнность затраченную), и эта цѣнность производитъ, то-есть приноситъ доходъ» (1). Въ этихъ словахъ заключается сущность «Системы». Наконецъ, учрежденіе трансфертной кассы, во время упадка «Системы», напоминаетъ амстердамскій банкъ, который, издержавъ часть вкладовъ, отданныхъ ему на храненіе, долго производилъ пере-

(1) Ib, p. 560.

воды суммъ отмѣткою ихъ въ своихъ книгахъ и трансфертными билетами (1).

Выиграла ли мысль Ло, измѣненная при ея практическомъ примѣненіи? Мы не думаемъ. Правда, въ томъ видѣ, какъ она является въ проектѣ, представленномъ шотландскому банку, едва-ли можно было примѣнить ее къ дѣйствительности. Выпускъ билетовъ по первому плану велъ къ обращенію частнаго земледѣльческаго хозяйства въ государственное, и по существу своему исключалъ существенное условіе каждой кредитной сдѣлки—уплату кредитнаго знака, погашеніе долга, потому-что для уплаты не было другаго капитала, кромѣ земли. Выпускъ билетовъ во второмъ основанъ былъ не на стойкости обезпечивающихъ имуществъ, а на однѣхъ надеждахъ. Въ первомъ случаѣ не было возможности употребить обезпеченіе для уплаты; во второмъ вовсе не было обезпеченія.

Основная мысль «Системы»—замѣнить старыя орудія обращенія новыми; цѣль ея — умножить орудія обращенія, для увеличенія благосостоянія и пониженія процентовъ; средства для выполненія задуманнаго плана — торговая компанія, соединенная съ банкомъ; наконецъ, мѣры для поддержанія падающаго зданія: все это поражаетъ вмѣстѣ и ошибочностью экономическихъ понятій Ло, и тѣснымъ кругомъ познаній, и совершеннымъ невѣдѣніемъ хозяйственнаго положенія Франціи.

Замѣнъ монеты кредитными знаками, конечно, не полный, но частный, составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ хозяйственныхъ событій нашего времени. Мы убѣждены, что съ развитіемъ частныхъ кредитныхъ сдѣлокъ и посредничества банковъ, при ихъ совершеніи, вексель и банковый билетъ, обмѣниваемый на монету въ срокъ, соразмѣрный съ наступленіемъ платежа по векселю, не изгоняя монеты, сдѣлаютъ ее менѣе-употребительною въ мѣнѣ, какъ орудіе, болѣе дорогое, нежели кредитный знакъ. Но мы убѣждены и опытомъ и наукою въ томъ, что декретъ не можетъ изгнать монеты, для того, чтобъ дать мѣсто другимъ посредникамъ въ обращеніи. Правительство, выпуская кредитные знаки, всегда обезпечиваетъ ихъ цѣнность безостановочнымъ обмѣномъ на монету. Ло надѣялся, что обмѣнъ сдѣлается излишнимъ, когда употребленіе монеты будетъ запрещено и когда кредитные знаки получатъ не металлическое, но другое обезпеченіе, которое не можетъ служить для уплаты по возникшему требованію. Неосновательность этой мысли очевидна: кредитный знакъ, какъ неуплатимое требованіе, не можетъ пользоваться довѣріемъ.

Умноженіе орудій обращенія посредствомъ введенія «Системы», для насъ не имѣетъ смысла, и потому, что оборотъ имуществъ

---

(1) Ib., p. 558.

не составляетъ единственнаго условія обогащенія государства, и потому, что быстрое обращеніе не зависитъ отъ одного количества орудій обращенія. Еслибъ промышленость Франціи не была убита во время Ло привилегіями мануфактурными, ремесленными, торговыми и проч.; еслибъ трудъ не былъ стѣсненъ въ своей дѣятельности; еслибъ собственность пользовалась уваженіемъ и защитою закона; еслибъ пути сообщенія были устроены, финансы находились въ порядкѣ: то объ орудіяхъ обращенія нечего было бы и хлопотать. Монеты было бы достаточно для оборотовъ, точно такъ же, какъ бываетъ довольно хлѣба и другихъ произведеній, при отсутствіи промышленныхъ преградъ. Кредитъ частный восполнялъ бы существующій недостатокъ, и, при хорошихъ банковыхъ установленіяхъ, могъ бы содѣйствовать замѣну дорогаго посредника въ обращеніи — дешевымъ. Но ни одного изъ этихъ условій не было; слѣдовательно, и кредитъ не могъ развиться. Не будемъ упоминать о пониженіи процентовъ посредствомъ выпуска билетовъ, потому-что скажемъ объ этомъ далѣе, при разборѣ сочиненія г. Бабста.

Наконецъ, переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ средствъ, которыя были употреблены въ дѣло для созданія «Системы», мы можемъ удивляться смѣлости и предпріимчивости Ло, быстротѣ его соображеній, знанію банковаго устройства, но не основательности его экономическихъ познаній, не пониманію практическихъ потребностей эпохи.

Соединеніе банка съ торговою компаніею, которая получила въ свое вѣдѣніе сборъ государственныхъ доходовъ, чеканку монеты и сдѣлалась кредиторомъ государства, составляетъ, безъ-сомнѣнія, одно изъ самыхъ колоссальныхъ предпріятій. Оно осуществляло знаменитое обѣщаніе—сдѣлать банкъ кассою и короля и французскаго купечества. Но акціи компаніи не представляли дѣйствительнаго богатства, а банковые билеты обезпечивались акціями! И эти-то кредитные знаки, выпускаемые по произволу, должны были замѣнить монету, несмотря на то, что цѣнность ихъ состояла въ одномъ штемпелѣ, и что они не были и не могли быть представителями имуществъ. Компанія не могла быть предпріятіемъ прочнымъ, потому-что составляла дѣло не частной предпріимчивости, но финансоваго управленія, которому, по самому существу его, нельзя было съ успѣхомъ заниматься торговлею. Этого мало: компанія не имѣла дѣйствительнаго капитала для затраченія въ промышленномъ предпріятіи; почти весь фондъ ея, представляемый акціями, или поступилъ въ казну, какъ платежъ за право чеканки монеты, или же числился въ долгу за казною, которая платила компаніи 3 процента! Этотъ трехпроцентный доходъ, вмѣстѣ съ ожидаемою прибылью отъ содержанія откупа государственныхъ доходовъ и чеканки монеты, составлялъ тѣ средства, которыми располагала компанія для осуществленія затѣй колонизаціи и для уплаты дивиденда акціоне-

рамъ. Очевидно, что доходы предпріятія были едва-достаточны для послѣдней цѣли. Но Ло имѣлъ надежду на блестящую будущность компаніи, вѣру въ силу и значеніе обезпеченія, заключающагося въ средствахъ, которыми располагаетъ государство. Онъ не думалъ о томъ, что этими средствами—государственными землями, лѣсами, имуществомъ колоній, финансовыми источниками, и пр., нельзя уплачивать билетовъ, что для этого необходимъ свободный обращающійся капиталъ. Въ средствахъ компаніи и государства онъ видѣлъ неизсякаемый источникъ довѣрія къ цѣнности кредитныхъ знаковъ, и не заботился о томъ, чтобъ они были слѣдствіемъ дѣйствительной сдѣлки. Когда ему замѣчали, что кредитъ не создается выпускомъ банковыхъ билетовъ, тогда онъ отвѣчалъ, что «убѣжденіе въ достоинствѣ кредитнаго знака доставляетъ послѣднему довѣріе и общественный кредитъ». Въ этихъ словахъ необыкновенно-ясно высказалась мысль Ло, что стоитъ только «Системѣ» привести въ дѣйствіе типографскіе станки, для того, чтобъ разлить по цѣлой Франціи блага, даруемыя кредитомъ. Ло не думалъ, что акціи будутъ обмѣниваться на билеты, что билеты будутъ обмѣниваться на монету. И дѣйствительно, пока биржевая игра обѣщала счастливымъ спекуляторамъ мильйоны, никто не заботился объ этомъ; но опьянѣніе прошло, наступило время *реализаціи*, то-есть обмѣна акцій на билеты, билетовъ на монету. Напрасно письма Террасона доказывали нелѣпость стремленія къ реализаціи, сравнивая его съ желаніемъ обмѣнять имущество на деньги; напрасно пытался Ло колебаніями монеты подорвать къ ней довѣріе, заставить предпочитать билеты и принимать металлъ въ кассу банка; напрасно запрещали употреблять металлическія деньги: «Система» пала, и пала потому, что кредитные знаки не имѣли представительной цѣнности. Колебанія монеты, какъ справедливо замѣчаетъ Дюто, *измѣняли цѣнность самыхъ билетовъ*, а запрещеніе употреблять монету было послѣднимъ ударомъ для цѣнности акцій и билетовъ, потому-что присвояло имъ насильственный курсъ.

Краткій очеркъ «Системы» и представленныя нами объясненія достаточно оправдываютъ наше мнѣніе о знакомствѣ Ло съ хозяйственнымъ состояніемъ Франціи и о его экономическихъ познаніяхъ.

Прибывъ во Францію, онъ не замѣтилъ, что нищета происходитъ, съ одной стороны, отъ ограниченія частной дѣятельности безчисленными привилегіями корпорацій и монополіями, съ другой — отъ дурной системы податей и отъ недостаточнаго обезпеченія частной собственности законодательными постановленіями. И нищету общественную, и разстройство финансовъ Ло приписалъ одной причинѣ — отсутствію живаго обращенія. По его мнѣнію, стόяло основать и распространить кредитъ для того, чтобъ одолѣть экономическое зло. Ло забывалъ, что кредитъ и довѣріе, возникая изъ внутренняго хозяй-

ственнаго благоустройства, возможны только при извѣстномъ состоянiи экономическаго быта. Онъ надѣялся достичь въ годъ, въ два, того, что̀ могло быть дѣломъ долголѣтняго преобразованiя; незнакомый съ хозяйственною жизнью и промышленнымъ движенiемъ, Ло смотрѣлъ на народное богатство съ точки зрѣнiя опытнаго биржеваго спекулятора; онъ полагалъ, что и народъ обогащается такъ же скоро, какъ и счастливые игроки. Удивляясь утонченности его разсчетовъ, энергiи при исполненiи задуманнаго плана, изворотливости среди затруднительныхъ обстоятельствъ, присутствiю духа во время совершеннаго разстройства «Системы», нельзя не замѣтить, однакожь, что Ло не подозрѣвалъ существованiя порядка природы, господствующаго въ хозяйственныхъ отношенiяхъ—необходимости, которая выше человѣческаго разсчета и могущественнѣе нашихъ силъ. Онъ понималъ только одно промышленное устройство — *государственно-экономическое*, одинъ порядокъ въ хозяйствѣ—порядокъ искусственный, созданный меркантилизмомъ.

Однакожь, просвѣщенные экономисты конца XVII вѣка сознавали уже, что хозяйственныя отношенiя составляютъ не дѣло человѣческое, а необходимость и естественное установленiе.

Вопреки понятiямъ, господствовавшимъ въ жизни практической, Буагильберъ, писатель вѣка Лудовика XIV, утверждалъ, что «чѣмъ богаче государство, тѣмъ легче ему обойдтись меньшимъ количествомъ монеты, потому-что тѣмъ бо̀льшее число лицъ въ-состоянiи замѣнить ее представительными знаками — векселями». Такимъ-образомъ, Буагильберъ отрицалъ, что богатство бываетъ слѣдствiемъ изобилiя монеты, а, напротивъ, доказывалъ, что оно влечетъ за собою замѣнъ металлическихъ денегъ кредитными знаками, возникающими изъ частныхъ сдѣлокъ. «Кредитные знаки (замѣчаетъ онъ), даже простое слово такъ же хорошо исполняютъ роль денегъ, какъ и монета; но, чувствуя, какъ смѣшно утверждать, что кредитные знаки, уходя изъ государства, лишаютъ его богатства, стали относить это къ монетѣ, хотя и въ подобномъ опасенiи заключается одинаковая же безсмыслица. Возрастанiе доходовъ въ богатомъ государствѣ не зависитъ отъ количества денегъ. Перечеканка золотой и серебряной посуды въ монету такъ же мало можетъ помочь бѣдѣ, какъ и то золото, которое привозилось изъ Перу въ Испанiю. Францiя терпитъ оттого, что деньги — этотъ движимый товаръ, становятся имуществомъ неподвижнымъ, оттого, что нѣтъ безопасности, которая позволяла бы употреблять деньги въ земледѣлiи и въ торговлѣ. Для того, чтобъ обогатить казну, стòитъ только извлечь изъ ничтожества тѣ имущества, которыя гибнутъ безплодно въ-теченiе тридцати лѣтъ. Вмѣсто того, чтобъ искать основы для хозяйственнаго порядка и для народнаго благосостоянiя въ регламентарныхъ распоряженiяхъ, въ привилегiяхъ и покровительствѣ, Буагильберъ утверждалъ,

что Провидѣніе устроило такой порядокъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, что стóитъ только предоставить природѣ вещей естественный ходъ (la laisser faire) для того, чтобъ мѣна доставляла содержаніе бѣдному и поддерживала то довольство, которому и бѣдный и богатый обязаны своимъ соразмѣрнымъ достаткомъ. Стóитъ только не вмѣшиваться въ дѣла мѣны для того, чтобъ доставить всѣмъ защиту и предупредить насиліе. Само Провидѣніе заставляетъ соблюдать порядокъ и справедливость въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, и вотъ какимъ образомъ оно выполняетъ это дѣло : оно установляетъ необходимость продажи и покупки, такъ-что одно желаніе прибыли становится душою всѣхъ оборотовъ, утверждаетъ равновѣсіе, которому обѣ стороны, и покупщики и продавцы, должны повиноваться. Равновѣсіе это нарушается тотчасъ, коль-скоро одна изъ сторонъ получаетъ помощь, которая не дается другой» (1).

Не считаемъ необходимымъ истолковывать слова, приведенныя нами изъ Буагильбера: они ясны и говорятъ сами за себя.

Г. Бабстъ иначе смотритъ на Ло. Разсказывая о первоначальныхъ успѣхахъ «Системы», онъ съ жаромъ вступается за знаменитаго Шотландца, приписываетъ ему глубокія экономическія свѣдѣнія, человѣколюбивыя намѣренія и разрѣшеніе вопроса о наилучшемъ орудіи обращенія—вопроса, надъ которымъ напрасно трудятся лучшіе умы нашего вѣка. Г. Бабстъ старается доказать, что слабыя стороны «Системы», которыхъ отрицать невозможно, были слѣдствіемъ интригъ и вліянія регента. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ становится строже : мѣры, принятыя Ло для поддержанія системы—колебаніе курса монеты и т. п., онъ называетъ попытками ребяческими, финансовыми развлеченіями; наконецъ, среди самаго увлеченія, г. Бабстъ противорѣчитъ самъ себѣ: за оправданіемъ Ло нерѣдко слѣдуютъ доказательства неосновательности подобныхъ оправданій.

Надѣемся, что читатель пойметъ, почему мы не можемъ согласиться съ г. Бабстомъ, когда онъ, говоря о Ло, замѣчаетъ:

«Прошло ужь время порочить безусловно великихъ дѣятелей за ошибки, въ которыя они вдавались, увлекаясь слишкомъ-далеко въ порывѣ благороднаго стремленія осчастливить своихъ согражданъ. Въ дѣятельности каждаго великаго человѣка мы видимъ двѣ стороны : одной живетъ онъ въ будущемъ, угадывая зоркимъ геніальнымъ окомъ потребности своей эпохи и пролагая пути грядущимъ поколѣніямъ; другой связанъ онъ съ привычками и предразсудками, ужь отживающими, и гибнетъ нерѣдко отъ уступокъ послѣднихъ. Но безпристрастная исторія всѣмъ открываетъ свои гостепріимныя скрижали, и здѣсь все чаще-и-

(1) Collection des économistes.—Boisguillebert. p. 210, 212—213, 278, 290, 389—390, 409.

чаще осѣняетъ лавровый вѣнокъ чело дѣятеля, непонятаго современниками и погибшаго отъ слѣпой ихъ злобы.

«Въ идеяхъ Ло было такъ много будущаго, онъ столько бросилъ новыхъ свѣтлыхъ мыслей въ массу экономическихъ понятій своего времени, что пора, кажется, перестать упрекать человѣка единственно за то, что онъ не отрѣшился отъ многихъ ложныхъ понятій, отъ которыхъ, впрочемъ, къ-сожалѣнію, не отрѣшилось большинство и въ наше время. Нельзя не сознаться, что онъ далеко оставилъ за собой и даровитостью и благородствомъ бо̀льшую часть современныхъ ему финансовыхъ людей Франціи. «Работникъ, зарабатывающій въ день 20 су, говоритъ онъ, дороже государству, нежели капиталъ въ 25,000 ливровъ». Онъ отличался самой широкой благотворительностью, онъ заботился постоянно объ улучшеніи состоянія бѣднѣйшаго класса» (стр. 42 — 43).

Мы думаемъ, что настоящее должно быть равно строго и къ прошедшему и къ самому-себѣ. Несправедливая похвала ничѣмъ не лучше незаслуженнаго порицанія; и если послѣднее пытается развѣнчать истинную заслугу, то первая надѣляетъ лаврами заблужденія прошедшаго и готовитъ для нихъ будущее. Въ идеяхъ Ло было много прошедшаго, и прошедшаго печальнаго; если онъ палъ, то палъ жертвою не предразсудковъ и привычекъ, но неумолимыхъ экономическихъ законовъ.

Еще труднѣе согласиться съ мнѣніемъ автора, что Ло далеко оставилъ за собою и даровитостью и благородствомъ бо̀льшую часть современныхъ ему финансовыхъ людей Франціи. Кто читалъ Вобана и Буагильбера, тотъ легко можетъ оцѣнить безконечное разстояніе между ними и между Ло — разстояніе между стремленіемъ къ практическому преобразованію, клонящемуся къ пользѣ страждущихъ, и тщеславною мечтою о всеобщемъ обогащеніи.

Равнымъ образомъ мы не раздѣляемъ мнѣнія г. Бабста, когда онъ говоритъ: «Ло понялъ, что бѣдственное положеніе Франціи и Шотландіи проистекало отъ недостатка капиталовъ, и всѣ свои силы употребилъ на то, чтобъ вырвать общество изъ рукъ ростовщиковъ» (стр. 43), потому-что самъ г. Бабстъ замѣчаетъ далѣе, что «Ло полагалъ спасеніе Франціи въ кредитѣ, какъ въ единственномъ средствѣ увеличить массу денегъ; но не деньги нервъ общества, а капиталы, и въ этомъ-то вопросѣ Ло жестоко ошибался». Намъ кажется, что Ло думалъ вовсе не о капиталахъ, а объ однихъ орудіяхъ обращенія. Г. Бабстъ старается, однакожь, оправдать ошибочное мнѣніе Ло о деньгахъ и впадаетъ въ новыя погрѣшности:

«Но гдѣ же было Ло, взросшему и воспитанному въ понятіяхъ меркантильной системы, отрѣшиться отъ понятій и предразсудковъ, общихъ его времени? Всѣ были убѣждены, всѣ вѣрили,

что деньги, и только деньги въ состояніи поднять промышленость и оживить торговлю; должно еще замѣтить, что такое заблужденіе много способствовало успѣхамъ Ло; онъ, *благодаря ему, нашелъ дѣйствительно средства увеличить массу денегъ,* (?) *найдти кредитъ и бросить на почву Франціи первые зародыши его*» (стр. 43 — 44).

Послѣднія слова насъ удивили. Не-уже-ли можно найдти кредитъ? Не-уже-ли Ло бросилъ на почву Франціи первые зародыши кредита? Законодательства всѣхъ народовъ, упоминающія о ссудахъ и о займахъ, убѣждаютъ насъ въ противномъ. Даже болѣе-развитыя формы кредитныхъ сдѣлокъ существовали съ незапамятныхъ временъ. Вотъ слова Дюто, мнѣнія котораго г. Бабстъ такъ часто раздѣляетъ, но которому онъ не послѣдовалъ въ настоящемъ случаѣ. «Съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ правильная торговля, люди, нуждавшіеся въ деньгахъ, стали выпускать билеты, или обѣщанія уплатить деньги. Эти билеты, или кредитъ, служили имъ вмѣсто денегъ. Такимъ-образомъ, первое употребленіе кредита состоитъ въ представленіи денегъ бумажными знаками. *Этотъ обычай очень-старъ; нужда была, безъ-сомнѣнія, его изобрѣтателемъ*». Оставляя въ сторонѣ ошибку Дюто — смѣшиваніе кредита съ означеніемъ его, мы совершенно согласны относительно происхожденія кредита и первыхъ его зародышей.

Разбирая Ло, г. Бабстъ высказываетъ собственный взглядъ на сущность народнаго богатства:

«Мы называемъ болѣе-богатымъ тотъ народъ, который, при равной численной величинѣ, обладаетъ сравнительно-большимъ количествомъ цѣнностей для потребленія производительнаго и непроизводительнаго; въ которомъ вся масса взаимныхъ услугъ, выносимыхъ на рынокъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, болѣе нежели въ другомъ народѣ; взаимныхъ услугъ, говоримъ мы, потому-что весь механизмъ торговли, промышлености, есть ничто иное, какъ взаимный обмѣнъ услугъ. Чѣмъ болѣе услугъ выносится на рынокъ для обмѣна на другія услуги, чѣмъ это кругообращеніе быстрѣе, тѣмъ народъ богаче, и деньги занимаютъ въ этомъ процесѣ ту же роль, какъ и всякій другой изъ необходимыхъ предметовъ жизни и экономическаго организма общества. Деньги— это не болѣе, какъ орудіе, посредствомъ котораго каждый наилегчайшимъ способомъ производитъ обмѣнъ своихъ услугъ на услуги другаго; это опять-таки одна изъ тѣхъ многочисленныхъ услугъ или цѣнностей, въ которыхъ нуждается общество; но говорить, что въ деньгахъ заключается все богатство народа, это все-равно, что называть хорошіе пути сообщенія, благодаря которымъ быстро и легко производится обмѣнъ народныхъ богатствъ, единственнымъ богатствомъ народнымъ. Послѣднее зависитъ отъ изобилія капиталовъ. Когда народная промышленость въ усыпленіи, это значитъ, что нѣтъ капиталовъ, или что капи-

талы боятся выйдти на свѣтъ; ежели подати уплачиваются дурно, значитъ, въ обществѣ нѣтъ достатка въ капиталахъ для того, чтобъ съ ихъ дохода пожертвовать, не разоряя себя, на общую пользу» (стр. 45 — 46).

Намъ кажется, что взглядъ сочинителя не можетъ быть принятъ вполнѣ. Мы назвали бы богатымъ не тотъ народъ, который обладаетъ большимъ количествомъ *цѣнностей*, то-есть произведеній, созданныхъ трудомъ человѣка, но тотъ который обладаетъ большимъ количествомъ *полезностей* (то-есть средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностямъ), произведенныхъ съ возможно-меньшими усиліями со стороны человѣка и при большемъ содѣйствіи силъ природы.

Замѣчаніе наше не покажется споромъ о словахъ для того, кто захочетъ вникнуть въ смыслъ словъ «цѣнность» и «полезность». Цѣнностью мы означаемъ стойность, опредѣляемую производительными усиліями, или же самое средство, имѣющее стойность; а полезностями называемъ вообще всѣ предметы, служащіе для удовлетворенія потребностямъ. Очевидно, что *изобиліе полезностей и легкость ихъ производства совпадаютъ съ пониженіемъ цѣнности* и составляютъ признакъ возрастанія народнаго богатства. Также точно и выраженія : «потребленіе производительное» или «непроизводительное» не имѣютъ вѣса въ наукѣ экономической. Это старое, схоластическое дѣленіе пало съ развитіемъ болѣе-свѣтлаго политико-экономическаго взгляда, который высказывается у автора въ словахъ только-что приведенныхъ нами относительно обмѣна услугъ, значенія денегъ и изобилія капиталовъ. Однакожь, мы не можемъ не замѣтить, что, къ существеннымъ признакамъ большаго или меньшаго развитія народнаго богатства должно отнести не одно количество оказываемыхъ услугъ, но также и легкость ихъ оказыванія, а равнымъ образомъ и не одно изобиліе капиталовъ, но также отношеніе между участіемъ труда и природы въ производствѣ.

Переходя къ разбору той части сочиненія г. Бабста, въ которой излагается «Система», считаемъ необходимымъ повторить большую часть замѣчаній, сдѣланныхъ выше, находя для нихъ подтвержденіе и въ томъ, что̀ было сказано нами прежде, и въ отдѣльныхъ мѣстахъ разбираемой нами книги.

При изложеніи «Системы», авторъ не указалъ на историческое значеніе описанныхъ имъ событій въ политической судьбѣ Франціи и въ ея хозяйственномъ бытѣ. Онъ коснулся одного вліянія «Системы» на современное общество, въ-особенности парижское, и этимъ анекдотическимъ очеркомъ убѣдилъ насъ въ томъ, что мы могли бы ожидать отъ него удачнаго выполненія болѣе-трудной задачи — объясненія связи между «Системою», дѣятельностью Кольбера и послѣдующими историческими событіями. Надѣемся, читатель согласится съ тѣмъ, что преобразованія Ло довершили меркантильное устройство хозяйственныхъ отношеній, и

что «Система» произвела совершенный переворотъ въ имуществахъ, который приготовилъ упадокъ стариннаго порядка государственной жизни и отозвался болѣзненно въ потрясеніяхъ конца XVIII и въ XIX вѣкѣ.

Это первый и главный недостатокъ, на который мы сочли обязанностью указать; къ нему присоединяются еще другіе: попытка оправдать Ло, вѣра въ возможность самой «Системы» и преувеличенное мнѣніе о послѣдствіяхъ, достигнутыхъ ея установленіемъ.

Попытка оправдать Ло совершенно не удалась г. Бабсту. Наперекоръ положительному свидѣтельству, содержащемуся въ сочиненіяхъ Ло, и въ pièces justificatives, присоединенныхъ къ его трудамъ въ «Collection des économistes», г. Бабстъ, старается доказать ссылками на мнѣнія нѣкоторыхъ изъ современниковъ Ло, что Ло былъ вовлеченъ интригами своихъ враговъ въ предпріятія, которыя были гибельны для «Системы». Такъ, напримѣръ, г. Бабстъ утверждаетъ, что компанія не была задумана Ло, хотя изъ ясныхъ намековъ въ его «Запискахъ о банкахъ» видно, что соединеніе банка съ компаніею было любимою мыслью будущаго генеральнаго контролера.

Вотъ что говоритъ г. Бабстъ :

«Напрасно думаютъ, что первая мысль учрежденія компаніи принадлежитъ Ло. Что онъ ухватился съ жаромъ за новое предпріятіе—это совершенно справедливо; но есть положительное свидѣтельство, что онъ взялся за него почти къ тому вынужденный и отчасти изъ самолюбія и тщеславія; но мысль о колонизаціи Луизіаны и новой торговой компаніи не принадлежитъ Ло.

«Богатый негоціантъ Крозà, отказался отъ дарованной ему привилегіи на торговлю съ Луизіаной и землями по Миссисипи и передалъ ее въ руки правительства. Совѣтъ Финансовъ былъ въ крайнемъ затрудненіи, не зная рѣшительно, чтó ему дѣлать съ такимъ неожиданнымъ подаркомъ. Онъ рѣшился предоставить Луизіану частной компаніи, которая бы согласилась пожертвовать на это дѣло порядочный капиталъ, и обратилъ свое вниманіе на Ло, богатство и удачи корораго начинали уже возбуждать всеобщую зависть. Судя по словамъ графа Ла-Марка, Совѣтъ надѣялся привлечь Шотландца въ западню и погубить.

«Желая ли поддержать свой кредитъ и всеобщую вѣру въ свои финансовые планы, или, увлекшись общею въ то время страстью къ колонизаціи и къ торговымъ компаніямъ, только Ло не отказался отъ предложенія Совѣта, но схватился за него со всѣмъ ему свойственнымъ жаромъ и немедленно составилъ планъ новой компаніи» (стр. 53 — 54).

Но самъ авторъ опровергаетъ это далѣе, признавая компанію существенною принадлежностью «Системы». Вотъ его слова: «Главная ошибка Лó состояла въ томъ, что онъ связалъ судьбы компаніи съ банкомъ и подвергнулъ кредитъ послѣдняго опасно-

стямъ и случайностямъ подобнаго рода торговыхъ предпріятій. Компанія *по его плану должна была поддерживать кредитъ и операціи банка* тѣмъ, что ея акціи могли служить вѣрнымъ обезпеченіемъ банковыхъ билетовъ, которые, прельщаемые (?) значительнымъ дивидендомъ, стремились бы безпрерывно къ обращенію въ акціи».

Также точно г. Бабстъ старается оправдать Ло относительно соединенія государственнаго кредита съ дѣлами компаніи, доказывая, что это было интригою враговъ Ло, приготовленною для него ловушкою, а затѣмъ увѣряетъ насъ, что самый планъ соединенія былъ задушевною мыслью Ло и упоминаетъ о событіяхъ, которыя доказываютъ, что эти мнимые враги, напримѣръ, герцогъ Ноаль, были противниками его плана. На стр. 64 — 65 г. Бабстъ говоритъ:

«Ло предложилъ свой проектъ торговой компаніи сначала акціонерамъ банка; когда они изъявили согласіе, тогда онъ пригласилъ на совѣщаніе значительныхъ капиталистовъ и негоціантовъ. Съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, въ живыхъ картинахъ изобразилъ онъ имъ всѣ выгоды предпріятія, всѣ богатства, какія ожидаютъ ихъ въ богатой странѣ, которыми не умѣли только пользоваться. Долина Миссисипи, о которой начинали ужь забывать, предстала вновь съ своими рудниками, съ своими алмазными пріисками, передъ воображеніемъ капиталистовъ и отважныхъ искателей приключеній. «Ежели вы говорите справедливо», раздался голосъ, «то вы заслуживаете статую: мы вамъ поставимъ сами статую», закричало дружно все собраніе, на лучшей площади Парижа.

«Финансовый Совѣтъ, видя такую готовность и такой энтузіазмъ, задумалъ имъ воспользоваться, и приказалъ всѣмъ владѣльцамъ государственныхъ облигацій обмѣнять ихъ на акціи Западной Компаніи. *Это была опять уловка, чтобъ завлечь Ло и подорвать его кредитъ между капиталистами,* которые въ его проектѣ могли подозрѣвать сдѣлку съ Совѣтомъ, дабы заманить ихъ въ бѣду, и взять назадъ облигаціи. *Ло отказалъ Совѣту на-отрѣзъ,* и оставилъ предпріятіе до другаго времени.»

И далѣе на 81 стр.: «Система погибла вслѣдствіе зависти, корыстолюбія, обмана, интригъ. Вопреки государственному благу, *противъ воли самаго зодчаго,* воздвигли семь этажей на фундаментѣ, заложенномъ только для трехъ, и когда зданіе рушилось, тогда всѣ бросились на зодчаго и упрекали его въ томъ, зачѣмъ онъ его строилъ. *Не онъ погубилъ систему, а его враги и люди легкомысленные, жадные, которымъ онъ принужденъ былъ уступить*».

Но въ то же время авторъ вступается за враговъ Ло и возстановляетъ истину вполнѣ, указывая на сущность плана Ло и на различіе между этимъ предположеніемъ и планомъ Ноаля: «Ло

оставилъ на время свой проектъ вслѣдствіе приказанія Совѣта обмѣнивать государственныя облигаціи на акціи. Онъ хотѣлъ пріучить капиталистовъ къ своимъ операціямъ; ему было досадно, что въ такихъ щекотливыхъ дѣлахъ Совѣтъ началъ дѣйствовать приказами, тогда-какъ Ло началъ дѣло изложеніемъ своей системы и хотѣлъ дѣйствовать прямо на убѣжденія. *Обмѣнъ государственныхъ четырехпроцентныхъ облигацій на акціи былъ и его задушевною мыслью,* потому-что только такой операціей надѣялся Ло погасить государственный долгъ, какъ онъ обѣщалъ регенту» (стр. 66).

«Не долго продолжалась борьба между герцогомъ Ноалемъ и ненавистнымъ ему Шотландцемъ. Первый представилъ многословный, длинный проектъ, въ которомъ предлагалъ *средства давнымъ-давно уже извѣстныя, средства медленныя,* ни мало несоотвѣтствовавшія характеру регента. Онъ требовалъ *бережливости, сокращенія издержекъ двора впродолженіе 15 лѣтъ, наконецъ сокращенія издержекъ на флотъ,* когда послѣдній находился и безъ того уже въ положеніи самомъ плачевномъ.

«Его соперникъ поступилъ иначе. Блестящимъ языкомъ изложилъ онъ свою теорію, теорію совершенно-новую, но выгоды которой были отчасти уже извѣстны всякому, кто слѣдилъ за операціями его банка; всѣ же опасныя стороны новой теоріи никому не были извѣстны. Ло утверждалъ, *что общее мнѣніе о положеніи финансовъ ложно* (?), что ужасающая масса государственныхъ обязательствъ опасна единственно только своей неподвижностью, что стоитъ ей только открыть удобные каналы и пустить въ обращеніе — и она обратится въ истинное благодѣяніе и для казны и для народа.

«Какъ ни былъ увлекателенъ проектъ Ло, но его до времени оставили, опасаясь сильной оппозиціи со стороны Парламента. Непосредственнымъ слѣдствіемъ совѣщанія было, однакожь, паденіе Ноаля, врага Ло, и канцлера д'Агессо, главной опоры Парламента» (стр. 70 и 71).

Вотъ ясное доказательство, что обращенію облигацій въ акціи противился не Ло, но его враги. Г. Бабетъ увлекся мнѣніемъ Дюто и несправедливо обвинялъ тѣхъ людей, которые не поддавались всеобщему увлеченію и старались удержать Ло отъ необдуманныхъ опытовъ.

Обвиняя въ паденіи «Системы» враговъ и завистниковъ Ло, г. Бабетъ, замѣчаетъ, однакожь, что «ежели конецъ системы не соотвѣтствовалъ ея блистательному началу, то единственно потому, что эта мысль, это учрежденіе были *преждевременны* (!) и, къ-сожалѣнію, не чужды всѣхъ ошибокъ и ложныхъ понятій, господствовавшихъ тогда въ Европѣ. Первая ошибка состояла уже въ томъ, что онъ сдѣлалъ свой банкъ прежде всего кассой регента; уплата государственнаго долга, удовлетвореніе потреб-

постей истощенной казны—вотъ было главное, что имѣлъ въ виду регентъ и чѣмъ склонилъ его Ло на открытіе банка» (1).

«Вторая ошибка Ло состояла въ его ложномъ взглядѣ на деньги. Онъ, съ свойственнымъ ему вѣрнымъ тактомъ, понялъ, что Франція нуждается въ капиталахъ, что *дешевизна послѣднихъ* зависитъ не столько отъ умноженія ихъ, сколько отъ быстраго обращенія цѣнностей въ народѣ, а ближайшимъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ считалъ онъ умноженіе денегъ» (стр. 80—87).

Не оспоривая неосновательности приведеннаго мнѣнія о дешевизнѣ капиталовъ, мы ищемъ въ сочиненіи г. Бабста объясненія сущности «Системы» и находимъ слѣдующее мѣсто : «Для приведенія въ исполненіе своего плана, Ло совѣтуетъ сложить въ банкъ весь запасъ звонкой монеты во Франціи, не въ видѣ займа, потому-что это было бы государству и банку въ тягость, но въ видѣ вкладовъ, дабы брать ихъ потомъ только по мѣрѣ надобности. Располагая такими огромными средствами, банкъ долженъ непремѣнно оживить промышленость, выдавая желающимъ необходимые капиталы безъ всякаго вознагражденія и употребляя ихъ съ своей стороны на выгодныя предпріятія».

«Читая Ло, мы не можемъ не подивиться, какъ онъ за 150 почти лѣтъ задумалъ то, надъ чѣмъ трудятся въ настоящее время лучшіе современные политикоэкономы» (стр. 85).

Если мы не ошибаемся, допуская, что г. Бабстъ видитъ въ предъидущихъ словахъ мысль Ло, неосуществившуюся потому, что она была явленіемъ преждевременнымъ и началомъ неудачно-примѣненнымъ къ дѣлу; если мы не ошибается, полагая, что авторъ считаетъ мысль Ло разрѣшеніемъ задачи, надъ которой напрасно трудятся 150 лѣтъ послѣ него лучшіе современные экономисты, то долгомъ считаемъ, обратить вниманіе читателя на несообразности, которыя представляются въ сдѣланной нами выпискѣ. Совѣтуя сложить въ банкъ всю монету, находившуюся во Франціи (но не въ видѣ займа), Ло давалъ банку значеніе депозитнаго; однакожь, представляя и банку и частнымъ лицамъ право брать эти капиталы, Ло обращалъ банкъ въ депозитный заемный. Спрашивается теперь: кто согласится положить свой капиталъ въ банкъ, не требуя процентовъ длятого, чтобъ этимъ капиталомъ пользовались другіе? Что получитъ вкладчикъ за отданный капиталъ? Акціи, приносящія %? но тогда вкладъ не будетъ простымъ *депозитомъ, а отданнымъ для обращенія изъ процентовъ*. Билеты, неприносящіе процентовъ? но кто согласится замѣнить ими свой монетный капиталъ, когда размѣнъ ихъ на металлическія деньги не обезпеченъ, или когда не назначено

(1) Послѣднія слова прямо противорѣчатъ тому, что г. Бабстъ сказалъ выше, назвавъ обращеніе облигацій въ акціи задушевною мыслью Ло.

срока для уплаты по кредитному знаку? Еще ярче высказывается эта несообразность въ слѣдующихъ словахъ: «банкъ (по мнѣнію Ло) долженъ непремѣнно оживить промышленость, выдавая желающимъ необходимые капиталы безъ всякаго вознагражденія и употребляя ихъ съ своей стороны на выгодныя предпріятія», то-есть тѣ лица, которыя отдаютъ капиталы, не должны получать процентовъ; тѣ же, которыя берутъ изъ банка капиталы даромъ, а равно и самый банкъ должны имѣть выгоды, отъ употребленія безпроцентныхъ вкладовъ!

Допустивъ, наконецъ, что невозможное сдѣлалось возможнымъ, что всѣ владѣльцы монеты совершили тотъ подвигъ самоотверженія, на который вызывалъ ихъ Ло, мы все-таки недоумѣваемъ: откуда банкъ возьметъ капиталы для собственныхъ предпріятій, если только онъ будетъ раздавать ихъ, не требуя вознагражденія? Мы увѣрены, что банковая касса будетъ вѣчно пуста, потому-что кто устоитъ противъ искушенія безпроцентной ссуды?

Раздѣляя мнѣніе Дютó насчетъ народно-экономическаго значенія системы, г. Бабстъ приводитъ слова этого писателя, безъ малѣйшаго возраженія :

«Довольство (говоритъ Дютò) разлилось по городамъ и селамъ Франціи; оно дало возможность разсчитаться съ долгами, подъ гнетомъ которыхъ страдали многіе, задолжавшіе въ бѣдственныя для Франціи времена; оно оживило промышленость; оно подняло въ цѣнѣ недвижимыя имущества, дало королю возможность удовлетворить государственныхъ кредиторовъ (?), понизило ренты, изгнало непомѣрный ростъ; оно воздвигло новыя зданія, поддержало старыя, лежавшія въ развалинахъ, дало возможность обработывать пустопорожнія земли, возвратило гражданъ, бѣжавшихъ отъ бѣдности и угнетенія, привлекло къ намъ чужеземцевъ и капиталы ихъ». Въ этихъ словахъ Дютó почти ни на волосъ нѣтъ преувеличенія. Огромная масса денегъ, легкость, съ какою доставлялись капиталы, понизили ростъ до $1\frac{1}{4}$ %. Кто въ 1716 году положилъ въ банкъ 10,000 ливровъ, тотъ обладалъ въ 1719 году, безъ всякихъ съ своей стороны усилій, слѣдуя только за общимъ теченіемъ дѣлъ, мильйономъ. Люди смѣлые достигали такихъ же результатовъ мѣсяца въ три. До какой степени поднялось народное довольство, можно заключить изъ того, что въ-теченіе столь короткаго времени снято было въ одномъ парижскомъ округѣ 1,600 запрещеній, наложенныхъ на имущества; число фабрикъ умножилось до того, что недоставало рукъ, и фабриканты ходили по богадельнямъ искать работниковъ и забирали всѣхъ, кто хотя бы сколько-нибудь въ-состояніи былъ работать. Земледѣліе поднялось вслѣдствіе увеличившагося потребленія; народъ богатѣлъ отъ безпрестаннаго прилива иностранцевъ; народонаселеніе Парижа — пишетъ герцогиня орлеанская — увеличилось 300,000 душъ; нужно было отстроивать квартиры въ сараяхъ и магазинахъ. Въ Парижѣ столько каретъ, пишетъ она, что по улицамъ

пройдти трудно. Доходы оперы, непревышавшіе никогда 60,000, простирались съ 1719 — 21 г. до 740,184 ливровъ. Въ обществѣ развивались безпрестанно новыя потребности къ роскоши и удовольствіямъ; кто легко разбогатѣлъ, тотъ съ такою же легкостью издерживалъ свои мильйоны» (стр. 115 — 116).

Въ этомъ промышленномъ движеніи мы вовсе не видимъ признаковъ возрастанія народнаго довольства; мы замѣчаемъ, напротивъ, одно перемѣщеніе богатствъ, возможность разбогатѣть посредствомъ ажіотажа, потреблять, имѣя въ своихъ рукахъ кредитные знаки — власть, располагающую имуществомъ, власть сильную до той поры, пока существуетъ довѣріе къ ея представительному значенію. Надежда разбогатѣть биржевою игрою, упрочить пріобрѣтенное, легкимъ способомъ разсчитаться съ вѣрителями, насладиться выигрышемъ, хотя бы на одно мгновеніе — вотъ причины продажи имуществъ, освобожденія имѣній отъ долговъ, запроса на предметы роскоши и проч. Но можно ли видѣть въ этомъ признаки распространенія народнаго довольства? Кого обогатили счастливые биржевые игроки, растратившіе огромные вещественные капиталы и оставившіе неуплатимыя требованія (билеты) купцамъ, ремесленникамъ и земледѣльцамъ? Что жь касается пониженія процентовъ, то оно существовало только на словахъ въ знаменитыхъ письмахъ аббата Террасона; на дѣлѣ деньги отдавались въ заемъ на часы за проценты, которымъ не было примѣра (1).

Читатель легко можетъ судить по выпискамъ, сдѣланнымъ нами изъ сочиненія г. Бабста, справедливы ли были наши замѣчанія. Блестящая личность Ло закрывала отъ г. Бабста бѣдность экономическихъ познаній и недостатокъ практической зрѣлости въ его героѣ. Колоссальныя построенія меркантильной системы, предначертанныя въ интересѣ мнимаго общественнаго блага, скрыли отъ его проницательности то стѣсненіе частной дѣятельности, которое было слѣдствіемъ развитія монопольнаго устройства промышлености въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Наконецъ, великолѣпная обстановка системы во времена ея процвѣтанія произвела на него впечатлѣніе, которое не было имъ забыто, несмотря на всеобщее банкротство, увѣнчавшее попытку установленія государственной монопольной торговли, связанной съ кредитомъ.

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній г. Бабстъ, не думая о критической оцѣнкѣ, приводитъ отрывки изъ Ло, въ родѣ слѣдующихъ:

«Государство имѣетъ полное, неоспоримое право запретить всякое злоупотребленіе съ деньгами, ибо онѣ принадлежатъ частнымъ людямъ, какъ необходимое орудіе для удобнаго обращенія

(1) Blanqui Hist. de l'économie politique. T. II, p. 65.

цѣнностей—и только; запирать ихъ въ сундукахъ, вынимать изъ обращенія—будетъ преступленіемъ; деньги принадлежатъ государству точно также, какъ большія дороги, каналы и т. д. Ежели оно имѣетъ право пролагать новые пути для блага общаго, то никто не станетъ отрицать у него права перемѣнять деньги и дать народу новое орудіе мѣны, болѣе-удобное для общей пользы. Ежели государство имѣетъ полное право отнять у каждаго частнаго лица его собственность, когда видитъ, что ею пользуются ко вреду общественному; ежели оно можетъ заставить поправить зданіе, угрожающее паденіемъ, то какъ же государству не обратить вниманія на организацію денежной системы, отъ которой зависитъ такъ много богатство и благоденствіе страны?» (стр. 84).

Отсутствіе разбора подобныхъ мѣстъ составляетъ важный пробѣлъ въ сочиненіи г. Бабста, потому-что словамъ: *благо общее* и *вредъ общественный* присвоено меркантильное значеніе, въ высшей степени произвольное и неопредѣленное.

Безъ-сомнѣнія, государство справедливо требуетъ поправки зданія, грозящаго задавить живущихъ въ немъ людей; безъ-сомнѣнія, ему принадлежитъ право *обращать вниманіе* на устройство денежной системы и проч.; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно должно, въ видахъ общаго блага, заставлять строить домы, въ которыхъ нѣтъ надобности, или для постройки которыхъ жители не имѣютъ средствъ, или же вводить новыя денежныя системы, придуманныя экономистами. Одинъ меркантилизмъ не знаетъ этихъ различій, и при словахъ «благо цѣлаго» забываетъ, что оно обнимаетъ собою понятіе частнаго блага всѣхъ и каждаго.

Наконецъ мы позволяемъ себѣ коснуться еще одной погрѣшности въ сочиненіи г. Бабста — неточности словоупотребленія. Выраженія «ассигнаціонный банкъ», «ассигнаціи», не могутъ служить для означенія банка и банковыхъ билетовъ въ системѣ Ло, потому-что слова эти относятся къ учрежденіямъ временъ позднѣйшихъ. Равнымъ образомъ нельзя назвать акціи и билеты бумажными деньгами (стр. 152), наконецъ, банковые билеты — монетою (78), и т. д.

Этихъ погрѣшностей легко было бы избѣжать.

Несмотря на недостатки, указанные нами, сочиненіе г. Бабста имѣетъ неоспоримыя достоинства, въ-особенности какъ подробное, обстоятельное изложеніе операцій Ло, едва-ли не первое въ нашей литературѣ. Прекрасное дарованіе автора, высказавшееся въ занимательномъ и общедоступномъ изложеніи предметовъ спеціальныхъ, обязывало насъ сдѣлать строгій разборъ его книгѣ. Писатель, который можетъ имѣть полный успѣхъ на поприщѣ экономической литературы, обязанъ взвѣшивать свои мысли и свои сужденія прежде, нежели рѣшится сдѣлать ихъ достояніемъ читающихъ. Онъ обязанъ этимъ собственному таланту, истинѣ и образованности, которой посвящена его дѣятельность.

Писавшій эту статью тѣмъ охотнѣе взялся за такой трудъ, что, высказывая свое мнѣніе о слабыхъ сторонахъ въ сочиненіи г. Бабста, онъ произносилъ приговоръ надъ своимъ прошедшимъ. Настоящая статья въ его глазахъ не только разборъ чужой книги, но также и сознаніе своихъ прежнихъ заблужденій.

Впрочемъ, кажется, большинству занимающихся политическою экономіею суждено было находиться подъ вліяніемъ меркантильнаго направленія, сомнѣваться въ томъ, что промышленная жизнь заключается въ соперничествѣ, и что частныя побужденія составляютъ главный рычагъ хозяйственной дѣятельности; наконецъ, отстаивать протекціонизмъ и всѣ скрытныя монополіи. Если Сэю, какъ онъ самъ сознается, долго приходилось бороться съ вліяніемъ грубаго меркантилизма, то удивительно ли, что каждому изъ насъ такъ трудно избавиться отъ тѣхъ же предразсудковъ, облеченныхъ въ утонченныя формы протекціонистическаго меркантилизма?

Н. БУНГЕ.

V.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Повѣсти и Разсказы А. Ѳ. Писемскаго, *въ трехъ частяхъ. Москва. Въ тип. Степанова. 1853. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части — 428, во II — 402, въ III — 511 стр.*

Г. Писемскій собралъ все, что̀ было имъ до настоящаго времени напечатано въ «Москвитянинѣ», и издалъ отдѣльно. «Тюфякъ», «Питерщикъ», «Ипохондрикъ», «М-г Батмановъ», «Сергѣй Петровичъ Хозаровъ и Марй Ступицына», «Комикъ» составляютъ содержаніе трехъ вышедшихъ книжекъ «Повѣстей и Разсказовъ». Спрашивается, почему авторъ не включилъ въ число «Повѣстей и Разсказовъ» — «Богатаго Жениха», романъ, помѣщенный въ «Современникѣ» и «Раздѣлъ» (тамъ же)? Потому ли, что онъ дѣлалъ выборъ при новомъ изданіи напечатаннаго прежде и нашелъ, что романъ «Богатый Женихъ» и комедія «Раздѣлъ» не могутъ занять мѣста на ряду съ «Тюфякомъ» или «Ипохондрикомъ»? или просто потому, что черезъ нѣсколько времени появится четвертая часть «Повѣстей и Разсказовъ», и въ ней ужь мы увидимъ то, чего не досчитываемся въ первыхъ трехъ частяхъ? Вопросъ этотъ — не вопросъ одного празднаго любопытства, но имѣетъ и нѣкоторое основаніе. Большая разница между тѣмъ изданіемъ, которое дѣлаетъ самъ авторъ, по выбору, представляя публикѣ только то, что̀, по зрѣломъ обсужденіи, онъ считаемъ достойнымъ ея вниманія, и такимъ, котораго главное достоинство полнота и хронологическая послѣдовательность произведеній. Перваго рода изданіе можетъ быть и неполно, если судить по числу напечатаннаго, но зато яснѣе указываетъ на тѣ произведенія, въ которыхъ заключена главная мысль автора, отъ которыхъ не отказывается талантъ его и по истеченіи нѣкотораго времени. Къ такимъ изданіямъ сами авторы всегда дѣлаютъ предисловія и въ нихъ объясняютъ, почему они не считаютъ достойными перепечатанія сочиненія, опущенныя въ новомъ изданіи. Г. Писемскій

повидимому сдѣлалъ выборъ изъ своихъ произведеній, но необъяснилъ, *почему*. Чѣмъ же должны мы руководствоваться въ своемъ сужденіи о талантѣ автора: напечатаннымъ ли только въ «Повѣстяхъ и Разсказахъ», или *всѣмъ*, что̀ до настоящаго времени было напечатно авторомъ?

Впрочемъ, объ особенностяхъ таланта г. Писемскаго мы столько разъ ужь говорили, что повторять сказаннаго не будемъ. При выходѣ въ свѣтъ его повѣстей, романовъ и комедій, мы каждый разъ подробно разбирали ихъ. Теперь намъ остается сказать только о томъ общемъ впечатлѣніи, которое производятъ три вновь-изданныя книжечки. Здѣсь вниманіе наше не можетъ ужь быть остановлено тѣми подробностями, на которыя позволительно было обращать его при частныхъ разборахъ той или другой повѣсти. Ни выдержанность или невыдержанность какого-либо характера, ни простота или излишняя запутанность дѣйствія въ томъ или другомъ разсказѣ—не будутъ главнымъ предметомъ нѣсколькихъ словъ, которыя мы намѣрены сказать теперь. Внѣшняя отдѣлка, слогъ автора также будутъ оставлены нами безъ вниманія, потому-что мы и объ этомъ говорили нѣсколько разъ. Мы зададимъ себѣ одинъ вопросъ: что̀ останавливаетъ на себѣ вниманіе автора въ жизни, и ка̀къ онъ понимаетъ тѣ явленія этой жизни, которыя бросаются ему въ глаза? Шесть произведеній автора, вторично имъ напечатанныхъ—двѣ повѣсти, одинъ разсказъ, два очерка и одна комедія, обязаны хоть сколько-нибудь удовлетворить это справедливое наше любопытство. Вопросъ этотъ и задавать было бы неловко, да и отвѣчать на него было бы трудно по прочтеніи одного какого-нибудь разсказа или одной какой-нибудь комедіи автора; но, при изданіи всего напечатаннаго авторомъ, изданіи, сдѣланномъ по его собственному выбору, этотъ вопросъ и необходимъ и возможенъ. Что̀ не досказано одною повѣстью, то сказывается другою; мысль, тёмная въ одномъ произденіи, становится ясною, будучи повторена въ другомъ. Припомнимъ же главное въ произведеніяхъ г. Писемскаго.

«Тюфякъ», «Ипохондрикъ», «Хозаровъ» представляютъ рядъ характеровъ, какихъ-то неполныхъ, больныхъ, и о двухъ первыхъ можно даже сказать—физически-увѣчныхъ. Что̀ такое *Тюфякъ*, какъ не олицетворенное нравственное безсиліе? что̀ такое *Ипохондрикъ*, какъ не душевное разстройство, мнительность въ образѣ человѣка, требующая скорѣе медицинскаго леченія, нежели литературнаго, философскаго, или другаго какого-угодно? Какую же мысль имѣлъ авторъ, поставивъ оба эти характера, такъ-сказать разслабленные, въ соприкосновеніе съ людьми, хотя и односторонними, но крѣпкими по своимъ убѣжденіямъ? Что «Тюфякъ» будетъ подавленъ разсчетливостью Владиміра Петровича и отсутствіемъ всякихъ правилъ супруги своей Юліи Владиміровны? Но стоитъ ли изъ-за этого сюжета писать столько прекрасныхъ страницъ, которыми наполнена повѣсть? Да будь «Тюфякъ» съ такимъ же необразованіемъ, какъ и всѣ его окру-

жающіе, имѣй онъ только нравственное безсиліе, приданное ему авторомъ—онъ и тогда былъ бы побѣжденъ и Владиміромъ Петровичемъ и Юліею Владиміровной, а тѣмъ болѣе Бахтіаровымъ, на томъ физическомъ основаніи, что кто сильнѣй, тотъ и правъ. Другое дѣло, еслибъ Бешметевъ, человѣкъ образованный, былъ и человѣкомъ съ характеромъ, тогда онъ могъ бы вступить въ борьбу съ Владиміромъ Петровичемъ, тогда борьба была бы возможна, и авторъ могъ бы имѣть истинный сюжетъ для повѣсти. Въ томъ же видѣ, какъ представленъ «Тюфякъ» авторомъ, онъ не что иное, какъ рядъ какихъ-то психологическихъ мученій, на которыя больно смотрѣть читателю. Надъ несчастнымъ Бешметевымъ какъ-будто разразилась судьба, противъ которой немощны всѣ человѣческія усилія; зрителю остается плакать и страдать Богъ знаетъ изъ-за чего — изъ-за того только, кажется, что ни Владиміръ Петровичъ, ни Юлія Владиміровна, ни Перепетуя Петровна, ни Ѳеоктиста Савишна не намѣрены ни плакать, ни страдать изъ-за Бешметева. Это напоминаетъ ужь древнюю трагедію, только несовсѣмъ; тамъ люди, полные силъ и отваги, страдали по опредѣленію судьбы; а такъ-какъ велѣніе это было неизбѣжно, то героямъ, полнымъ силъ и отваги, оставалось страдать и плакаться на судьбу. Теперь для насъ невозможна трагедія, въ которой, кромѣ страданія, нѣтъ борьбы человѣка съ судьбою—а г. Писемскій хочетъ разжалобить насъ видомъ душевной немощи, нравственной слабости, страдающей потому только, что она слабость, безсиліе, а не мощь, не крѣпость. Тутъ даже жаловаться нè на кого, развѣ на судьбу, которая при рожденіи дала Бешметеву въ удѣлъ безсиліе. Но можетъ ли этотъ сюжетъ быть интересенъ для читателя XIX вѣка, когда онъ былъ ужь анахронизмомъ и въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія?

Взгляните теперь, что̀ такое *Ипохондрикъ*? Это человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, страдающій мнительностью, лѣнью, разслабленіемъ умственныхъ способностей. Пріѣхалъ этотъ ипохондрикъ въ уѣздный городъ; тамъ его едва не женили на престарѣлой тридцати-шестилѣтней дѣвѣ; едва не обобралъ его сутяга-братъ; одна дальняя родственница едва не заставила его сдѣлать завѣщаніе въ свою пользу... Но пріѣзжаетъ тётка Соломонида Платоновна и изгоняетъ всѣхъ назойливыхъ родственниковъ. Что жь изъ этой внѣшней помощи? Ипохондрикъ остается ипохондрикомъ, и больше ничего. Гдѣ же сущность комедіи? Не-уже-ли автору казалась глубокомысленною идея, что, пользуясь болѣзнью ипохондрика, его хотѣли обобрать родственники? Эта мысль, можетъ-быть и справедливая, но нисколько не современная, а старая, какъ міръ, какъ родство и наслѣдство. Впрочемъ, искать сюжетъ комедіи въ физической болѣзни человѣка — потому-что ипохондрія есть болѣзнь физическая — мысль, кажется, болѣе странная для нашего времени, нежели смѣшная.

Но посмотримъ далѣе, на кого устремляетъ свою сатиру г. Писемскій—потому-что талантъ его преимущественно сатириче-

скій. У сатиры должна быть цѣль вѣрная, ясно-обозначенная, для того, чтобъ сатира имѣла значеніе. Если цѣль обозначена смутно, если авторъ случайно обращаетъ свой талантъ то въ ту, то въ другую сторону — значитъ, у него нѣтъ установившагося взгляда на жизнь; если же онъ выбираетъ для своей сатиры предметы ничтожные, тогда онъ попусту надѣваетъ на себя оружіе.

Хозарова нельзя назвать физически-больнымъ: въ немъ есть та нравственная болѣзнь, которая въ другихъ формахъ могла бы вызвать сатиру; но авторъ эту внутреннюю сторону такъ опошлилъ, что дѣлается непонятно, зачѣмъ было и писать длинный романъ для Хозарова. Это моншеръ, который влюбляется въ каждую хорошенькую, а можетъ-быть и нехорошенькую; «милашка», какъ его называла рябая хозяйка, у которой онъ пользовался благосклонностью и занималъ поэтому деньги... Впрочемъ, онъ занималъ деньги у всѣхъ и жилъ этимъ, пока не представился случай поправить дѣлишки женитьбой. Лицо избитое (впрочемъ, только въ романахъ), извѣстное своими похожденіями съ давняго времени...

М-г Батмановъ—не кто другой, какъ Бахтіаровъ, переведенный изъ «Тюфяка» въ особый романъ, ему исключительно-посвященный. Но для Батманова или Бахтіарова ненужно было писать особеннаго романа послѣ его продѣлокъ съ Бешметевой и Мансуровой въ «Тюфякѣ»: это тѣ Чайльд-Гарольды, которые, пройдя дальше Онѣгиныхъ и Тамариныхъ, приближаются прямо къ обществу, наслаждающемуся жизнью подъ сѣнью заведенія, нѣкогда украшавшагося ёлкой. Не понимаемъ, зачѣмъ выводитъ это лицо авторъ, представивъ намъ уже прежде Батманова, въ лицѣ Бахтіарова, въ «Тюфякѣ»...

И вотъ главныя лица четырехъ большихъ произведеній, изданныхъ авторомъ отдѣльно... Нельзя не сознаться, припоминая похожденія всѣхъ этихъ лицъ, что авторъ потратилъ много таланта и много остроумія понапрасну. Выборъ сюжетовъ вообще неудачный. Г. Писемскій обратилъ особенное вниманіе на то, на что̀ не сто̀яло бы тратить комизма, потому-что всѣ эти лица уже оцѣнены по достоинству общественнымъ мнѣніемъ. Еслибъ можно было такъ выразиться, мы сказали бы, что авторъ во всѣхъ этихъ романахъ твердитъ зады, повторяетъ мысли сказанныя и пересказанныя. Что̀ ужь за сатира, которая бы, напримѣръ, въ наше время нападала на страсть писать оды, и тому подобные предметы, о которыхъ тысячу разъ говорили!.. Дѣлаемъ оговорку: не будемъ забывать, что мы говорили здѣсь о достоинствѣ четырехъ вышеприведенныхъ пьесъ только въ-отношеніи къ основной ихъ мысли. По отношенію отдѣлки, формы, можетъ быть прекрасно произведеніе, написанное и на старый мотивъ... Итакъ, въ-отношеніи сюжета, романы г-на Писемскаго, не выдерживаютъ критики. Пусть бы еще авторъ, выводя Хозаровыхъ, Батмановыхъ, Бахтіаровыхъ, Ипохондриковъ, Тюфяковъ,

показалъ намъ хоть одно лицо, на которомъ бы съ удовольствіемъ остановилась его мысль и заставила остановиться читателя — но и того нѣтъ! Обстановка этихъ главныхъ лицъ принадлежитъ къ самому будничному разряду людей, которыхъ авторъ третируетъ самымъ равнодушнымъ образомъ. Такъ и видишь, что онъ готовъ вывернуть наизнанку судьбу всѣхъ этихъ лицъ, и ему оттого не будетъ ни тепло, ни холодно. Тутъ даже не та объективная манера изображенія, которою такъ восторгаются многіе: тутъ полнѣйшее пренебреженіе къ судьбѣ всѣхъ этихъ лицъ, героевъ бумажныхъ, или по-крайней-мѣрѣ изображенныхъ на бумагѣ, а не живущихъ въ дѣйствительной жизни. Чувствуешь, что для автора вопросы: долженъ ли спиться съ кругу Бешметевъ или нѣтъ? долженъ ли Бахтіаровъ выпить одну или двѣ бутылки мадеры?— вопросы равнозначащіе. Отъ такого взгляда на вещи, отъ такой манеры изображенія, въ головѣ читателя ровно никакой мысли не остается, когда онъ закрываетъ книгу. Онъ остается совершенно-равнодушнымъ къ этимъ ничтожнымъ фигурамъ, которыя прошли въ воображеніи, пока читалась книга, и о которыхъ вѣроятно забылъ самъ авторъ, дописавъ послѣднюю страницу. Такъ и слышишь, кажется, что авторъ, излагая исторію похожденій своихъ лицъ, говорилъ самъ съ собою: «Охъ, господа, надоѣли мнѣ всѣ вы до смерти!»

Лучшія произведенія въ новомъ изданіи «Повѣстей и Разсказовъ» — два очерка: «Комикъ» и «Питерщикъ». И, удивительная вещь! гдѣ мысли автора было меньше работы, тамъ очеркъ вышелъ полнѣе; гдѣ онъ ограничивался изображеніемъ того, что̀ видѣлъ, изображеніемъ дѣйствительно-существующаго въ томъ видѣ, какъ оно дѣйствительно существуетъ—тамъ картина вышла и проще и симпатичнѣе. Таковъ «Питерщикъ». По «Питерщику» можно судить, ка̀къ великъ талантъ г-на Писемскаго. Весь этотъ очеркъ есть не что иное, какъ разсказъ, имъ слышанный, или случай, имъ видѣнный и записанный. Ни мысль автора не работала надъ этимъ характеромъ, ни фантазія не запутывала и не распутывала небывалыхъ интригъ и случаевъ—и разсказъ вышелъ хорошъ. Въ «Комикѣ», мастерски-написанномъ очеркѣ, гдѣ, казалось, авторъ хотѣлъ выразить какую-то мысль, онъ опять спутался. Комикъ г-на Писемскаго попадаетъ въ число падшихъ талантовъ, потому-что находится подъ вліяніемъ ревности своей дражайшей супруги, которую онъ, впрочемъ, не любитъ —ревности грязноватой, обратившейся въ какую-то неотразимую силу, нисколько-неоправдываемую прежнимъ характеромъ Комика. Чтожь изъ всего этого слѣдуетъ? невольно спросите вы г. Писемскаго, по прочтеніи «Комика». А всё-таки «очеркъ» этотъ принадлежитъ къ удачнѣйшимъ произведеніямъ автора.

Еслибъ г. Писемскій болѣе вдумывался въ сюжеты своихъ произведеній, тогда лица, имъ изображаемыя, были бы ему до̀роги, и въ произведеніяхъ его мы встрѣчали бы болѣе симпатіи къ добру и отвращенія отъ зла. А для сатирика это необходимо.

Во всѣхъ же шести вновь-изданныхъ произведеніяхъ автора мы видѣли болѣе равнодушія и оттого сбивчивости въ идеяхъ, чѣмъ симпатіи и душевной теплоты. Чувства автора невольно передаются и читателю...

Изъ Рима въ Іерусалимъ. *Сочиненіе* графа Николая Адлерберга. *Санктпетербургъ. 1853. Въ 8-ю д. л. 262 стр.*

Въ предисловіи авторъ говоритъ слѣдующее:

«*Изъ Рима въ Іерусалимъ.* Такъ рѣшился я назвать замѣтки на пути моемъ отъ начала до главной его цѣли. Эти беззатѣйныя строки были написаны мною безъ претензіи на литературную извѣстность, безъ всякаго авторскаго тщеславія, единственно для освѣженія въ памяти того, что̀ я видѣлъ, и притомъ въ то время, когда писались онѣ, я не имѣлъ и мысли пустить ихъ когда-нибудь въ свѣтъ. Между-тѣмъ нѣкоторые снисходительные пріятели, прочитавъ, одобрили этотъ разсказъ о моемъ странствованіи и уговорили меня напечатать мои впечатлѣнія, которыя имѣютъ лишь одно достоинство: они чужды всякихъ вымышленныхъ прикрасъ. По-моему, лучше многое даже не досказать, нежели пустыми, ложными добавленіями искажать истину.»

Вѣрный своему предположенію, скромный авторъ передаетъ намъ въ простомъ, безъискусственномъ, хотя вездѣ согрѣтомъ теплотою чувства разсказѣ, впечатлѣнія свои на пути изъ Рима въ Аѳины, изъ Аѳинъ на островъ Сиру, въ Египетъ, въ Акру, въ Бейрутъ, въ Тиръ, въ Яффу и, наконецъ, въ Іерусалимъ. Слишкомъ девяносто страницъ книги посвящено разсказу о пребываніи автора въ Іерусалимѣ, гдѣ осмотрѣны имъ и мастерски-очерчены всѣ замѣчательнѣйшія мѣста этого священнаго города, и вездѣ этотъ разсказъ дышетъ такою искренностью, такою *правдою*—качествами столь рѣдкими у путешественниковъ, что вы невольно принимаете участіе во всѣхъ его поступкахъ, возвышаетесь духомъ при посѣщеніи имъ святыхъ мѣстъ, ознаменованныхъ земною жизнью Спасителя міра, или вмѣстѣ съ нимъ негодуете на суровость и равнодушіе мусульманскихъ стражей Гроба Господня, сочувствуете его истинно-христіанскому настроенію духа и, въ результатѣ, получаете, по прочтеніи всей книги, самое полное, самое спокойное наслажденіе. Тутъ нѣтъ ни сухихъ археологическихъ разъисканій, нѣтъ утомительныхъ отступленій и размышленій о томъ, что̀ давно уже всѣмъ извѣстно; нѣтъ и тѣхъ вымышленныхъ анекдотовъ, которыми такъ любятъ пестрить свои разсказы европейскіе путешественники длятого, чтобъ придать имъ болѣе легкости или занимательности. Напротивъ, графъ Адлербергъ говоритъ вамъ только о томъ, что̀ онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ; а видѣлъ и слышалъ онъ многое, чувствовалъ, какъ человѣкъ глубоко-проникнутой вѣрою, и думалъ очень-умно. Но благочестивый авторъ не удовольствовался въ своемъ путешествіи только тѣми высокими впечатлѣніями, которыми оно исполнило его сердце: пожелавъ

ознаменовать чѣмъ-нибудь полезнымъ для христіанства пребываніе свое въ Святой Землѣ, онъ просилъ митрополита Мелетія, намѣстника патріарха іерусалимскаго, указать ему, какимъ истинно-полезнымъ дѣломъ могъ бы онъ достигнуть своей цѣли, и вотъ какъ самъ разсказываетъ объ этомъ:

«Достойный митрополитъ, обращая вниманіе мое на бѣдственное положеніе своей паствы, указалъ на селеніе Керакъ, за Іорданомъ. Петра Аравійская составляетъ одну изъ четырнадцати епархіи іерусалимскаго патріаршаго престола и состоитъ въ вѣдѣніи намѣстника іерусалимскаго, патріарха. Простираясь отъ сѣверной части Мертваго Моря до восточныхъ предѣловъ Аравійской Пустыни, она граничитъ на югъ горами Моавитскими до Чернаго Моря, заключая въ себѣ и гору Синайскую; далѣе обращается къ южному краю Мертваго Моря, гдѣ и оканчивается предѣлами Виѳлеема. Въ этой обширнѣйшей епархіи осталось одно бѣдное христіанское селеніе — Керакъ, нѣкогда большой городъ и столица царей моавитскихъ, разоренная временемъ и междоусобными раздорами. Керакъ былъ взятъ и опустошенъ Евреями при Моисеѣ, потомъ царемъ іудейскимъ Амасіею, Идумеями, Измаелитами и наконецъ, во время крестовыхъ походовъ, взятъ крестоносцами. Балдуинъ возобновилъ его, окружилъ крѣпостью и назвалъ Киріакополемъ, отъ греческихъ словъ *κυριος*, Господь, и *πολις*, городъ, потому-что покорилъ его въ воскресный день. Черезъ 40 лѣтъ, Аравитяне, взявъ городъ, истребили мечомъ всѣхъ жителей, кромѣ православныхъ, которые пользовались тамъ большою свободою и постепенно размножались; они имѣли церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и при ней двухъ священниковъ.

«Въ 1834 году, мѣстные Аравитяне возмутились противъ паши Мехмеда-Али. Ибрагимъ-Паша взялъ городъ, разрушилъ крѣпость и убилъ всѣхъ возставшихъ противъ его власти, а православныхъ перевелъ въ окрестности Іерусалима. Спустя два года, имъ было позволено возвратиться въ Керакъ, но война и переселеніе уменьшили число ихъ до двухсотъ семействъ, и у нихъ не было доселѣ ни церкви, ни священника. Впослѣдствіи, число христіанъ увеличилось, неимѣніе церкви стало ощутительнѣе, и сооруженіе новаго храма въ этой полудикой и скудной странѣ оказалось необходимымъ для поддержанія православія; это посвященное Богу мѣсто могло поддерживать, питать тлѣющую тамъ искру христіанства.

«Расположенный противъ Мертваго Моря, на высокихъ горахъ Моавитскихъ, Киріакополь—или, какъ нынѣ его называютъ—Керакъ, именуется въ св. писаніи «камнемъ пустыни» и «градомъ Моава». Онъ былъ родиною Руѳи, праматери царя Давида. Въ Куракѣ считается осѣдлыхъ жителей христіанъ около 300 семействъ и столько же мусульманъ. Они составляютъ племя независимое, патріархально управляемое своими шейхами, подобно кочующимъ близъ него Бедуинамъ. Сообщеніе съ Іерусалимомъ производится не иначе, какъ чрезъ этихъ Бедуиновъ, подъ покровительствомъ кочевыхъ племенъ пустыни.

«Сознавая и вполнѣ раздѣляя мысль преосвященнаго Мелетія, я далъ обѣтъ послужить церкви Христовой во ввѣренной его попеченію епархіи—въ томъ мѣстѣ, гдѣ на дивной горѣ Богъ даровалъ законъ человѣкамъ.

«При ближайшемъ обсужденіи этого предпріятія, помня участь прежней церкви, я легко взвѣсилъ всѣ неудобства, которыя произошли

бы отъ сооруженія въ дикой и бѣдной сторонѣ большаго, роскошнаго храма; постройка его, даже при самомъ значительномъ сборѣ, съ самаго начала истощила бы всѣ средства, а неумѣстная и слабо защищаемая роскошь и великолѣпіе приманили бы грабителей, которые вновь наложили бы на домъ Господень хищническую свою руку. Поэтому, войдя въ подробныя сношенія съ генеральнымъ консуломъ нашимъ, которому извѣстны всѣ подробности подобныхъ обстоятельствъ и вопросовъ, я, по обоюдному съ нимъ соглашенію, рѣшился устроить это предпріятіе по слѣдующему плану: 1) соорудить храмъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, предполагая содержать при церкви трехъ священниковъ и столько же церковнослужителей, предназначая всѣхъ трехъ для ежедневнаго богослуженія, одного же изъ нихъ исключительно для отправленія всѣхъ требъ церковныхъ, втораго для преподаванія юношеству догматовъ православной вѣры, какъ въ принадлежащей къ церкви школѣ, такъ и въ народѣ, а третьяго для проповѣданія слова Божія въ духовныхъ разговорахъ и толкованіяхъ, имѣющихъ на разумъ и воображеніе восточныхъ народовъ особенную силу. 2) Для всего этого причта выстроить помѣщеніе, а для приходящихъ изъ дальныхъ странъ поклонниковъ какое-нибудь убѣжище; ибо Керакъ, расположенный въ пустынѣ заіорданской, находится въ семи дняхъ пути отъ Іерусалима.

«Испросивъ соизволеніе Государя Императора на открытіе повсемѣстной подписки для добровольныхъ приношеній на дѣло, упрочивающее православіе въ одной изъ древнѣйшихъ епархій христіанскаго міра — колыбели письменнаго закона, я былъ такъ счастливъ, что слабыми усиліями своими, съ помощію Божіею, подвигнулъ доброхотныхъ дателей, любящихъ благолѣпіе дома Божія, къ приношеніямъ, которыя составили сумму слишкомъ въ 24,619 руб. Имена жертвователей будутъ поминаемы при проскомидіи во вновь-сооруженномъ ихъ усердіемъ въ Керакѣ храмѣ. Здѣсь же считаю долгомъ засвидѣтельствовать примѣрное христіанское усердіе извѣстной мнѣ лишь по неутомимымъ стараніямъ въ пользу этого дѣла дѣвицы Надежды Бекетовой: руководимая искреннимъ христіанскимъ усердіемъ, она съ своей стороны въ то же время собрала въ С.-Петербургской, Московской, Новгородской, Тверской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской и Симбирской Губерніяхъ 3,943 руб. 13¾ коп. серебромъ, а духовенство Пензенской Епархіи, соревнуя усердію своей соотечественницы, представило въ Святѣйшій Синодъ 2,519 рублей. Всего же общими стараніями было собрано слишкомъ 31,081 руб. серебромъ.

«Несмотря на всѣ трудности и препятствія при сооруженіи христіанскаго храма въ отдаленной пустынѣ, стараніями іерусалимскаго патріарха Кирилла, и въ-особенности попеченіями достойнаго намѣстника его, высокопреосвященнаго митрополита Мелетія, при означенныхъ выше денежныхъ пожертвованіяхъ, дѣло началось благополучно: окрестные жители не препятствовали благому начинанію, а Бедуины допускали христіанамъ сообщеніе съ пустыннымъ оазисомъ Петрской Епархіи, представляющимъ какъ-бы духовный оазисъ въ странѣ заіорданской. Хотя сообщенія эти медленны, невѣрны и обходятся чрезмѣрно дорого, однакожь, послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ керакскими мусульманами и съ Бедуинами, туда были отправлены мастеровые и потребные для нихъ жизненные припасы, съ такою платою за провозъ и конвой, которая обошлась дороже самой ихъ стоимости въ Іерусалимѣ; причемъ, на случай погибели этихъ

людей, участь семействъ ихъ должна была быть заранѣе обезпечена. Наконецъ, по соглашенію съ нашимъ консуломъ, г. Базили, избрано было удобнѣйшее мѣсто для сооруженія церковнаго зданія, которому въ 1847 году положено основаніе въ 26 арш. длины, въ 17 арш. ширины. Такимъ-образомъ предпріятіе, требовавшее необыкновенныхъ предосторожностей, чтобы не навлечь гоненій со стороны мусульманъ и не дать пищи жадности Бедуиновъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, во славу Бога, намъ покровительствовавшаго, и 17 іюля 1849 года, въ воскресный день, одинокая церковь христіанская, сооруженная на землѣ невѣрныхъ, освящена во имя св. великомученика и побѣдоносца Георгія.

«Предпринявъ многотрудное обозрѣніе одичалой епархіи своей, гдѣ нѣкогда процвѣтало православіе, обрѣтающее нынѣ единственный пріютъ въ Каракѣ, митрополитъ Мелетій желалъ самъ освятить сооруженную по его мысли православную церковь, и совершилъ туда, сопряженное съ большими опасностями и значительными расходами, путешествіе. Съ незапамятныхъ временъ страна эта, подверженная всѣмъ политическимъ волненіямъ окружающей ее пустыни и буйству кочевыхъ Бедуиновъ, не видала пастыря своего постоянно пребывающаго въ самомъ Іерусалимѣ. Сорокадневное присутствіе митрополита въ Каракѣ было истиннымъ праздникомъ для тамошняго христіанскаго племени; и самые мусульмане, какъ туземные жители, такъ и шейхи кочевыхъ племенъ пустыни, задобренные приличными подарками и внимательнымъ обхожденіемъ, усугубили ласковость въ сношеніяхъ своихъ съ христіанами Карака.

«Между-тѣмъ учреждена уже арабская школа при каракской церкви; временно опредѣлены въ нее два пустынпослужителя отъ монастыря св. Саввы, знакомые съ нравами и жизнію Арабовъ того края. Обязанность ихъ — воспитывать юношество и руководить мѣстное духовенство.

«На все это, равно какъ и на подобающее украшеніе церкви, уже сдѣланы пожертвованія изъ казны святогробной, по усердію патріарха и достойнаго его намѣстника къ благому начинанію, которымъ одна изъ древнѣйшихъ епархій православнаго міра, среди тысячелѣтнихъ треволненій востока осиротѣвшая и отрѣшившаяся отъ іерусалимскаго духовнаго попечительства, по причинѣ безначалія, господствовавшаго во всей окрестной странѣ, но чудесно сберегавшая въ себѣ животворящій свѣтъ откровенія, ознаменована теперь заботами столькихъ боголюбивыхъ сердецъ православнаго сѣвера.

«Кромѣ сооруженія храма и основанія училища для дѣтей Арабовъ, согласно первоначальному плану, устроено и убѣжище для богомольцевъ и даны средства все это содержать приличнымъ образомъ. Желая навсегда упрочить это предпріятіе, за отдѣленіемъ 7,943 р. 13$^3/_4$ коп. сер., употребленныхъ на сооруженіе зданій, я, съ утвержденія Св. Синода, внесъ изъ собранныхъ приношеній 20,619 р. 71 к. сер. въ кредитныя учрежденія, на безсрочное время, съ тѣмъ, чтобы одною частью непрерывнаго дохода могла поддерживаться церковь съ училищемъ въ Каракѣ, а другая часть составляла запасный капиталъ на могущіе встрѣтиться впослѣдствіи непредвидимые и экстренные расходы. Билеты въ 20,619 р. 71 к. сер. хранятся въ Св. Синодѣ, удостоившемъ взять на себя попеченіе отпускать на нужды каракской церкви часть процентовъ съ неприкосновеннаго вѣчнаго капитала,

обращающагося въ россійскихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

«Вотъ отчетъ въ лептахъ, такъ благодушно принесенныхъ русскимъ народомъ на поддержаніе свѣта православія въ его восточныхъ единовѣрцахъ.

«Мнѣ отрадно заключить послѣднія строки этой части дневника своего выраженіемъ душевной признательности всѣмъ, кто содѣйствовалъ мнѣ въ этомъ христіанскомъ подвигѣ. Полагаю, никому изъ нихъ не непріятно будетъ удостовѣриться въ полезномъ и Богу пріятномъ развитіи плода, ими посѣяннаго — узнать, что въ дальней странѣ, въ одинокой, скромной церкви, ежедневно, при прославленіи Бога истиннаго, молятся за нихъ и впродолженіи будущихъ столѣтій не престанутъ возсылать за нихъ молитвы. А молитва собратій открываетъ двери милосердія Божія, и наконецъ, когда ударитъ часъ разставанія съ земною жизнію, каждый изъ васъ, основателей храма Божія въ пустынѣ, вспомнивъ, что онъ не безъ пользы совершилъ свое земное поприще, утѣшитъ совѣсть свою отрадною мыслію, что эта строка въ жизни его прочтется въ вѣчности и, можетъ-быть, опредѣлитъ возмездіе тамъ, гдѣ всякое доброе дѣло сторицею вознаграждается.»

Такъ ознаменовалъ графъ Н. В. Адлербергъ путешествіе свое въ Іерусалимъ... О Святой Землѣ писано было много, путешественниковъ въ ней было еще больше; но много ли найдется такихъ, которые, подобно скромному автору разбираемой нами книги, безъ притязаній на литературную извѣстность, такъ просто, такъ искренно, такъ тепло разсказали бы свои впечатлѣнія и которые, сверхъ-того, совершили бы такой подвигъ благотворительности на пользу своихъ братій, погибавшихъ въ бѣдности и невѣжествѣ. Теперь имя графа Н. В. Адлерберга принадлежитъ не только русской литературѣ, но и должно быть внесено, на вѣчныя времена, въ лѣтопись благотворительности и просвѣщенія.

Курганъ. *(Баллада изъ сибирскихъ преданій). Соч.* Михаила Иртышева. *Санктпетербургъ. Въ тип. Юліуса Штауфа. Въ 8-ю д. л. 57 стр.*

Г. Иртышевъ втройнѣ сибирякъ: по фамиліи, по рожденію и по поэтическому призванію. Онъ выѣхалъ изъ Сибири и скучаетъ по ней; чтобъ разогнать эту тоску по родинѣ, онъ написалъ балладу «Курганъ», въ которой говоритъ:

Сибирь, страна моя родная!
Какъ часто я, питомецъ твой,
Былые дни воспоминая,
Летаю легкою мечтой
Туда, гдѣ дѣвственное лоно
Твоихъ нетающихъ снѣговъ,
Касаясь гордо небосклона
И вѣчно влажныхъ облаковъ,
Стоитъ недвижимо...

Въ дѣтствѣ слышалъ онъ страшный разсказъ объ одномъ изъ кургановъ, покрывающихъ степи, будто

. . . . . . Сѣдой шаманъ,
Кудесникъ, къ идоламъ пристрастный,
Воздвигъ на холмѣ томъ курганъ
Для дочери своей прекрасной,
И жертвы приносилъ богамъ,
Отчизну милую хранившимъ,
И скрылся онъ, не покорясь врагамъ,
Сибирь внезапно полонившимъ.

Преданіе сохранило объ этомъ шаманѣ слѣдующее:

Свои свершая заклинанья,
Онъ произнесъ :
«Кто легку лань
Убьетъ полночною порой
И принесетъ кроваву дань
Духамъ живущимъ подъ землей,
И также въ жертву сто головъ (?)
Въ курганъ представитъ въ честь боговъ —
Найдетъ онъ много въ немъ добра :
Найдетъ алмазную гробницу,
Коня и красную дѣвицу,
И кучи злата и сребра.
Но если дерзко кто рѣшится
Проникнуть хитростью сюда,
Надъ тѣмъ тотчасъ же совершится
Позоръ (?) и страшня бѣда.

Долго-долго кладъ этотъ оставался зарытымъ, никто не могъ найдти ни *алмазной гробницы*, ни *красной дѣвицы*, никто не видѣлъ кучъ *злата* и *серебра*, зарытыхъ въ сибирскомъ курганѣ. Наконецъ на этотъ холмъ пріѣхалъ ночью казакъ (или, какъ г. Иртышевъ вездѣ пишетъ: козакъ), только-что отомстившій хищнымъ Киргизамъ за ихъ измѣнническій набѣгъ и за похищеніе своей любимой жены. Онъ убилъ султана, плѣнившаго казачку, убилъ и казачку, свою жену, отдавшуюся въ руки Киргизу. На этомъ-то курганѣ хотѣлъ онъ похоронить тѣло своей жены-измѣнницы, и началъ рыть могилу. Вдругъ

Земля осѣла — *темный сводъ*
Предъ нимъ открылъ подземный ходъ (?)
И въ глубинѣ подъ этимъ сводомъ,
Свиваясь свѣтлымъ хороводомъ;(,)
Какъ будто звѣздочки въ ночи
Пылаютъ яркія свѣчи.
Казакъ тѣмъ свѣтомъ ободрился
И въ подземелье опустился...

Въ чертогъ гранитный входитъ онъ
И видитъ : рядъ большихъ колоннъ
Поддерживаетъ мрачный сводъ.
И свѣчъ *блестящій хороводъ*
Гробницу мирно окружилъ.
Казалось, тамъ волшебникъ жилъ

И схоронилъ свое добро:
Лежало въ слиткахъ серебро,'
И золото *въ большихъ кускахъ;*
Висѣли шкуры на стѣнахъ
Бобровъ, лисицъ и соболей;
И лучъ отъ *радужныхъ лучей* (?)
На нихъ привѣтливо игралъ...
И, вскрывъ алмазную гробницу,
Весь обомлѣлъ, затрепеталъ...
Не диво! Чудную дѣвицу
Онъ въ той гробницѣ увидалъ...
Къ ней *страсть почувствовалъ козакъ*
И умъ его объялъ восторгъ.

Очень жалѣемъ, что г. Иртышевъ такiя романическiя выраженiя чувствъ и позы даетъ казакамъ, то-есть, вмѣсто простаго выраженiя : напримѣръ, «полюбилась казаку эта дѣвица», или чего-нибудь подобнаго, онъ непремѣнно ужь говоритъ : «къ ней страсть почувствовалъ козакъ» и проч. Мы выписали приведенные выше стихи только для того, чтобъ передать содержанiе баллады, въ которой, несмотря на примѣсь небылицъ, можно подозрѣвать глубокiй смыслъ, и поэтому пропустили всю середину баллады, гдѣ говорится о стрѣльцѣ и о сотнѣ тетеревиныхъ головъ, разсказъ совершенно-ненужный для сущности баллады и притомъ исполненный антипоэтичности. Но, будемъ продолжать:

Козакъ колѣни преклонилъ,
Казалось будто онъ молилъ,
Чтобы прекрасная проснулась,
Хоть разъ взглянула на него...
Съ колѣней тихо онъ привсталъ,
Склонился къ дѣвѣ боязливо,
И робко, робко, торопливо
Ее въ уста поцѣловалъ.
При освѣщенномъ мракѣ ночи
Красавица открыла очи,
Вздохнула медленно она,
И *встрепенувшись*, тихо встала,
Чудесной прелести полна,
Какъ будто ясная луна
Подъ мрачнымъ сводомъ засiяла.

«Кто ты? нашъ недругъ или другъ,
Проникнувшiй въ чертогъ подземный,
Изъ свѣтлыхъ странъ могущiй духъ (?),
Или пришлецъ иноплеменный?
Скажи, какъ могъ разрушить ты
Мой долгiй сонъ, мое томленье?
О, разрѣши мое сомнѣнье,
И успокой мои *мечты* ..
Не правда ли, ты не отринешь
Дѣвической мольбы моей,
Меня одну здѣсь не покинешь?

Мнѣ грустно, страшно безъ людей...
Я помню, прежде я живала
Съ людьми, въ Искерѣ, межъ подругъ,
Въ веселыхъ играхъ провожала
Тамъ мой младенческій досугъ.
Но вдругъ надъ нами разразился
Неумолимый гнѣвъ боговъ,
Въ Сибирь нечаянно явился
Ермакъ съ дружиной козаковъ.
Напрасно царь, собравши рать,
Враговъ пытался отражать...
Ермакъ насъ въ битвѣ одолѣлъ...
Сибирь врагу досталась съ боя...
И мой отецъ, сѣдой шаманъ,
Презрѣвши плѣнъ, позоръ и цѣпи,
Бѣжалъ со мной далеко въ степи
Спасаяся отъ *Россіянъ;*
И научаемый богами,
Здѣсь отъ враговъ меня сокрылъ...
И я кляну моихъ враговъ,
Ужасныхъ Русскихъ козаковъ.»

На эти слова казакъ, конечно, объявилъ ей, кто онъ такой. За его словами: «Я Русскій, я козакъ» послѣдовалъ сценическій громъ, свѣчи погасли, раздался шумъ, и проч., безъ чего легко можно бы обойдтись. Но вотъ:

« . . . огненный подвалъ
Вдругъ отворился, и оттуда
Выходитъ какъ туманный день,
Обвитая змѣями тѣнь.
И дѣва съ трепетомъ узнала
Въ той тѣни своего отца;
И *тихо, тихо* прошептала,
Глядя *сквозь слезъ* на пришлеца:
«Мнѣ жаль тебя — иди, бѣги;
Отецъ мой страшно хмуритъ брови;
Здѣсь разорвутъ тебя враги,
Твоей алкающіе крови...
Здѣсь духи мрачные живутъ.»

Появившаяся «тѣнь шамана» — нужно отдать ей справедливость — проговорила что-то совершенно пошамански, то-есть, для насъ непонятное. Зато казакъ отвѣчалъ просто и ясно:

«О, что бы ни было со мной,
Защитникъ мнѣ — Спаситель мой!
И здѣсь коварными духами
Я быть растерзанъ не боюсь
И Бога вѣчнаго дарами
Отъ злаго ада осѣнюсь,
Бросаю саблю! Этотъ крестъ,
Залогъ любви и вѣры знамя,
Меня спасетъ; и злое племя,

Повѣрь, не тронетъ этихъ мѣстъ,
Гдѣ мы стоимъ...»
Шаманъ напрасно заклинаетъ
Кипящихъ злобою духовъ,
Ему никто не отвѣчаетъ,
Безсильны козни злыхъ враговъ.
Лишь пламя взоры ослѣпляя,
Шумитъ въ отверстіе пылая,
И сѣрный запахъ, смрадъ и дымъ
Клубятся облакомъ густымъ
Вкругъ тѣни.

Вдругъ послышалось пѣніе

«Великъ и славенъ вѣчный Богъ!»
Козакъ восторженный внималъ,
Услышавъ райскіе напѣвы;
И возлѣ чудной, юной дѣвы
Онъ на колѣни вдругъ упалъ,
И долго, горячо молился;
Святою вѣрой оживленъ,
Враговъ онъ больше не страшился,
И видѣлъ все какъ-бы сквозь сонъ.
Въ слезахъ, съ глубокимъ изумленьемъ
Глядѣла дѣва на него,
Въ ней сердце билось умиленьемъ
И тайнымъ страхомъ... Отъ чего?
Она сама того не знала,
И на колѣни ставъ рыдала...
Не сокрушайся, ей сказалъ,
Всесильный Богъ, Творецъ всего,
Моленій грѣшныхъ не отринулъ,
И здѣсь страдальца не покинулъ,
Средь адской злобы одного...
Нашъ Богъ единъ, Владыка міра,
Въ чьей длани вѣчности судьбы!
Ему при звонкомъ пѣньи клира
Приносимъ въ храмахъ мы мольбы.
А ваши боги — истуканы,
Руками сдѣланы людей;
И ваши вѣщіе шаманы
Не знаютъ истинныхъ *идей*
О Богѣ вѣчномъ. . . . . .
Но тамъ, но тамъ ты все узнаешь,
Когда увидишь неба даль,
Кресты церквей и *дневный* свѣтъ,
Все также радужный и ясный,
Отрадный сердцу и прекрасный,
Какъ ты сама во цвѣтѣ лѣтъ...
Уйдемъ, прекрасная, отсюда
На Божій свѣтъ, туда, туда!
Здѣсь смерть и горе, и бѣда,
Тамъ жизнь и счастіе...

«А отецъ мой» отвѣчаетъ дочь: «гдѣ онъ»?

Они глядятъ : его ужь нѣтъ;
На мѣстѣ томъ стоитъ скелетъ,
Связь безобразная костей!
И рядъ зубовъ межь *челюстей*,
Какъ частоколъ загороженный;
И черепъ желтый, обнаженный...
И дѣва въ страхѣ отступила...

Казакъ выноситъ ее на рукахъ изъ языческаго подземелья. Вотъ онъ дышетъ свѣжимъ воздухомъ, онъ уже на вершинѣ кургана, а вонъ вдали идетъ къ нему отрядъ, отъискивающій долго-пропадавшаго товарища.

Таково содержаніе баллады, черезчуръ украшенное множествомъ нейдущихъ къ дѣлу мелочей, которыя, поэтому, и мы пропустили. Не мѣшаетъ замѣтить г. Иртышеву, что съ народными преданіями должно обращаться гораздо-осторожнѣе. Вопервыхъ, въ каждой народной легендѣ есть какая-нибудь мысль, которой и долженъ строго держаться авторъ : очистить ее отъ примѣсей народной болтливости, и слѣдовательно, отбросить все нейдущее къ дѣлу. Вовторыхъ, поэтъ долженъ болѣе всего заботиться о сохраненіи въ легендѣ мѣстнаго колорита. Зачѣмъ же г. Иртышевъ изъ своего казака сдѣлалъ какого-то средневѣковаго рыцаря, а, для вящшей народности, ввелъ въ балладу стрѣльца, который набилъ тетеревей, отрѣзалъ имъ головы и принесъ на шаманскій курганъ, чтобъ достать изъ него кладъ? Къ-чему эта пустая хитрость, которая могла показаться важною какой-нибудь старухѣ, любительницѣ страшныхъ небылицъ? Смыслъ преданія, относящійся къ завоеванію Сибири Ермакомъ и къ обращенію жителей изъ язычества въ христіанство, требовалъ болѣе-серьезныхъ поэтическихъ картинъ. Встрѣча казака съ шаманомъ въ подземельѣ, гдѣ спрятаны слитки сибирскаго золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и мѣховъ, а съ ними и дочь-красавица шамана; заклинанія шамана на гибель казакамъ, покорителямъ Сибири, и окончательная побѣда надъ Сибирью, когда казакъ, бросивъ саблю, смиряетъ шамана уже не оружіемъ, а однимъ словомъ вѣры и любви, проповѣдуемой христіанствомъ — все это можетъ быть достойнымъ сюжетомъ баллады. Вотъ почему мы сказали, что напрасно г. Иртышевъ ввелъ въ свою балладу подробности, нейдущія къ дѣлу, хотя, можетъ-быть, и разсказываемыя простымъ народомъ. Къ-тому жь, нельзя заставить говорить *казака*, такимъ языкомъ :

Ваши вѣщіе шаманы
Не знаютъ истинныхъ *идей;*

а *дочь шамана* такимъ :

О, разрѣши мое сомнѣнье
И успокой мои *мечты.*

Слыша такой языкъ, можно подумать, что объясняются въ любви молодые люди XIX вѣка...

Все-таки мы благодарны г. Иртышеву за то, что онъ познакомилъ насъ съ этимъ сибирскимъ преданiемъ.

Викторъ. *Повѣсть. Сочиненiе* Елены Вельтманъ. *Москва. Въ тип. Степановой. 1853. Въ 18-ю д. л. 374 стр.*

Повѣсть г-жи Вельтманъ помѣщена была во 2, 3 и 4 №№ «Москвитянина» за текущiй годъ. Теперь является она отдѣльною книгой. Сужденiе о ней высказано нами въ пятой книжкѣ нашего журнала (май 1853), въ отдѣлѣ Журналистики, куда и отсылаемъ читателей, желающихъ узнать достоинства и недостатки новаго произведенiя г-жи Вельтманъ.

О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. *Составилъ* А. Гильфердингъ. *Санктпетербургъ. 1853. Въ 8-ю д. л. VI и 288 стр.*

Г. Гильфердингъ составилъ книгу, въ которую часто будетъ заглядывать всякiй занимающiйся славянскими нарѣчiями сравнительно съ другими индоевропейскими языками. Скажемъ похвалу еще выше : эта книга должна быть переведена на французскiй или нѣмецкiй языки, потому-что она заслуживаетъ быть извѣстною европейскимъ филологамъ. Впрочемъ, сочиненiе г-на Гильфердинга не нуждается въ нашихъ похвалахъ : лучшая похвала ему то, что Второе Отдѣленiе Академiи Наукъ сочло его достойнымъ помѣщенiя въ своихъ «Извѣстiяхъ», потому-что книга, лежащая передъ нами, только отдѣльный оттискъ изъ «Прибавленiй» ко II тому «Извѣстiй Втораго Отдѣленiя Академiи Наукъ».

Предоставляя самимъ «Извѣстiямъ» Втораго Отдѣленiя и другимъ спецiальнымъ изданiямъ спецiальную критику подробностей, займемся только разсмотрѣнiемъ метода г. Гильфердинга и общихъ его выводовъ изъ сравненiй. Прекрасно-написанное предисловiе значительно облегчаетъ трудъ нашъ. Справедливо замѣтивъ, что нѣмецкiе филологи, при сравнительномъ изслѣдованiи индоевропейскихъ языковъ, обращаютъ на славянскiй языкъ меньше вниманiя, нежели онъ заслуживаетъ по своему богатству и по своей важности въ системѣ индоевропейскихъ языковъ, г. Гильфердингъ продолжаетъ :

«Пополнить нѣсколько этотъ недостатокъ науки языка, и, принявъ за средоточiе изслѣдованiй языкъ славянскiй, какъ совокупность всѣхъ славянскихъ нарѣчiй со всѣмъ лексическимъ и грамматическимъ ихъ богатствомъ, указать настоящее его мѣсто въ семьѣ индоевропейской и тѣмъ самымъ опредѣлить его отношенiе къ прочимъ языкамъ этой семьи: вотъ задача моего труда. Безъ сомнѣнiя, она не можетъ быть рѣшена окончательно, съ одной стороны, по недостатку многихъ данныхъ,

съ другой — по огромному количеству представляющихся обработкѣ матеріаловъ, предлагаемыхъ частію славянскими нарѣчіями, частію родственными имъ языками. Обиліе и разнообразіе этихъ матеріаловъ таково, что не было бы никакой возможности однимъ разомъ сравнить славянскіе языки со всѣми языками индоевропейскими и опредѣлить ихъ отношеніе ко всѣмъ имъ вмѣстѣ и къ каждому въ особенности: вмѣсто объясненія нѣкоторыхъ вопросовъ языковѣдѣнія, мы получили бы безобразный хаось. Потому я рѣшился раздѣлить свой трудъ. Въ каждомъ отдѣлѣ буду разсматривать отношеніе языка славянскаго къ одному изъ родственныхъ ему языковъ, или къ нѣсколькимъ, составляющимъ одно цѣлое.

«Наука даетъ языку санскритскому первое мѣсто въ семьѣ индоевропейской; ибо онъ, сохранивъ въ органической цѣлости свойства, являющіяся разсѣянно въ прочихъ ея членахъ, составляетъ, такъ сказать, средоточіе всей этой семьи. Потому сравненіе языка славянскаго съ санскритскимъ должно быть основою моего изслѣдованія. Оно составитъ первую часть его. За нимъ должно слѣдовать непосредственно изученіе языка литовскаго, который, при непосредственномъ сходствѣ съ санскритскимъ, такъ близокъ къ славянскому, что недоумѣваешь, принять ли ихъ за два нарѣчія одного языка, или за два языка отдѣльные.

«Только когда опредѣлится отношеніе языка славянскаго къ санскритскому, можно будетъ приступить къ изученію отношеній его къ другимъ языкамъ индоевропейскимъ. Однако и тогда мы не станемъ сравнивать ихъ прямо съ языкомъ славянскимъ, а будемъ, по возможности, возводить соотвѣтствующія явленія разсматриваемыхъ языковъ къ общей коренной ихъ формѣ, которую бо̀льшею частью предложитъ намъ языкъ санскритскій. Слѣдуя этому методу, мы узнаемъ, по какимъ путямъ разошлись сравниваемые языки, выдѣлившись изъ первобытнаго единства, и какимъ законамъ они подчинились. Такимъ образомъ изслѣдованіе мое не представитъ общаго сближенія языковъ славянскихъ съ прочими индоевропейскими, а будетъ состоять изъ ряда монографій. Въ первой будутъ изучены языки славянскій и литовскій въ сравненіи съ санскритскимъ; во всѣхъ другихъ будетъ являться съ одной стороны языкъ славянскій, съ другой одинъ или нѣсколько родственныхъ языковъ, и между ними, какъ начало связующее, общее обоимъ членамъ сравненія, языкъ санскритскій.»

Идея г. Гильфердинга прекрасна; нельзя было выбрать лучшаго пути; и съ этой стороны мы съ нимъ совершенно-согласны: сличать языкъ славянскій съ одноплеменными ему языками поодиначкѣ, начиная съ санскритскаго — превосходная мысль. Но вслѣдъ затѣмъ у г. Гильфердинга излагается per anticipationem общій выводъ изъ его сравненія славянскаго языка съ санскритскимъ. Къ-сожалѣнію, съ этимъ выводомъ ужь никакъ нельзя согласиться:

«Но кромѣ этой причины (что санскритскій языкъ *средоточіе* всѣхъ индоевропейскихъ языковъ, по превосходному выраженію г. Гильфердинга), которая заставляетъ всякаго, занимающагося сравнительнымъ изученіемъ языковъ индоевропейскихъ, основывать свои выводы на санскритскомъ, есть другая, частная, по которой языкъ этотъ получаетъ особенную важность при научномъ изслѣдованіи языковъ сла-

вянскаго и литовскаго. Именно, изъ всѣхъ родственныхъ языковъ, славянскій и литовскій имѣютъ наибольшее сходство съ санскритскимъ: изслѣдованіе, которое мы предпринимаемъ, покажетъ, что нашъ языкъ гораздо ближе къ древнѣйшему языку отдаленной Индіи, чѣмъ къ языкамъ сосѣднихъ племенъ греческаго и германскаго. Этого свойства мы не замѣтимъ ни въ греческомъ языкѣ, ни въ латинскомъ, ни въ нѣмецкомъ, ни въ кельтскомъ, ни въ албанскомъ, и прійдемъ къ заключенію, что, кромѣ общаго родства между языками санскритскимъ, славянскимъ и литовскимъ, какое находится между всѣми языками индоевропейскими, существуетъ между ними родство ближайшее, семейное. Вотъ почему сравненіе славянскаго языка съ санскритскимъ и литовскимъ имѣетъ въ глазахъ моихъ особенную важность.»

Эту же самую мысль повторяетъ г. Гильфердингъ въ концѣ книги, какъ первый выводъ изъ своихъ сравненій (стр. 285):

«Языкъ славянскій во всѣхъ своихъ нарѣчіяхъ сохранилъ корни и слова, существующіе въ санскритскомъ. Въ этомъ отношеніи близость сравненныхъ нами языковъ необыкновенная. Какъ ни хорошо обработаны новѣйшими учеными прочіе языки европейскіе, однако ни въ одномъ изъ нихъ не найдено столько словъ, родственныхъ съ санскритскимъ, сколько случилось намъ открыть въ славянскомъ при первой попыткѣ изучить сравнительно его лексическій составъ; и можно смѣло сказать, что болѣе продолжительное и внимательное изслѣдованіе, соединенное съ новыми матеріалами, которые, безъ сомнѣнія, предложены будутъ Ведами, а равно и нѣкоторыми славянскими нарѣчіями, теперь для насъ недоступными, раскроетъ еще гораздо больше сближеній, чѣмъ мнѣ удалось здѣсь представить.»

Далѣе г. Гильфердингъ выражается еще рѣзче (выводъ 3):

«Языкъ славянскій, взятый въ совокупности, не отличается отъ санскритскаго никакимъ постояннымъ, органическимъ измѣненіемъ звуковъ... Это свойство раздѣляетъ съ нимъ языкъ литовскій, тогда какъ всѣ прочіе индоевропейскіе языки подчинились разнымъ звуковымъ законамъ, которые исключительно свойственны каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Такимъ образомъ, въ лексическомъ отношеніи, языки славянскій и литовскій находятся въ ближайшемъ родствѣ съ санскритскимъ, и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ въ индоевропейскомъ племени какъ бы отдѣльную семью, внѣ которой стоятъ языки персидскій и западноевропейскіе.

Въ четвертомъ выводѣ представлены доказательства такого мнѣнія:

«Это ближайшее сродство языковъ санскритскаго, литовскаго и славянскаго еще яснѣе доказывается тѣмъ, что въ нихъ равномѣрно развиты многіе звуки, чуждые прочимъ вѣтвямъ индоевропейскаго племени. Таковы въ особенности носовые звуки (славянскіе ѫ, ѧ, санскр. anusvâra съ предъидущею гласною: an, in, un); *с* замѣняющее коренное к (санскр. ç); *ч* и *ж* и наконецъ r гласная (санскр. ṛ, слав. рь). Всѣ эти звуки безъ сомнѣнія вторичнаго образованія, тогда какъ у прочихъ европейскихъ народовъ существуютъ только первичные. Это показываетъ, что сіи послѣдніе удалились изъ древней родины своей, когда этихъ звуковъ еще не было. Славянскій же и литовскій языки далѣе развивались вмѣстѣ съ тѣмъ языкомъ, который, обосо-

бившись, получилъ названіе санскритскаго, и хотя по многимъ признакамъ видно, что, когда они выдѣлились изъ общей семьи, образованіе поименованныхъ звуковъ не было вполнѣ окончено, и потомъ еще продолжалось у санскритской отрасли отдѣльно, однако оно такъ глубоко проникло въ ихъ составъ, что успѣло всему ихъ звуковому организму придать особенное сходство съ санскритскимъ.»

При всемъ желаніи, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, доведеннымъ до такой крайности. Что изъ всѣхъ языковъ европейской отрасли индоевропейскаго корня, литовскій самый близкій къ санскритскому, это, кажется, достовѣрно; признано всѣми и то, что славянскій чрезвычайно-близокъ къ литовскому: потому превосходно намѣреніе г. Гильфердинга заняться специально сравненіемъ славянскаго съ литовскимъ. Но если г. Гильфердингъ желаетъ, чтобъ наука приняла его мнѣніе о тѣснѣйшей связи славянскаго и литовскаго съ санскритскимъ, нежели съ европейскими языками, то онъ долженъ подвердить это мнѣніе доказательствами гораздо-болѣе строгими, нежели тѣ, какія находимъ въ его книгѣ; потому-что его мнѣніе рѣзко противорѣчитъ прежнимъ выводамъ изъ сравненія языковъ. Теперь филологи думаютъ вотъ какимъ образомъ:

По степени родственности, индоевропейскіе языки дѣлятся на двѣ половины — азіатскую отрасль (санскритскій, зендскій, новоперсидскій) и европейскую отрасль (греческій, латинскій, германскій, литовскій, славянскій); каждый языкъ азіатской отрасли ближе къ другимъ языкамъ той же отрасли, нежели къ какому бы то ни было изъ языковъ европейской отрасли, а каждый языкъ европейской отрасли ближе къ другимъ языкамъ той же отрасли, нежели къ какому бы то ни было языку азіатской отрасли, не исключая и самого санскритскаго, хотя въ немъ уцѣлѣли формы корней и флексій въ наилучше-сохранившемся видѣ; родство санскритскаго съ европейскими языками ужь не такъ близко, какъ его родство, напримѣръ, съ зендскимъ. Потому Гриммъ въ своей «Исторіи Нѣмецкаго Языка», при сличеніи корней, довольно-мало говоритъ о санскритскомъ, сосредоточивая свое вниманіе почти-исключительно на европейскихъ языкахъ. Г. Гильфердингъ думаетъ иначе. Пересмотримъ его доказательства.

1) Носовые звуки существуютъ въ языкахъ санскритскомъ, литовскомъ, славянскомъ; въ другихъ родственныхъ языкахъ нѣтъ ихъ. Этотъ фактъ замѣченъ и Боппомъ въ его «Сравнительной Грамматикѣ» (стр. 7—11 и 1079); но изъ него не было выводимо такого заключенія, какое дѣлаетъ г. Гильфердингъ. Носовые звуки теперь существуютъ въ нѣмецкомъ и французскомъ, а между-тѣмъ ихъ нѣтъ въ итальянскомъ: не-уже-ли изъ этого можно вывести, что французскій ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ итальянскому?

2) С̆ замѣняетъ коренное k, санскритское ç; но санскритское ç замѣняется посредствомъ c и въ латинскомъ, и въ греческомъ, и въ нѣмецкомъ (смотри таблицу соотвѣтствія звуковъ у Потта,

Etym. Forsch. 1-r Theil стр. 82—83); особеннаго тутъ ничего не представляетъ славянская фонетика. Правда, въ латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ ç замѣняется не однимъ s, а также и k; но посредствомъ k замѣняется оно и въ славянскомъ, по словамъ самого г. Гильфердинга (стр. 161).

3) Ч и ж соотвѣтствуютъ санскритскому tsh и dsh (замѣняемъ въ этомъ случаѣ значки г. Гильфердинга правописаніемъ Потта); но они замѣняются и въ новоперсидскомъ особыми звуками—tsh посредствомъ ч, дж, з; dsh посредствомъ з. Такое соотвѣтствіе не показываетъ еще болѣе продолжительнаго житья вмѣстѣ, а означаетъ только одинаковую любовь къ шипящимъ звукамъ, которая не развилась въ греческомъ и латинскомъ.

4) Гласная r санскрит. соотвѣтствуетъ славянск. ръ. Но санскритскій глухой звукъ является при одномъ r, потому гласная r дѣйствительно явленіе исключительное въ санскритскомъ; а славянское *ръ* вовсе не одинокое явленіе: въ славянскомъ глухой гласный звукъ является при всѣхъ согласныхъ — бъдѣти, вънѣ, гъбенеје и т. д. Потому значеніе *ръ* не то въ славянскомъ, какъ гласной r въ санскритскомъ.

На подобныхъ двухъ-трехъ сходныхъ явленіяхъ нельзя основываться. И въ греческомъ, и въ латинскомъ, и въ нѣмецкомъ найдется много такихъ случаевъ особеннаго сходства съ санскритскимъ. Нужно показать, что вся система славянской фонетики особенно-близка къ фонетикѣ санскритской, если хотимъ доказать особенную близость санскритскаго и славянскаго.

Такъ и говоритъ г. Гильфердингъ, утверждая, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ звуковъ, составляющихъ исключительную принадлежность санскритскаго, «мы получимъ въ двухъ сравни-«ваемыхъ языкахъ (славянск. и санскрит.) систему звуковъ, по-«чти одинаковую» (стр. 11). Чтобъ наше доказательство противнаго не было слишкомъ-длинно, ограничимся однимъ вокализмомъ.

Но прежде намъ должно сказать, что г. Гильфердингъ представляетъ и общее доказательство близости славянскаго къ санскритскому, именно, что въ славянскомъ языкѣ нѣтъ ни одного случая органическаго измѣненія звуковъ, между-тѣмъ, какъ во всѣхъ другихъ языкахъ звуки санскритскіе подвергаются органическимъ измѣненіямъ (см. нашу выписку). Противъ этого положенія должно сказать, что если г. Гильфердингъ считаетъ органическимъ измѣненіемъ въ греческомъ исчезновеніе полугласныхъ *j* и *v* между двумя гласными, то органическимъ же измѣненіемъ должно считать и постоянное йотированіе въ славянскомъ гласныхъ, стоящихъ въ началѣ слога. Такимъ же органическимъ измѣненіемъ должно считаться и смягченіе согласныхъ (вмѣсто кореннаго нэ въ славянскомъ дѣлается не (церков.-славянск. ні-е), вмѣсто кореннаго лэ — ле (церк.-слав. лі-е) и т. д. Доказывать, что это смягченіе различно отъ перехода санскрит-

скихъ согласныхъ изъ одного разряда въ другой, мы считаемъ ненужнымъ.

Посмотримъ же, до какой степени нашъ вокализмъ близокъ къ вокализму санскритскому, въ которомъ отличительная черта — рѣшительное преобладаніе (по количеству) слоговъ съ первобытными гласными *а, и, у* надъ слогами съ гласными позднѣйшими и двоегласными. Беремъ древнѣйшее, ближайшее къ санскритскому славянское нарѣчіе — церковнославянскій языкъ.

Прежде всего раскрываемъ Остромирово Евангеліе и пересчитываемъ число разныхъ гласныхъ въ первомъ чтеніи («Въ началѣ, по Остр. Ев., искони бѣ слово»). Поправляя нѣсколько описокъ переписчика для возстановленія церковнославянскаго вокализма во всей чистотѣ, и исключая иноязычныя слова (напр., Иоанъ), непринадлежащія нашей фонетикѣ, получаемъ въ 1-мъ чтеніи всѣхъ слоговъ или всѣхъ гласныхъ 411; въ томъ числѣ *а* 39, *и* 67, *у* 5 (считая йотированныя гласныя за одно съ нейотированными); всего первобытныхъ гласныхъ — 111;

е 39, *о* 74; всего гласныхъ вторичнаго образованія, общихъ почти всѣмъ языкамъ — 113;

ъ 62; *ь* 42; всего глухихъ гласныхъ 104;

ѣ 41; *ы* 17; всего специально-славянскихъ чистыхъ гласныхъ позднѣйшаго образованія 58;

ѧ 17; ѫ 8; всего носовыхъ гласныхъ 25.

Такимъ-образомъ первобытныя гласныя удержали за собою въ церковнославянскомъ только четвертую часть слоговъ.

Не говоримъ о томъ, что готскій вокализмъ гораздо-ближе къ санскритскому въ этомъ отношеніи; посмотримъ еще на латинскій вокализмъ, и, для избѣжанія упрека въ произвольности, беремъ первыя строки первой цицероновой рѣчи (pro P. Quinctio: Quae res... pertimesco). Въ 109 первыхъ слогахъ находимъ:

a 18; *i* 29; *u* 8; всего первобытныхъ гласныхъ 55.

e 27; *o* 23; *æ* 4; всего гласныхъ вторичнаго образованія и двоегласныхъ 54.

Въ латинскомъ вокализмѣ первобытныя гласныя занимаютъ половину слоговъ; въ церковнославянскомъ только одну четверть: латинскій вокализмъ гораздо-ближе къ санскритскому, нежели славянскій.

Г. Гильфердингъ можетъ возразить намъ: я говорю о корняхъ, вы принимаете въ счетъ и флексіи; во флексіяхъ первобытныя гласныя исчезли, въ корняхъ сохранились. Въ отвѣтъ беремъ Radices Миклошича (Корнесловъ церковнославянскаго языка) и считаемъ гласныя въ корняхъ на буквы б, в, г, д.

Всѣхъ гласныхъ въ этихъ корняхъ 286. Изъ нихъ:

А 51; И 21; У 18; всего первобытныхъ гласныхъ 90 — только третья часть. Нѣсколько-больше сохранились гласныя первобытныя въ корняхъ, нежели во флексіяхъ — это правда; но все-таки сохранились онѣ довольно-плохо. Число санскритскихъ корней

съ гласными вторичнаго образованія совершенно-ничтожно передъ числомъ корней съ а, и, у.

Итакъ, пока не представитъ г. Гильфердингъ болѣе-убѣдительныхъ доказательствъ, наука не можетъ принять его мнѣнія и остается непоколебимымъ результатъ, выведенный нѣмецкими филологами изъ ихъ сравненій и высказанный Гриммомъ такъ: «Нѣмцы, Славяне и Литовцы должны были оставаться долго вмѣстѣ по отдѣленіи своемъ отъ остальныхъ народовъ индоевропейскаго племени; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ славянскій языкъ въ тѣснѣйшей связи съ греческимъ». («Исторія Нѣмецкаго Языка» стран. 14). Мы должны продолжать думать, какъ думали до появленія книги г. Гильфердинга: ближайшая связь у славянскаго и литовскаго языковъ съ нѣмецкимъ; болѣе отдаленная съ греческимъ; еще дальше родство его съ латинскимъ. Съ санскритскимъ языкомъ разстались всѣ европейскіе языки гораздо-прежде, нежели совершенно отдѣлились другъ отъ друга, и потому далеко отошли отъ него; но онъ чрезвычайно-важенъ для объясненія корней и флексій этихъ языковъ, далеко-непохожихъ на него, потому-что обыкновенно въ гораздо-бо́льшей, нежели они, первообразности сохранилъ онъ смыслъ и форму корней и флексій.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію метода г. Гильфердинга, предоставляя критику частныхъ его выводовъ спеціальнымъ трудамъ.

Прекрасна его идея сравнивать славянскій языкъ поочередно сначала съ однимъ, потомъ съ другимъ языкомъ, а не со всѣми вдругъ индоевропейскими языками, чтобъ не запутаться въ хаосѣ отъ изобилія матеріаловъ. Намъ кажется, что книга его была бы еще лучше, еслибъ онъ съ такой же осторожностью ограничилъ и другой элементъ своего сравненія—славянскій языкъ, какъ ограничилъ одинъ, выбравъ изо всей массы родственныхъ языковъ санскритскій. И самыя сравненія и выводы его изъ этихъ сравненій пріобрѣли бы гораздо-бо́льшую степень достовѣрности, еслибъ онъ ограничился только несомнѣнно-древними и несомнѣнно-славянскими корнями, то-есть взялъ бы за основаніе своихъ сравненій не прямо все богатство лексиконовъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, а одни только тѣ корни, которые находятся или въ церковнославянскомъ языкѣ, или, если не находятся въ немъ, то существуютъ въ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Намъ кажется, что, желая подъискать какъ-можно-болѣе славянскихъ словъ, сходныхъ съ санскритскими, и для того вводя въ кругъ своихъ сравненій всѣ слова, употребляемыя Славянами, онъ былъ иногда вовлекаемъ въ ошибки чрезвычайнымъ богатствомъ своего матеріала, слишкомъ еще мало разработаннаго.

Ограничимся немногими примѣрами.

Амбаръ онъ производитъ (стр. 13) отъ санскр. ambarjâmi, коплю, собираю. Но амбаръ (правильнѣе анбаръ)—чисто-арабское слово, перешедшее къ намъ отъ Татаръ, подобно словамъ сходнаго значенія «казна» и «сундукъ». *Якшаться*, которое отмѣчено въ

«Областномъ Словарѣ» какъ вологодское, но которое употребляется на всемъ востокѣ Россіи, производитъ онъ отъ санскр. jaksh, чтить (стр. 39): оно происходитъ отъ татарскаго «якши» хорошій, другъ. Подобныхъ словъ арабско-татарскаго происхожденія много возведено г. Гильфердингомъ къ санскритскимъ корнямъ. Великорусскіе областные говоры, особенно говоры восточныхъ провинцій, приняли много такихъ словъ, и г. Гильфердингъ не всегда ихъ остерегался.

Желаніе найдти сходство между славянскимъ и санскритскимъ словомъ часто не оставляетъ автору времени опредѣлить истинный корень слова. Такъ болгарское *до-сушъ*, «совершенно», онъ относитъ (стр. 32) къ санскр. çusa сила, между-тѣмъ, какъ оно происходитъ отъ прилагат. «сухой» (до суха, до дна), а не отъ кокого-нибудь особеннаго корня. Такъ же точно сибирское «шатость», «измѣна», относитъ онъ (стр. 37) къ корню çath, обманывать, между-тѣмъ, какъ оно произведено отъ глагола «шатать, шататься» (непостоянство, шаткость въ словѣ). «Дыльница», арханг. слово = подойникъ, сравнено имъ съ санскр. druni ведро (стр. 94), между-тѣмъ, какъ оно происходитъ отъ корня «доить» (= доильница, ои = ы, какъ въ «нымать» вм. поимать).

Вообще должно замѣтить, что г. Гильфердингъ очень-часто останавливается на готовой формѣ слова, нерѣдко-испорченной, не отъискивая корня его. Часто бываетъ онъ слишкомъ-смѣлъ въ своихъ сравненіяхъ. Намъ кажется, что безпристрастные знатоки дѣла согласятся съ нами и въ томъ, что желаніе какъ-можно-болѣе сблизить славянскій языкъ съ санскритскимъ заставляетъ г. Гильфердинга часто прибѣгать къ натяжкамъ. Скажемъ наконецъ, что, по просмотрѣ книги г. Гильфердинга, невольно рождается мысль, что онъ писалъ ее не столько съ цѣлью изслѣдовать, *до какой степени* славянскій языкъ близокъ къ санскритскому, сколько съ цѣлью доказать, что славянскій *необыкновенно-близокъ*, ближе нежели всѣ другіе индоевропейскіе языки, къ санскритскому.

Мы высказали свое мнѣніе о слабыхъ сторонахъ сочиненія г. Гильфердинга: выскажемъ и свое общее о немъ мнѣніе. Но прежде изложимъ содержаніе книги. Г. Гильфердингъ не касается грамматики: онъ ограничивается фонетикою и сравненіемъ словъ. Прежде всего представляетъ онъ списокъ словъ совершенно-одинаковыхъ по звукамъ и въ славянскомъ и въ санскритскомъ; потомъ разсматриваетъ правильные и неправильные переходы однихъ санскритскихъ звуковъ въ другіе сходные славянскіе звуки. Каждый изъ отдѣльныхъ сравнивающихъ списковъ сопровождается общими относящимися къ нему объясненіями, выводами и замѣчаніями.

Сочиненіе г. Гильфердинга свидѣтельствуетъ прежде всего о чрезвычайной любви его къ своему предмету, которая одна могла заставить его съ такою ревностью заботиться о всевозможной полнотѣ матеріаловъ: онъ успѣлъ вполнѣ воспользоваться для сво-

ихъ сравненій даже «Областнымъ Словаремъ», который напечатанъ всего за нѣсколько мѣсяцовъ до появленія его книги; мало того, онъ воспользовался даже тѣми матеріалами, которые, по недавности присылки ихъ въ Петербургъ, еще не вошли ни въ какое изданіе Академіи и Географическаго Общества. Не боимся ошибиться, если скажемъ, что до послѣдней корректуры продолжалъ онъ пополнять свои списки... Наука можетъ разсчитывать на такого добросовѣстнаго дѣятеля.

Какъ полно воспользовался г. Гильфердингъ всѣми матеріалами для славянской части своихъ списковъ, такъ же хорошо изучилъ онъ и сочиненія западныхъ филологовъ, такъ-что стоитъ совершенно наравнѣ съ современнымъ положеніемъ науки. Потому съ нимъ иногда можно не соглашаться, но нельзя не уважать его дѣльнаго, добросовѣстнаго труда, котораго продолженіе принесетъ несомнѣнную пользу индоевропейской филологіи.

Dichterkanon. *Ein Versuch, die vollendetsten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen auszuzeichnen. Von Dr.* Neukirch (**Собраніе Поэтовъ.** *Опытъ исчисленія совершеннѣйшихъ произведеній поэзіи всѣхъ временъ и народовъ. Доктора* Нейкирха). *Кіевъ. 1853. Въ университетской типографіи. Въ 8 д. л. XXIV и 546 стран.*

Характеристично второе заглавіе книги, на 71 стран., послѣ введенія: «Списокъ (Verzeichnisz) важнѣйшихъ поэтовъ и поэтическихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ».

Вѣрный заглавію, авторъ даетъ намъ дѣйствительно «списокъ», то-есть несвязанныя ничѣмъ одна съ другою статейки о замѣчательныхъ, по его мнѣнію, поэтахъ. Мы не можемъ надивиться странной его прихоти: стараясь о полнотѣ книги, онъ не позаботился о единствѣ ея; собравъ всѣ нужныя, по его мнѣнію, для исторіи поэзіи свѣдѣнія, онъ не захотѣлъ дать намъ исторію поэзіи, а бросаетъ лоскутки, связанные только нитками переплетчика. Желая показать, въ какой невообразимой степени безсвязны статейки г. Нейкирха, выписываемъ его отдѣлъ о датскихъ поэтахъ:

«Датская поэзія получила высокое развитіе (положимъ, неочень-высокое, потому-что г. Нейкирхъ не считаетъ Ломоносова и Карамзина, занимающихъ такое же мѣсто въ русской литературѣ, какъ въ датской Гольбергъ, достойными особыхъ статеекъ) только съ первой половины XVIII вѣка, и была послѣ того обработываема многими замѣчательными талантами.»

Конецъ общему введенію! ни словечка, которымъ связывались бы слѣдующія за нимъ четыре статейки:

«1. Гольбергъ. Людвигъ фонъ Гольбергъ родился въ Бергенѣ въ Норвегіи 1684 года; учился въ Копенгагенѣ; объѣхалъ большую часть Европы; послѣ былъ профессоромъ, сначала философіи, потомъ краснорѣчія и исторіи при Копенгагенскомъ Университетѣ; получилъ баронскій титулъ и умеръ въ Копенгагенѣ въ 1754 году. Его должно

признать истиннымъ творцомъ датской литературы. Лучше всего онъ въ своихъ комедіяхъ.»

Содержаніе трехъ комедій разсказывается. Статья кончается указаніемъ переводовъ Гольберга на нѣмецкій языкъ.

«2. Эленшлегеръ. Адамъ Готтлибъ Эленшлегеръ, по происхожденію родителей Нѣмецъ, родился» и т. д.
«3. Герцъ. Генрикъ Герцъ родился» и т. д.
«4. Андерсенъ. Гансъ Христіанъ Андерсенъ, сынъ бѣднаго сапожника, родился» и т. д.

Чтó можетъ быть безсвязнѣе? И чтó мѣшало г. Нейкирху прибавить полстранички о томъ, кáкъ развивалась датская поэзія, какимъ вліяніямъ она подвергалась, каковъ ея отличительный характеръ? Ничто не мѣшало! Ему просто не казалось это нужнымъ. Чтó мѣшало ему сказать, какое вліяніе имѣли предъидущіе датскіе поэты на послѣдующихъ? Ничто не мѣшало! Ему просто не казалось это нужнымъ... Странно, очень-странно!

Авторъ хочетъ говорить о «поэтическихъ» произведеніяхъ. Изъ всего видно, что прозою написанныя произведенія кажутся ему несовсѣмъ-заслуживающими титулъ «поэтическихъ». Нéчего и говорить о томъ, кáкъ несправедливо такое понятіе. Оно заставило его пройдти молчаніемъ Эзопа, Апулея и многихъ другихъ поэтовъ.

Онъ считаетъ ненужнымъ говорить о теоретикахъ, о великихъ критикахъ, вообще о людяхъ, имѣвшихъ вліяніе на духъ поэзіи въ извѣстное время. Потому нѣтъ въ его сочиненіи даже Буало. Нельзя, впрочемъ, и упрекать его за *этотъ* недостатокъ въ-частности: онъ только слѣдствіе общаго правила, принятаго г. Нейкирхомъ—говорить о произведеніяхъ поэзіи, не обращая никакого вниманія на тѣ вліянія, подъ которыми образовались они. Ни слова не найдете вы у него о вліяніи на поэзію историческихъ событій и тому подобныхъ бездѣлицахъ. И не въ-правѣ мы этому дивиться: такое пренебреженіе ко всему, чтó можетъ объяснить происхожденіе и смыслъ произведеній, о которыхъ говорится въ книгѣ, очень-естественно со стороны автора, неподумавшаго о томъ, что сложенные безъ цемента кирпичи—не домъ, что безсвязный рядъ статеекъ — не книга: куда ужь думать о связи фактовъ, когда нѣтъ связи между словами!

Посмотримъ, до какой степени систематиченъ и полонъ въ принятыхъ авторомъ размѣрахъ списокъ его.

Въ отдѣлѣ «Индійцы» не говоритъ онъ о Ведахъ, можетъ-быть, не считая ихъ поэтическимъ произведеніемъ. Но давно рѣшено, что религіозныя книги языческихъ народовъ составляютъ древнѣйшій и важнѣйшій памятникъ ихъ поэзіи. Точно такъ же въ отдѣлахъ «Персы» и «Арабы» не говоритъ онъ о Зенд-Авестѣ — пропускъ рѣшительно-непростительный. Нѣтъ ни слова и о Моаллакатахъ, о которыхъ говорится даже въ «Исторіи» г Смарагдова.

Но такой краткій списокъ, какъ «Dichterkanon», могъ легко обойдтись безъ малоизвѣстныхъ именъ Сомадевы-Батты, Низами, Амрилькаиса и Мотенебби.

Между греческими поэтами нѣтъ Гезіода, Эзопа, Анакреона, Сафо; зато есть Бабрій; зато возведены въ званіе поэтовъ — угадайте кто? Ксенофонтъ и Платонъ!

Между римскими поэтами нѣтъ Катулла (а двойникъ его, Тибуллъ, есть); нѣтъ Лукана и Апулея, нѣтъ Лукреція...

Ограничимся этимъ. Мы взяли для разбора отдѣлъ восточной и классической поэзіи, потому-что здѣсь поэтическія репутаціи совершенно установлены, и при выборѣ именъ не остается мѣста произволу и разногласію. А между-тѣмъ сколько тутъ произвола у г. Нейкирха, и какъ неудаченъ этотъ произволъ!... Не можемъ пропустить еще одной странности: г. Нейкирхъ почти нигдѣ не говоритъ о народной поэзіи. У него есть испанскіе романсы, Рейнеке-фуксъ, Нибелунги и Оссіанъ; но нѣтъ ни полслова объ Эддѣ и скандинавской народной поэзіи, о шотландскихъ балладахъ, новогреческихъ пѣсняхъ; нѣтъ ни слова даже о провансальской поэзіи, даже о сербскихъ историческихъ пѣсняхъ, которыя, по художественному достоинству, не уступаютъ гомеровскимъ, а возвышенностью содержанія далеко ихъ превосходятъ.

Но довольно о томъ, чего нѣтъ въ книгѣ г. Нейкирха; посмотримъ, какъ онъ говоритъ о тѣхъ поэтахъ, которые вошли въ его списокъ. Для примѣра беремъ двѣ статейки: одну, длинную, о Гёте; другую, коротенькую, стоящую съ нею рядомъ, о Фоссѣ. Статейка о каждомъ поэтѣ начинается его коротенькою біографіею; за нею слѣдуетъ, или не слѣдуетъ (какъ вздумается автору) нѣсколько строкъ въ родѣ характеристики поэта; потомъ разсказывается содержаніе замѣчательнѣйшихъ его произведеній (важнѣйшая по объему часть въ книгѣ), и статейка заключается указаніемъ нѣмецкихъ переводовъ, если поэтъ не нѣмецъ. Взглянемъ, какъ все это дѣлается.

«Гёте.

«Иоганнъ Вольфгангъ фонъ Гёте, сынъ значительныхъ и почтенныхъ родителей, родился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1749 году, учился въ Лейпцигѣ и Страсбургѣ юриспруденціи и другимъ наукамъ (что учился онъ юриспруденціи — свѣдѣніе ненужное, потому-что изъ этихъ занятій никакого результата не вышло; что онъ учился и другимъ какимъ-нибудь наукамъ — само-собою разумѣется; слѣдовало сказать, чѣмъ занимался онъ преимущественно, или не говорить ничего); сдѣланъ въ 1776 году легаціонсратомъ въ Веймарѣ (слѣдовало сказать, что онъ жилъ при веймарскомъ дворѣ, а не то, какую должность ему дали); въ 1779 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ сопровождалъ герцога Карла Августа въ путешествіи по Швейцаріи, гдѣ былъ, впрочемъ, уже прежде; сдѣланъ въ 1782 году каммер-президентомъ и возведенъ въ дворянское достоинство; объѣхалъ Италію до Сициліи въ 1786 — 1788 годахъ (это путешествіе важно, но важно по вліянію на поэтическую дѣятельность Гёте, о чемъ здѣсь не упоминается); сопровождалъ герцога въ 1792 году на походѣ въ Шампань; жилъ съ 1794

въ дружбѣ съ Шиллеромъ; женился въ 1806 году на дѣвицѣ Вульпіусъ (ненужно), матери его сына, Августа фонъ-Гёте (что̀ это?), который 1830 года умеръ въ Римѣ великогерцогскимъ гофкаммерратомъ и каммергеромъ (зачѣмъ это?); сдѣланъ 1815 года первымъ государственнымъ министромъ; въ 1816 году лишился жены и умеръ въ 1832 году въ Веймарѣ, удалившись отъ государственныхъ дѣлъ съ 1828 года. Съ 1791 до 1818 по должности интенданта управлялъ придворнымъ веймарскимъ театромъ.»

Можно ли набрать болѣе свѣдѣній, опустивъ всѣ главные факты? Такъ составлены всѣ біографіи у г. Нейкирха. Онѣ сухи и безсвязны до-нельзя, и нѣтъ возможности пріискать въ нихъ что-нибудь имѣющее связь съ поэтическою дѣятельностью поэта. За біографіею Гёте слѣдуетъ его характеристика:

«Гёте величайшій поэтъ Германіи, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ міра. По геніальности и силѣ изобрѣтенія не равняется онъ со многими другими поэтами; вообще канвою своихъ произведеній онъ выбиралъ событія изъ собственной жизни, или сюжеты, которые находилъ уже довольно подробно развитыми. Но не было другаго поэта, умъ котораго былъ бы такъ всесторонне развитъ и образованъ, какъ умъ Гёте. Оттого въ его сочиненіяхъ такое богатство мыслей, что его попреимуществу должно назвать писателемъ, изъ котораго можно научиться многому.»

Но богатство мыслей найдется у всѣхъ великихъ писателей. Были поэты ученѣе самого Гёте: не въ учености дѣло, а въ томъ, что, не увлекаясь до пристрастія ничѣмъ, Гёте вполнѣ сочувствовалъ всему, «что̀ проситъ у сердца отвѣта». Ученость его была только слѣдствіемъ этого всеобъемлющаго сочувствія.

Вслѣдъ за тѣмъ, г. Нейкирхъ начинаетъ разсказывать содержаніе замѣчательнѣйшихъ произведеній Гёте, и прежде всего содержаніе первой части «Фауста». Посмотрите, какъ оно разсказывается:

«Первая часть Фауста одно изъ замѣчательнѣйшихъ и величественнѣйшихъ произведеній во всемірной литературѣ. Герой этой драмы докторъ Фаустъ, жившій въ половинѣ XVI вѣка, котораго не должно смѣшивать съ типографщикомъ Фаустомъ или Фустомъ, жившимъ до него за столѣтіе (лишнее предостереженіе, умѣстное только въ подробномъ разсказѣ о матеріалахъ гётева «Фауста»). Докторъ Фаустъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, врачъ и профессоръ, отличающійся многосторонними познаніями, но мучимый сознаніемъ ихъ ограниченности; вмѣстѣ съ этимъ любитъ онъ и земныя наслажденія, которыхъ ему удѣлено, по его мнѣнію, слишкомъ мало...»

Вы видите, что опущенъ прологъ; а въ этомъ прологѣ смыслъ всего «Фауста»; въ немъ тэма; всѣ слѣдующія сцены только ея развитіе. Кромѣ того, Фаустъ вовсе не особенный любитель сердечныхъ или чувственныхъ наслажденій. Такая черта въ его характерѣ была бы неумѣстною прибавкою со стороны Гёте. Въ томъ, ка̀къ Фаустъ бросается въ чувственныя наслажденія, ка̀къ сильно закипаетъ въ немъ любовь, Гёте выразилъ не случайную

черту Фаустова характера, а глубокую мысль. Фаустъ хотѣлъ, ограничась жизнью ума, подавить въ себѣ жизнь сердца—и Гёте представляетъ его въ ту минуту, какъ заглушенныя навремя стремленія пробуждаются въ немъ съ неудержимою силою.

«Онъ ищетъ отрады въ магіи; ему является духъ земли, неудовлетворяетъ однако его ожиданіямъ; и онъ, на пасхальную ночь, хочетъ прекратить свое отчаянное состояніе, принявъ яду; какъ внезапно раздающееся пасхальное пѣніе удерживаетъ его (какимъ же образомъ?). На пасху идетъ онъ съ тупоумнымъ своимъ фамулюсомъ Вагнеромъ прогуливаться (зачѣмъ же? что выражаетъ у Гёте прогулка эта?); тутъ къ нимъ пристаетъ пудель и провожаетъ Фауста домой; тамъ принимаетъ человѣческій видъ и объявляетъ себя Фаусту «духомъ, вѣчно отрицающимъ», духомъ зла, Мефистофелемъ, и говоритъ Фаусту: «Я буду служить тебѣ здѣсь, съ тѣмъ, чтобъ ты былъ моимъ рабомъ тамъ.» — «Согласенъ, говоритъ Фаустъ, если ты доставишь мнѣ хоть мигъ полнаго удовлетворенія здѣсь». Договоръ заключенъ. Съ презрѣніемъ къ прежнимъ стремленіямъ говоритъ Фаустъ: «бросимся въ шумный потокъ времени, въ пучину жизни.»

Гдѣ же тутъ связь? гдѣ смыслъ сценъ? Кто узнаетъ «Фауста» изъ этого разсказа, почтетъ его безсмысленнымъ наборомъ фантастическихъ сценъ...

«И вотъ Мефистофель ведетъ Фауста въ буйно-веселую компанію Ауэрбахова погреба въ Лейпцигѣ; потомъ въ кухню вѣдьмъ, гдѣ онъ молодѣетъ отъ волшебнаго питья, имѣющаго притомъ такую силу, что Фаусту всякая женщина покажется красавицею» и т. д.

Вмѣсто прибавленія подробности о томъ, какъ Фаусту каждая женщина будетъ казаться красавицею — подробности только вводящей въ недоумѣніе насчетъ красоты Грётхенъ, надобно бы сказать, что Фаустъ, не нашедши покоя въ тихомъ кругу бюргеровъ, бросается въ буйную, грязную оргію (Ауэрбаховъ погребъ); но грязь эта противна его душѣ, и онъ ищетъ радости, удовлетворенія сердцу въ чистой, возвышенной любви—тогда было бы все связно и ясно; теперь же въ разсказѣ г. Нейкирха Фаустъ кажется безсвязенъ, произволенъ, нелѣпъ. Дальше разсказъ идетъ короче; но такъ же безсвязны, непонятны остаются въ немъ приключенія Фауста. Переходимъ прямо къ заключенію отдѣла о «Фаустѣ», общему взгляду автора на его смыслъ:

«Все зло, въ которомъ становится виноватъ Фаустъ, совершаетъ онъ только послѣ упорной борьбы, и неудовлетворяясь тѣмъ, чего достигаетъ посредствомъ зла. Фаустъ и Мефистофель собственно составляютъ одно лицо; Мефистофель — олицетвореніе отрицающаго, злаго начала въ Фаустѣ. И это одно лицо—Гёте, который въ свою очередь является здѣсь представителемъ духа человѣческаго вообще. Цѣлое представляетъ борьбу живущихъ въ человѣкѣ высшихъ и низшихъ стремленій однихъ съ другими.»

Опять безсвязно, какъ-будто бы это не отрывокъ изъ книги, отрывокъ изъ конспекта или оглавленія!

Но Гёте писатель глубокомысленный, «Фаустъ» вещь очень-мудреная. Посмотримъ, какова статейка о Фоссѣ, поэтѣ неголоволомномъ.

«Иоганнъ Генрихъ Фоссъ родился въ Зоммерсдорфѣ въ 1751 году, умеръ въ Гейдельбергѣ въ 1826 году. Онъ замѣчательнѣе, какъ филологъ, особенно какъ переводчикъ греческихъ и римскихъ писателей, нежели какъ творящій поэтъ (слѣдовало бы сказать, что Фоссъ перевелъ «Иліаду»; правда и то, что его переводъ ужь указанъ въ статьѣ «Гомеръ»—что̀ еще за повторенія!). Важнѣйшее изъ его произведеній «Луиза», сельская поэма въ трехъ идилліяхъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ обыденнымъ, тяжелымъ и натянутымъ попадается много истинно-хорошаго. Лица, въ нихъ выводимыя: Луиза, ея отецъ, сѣдой пасторъ въ Грюнау, вымышленномъ гольштинскомъ селѣ (удивительно какъ нужно знать намъ, что Грюнау село вымышленное!), ея мать и ея женихъ, молодой богословъ Вальтеръ. Въ первой идилліи празднуется день рожденія Луизы, сначала обѣдомъ, потомъ прогулкою въ лѣсъ, гдѣ пьютъ кофе и ужинаютъ. Во второй идилліи Вальтеръ, который былъ гувернеромъ, дѣлается пасторомъ, и пріѣзжаетъ навѣстить свою невѣсту. Въ третьей Луиза выходитъ за Вальтера.»

Очень-хорошо разсказано содержаніе «Луизы!»

Выборъ сочиненій у г. Нейкирха такъ же произволенъ, какъ и подборъ поэтовъ. У Лесажа, напримѣръ, выставляетъ онъ Тюркарè и Криспена, забывая «Хромаго Бѣса»; лучшею драмою Виктора Гюго называетъ «Эрнани» и т. д.

Странна до невозможности та щедрость, съ которою высчитываетъ г. Нейкирхъ переводы на нѣмецкій. Понятно, что можно и должно указать нѣсколько переводовъ Гомера, Шекспира, Байрона; но къ-чему высчитывать дюжинные переводы новыхъ французскихъ и англійскихъ прозаиковъ—напримѣръ 4 перевода стернова «Сантиментальнаго Путешествія», 6 переводовъ гольдсмитова «Векфильдскаго Священника», по 3 перевода тэккересвыхъ романовъ, по 3 перевода романовъ и повѣстей Лесажа, Бернардэна-де-сен-Пьерра, Жоржа Занда, даже довольно-жалкихъ романовъ Ферри и Луи Ребо? Довольно было бы указать на лучшій, по мнѣнію автора, переводъ.

Г. Нейкирхъ написалъ свою книгу понѣмецки.

Книга г. Нейкирха—серьёзная книга, и потому не считаемъ приличнымъ смѣяться надъ удивительнымъ разглагольствованіемъ нѣсколькихъ нѣмцовъ и нѣмокъ въ началѣ книги о поэзіи, любви и т. п. Авторъ помѣстилъ этотъ діалогъ, дышащій простотою дѣтскихъ драмъ, въ видѣ «предисловія и введенія». Еслибъ книга была хороша, діалогъ этотъ не повредилъ бы въ нашихъ глазахъ ея достоинству, потому-что мы обрѣзали бы его и переплели бы книгу отдѣльно. Теперь этого дѣлать не нужно.

Точно такое же забавное впечатлѣніе, нисколько-неприличное ученой книгѣ, производитъ напечатанный въ началѣ книги, вмѣсто посвященія, сонетъ «Каролинѣ»—An Karolinen. Въ немъ авторъ напоминаетъ Каролинѣ, какъ «изъ устъ ея часто текли то-

ны, которые въ авторѣ создавали чудные міры и свивали вѣнки изъ золотыхъ ученій».

По доброму, старому обычаю, въ концѣ извлечемъ заключеніе изъ нашего разбора:

Люди, достойные всякаго уваженія, часто пишутъ плохія книги. Намъ хорошо извѣстно, что г. Нейкирхъ основательный и добросовѣстный ученый; всякій увидитъ доказательства его учености на каждой страницѣ его книги: а между-тѣмъ книга у него вышла очень-плохая. Какъ могло это случиться?... Какъ могло случиться — не знаемъ; а что дѣйствительно такъ случилось, читатели могутъ видѣть изъ нашего разбора.

Планы С. Петербурга *въ 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ плановъ 13-ти частей столицы 1853 года. Составлены* Н. Цыловымъ. *Санктпетербургъ. 1853. Въ 4-ю д. л.*

Трудолюбивый авторъ, которому обыватели Петербурга такъ много обязаны за его прежнія полезныя изданія, вспомнилъ теперь весьма-кстати, что 16-го мая нынѣшняго года исполнилось нашей сѣверной столицѣ ровно 150 лѣтъ, и изготовилъ ко дню ея рожденія прекрасное изданіе подъ выписаннымъ выше заглавіемъ. Книга состоитъ изъ *девяти* плановъ Петербурга, съ самымъ подробнымъ ихъ объясненіемъ. Эти планы представляютъ вамъ какъ-бы въ-очію всю исторію Петербурга отъ самаго его рожденія до 1849 года. Къ нимъ присоединены еще подробные планы 13 частей Петербурга, взятыхъ въ томъ видѣ, какой онѣ имѣютъ теперь, въ 1853 году; для каждой ихъ назначенъ особый планъ и особое къ нему объясненіе, такъ-что эти планы представляютъ вамъ Петербургъ въ нынѣшнемъ его состояніи и по нимъ вы можете находить какія вамъ угодно улицы его, переулки и закоулки. Къ 22-мъ исчисленнымъ нами планамъ г-нъ Цыловъ приложилъ отлично-гравированный портретъ Петра-Великаго и нынѣ благополучно-царствующаго Государя Императора, виды: домика Петра-Великаго на Петербургськой Сторонѣ, памятника Петру-Великому, воздвигнутаго въ Петербургѣ Екатериною II-ю, собора св. Исаакія Далматскаго, памятника Александру Благословенному на Дворцовой Площади въ Петербургѣ и новаго Благовѣщенскаго Моста.

Изъ всѣхъ этихъ 22-хъ плановъ съ объяснительнымъ текстомъ и 7 превосходныхъ рисунковъ составилась изящная и полезная книга, которая приноситъ честь своему автору, какъ и все то, что̀ прежде имъ было издано.

О хорошемъ воспитаніи дѣтей. *Москва. 1853. Въ тип. Т. Т. Волкова и комп. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Несмотря на то, что въ этой книжечкѣ, состоящей изъ шестнадцати страницъ и напечатанной весьма-крупнымъ шрифтомъ,

содержатся только общія правила воспитанія, критика должна причислить ее къ здравомыслящимъ, дѣльнымъ книгамъ. Авторъ обращаетъ преимущественно свое вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей, которое выше несвоевременнаго набиванія юной головы разнообразными познаніями. Съ малолѣтства надобно пріучать человѣка къ честности, искренности, прямодушію, болѣе-полезнымъ, чѣмъ быстрыя соображенія ариѳметическія или заучиваніе рѣкъ, впадающихъ въ такое-то море. При умственномъ же образованіи слѣдуетъ имѣть въ виду не простое умозрѣніе или дѣло памяти, а упражненіе и опытъ; самое совершенное знаніе географіи ничто въ-сравненіи съ познаніями человѣка, который путешествовалъ и обозрѣлъ всѣ страны, описанныя въ книгахъ, имъ прочтенныхъ. Для успѣшнаго воспитанія необходимо узнать внутреннія свойства и наклонности дитяти: тогда менѣе будетъ надобности въ принужденіи. Притворная любовь къ добру ничто въ сравненіи съ нелицемѣрною къ нему привязанностью, внушенною разумными средствами.

Записки *Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1852 годъ. Два тома. Москва 1853. Въ 8-ю д. л. 308 и 444 стр.*

Лебедянское Общество Сельскаго Хозяйства, издававшее доселѣ ежегодно по одному тому своихъ «Записокъ», нынѣ даритъ нашу публику двумя значительно-толстыми книгами, что̀ всего лучше доказываетъ увеличивающуюся дѣятельность его членовъ.

Составъ изданія нынѣ вышедшихъ «Записокъ» таковъ, какъ и прежде: въ него входятъ, во-первыхъ, протоколы засѣданій и отчеты о дѣйствіяхъ Общества; во-вторыхъ, отвѣты на вопросы, предложенные Обществомъ въ прежнемъ году, и словесныя разсужденія членовъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи при обсужденіи этихъ отвѣтовъ; въ-третьихъ, приложенія или статьи разнообразнаго содержанія, болѣе или менѣе относящіяся до круга занятій членовъ и вопросовъ, ими предложенныхъ.

Занимательность и разнообразіе «Записокъ» такъ значительны, что, не затрудняясь, можно присоединить это изданіе къ числу лучшихъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ сочиненій, полезныхъ не только хозяевамъ черноземной полосы средней Россіи, но и всякому сельскому хозяину-теоретику и практику. Для подтвержденія нашихъ словъ, мы бы охотно готовы были представить несомнѣнныя доказательства, заимствованныя изъ самыхъ «Записокъ», но предѣлы Библіографической Хроники лишаютъ насъ этого удовольствія, и мы, по-необходимости, ограничимся бѣглымъ обзоромъ наиболѣе-замѣчательнаго въ каждомъ отдѣленіи.

Въ первомъ, составляющемъ оффиціальную часть, само-собою разумѣется, заключаются только краткія извѣстія о ходѣ засѣданій, полная картина которыхъ находится въ слѣдующемъ отдѣленіи; однакожь и здѣсь можно указать на нѣкоторыя распо-

ряженія, доказывающія стремленіе къ общественной пользѣ; напримѣръ, обыкновеніе покупать лучшіе и новѣйшіе сорты различныхъ хозяйственныхъ сѣменъ и разсылать ихъ безденежно своимъ членамъ, желающимъ произвести опыты надъ ними. Конечно, повидимому, это бездѣлица, но, зная незначительность средствъ Общества, котораго весь капиталъ простирается только до 1336 р. 50 к. с., нельзя не предположить, что эта бездѣлица лучше всего доказываетъ, что если бы Общество имѣло болѣе-значительный капиталъ, то оно нашло бы средство употребить его съ пользою для науки и для самого-себя. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что Общество не обязываетъ большей части своихъ членовъ ни ежегоднымъ взносомъ денегъ, ни требованіемъ статей, и однакожь, тѣмъ не менѣе разсылаетъ ко всѣмъ изъ нихъ безденежно свои «Записки», слѣдовательно, дѣйствительно даритъ читателей.

Во второмъ отдѣленіи помѣщены сообщенные отвѣты на прежде-заданные вопросы и разговоры слушавшихъ ихъ членовъ. Одни изъ вопросовъ признаны окончательно-рѣшенными, другіе нѣтъ. Мнѣнія различныхъ лицъ объ одномъ и томъ же предметѣ естественно могутъ быть различны, и поэтому эти многостороннія изслѣдованія содержатъ въ себѣ много любопытнаго. Но самую обширную и наиболѣе-замѣчательную и разнообразную часть составляютъ приложенія. Въ обоихъ томахъ ихъ находится до сорока. Самыя замѣчательныя изъ нихъ: 1) *Частное совѣщаніе о хозяйственныхъ предметахъ и испытаніе орудій*, бывшее въ селѣ Спешневѣ, въ имѣніи г. президента Общества Н. И. Шишкова. Статья эта составляетъ драгоцѣнность для хозяевъ. Мы дошли ужь до такой степени развитія, что нуждаемся въ улучшенныхъ орудіяхъ и машинахъ; но какія изъ нихъ употреблять, въ чемъ состоитъ относительное достоинство каждаго изъ нихъ и многіе другіе подобные вопросы остаются для бóльшей части хозяевъ нерѣшенными. Нельзя каждому пріобрѣтать всѣ роды орудій, но нельзя же довольствоваться и безсознательнымъ выборомъ того или другаго. Для рѣшенія этихъ-то вопросовъ и было сдѣлано сравнительное испытаніе сѣялокъ Кеммерера, Майера, Гриневицкаго, плуговъ Домбаля, Смаля, Старбука и Говарди, пропашника Безбіева, коннаго скребка Гриневицкаго, сортировалки Вараксина, швырялки Шишкова и чистилки. Изъ результатовъ видно, что плугъ Старбука, сортировалка Вараксина и пропашникъ Безбія найдены вполнѣ-отличными, а всѣ остальныя — исполняющими свое дѣло совершенно-удовлетворительно. Къ статьѣ приложены восемь хорошихъ политипажей. Здѣсь же заключается краткое описаніе хозяйства въ селѣ Спешневѣ и толки собравшихся хозяевъ о земледѣльческихъ машинахъ и орудіяхъ. 2) *Объ испытаніи англійскихъ и американскихъ машинъ и орудій, купленныхъ въ Лондонѣ г. Кошелевымъ.* Статья эта есть какъ-бы продолженіе и дополненіе прежнихъ

статей г. Кошелева о купленныхъ имъ машинахъ, и содержитъ въ себѣ описаніе дѣйствія и рисунки слѣдующихъ машинъ и орудій: уильямсовой бороны, гарретовой сѣялки, гарретова пропашника, гарретова зерподроба, голмесовой молотилки, смиѳовой сѣпосушилки, и др. Здѣсь же описывается сравнительное дѣйствіе маккормичовой и гуссеевой жатвенныхъ машинъ, описаніе которыхъ было сообщено прежде г. Кошелевымъ въ «Московскомъ Сборникѣ». Г. Кошелевъ отдаетъ преимущество маккормичовой машинѣ. Вопросъ о жатвенныхъ машинахъ занимаетъ въ высшей степени нашихъ хозяевъ, особенно послѣ того, какъ г. Викторовъ представилъ на бывшую въ Москвѣ выставку сельскихъ произведеній машину своего изобрѣтенія, простую по устройству, довольно-сходную по цѣнѣ и достаточно-удовлетворительную по дѣйствію.

Кромѣ этихъ двухъ наиболѣе-важныхъ для всѣхъ хозяевъ отчетовъ, въ первомъ томѣ помѣщены еще статьи г. Волхонскаго, о глиномятной машинѣ и пропашникѣ для моркови, о воздѣлываніи кукурузы г. Коренева хозяйственныя замѣчанія г. Похвиснева, о земляной грушѣ и сераделлѣ г-на Анненкова, о горохѣ изъ Порѣчья г. Коренева, описаніе предметовъ, бывшихъ на частной выставкѣ Общества въ 1852 году, и наконецъ, отчеты объ опытныхъ посѣвахъ гг. Шишкова, Козлова, Харкевича, Шишкина, Коренева, Руднева, Дьяконова. Всѣ эти статьи болѣе или менѣе интересны и полезны. Нельзя не пожелать, чтобъ лица, производящія опытные посѣвы при указаніи наблюдаемыхъ ими растеній, означали постоянно ботаническое ихъ названіе или давали діагностику подробную и полную; иначе читатель не можетъ составить себѣ вѣрнаго понятія о томъ, о чемъ говорится. Кто, напримѣръ, изъ знающихъ ботанику не удивится, прочтя на страницѣ 300 въ отчетѣ г. Коренева, что «Сераделла есть родъ клевера и, какъ мнѣ (то-есть г. Кореневу) кажется, ни что иное, какъ яровой эспарцетъ»? или кто догадается о чемъ идетъ рѣчь, когда говорится, что мохаръ не лучше для корма сорной травы, называемой *чижикомъ* (родъ мелкаго пырея, похожаго зерномъ на райграсъ).

Въ этомъ же томѣ «Записокъ» напечатаны хозяйственные вопросы, предложенные Лебедянскимъ Обществомъ для рѣшенія къ слѣдующимъ засѣданіямъ. Ихъ всего 40: 21 по полеводству, 4 по скотоводству, 8 по домоводству, 4 по садоводству, 2 по лѣсоводству и 1 по пчеловодству. Должно сознаться, что большая ихъ часть будетъ удовлетворять любознательности, вѣроятно, немногихъ только лицъ, напримѣръ, какіе хлѣба и вообще растенія наиболѣе свойственны песчаной почвѣ, и рядомъ съ нимъ стоящіе нумера 10, 11, 12, 16, 17, или вопросы по лѣсоводству. Вопросъ о томъ, какія выгоды представляютъ кормовыя травы, клеверъ, злаки, кукуруза и др. на иловатомъ и глинистомъ грунтѣ противъ покупнаго сѣна? выраженъ весьма-неопредѣленно.

Второй томъ весь состоитъ изъ собранія статей. Особенно-замѣчательныя для хозяевъ: Общій взглядъ на луговодство рязанской губерніи и указаніе на способы поправленія луговъ— Соколова; О птицеводствѣ, А. Шишкова; Добываніе крахмала изъ картофеля, Руднева; О сушкѣ зерноваго хлѣба, его же; Объ орудіяхъ, употребляемыхъ г. Протопоповымъ при посѣвѣ свекловицы, г. Желѣзнова; Испытаніе вязкости почвъ динамометрическимъ ломомъ, его же.

Первая изъ этихъ статей, хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, но замѣчательна тѣмъ, что авторъ имѣлъ случай исполнить на дѣлѣ то, о чемъ пишетъ и, слѣдовательно, знакомъ съ своимъ предметомъ практически. Статейка г. Шишкова (сына) о домашнихъ птицахъ, составляетъ новость: объ этомъ доселѣ такъ мало писано, что самыя краткія свѣдѣнія уже любопытны. Г. Рудневъ мастеръ своего дѣла. Всѣ его статьи практичны, дѣльны, а новая его статья—о добываніи крахмала изъ картофеля, составляетъ прекрасное руководство для желающихъ познакомиться съ этимъ производствомъ. Здѣсь кстати припомнимъ, что крахмалъ, приготовляемый г. Рудневымъ, считается дѣйствительно-лучшимъ во всей Москвѣ. Укажемъ также на краткую статейку г. Муромцева—о топкѣ гречневою лузгою. Въ послѣднее время очень-много обращаемо было вниманія на замѣненіе дровъ шелухою или лузгою, остающеюся отъ гречи послѣ обдиранія ея. Лузга эта дешева и до-сихъ-поръ не имѣла никакого употребленія, но, при топленіи ею, должна быть употребляема особеннаго рода заслонка, способствующая къ тому, чтобъ лузга падала понемногу и не кучею. Г. Муромцевъ даетъ рисунокъ такой заслонки, которая видимо лучше всѣхъ, доселѣ предложенныхъ. Остальныя статьи г. Штейна—метеорологическій дневникъ, г-на Александрова, г. П. К. и др. тоже содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе интереснаго для многихъ; но, мы снова повторяемъ, что предѣлы хроники лишаютъ насъ возможности прослѣдить каждую статью.

Оканчиваемъ тою же благодарностью къ издателю «Записокъ», какою, вѣроятно, проникнуты къ нему всѣ наши сельскіе хозяева.

Движущіеся Столы. *Пустячокъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* Н. В. Сушкова. *Москва. Въ университетской тип. 1853. Въ 8-ю д. л. 47 стр.*

Движеніе столовъ, принадлежащее къ исторіи новѣйшихъ открытій или наблюденій — какъ угодно — успѣло, породить противоположныя крайности. Нѣкоторые упорно отрицаютъ движеніе столовъ; другіе, напротивъ, не только признаютъ движеніе, но идутъ несравненно-дальше, опередивъ быстроту вертящихся и скачущихъ столовъ. Послѣдніе, собственно говоря, оставили уже сто-

лы и перешли къ предметамъ одушевленнымъ: они вывели на сцену желаніе и волю, и такимъ-образомъ изъ одной области перешли въ другую. Не собравъ значительнаго числа фактовъ, не произведя достаточныхъ наблюденій, они ужь бросаются въ объясненія, на которыя такъ падки любители всего фантастическаго. Услыхавъ отъ своего пріятеля что-нибудъ такое странное, согласное съ ихъ наклонностью къ диковинкамъ, они тотчасъ дѣлятся этимъ извѣстіемъ съ публикой; замѣтивъ сами какое-нибудь явленіе и не провѣривъ его рядомъ другихъ наблюденій, произведенныхъ подъ разными условіями, они уже тотчасъ объявляютъ о томъ, что̀ замѣтили только однажды, и на этомъ единственномъ наблюденіи строятъ цѣлую теорію, отвергая наблюденія другихъ, совершенно-противоположныя. Такимъ-образомъ, вмѣсто пользы, они наносятъ наукѣ существенный вредъ и заподозриваютъ даже ясныя истины. Одинъ дипломатъ, получивъ порученіе отъ Талейрана, началъ увѣрять его въ своемъ усердіи и ревности; Талейранъ остановилъ его словами: «особенно какъ можно-меньше ревности»... Недурно бы припоминать эти слова всѣмъ ревностнымъ любителямъ страннаго и фантастическаго: тогда много выиграла бы каждая полезная новость, ходъ которой задерживается неразумнымъ усердіемъ рьяныхъ фантазеровъ, рьяныхъ любителей таинственнаго, которые стремятся именно къ тому, чего не могутъ вмѣстить въ своей головѣ — однимъ словомъ, всѣхъ неистовыхъ Орландо, въ наукѣ и литературѣ.

Г. Сушковъ ревнуетъ о правахъ водевиля. И эта ревность повредила ему: не будь ея, не вышло бы «пустячка», потому-что водевиль и не долженъ быть пустячкомъ; только онъ одинъ есть вещь. Интрига вышла любовная, въ подражаніе старому французскому вкусу; насмѣшки тоже старыя, въ родѣ тѣхъ, которыя употребилъ Загоскинъ, преслѣдуя въ «Богатоновѣ» магнитизмъ; еще старѣе каламбуры въ родѣ слѣдующихъ: «нащебечетъ имъ Щебетнинъ пустяковъ». А ужь о куплетахъ и говорить нѐчего; лучше пропоемъ:

Меня невѣдомая сила
Тянула, какъ веревкой къ вамъ,
Какъ бы крапивой по плечамъ
И вдоль спины и въ шею била!
А по рукамъ, а по ногамъ
Такъ больно въ жилки колотила,
Что сбила съ ногъ — и въ ноги къ вамъ
Совсѣмъ шальнаго повалила.

Очень-хорошо! А вотъ и другой, еще болѣе-замысловатый:

Не тянетъ къ намъ ее(я) ничуть —
Ужъ какъ бы насъ къ ней ни тянуло!
Знать, намъ ее(я) не повернуть —
Куда бы насъ ни повернуло.

Браво! брависсимо! bis!

*

Письмо *профессора* М. Ѳ. Спасскаго *къ редактору «Московскаго Врачебнаго Журнала». Москва. Въ университетской типографіи. 1853. Въ 8-ю д. л. 13 стр.*

Г. Спасскій, по случаю движущихся столовъ, подаетъ голосъ науки, а не пустаго увлеченія. Онъ не отвергаетъ факта, то-есть движенія столовъ, но объясняетъ его извѣстными условіями равновѣсія, не допуская новой безъименной силы, предполагать которую нѣтъ никакой надобности. Сначала онъ указываетъ на условія и результаты опытовъ. Эти условія, благодаря поспѣшному фантазёрству нѣкоторыхъ любителей новаго, быстро измѣнялись и расширяли свою сферу: прежде говорили, что движеніе совершается само-собою, безъ внутренняго участія производителей опытовъ; потомъ стали утверждать, что направленіе движенія зависитъ единственно отъ воли или желанія большинства особъ, производящихъ опытъ, или отъ воли и желанія посторонняго лица, прикасающагося къ кому-нибудь изъ особъ, составляющихъ цѣпь, хотя бы это желаніе не было извѣстно никому изъ лицъ, производящихъ опытъ; наконецъ говорено было и о такихъ опытахъ, въ которыхъ направленіе движенія не подчиняется никакимъ опредѣленнымъ условіямъ. За изложеніемъ условій, г. профессоръ разсматриваетъ вопросъ: въ какой степени новые опыты даютъ право предполагать существованіе безъименной силы, въ какой мѣрѣ и какимъ путемъ безъименная сила можетъ быть извѣдана научнымъ образомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдующій: опредѣлить законы движенія въ новыхъ опытахъ въ такомъ смыслѣ, чтобъ, на основаніи ихъ, сдѣлать правильное заключеніе о силахъ природы, производящихъ такое движеніе— невозможно.

Не требуя новой безъименной силы для объясненія движенія столовъ, г. Спасскій прилагаетъ къ нему старыя, извѣстныя всякому, условія равновѣсія. Явленіе объясняется такимъ образомъ удовлетворительно, и таинственное, къ великому прискорбію любителей чудеснаго, исчезаетъ. Впрочемъ, если и предположить существованіе особенной силы въ новыхъ опытахъ, то свойство ея и законы ея дѣйствія можно будетъ изслѣдовать научнымъ образомъ только тогда, когда въ производимомъ его движеніи нисколько не будутъ участвовать никакіе члены нашего тѣла. Любителямъ такихъ опытовъ г. Спасскій предлагаетъ устроить особенный столъ слѣдующимъ образомъ:

«Двѣ круглыя выполированныя доски утвердить на неподвижной оси такъ, чтобъ верхняя накрѣпко была соединена съ неподвижною осью, а нижняя могла бы свободно и легко обращаться вокругъ оси, оставаясь при этомъ въ постоянномъ соприкосновеніи съ верхнею доскою: толщина верхней доски должна быть такова, чтобы, при наложеніи на нее пальцевъ, незамѣтно было ея прижиманіе къ нижней, потому что такое прижиманіе могло бы уменьшить удобоподвижность нижней доски. Если, при новыхъ опытахъ, обнаруживается новая сила,

въ такомъ случаѣ она должна привести въ вращательное движеніе одну нижнюю доску стола, а давленіе и движеніе рукъ экспериментаторовъ не будутъ уже участвовать въ этомъ.»

Простыя домашнія средства *для того, чтобъ волосы росли, были густы и не вылѣзали. Изд. П. Ф. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1853. Въ 18-ю д. л. 31 стр.*

Ни одна порода людей не подвергалась такимъ забавнымъ и прибавимъ, обиднымъ насмѣшкамъ, какъ порода людей плѣшивыхъ.

Но теперь радуйтесь всѣ современныя головы, лишенныя волосъ! Средства найдены, простыя домашнія средства, какъ укрѣплять, отращивать, сохранять и украшать волосы. Стòитъ только вытирать голову полотенцемъ или салфеткою, а потомъ мазать кашмирскимъ масломъ, такъ, чтобъ поверхность головы была совершенно имъ намочена. Не поможетъ кашмирское, обрѣжьте всѣ остающіеся волоса до послѣдняго и тотчасъ послѣ этого налейте на кожу макассарскаго масла. Если же у васъ нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго волоса — лейте на голову, чтò ни попало: сочинитель увѣряетъ, что голова обростетъ тотчасъ густыми волосами даже у восьмидесятилѣтняго старика, даже у новорожденнаго младенца.

Справочная Егерская Книга, *или необходимыя знанія, касающіяся до ружей, легавыхъ и вообще всѣхъ собакъ, служащихъ для охоты, различные способы стрѣльбы птицъ — съ собакой, въ подходъ, на манку и пр. А звѣрей сходить зимой, пойдя слѣдомъ, облавой, на притраву, съ изображеніемъ звѣриныхъ ступней и хода русака и бѣляка. Натуральная исторія звѣрей и птицъ по зоологіи Мильна Эдварса. Вновь исправленный и пополненный охотничій словарь, егерскій календарь, показывающій удобное время года для стрѣльбы звѣрей и птицъ. Охотничьи разсказы и анекдоты различныхъ извѣстныхъ авторовъ. Въ трехъ частяхъ. Съ приложеніемъ восьми рисунковъ. Москва 1853. Въ тип. А. Семена. Въ 12-ю д. л. Въ I части —94, во II—156, въ III—44 стр.*

Заглавіе этой компиляціи похоже на калмыцкую пѣсню: нѣтъ ни малѣйшей связи въ частяхъ его; а по внѣшнему виду оно — точь-въ-точь длинныя надписи на монументахъ, съ извѣстнымъ подборомъ словъ по величинѣ буквъ, болѣе или менѣе крупныхъ. Причина появленія компиляціи очень-простая: успѣхъ «Записокъ ружейнаго охотника». Какъ же и намъ не попытать пріобрѣсти подобную—не славу (чтò слава? дымъ!), а прибыль? Авторъ, какъ охотникъ, желаетъ «тетерекъ малую-толику»... Почему книга разбита на три части, когда и для одной части довольно пустоты содержанія—тоже ясно: сочинитель, видно, не любитъ большихъ зарядовъ; онъ, съ извѣстной точки зрѣнія и правъ — ужь если

надобно угощать публику литературною дичью, то чѣмъ менѣе будутъ заряды, тѣмъ выгоднѣе.

Битва Русскихъ съ Черкесами, *или Пастухъ Черной Долины. Историческій романъ. Въ двухъ частяхъ. Соч.* И. Николаевича. *Москва. 1853. Въ тип. Н. Смирнова. Въ 18-ю д. Въ 1-й части — 94, во 2-й — 82 стр.*

Въ этомъ романѣ дѣйствующія лица любятъ и ненавидятъ другъ друга такъ, какъ ужь теперь нельзя ни любить, ни ненавидѣть, какъ, безъ-сомнѣнія, и никогда не было возможности любить и ненавидѣть. «Я люблю тебя» (говорилъ Джане Апѣ) «какъ ясное «солнышко, больше чѣмъ сердце, къ которому теперь такъ *при-«липъ* мой добрый пріятель». Эту прилипчивую любовь изобрѣлъ г. Николаевичъ, который одинъ смотритъ на Кавказъ глазами Марлинскаго и ста его послѣдователей. Главное свойство произведеній г. Николаевича — бойкость, которая и знать ничего не хочетъ, кромѣ созданнаго имъ міра, помѣщеннаго почему-то на Кавказѣ. Онъ обращается съ этимъ міромъ безъ церемоній, надѣясь на то, что читатели не поѣдутъ же такъ далеко повѣрять вымыселъ сравненіемъ съ дѣйствительностью.

Петербургъ изъ моего окна. *Путевыя записки Москвича. Августъ 1852 года. Сочиненіе* Ив. Анцыферова. *Москва. Въ тип. Н. Смирнова. 1853. Въ 18-ю д. л. 59 стр.*

Окно автора было обращено на Вознесенскій Проспектъ, тянущійся отъ Обводнаго Канала до Адмиралтейской Площади. Изъ этого окна можно было видѣть частичку Петербурга очень-занимательную, очень-оживленную и разнообразную, и въ этомъ же окнѣ, похожемъ на волшебный фонарь, отражались въ комнатѣ г. Анцыферова живыя картины, рисующіяся на проспектѣ. Нѣсколько такихъ-то картинъ описано имъ въ небольшой книжечкѣ. Сѣвъ у окна въ семь часовъ утра, онъ видитъ постепенное оживленіе проспекта, видитъ, ка̀къ чиновники идутъ на службу: «одни идутъ тихо и ѣдятъ булки, другіе фанфаро-«нятся на тротуарѣ, третьи летятъ какъ ракеты, несмотря ни на-«право, ни налѣво». Авторъ видѣлъ даже, ка̀къ мусье Грипусье перемѣнялъ квартиру не вынося своихъ пожитковъ въ ворота, а выбрасывая ихъ въ окно изъ четвертаго этажа, потому-что хозяинъ дома, которому постоялецъ задолжалъ за четыре мѣсяца, приказалъ своему дворнику не пускать пожитковъ Грипусье въ ворота. Вотъ какія диковинки видѣлъ г. Анцыферовъ!

Нищій *или избавленная жертва. Изъ временъ князя Пожарскаго. Сочиненіе* И. Николаевича. *Двѣ части. Москва. Въ тип. Н. Смирнова. 1853. Въ 18-ю д. л., въ 1-ой части 73, во 2-ой 94 стр.*

Чтеніе романовъ, въ родѣ «Нищаго», способно произвести въ

васъ летаргію или, какъ говоритъ г. Николаевичъ, *ли*таргію. Эти романы не дадутъ своимъ героямъ и умереть какъ слѣдуетъ: вмѣсто смерти приходитъ *ли*таргія, и мертвый возстаетъ, то-есть просыпается. Это случилось съ Сонюшкой Хабалиной, которая достигала шестнадцатой весны. Не впади она въ *ли*таргію, отецъ съ матерью и не узнали бы о ея любви къ Вацлаву, имя котораго она произнесла при своемъ пробужденіи. Чудеса, да и только! И если нѣтъ здѣсь хоровъ и маршей, какъ въ твореніяхъ г. Зряхова, то-есть гитара, которую сдѣлалъ самъ Вацлавъ и игралъ на ней превосходно. Сверхъ-того, онъ выточилъ изъ кости игольничекъ для Сонюшки. Какой, право, искусникъ! Жаль, что въ концѣ романа умеръ этотъ благороднѣйшій юноша: онъ подавалъ большія надежды...

Лѣтнія Ночи (.) *стихотворенія* Ильи Карелина. *Санктпетербургъ. Въ тип. Опекунскаго Совѣта. Въ 16-ю д. л. 113 стр.*

Одно изъ двухъ: или эти стихотворенія сочинены и написаны съ 10-го іюня по 10-е сентября включительно, когда, по календарю, начинается и оканчивается лѣто, или авторъ воспѣваетъ въ нихъ три лѣтніе мѣсяца. Первое предположеніе вѣроятнѣе: лѣтнія ночи теплы, свѣтлы; а когда спать не хочется отъ излишняго жара, почему же не писать стиховъ? Хотя бы стихи вышли и плохи, никто не будетъ вправѣ сказать, что игра не стоила свѣчъ, особенно если стихи были писаны въ іюнѣ, когда свѣчъ не требовалось. Впрочемъ, въ стихахъ г. Карелина нѣтъ ничего особеннаго, то-есть, такого, чего бы ночью не приходило въ голову и другимъ молодымъ людямъ. Вотъ, напримѣръ, однажды нѣкто Ваня Лельскій, человѣкъ молодой, видѣлъ во снѣ няню и свой разговоръ съ ней:

«Что задумался такъ, Ваня,
Пріунылъ голубчикъ ты?»
Ваню спрашиваетъ няня...

И въ отвѣтъ: — о няня! много
Думалъ разныхъ я вещей.

И будто няня на это сказала ему:

. . . . Эхъ, родной!
Всѣ глупеньки въ твои лѣта!

Ваня просыпается и видитъ что нѣтъ няни, что онъ ужь не маленькій, что на дворѣ лѣтняя ночь. Ваня засыпаетъ снова; тогда онъ видитъ во снѣ, что

Наконецъ уже и Вани
Стало много, много лѣтъ;
Ужь ему не нужно няни,
Да и няни больше нѣтъ.

Тутъ, какъ сонъ въ руку, являются двѣ сестры, неизвѣстно чьи сестры, но повидимому ужь очень-пріятныя для Вани:

. . . . Какъ алыя двѣ розы
Онѣ цвѣтутъ, не вѣдая страстей.

Одна такъ-себѣ ничего, но другая... о! другая—бѣда для Вани:

Отъ ней бы я бѣжалъ за далекія моря,

говоритъ Ваня, потому-что

Не знаю отъ чего, но мнѣ при ней неловко;
Смущаюсь, трепещу, какъ явится она...

Однакожь Ваня не уѣхалъ и хоть спалъ, а все-таки нашелся, и къ этой второй сестрѣ-розѣ во снѣ сочинилъ прелукавые лѣтніе стихи:

Ахъ! здѣсь сѣверъ, здѣсь ужасно;
Не другъ — вѣтеръ здѣсь живетъ,—
Роза, цвѣсть тебѣ опасно:
Онъ увидитъ и сорветъ.

Конечно, въ лѣтнюю ночь неприлично такъ лгать даже и сонному; но тутъ была своего рода хитрость, потому-что Ваня вдругъ перемѣнилъ тонъ съ розой, и сказалъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ:

Онъ тебя на воздухъ взвѣетъ,
Поиграетъ, броситъ внизъ...
Роза, роза! вѣтеръ вѣетъ,
Роза, роза! берегись!
Будь моей, — тебя бы роза,
Вѣтеръ тронуть не посмѣлъ;
А отъ бури, отъ мороза
Я у сердца-бъ отогрѣлъ.

Однакожь, эта хитрость, кажется, не удалась Ванѣ, потому-что онъ вдругъ началъ разсуждать мрачно обо всемъ, въ томъ числѣ и о розѣ:

Когда проснется городъ шумный
И побредетъ по улицамъ народъ,
И я пойду за нимъ, *безъ цѣли*, какъ безумный,
Свершать свой *ежедневный ходъ*.

Но не успѣлъ Ваня отправиться въ свой «ежедневный ходъ», какъ лунный лучъ, упавшій на его сонное лицо, вновь озарилъ угасшую фантазію, и соннымъ глазамъ Вани представилось, будто

Въ раздумьи сидѣла она и смотрѣла на свѣтлое небо
Съ какимъ-то желаньемъ, съ какою-то тайной тоской;
Слеза трепетала на щечкѣ, и лучъ заходящаго Ѳеба
Игралъ ея ясной, жемчужной слезой.

Тогда сонный Ваня

. . . тихо подкрался и тихо склонился надъ нею,
Какъ духъ искушенья рукою станъ дивный обвилъ,
Хотѣлъ цаловать; но...

Но Ваня нашъ вновь собирается «свершать свой ежедневный

ходъ». На этотъ разъ онъ дѣйствительно собрался и выражаетъ свои ощущенія такъ:

Хожу, хожу... и грустно вдругъ мнѣ станетъ
Отъ этой внутренней, сердечной пустоты;
Нѣтъ въ головѣ ни мысли, не мечты,
А тяжело, слеза невольно канетъ.

Расхаживая во снѣ, Ваня Лельскій придумалъ наконецъ написать письмо къ розѣ, и видитъ, будто наяву, онъ пишетъ:

. . . . . . И вы меня любили,
Я это чувствовалъ, и вы не позабыли,
Какъ полагаю я, я вамъ не говорю,
Что нѣтъ...

Замѣтьте, какая придирчивость въ сонномъ:

. . . . . . *но я попрежнему горю,*
А вы сгорѣли всѣ...

Такъ; и по-дѣломъ!

Сказалъ и *кончикомъ* пера
Ужь пишетъ адресъ торопливо.
Потомъ Ивана онъ позвалъ...
Иванъ заохалъ, *завздыхалъ*...
И *поплелся* — ну, путь счастливый!
И въ самомъ дѣлѣ Лельской былъ
Какъ призракъ изъ страны могилъ.

«Вы всѣ сгорѣли отъ любви»—легко сказать! Но что жь теперь остается дѣлать сонному Лельскому? Спать?—нѣтъ, ужь будетъ; проснуться и свершить «ежедневный ходъ»?—рано. Онъ вскакиваетъ съ постели и въ неглиже пишетъ послѣдній романсъ:

Ее(я) ужъ нѣтъ.

Ее(я) ужъ нѣтъ; а я страдаю,
А сердце все болитъ по ней;
Ее(я) ужъ нѣтъ — я это знаю,
А слезы льются изъ очей.

Ее(я) ужъ нѣтъ: она простилась,
Она оставила сей свѣтъ,
Звѣздой падучей закатилась—
Ее(я) ужъ нѣтъ, ее(я) ужъ нѣтъ.

Ее(я) ужъ нѣтъ... Къ чему жъ страданья,
Къ чему тоска, къ чему любовь,
Къ чему безплодныя желанья
Меня вы посѣтили вновь?

Если свѣту суждено узнать исторію этихъ новыхъ желаній Вани Лельскаго, то конечно мы гдѣ-нибудь прочтемъ о нихъ въ стихотвореніяхъ, можетъ-быть, подъ названіемъ «Осеннія Ночи».

———

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

Записки *Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ четвертый и пятый (съ 12 таблицами рисунковъ). Санктпетербургъ. Въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1852. Въ IV томѣ 224, VII и 191 стр.; въ V-мъ (отдѣленіе 1, выпускъ 1) 162 стр.*

Четвертый томъ «Записокъ», заключаетъ въ себѣ 1) Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вѣка, найденныхъ въ Россіи г. Кёне, и 2) Перечень засѣданій Императорскаго Археологическаго Общества за 1851 годъ, съ приложеніями.

Статья г. Кёне, несмотря на спеціальный предметъ, представляетъ много любопытныхъ данныхъ, особенно для древнѣйшаго періода русской исторіи. Оставляя въ сторонѣ собственно-нумизматическій интересъ этого труда, мы обратимся къ тому, чтó для насъ ближе и любопытнѣе. Европейскія монеты среднихъ вѣковъ довольно-рѣдки и «особенно-рѣдки въ тѣхъ мѣстахъ, какъ замѣчаетъ авторъ, гдѣ были выбиты: бóльшая часть ихъ сдѣлалась извѣстна изъ кладовъ, которые ввѣрены были землѣ далеко отъ ихъ отечества. Наибóльшее число этихъ кладовъ (продолжаетъ авторъ) открыто въ Даніи, Норвегіи, Швеціи и сѣверныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи; послѣдняя особенно обильна для нѣмецкой и англійской нумизматики помянутаго періода. Для Россіи эти клады чрезвычайно-важны не только потому, что доказываютъ обширныя торговыя сношенія ея съ Германіей, Скандинавіей и Англіей въ тѣ времена, но также и потому, что *они были здѣсь древнѣйшими деньгами*. Вообще полагаютъ, что монеты, которыя принимались прежде за древнѣйшія русскія, принадлежатъ другимъ славянскимъ народамъ; русскій же чеканъ начался въ XIV столѣтіи. Слѣдовательно, западно-европейскія монеты, также какъ и арабскіе диргемы, были для Россіи древнѣйшими металлическими деньгами» (стр. 2 — 3), то-есть такимъ товаромъ, прибавимъ мы, который во всякое время могъ имѣть покупщика, особенно въ древнѣйшей Россіи, гдѣ благородные металлы вообще были рѣдки и цѣнны. Притомъ эти деньги, весьма-различнаго вѣса, разной формы, разнаго времени и мѣста, ни въ какомъ случаѣ не могли приниматься счетомъ, поштучно, какъ теперь, но въ большихъ суммахъ принимались всегда съ вѣса. Даже въ позднѣйшее время, напримѣръ, въ Новгородѣ, деньги въ пріемахъ всегда взвѣшивались, для чего и существовали тамъ *денежные вѣсцы*, выборные изъ торговыхъ людей.

«Остается изслѣдовать (говоритъ авторъ), какимъ путемъ эти монеты приходили въ Россію. Ни одинъ изъ привезенныхъ кладовъ не содержалъ монетъ, которыя бы принадлежали только десятому столѣтію; всегда въ нихъ находилось большее или меньшее число пфенни-

говъ первой половины XI столѣтія, тогда-какъ чеканы второй половины этого столѣтія рѣже. Еще позднѣйшія монеты, именно двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтія, встрѣчались только по одиначкѣ и большею частію въ остзейскихъ провинціяхъ, куда онѣ занесены были рыцарями нѣмецкаго ордена... Поэтому упомянутые клады преданы были землѣ большею частію около 1040, но ни одинъ послѣ 1100 г.—Теперь спрашивается, какимъ путемъ они пришли въ Россію? Повидимому, они не держались одного и того же пути, что̀ явствуетъ изъ ихъ содержанія; ибо клады, содержащіе преимущественно нѣмецкія монеты, должны были прибыть въ Россію другимъ путемъ, нежели состоящіе большею частью изъ англійскихъ монетъ. Къ тому же надобно прибавить еще арабскіе диргемы, которые въ большемъ числѣ встрѣчаются между англійскими монетами, а византійскіе миліарезіи довольно рѣдко и одинаково встрѣчаются между тѣми и другими. Естественно, что *клады*, состоящіе преимущественно изъ южныхъ монетъ, *должны быть привезены* (?) съ юга, а состоящіе болѣе изъ сѣверныхъ монетъ—съ сѣвера.»

Къ южнымъ монетамъ въ этомъ случаѣ авторъ относитъ *нѣмецкія* и *нидерландскія*, а къ сѣвернымъ—*англійскія* и *ирландскія*. Въ Россію онѣ пришли торговымъ путемъ, который проводится авторомъ черезъ Ольмюцъ, Краковъ, Сандомиръ, Владиміръ и Кіевъ. Отсюда купцы (нѣмецкіе) шли частью на югъ, чтобъ мѣнять товары съ Аравитянами и Византійцами, но бо̀льшею-частью на сѣверъ, черезъ Черниговъ, Могилевъ, Смоленскъ, къ Новгороду, куда велъ также путь по берегамъ Балтійскаго Моря изъ Фрисландіи, чрезъ портовые города Юлинъ, Кольбергъ, Данцигъ и проч. Послѣдній путь, однако, кажется, болѣе посѣщался Датчанами и Норманнами, нежели нѣмцами.

«На означенномъ пути изъ Кіева въ Новгородъ вырываемы были не разъ нѣмецкія монеты, которыя показываютъ, что этотъ путь былъ проѣзжаемъ нѣмецкими купцами. Они шли еще далѣе на востокъ, въ Москву, даже въ Пермскую Губернію, гдѣ не рѣдко находили нѣмецкія монеты... Такъ какъ западныхъ монетъ никогда не находили въ южныхъ губерніяхъ, то вѣроятно, что нѣмецкіе купцы такъ далеко не заходили, но уже въ Кіевѣ находили желаемые товары... Туда привозили ихъ Русскіе купцы, которые такимъ образомъ были посредниками торговли Юга и Востока съ Западомъ...»

Такимъ-образомъ видно, что каждое мѣстонахожденіе клада авторъ принимаетъ за указателя торговаго пути, по которому отправлялись торговыя сношенія, по которому ходили иноземные купцы.

«Если приходилось купцамъ (замѣчаетъ авторъ) защищать свое имущество отъ похищенія и грабежа, или надлежало имъ предпринять дальнее путешествіе, въ которое не могли взять съ собою всѣ свои деньги, то они обыкновенно зарывали ихъ въ землю — обычай, который существовалъ не только въ Россіи, но и во всѣхъ земляхъ и которому мы обязаны столь многими любопытными историческими памятниками» (41).

Мы думаемъ, однакожь, что зарытіе всѣхъ кладовъ или даже

значительной ихъ части нельзя относить къ однимъ только купцамъ, и притомъ иноземнымъ. Если всѣ эти монеты составляли на заселенномъ пространствѣ древней Россіи *древнѣйшія металлическія деньги*, которыя свободно обращались у жителей во всѣхъ ихъ торговыхъ сношеніяхъ, то едва-ли можно думать, что упомянутые клады зарыты единственно иноземными купцами на путяхъ, по которымъ они производили торговлю съ туземцами. Развѣ эти туземцы, то-есть обитатели страны, не могли быть также купцами, не могли сберегать капиталы, которые и ввѣряли землѣ, какъ теперь ввѣряютъ ихъ Сохранной Казнѣ, потому-что въ то отдаленное время, среди безпорядковъ неустроеннаго общества, гдѣ личный произволъ условливалъ всѣ гражданскія отношенія, одно только и было вѣрное средство сохранить свое достояніе, предавъ его землѣ? Поэтому клады указываютъ только, что страна была населена, что туземцы были въ частыхъ сношеніяхъ съ тою или другою страною Запада или Востока, откуда и приходили къ нимъ монеты. Мѣстами такихъ сношеній, безъсомнѣнія, были крайніе, пограничные торговые пункты, потому-что путешествовать во внутреннія области вообще было небезопасно, и едва-ли иноземные купцы отваживались на такія путешествія. Туземцы же свободно привозили домой цѣлые мѣшки съ этими монетами, которые, для бóльшей сохранности, и ввѣрялись землѣ. Самъ авторъ, въ одномъ мѣстѣ, видя совершенную невозможность поддерживать указанное выше положеніе о торговыхъ путяхъ, дѣлаетъ, въ-отношеніи арабскихъ денегъ, нѣкоторую уступку:

«Часто находятъ (говоритъ онъ) арабскія монеты въ сѣверныхъ провинціяхъ Россіи, въ остзейскихъ губерніяхъ, въ Скандинавіи и пр. и *оттуда заключаютъ, что Арабы сами посѣщали эти отдаленныя страны и занесли ихъ такъ далеко. Изрѣдка, можетъ статься, могли арабскіе купцы предпринимать эти дальнія путешествія;* но что часто или даже обыкновенно это бывало, мы могли бы оспорить. Большею частію находятъ эти монеты вмѣстѣ съ нѣмецкими и англійскими. Конечно, арабскіе купцы, путешествуя по Россіи, могли получить послѣднія монеты, находившіяся тогда въ обращеніи. Но странно, что при такихъ смѣшанныхъ находкахъ арабскія монеты всегда древнѣйшія; между тѣмъ нельзя допустить, чтобы Арабы, выѣзжавшіе изъ отечества въ Россію, именно брали съ собою скорѣе старое золото, чѣмъ новое. Итакъ *вѣроятнѣе*, что эти смѣшанныя находки были нѣкогда собственностью *Русскихъ* или другихъ европейскихъ купцовъ, которые имѣли случай пріобрѣсть арабскія монеты проѣздомъ чрезъ Россію. Даже отрываемые часто у Балтійскаго Моря клады арабскихъ монетъ могли быть зарыты русскими или другими купцами; хотя бы о *значительныхъ кладахъ можно скорѣе думать, что они принадлежали Арабамъ*(?!) Вообще арабскіе диргемы находятъ въ такомъ множествѣ на сѣверѣ, что можно думать, что здѣсь они нѣкогда составляли государственную (!) монету, къ которой они подходили въ цѣнности такъ, что среднимъ числомъ равнялись двумъ пфенигамъ» (36).

Ниже авторъ присовокупляетъ еще:

«Русскіе, которые тогда еще не выбивали денегъ, а нуждались въ нихъ для своихъ оборотовъ, болѣе любили большія арабскія монеты, чѣмъ маленькія, часто разломанныя нѣмецкія и англійскія и *вымѣнивали первыя въ достаточномъ количествѣ, чтобъ помочь недостатку въ деньгахъ въ своей землѣ.* Всѣ арабскія монеты, вырытыя на скандинавской почвѣ, пришли туда изъ Россіи и можетъ быть были добычею Варяговъ, которые съ награбленными въ Россіи сокровищами возвращались въ отечество» (37).

Послѣ всего этого едва-ли возможно по находимымъ кладамъ открывать и указывать торговые пути съ проѣзжавшими по нимъ иноземными купцами, которые зарывали по мѣстамъ свои богатства; не-уже-ли тѣ туземцы не принимали участія въ торговлѣ, не скопляли у себя монетъ и точно также не зарывали ихъ въ землю, какъ вѣрную хранительницу всякихъ богатствъ въ то время? Выше мы видѣли, что авторъ самъ очень-близокъ къ нашему заключенію.

Перечень Засѣданій Общества составляетъ вторую половину разсматриваемаго нами тома «Записокъ» и содержитъ въ себѣ протоколы засѣданій съ приложеніями, которыя представляютъ много любопытныхъ замѣтокъ, записокъ и описаній различныхъ памятниковъ древности.

Въ первомъ выпускѣ V тома напечатана статья г. Забѣлина «О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII столѣтія», писанная на первую задачу Общества для соисканія преміи и представляющая весьма-много любопытнаго, такъ-что, по отзыву Общества, она «обнимаетъ всѣ предметы, обозначенные «въ программѣ, раскрываетъ изъ русской археологіи очень много «го такихъ предметовъ, которые доселѣ не были объяснены и «вообще есть первое (доселѣ) по этому предмету сочиненіе въ «русской археологической литературѣ». Мы посвятимъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ особую статью этому новому произведенію И. Е. Забѣлина.

Другія статьи, незначительныя по объему, но также любопытныя, принадлежатъ г. *Березину*: «Клинообразныя надписи второй системы», *кн. Сибирскому:* «Статиръ Перисада II, царя Воспора Киммерійскаго» и *Г. Попову:* «Дипломатическая тайнопись времени царя Алексѣя Михаиловича». Изъ этой послѣдней статьи открывается, что дипломатическая тайнопись явилась у насъ и постоянно была отправляема только въ сношеніяхъ съ Польшею. Въ 1673 г. назначенъ былъ въ первый разъ ко двору польскому постоянный резидентъ — стольникъ и полковникъ Тяпкинъ, который по особому наставленію и доносилъ боярину А. С. Матвѣеву по почтѣ почти-еженедѣльно о всемъ, что̀ видѣлъ и слышалъ при дворѣ польскаго короля Яна Собѣсскаго. Письма писалъ онъ особою тайнописью вполнѣ или только строками. Ключъ этой тайнописи, а равно и той, которую употреблялъ прежде Ордынъ-Нащокинъ, приложенъ къ статьѣ г. Попова, вмѣстѣ съ образцами писемъ.

Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. *Томъ II. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній. 1853. Въ 8-ю д. л. 491 стр.*

Во второмъ томѣ ученаго изданія, предпринятаго членами Пекинской Духовной Миссіи Россійской, помѣщено *шесть* статей, важныхъ и любопытныхъ не меньше тѣхъ, которыя нашли мы въ первомъ томѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ пополненіемъ или поясненіемъ напечатанныхъ прежде. Это будетъ видно при означеніи каждой въ томъ порядкѣ, какъ онѣ помѣщены во второмъ томѣ.

I) *Поземельная собственность въ Китаѣ. (И. Захарова).*— При составленіи этой статьи, авторъ пользовался тѣми же источниками, по которымъ было составлено прежде-напечатанное «Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая». Здѣсь онъ исторически излагаетъ разныя перемѣны, происходившія въ Китаѣ при распредѣленіи земель въ казенную и частную собственность. Главнѣйшія перемѣны были слѣдствіемъ перехода верховной власти отъ одной династіи къ другой; но ужь давно владѣніе и пользованіе землею остаются въ страдательномъ положеніи, какъ объясняютъ это слѣдующія слова автора:

«Всѣ опыты и всякія предпріятія, совершившіеся на сихъ началахъ (имѣвшихъ въ основаніи своемъ умственное и гражданское образованіе китайскаго народа), достигли уже крайняго предѣла, за который переступать не позволяютъ тѣсный взглядъ на предметы, недостаточность образованія и скудный источникъ познаній, отчужденіе и совершенное незнаніе всего, что̀ происходитъ внѣ предѣловъ этого государства. По симъ причинамъ, много протекло столѣтій и не явилось ни одного государственнаго дѣятеля, который бы далъ новое движеніе развитію жизни и трудолюбія народа.—«Долговременное спокойствіе, говорятъ сами Китайцы, и чрезъ многіе вѣка ставшее обыкновеннымъ теченіемъ дѣлъ, поддерживаетъ существующій порядокъ и все идетъ само собою безсознательно; но когда послѣдуетъ малѣйшее нарушеніе этого заведеннаго порядка, то все зданіе рушится.» И здѣсь начинается не постройка вновь на мѣстѣ развалинъ, но починка стараго старыми матеріалами и по старому плану. Для созданія чего нибудь новаго, у Китая нѣтъ ни потребности, ни искусныхъ строителей. Такъ вышедшій изъ лѣсовъ Маньчжуріи народъ покорилъ своей власти пришедшую въ разстройство Китайскую имперію; но, въ своемъ отечествѣ будучи мало знакомъ даже съ земледѣліемъ, тѣмъ менѣе съ высшими государственными вопросами, по приходѣ своемъ въ покоренную страну, началъ изучать только то, что̀ она узнала послѣ вѣковыхъ тяжкихъ опытовъ. Естественно, отъ такого народа нельзя ожидать какихъ нибудь важныхъ перемѣнъ въ частяхъ государственнаго управленія... Настоящая (нынѣшняя) *Цинская* династія во всѣхъ учрежденіяхъ не только руководствуется прежними примѣрами, но даже приняла всѣ эти учрежденія въ неизмѣнномъ объемѣ, со всѣми малѣйшими подробностями и отчасти со всѣми недостатками ихъ (стр. 60—61). — Раздѣленіе земель на казенныя и частныя и назначеніе ихъ остались прежнія.

Частная поземельная собственность оставлена неприкосновенною, исключая неизбѣжныхъ, при случившихся политическихъ переворотахъ, потерь частныхъ лицъ. Право владѣнія не ограниченнымъ количествомъ, продажи, покупки, закладыванія земель — все на прежнихъ основаніяхъ предоставлено произволу каждаго» (62).

II) *Историческій очеркъ древняго Буддизма. (Іеродіакона, нынѣ архимандрита, Палладія).* — Въ самомъ началѣ этой статьи авторъ оцѣняетъ свой трудъ и даетъ о немъ понятіе, говоря:

«Послѣ очерка жизни Будды намъ слѣдовало бы изложить начала его ученія, образовавшія особую школу философіи въ Индіи; но такъ какъ между послѣдователями Будды вскорѣ возникли разногласія касательно многихъ пунктовъ его ученія и увеличивались съ теченіемъ времени, и такъ какъ эти разногласія, породившія въ Буддизмѣ нѣсколько школъ, шли на ряду съ постепеннымъ усиленіемъ и распространеніемъ Буддизма въ Индіи, то намъ казалось лучше сначала представить въ порядкѣ уцѣлѣвшія до сихъ поръ Буддійскія преданія о судьбѣ Буддизма въ первые вѣка по смерти Будды; а оригинальное ученіе Будды отнести къ статьѣ объ ученіи Буддизма вообще. Историческія сказанія Буддистовъ, которыя мы хотимъ представить здѣсь, *отрывочны* и *неполны*, поэтому еще не могутъ составить полной исторіи Буддизма; однакоже съ помощію ихъ можно слѣдить за общимъ развитіемъ и распространеніемъ его въ теченіе четырехъ или пяти вѣковъ, до тѣхъ поръ, когда въ Буддизмѣ явилась такъ называемая Махаяна. Лѣтъ за сто до Р. Х. буддистъ Нагарчжуна основалъ школу, извѣстную подъ названіемъ Мадьямика, а черезъ сто лѣтъ послѣ него Арьясинга другую школу — Іогачару. Послѣдователи этихъ двухъ школъ, отвергнувъ начала существовавшихъ до того времени Буддійскихъ школъ, назвали ихъ общимъ наименованіемъ Хинаяны (малой телеги), а ученіе двухъ новыхъ школъ Махаяной (большой телегой). Махаяна скоро усилилась насчетъ Хинаяны, и со временъ Р. Х. направленіе ея сдѣлалось господствующимъ въ Буддизмѣ заиндійскихъ странъ. Что касается до Хинаяны, лишившись прежняго вліянія и силы, она сохранила однакоже самостоятельность своего ученія въ богатой литературѣ, которая до сихъ поръ составляетъ почти половину всей Буддійской Литературы, но въ настоящее время остается у буддистовъ въ пренебреженіи, какъ мертвое ученіе. Нѣтъ нужды говорить въ пользу древности и исторической важности Хинаяны. Исторія ея есть исторія древняго Буддизма, а не поздней школы: ей исключительно принадлежатъ историческіе документы, послужившіе основаніемъ для настоящей статьи» (стр. 99).

Когда будетъ напечатана упоминаемая авторомъ третья статья, о началахъ или основаніяхъ ученія Будды, тогда можно будетъ судить, до какой степени всѣ эти изслѣдованія поясняютъ предметъ, еще невполнѣ-изученный первостепенными европейскими учеными. До-сихъ-поръ мы видимъ только мѣстныя, туземныя, и потому одностороннія преданія, обремененныя баснословными и ненужными подробностями.

III) *О китайскихъ систахъ. (І. Гошкевича).* — Статья практическая, особенно-любопытная для насъ, Русскихъ, употребляющихъ

счеты, очень-похожіе на китайскіе и, вѣроятно, у Китайцевъ заимствованные, только упрощенные и примѣненные къ общеупотребительному счисленію. Чтобъ видѣть въ чемъ различаются наши счеты отъ китайскихъ, довольно прочесть слѣдующее объясненіе г. Гошкевича:

«Китайскіе счеты состоятъ изъ продолговатой рамки, раздѣленной вдоль перегородкою на два неравныя отдѣленія, изъ коихъ въ большемъ на поперечныхъ спицахъ нанизано по пяти, а въ меньшемъ по два шарика. Каждая спица съ нанизанными на ней семью шариками составляетъ одинъ рядъ. Въ каждомъ ряду шарикъ меньшаго отдѣленія, равняется пяти соотвѣтствующимъ ему шарикамъ большаго отдѣленія; а каждый рядъ имѣетъ значеніе больше или меньше слѣдующаго въ десять разъ, какъ и въ русскихъ счетахъ. Число спицъ въ китайскихъ счетахъ, такъ же, какъ и у насъ, бываетъ не одинаково и опредѣляется огромностію предполагаемыхъ на нихъ выкладокъ. Такимъ образомъ китайскіе счеты отличаются отъ русскихъ только своимъ подраздѣленіемъ на пятки. Располагаясь дѣлать выкладки на счетахъ, Китаецъ кладетъ ихъ передъ собою поперегъ, оборотивъ къ себѣ большое отдѣленіе и отодвинувъ шарики того и другаго отдѣленія къ краямъ рамки, и потомъ, по мѣрѣ надобности, или сдвигаетъ ихъ на средину къ перегородкѣ, раздѣляющей рамку, или отодвигаетъ назадъ: въ первомъ случаѣ будетъ значить *положить на счеты*, а во второмъ *сбросить со счетовъ*. Такимъ образомъ, чтобы положить 1, 2, 3 и 4, онъ подвигаетъ соотвѣтственное число шариковъ большаго отдѣленія *отъ себя*; для означенія 5-ти одинъ шарикъ меньшаго отдѣленія *къ себѣ;* а такъ какъ 6, 7, 8 и 9 состоятъ изъ 5 съ 1, 2, 3 и 4, то къ шарику меньшаго отдѣленія придвигается соотвѣтствующее число шариковъ большаго. Десятки изображаются на слѣдующей спицѣ къ лѣвой рукѣ, за ними сотни, и такъ далѣе. И такъ для обыкновеннаго счисленія достаточно въ большемъ отдѣленіи четырехъ шариковъ, а въ меньшемъ одного. И потому крайніе шарики въ обоихъ отдѣленіяхъ можно бы назвать лишними, какъ и въ русскихъ счетахъ каждый десятый шарикъ — лишній: но китайскій способъ дѣленія на счетахъ представляетъ случаи, гдѣ эти шарики необходимы. Замѣчательно, что Китайцы, пишущіе свои цифры, какъ и прочіе письменные знаки, сверху внизъ, кладутъ передъ собою счеты поперегъ и выражаютъ на нихъ числа отъ лѣвой руки къ правой, тогда какъ Русскій, выражающій свои числа на бумагѣ отъ лѣвой руки къ правой, на счетахъ кладетъ ихъ сверху внизъ.—Человѣку, привыкшему къ употребленію русскихъ счетовъ, съ перваго взгляда покажется, что китайскіе счеты, своимъ подраздѣленіемъ на пятки, дѣлаются гораздо сложнѣе и потому напрасно только запутываютъ счисленіе. Но, при первомъ урокѣ, вся эта видимая запутанность исчезаетъ и глазъ привыкаетъ видѣть не счетъ шариковъ, а символическое изображеніе числа, подобно изображенію на бумагѣ. Подраздѣленіе на пятки дало Китайцамъ возможность достигать той же цѣли съ меньшимъ количествомъ шариковъ и производить на своихъ счетахъ всѣ ариѳметическія дѣйствія Наконецъ поперечное положеніе китайскихъ счетовъ, частію зависящее отъ того же подраздѣленія, много помогаетъ быстротѣ счисленія: а это и есть главная задача при употребленіи счетовъ. Искусные китайскіе счетчики дѣйствуютъ на счетахъ четырьмя пальцами правой руки, какъ на музы-

кальномъ инструментѣ, и безъ преувеличенія можно сказать—берутъ цѣлые аккорды чиселъ» (стр. 171).

Въ скорости счисленія на русскихъ счетахъ могутъ поспорить съ Китайцами наши счетчики въ русскихъ конторахъ; но это относится только къ сложенію и вычитанію: умноженіе же и дѣленіе на русскихъ счетахъ затруднительны, и едва-ли можетъ быть усовершенствовано производство ихъ на нашей считальной машинкѣ. Китайцы перещеголяли насъ своимъ изобрѣтеніемъ.

IV) *Обѣты Буддистовъ и обрядъ возложенія ихъ у Китайцевъ.* (*Іеромонаха, нынѣ архимандрита, О. Гурія*). — Это обширное изслѣдованіе, занимающее десять печатныхъ листовъ, съ величайшею подробностью излагаетъ обѣты Китайцевъ-буддистовъ. Авторъ старался объяснить также значеніе каждаго обѣта, приложилъ формулы многихъ изъ нихъ, и вообще представилъ любопытную картину этихъ оригинальныхъ обрядовъ. Матеріалы для своего труда авторъ заимствовалъ изъ уважаемаго въ Китаѣ «Обрядника», и дополнилъ ихъ, какъ показываютъ его слова:

«Предъ изложеніемъ обѣтовъ отшельниковъ, я помѣстилъ нѣчто о мірянахъ, ихъ обѣтахъ, и объ отшельникахъ буддійскихъ. Эта прибавка мнѣ показалась не лишнею для поясненія многихъ рѣзкихъ похвалъ буддійскимъ отшельникамъ, и вообще для полноты взгляда на Буддизмъ. Она взята не изъ обрядника, а есть плодъ личныхъ наблюденій и разговоровъ съ Хэшанами; впрочемъ, судя по тѣмъ обстоятельствамъ, кои мнѣ удалось повѣрить съ книгами, думаю, что она такъ же вѣрна, какъ и всякое печатное китайское извѣстіе. — Наконецъ, можетъ быть, въ изложеніи моемъ читателю представится что нибудь такое, что не такъ понятно или названо, какъ это понимали и называли въ какихъ-нибудь ученыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ (разумѣю, собственно, лучшія европейскія пособія къ изученію китайскаго Буддизма, каковы: Journal asiatique, Mélanges asiatiques и Relation des royaumes bouddhiques): — этому двѣ причины: первая та, что я изучалъ предметъ не по книгамъ только, и свѣдѣнія мои собиралъ и повѣрялъ на мѣстѣ; вторая та, что руководитель мой, какъ Китаецъ довольно образованный, безспорно понималъ свой языкъ, и какъ Буддистъ, и Буддистъ первостатейный, не могъ не знать своего ученія, по крайней мѣрѣ столько, сколько это нужно для поясненія обряда. Въ силу такихъ причинъ, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ труду, уму и добросовѣстности другихъ, я понималъ и называлъ предметъ такъ, какъ мнѣ казалось вѣрнѣе. Не мудрено, что изъ насъ кто нибудь и ошибся: errare humanum est. Время и ближайшее знакомство съ предметомъ покажутъ это» (стр. 200).

Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Во всякомъ случаѣ, полезно для науки видѣть, какъ буддисты-*Китайцы* понимаютъ обряды своей религіи.

V) *Китайская Медицина.* (*Докт. Медиц. А. Татаринова*). — Этотъ любопытный предметъ превосходно изложенъ г-мъ Татариновымъ, который вообще смотритъ на свое дѣло глазами истиннаго знатока. Изложивъ содержаніе многихъ китайскихъ

сочиненій, разглагольствующихъ о медицинѣ вообще и о различныхъ болѣзняхъ въ-особенности, авторъ говоритъ:

«Кромѣ показанныхъ медицинскихъ сочиненій, можно было бы выставить еще нѣсколько имъ подобныхъ, находящихся въ большемъ или меньшемъ употребленіи между китайскими врачами; но число въ этомъ случаѣ мало бы отвѣчало за качество и не пояснило бы лучше и болѣе главныхъ основаній китайской медицины. Прежде я замѣтилъ уже, что старыя и новыя книги въ Китаѣ (медицинскія, долженъ я прибавить) мало различаются между собою, какъ въ отношеніи полноты объясненія излагаемаго предмета, такъ и въ отношеніи различія понятій объ этомъ предметѣ. Въ Китаѣ какъ будто всему опредѣлено вѣчно существовать въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ! Что же касается до критическаго взгляда на предметъ, до повѣрки оставшихся отъ древности понятій, до замѣны ихъ новыми, то ни одинъ еще изъ сочинителей позднѣйшаго времени не доходилъ до такого намѣренія, почитая его посягательствомъ на уважаемую древность, или, вѣрнѣе, излишнимъ послѣ тѣхъ медицинскихъ познаній, какія онъ почерпнулъ изъ переданнаго ему отцемъ, дѣдомъ, руководства медицины. И для насъ, поэтому, исчезаетъ какъ разность между древними и новыми медицинскими книгами, такъ необходимость знать содержаніе многихъ изъ нихъ, особенно послѣдняго рода, тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ выше, что основныя положенія медицины остаются всюду одни и тѣ же, безъ всякаго измѣненія, будетъ ли книга принадлежать древнему и новѣйшему времени, содержать въ себѣ отдѣльную какую нибудь часть медицины, или составлять полный курсъ ея» (стр. 385).

Въ другомъ мѣстѣ, характеризуя китайскую образованность вообще, авторъ замѣчаетъ:

«Полное образованіе Китайца состоитъ въ познаніи всего древняго, и онъ знаетъ только то, что знали его предки за двѣсти, за тысячу лѣтъ предъ тѣмъ. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, что китайская медицина не подалась ни на шагъ впередъ съ тѣхъ поръ, какъ правила, положенія ея были начертаны Императоромъ Хуанъ-ди. Китай доказываетъ собою противное принятому мнѣнію, что человѣческимъ знаніямъ суждено постепенное усовершенствованіе. Онъ, если нейдетъ назадъ въ своемъ нравственномъ и физическомъ образованіи, то остановился на той степени, до которой достигъ уже давно!» (стр. 361).

VI. *Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ* (*Іеродіакона О. Иларіона*). — Первоначальныя сношенія Срединнаго Государства съ Тибетомъ начались съ половины VII вѣка по Р. Х. Въ 641 году государь изъ таньской династіи вступилъ въ родство съ тибетскимъ владѣльцемъ, выдавъ за него царевну Вынь-Чень. Съ-тѣхъ-поръ религіозное покровительство, какое оказывали китайскіе государи тибетскимъ буддистамъ, стало пружиною ихъ политическихъ дѣйствій въ-отношеніи къ Тибету, и онъ находится въ постоянной отъ нихъ зависимости. Важнѣйшимъ событіемъ было появленіе въ Тибетѣ живаго Будды (какъ называютъ Далай-Ламу и другихъ высшихъ духовныхъ). Это служило поводомъ даже къ непріязненнымъ столкновеніямъ; но Китай-

цы изъ всего умѣли извлечь свои выгоды. Повѣствованіе обо всѣхъ этихъ событіяхъ доведено русскимъ авторомъ до нашего времени. Оно любопытно, какъ основанное на китайскихъ повѣствованіяхъ.

Вотъ краткое означеніе статей, напечатанныхъ во второмъ томѣ книги: «Труды Членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ». Эта книга содержитъ въ себѣ, хотя и неочищенные критикою, но драгоцѣнные матеріалы для исторіи дальняго Востока; а въ статьяхъ практическихъ, гдѣ главное достоинство составляетъ благоразумный и вѣрный отчетъ въ личныхъ наблюденіяхъ изслѣдователей, она можетъ быть названа единственнымъ ученымъ пособіемъ для познанія Китая. На такомъ основаніи можно пожелать, чтобъ изданіе это продолжалось и составило бы своего рода *Вивліоѳику* Срединнаго Царства.

Руководство къ Зоологіи, *составленное, по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія, для Гимназій,* Юліаномъ Симашко. *Выпускъ второй. Санктпетербургъ. 1853. Въ 8-ю д. л. XVII—XXIV и 257—512 стр.*

Эта книжка составляетъ второй, но еще не послѣдній, выпускъ сочиненія г. Симашко. Въ ней заключается описаніе послѣднихъ трехъ классовъ животныхъ позвоночныхъ и всѣхъ безпозвоночныхъ. Послѣднія раздѣлены также, какъ и въ извѣстномъ сочиненіи Фохта, «Zoologische Brieffe», на шесть отдѣловъ: суставчатыхъ, головоногихъ, мягкотѣлыхъ, червей, лучистыхъ и простѣйшихъ. Вообще въ-отношеніи системы, вторая часть этого зоологическаго учебника совершенно сходится съ названною нами книгою Фохта; только подраздѣленія многихъ классовъ взяты отъ другихъ писателей.

Относительно современности и вѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, взгляда на науку и способа изложенія, вторая часть зоографіи нисколько не отличается отъ первой, о которой мы ужь говорили («Отеч. Зап. февраль 1853).

Поэтому, при разборѣ втораго выпуска, для избѣжанія повтореній, ограничимся немногими указаніями на тѣ части труда г. Симашко, которыя показались намъ по чему-нибудь особенно-замѣчательными.

Лучшую часть втораго выпуска составляетъ описаніе самаго обширнаго изъ всѣхъ отдѣловъ животнаго царства—отдѣла суставчатыхъ. Оно занимаетъ около одной трети всей книги и составлено превосходно; нравы и организація всѣхъ классовъ этого отдѣла обработаны съ рѣдкою въ краткихъ руководствахъ равномѣрностью и отчетливостью. Конечно, многіе спеціалисты-энтомологи будутъ недовольны г-мъ Симашко и упрекнутъ его въ неравномѣрности за то, что онъ въ классѣ насѣкомыхъ ввелъ старинные роды, которые въ настоящее время раздѣлены, почти

всѣ, на множество болѣе-мелкихъ родовыхъ группъ, такъ-что, каждый изъ нихъ (напримѣръ: пилильщики, Tentredo; хищники, Staphilinus; мошки, Phryganea и т. п.) составляетъ теперь цѣлое семейство, или даже нѣсколько семействъ. Но, по нашему мнѣнію, г. Симашко въ этомъ случаѣ совершенно правъ. Нынѣшніе энтомологическіе роды большею-частью такъ мелки, основаны на такихъ незначительныхъ особенностяхъ организаціи, что совершенно не соотвѣтствуютъ тому понятію рода, которое принимается въ другихъ частяхъ зоологіи, и потому авторъ имѣлъ полное право не принимать этихъ родовъ, а ввести вмѣсто ихъ другія группы, болѣе-обширныя и болѣе-подходящія подъ общій уровень всей науки.

Г. Симашко сообщаетъ въ этомъ выпускѣ нѣкоторые факты, до-сихъ-поръ совершенно-неизвѣстные въ наукѣ. Такъ, напримѣръ, мы здѣсь въ первый разъ узнаёмъ, что ледничники (Boreus hyemalis) встрѣчаются въ Петербургѣ, и что клеечницы (Cristatella mucedo) принадлежатъ петербургской фаунѣ.

Число рисунковъ въ этой части превосходитъ 600; они подобраны съ большимъ знаніемъ дѣла и исполнены, почти всѣ, прекрасно, а нѣкоторые, какъ напримѣръ, фиг. 617, 843 и 1128— превосходно. Жаль только, что при нѣкоторыхъ фигурахъ (какъ напримѣръ, фиг. 897), представляющихъ предметы въ увеличенномъ видѣ, не обозначено ни степени увеличенія, ни настоящаго размѣра изображенныхъ предметовъ. Впрочемъ, это недостатокъ, который легко можетъ быть исправленъ вмѣстѣ съ опечатками.

Вообще можно смѣло сказать, что двѣ вышедшія нынѣ части учебника составляютъ прекрасный зоографическій атласъ, который, по числу, по выбору и по исполненію рисунковъ, стоитъ гораздо-выше всѣхъ до-сихъ-поръ бывшихъ въ Россіи изданій этого рода.

Начальныя Основанія Ботаники, *или уроки, содержащіе въ себѣ анатомію, физіологію и классификацію растеній, выбранные изъ различныхъ французскихъ и нѣмецкихъ новѣйшихъ сочиненій* А. Божановымъ. *Съ 200 политипажными рисунками. Часть вторая. Москва. 1853. Въ тип. А. Семена. Въ 12-ю д. л. 306 стр.*

Въ первой части этого сочиненія описаны органы растеній и объяснены ихъ отправленія; во второй, теперь вышедшей, описывается каждое растеніе отдѣльно, съ обозначеніемъ его отличительныхъ свойствъ и употребленія въ общежитіи. Растенія расположены по методѣ Жюсье. Въ концѣ книги прибавлено краткое описаніе тѣхъ же растеній, расположенныхъ по системѣ Линнея. Въ заключеніе приложены правила травособиранія. Изданіе книги очень-хорошо.

ПЕРЕВОДЫ.

Карманная Специальная Физіологія Человѣка. *Руководство для лекцій и собственнаго изученія. Соч.* **Юл. Будге.** *Пер.* **И. Г.** *Съ 9-ю таблицами рисунковъ. Санктпетербургъ. 1853. XV и 261 стр.*

Авторъ, какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи, при составленіи своей книги имѣлъ цѣлью: «изложить, въ видѣ короткихъ «положеній, ясно, понятно и опредѣлительно, хорошо доказан«ныя истины науки — дать понятіе объ отдѣльныхъ частяхъ, «чтобъ положить основаніе знанію цѣлаго». Далѣе онъ прибавляетъ, что чрезвычайно-рѣдко вводилъ въ свой курсъ теоріи, такъ-какъ эта часть науки, въ настоящее время не представляетъ почти ничего совершенно-вѣрнаго. Такимъ-образомъ, основываясь на словахъ самого сочинителя, мы надѣялись найдти въ сочиненіи его, ни болѣе, ни менѣе, какъ краткое, афористическое изложеніе хорошо-доказанныхъ выводовъ и, преимущественно, фактовъ науки. Но разсмотрѣніе самой книги не оправдало нашихъ ожиданій. Конечно, бо́льшая часть ея изложена такъ, какъ обѣщалъ авторъ, однако во многихъ мѣстахъ онъ отступаетъ, безъ видимой причины, отъ основной идеи своего труда, вводитъ въ свое короткое руководство такіе элементы, которые совершенно ему чужды. Вотъ, для доказательства, нѣсколько примѣровъ такихъ отступленій.

Авторъ довольно-часто приводитъ противорѣчащіе одинъ другому факты, или различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же вопросѣ науки, и разбираетъ критически тѣ и другія, не доводя, однакожь, своей критики ни до какихъ результатовъ. Такъ онъ въ началѣ своей книги (стр. 1—4) разсуждаетъ о произвольномъ зарожденіи и, приведя нѣкоторыя доказательства за и противъ дѣйствительности явленій такого рода, переходитъ къ другимъ предметамъ; совершенно такъ же разбираетъ онъ и различныя мнѣнія о происхожденіи животной теплоты (стр. 110—113) и химическую теорію питанія (стр. 128—130). Нѣчего и говорить, что такія безрезультатныя разсужденія нисколько не соотвѣтствуютъ общему характеру книги. Еще менѣе въ ней умѣстны гадательныя предположенія, которыя часто приводитъ г. Будге, не подтверждая ихъ никакими фактами. Таковы, напримѣръ, предположенія, что «вода разлагается въ тѣлѣ (животныхъ) на свои элементы и уча«ствуетъ въ образованіи соединеній, и что процесы роста и пер«вопачальнаго образованія органовъ одинаковы». Много бы можно было еще привести примѣровъ, доказывающихъ, что книга г. Будге не представляетъ того единства плана, которое такъ необходимо во всякомъ руководствѣ; но мы предпочитаемъ разсмотрѣть подробнѣе самыя свѣдѣнія, ею сообщаемыя.

Профессоръ Будге извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими работами по разнымъ частямъ физіологіи. Понятно, что въ книгѣ, составленной такимъ писателемъ, не можетъ быть грубыхъ ошибокъ: ихъ и нѣтъ въ «Карманной спеціальной физіологіи»; однако въ ней часто попадаются весьма-важные недосмотры. Такъ, напримѣръ, на стр. 134 сказано: «прямаго перехода лимфатиче-«скихъ сосудовъ въ вены, кромѣ ductus thoracicus, въ человѣкѣ «и млекопитающихъ не найдено». Это совершенно-несправедливо; уже давно извѣстенъ, независимый отъ груднаго протока, переходъ пасочныхъ сосудовъ правой и верхней половины тѣла въ вены этой же стороны. На стр. 2 говорится, что «бо̀льшая-часть «инфузорій имѣетъ сложные довольно-развитые органы пищева-«ренія, движенія, чувствительности и другихъ отправленій». Это давно уже опровергнуто положительными наблюденіями. Иногда также авторъ судитъ неправильно о вѣрныхъ фактахъ; на стр. 133 — 134 въ подтвержденіе своего мнѣнія, что вены могутъ всасывать, онъ приводитъ извѣстный опытъ Мажанди; «Если жи-«вотному отрѣзать все бедро, оставивъ только чисто-отпрепари-«рованныя arteriam et venam cruralem, такъ, чтобъ они состав-«ляли единственную связь ноги съ тѣломъ, то отъ введенія яда «въ ножную рану произойдетъ быстрое отравленіе». Этотъ опытъ тогда только могъ бы служить подтвержденіемъ мнѣнія г. Будге, когда было бы доказано, что ни артеріи, ни волосные сосуды не обладаютъ способностью всасыванія. Но отвергать въ нихъ такую способность въ настоящее время нѣтъ никакой причины; слѣдовательно, умозаключенія автора ложны. Эта ошибка тѣмъ страннѣе, что самъ же онъ, чрезъ нѣсколько строчекъ (стр. 134, § 301), говоритъ: «всасываніе волосными сосудами не «подлежитъ никакому сомнѣнію».

Переводъ вообще можно назвать хорошимъ; собственно ошибокъ мы въ немъ нашли весьма-мало, да и то бо̀льшею-частью такія, которыя не искажаютъ смысла подлинника. Только въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, немногихъ мѣстахъ, мы замѣтили отступленія отъ подлинника, въ которыхъ переводчикъ, повидимому, хочетъ его исправить. Такія отступленія конечно показываютъ, что И. Г. знакомъ съ физіологіею, но тѣмъ не менѣе они вредятъ достоинству перевода, между-прочимъ уже и потому, что вообще неудачны. Въ доказательство приведемъ одно, и притомъ самое важное изъ замѣченныхъ нами отступленій. Въ подлинникѣ (§ 43) читаемъ: «Die Dotterkörnchen, welche den Inhalt des Eies ausmachen, verwandeln sich in Kugeln», то-есть: «желточныя крупинки, составляющія содержимое яйца, превра-«щаются въ фаллопіевой трубѣ въ шары»; а въ переводѣ это мѣсто передано такъ: «зернышки желтка, составляющія содер-«жимое яичка, отъ образованія въ немъ плевистыхъ клѣточекъ, «постепенно раздѣляющихся новыми перегородками, превращают-«ся въ шарики». Здѣсь ясно видно, что отступленіе умышленно — прибавимъ, что оно и неудачно. Описанный въ приведенныхъ

мѣстахъ процесъ пробораздыванія желтка (Dottersfurchung)—представленъ невѣрно и переводчикомъ и авторомъ.

Много страдаетъ переводъ г. И. Г. и отъ опечатокъ, которыя, напримѣръ, совершенно искажаютъ смыслъ бо́льшей-части § 76, на стр. 67.

Рисунки и въ нѣмецкомъ изданіи незавидны, а копіи ихъ, приложенныя къ русскому переводу, просто плохи.

Секреты для рисовальщиковъ, *живописцевъ и лакировщиковъ, или составленіе красокъ для произведенія новыхъ колеровъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Извлечено изъ бумагъ, оставшихся послѣ профессора рисованія и живописи* И. Дитриха. *Москва. 1853. Въ тип. Т. Т. Волкова и Комп. Въ 8-ю д. л. 38 стр.*

Компиляція, увѣряющая что она кой-какимъ переводомъ койкакого извлеченія научитъ дѣлать прозрачную бумагу, снимать на дерево, на бумагу и на стекло эстампы, гравированные на мѣди и стали, научитъ китайской живописи, живописи по шелку, приготовленію лаковъ для картинъ, приготовленію солей для растворенія металловъ, чтобъ писать золотомъ, серебромъ, мѣдью и пр., очищенію масляныхъ картинъ и превращенію берлинской лазури въ форму туши—и мало ли чему еще?

Капитанъ Симонъ. *Романъ изъ временъ Наполеона. Въ трехъ частяхъ. Соч.* Поля Феваля. *Переводъ съ французскаго* Ар. Маркова. *Москва. 1853. Въ тип. Ивана Смирнова. Въ 18-ю д. л. Въ І-й части 192, во ІІ-й—148, въ ІІІ-й—139 стр.*

Другой переводъ одного и того же романа—переводъ, не свободный отъ галлицизмовъ, въ родѣ слѣдующихъ: «сердце мое слишкомъ безсильно противъ», и отъ грубыхъ ошибокъ противъ роднаго языка, въ родѣ слѣдующихъ: «Луиза подумала, что она плохо разслыхала старика». Но видно, такъ судьбѣ угодно, чтобъ переводы романовъ, издаваемыхъ отдѣльными книжками, отличались малограмотностью.

Весенніе Цвѣты. *Собраніе повѣстей и сказокъ для дѣтей отъ шести до десяти лѣтъ. Соч.* Меллера, *автора Тетушкиныхъ Разсказовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 9-ю картинками. Москва. 1853. Въ тип. А. Семена. Въ 18-ю д. л. 288 стр.*

Довольно-хорошо переведенная и чисто-изданная книжка. Повѣсти и сказки, въ ней помѣщенныя, не лишены интереса. Есть, по-крайней-мѣрѣ, въ нихъ содержаніе, чего нѣтъ во множествѣ другихъ дѣтскихъ книгъ и книжонокъ. Въ повѣстяхъ: «Счастли-

вые Жуки», «Привязанность собаки», сочинитель олицетворяетъ природу, и такимъ образомъ сообщаетъ ей живой, одушевленный образъ, который нравится дѣтямъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Домашняя Аптека *или описаніе дѣйствія употребленія діететическихъ и вмѣстѣ, такъ-называемыхъ, домашнихъ лекарственныхъ средствъ, употребляемыхъ какъ по предписанію врача, такъ и безъ него, ручная книга составленная для городскихъ жителей и сельскихъ хозяевъ, штабъ-лекаремъ* Краснопольскимъ. *Изданіе второе, пересмотрѣнное. Санктпетербургъ. 1853. Въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній. Въ 8-ю д. л. 199 стр.*

Имя г. Краснопольскаго является ужь не въ первый разъ въ печати. Нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ издалъ прекрасное сочиненіе о послушиваніи и постукиваніи, чрезвычайно-полезное для распознаванія грудныхъ болѣзней; въ началѣ нынѣшняго года мы видѣли сочиненіе его объ онанизмѣ, а теперь является опять изданная имъ книжка подъ названіемъ «Домашняя Аптека».

Достоинство этого новаго сочиненія доказывается ужь тѣмъ, что первое изданіе его совершенно разошлось, что̀ и побудило автора приступить ко второму, и вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотрѣть, исправить и дополнить первое.

«Домашняя Аптека» состоитъ изъ пяти отдѣленій: въ первомъ описаніе средствъ діэтетическихъ, которыя вмѣстѣ составляютъ и лекарства, такъ-называемыя домашнія; во-второмъ описаны аптечныя лекарства, дозволенныя къ отпуску изъ аптекъ безъ предписанія врача; здѣсь же упомянуто и о лекарствахъ героическихъ (то-есть сильно-дѣйствующихъ и ядовитыхъ), которыя безъ предписанія врача не отпускаются; въ третьемъ говорится о діэтѣ больныхъ, а именно: а) о выборѣ пищи и б) приличнаго питья; въ четвертомъ объ употребительнѣйшихъ хирургическихъ пособіяхъ; сюда относятся: а) общее кровопусканіе, б) приставленіе піявокъ, в) приложеніе кровососныхъ банокъ; въ этомъ же отдѣленіи говорится подробно: а) о приготовленіи ваннъ, б) о приготовленіи припарокъ, в) промывательныхъ; въ пятомъ, изложены правила и предосторожности при леченіи болѣзней чаще встрѣчающихся, каковы: боль головная, зубная, глазная, кашель, поносъ, запоръ и пр.; предосторожности при подаваніи помощи въ случаяхъ болѣзней скоропостижныхъ, напримѣръ, въ ушибахъ, при паденіи съ высоты, при переломахъ костей и вывихахъ, ущемленій грыжи, укушеніи бѣшеными животными, отравленіи ядами, при обмираніи отъ стужи, угара, утопленія, удавленія и пр., и нако-

нецъ, правила и предосторожности при появленіи болѣзней повальныхъ и заразительныхъ.

Изъ этого видно, что только первое и второе отдѣленія составляютъ собственно «Домашнюю Аптеку»; отдѣленіе третье содержитъ въ себѣ діэтетику, отдѣленіе четвертое не что иное, какъ краткая хирургія, преподающаяся у насъ фельдшерамъ; а пятое отдѣленіе вмѣщаетъ въ себѣ краткую терапію или леченіе внутреннихъ, наиболѣе-встрѣчающихся болѣзней простыми средствами, леченіе болѣзней скоропостижныхъ и предосторожности при болѣзняхъ повальныхъ и заразительныхъ.

Послѣднія три отдѣленія, вѣроятно, авторъ прибавилъ для того, чтобъ книгу свою сдѣлать наиболѣе-полезною для лицъ, отдаленныхъ отъ городовъ, для помѣщиковъ, сельскихъ священниковъ, управляющихъ имѣніями, старостъ, прикащиковъ и т. п.

Петръ-Великій, *его полководцы и министры. 22 портрета. Съ присовокупленіемъ краткихъ о жизни ихъ описаній. Второе изданіе. Москва, 1853. Въ тип. Александра Семена. Въ 8-ю д. л. 83 стр.*

Такая же пустая компиляція, такіе же плохіе портреты и такое же безграмотное названіе, какъ при первомъ изданіи. Мы хотимъ читать *описаніе жизни* знаменитыхъ людей, а компиляторъ *описываетъ о жизни* ихъ. Можно ли о Русскихъ говорить не на русскій ладъ!

О весеннемъ, лѣтнемъ и осеннемъ леченіи болѣзней *травяными соками, молокомъ, сывороткою, морскими ваннами, ягодами и плодами. Доктора* Рудольфа Шметтау. *Второе изданіе. Москва, 1853. Въ тип. Александра Семена. Въ 18-ю д. л. 155 стр.*

Книжка не безполезная для больныхъ; жаль только, что выходитъ она несовсѣмъ-своевременно: самый значительный отдѣлъ ея — весеннее леченіе—останется теперь безъ употребленія, такъ-какъ весна ужь прошла, или, лучше сказать, такъ-какъ ея совсѣмъ не было. Въ этомъ, конечно, виноватъ не авторъ, но вѣдь и больные правы: имъ нужно лечиться, а господинъ авторъ запоздалъ своими услугами. Остается надежда на леченіе лѣтнее, но оно состоитъ изъ однѣхъ только морскихъ ваннъ: всякій ли имѣетъ способы пользоваться ими? Большая часть людей сидитъ у моря, а не въ морѣ, и ждетъ погоды, а не купанья. Какъ же быть имъ? обратиться къ третьему отдѣлу—осеннему леченью. Но тутъ новая бѣда: предписывается леченіе однимъ виноградомъ; а виноградъ, какъ извѣстно, на взглядъ очень-хорошъ, да зеленъ. Этотъ зеленый, то-есть дорогой виноградъ, нужно употреблять впродолженіе 4—6 недѣль, и притомъ въ изобильномъ количествѣ; сверхъ-того, по совѣту доктора, гораздо-лучше предпри-

нимать леченіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много виноградниковъ.. Нѣтъ, почтенный авторъ, ваше сочиненіе хоть и хорошо, да зелено, то-есть малодоступно. Надобно поискать другаго.

Мальчикъ съ пальчикъ, *или малъ золотникъ да дорогъ! Русская сказка въъ двухъ частяхъ* (*въ стихахъ*). *Сочиненіе* В. Ѳ. Потапова. *Изданіе третье. Москва. 1853. Въ тип. Н. Эрнста. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части — 52, во 2-й — 38 стр.*

Стихотворныя произведенія г. Потапова такъ ужь извѣстны нашей библіографіи, благодаря частымъ изданіямъ то этой, то другой его сказки, что мы рѣшительно не имѣемъ надобности повторять преждевысказанныя сужденія какъ о талантѣ автора, такъ и о достоинствѣ его поэтическихъ продуктовъ.

Краткая географія для дѣтей. *Пятнадцатое изданіе съ дополненіями. Москва. 1853. Въ тип. Степановой. Въ 12-ю д. л. 168 стр.*

Та самая географія, на заглавныхъ листахъ которой при прежнихъ изданіяхъ печаталось: «по руководству статскаго совѣтника Гейма»—та самая, которая, благодаря своей краткости и дешевизнѣ, достигла пятнадцати изданій и, быть-можетъ, достигнетъ тридцати; наконецъ та самая, которую можно и не знать, если хотите путешествовать.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Польза, которую г. Покровскій *и его* **Памятный Листокъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ** *приносятъ «Москвитянину».* — **Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ до 26-года,** *написанное братомъ его,* Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ («Москвитянинъ» № 10).

Кто не знаетъ или не слыхалъ о томъ, что «Москвитянинъ» больше всѣхъ другихъ русскихъ журналовъ сокрушается, глядя на искаженіе русскаго языка петербургскими журналами — тотъ ничего не знаетъ. Да, ничего не знаетъ; говоримъ это положительно. Горе вамъ, незнающіе заботъ «Москвитянина» о чистотѣ и правильности русскаго языка! Горе вамъ, несогласующіе имени существительнаго съ прилагательнымъ, считающіе дѣепричастіе за нарѣчіе! Вы смѣшиваете качество съ свойствомъ, мысль съ идеею; вы пишете: *меньше какъ* слѣдуетъ, тогда-какъ другіе пишутъ: болѣе *чѣмъ* слѣдовало... Горе вамъ «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для Чтенія», «Пантеонъ», «Санктпетербургскія Вѣдомости», «Сѣверная

Пчела»! Вы сочиняете, переводите, пишете неизвѣстно какимъ языкомъ, только не русскимъ.

На эту тэму давно говорилъ «Москвитянинъ» и не перестаетъ повторять до настоящаго времени свою старую пѣсню. Недавно еще редакторъ «Москвитянина» писалъ такое дружеское русское слово къ редактору «Сѣверной Пчелы»: «Не-уже-ли «Сѣверная «Пчела» думаетъ, что я меньше ея скорблю о разныхъ *языче-«скихъ эксцентричностяхъ*, попадающихся въ Москвитянинѣ... «Но Москвитянинъ стоялъ всегда грудью за чистое русское «слово, Москвитянинъ употреблялъ и употребляетъ всѣ зави-«сящія отъ него средства къ исправленію своего журнальнаго «языка, Москвитянинъ съ удовольствіемъ и радостью печаталъ «и печатаетъ всѣ основательные протесты почтенныхъ ревните-«лей русскаго слова»... («Москвитянинъ» 1853. № 6).

Мало этого. Видимо для искорененія остававшихся *языческихъ эксцентричностей* въ «Москвитянинѣ», открытъ съ прошлаго года въ этомъ же журналѣ курсъ прикладной русской грамматики, основанной на всевозможныхъ неправильностяхъ языка петербургскихъ журналовъ. Преподаваніе этого курса поручено г. Покровскому, «опытному знатоку русскаго языка» въ Новѣгородѣ. «Москвитянинъ» выражается о г. Покровскомъ не иначе, какъ слѣдующими словами: «Г. Покровскій, опытный знатокъ русскаго «языка, котораго Памятный Листокъ печатается въ Москви-«тянинѣ». Итакъ преподаваніе «языческихъ эксцентричностей» ввѣрено г. Покровскому. Онъ исполняетъ свое дѣло ревностно, и нѣтъ сомнѣнія, что редакторъ и сотрудники «Москвитянина», *пользуясь хозяйскимъ правомъ* (слова редактора «Москвитянина») играютъ не послѣднюю роль на этихъ курсахъ. Видимо, они отлично воспользовались наставленіями г. Покровскаго, потому-что этотъ знатокъ русскаго языка не замѣтилъ въ-теченіе цѣлаго года ни одной грамматической ошибки, или, по выраженію редактора «Москвитянина», ни одной языческой эксцентричности, въ этомъ журналѣ. Убѣжденные въ своей грамматической непогрѣшительности, они, сотрудники, напечатали въ «Москвитянинѣ» вотъ что́: «Ненаходя никакихъ замѣтокъ, относящихся къ стать-«ямъ Москвитянина, редакція проситъ почтеннаго автора (?) не «исключать *его* изъ круга *его* обозрѣній: иначе *его* статьи могутъ «инымъ казаться пристрастными и дать поводъ къ предположені-«ямъ *другой цѣли, кромѣ желанія* принести пользу русскому язы-«ку»... Редакція, помѣщая такое объявленіе, какъ-будто знала напередъ, что г. Покровскій не найдетъ ни одной ошибки въ «Москвитянинѣ» — и не обманулась: г. Покровскій не нашелъ въ немъ ни одной ошибки. По-крайней-мѣрѣ, вотъ ужь цѣлый годъ печатаетъ онъ свой «Памятный Листокъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ» и не говоритъ ни слова о «Москвитянинѣ!» Можно было бы подумать, что «Москвитянинъ» издается не на русскомъ языкѣ, еслибъ другое предположеніе не казалось намъ болѣе-правдоподобнымъ, то-есть, что «Москвитянинъ» не дѣлаетъ ошибокъ про-

тивъ русскаго языка, и потому не включенъ въ «Памятный Листокъ Ошибокъ».

Но не столько удивляло насъ отсутствіе грамматическихъ ошибокъ въ «Москвитянинѣ», сколько совершенное равнодушіе петербургскихъ журналовъ и газетъ, ученыхъ и бельлетристовъ, къ тѣмъ грамматическимъ ошибкамъ, которыя они безпрестанно дѣлали и дѣлаютъ. Извѣстно, что журналисты и всѣ писатели вообще — народъ самый раздражительный и самолюбивый: сдѣлайте имъ одно замѣчаніе, они вамъ отвѣтятъ десятью; усомнитесь въ правильности хоть одного ихъ выраженія — они отвѣтятъ вамъ, что въ вашихъ собственныхъ произведеніяхъ видно рѣшительное незнаніе грамматики. На замѣчанія же г. Покровскаго и другихъ сотрудниковъ «Москвитянина» всѣ эти господа отвѣчали однимъ какимъ-то непонятнымъ съ перваго взгляда равнодушіемъ. Рѣдко-рѣдко какой-нибудь журналъ или газета скажетъ слова два, да и замолчитъ, какъ-бы не желая продолжать ни для кого, даже для самихъ журналовъ, неинтересную полемику. Г. Покровскій, напримѣръ, говоритъ «Отечественнымъ Запискамъ»: вы пишете: *менье, какъ*, а слѣдуетъ писать: *менье, чьмъ* («Москв.» 1853. № 3); вы пишете: *отмьренное* время, а слѣдуетъ писать: *опредьленное* время; вы употребляете слово *переконфуженный* («Москв.» № 6), когда у насъ есть свое *смущенный*; вы допускаете въ изящную литературу слово *карьера*, тогда-какъ у насъ есть свое прекрасное слово *поприще*; вамъ все-равно, что *горячій*, что *яркій*. Стыдитесь! «Кто бы могъ по-«думать, что послѣ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и другихъ, «станутъ (?) въ нашемъ языкѣ употреблять слова безъ разбора «одно вмѣсто другаго, хотя бы не было между ними никакого «сродства?» (Тамъ же № 6). — А «Отечественныя Записки» молчатъ и дѣлаютъ видъ, будто для нихъ все-равно *менье, какъ* и *менье, чьмъ*; будто онѣ и не говорили *отмьренное время*, а сказали *опредьленное* время; будто для нихъ *переконфуженный* и *смущенный*, *карьера* и *поприще*, *горячій* и *яркій* — все-равно... Такое равнодушіе къ замѣчаніямъ г. Покровскаго неизвинительно, смѣемъ сами же мы признаться въ своемъ равнодушіи. Но не однѣ «Отечественныя Записки» отличаются такимъ характеромъ: въ «Памятномъ Листкѣ Ошибокъ» — «Санктпетербургскія Вѣдомости» растерзываютъ русскія слова: *соображенія, разсчеты, выкладки* и вмѣсто ихъ пишутъ: *комбинаціи*; тамъ «Пантеонъ» пишетъ «чистымъ русскимъ языкомъ, немного *сбивающимъ* на украинское нарѣчіе» («Москвитянинъ» № 6), тогда-какъ онъ долженъ былъ бы писать «чистымъ русскимъ языкомъ, немного *сбивающимся* «на украинское нарѣчіе». Тамъ, въ «Библіотекѣ для Чтенія» кто-то написалъ: «Я ожидалъ васъ найдти гораздо-хуже» и г. Покровскій говоритъ ему, что должно будто-бы написать: «я ожидалъ, что найду васъ въ гораздо-худшемъ положеніи»; тамъ, «Сѣверная Пчела» сбилась съ *пути* и попала на *дорогу*; тамъ, «Современникъ» пишетъ, что «все *кончается* благополучно»,

тогда-какъ надобно было бы сказать: «все кончится благополучно»... и т. д. и т. д.

Всѣ пишутъ неправильно, всѣ дѣлаютъ ошибки въ русскомъ языкѣ, которыя замѣчаетъ г. Покровскій, и никто не обращаетъ вниманія на то грамматическое *поприще*, открытое въ «Москвитянинѣ» г. Покровскому, на которомъ авторъ «Памятнаго Листка» составляетъ свою литературную *карьеру!* Отчего же такое равнодушіе къ уставамъ грамматики и правописанія, такъ усердно-опредѣляемымъ г-мъ Покровскимъ? Вотъ вопросъ, который задали мы сами себѣ невольно и стараемся рѣшить его какъ-нибудь. Мы знаемъ, что редакторы каждаго журнала, каждой газеты стараются, чтобъ на листкахъ ихъ изданій какъ-можно-меньше встрѣчалось грамматическихъ ошибокъ; даже всѣ хвастаются знаніемъ русскаго языка, потому-что съ удовольствіемъ указываютъ на чужіе промахи, и между-тѣмъ—о непростительное равнодушіе! — дѣлаютъ безпрестанно тѣ ошибки, въ которыхъ уличаетъ ихъ неутомимый г. Покровскій! Не видя исхода изъ такого положенія безпрестанныхъ журнальныхъ промаховъ и безпрестанныхъ грамматическихъ замѣтокъ г. Покровскаго, мы рѣшились учиться русскому языку у «Москвитянина», который, самъ такъ хорошо выучился всѣмъ тонкостямъ грамматики у г. Покровскаго, что не сдѣлалъ ни одной ошибки въ-теченіе цѣлаго года въ своихъ двадцати-четырехъ книжкахъ. Съ этою цѣлью обратились мы къ послѣднимъ его нумерамъ нынѣшняго года, предполагая, что русскій языкъ «Москвитянина» совершенствуется съ каждымъ нумеромъ, какъ Карамзинъ совершенствовалъ свою прозу съ каждымъ томомъ «Исторіи Государства Россійскаго». Мы открыли 10-й № нынѣшняго года и начали читать отдѣлъ «Иностранныхъ книгъ», составленный самою редакціею журнала. Читаемъ:

«*Исторія драматическаго искусства, Жюль Жанена.*

«Эта *книга*, — свидѣтельствуетъ преданный *ему (?) впрочемъ* Journal des Debats, — плодъ усерднаго труда истиннаго литератора, составлена *еще болѣе*, при помощи *недавнихъ изученій*, нежели *воспоминаній* и прежнихъ произведеній автора...»

Просимъ г. Покровскаго прислушать. Прежде нежели приступимъ къ разбору отдѣльныхъ періодовъ, предложеній, а потомъ, и частей рѣчи, мы, для наблюдательности г. Покровскаго, выпишемъ еще нѣсколько фразъ и въ заключеніе скажемъ, на сколькихъ страницахъ умѣстились всѣ выписанныя и подчеркнутыя нами ошибки. Считаемъ необходимымъ прибавить, что мы не будемъ нарочно вырывать изъ статьи отдѣльныхъ фразъ, а будемъ стараться передать читателю и теченіе мысли... Продолжаемъ. За предъидущею фразою непосредственно слѣдуютъ слова:

«Трудно повѣрить, какое множество страницъ написано *имъ* въ теченіе 25 лѣтъ, и изъ этого-то огромнаго запаса матеріяловъ *онъ* выбиралъ съ похвальною недовѣрчивостію къ самому себѣ. (*Точка!* чтожь *онъ* выбиралъ?)»

Затѣмъ редакція «Москвитянина» передаетъ введеніе втораго тома «Исторіи Драматическаго Искусства» :

«*Права и обязанности критика:* Человѣкъ, обладавшій всесильною прелестью ума и слога, часто говаривалъ, что «*занятіе словесными науками ведетъ ко всему, только съ условіемъ, что бы не оставаться литераторомъ»!* (какой смыслъ?) Со всѣмъ моимъ уваженіемъ къ *его* необыкновеннымъ дарованіямъ, замѣчу, что теперь *онъ* долженъ былъ бы нѣсколько измѣнить свое сужденіе: между столькими шаткими, невѣрными *вещами* нашего вѣка, *одно могущество* (!) стоитъ еще твердо — страсть къ литературѣ и постоянное занятіе искусствами, которымъ Цицеронъ произнесъ такую великолѣпную похвалу, за часъ до той минуты, когда этотъ великій человѣкъ протянулъ палачу свою краснорѣчивую голову! *(предлагаемъ премію тому, кто пойметъ этотъ періодъ).* Да! *эти изящныя искусства*, столько разъ оклеветанныя, ведутъ ко всему прекрасному, истинному, благородному, *уважаемому*,— ко всему, что зовется надеждою, совѣтомъ, утѣшеніемъ. Тотъ, кто остался вѣрнымъ *ихъ* священной тѣни (ихъ: то-есть этихъ изящныхъ искусствъ, или: всего прекраснаго, благороднаго, истиннаго, уважаемаго; или: надежды, совѣта, утѣшенія?), — нашелъ самое надежное убѣжище отъ внезапныхъ переворотовъ... Минутная власть, минутное счастіе, *это такъ ничтожно!* И *потомъ* (!) когда *вздумаешь бросить* на прошедшее взглядъ грустный, *но* твердый и проницательный, не лучше ли *видѣть* разбросаннымъ у ногъ *своихъ* тысячу листковъ, исписанныхъ *своею* рукою, нежели жалкіе *обломки* обманутаго честолюбія, сокрушенныхъ надеждъ *(обломки!)*. Къ чему же служатъ эти обломки пошлаго честолюбія, *какъ развѣ только* къ умноженію нашихъ сожалѣній и нашихъ *угрызеній! (наши угрызенія!)* Напротивъ того, печатные *отрывки*(?) нашихъ журналовъ, нашихъ книгъ, нашихъ поэмъ,—этотъ *пепелъ* (отрывки?) еще не остывшій отъ огня, который въ немъ *(въ пеплѣ или въ огнѣ?)* заключался, можетъ, при ревностномъ *исканіи*(?), возвратитъ намъ *часть* прошлой жизни и *страсти (часть страсти?)*!... Но трудная *работа возвращаться* въ этотъ геркуланумъ нашихъ первыхъ занятій!.. Какъ въ грудѣ *вещей, писанныхъ* въ теченіе четверти вѣка, найти путеводную нить? какъ связать *эту* мысль съ *тою* мыслію, и *эту* страсть—съ *тою* страстію? Не все ли это равно, что отъискивать въ катакомбахъ *кости, принадлежавшія одному трупу, — прахъ, смѣшанный съ тысячью другими? (что это такое?* кости принадлежали одному трупу, а прахъ смѣшанъ съ тысячью другими... неужто: *прахами?)*

«*По этому* (поэтому), долго я колебался, долго отстранялъ отъ себя эти изысканія *въ неизвѣстномъ*. При томъ же, такъ грустно дѣлать *эту жатву* въ увядшихъ садахъ, подбирать колосья(,) упавшіе на безплодной нивѣ, возвращаться къ своей молодости, и тамъ и сямъ поднимать и класть въ корзину, почти пустую, *блѣдные цвѣты* улетѣвшей весны!... Какъ! этотъ атомъ *(блѣдные цвѣты?)*, — это былъ *мой самый лучшій умъ?* Какъ! это слабое эхо, — столь слабое, что ухо мое съ трудомъ его различаетъ, — *это все, что̀* осталось отъ прежняго, столь громкаго *говора!* Это *ничтожество*, это мой *самый живой* гнѣвъ! эта тѣнь — это мой свѣтъ!

«Каждое утро, пробуждаясь, многолюдные европейскіе города прислушиваются къ шумному голосу, который учитъ ихъ *(чему?)* и совѣтуетъ имъ (что̀?). Они хотятъ знать *мысль и слово* журнала! *(Какая*

разница между мыслью и словомъ журнала?) Потомъ, каждый принимается за свое дѣло, и тотъ самый печатный *листъ, который*, утромъ, *разгибалъ цѣлый городъ (листъ разгибалъ городъ, а не городъ — листъ!?)*, трепеща отъ нетерпѣнія и любопытства, бросаютъ въ соръ; а въ сумерки приходитъ *запачканный бѣднякъ*, съ длиннымъ крючкомъ, отъискиваетъ *его (крючокъ)* и уноситъ, какъ свою добычу, не заботясь даже о томъ, что̀ онъ *(запачканый бѣднякъ?)* въ себѣ содержитъ!...

О ненасытная жажда славы!
Твой слѣпой и благородный порывъ
Побуждаетъ меня стремиться къ смерти,
Что бы увѣковѣчить мою память!

«Стихи, которыхъ эти четыре строчки служатъ переводомъ *(строчки служатъ переводомъ стиховъ!)* часто приходятъ мнѣ на память...» и т. д. и т. д.

Мы передали съ малыми пропусками *только двѣ страницы* «Москвитянина», и пусть самъ читатель судитъ о смыслѣ всего имъ прочтеннаго! Мы не вырывали изъ текста отдѣльныхъ фразъ, чтобъ какъ-нибудь затемнить мысль автора. Намъ остается еще *семь* страницъ изъ рецензіи о книгѣ Жюля Жанена, но мы, на этотъ разъ, удовольствуемся только отрывочными фразами.

«Лишь только рѣшился я предпринять путешествіе *въ обширное поле успокоенія моихъ твореній*...

«*Старый* другъ поѣхалъ, полный надеждъ и *юности*, *украшенный всею заботливостью* матери; а возвращается *одѣтый лохмотьями*...

«Въ 1-мъ томѣ *этого возстановленія* мы видѣли первые опыты *пѣшеходной* музы, которую называютъ музою фёльетона. (*Этого возстановленія!* Такъ редакція называетъ 1 томъ «Исторіи драматическаго искусства»).

«M-elle Марсъ, m-elle Рашель, г-жа Дорваль, *это троякое* знамя, поведетъ насъ *сквозь* рядъ очерковъ, которыхъ онѣ были то *заключеніемъ*, то *предлогомъ* (невольно спросишь: кто жь былъ *союзомъ* или *междометіемъ?)*

«Первое появленіе Лудовика XIV въ свѣтъ было *счастливо отличными умами.*»

«Онъ необыкновенно усовершенствовался отъ сообщества съ особами умнѣйшими въ свѣтѣ, съ дарованіями самыми разнообразными мущинъ и *женщинъ, во всѣхъ возможныхъ родахъ...*»

Наконецъ, мы и сами устали и, вѣроятно, давно утомили нашихъ снисходительныхъ читателей этими краснорѣчивыми доказательствами тѣхъ успѣховъ въ грамматикѣ, которые дѣлаетъ «Москвитянинъ», подъ вліяніемъ «Памятнаго Листка Ошибокъ» г. Покровскаго. Вѣроятно, г. Покровскій доволенъ этими успѣхами и потому не вноситъ ихъ въ свой «Памятный Листокъ Ошибокъ», несмотря на просьбу редакціи «Москвитянина». Должны ли мы, по примѣру г. Покровскаго, сдѣлать грамматическій разборъ всѣхъ неправильностей, выписанныхъ нами выше, какъ «Дополненіе» къ его «Листку»? Нужно ли доказывать, что «Ста-

рый другъ полный юности» и другой «другъ, украшенный всею заботливостью матери» также смѣются надъ грамматикой, какъ и третій другъ «одѣтый лохмотьями»? Что «пѣшеходная муза», «трoякое знамя», «женщины, во всѣхъ родахъ», могутъ покойно почивать на «обширномъ полѣ успокоенія», если только не попадутъ въ какой-то первый томъ «возстановленія»? Доказывать ли, что «Москвитянинъ» несправедливо думаетъ, будто все-равно, «листъ ли разгибаетъ городъ, городъ ли разгибаетъ листъ, или, наконецъ, запачканый бѣднякъ, который не знаетъ своего содержанія, разгибаетъ и листъ и городъ?» Это все такъ легко доказываетъ, что мы даже не беремся за подобный трудъ. Мы только позволимъ себѣ, при этомъ случаѣ, выписать нѣсколько изъ тѣхъ фразъ, которыя такъ часто повторяются въ «Москвитянинѣ», когда дѣло коснется чистоты русскаго языка. Вотъ, напримѣръ, чтó пишетъ, самъ редакторъ «Москвитянина», г-нъ Погодинъ:

«Возвратимся къ чистому источнику русскаго слова, сохраняемому и сохраненному нашими славными учителями, Ломоносовымъ и Карамзинымъ, Дмитріевымъ и Жуковскимъ, Крыловымъ и Пушкинымъ, Филаретомъ и Иннокентіемъ, — дополняя этотъ завѣтный источникъ всѣми благопріобрѣтеніями.» — (Моск. 1853 г. № 6. —).

«Возвратимся!» повторяемъ и мы за г. Погодинымъ. Но зачѣмъ же, когда мы только-что начали возвращаться къ «чистому источнику», онъ самъ, г. Погодинъ, спустя два мѣсяца (въ № 10), дополнилъ этотъ завѣтный источникъ такимъ «благопріобрѣтеніемъ», какъ «Исторія драматическаго искусства»? Вотъ чистый источникъ и помутился! А не говорилъ ли г-ну Погодину, въ томъ же 10 № «Москвитянина», указывая на журнальныя промахи и сѣтуя на такое зло, г. Покровскій: «То ли завѣщали «писателямъ учители наши въ дѣлѣ изящной словесности: Ка-«рамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ? Загляните въ ихъ повѣствова-«тельныя произведенія...» Г. Погодинъ помѣстилъ и сѣтованіе г. Покровскаго и статью, нами разобранную... Да и въ 4 № «Москвитянина», за нынѣшній годъ, еще новый (третій) борецъ на поприщѣ грамматическихъ ошибокъ — не писалъ ли слѣдующаго:

«Какъ ни станешь читать порусски, особливо *петербургскіе журналы*, всегда находишь доказательства, что мы порусски писать разучились! Нынче болѣе прежняго нужно читать Карамзина и учить его сочиненія наизусть, начиная съ «Бѣдной Лизы» и «Писемъ Русскаго Путешественника», и до послѣдней страницы «Исторіи Россійскаго Государства.» Я не говорю что бы мы должны были писать совершенно его слогомъ, какъ онъ ни очарователенъ; но мы должны изучать его для того, что бы *своимъ собственнымъ слогомъ писать хорошо, чисто, плавно, свободно и правильно.*»

А не угодно ли вамъ, г. поборникъ, *чистоты*, *плавности* и *сво-*

боды слога, заглянуть въ «Москвитянинъ» и посмотрѣть, какъ этотъ журналъ пишетъ *своимъ собственнымъ слогомъ.* Ужь подлинно своимъ собственнымъ! Вы нападаете на петербургскіе журналы, потому-что не можете ихъ читать; потрудитесь совладѣть съ слѣдующимъ періодомъ: — это образчикъ собственнаго слога «Москвитянина». Не думайте, чтобъ мы долго искали этотъ образчикъ слога: дальше 10 № «Москвитянина» мы не йдемъ, и всѣ неправильности, приведенныя нами, принадлежатъ только одному этому нумеру:

«Послушайте ихъ (голоса), и, если каждый изъ этихъ голосовъ, *который* олицетворяетъ *годъ* вашей жизни, или одну изъ вашихъ страстей, достигаетъ до васъ, повѣствуя о мнѣніяхъ, которымъ вы остались вѣрными, о ненависти, которая еще живетъ въ душѣ вашей, о чувствахъ удивленія, которыя съ тѣхъ поръ только усилились; если въ тоже время, вы встрѣтите въ этомъ концертѣ, который не можетъ вамъ не нравиться, какое-нибудь воспоминаніе (о) великодушной борьбы(ѣ), честн*аго* сопротивлен*ія*, храбр*ой* битв*ы*, — слабаго(?), которому вы оказали защиту, въ его *незаслуженной*(?) слабости; сильнаго, *задѣтаго* вами *въ* (за) его незаслужен*номъ* велич*іи;* и если вы можете сказать навѣрное: «вотъ слава, мною созданная, вотъ имя, которое стало извѣстнымъ, благо*даря* мнѣ, вотъ умъ, который я первый открылъ»; если между *вашими* (своими) заблужденіями *вы* найдете много такихъ, *которыя были вамъ легко прощены* (пріятный оборотъ!); если въ предвѣдѣніяхъ *вашихъ вамъ* случилось угадать одинъ разъ изъ десяти, и если, наконецъ, друзьями вашими, храбрые, вѣрные, твердые, великіе умы(?); если васъ ненавидятъ только безсильные, тщеславные, ложные поэты, ложные литераторы; (уфъ! а конецъ фразы еще далеко!) если между *вещами*(?) вами подавленными, не нашлось ни одного мастерскаго произведенія; если между тѣми (?), которыя вы наиболѣе хвалили, не нашлось ни *одного могущаго* служить къ стыду автора... если столько насилій, ненависти, заглушенныхъ воплей, безъименной ярости, столько ругательствъ, клеветы, бѣшенства, оскорбленнаго самолюбія, оставили (столько — оставили) въ васъ также мало слѣдовъ, *какъ* улитка, *которая* проползла по цвѣтку, — немного клейкой пѣны, *которую* смываетъ роса, — *которую* (клейкую пѣну?) уноситъ солнце, — тогда дѣйствительно, глубокій ужасъ, *который* внушала вамъ эта груда листовъ, *накопленныхъ въ журналъ* (?), становится праздникомъ для ума вашего.» (Москв. № 10. Стр. 10 и 11).

Поздравляемъ! конецъ періоду! О! съ какимъ удовольствіемъ возвратимся мы отъ этой фразы къ чистому источнику русскаго языка, сохраненному нашими славными учителями! говоримъ мы, вполнѣ соглашаясь съ г. Погодинымъ. «То-ли завѣщали намъ Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ?» вторимъ мы г. Покровскому съ нѣкоторою горечью и одышкою, отъ длинной фразы, нами выписанной. Зачѣмъ «Москвитянинъ» не учитъ наизустъ сочиненій Карамзина отъ «Бѣдной Лизы» до «Исторіи Государства Россійскаго» включительно! повторяемъ мы за неизвѣстнымъ (третьимъ) поборникомъ плавности, чистоты, свободы и правильности слога... Зачѣмъ?..

Мы видимъ ужасъ, который должень изобразиться на лицѣ сотрудниковъ «Москвитянина»—ихъ, которые такъ безпрестанно, всюду, по поводу чего-нибудь и безъ всякаго повода, произносятъ на разные лады имя Карамзина! И имъ-то совѣтуютъ учить наизусть Карамзина! Это ужасно!

Но успокоимся, отдохнемъ, выпьемъ стаканъ холодной воды и будемъ разсуждать хладнокровнѣе. Не-уже-ли «Москвитянинъ» считаетъ періоды рѣчи, подобные приведенному, правильными? Конечно, нѣтъ. Мы даже думаемъ, что всѣ другія грамматическія ошибки онъ такъ же легко могъ бы исправить, еслибъ только имѣлъ досугъ или захотѣлъ ихъ исправлять. Мы увѣрены въ этомъ и, можетъ-быть, только одинъ г. Покровскій не увѣренъ въ такой возможности исправленія. Такъ чтожь изъ этого слѣдуетъ? спросятъ насъ вѣроятно. «Зачѣмъ же вы исписали столько бумаги, потратили столько времени, утомили насъ и себя — изъ-за пустяковъ, какихъ-нибудь ничтожныхъ ошибокъ? Вотъ отвѣтъ нашъ :

Мы привели всѣ эти ошибки, чтобъ удостовѣрить читателей, что, вопервыхъ, ошибки грамматическія легко отъискивать въ работѣ журнальной, то-есть срочной, спѣшной; вовторыхъ, самъ «Москвитянинъ», повидимому, такъ же равнодушенъ къ «Листку» г. Покровскаго, какъ равнодушны и всѣ прочіе журналы (это, однакожь, не доказываетъ, чтобъ который-нибудь изъ журналовъ былъ равнодушенъ къ русскому языку). «Москвитянинъ» цѣлый годъ печатаетъ на своихъ страницахъ ошибки, усердно-собираемыя г. Покровскимъ, и, однакожь, отъ этого самъ нисколько не исправляется; даже можно сказать, иногда возвращается къ длинному ломоносовскому періоду. На этомъ основаніи, мы можемъ заключить, что г. Покровскій еще годъ будетъ печатать свой «Памятный Листокъ», а «Москвитянинъ» все останется тѣмъ же, чѣмъ и былъ, при тѣхъ же оборотахъ рѣчи и при томъ же слогѣ, какой онъ представляетъ намъ и теперь. Еще можно заключить, что московскіе ревнители русскаго языка не будутъ переставать указывать на недостатки петербургскаго журнальнаго языка и повторять, что въ этихъ журналахъ не умѣютъ писать порусски... Такъ непремѣнно будетъ! Но знаютъ ли эти господа, совѣтующіе изучать наизусть «Бѣдную Лизу» и повѣсти Жуковскаго, произведенія Ломоносова и Дмитріева, съ такимъ искусствомъ подмѣчающіе легкій журнальный промахъ и возгордившіеся своими грамматическими замѣтками : знаютъ ли они, что каждый скромный корректоръ всякаго журнала и всякой газеты, ежемѣсячно и ежедневно, въ десять, сотню разъ больше ихъ сдѣлаетъ поправокъ на корректурныхъ листахъ, и не думаетъ о томъ, что̀ другіе называютъ услугой отечественному языку и словесности? Не-уже-ли ревнители грамматики вооброжаютъ, что въ редакціи «Москвитянина» не найдется человѣка, который съумѣлъ бы замѣтить какую-нибудь неправиль-

ность въ языкѣ, происходящую отъ спѣшной работы? Да̀, они это именно воображаютъ, а потому-то и печатаютъ свои «Листки». Но, увы! какая скорбь должна объять ихъ грамматическій умъ послѣ поразительнаго примѣра, представленнаго нами въ ошибкахъ «Москвитянина»! «Москвитянинъ» всегда защищалъ ту же чистоту и правильность языка, которую защищаютъ и они; «Москвитянинъ» на своихъ листахъ печатаетъ погрѣшности всѣхъ другихъ журналовъ — какъ бы, казалось, не выучиться грамматикѣ? а между-тѣмъ тотъ же «Москвитянинъ» въ одной книжкѣ представилъ столько ошибокъ, сколько будетъ подъ-силу надѣлать и иному петербургскому журналу! Значитъ и *прикладная* грамматика г. Покровскаго не ведетъ ни къ-чему! Тамъ, гдѣ трудъ спѣшный, тамъ, гдѣ въ мѣсяцъ редакція выдаетъ тридцать листовъ, а не два-три, какъ бывало въ-старину, тамъ видно никакими средствами не дойдешь до той чистоты и проч., которую находятъ у старыхъ нашихъ писателей.

Горько сознаться, а *малая лепта въ сокровищницу матеріаловъ для теоріи языка*, какъ называетъ г. Покровскій свой «Памятный Листокъ», выходитъ лептою *самомалѣйшею* въ сокровищницѣ «Москвитянина». Спрашиваемъ одно: что̀ должно сдѣлаться съ «*сердцемъ* г. Покровскаго, *которое обливалось кровью*, при «мысли о томъ, какъ искажены наша словесность и нашъ языкъ», что̀ должно сдѣлаться съ этимъ сердцемъ, когда г. Покровскій представитъ подробный грамматическій разборъ хоть одного 10 № «Москвитянина» на 1853 годъ, о чемъ мы его покорнѣйше и просимъ...

Но довольно о грамматикѣ и корректорскихъ трудахъ ревнителей языка и словесности. Перейдемъ къ предмету болѣе-интересному — къ *біографическому извѣстію объ А. С. Пушкинѣ до 26-го* (то-есть 1826) *года, написанному братомъ его, Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ*, напечатанному въ томъ же 10 № «Москвитянина» за нынѣшній годъ.

Литературныя біографіи, въ пользѣ которыхъ едва-ли кто сомнѣвается, имѣютъ особенную важность, вопервыхъ, какъ матеріалъ, какъ подготовительный трудъ для исторіи русской литературы, и, вовторыхъ, какъ ключъ къ тѣмъ произведеніямъ автора, которыя объясняются обстоятельствами его жизни. Первое значеніе принадлежитъ всѣмъ вообще литературнымъ біографіямъ; второе же, несоставляя необходимой ихъ принадлежности, обусловливается направленіемъ дѣятельности, степенью самостоятельности автора и бо̀льшею или меньшею субъективностью его произведеній. Біографія Пушкина имѣетъ весьма-важное значеніе и въ томъ, и въ другомъ отношеніи.

Не касаясь ея важности, какъ матеріала для будущей исторіи русской литературы, важности, безъ-сомнѣнія, сознаваемой каждымъ изъ образованныхъ читателей, считаемъ не лишнимъ ска-

зать, что она въ такой же степени важна относительно изученія его произведеній. Пушкинъ былъ преимущественно поэтъ жизни и дѣйствительности: идеализація и мечтательность почти не коснулись его произведеній; въ нихъ почти все — дѣйствительно-пережитое, дѣйствительно-перечувствованное; и потому произведенія великаго поэта не только находятся въ непосредственной связи съ явленіями окружавшей его жизни, но даже бо́льшею-частью обязаны имъ своимъ существованіемъ. Поэтому каждый фактъ изъ жизни Пушкина имѣетъ важность еще въ томъ отношеніи, что можетъ служить къ поясненію того или другаго изъ его произведеній, и наоборотъ: каждое его произведеніе напоминаетъ какое-нибудь обстоятельство его жизни.

Не имѣя до-сихъ-поръ ни одной сколько-нибудь удовлетворительной біографіи Пушкина, и дорожа каждою замѣткою о жизни великаго поэта, мы были чрезвычайно обрадованы, встрѣтивъ упомянутую выше статью, написанную братомъ Пушкина, Львомъ Сергѣевичемъ. Ужь одно имя біографа ручалось за достовѣрность этого извѣстія. И въ-самомъ-дѣлѣ, что̀, кажется, можетъ быть достовѣрнѣе и обстоятельнѣе біографіи, написанной братомъ? Въ настоящемъ же случаѣ это самый сильный авторитетъ. Л. С. Пушкинъ, скончавшійся въ прошломъ году въ Парижѣ (а не въ Одессѣ, какъ сказано было въ «Современникѣ»), былъ извѣстенъ какъ человѣкъ, знавшій малѣйшія подробности жизни своего знаменитаго брата и помнившій наизусть множество его стихотвореній, которыя не только никогда не были изданы, но едва-ли существовали, хотя въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, и теперь, если не были никѣмъ записаны, пропали невозвратно. Вообще Левъ Сергѣевичъ представлялъ собою живую и самую полную біографію поэта, самое полное собраніе его сочиненій со всевозможными комментаріями. На этомъ основаніи мы имѣли всѣ причины надѣяться, что написанный имъ біографическій очеркъ будетъ отличаться отъ всѣхъ другихъ біографій Пушкина, вѣрностью, полнотою и новостью фактовъ.

Къ-сожалѣнію, мы скоро разочаровались. «Біографическое извѣстіе», умѣстившееся на девяти страничкахъ крупной печати, далеко не удовлетворило нашимъ ожиданіямъ. Кромѣ нѣсколькихъ фактовъ ограничивающихся, впрочемъ, анекдотами, которые не имѣютъ особенной важности и достовѣрность которыхъ весьма-сомнительна; кромѣ еще нѣсколькихъ строкъ изъ неизданнаго письма Пушкина (стр. 53 — 54) и восьми пропущенныхъ стиховъ изъ эпилога къ поэмѣ *Цыгане* (стр. 54 — 55), (за сохраненіе которыхъ нельзя не поблагодарить біографа), читатели не найдутъ въ немъ ничего новаго. Все остальное — или извѣстно, или неполно, или невѣрно.

Въ настоящее время, когда, какъ слышно, приготовляется къ изданію полное собраніе сочиненій Пушкина съ подробною біографіею поэта, всякая біографическая замѣтка о немъ можетъ

принести особенную пользу, и потому позволяемъ себѣ исправить нѣсколько невѣрностей въ біографическомъ очеркѣ. Не желая, однакожь, послѣдовательнымъ изложеніемъ подробностей о жизни поэта предупреждать автора давно-ожидаемой біографіи, мы не намѣрены въ настоящее время ни пополнять «Біографическаго извѣстія», ни указывать его пропусковъ, что̀ завлекло бы насъ слишкомъ-далеко. Современемъ, по напечатаніи новаго изданія сочиненій Пушкина, мы еще будемъ имѣть случай подробно говорить о его сочиненіяхъ; въ настоящее же время ограничиваемся только исправленіемъ замѣченныхъ нами въ «Біографическомъ извѣстіи» невѣрностей и ошибокъ.

Ошибки эти начинаются съ первыхъ же строкъ очерка:

«А. С. Пушкинъ—говоритъ братъ поэта—родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года. *До 11-тилѣтняго возраста онъ воспитывался въ родительскомъ домѣ.* Страсть къ поэзіи проявлялась въ немъ съ первыми понятіями. *На 8-мъ году возраста* умѣлъ уже онъ читать и писать на французскомъ языкѣ и *сочинялъ маленькія комедіи и эпиграммы* на своихъ учителей» (стр. 50).

Пушкинъ воспитывался дома не до 11-тилѣтняго возраста, а до 12 лѣтъ: 26 мая 1811 года ему исполнилось 12 лѣтъ. Въ томъ же году, лѣтомъ, былъ онъ привезенъ въ Петербургъ и 19-го октября поступилъ въ Царскосельскій Лицей, ужь на 13-мъ году своего возраста.

Сочиненіе маленькихъ комедій и эпиграммъ на французскомъ языкѣ на 8-мъ году возраста — фактъ весьма-сомнительный и ничѣмъ неподтверждаемый. Извѣстно, что Пушкинъ, до поступленія въ Лицей, писалъ недурно французскіе стихи, что, будучи около десяти лѣтъ отъ-роду, сочинялъ поэму *La Toliade*, о которой ужь было упомянуто въ статьѣ П. Б.: *Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ* («Московскія Вѣдомости» 1853 г. № 18, стр. 190), принадлежащей, какъ говорятъ, одному изъ молодыхъ любителей русской литературы, занимающемуся спеціальнымъ изученіемъ Пушкина, и въ *Библіографическихъ замѣткахъ о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига* («Отечественныя Записки» 1853 г. № 6, іюнь, Смѣсь, стр. 153); но едва-ли кто повѣритъ безъ убѣдительныхъ доказательствъ, чтобъ на 8-мъ году возраста можно было сочинять какія бы то ни было комедіи.

«Въ 1811 году открылся Царскосельскій Лицей, и отецъ Пушкина поручилъ своему брату Василію Львовичу отвезти его въ Петербургъ для помѣщенія въ сіе заведеніе, куда онъ и поступилъ *въ числѣ 35 учениковъ*» (стр. 50).

Въ Лицей поступило не 35 учениковъ, а только 30; подвергалось же вступительному экзамену 38.

«Поэзіи предался онъ безгранично, и *имѣя 14 лѣтъ отъ роду написалъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», «Наполеонъ на Эльбѣ»*, и раз-

ныя *другія* стихотворенія, помѣщенныя въ тогдашнихъ періодическихъ *и другихъ* изданіяхъ и обратившія на него вниманіе» (стр. 50—51).

Стихотворенія *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* и *Наполеонъ на Эльбѣ* написаны, какъ уже было замѣчено въ нашемъ журналѣ (*Библіографическія Замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига*, стр. 149), въ 1815 году, когда Пушкину было не четырнадцать лѣтъ, а шестнадцать. Если же допустить, что эти стихотворенія были написаны Пушкинымъ, когда ему было 14 лѣтъ, то-есть въ 1813 году, то какъ согласить съ этимъ временемъ содержаніе стихотвореній? Какъ, напримѣръ, отнести къ 1813 году *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, въ которыхъ говорится о событіяхъ 1814 года? Пусть судятъ сами читатели можно ли было написать въ 1813 году слѣдующую строфу :

«Въ Парижѣ Россъ! — Гдѣ факелъ мщенья!
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полночной мглѣ —
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ» (*).

Стихотвореніе «Наполеонъ на Эльбѣ», имѣющее содержаніемъ замыселъ Наполеона бѣжать съ острова Эльбы и приведеніе его въ исполненіе, не могло быть написано въ 1813 году по той же причинѣ, а именно, что въ 1813 году нельзя было писать о томъ, что случилось въ 1815-мъ. Притомъ же, подъ заглавіемъ этого стихотворенія выставлено : *1815*, а тогда Пушкину было не четырнадцать, а шестнадцать лѣтъ.

Разныхъ *другихъ* стихотвореній написанныхъ будто бы четырнадцатилѣтнемъ Пушкинымъ, и помѣщенныхъ, по увѣренію Льва Сергѣевича, въ тогдашнихъ періодическихъ и *другихъ* (?) изданіяхъ также не могло быть. Первое напечатанное стихотвореніе Пушкина (*Къ Другу-стихотворцу*) было написано въ 1814 году, и явилось въ свѣтъ въ іюлѣ того же года, когда Пушкину былъ ужь шестнадцатый годъ, съ котораго и начинается его печатное поприще. Стихотвореніе это, сколько извѣстно, первое изъ написанныхъ Пушкинымъ, послѣ неизданнаго еще посланія *Къ сестрѣ*, едва-ли и могло быть написано ранѣе 1813 или 1814 года, потому-что въ немъ говорится о побѣдахъ Витгенштейна надъ

(*) *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* («Сочиненія А. Пушкина», т. IX, лицейскія стихотворенія, стр. 437). Подъ этимъ стихотвореніемъ въ первый разъ явилась подпись *Александръ Пушкинъ*, какъ было ужь сказано въ нашемъ журналѣ (*Библіографическія Замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига*, стр. 149).

Французами, одержанныхъ, какъ извѣстно, во второй половинѣ 1812-го и въ 1813-мъ годахъ:

«Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштеину Французовъ побѣждать» (*).

Стихотворенія же написанныя до 1814 года, то-есть до пятнадцатилѣтняго возраста поэта, не были напечатаны (**). Въ примѣчаніи къ небольшому отрывку, напечатанному въ собраніи

(*) Стихотвореніе это напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 года (ч. LXXVI, іюль, № 13, стр. 9) съ искаженіемъ семнадцатаго стиха. Вмѣсто:

«Потомковъ поздныхъ *поэтамъ справидлива дань*»,

какъ напечатано, слѣдуетъ читать:

«Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива».

(**) Многіе несправедливо считаютъ первымъ стихотвореніемъ Пушкина эпитафію *На смерть князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго*, напечатанную въ «Вѣстникѣ Европы» 1813 года (часть LXIX, №№ 9 и 10, май, стр. 188) съ подписью *А. Пушкинъ*. Подпись эта ввела въ ошибку и А. Д. Галахова, который говоритъ объ этой эпитафіи, какъ о первомъ напечатанномъ стихотвореніи Пушкина («Полная Русская Хрестоманія», изданіе пятое, ч. III, примѣчанія, стр. 122). Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (*Библіографическія Замѣтки*, стр. 148) доказано ужь, что это стихотвореніе принадлежитъ однофамильцу и даже не родственнику знаменитаго поэта. Прибавимъ къ сказанному, что авторъ этой эпитафіи не Андрей, какъ мы полагали, а Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ. Указаніемъ этимъ мы обязаны извѣстному библіографу С. Д. Полторацкому. Андрей Ивановичъ Пушкинъ помѣщалъ въ журналахъ статьи по части военныхъ наукъ, и издалъ: «Краткія извѣстія объ образованіи въ Европѣ войскъ и объ успѣхахъ огнестрѣльнаго искусства», 1824 г., «Взглядъ на успѣхи словесности и изящныхъ искусствъ на Западѣ» и «Записки о военномъ укрѣпленіи для употребленія полевыхъ офицеровъ» 1827 г. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, скончавшійся въ Москвѣ въ концѣ мая 1825 года, написалъ нѣсколько стихотвореній и издалъ «Женневалъ, или французскій Барнавельтъ», въ пяти дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго, 1783 года (эта пьеса Мерсье была ужь переведена *П. В.*, и напечатана въ Москвѣ въ 1778 году, подъ заглавіемъ: «Женневалъ, или Французской Барневиль») и переведенныя имъ комедіи Мольера: «Ханжеевъ, или лицемѣръ», въ пяти дѣйстіяхъ, въ стихахъ, напечатанная въ Москвѣ въ 1809 году безъ имени переводчика и «Игрокъ», въ пяти дѣйствіяхъ, напечатанная въ С.-Петербургѣ въ 1815 году, также безъ имени переводчика. Сверхъ-того, нѣсколько произведеній А. М. Пушкина остались неизданными. Краткое некрологическое извѣстіе о немъ напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1825 года, 11 іюня, въ четвертокъ, № 70. Мы слышали, что одинъ изъ любителей литературы приготовляетъ къ изданію подробную біографію А. М. Пушкина.

сочиненій Пушкина подъ заглавіемъ *Путешественнику* (Т. IX, стр. 389) сказано, что «авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ», но это опять ничего не доказываетъ, потому-что посланіе къ *И. Г. Л-ову*, къ которому принадлежитъ этотъ отрывокъ, было написано и напечатано въ 1815-мъ году, когда Пушкину было шестнадцать лѣтъ, какъ уже сказано въ книжкѣ нашего журнала за прошлый мѣсяцъ (*Библіографическія Замѣтки*, стр. 149).

Лицейскія стихотворенія Пушкина дѣйствительно печатались въ періодическихъ изданіяхъ того времени; въ *другихъ же тогдашнихъ* изданіяхъ ихъ нѣтъ, несмотря на увѣреніе Льва Сергѣевича. Изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина только шесть были напечатаны въ изданіи непеpіодическомъ, и то въ позднѣйшее время, именно въ 1827 году, въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ», изданномъ г. Борисомъ Федоровымъ.

Вообще въ отношеніи къ лицейскому періоду литературной дѣятельности Пушкина, всѣ его біографы одинаково-необстоятельны. Авторъ біографіи Пушкина, напечатанной въ «Современникѣ» 1838 года (Т. X, стр. 21) говоритъ (стр. 23), что «въ *одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ*, (?) *безъ подписи сочинителева имени*, (?) печатаемы были *всѣ* (?) сочиненія Пушкина, имъ *писанныя на 12, 13 и 14 году отъ рожденія*» (тогда-какъ изъ сочиненій Пушкина, написанныхъ въ эти годы, ни одно не было напечатано), сожалѣетъ, что поэтъ «нигдѣ не упомянулъ о нихъ, не внесъ, какъ образчикъ лепетанія дѣтской музы, въ собраніе своихъ стихотвореній» (между-тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ лицейскихъ стихотвореній внесены въ изданіе сочиненій Пушкина еще при жизни поэта), и думаетъ, что «*они едва ли не погибли для потомства*». То же самое было повторено съ незначительными измѣненіями въ біографіяхъ Пушкина, напечатанныхъ въ «Портретной и біографической галереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи» (выпускъ первый, стр. 1), въ «Полной Русской Хрестоматіи» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть III, примѣчанія, стр. 122), съ оговоркою, однакожь, что эти стихотворенія печатались въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 года и въ «Сынѣ Отечества», но безъ указанія стихотвореній; въ переведенной на французскій языкъ изъ «Современника», и приложенной къ изданію: «Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, poëte national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont» (Т. I, стр. 3 и 4), и наконецъ въ «Москвитянинѣ» (*). Авторъ біографіи, напечатанной въ «Портретной и біографической галереѣ», прибавляетъ даже (стр. 2), что эти стихотворенія «едва-ли не исчезли совершенно, *даже для насъ, его современниковъ*».

(*) Статья Н. А. Полеваго: *Пушкинъ* (въ «Очеркахъ Русской Литературы», ч. I, стр. 211), не заключаетъ ни біографическихъ, ни библіографическихъ фактовъ.

Всѣ эти стихотворенія, считавшіяся исчезнувшими не только для потомства, но даже для современниковъ, были названы въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 6, 1853 «Библіографическія Замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига», стр. 146—156) съ указаніемъ времени, къ которому относятся изданія, въ которомъ они явились и псевдонимовъ поэта. Въ этихъ замѣткахъ читатель найдетъ объясненіе недомолвки Льва Сергѣевича, который не назвалъ ни *разныхъ другихъ* стихотвореній своего брата, ни періодическихъ изданій, въ которыхъ они печатались. Объясненіе этого недоразумѣнія было бы только повтореніемъ уже сказаннаго, и потому переходимъ къ другимъ замѣчаніямъ.

«Аттестатъ, выданный ему (Пушкину) изъ Лицея, *свидѣтельствовалъ*, между прочимъ, *объ отличныхъ его успѣхахъ въ фехтованіи и танцованіи* и объ посредственныхъ въ русскомъ языкѣ» (стр. 51).

Лицейскаго аттестата Пушкина намъ не удалось найдти, и потому не можемъ повѣрить этихъ свѣдѣній. Не имѣя, однакожь, причинъ сомнѣваться въ дѣйствительности существованія такой аттестаціи успѣховъ Пушкина въ русской словесности, полагаемъ, что остальное придумано авторомъ только для бо́льшаго контраста, потому-что въ лицейскихъ аттестатахъ, по-крайней-мѣрѣ, въ позднѣйшее время, не упоминалось объ успѣхахъ въ фехтованіи и танцованіи.

«По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ вполнѣ воспользовался своею молодостію и независимостію. Его поочереди влекли къ себѣ то большой свѣтъ, то шумные пиры, то закулисныя тайны. Онъ жадно, бѣшено предавался всѣмъ наслажденіямъ. Кругъ его знакомства и связей былъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ... *Поэзіею Пушкинъ занимался мимоходомъ, въ минуты вдохновенія. Онъ въ это время написалъ рядъ мелкихъ стихотвореній, заключенный поэмою Русланъ и Людмилла*» (стр. 51).

Пушкинъ въ-теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по выпускѣ изъ Лицѣя дѣйствительно былъ слишкомъ увлеченъ удовольствіями большаго свѣта, и хотя въ это время занимался литературою гораздо-менѣе чѣмъ впослѣдствіи, но и не мимоходомъ, посвящая литературнымъ занятіямъ, почти ежедневно, часть утра, остававшуюся свободною отъ свѣтскихъ развлеченій, въ чемъ согласны и всѣ біографы Пушкина, и что̀ еще болѣе подтверждается тѣмъ, что Пушкинъ въ это время оканчивалъ «Руслана и Людмилу», и занимался послѣднею отдѣлкою своей поэмы, сочиняя въ промежуткахъ этой работы и мелкія стихотворенія (*). Все это нельзя

(*) О томъ, что Пушкинъ занимался въ это время сочиненіемъ и окончательною отдѣлкою «Руслана и Людмиллы», говорится и въ «Русскомъ Альманахѣ» на 1832 и 1833 годы, изданномъ В. Эртелемъ и А. Глѣбовымъ, въ статьѣ: *Выписка изъ бумагъ дяди Александра* (стр.

было сдѣлать мимоходомъ даже съ талантомъ Пушкина. Впрочемъ, самъ біографъ въ слѣдующей же строкѣ противорѣчитъ себѣ, говоря, что Пушкинъ *«въ это время* написалъ *рядъ* мелкихъ *стихотвореній, заключенный поэмою «Русланъ и Людмилла».* Въ этихъ словахъ опять небольшая невѣрность: поэма не заключала собою ряда мелкихъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ по выпускѣ его изъ Лицея, но писалась въ одно время съ ними, и была начата еще въ Лицеѣ, гдѣ и написана значительная ея часть. Кромѣ достовѣрнаго устнаго свидѣтельства нѣсколькихъ лицъ, въ памяти которыхъ это совершалось, мы находимъ и современное печатное доказательство тому, что поэма существовала уже въ Лицеѣ, и была извѣстна товарищамъ Пушкина. Въ посланіи одного изъ нихъ къ Пушкину и Дельвигу, написанномъ черезъ годъ по выпускѣ изъ Лицея, слѣдовательно за два года до выхода въ свѣтъ *Руслана и Людмилы*, Пушкинъ уже названъ *пѣвцомъ Руслана.* Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого посланія:

«Ни радость, ни страданье,
Ни нѣга, ни корысть, ни почестей исканье,
Ни что души моей отъ васъ не удалитъ.
И въ пѣсняхъ сладостныхъ, и *въ славѣ состязанье*(?!)
Друзей-соперниковъ (?) тѣснѣй соединитъ! —
Зачѣмъ же нѣтъ васъ здѣсь (*), избранники Харитъ! —
Тебя, о, Дельвигъ мой, поэтъ, мудрецъ лѣнивый,
Безпечный и въ своей безпечности счастливый?
Тебя, мой огненный, чувствительный *пѣвецъ*
Любви и *добраго Руслана*,
Тебя, на чьемъ челѣ предвижу я вѣнецъ
Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна?»

Стихотвореніе это было читано авторомъ въ одномъ изъ засѣданій Санктпетербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1818 году (**), и было напечатано: въ «Благонамѣренномъ» 1818 года (часть III, стр. 133) и въ «Сынѣ Отечества» 1818 года (№ XXXIII, часть 48, стр. 129).

«*Въ это время Пушкинъ не постигалъ стиховъ нериѳмованныхъ*, и по этому случаю смѣялся надъ нѣкоторыми сочиненіями Жуковскаго.» (Стр. 51).

Смѣяться надъ ними Пушкинъ могъ сколько угодно, но не по-

285, 297 и 298). Этотъ альманахъ былъ изданъ въ томъ же (1832) году и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Russischer Almanach für 1832 und 1833, von W. Oertel und A. Gliebow». Названная нами статья напечатана въ немъ подъ заглавіемъ: «Aus den Papieren meines Onkels Alexander», и указанныя свѣдѣнія помѣщены въ ней на стр. 240, 441—444.

(*) Стихотвореніе это писано въ Царскомъ Селѣ.

(**) Отчетъ общества за 1818 годъ (неизданный).

стигать стиховъ неривмованныхъ не могъ, потому-что еще въ Лицеѣ написалъ нѣсколько такихъ стихотвореній. Изъ написанныхъ имъ стихотвореній безъ рифмъ къ тому времени относятся: *Бова*, отрывокъ изъ поэмы («Сочиненія А. Пушкина, Т. IX, лицейскія стихотворенія, стр. 249), написанный русскимъ сказочнымъ размѣромъ съ двумя тоническими удареніями, и напоминающій манерою и пріемами «Илью Муромца» Карамзина, и *Фіалъ Анакреона* («Сочиненія А. Пушкина, Т. IX, лицейскія стихотворенія, стр. 363). Не можемъ сказать опредѣлительно къ какому времени изъ четырехъ послѣднихъ лѣтъ пребыванія Пушкина въ Лицеѣ относятся эти два стихотворенія; знаемъ только, что первое изъ нихъ (*Бова*) не могло быть написано ранѣе 1815 года, потому-что въ немъ есть слѣдующія строки:

«Вы слыхали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженіи
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ...
Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!» (Стр. 250—251).

Какъ же въ то время, о которомъ говоритъ біографъ, то-есть до изданія *Руслана и Людмилы* (напечатанной въ 1820 году), Пушкинъ могъ не постигать стиховъ неривмованныхъ, когда самъ писалъ такіе стихи, не говоря уже о множествѣ другихъ произведеній, написанныхъ бѣлыми стихами въ позднѣйшее время.

«Весною 1820 года Пушкинъ былъ назначенъ въ канцелярію генерала Инзова, Бессарабскаго намѣстника. Въ Екатеринославлѣ онъ занемогъ сильною горячкою. Генералъ Раевскій проѣзжалъ на Кавказъ съ двумя сыновьями. Онъ нашелъ Пушкина въ бреду, безъ пособія и безъ присмотра. Оба сыновья Раевскаго были дужны съ Пушкинымъ; съ разрѣшенія Инзова, они его повезли на воды. Тамъ онъ скоро поправился.» (Стр. 53.)

Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что объ этой болѣзни Пушкинъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій:

«Я ускользнулъ отъ эскулапа
Худой, обритый, но живой,» и проч.
(«Сочиненія А. Пушкина», т. III, стр. 136).

«Въ 1824 г. Пушкинъ былъ принужденъ оставить Одессу и поселился въ псковской губерніи, въ деревнѣ своей матери. Здѣсь онъ

написалъ Цыгановъ, нѣсколько главъ Онѣгина, множество мелкихъ стихотвореній и наконецъ Бориса Годунова.» (Стр. 57).

Другіе біографы Пушкина относятъ *Цыганъ* къ періоду страннической жизни поэта, именно къ 1824 году, не указывая, однакожь, гдѣ именно была написана эта поэма («Современникъ» 1838 г. Т. 10, стр. 38; переводъ этой біографіи на французскій языкъ, въ предисловіи къ изданію Дюпона, стр. 6. «Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова, изданіе пятое, часть третья; примѣчанія, стр. 120, и біографія Пушкина въ «Портретной и біографической галереѣ», стр. 5); братъ поэта говоритъ, что *Цыгане* написаны въ псковской деревнѣ; а г. В. Негрескулъ авторъ *Біографическихъ Замѣтокъ* о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, и рядомъ съ ними о гг. Кукольникѣ и Тепляковѣ, замѣтокъ крайне-бѣдныхъ, ошибочныхъ и совершенно-ничтожныхъ, явившихся уже послѣ статьи Льва Сергѣевича («Московскія Вѣдомости» 1853 г. № 71, суббота, 13 іюня, стр. 729) утверждаетъ, что эта поэма написана въ Кишеневѣ.

Всѣ эти мнѣнія, несмотря на существующее между ними противорѣчіе, отчасти справедливы. Мысль и содержаніе *Цыганъ*, безъсомнѣнія, родились въ Бессарабіи, гдѣ Пушкинъ бродилъ

«За ихъ лѣнивыми толпами»;

когда же Пушкинъ переселился изъ Одессы въ псковскую деревню, въ 1824 году, поэма была ужь отчасти набросана. Въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ писемъ къ Дельвигу еще изъ Кишинева, отъ 23-го марта 1821 года, Пушкинъ говоритъ, что онъ кончилъ *Кавказскаго Плѣнника* и что у него въ головѣ *бродятъ еще поэмы*, но что онъ пока ничего не пишетъ, а только переваривäетъ воспоминанія. Послѣ этого письма Пушкинъ еще довольно-долго оставался въ Бессарабіи. Въ неизданномъ письмѣ къ одному изъ своихъ литературныхъ пріятелей, писанномъ ужь изъ деревни отъ 25-го января 1825 года, Пушкинъ говоритъ: «П. привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ «*Цыгановъ*. Желаю, чтобъ они тебѣ понравились». Слѣдовательно, поэма была ужь готова скоро по пріѣздѣ Пушкина въ деревню, что́, при множествѣ другихъ литературныхъ его занятій въ это время, заставляетъ предполагать, что значительная часть поэмы ужь была написана. Въ письмѣ къ другому лицу, нѣсколько позднѣйшемъ (безъ числа), также изъ Михайловскаго и также неизданномъ, Пушкинъ говоритъ: «Р. доставитъ тебѣ моихъ *Цы*-«*гановъ*. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего «слова: я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде «времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока «не растаскаютъ ее по клочкамъ». Объ этой поэмѣ упоминается и въ нѣкоторыхъ другихъ неизданныхъ письмахъ Пушкина, при чемъ онъ жалуется на легкомысленное поведеніе своего брата, преждевременно распространявшаго его стихотворенія; но факты

эти не касаются настоящаго вопроса, и потому пропускаемъ ихъ.

Доказательствомъ, что «Цыганы» были написаны отчасти и окончены въ Михайловскомъ, по возвращеніи Пушкина изъ южной Россіи, можетъ служить то, что въ эпилогѣ къ своей поэмѣ Пушкинъ вспоминаетъ о своей бессарабской жизни, и говоритъ о ней, какъ о прошедшемъ. Приводимъ начало эпилога съ прибавленіемъ восьми пропущенныхъ стиховъ, сообщенныхъ братомъ поэта:

«Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ Орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей
Надъ рубежами древнихъ становъ
Телеги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.
За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями.
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.»

Послѣдніе восемь стиховъ, сохраненные Л. С. Пушкинымъ, пропущены во всѣхъ изданіяхъ поэмы.

Но продолжаемъ наши замѣтки.

«Въ двухъ верстахъ отъ его (Пушкина) деревни находится село Тригорское, неоднократно воспѣтое имъ и Языковымъ. Оно принадлежитъ П. А. Осиповой, которая тамъ жила и живетъ понынѣ съ своимъ семействомъ. Добрая, умная хозяйка и милыя ея дочери съ избыткомъ замѣнили Пушкину всѣ лишенія свѣта. Онъ нашелъ тутъ всю заботливость дружбы и всѣ развлеченія, всю пріятность общества.» (Стр. 57).

Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что Прасковьѣ Алекс. Осиповой, въ семействѣ которой Пушкинъ перѣдко проводилъ цѣлые дни, посвящено одно изъ его стихотвореній, напечатанное подъ заглавіемъ *П. А. О****. («Сочиненія А. Пушкина», т. IV, стр. 281). О семействѣ Осиповыхъ Пушкинъ нерѣдко упоминаетъ въ своихъ деревенскихъ неизданныхъ письмахъ. Въ одномъ изъ нихъ, принадлежащемъ, судя по содержанію, къ 1828 году, онъ писалъ

Дельвигу: «Здѣсь мнѣ очень весело. Пр. Алекс. я люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится.»

«Вскорѣ Тригорское и Михайловское оживились пріѣздомъ изъ Дерпта двухъ тамошнихъ студентовъ: А. Н. Вульфа, сына Осиповой, и поэта Языкова. Пушкинъ его очень любилъ, какъ поэта, и былъ въ восхищеніи отъ его знакомства. Языковъ пріѣхалъ на поэтическій зовъ Пушкина: «Издревле сладостный союзъ и пр,» Потомъ онъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего друга барона Дельвига: *Болѣе никого, или почти никого, Пушкинъ не видалъ во все время своей деревенской жизни.*» (Стр. 57—58).

Отчего же Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (*19 октября 1825*) говоритъ, что въ это время онъ обнялъ троихъ изъ своихъ лицейскихъ товарищей?

Наконецъ, приведенный ужь выше отрывокъ изъ письма Пушкина, въ которомъ онъ говоритъ, что П. *привезетъ* отрывокъ изъ *Цыгановъ*, также доказываетъ, что поэтъ былъ посѣщенъ не однимъ Дельвигомъ.

Вотъ тѣ немногія замѣчанія, которыя мы успѣли сдѣлать при чтеніи біографическаго очерка. Желаемъ, чтобъ они пригодились для будущихъ біографофъ Пушкина и для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые находятъ наслажденіе въ изученіи его произведеній (*).

(*) Всѣ эти замѣтки для біографіи Пушкина доставлены намъ В. П. Гаевскимъ.

VI.

Литература: Исторія англійской журналистики *(статья вторая и послѣдняя)*. Историческія и литературныя изслѣдованія о Риг-Ведѣ. — Путешествія: Прогулка Ампера по Сѣверной Америкѣ *(статья вторая и послѣдняя)*. — Исторія: Англо-китайская война по китайскимъ документамъ.

ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Статья вторая и послѣдняя.

Въ то время, какъ Перри возвысилъ газету *Chronicle*, *Morning Post*, основанная въ 1772 году и пользовавшаяся нѣсколько лѣтъ большою славою, совершенно упала, держась только объявленіями о лошадяхъ и каретахъ. Въ этомъ положеніи (въ 1795 г.) купилъ ее нѣкто Даніель Стюартъ за *семьдесятъ* фунтовъ стерлинговъ. Дѣятельностью и умнымъ управленіемъ Стюартъ успѣлъ возвратить этой газетѣ прежній блескъ. У Стюарта была особенная система насчетъ объявленій. Онъ отвелъ для нихъ первую страницу газеты и всячески поддерживалъ ихъ, говоря, что они привлекаютъ читателей.

Желая болѣе всего содѣйствовать успѣху литературы, онъ старался пріобрѣсть монополію книгопродавческихъ объявленій. На первой страницѣ газеты выставлялъ онъ въ трехъ столбцахъ до семидесяти объявленій одного книгопродавца, а на другой день дѣлалъ это же для другаго. При этомъ, измѣненіемъ шрифтовъ онъ пріучилъ читателей съ перваго взгляда видѣть гдѣ напечатаны любопытныя и важныя извѣстія. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи американскія газеты перещеголяли англійскія. У Американцевъ въ одной и той же статьѣ шрифтъ измѣняется до пятнадцати разъ.

Наконецъ, въ 1785 г. основана была знаменитѣйшая современная газета *Times* подъ названіемъ *Daily Universal Register*. Основатель ея, типографщикъ Вальтеръ, изобрѣлъ тогда новую систему для наборщиковъ, названную имъ логографическою и состоящею въ томъ, что отливались склады, корни словъ и цѣлыя слова

вмѣсто отдѣльныхъ буквъ. Онъ отлилъ особенный шрифтъ для всѣхъ общеупотребительныхъ англійскихъ коренныхъ словъ, одинъ списокъ которыхъ стоилъ чрезвычайныхъ трудовъ. Онъ надѣялся, что отъ этого наборъ будетъ производиться скорѣе и типографскихъ опечатокъ будетъ меньше. Этою новою системою Вальтеръ печаталъ не только свою газету, но и много другихъ книгъ. Только послѣ продолжительнаго испытанія возвратился онъ къ прежней системѣ; новая оказалась неудобною и затруднительною; тогда газета его перемѣнила названіе и приняла нынѣшнее. Это произошло въ 1788 году, и Вальтеръ обнародовалъ объ этомъ извѣстіе въ шуточномъ родѣ. Главная причина перемѣны состояла въ томъ, что прежнее названіе было слишкомъ-длинно и читатели всегда отбрасывали первыя два прилагательныя, а оставляли одинъ *Register*. Слово *Times* коротко и легко произносится, ясно для слуха. Объявленіе объ измѣненіи названія, наполненное остротами и каламбурами, оканчивалось нѣсколькими серьёзными строками, въ которыхъ Вальтеръ обѣщалъ все свое содѣйствіе успѣхамъ промышлености и общественныхъ выгодъ.

И, однакожь, настоящій основатель *Times*, прославившій эту газету, былъ не Джонъ Вальтеръ, а сынъ его, вступившій по смерти отца, въ 1803 году, въ управленіе газетою, которое и сохранилъ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1847 году. Питтъ, во время своего министерства, часто возставалъ противъ этой газеты, но у нея были свои корабли, свои почты, свои курьеры. Расходы ея были чрезвычайны, но зато и корреспонденція дѣятельна и быстра, такъ-что часто редакція скорѣе получала извѣстія, нежели Питтъ. Такъ, напримѣръ, *Times* объявила о капитуляціи Флессингена за двое сутокъ прежде оффиціальнаго извѣстія. Этими способами Вальтеръ уничтожилъ злоупотребленіе почтовыхъ агентовъ, задерживавшихъ раздачу писемъ и газетъ для того, чтобъ самимъ печатать и продавать извѣстія, получаемыя съ твердой земли. Разумѣется, что человѣкъ, тратившій такія огромныя деньги на курьеровъ и эстафеты, хорошо платилъ и сотрудникамъ.

Всѣ безъименныя статьи, присылаемыя въ редакцію, прочитывалъ онъ самъ, и какъ-скоро усматривалъ истинное дарованіе въ неизвѣстномъ писателѣ, то отъискивалъ его и принималъ въ число своихъ сотрудниковъ. Такимъ-образомъ открылъ онъ Томаса Борнса и, наконецъ, ввѣрилъ ему главную редакцію, когда краснорѣчивый и вспыльчивый Стоддартъ поссорился съ нимъ. Брумъ, также не разъ участвовалъ въ редакціи *Times*. Клеветники говорятъ даже, что, будучи уже лордомъ-канцлеромъ, онъ писалъ противъ себя статьи въ *Morning Chronicle*, чтобъ имѣть потомъ случай защищаться въ *Times* и, разумѣется, гораздо краснорѣчивѣе.

Томасъ Борнсъ умеръ въ 1841 году. Теперь главная редакція находится въ рукахъ Джона Іосифа Лаусона (Lawson) подъ управленіемъ третьяго Вальтера.

Вальтеръ первый сталъ употреблять паровыя типографскія машины. Еще въ 1804 году убѣдился онъ въ возможности замѣнить парами силу рукъ, увеличивъ число печатаемыхъ экземпляровъ. До-тѣхъ-поръ печатали по 250 листовъ въ часъ на одной сторонѣ. Съ большими усиліями и мѣняя работниковъ дошли до того, что стали печатать вдвое. Отъ этого принуждены были дѣлать два, три, четыре набора, чтобъ печатать ихъ вдругъ, потому-что для 3000 экземпляровъ требовалось бы двѣнадцать часовъ времени. Не прежде, однако, какъ въ 1814 году, два нѣмца, Кенигъ и Бауэръ, устроили у Вальтера тайно паровую машину, но, неокончивъ ее, бѣжали. Ихъ нашли черезъ нѣсколько дней, привели обратно и заставили окончить работу. Надобно было приступить потомъ къ печатанію. Наборщики и печатальщики *Times* собрались въ обыкновенное время, но ихъ не заставляли работать, говоря, что ждутъ еще важныхъ извѣстій съ твердой земли. Въ шесть часовъ утра вошелъ Вальтеръ въ мастерскую, держа въ рукахъ напечатанный уже экземпляръ, и объявилъ удивленнымъ работникамъ, что паровая машина все уже сдѣлала. Это было 29 сентября 1814 года. Весь Лондонъ только и толковалъ, что объ этой новости. Въ первое время могли только въ часъ печатать по 1200 — 1300 экземпляровъ, но послѣ нѣкоторыхъ усовершенствованій дошли до 2000 и даже до 2500 въ часъ. Нынѣшнія машины Аппльгета печатаютъ по 10,000, а въ случаѣ нужды, 12,000 экземпляровъ.

Вальтеръ же ввелъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ свою газету печатаніе обзора каждаго засѣданія Парламента.

Times, *Post*, *Chronicle* выходятъ по утрамъ. Но вотъ причина происхожденія вечернихъ газетъ: почта отходитъ изъ Лондона только ввечеру. Невольно родилась спекулативная мысль отложить до-тѣхъ-поръ изданіе газеты, чтобъ помѣстить всѣ извѣстія, получаемыя поутру и доставлять ихъ въ провинцію вмѣстѣ съ утренними газетами. Сперва начали издавать эти газеты въ почтовые дни. Въ 1727 году явилась первая вечерняя газета, издававшаяся три раза въ недѣлю. Въ концѣ же XVIII столѣтія, когда почта стала отходить ежедневно, Петръ Стюартъ основалъ *Star*, первую ежедневную вечернюю газету. Въ 1791 г. явилась вторая подобная газета и вскорѣ число ихъ возрасло до пяти.

Вечернія газеты были очень-полезны для купечества, потому-что биржевой курсъ означался въ нихъ тотъ, который состоялся при закрытіи биржи. Стюартъ придумалъ, сверхъ-того, дѣлать второе, третье изданіе вечернихъ газетъ, когда важныя извѣстія получались поздно. Газету его разносили по утрамъ и продавали, какъ товаръ на лоткахъ, громко выхваляя достоинство газеты.

Въ нынѣшнее время всѣ вечернія газеты въ упадкѣ: желѣзныя дороги убили ихъ. Утреннія газеты, недожидаясь теперь отправленія почты, разсылаютъ свои экземпляры поутру съ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ.

Десятилѣтіе съ 1815 по 1825 годъ было самымъ выгоднымъ

для англійскихъ газетъ. На изданіе тринадцати ежедневныхъ газетъ употребленъ былъ капиталъ въ десять мильйоновъ франковъ: семь на утреннія, три на вечернія; цѣнность газетъ увеличилась вдвое; одна *Times* стоила три мильйона, *Courier* два мильйона и *Globe* 1,250,000 фр. И тогда ни одной газеты не продавалось больше 7—8000 экземпляровъ; многіе не доходили и до 3000. Но доходъ ихъ тогда былъ значительнѣе нынѣшняго. *Herald* приносилъ своему издателю 200,000 фр. *Times*—500,000, *Star*—150,000, *Courrier* — до 300,000. Въ 1820, Перри получалъ съ *Chronicle* 300,000 фр. Теперь, несмотря на развитіе всѣхъ редакцій, ни одна газета, кромѣ *Times*, не приноситъ столько дохода. Расходы значительно увеличились. Къ-тому же, прежде форматъ газетъ былъ не такъ великъ.

Туайтсъ первый вздумалъ завести постоянныхъ корреспондентовъ въ главнѣйшихъ городахъ Европы. Онъ послалъ одного редактора въ Испанію, чтобъ слѣдить за ходомъ тогдашнихъ политическихъ дѣлъ. Когда Георгъ IV ѣздилъ въ Ганноверъ, *Herald* отправилъ въ свитѣ его корреспондента, чтобъ извѣщать ежедневно о путешествіи короля; теперь всѣ газеты дѣлаютъ это; но тогда это было рѣдкое нововведеніе, которому всѣ должны были слѣдовать.

Теперь въ Лондонѣ семь утреннихъ ежедневныхъ газетъ: *Public-Ledger*, *Advertiser*, *Daily-News*, *Post*, *Herald*, *Chronicle* и *Times*. *Ledger* сохранилъ старинный небольшой форматъ и восемьдесятъ лѣтъ существуетъ одними объявленіями. Дѣлали нѣсколько попытокъ дать ему такой же форматъ, какъ у прочихъ газетъ, но всѣ преобразованія не удались, и *Ledger* остался при однихъ объявленіяхъ, доставляющихъ хорошій доходъ издателямъ. Уже восемьдесятъ лѣтъ, какъ всѣ судохозяева, купцы, коммиссіонеры привыкли читать въ этой газетѣ нужныя для нихъ извѣстія о приходѣ кораблей, о грузахъ ихъ, о продажѣ товаровъ, а поэтому всѣ судохозяева и негоціанты должны въ ней одной помѣщать свои объявленія.

Мы уже сказали, что *Advertiser* была основана, въ 1793 году, содержателями ресторацій и тавернъ. Эта газета держится съ-тѣхъ-поръ въ одномъ положеніи не возвышаясь, и не упадая.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Кобденъ и Брейтъ въ публичномъ митингѣ просили своихъ слушателей поддержать газету *Daily-News*, она сдѣлалась представительницею такъ-называемой манчестерской школы; и первое время существованія этой газеты было чрезвычайно-блистательно. Диккенсъ печаталъ въ ней свои *Письма объ Италіи* и множество другихъ статей. Другіе сотрудники были достойны такого товарища; но Диккенсъ вскорѣ отдѣлился — и составъ теперешней редакціи уже явно доказываетъ упадокъ этой газеты.

Со временъ Даніеля Стюарта, *Post* вѣрна своей партіи тори. Только два года тому назадъ произошло въ ней небольшое измѣненіе. Продолжая принадлежать прежней партіи и защищать си–

стему протекціонистовъ, *Post* приняла, однакожь, сторону лорда Пальмерстона.

Herald была сначала газетою виговъ и осталась вѣрною сэру Роберту Пилю до конца. *Standard* слѣдуетъ той же системѣ; ихъ прозвали *Касторомъ и Поллуксомъ* журналистики.

Chronicle пятьдесятъ лѣтъ была газетою виговъ и этому обязана своимъ благосостояніемъ. Въ 1822 году была она въ упадкѣ во время историческаго процеса Каролины за то, что газета эта колебалась защищать ее. Самое блистательное время *Chronicle* было въ 1834 году Въ 1847, издатели, замѣтя постоянное уменьшеніе продажи газеты, вздумали убавить цѣну ея съ 80 на 40 сантимовъ за нумеръ, но доходы отъ этого только уменьшились, а читателей не прибавилось. Теперь газета эта — подъ редакціею Генриха Вилльяма Вилльса, и съ 1849 года сдѣлалась одною изъ лучшихъ литературныхъ газетъ.

Times занимаетъ совершенно отдѣльное мѣсто въ англійской журналистикѣ. Она не принадлежитъ никакой партіи, долго защищала хлѣбные законы; теперь привержена къ системѣ свободной торговли, но съ оговорками, принимая уничтоженіе хлѣбной пошлины какъ фактъ, а не какъ правило. Она сдѣлалась противникомъ протекціонистовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно насмѣхается надъ Кобденомъ, Брейтомъ и всею манчестерскою школою. Ни одна газета въ мірѣ не пользуется такимъ вліяніемъ надъ своими читателями, какъ *Times* надъ Англичанами.

Впрочемъ, колоссальный успѣхъ *Times* принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда сбавка штемпельной пошлины подняла вдругъ всѣ газеты, *Times* продавалась только въ числѣ 10,000 экземпляровъ...

Весною 1841 г., корреспондентъ *Times* въ Парижѣ, г. О'Рельи, получилъ подъ секретомъ извѣстіе, что общество искусныхъ плутовъ составило планъ обобрать въ одно время всѣхъ первѣйшихъ европейскихъ банкировъ. Успѣхъ казался несомнѣннымъ и долженъ былъ принести этому обществу до двадцати милліоновъ. Для начала произведена была попытка въ небольшомъ видѣ. У одного банкира во Флоренціи успѣли самымъ легкимъ образомъ выманить 950,000 фр. Члены этого общества дѣйствовали невидимо; они втирались вездѣ въ высшій кругъ; предпріятіе ихъ было ведено очень-искусно; не было никакихъ уликъ и документовъ, слѣдственно мудрено было дѣйствовать противъ нихъ и помѣшать исполненію ихъ плана. *Times* не колебалась, однакожь: она обнародовала извѣстія, полученныя ея корреспондентомъ; но, чтобъ не подвергнуть г. О'Рельи покушенію злодѣевъ на жизнь его, письмо было напечатано безъ подписи, изъ Брюсселя. Весь планъ мошенниковъ былъ описанъ со всѣми подробностями и съ этой минуты исполненіе его сдѣлалось невозможнымъ, потому-что всѣ европейскіе банкиры были уже предупреждены. Можно было бы принять все открытіе за романъ, еслибъ во Фло-

ренціи не было сдѣлано попытки, хотя виновники ея остались въ совершенной неизвѣстности.

У *Times* не было никакихъ законныхъ доказательствъ, и нѣкто Богль, который обозначенъ былъ въ письмѣ О'Рельи, какъ второстепенное лицо въ этомъ планѣ, подалъ въ судъ просьбу на газету *Times*, обвиняя ее въ клеветѣ. Въ августѣ 1841 года процесъ этотъ былъ судимъ въ Кройдонскомъ Ассизномъ Судѣ, и присяжные принуждены были обвинить редакцію *Times*, но присудили истцу, въ вознагражденіе за клевету, одинъ фартингъ (самая мелкая монета). Зато судебныя издержки, простиравшіяся до 125,000 фр., должна была заплатить редакція.

При вседневныхъ преніяхъ этого процеса открылось, съ какимъ трудолюбіемъ и усердіемъ корреспондентъ *Times* отъискивалъ всѣ слѣды составленнаго плана, какихъ издержекъ редакція не щадила, чтобъ добиться до истины и сколько предосторожностей надобно было употребить, чтобъ открытіе послужило ко всеобщей пользѣ. Вся лондонская биржа взволновалась. Единогласно объявили, что *Times* оказала большую услугу всему торговому сословію и что несправедливо заставлять ее платить за издержки подобнаго процеса. Составили подписку и въ короткое время собрали 60,000 фр. Но издатели *Times* объявили, что ничего не примутъ, потому-что исполнили только свой долгъ. Лордъ-меръ созвалъ собраніе городоваго совѣта, и рѣшено было выставить двѣ мраморныя доски: одну на лондонской биржѣ, другую въ редакціи *Times*, съ надписью объ оказанной редакціею услугѣ. Собранную же сумму отдали въ кредитное установленіе, чтобъ изъ процентовъ содержать двухъ студентовъ, называемыхъ студентами *Times*, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, выпускаемыхъ изъ *Christi-Huspiter* и изъ школы лондонскаго Сити.

Услуга, оказанная газетою *Times*, была дѣйствительно очень-важна. Но, кромѣ того, редакція всегда съ готовностью поддерживаетъ всѣ торговыя выгоды и принимаетъ даже личныя жалобы, если онѣ основательны. Всѣмъ извѣстіямъ и предсказаніямъ этой газеты вѣрятъ даже до-того, что еслибъ редакціи вздумалось сказать, что японскій императоръ выслалъ флотъ для завоеванія Англіи, то нашлись бы Англичане, которые бы этому повѣрили. При всякомъ важномъ событіи, первый вопросъ, который Англичане дѣлаютъ другъ другу: «а что̀ объ этомъ говоритъ *Times?*»

Но это положеніе имѣетъ своего рода опасность, которой не избѣгла и газета *Times*. Если всѣ англійскія газеты согласны въ чемъ-нибудь, можно быть увѣреннымъ, что въ *Times* будутъ говорить противъ общаго мнѣнія.

Посмотримъ теперь на *внутренній механизмъ* англійскихъ газетъ.

Утренняя газета состоитъ изъ восьми страницъ, въ листъ (in folio), по шести столбцовъ на каждой страницѣ, всего сорокъ-восемь столбцовъ. Это почти вдвое болѣе самыхъ-огромныхъ

французскихъ газетъ. Первая и восьмая страницы, то-есть наружныя, посвящены объявленіямъ. На второй и третьей—парламентскія пренія, а за неимѣніемъ ихъ, выписки изъ судебныхъ слѣдствій, журналовъ, собраній желѣзныхъ дорогъ, цѣны товаровъ на рынкахъ, извѣстія торговли и промышлености. На четвертой и пятой помѣщаются самыя-важныя извѣстія, театральныя объявленія, обзоръ парламентскихъ засѣданій и политическія статьи, не болѣе четырехъ на столбецъ. На пятой—новѣйшія извѣстія, придворныя аудіенціи, пріемы у министровъ, остиндская, антильская, американская, французская и ирландская почты. Шестая страница посвящена иностраннымъ корреспондентамъ и обсужденію биржевыхъ дѣлъ, иногда разбору пьесъ и новыхъ книгъ. На седьмой — описанія судебныхъ засѣданій.

Удивительно, какое небольшое мѣсто занимаетъ въ каждомъ нумерѣ политика. Восьмая часть газеты наполнена описаніями судебныхъ дѣлъ не для удовлетворенія любопытства, а для юридической пользы. Въ Англіи нѣтъ постояннаго кодекса законовъ; бо́льшая часть случаевъ предоставлена произволу судей и предшествовавшимъ примѣрамъ; слѣдственно, ходъ и рѣшеніе всякаго дѣла чрезвычайно-любопытны для каждаго законовѣдца и челобитчика. Другимъ важнымъ отдѣломъ газеты почитается биржа и курсъ фондовъ и акцій. Альзаджеръ умѣлъ своими биржевыми статьями пріобрѣсть такую извѣстность, что редакція *Chronicle* платила 40,000 фр. жалованья за составленіе биржевыхъ извѣстій.

Мы ужь сказали, что объявленія занимаютъ четвертую часть газеты, но *Times*, сверхъ-того, публикуетъ нѣсколько разъ въ недѣлю прибавленія, отъ четырехъ страницъ и даже до восьми. Въ этомъ отношеніи нельзя сравнивать англійскія газеты съ французскими. Французскіе негоціанты не понимаютъ важности частыхъ объявленій; имъ кажется это излишнимъ расходомъ. Торговыя сословія въ другихъ странахъ выпускаютъ изрѣдка афиши, которыя тотчасъ же истребляются. Это большая ошибка. Газета перебываетъ въ сотнѣ рукахъ, а на афишу, особенно вывѣшенную на стѣнѣ, немногіе взглянутъ. Во Франціи стараются блеснуть въ объявленіяхъ, если не слогомъ, то хоть размѣромъ буквъ. Въ Англіи всѣ объявленія печатаются одинаковымъ шрифтомъ, по одной формѣ и съ одинаковыми буквами въ заголовкѣ. Рѣдкія занимаютъ больше десяти-двѣнадцати строкъ, кромѣ объявленій о недвижимыхъ имуществахъ, гдѣ подробности требуютъ больше мѣста. Ужь одна привычка видѣть часто одно и то же объявленіе знакомитъ съ нимъ читателей.

Times имѣетъ въ этомъ родѣ двѣ спеціальныя монополіи. Въ эту газету обращаются всѣ, кому нужно какое-нибудь мѣсто, или кто ищетъ себѣ кого-нибудь въ услуженіе или на жалованье. До двухсотъ лакеевъ, камердинеровъ, нянекъ, поваровъ и т. п., предлагаютъ ежедневно въ *Times* свои услуги, и столько же лицъ ищутъ прикащиковъ, гувернёровъ, учительницъ. Эти объявленія,

въ двѣ строки, приносятъ редакціи до ста тысячъ франковъ въ годъ. Другая спеціальность гораздо-страннѣе. Четвертый столбецъ первой страницы представляетъ рядъ дополнительной почтовой переписки. Тутъ переписываются лица, незнающія адреса другъ друга. Не проходитъ дня, чтобъ жена, или огорченное семейство не обращались въ *Times*, къ мужу, непокорному сыну, или къ дочери, оставившимъ свой домъ. Всѣ заглавныя буквы азбуки переписываются въ *Times*, грозятъ другъ другу, умоляютъ, призываютъ. Три мѣсяца тому назадъ, видѣли мы каждую недѣлю объявленіе *горлицы объ одномъ крылѣ*, умоляющей о возвратѣ того, кто долженъ былъ поддерживать ее и защищать.

Расходы англійскихъ газетъ огромны. Неисчисляя всѣхъ, назовемъ главные. Вопервыхъ, пошлина за бумагу составляетъ значительную сумму. *Times* платитъ ежедневно одной этой пошлины по 1,500 фр. въ день, то-есть 400,000 въ годъ. Потомъ штемпельная пошлина по одному пенни или 10 сантимовъ за нумеръ (около 3 коп, сер.), что на 30,000 экземпляровъ составитъ по 3,000 франковъ въ день, или около 800,000 въ годъ. А какъ эти двѣ пошлины должны очищаться ежедневно, то издатели должны имѣть большіе капиталы. Впрочемъ, одна газета *Times* сама отдаетъ штемпелевать свою бумагу. Всѣмъ другимъ редакціямъ доставляютъ эту бумагу книгопродавцы, уплачивая въ казну свои деньги.

Пошлина съ объявленій платится повидимому только объявителемъ; но какъ редакція со всякаго объявленія платитъ въ казну 1 шил. 6 пенс. (48 коп. сер.), то бѣднымъ людямъ и нельзя печатать о своихъ надобностяхъ и предложеніяхъ. А какъ *Times* расходится больше всѣхъ другихъ газетъ, то всякій идетъ въ эту редакцію со своимъ объявленіемъ, чтобъ 30,000 человѣкъ прочли о немъ. Пошлину съ объявленій платятъ газеты тоже ежедневно, предъявляя для провоза на почтѣ экземпляръ газеты.

Издержки на редакцію и печать чрезвычайно-увеличились въ послѣдніе годы. *Public Advertiser* въ 1773 г. стоила въ годъ 20,000 фр., изъ которыхъ 2,500 фр. за переводъ иностранныхъ статей, 350 за подписку на иностранныя газеты и отъ 500 до 600 франковъ за англійскіе журналы. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1821 г., одни расходы печатанья *Chronicle* составляли въ недѣлю 1,500 фр., то-есть вчетверо противъ *Public Advertiser* въ 1773 г. Въ то же время расходы ежедневной вечерней газеты простирались до 150,000 фр. въ годъ, а утренней не менѣе 225,000 фр. При малѣйшемъ усиліи для пріобрѣтенія довѣренности публики, расходы доходили до 350,000, и однакожь, за иностранныя извѣстія платилось только въ годъ 3,000 фр. чиновнику почтамта, который, тотчасъ же, по полученіи почты, выписывалъ всѣ новости и сообщалъ ихъ редакціи въ переводѣ. Теперь каждая редакція имѣетъ двухъ факторовъ, трехъ надсмотрщиковъ для объявленій, шесть корректоровъ, 45 — 50 наборщиковъ (у *Times* ихъ 110), съ 8—10 помощниками, одного главнаго механика, 15—18 служите-

лей при машинѣ и формахъ. Наборъ и печать стоятъ среднимъ числомъ 5,000 фр. въ недѣлю, то-есть болѣе 250,000 въ годъ.

Нельзя опредѣлительно сказать, сколько нужно на выписку всѣхъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Гонтъ считаетъ до ста-пятидесяти изданій, нужныхъ каждой редакціи. Почтовыя издержки за корресподенцію и телеграфическія депеши стоятъ тоже очень-дорого. При избраніи г. Гудсона въ Сондерландѣ, редакторъ одной лондонской газеты два раза ѣздилъ слушать рѣчи этого главнаго правителя желѣзныхъ дорогъ, а каждый экстренный поѣздъ стоитъ 1,200 фр.

Въ главѣ каждой редакціи находится отвѣтственный издатель, или главный редакторъ, который отвѣчаетъ предъ закономъ за все напечатанное. Онъ опредѣляетъ всякій день какое должно быть содержаніе газеты и какіе писатели должны написать статью. За это онъ получаетъ отъ 25 до 40,000 фр., смотря по важности и средствамъ газеты. За нимъ слѣдуетъ помощникъ его, на которомъ лежатъ всѣ прочія обязанности управленія: онъ читаетъ всѣ провинціальныя газеты и отмѣчаетъ ихъ, пересматриваетъ выписки, поправляетъ, сокращаетъ. Спеціальный иностранный редакторъ прочитываетъ всѣ иностранныя газеты, просматриваетъ письма корреспондентовъ и обдѣлываетъ ихъ для печати; онъ получаетъ отъ 12 до 15,000 фр. Главный редакторъ только одинъ знаетъ писателей, участвующихъ въ редакціи; имена ихъ никогда не произносятся въ редакціи. Расходъ на этихъ сотрудниковъ простирается до 50,000 фр. Описаніе парламентскихъ засѣданій требуетъ главнаго стенографа въ 12,000 фр. жалованья и пятнадцать стенографовъ по 8,000. Свѣдѣнія о судебныхъ засѣданіяхъ стоятъ до 1,000 фр. въ недѣлю. Для этого надобно въ цѣлой Англіи содержать множество корреспондентовъ; бо̀льшая часть знаменитѣйшихъ юристовъ занималась первоначально составленіемъ этихъ описаній. Послѣдній важный редакторъ — биржевой, получающій до 10,000 фр. Два спеціальные редактора должны слѣдить ежедневно за Морк-Ленскимъ и Минсинг-Масскимъ рынками; за всѣми прочими рынками рогатаго скота, фуража, говядины, рыбы, овощей и угля слѣдятъ другіе сотрудники; наконецъ есть особые редакторы по части театровъ, концертовъ, скачекъ и выставокъ.

Этотъ огромный списокъ лицъ, участвующихъ въ изданіи одной газеты еще не полонъ. Мы еще ничего не сказали о корреспондентахъ. Остиндская почта всегда стоитъ дороже, иногда до 250,000 фр. *Times*, кромѣ годоваго жалованья въ 2,500 фр., платитъ 2,000 фр. за каждую поѣздку курьеру, чтобъ въ 66 часовъ съѣздить изъ Кале въ Марсель и привезти нѣсколькими часами раньше почты извѣстія въ десять строкъ. Этотъ расходъ производился прежде всякій мѣсяцъ. Желѣзныя дороги и электрическій телеграфъ уменьшатъ теперь эти расходы. Послѣ остиндской, парижская корреспонденція всего важнѣе: она стоитъ до 25,000 фр. Подобныя корреспонденціи учреждены въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ,

Римѣ, Мадридѣ, Лиссабонѣ, и стóятъ каждая отъ 4 до 6,000 фр. Въ Гамбургѣ, Мальтѣ, Аѳинахъ, Константинополѣ, Бомбеѣ, Гонг-Конгѣ, Сингапурѣ, Ньюйоркѣ, Монреалѣ и Ямайкѣ, также должны быть непремѣнно корресподенты. Кромѣ этого, при каждомъ чрезвычайномъ происшествіи въ какой-либо странѣ, тотчасъ же отправляется туда спеціальный корреспондентъ; для скорѣйшаго же сообщенія всѣхъ торговыхъ извѣстій должны быть корреспонденты и въ каждой англійской гавани. Однимъ словомъ, корреспонденты стоютъ до 150,000 фр.; прибавя къ этому расходы печатанія 250,000 и до 300,000 на редакцію, получится 700,000, кромѣ пошлинъ за бумагу, за штемпель и за объявленія.

При этихъ огромныхъ издержкахъ нельзя удивляться, что въ Англіи такъ мало газетъ: необходимо собрать капиталъ въ мильйонъ прежде, нежели думать объ изданіи; увѣренность, что деньги эти израсходуются въ первые мѣсяцы на обзаведеніе, трудность найдти надежныхъ и способныхъ сотрудниковъ, составляютъ преграду каждому, кто бы рѣшился на подобную попытку. Съ 1825 по 1830 годъ произведено было нѣсколько попытокъ къ основанію новой газеты для соперничества съ *Times*, то подъ названіемъ *the Day*, то *New Times*, то *Утренней газеты*—но ни одно изъ предпріятій не удалось. Около этого же времени знаменитый книгопродавецъ Муррей, бывшій въ связи со всѣми современными литераторами, разсчелъ, что съ содѣйствіемъ всѣхъ любимыхъ авторовъ онъ непремѣнно уничтожитъ всѣ прочія газеты, и основалъ *Representative*, въ которой участвовалъ даже д'Израэли. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Муррей отказался отъ своего предпріятія, потерявъ 400,000 фр.

Съ-тѣхъ-поръ только *Daily News* успѣлъ, съ 1846 года, утвердить свое существованіе, употребивъ много дѣятельности и ума. Напримѣръ, въ знаменитое засѣданіе Парламента, въ которомъ сэръ Робертъ Пиль развилъ свой финансовый планъ и предложилъ уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ, рѣчь его кончилась въ половинѣ третьяго ночью, а въ пять часовъ утра *Daily News* продавался уже по лондонскимъ улицамъ съ рѣчью (вкратцѣ) перваго министра; въ восемь часовъ утра привезена уже была эта газета въ Ливерпуль и Бристоль съ отдѣльными поѣздами; въ полдень была она въ Шотландіи, а на другое утро въ Парижѣ. Доказавъ свою дѣятельность, *Daily News* превратился потомъ вдругъ въ маленькую газету изъ четырехъ страницъ, за которую платили 2½ пенса (7 коп. сер). Но съ 1-го Февраля 1849 года она приняла опять прежній форматъ, въ восемь страницъ, и цѣну въ пять пенсовъ, какъ и другія газеты. Послѣ *Daily News* не было уже попытокъ къ основанію новой газеты. Въ прошедшемъ году долго публиковали о какомъ-то *Politician*, но ни одного нумера этой обѣщанной газеты до-сихъ-поръ не вышло. Въ настоящее время все клонится даже къ уменьшенію газетъ. Только у *Times* и *Advertiser* не уменьшается число читателей.

Times имѣетъ 35,000 подписчиковъ; выше этого числа она са-

ма не желаетъ имѣть. Она часто принуждена теперь прилагать экстренныя прибавленія для объявленій: въ этомъ случаѣ расходы пошлинъ превышаютъ уже доходы. Чтобъ не отказывать никому, редакція печатаетъ три раза эти экстренныя прибавленія, которыя ей самой стóятъ дороже, и которыхъ она печатаетъ только 10,000 экземпляровъ.

Вечернія газеты вовсе въ другомъ положеніи, нежели утреннія. Важнѣйшія изъ нихъ *Globe*, *Sun*, *Standard*. *Globe* существуетъ съ 1811 года. Онъ основанъ былъ вмѣстѣ съ утреннею газетою *Brittish Press* тѣми же самыми лицами, для состязанія съ *Morning Post* и *Courrier*. Утренняя газета вскорѣ погибла. *Globe* спасся только искусствомъ и дѣятельностью своего редактора, Джорджа Лена и упорствомъ издателя Томаса Чопмана. Въ 1834 году *Globe* соединился съ другою вечернею газетою *Traveleer*, которой названіе и теперь еще выставлено послѣ *Globe*, а въ слѣдующіе четыре года слились съ нимъ еще пять газетъ: *Statesman*, *True Breton*, *Evening Chronicle*, *Nation* и *Argus*, изъ которыхъ иные существовали только нѣсколько мѣсяцовъ.

Sun издается съ 1792 года, и долго существовалъ незамѣтно. Съ 1782 по 1830 годъ истратила редакція 400,000 фр. на разныя улучшенія, которыми успѣла пріобрѣсти всеобщую довѣренность. И теперь еще всѣ справляются въ этой газетѣ о скачкахъ.

Standard самая литературная и занимательная вечерняя газета. Она основана въ 1827 году. Вечернія газеты имѣютъ гораздо меньше расходовъ, нежели утреннія. Имъ довольно одного, или двухъ корреспондентовъ въ Ирландіи, нѣсколькихъ агентовъ въ приморскихъ городахъ для сообщенія о пріѣздѣ судовъ. Эти агенты не ждутъ, чтобъ почта была дана съ корабля. Уже издали, посредствомъ сильныхъ зрительныхъ трубъ, видятъ они приближеніе судна, ѣдутъ къ нему на встрѣчу на рейдъ, получаютъ письма и газеты по своему адресу, пробѣгаютъ ихъ, возвращаясь въ портъ, дѣлаютъ тотчасъ же выписки и сообщаютъ по электрическому телеграфу обзоръ всѣхъ новостей. Иногда пассажиры не успѣли еще сойдти съ судна, а извѣстія, привезенныя ими напечатаны уже въ Лондонѣ и выкрикиваются на улицѣ разнощиками. Когда генералъ Парадесъ, изгнанный изъ Мехики, отправился *инкогнито* въ Англію на антильскомъ почтовомъ пароходѣ, пристающемъ въ Соутемптонѣ, то остановился, по прибытіи своемъ, на рейдѣ на нѣсколько времени, въ ожиданіи прилива. Онъ думалъ, что никто не узнаетъ о его пріѣздѣ; каково же было его удивленіе, когда, сойдя на берегъ, онъ услышалъ разносчиковъ, которые кричали: «важныя газетныя новости! Парадесъ пріѣхалъ изъ Мехики въ Соутемптонъ!»

Вечернія газеты много должны, конечно, заимствовать изъ утреннихъ. Это подало мысль соединить утреннія газеты съ вечерними. Такъ *Standard* принадлежитъ тѣмъ же издателямъ, чтó и *Herald*. Извѣстія, невошедшія въ утреннюю газету, употребляются для вечерней.

Express, основанный въ 1846 году, составляетъ съ *Daily News* такое же цѣлое, какъ *Standard* и *Herald*. Редакціи *Times* принадлежитъ газета *Evening-Mail*, издающаяся черезъ день и перепечатывающая въ одномъ нумерѣ все, что въ *Times* помѣщается въ двухъ, кромѣ объявленій. Это придумано для недостаточныхъ лицъ, которыя не могутъ всякій день покупать газеты.

Въ вечернихъ газетахъ очень-мало объявленій. Распредѣленіе содержанія такое же, какъ и у утреннихъ. Наборъ этихъ газетъ производится очень-быстро. Всякая статья начинается вверху столбца. Если она не кончится до самаго низу, то въ остающемся пустомъ мѣстѣ помѣщаютъ афоризмы, анекдоты, изреченія, заранѣе приготовленныя съ этой цѣлью. Въ утреннихъ газетахъ тоже прибѣгаютъ къ этому, когда парламентскія засѣданія слишкомъ-поздно продолжаются, и редакція принуждена прервать разсказъ, чтобъ не пропустить утренняго поѣзда желѣзной дороги.

Прежде чѣмъ будемъ говорить о доходахъ газетъ, надобно упомянуть еще о расходахъ вообще. *Times*, явившаяся напримѣръ 26-го мая 1851 года съ прибавленіемъ, заплатила казнѣ пошлинъ 6100 фр. за штемпель, 1600 фр. за бумагу, 2200 за объявленія, всего 9900 фр. Въ 1850 году эта же газета заплатила въ годъ 400,000 фр. за бумагу, 500,000 за объявленія, 1,670,000 фр. за штемпель, всего 2,570,000 фр., или по 8210 фр. въ день. Сколько надобно получать дохода, чтобъ платить подобныя издержки? Въ этотъ день, какъ газета заплатила 2000 фр. пошлины за объявленія, было въ ней до тысячи трехсотъ этихъ объявленій. Въ одномъ прибавленіи помѣщено ихъ было на 6750 фр. Всѣ англійскія газеты вмѣстѣ публикуютъ немного болѣе двухъ мильйоновъ объявленій. Это гораздо-больше, нежели во Франціи, но впятеро меньше, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ печатается до десяти мильйоновъ объявленій въ годъ. Изъ этихъ двухъ мильйоновъ англійскихъ объявленій, въ Лондонѣ печатается до 900,000; въ одномъ *Times* до 300,000. Въ 1845 году, за уплатою всѣхъ расходовъ и процентовъ на капиталъ, *Times* получила чистой прибыли 750,000 фр. Но съ-тѣхъ-поръ, кажется, доходы уменьшились отъ самаго распространенія газеты.

Продажа экземпляровъ составляетъ второй главный доходъ газеты. Мы говоримъ *продажа*, потому-что *подписка* не вошла еще въ обычай Англичанъ. У нихъ сохранилось еще первоначальное обыкновеніе, то-есть продажа газетъ разнощиками на улицѣ. Англичанинъ никакъ не хочетъ стѣснить себя обязанностью получать всякій день одну и ту же газету, не имѣя права купить себѣ другую, которая почему-нибудь въ такой-то день помѣстила болѣе-интересныя свѣдѣнія, нежели прочія газеты. Притомъ же Англичанинъ рѣдко бываетъ домосѣдомъ: онъ вѣчно путешествуетъ по дѣламъ, или для своего удовольствія. За нимъ никакая газета не поспѣетъ. Во Франціи публика получаетъ газеты изъ конторы администраціи; въ Англіи надобно обратиться къ *news vendor* (продавцу новостей). *Daily News* хотѣла-было, при

основаніи своемъ, ввести обычай подписокъ, дѣлая за это нѣкоторую уступку; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и надобно было отказаться отъ этого. Поэтому-то газета и не знаетъ никогда точнаго числа своихъ читателей. Весь разсчетъ ея примѣрный. Она живетъ со-дня-на-день, печатая или больше экземпляровъ, нежели сколько продается и, слѣдственно, платя лишнее за штемпель и бумагу, или заготовляя иногда меньше экземпляровъ, нежели потребуется. Самая подписка, платимая во Франціи впередъ, платится въ Англіи по истеченіи каждаго трехмѣсячія, и подписчикъ имѣетъ дѣло съ продавцомъ, который ужь расчитывается ежедневно, или еженедѣльно съ редакціею. Штемпельная пошлина въ 10 сантимовъ освобождаетъ уже газету отъ платежа почтовыхъ денегъ, и газета всюду появляется безплатно.

Times имѣетъ привилегію на содержаніе типографіи и отдаетъ свои нумера разнощикамъ по 40 сантимовъ, которые перепродаютъ ихъ по 50. Прочія газеты публикуются подъ отвѣтственностью привилегированнаго типографщика, называемаго *publisher*. Редакція отдаетъ этому типографщику нумера свои по 3¾ пенса, тѣ отдаютъ ихъ разнощикамъ за 4 пенса, а послѣдніе продаютъ по 5; слѣдственно разнощики получаютъ 25%.

Бо̀льшая часть газетъ продается въ числѣ не болѣе мильйона экземпляровъ въ годъ. При платѣ по 5 пенсовъ получится только 120,000 фр. въ годъ, и надобно, значитъ, еще 600,000 выручить объявленіями, чтобъ только уравнять расходъ съ приходомъ. Разсчитывая по 50 сантимовъ за нумеръ, годовая подписка обошлась бы въ Лондонѣ по 156 фр., а въ провинціи 170. Но по парламентскимъ документамъ 1851 года, только одинъ изъ тысячи жителей можетъ безъ стѣсненія заплатить такую сумму. Слѣдственно, надобно удивляться, что всѣ лондонскія газеты вмѣстѣ печатаютъ ежедневно 60,000 нумеровъ, что̀ составляетъ по одному нумеру на 500 жителей. *Times* печатаетъ 38,000, прочія утреннія газеты 12,000, а вечернія 10,000. Эти цифры нейдутъ въ сравненіе съ американскими и парижскими.

Вседневныхъ газетъ раздается въ Лондонѣ двѣ трети, или даже три четверти печатаемыхъ экземпляровъ. Всѣ публичныя заведенія, отели, кофейные дома, трактиры, кабинеты для чтенія, клубы обязаны имѣть всѣ газеты; но вечеромъ всѣ эти экземпляры отсылаются въ провинціи; многіе получаютъ ихъ изъ вторыхъ, третьихъ, четвертыхъ рукъ, а потомъ ихъ же отправляютъ въ колоніи, потому-что, по законамъ, штемпелеванная газета (не позже недѣли послѣ выхода) принимается на почтѣ безплатно. Пройдя столько рукъ, газета оканчиваетъ свое существованіе въ Канадѣ, на американскихъ островахъ, въ Австраліи.

Такимъ-образомъ газеты доходятъ и до бѣднѣйшаго сословія; слѣдственно число штемпелей ихъ нельзя считать по числу подписчиковъ. Въ Англіи гораздо-больше расходится еженедѣльныхъ газетъ въ три пенса. *Lloyd-Weekly-paper* имѣетъ 50,000 подписчи-

ковъ, *Weekly Times* 40,000, *News of the World* 60,000, а неполитическіе листки въ 2 — 4 су продаются по нѣсколько сотъ тысячъ. *Familly Herald* печатается въ числѣ 147,000 экземпляровъ въ недѣлю; *London Journal* по 130,000.

(Revue des Deux Mondes).

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О РИГ-ВЕДѢ.

Давно ужь упоминалось въ преданіяхъ, что въ Индіи есть таинственныя книги, содержащія въ себѣ всю сущность ученія браминовъ; но, написанныя на діалектѣ, забытомъ ужь нѣсколько столѣтій, книги эти долго скрывались отъ всѣхъ поисковъ. Англичанинъ Кольборнъ первый познакомилъ съ ними ученый свѣтъ. Изъисканія были потомъ дополнены Ротомъ и Веберомъ.

Веды внушали такое глубокое уваженіе Индусамъ, что чтеніе ихъ дозволялось только одной высшей кастѣ. Самое названіе ихъ значило *высшую науку*; и если браминъ не занимался ею, то лишался своего званія и поступалъ въ низшее сословіе судрасовъ.

Въ законахъ Ману сказано: «Молитвы, содержащіяся въ Ригѣ, Яджусѣ и въ разныхъ главахъ Сама-Веды, составляютъ тройную *Веду*. Кто ее знаетъ, знаетъ всю священную исторію Индіи». Но впослѣдствіи слово Веды измѣнило свое значеніе и стало означать только отличное качество книги: Атарванъ, Мага-Барата, Пураны и даже Сиватантра названы были также Ведами.

Книги Ведъ весьма-важны для исторіи литературы и образованности Индостана: въ нихъ заключается весь пантеизмъ этой страны со всѣми его преувеличеніями и метафизикою. Въ нихъ открывается тайная причина этого страннаго направленія, которое отъ стоическихъ преувеличеній дошло до совершеннаго равнодушія къ добру и злу.

Риг-Веда осталась сборникомъ лирическихъ гимновъ. Самая древность дѣлаетъ ихъ болѣе-понятными. Эти гимны первоначально посвящены были богамъ; даже сочиненіе нѣкоторыхъ пѣсенъ приписывали самимъ богамъ индійской миѳологіи. Это единственная книга Индусовъ, которая избѣжала вставокъ и поправокъ, такъ исказившихъ прочія Веды.

Другой вопросъ, столь же важный, соединенъ съ Риг-Ведою: филологическое изученіе санскритскаго языка, имѣющаго такую тѣсную связь со всѣми европейскими діалектами. Связь эта ужь не ипотеза ученыхъ, а ясный и неоспоримый фактъ. Древнѣйшія книги Индусовъ, близкія къ эпохѣ переселенія народовъ, вторгшихся въ Европу, многое объясняютъ въ языкѣ и миѳологіи этихъ народовъ, указывая на ихъ первоначальное происхожденіе. Хотя успѣхи нашей образованности и давно ужь изгладили почти всѣ черты первобытнаго происхожденія европейскихъ племенъ, но въ литературныхъ памятникахъ Индіи можемъ мы еще отъискать нѣкоторые элементы умственной жизни отдаленныхъ нашихъ предковъ.

Первый вопросъ при изученіи Ведъ состоитъ въ эпохѣ ихъ появленія. Этотъ вопросъ весьма-важенъ для исторіи всѣхъ народовъ. Къ-сожалѣнію, метафизическія и религіозныя идеи Индусовъ, равнодушныхъ ко всякой математической точности, запутали этотъ вопросъ до невозможности. Есть историческія событія, остающіяся въ видѣ загадочныхъ преданій безъ причинъ и послѣдствій; поэтому эпоху сочиненія Ведъ надобно отъискивать по ипотезамъ.

Если вѣрить лѣтописи, оставленной намъ манускриптами Риг-Веды, то книга эта написана за 1400 лѣтъ до христіанскаго лѣтосчисленія. Во всякомъ случаѣ древность ея весьма-значительна. Грамматикъ Панини, жившій за 350 лѣтъ до Р. Х., упоминаетъ о Яски, истолкователѣ индійскихъ Ведъ, жившемъ задолго до него. У этого Яски есть трактакъ о санскритскомъ языкѣ Ведъ.

Другимъ доказательствомъ древности Ведъ служитъ то, что законы Ману списываютъ ихъ буквально во многихъ случаяхъ, тогда-какъ самые законы Ману гораздо-древнѣе Рамайяны, потому-что ни о Рамѣ, ни объ одномъ превращеніи Вишну не упоминается въ этихъ законахъ. Самый языкъ Ведъ обнаруживаетъ въ своихъ формахъ первобытныя времена. Грамматика его не имѣетъ еще ни полноты, ни систематическихъ основаній послѣдующихъ эпохъ. Лексиконъ сохранилъ множество коренныхъ словъ, которыя исчезли въ литературномъ санскритскомъ языкѣ, а встрѣчаются только въ зендскомъ, который можно назвать близнецомъ его, но происхожденіе котораго теряется въ болѣе-отдаленной древности.

Даже въ новѣйшихъ гимнахъ ничего еще не упоминается о браминизмѣ, который, будучи вызванъ буддизмомъ, основался не прежде VI вѣка до Р. Х. Судя по сопротивленіямъ, какія должно было встрѣтить на Востокѣ это новое ученіе, безжалостно-уничтожающее лучшія надежды человѣка и опровергающее достоинство добродѣтели, немудрено, что ему нужно было семь или восемь вѣковъ для водворенія въ Индостанѣ.

Риг-Веда состоитъ изъ сборника гимновъ (Санхиту); но, кромѣ религіозныхъ предметовъ, въ ней есть пѣсни: *о лягушкахъ* (мандоусахъ), о шахматной игрѣ, о водахъ и объ алкоголическомъ напиткѣ *Сома*.

Въ какой промежутокъ времени составлена Риг-Веда, то-есть въ одну ли опредѣленную эпоху, или это сборники поэмъ, написанныхъ въ-теченіе цѣлыхъ вѣковъ? Сколько можно догадываться, послѣднее предположеніе вѣроятнѣе. Въ Риг-Ведѣ есть даже воспоминаніе о кочующей жизни народа пастырей. Въ поэмѣ этой просятъ По-ужана (кормилецъ-солнце), привести народъ къ богатымъ пажитямъ, а бога *Сому* сравниваютъ съ воиномъ, идущимъ на добычу коровъ.

Патріархальные нравы, которыхъ нѣтъ ужь и слѣда въ Рамайянѣ, облекаютъ еще въ Риг-Ведѣ главу семейства тою неограниченною властью, которая уничтожена ученіемъ браминовъ. Изъ поэмы видно, что со смертью главы семейства, оно не разста-

валось, а продолжало существовать въ видѣ клана, котораго глава управлялъ всѣмъ.

Далѣе, въ другихъ поэмахъ видно уже, что земледѣльческій образъ жизни искоренилъ пастушескій. Землю пахали быками; жатву отвозили домой на колесницахъ; рожь молотили и просѣвали; обработывали также рисъ. Вообще, искусство земледѣлія приписывали богамъ. Промышленость тоже была успѣшна: пряли ленъ и шерсть, обработывали драгоцѣнные металлы, умѣли дѣлать сталь, топоры, котлы, копали колодцы, оковывали колеса шинами. Наконецъ есть поэма, гдѣ ужь образованность въ полномъ развитіи, говорится о корабляхъ, везущихъ сокровища міра, о цирюльникахъ, о ростовщикахъ, о собирателяхъ податей и даже о движущихся куклахъ.

Есть слѣды даже апоѳеозы, а именно: Ас–вины были принцы, которымъ воздавали божескія почести за то, что они научили людей земледѣлію. «Да! (сказано въ поэмѣ) вы за свои дѣла сдѣлались *дивами* и взяты на небо. Дѣти Суд-ханвана, дѣти силы, излейте на насъ свои милости, вы, получившіе безсмертіе!»

Видны также въ гимнахъ обычаи погребенія, напримѣръ, при *сожиганіи* мертвыхъ тѣлъ поютъ: «Да согрѣто будетъ тѣло его огнемъ; да вознесетъ его огонь этотъ въ лучшій міръ. *Агни* (Агни, или Огни былъ богомъ земнаго огня) и Сома да сопутствуютъ ему въ этомъ переселеніи!» Хотя гимны писаны въ разныя эпохи, но, не смотря на это, Риг–Веда составляетъ самый древній памятникъ индійской образованности.

О метафизическомъ божествѣ *Тримурти* и о дальнѣйшемъ проявленіи его въ *Аватарахъ*, нѣтъ еще ни слова въ Риг–Ведѣ. Нѣтъ даже пѣсни ни въ честь Лингама, ни Лотоса, въ которыхъ потомъ осуществляется вся индійская миѳологія. Ученіе о переселеніи душъ, заимствованное Пиѳагоромъ изъ Индіи, явилось значитъ гораздо позднѣе эпохи Риг–Веды. Въ законѣ Ману упоминается ужь объ этомъ ученіи. Тамъ сказано: «Если Двуджа злословитъ своего начальника, онъ будетъ по смерти осломъ; если клевещетъ на него, то превращается въ собаку; если отнимаетъ у кого имущество, сдѣлается насѣкомымъ; если завидуетъ кому, то— червемъ. Но въ Риг–Ведѣ говорятъ о подстрѣленныхъ птицахъ и съѣденныхъ собакахъ: значитъ, тогда еще не думали о системѣ переселенія душъ. Даже о раздѣленіи на касты, составляющемъ основный законъ индостанскаго общества, говорится тоже рѣдко и загадочно, такъ–что можно сомнѣваться въ дѣйствительномъ смыслѣ фразъ, относящихся къ этому учрежденію.

Вообще въ Риг–Ведѣ миѳологія составляетъ только еще поэзію, гдѣ воображеніе часто смѣшивало лица и идеи. Такъ, напримѣръ, *Сома* значилъ спиртуозный напитокъ, волнующій кровь и раздражающій жизненныя силы, а потомъ его превращаютъ въ бога луны.

Фетишизмъ составляетъ послѣднюю степень извращенія понятій, когда человѣкъ начинаетъ воздавать божескія почести созданіямъ ниже себя. Индостанъ перешелъ, конечно, всѣ эти степени, и въ Риг-Ведѣ есть слѣды древняго поклоненія этому началу, но въ самой религіи Ведъ не было ужь слѣдовъ фетишизма. Это ужь какая-то система, старающаяся быть не столь матеріальною и болѣе удобопонятною, хотя все еще проникнутая сабеизмомъ. Названіе всѣхъ существъ высшаго разряда было *Дивы*, то-есть блистательныя. Греки передѣлали его въ Θεος, Римляне— въ *Divus*, *deus*, Готы — въ *Tius*. Но въ Риг-Ведѣ видно, что названіе это сперва давалось жрецамъ, которыхъ потомъ стали обожать за то, что они хранили у себя огонь.

Въ Риг-Ведѣ три главныя божества: *Агні*, *Вайу* (или *Индра*) и *Соуріа*; но надъ ними есть еще высшее божество; мудрецы даютъ этому существу множество наименованій: *Агни*, *Яма*, *Матарисванъ*.

Агни обоготворяли первоначально въ видѣ огня; но потомъ мало-по-малу облекли въ форму божества и придали ему разные виды. «Когда ты родишься, о Агни! ты *Варуна*; когда воспла- «меняешься, ты дитя силы и всѣ боги въ тебѣ. Ты «*Индра* для «того человѣка, который тебѣ служитъ. Ты единственная душа «прочихъ боговъ».

Солнцу покланялись подъ разными названіями. Первоначальное было *Аріаманъ*, то-есть правитель звѣздъ, мѣритель времени, и по воспоминанію объ этомъ древнемъ поклоненіи солнцу, секта этихъ поклонниковъ называлась *Аріасами*. Слово *Митра*, означало также солнце, но съ качествомъ жизненной теплоты. Названіе *Варуна* также часто присоединялось къ Митрѣ. «О Митра-Варуна! ты встаешь и спускаешься къ намъ. Ты око всего міра; ты стражъ всего одушевленнаго и неодушевленнаго. Ты видишь и праведнаго и злаго».

Вишну сдѣлался потомъ также представителемъ солнца; онъ обходилъ всю землю въ три шага.

Всякое помраченіе солнца почиталось дѣйствіемъ злыхъ духовъ. Чаще всего помраченіе дѣлалось тучами, и потому воздавались божескія почести вѣтрамъ, разгоняющимъ тучи. Сперва вѣтеръ назывался *Вайу*, потомъ стали измѣнять названія по той странѣ, изъ которой онъ дулъ. Бурю же назвали *Рудро*.

Объ индійской космогоніи сохранились въ Риг-Ведѣ любопытныя пѣсни. Въ гимнѣ *Пурушъ* является божество безъ видимыхъ формъ и совершенно-чуждое миѳологіи. «Луна, сказано тамъ, родилась изъ сердца его, солнце—изъ глазъ, огонь и Индра—изъ устъ, вѣтеръ отъ дыханія, воздухъ отъ пупка его, небо изъ головы, земля изъ ногъ.

Въ законахъ Ману еще яснѣе описано это космогоническое божество. «Божество, существующее собственною своею властью, «произвело сперва воды и положило въ нихъ сѣмя, которое «сдѣлалось яйцомъ, блиставшимъ тысячью золотистыхъ лучей.

«Изъ яйца вышло верховное существо подъ видомъ Брамы, ро-
«доначальника всѣхъ живыхъ существъ».

Въ древнѣйшихъ гимнахъ Ведъ нѣтъ еще ни жрецовъ, ни храмовъ. Каждый глава семейства исполнялъ религіозные обряды съ своими домочадцами. Но въ позднѣйшихъ пѣсняхъ видно ужь учрежденіе теократіи. Есть ужь жрецы. Это не была еще политическая каста, но ужь корпорація, въ которой званія переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, безъ всякихъ условій лѣтъ и познаній.

Странное дѣло, что Индусы, создавшіе потомъ такое множество боговъ, не имѣли никакихъ законовъ и правилъ для гражданской и семейной жизни. Идеи добра и зла, правосудія и несправедливости, порока и добродѣтели были у нихъ относительны, перемѣшаны, почти мечтательны. Ученіе Ведъ вело къ философическому отрицанію человѣчества. Въ этомъ ученіи не было ни психологіи, ни нравственныхъ началъ; человѣкъ не имѣлъ права думать что-либо о своей личности; онъ не имѣлъ ни правъ, ни обязанностей. Законы Ману обязываютъ браминовъ къ одному занятію: къ молчанію. Все основано было на бездѣйствіи.

Это ученіе Ведъ перешло потомъ черезъ нѣсколько вѣковъ къ браминамъ, а отъ нихъ и къ другимъ кастамъ. Парсы обожали солнце, но составили ученіе дуализма или борьбу добраго и злаго начала Ормузда и Аримана. Мрачный Аги-дазака на санкритскомъ, Аши-дагако на зендскомъ, сдѣлался въ Иранѣ Зогакомъ-тираномъ, а Трастана — Ведовъ, Траэтаоно Зендовъ сдѣлался у Парсовъ Феридуномъ. *Сома* превращается въ *Гомъ*, и такимъ-образомъ восходя къ источнику, вездѣ сглаживаются различія, произведенныя вѣками.

Въ Греціи находимъ мы также слѣды сабеизма. Уранъ тотъ же *Варуна* Ригъ-Ведъ, Юпитеръ, Ζενςπατήρ произошелъ отъ санскритскаго *Дяушпитара*, сохраненнаго Гораціемъ въ словѣ *Diespiter*. Греческій Меркурій Ερμείας взятъ изъ Ведъ, гдѣ его называютъ *Серамая*, охранитель полей и посланникъ боговъ. *Карбура*, собака бога Яма, сдѣлалась у Грековъ *Керберомъ* (Церберъ). Церера была индійская *Средъ*—жатва. Вакхъ совершенно индійскаго происхожденія (Διόνυςος Дева-ниши).

Древняя скандинавская миѳологія также явно происходитъ отъ индійской. Тамъ космогонія имѣетъ подобное же происхожденіе изъ разныхъ частей тѣла главнаго божества. И тамъ корова питала Имера, и тамъ индійское раздѣленіе на касты перешло къ сагамъ скандинавскимъ. Божество, называемое Рифъ (могучій) произвело сперва *Тремса* (невольника) съ чернымъ лицомъ и такими же волосами; потомъ *Карла* (свободнаго человѣка) съ рыжими волосами и цвѣтнымъ лицомъ, а наконецъ *Ярла* (благороднаго) съ бѣлокурыми волосами, розовыми щеками и твердымъ взглядомъ.

Хотя *Риг-Веда* и составлена изъ гимновъ и пѣсней, но истинной поэзіи въ нихъ нѣтъ. Религія, уничтожающая личность человѣка, недающая ему никакихъ утѣшеній противъ бѣдствій жиз-

ни, не можетъ внушить поэтическихъ мыслей. Въ подобныхъ пѣсняхъ нельзя искать литературныхъ красотъ, а потому *Риг-Веда* замѣчательна только по изображенію пантеизма Индусовъ, и отсутствію всякаго нравственнаго ученія, со всѣмъ невѣжествомъ предразсудковъ, со всѣмъ отверженіемъ идей всемірнаго порядка и изящества. Она важна какъ историческій памятникъ древнѣйшаго міра, изъ котораго произошли Греки и Римляне, въ языкахъ которыхъ всегда можно найдти санскритскій источникъ. Этотъ памятникъ созданъ по-крайней-мѣрѣ за четырнадцать вѣковъ до нашей эры, и это его главное достоинство.

Языкъ Ведъ преобразовался вѣками. Для истолкованія Ведъ можно было пользоваться только комментаріями Мадхавы и Яски, которые жили двѣ тысячи лѣтъ спустя; однакожь, г. Ланглуа, издавшій недавно переводъ *Риг-Веды* на французскомъ языкѣ, добросовѣстно исполнилъ свой трудъ и заслуживаетъ полную благодарность ученаго міра.

(Revue Contemporaine).

ПРОГУЛКА АМПЕРА ПО СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

(Статья вторая и послѣдняя).

Канада.

Я нарочно поѣхалъ по вновь-открытой желѣзной дорогѣ изъ Бостона въ Монреаль. Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды мы были посреди вновь-распахиваемыхъ земель. Истребленіе вѣковыхъ лѣсовъ, существовавшее прежде на крайнихъ предѣлахъ гражданской образованности, теперь встрѣчается на окраинахъ желѣзной дороги. Осматривая развалины Италіи, Греціи, Египта, я воображалъ себѣ *прошедшее*. Теперь, видя работы новыхъ поселенцевъ, думаю о томъ, что̀ будетъ здѣсь чрезъ нѣсколько вѣковъ.

Мы пріѣхали на берегъ рѣки Св. Лаврентія. Нѣсколько дней тому назадъ, испытывалъ я въ Бостонѣ неаполитанскую температуру. Здѣсь ужь совсѣмъ-другой климатъ; рѣки и горы представляютъ картину сѣвернаго края; солнце блѣдно и не грѣетъ. Вездѣ молчаніе, скука, одиночество.

Большинство канадскихъ поселенцевъ состоитъ изъ Французовъ; но что̀ у нихъ за языкъ! Какія надписи на магазинахъ! Напримѣръ: *manufacturer de tabac, sirop de toute description*. Зато здѣсь считаютъ еще луидорами.

Несмотря на холодную температуру, здѣсь много дубовъ. Подлѣ нормандской яблони растетъ американскій вязъ. Соборная церковь построена въ маленькомъ видѣ, по плану парижской *Notre-Dame*. Домы деревянные, или гранитные; крыши металлическія. У многихъ изъ городовъ есть свой собственный цвѣтъ. Константинополь красенъ, Мальта бѣла, Лондонъ черенъ, Монреаль сѣръ.

Мнѣ захотѣлось войдти на гору, давшую свое имя городу (Mont-Real). Для этого надобно было идти черезъ владѣнія и сады нѣ-

скольких частных лиц. Дорога открыта всѣмъ и каждому. Я проходилъ нѣсколько воротъ, дворовъ, и не встрѣтилъ никого; наконецъ увидѣлъ я женщину, поливавшую цвѣты. Она сказала мнѣ съ улыбкою: «поднимайтесь смѣло! дорога устроена очень-хорошо!» Съ вершины горы видъ былъ великолѣпный. За голубою полосою рѣки Св. Лаврентія простиралась цѣпь невысокихъ горъ, которыхъ сѣроватый колоритъ оттѣнялся отъ облаковъ, облитыхъ солнечнымъ свѣтомъ. Городъ видѣнъ былъ сквозь вершины деревьевъ, разбросанныхъ у подошвы горы. Соборная церковь и готическіе шпили терялись въ облакахъ.

Изъ Монреаля отправился я въ Квебекъ. При первыхъ лучахъ восходящаго солнца былъ ужь я у подошвы Алмазной Горы и высокихъ скалъ, составляющихъ пьедесталъ Квебека въ его крѣпкой военной позиціи. Я былъ пораженъ сходствомъ мѣстоположенія съ Рульскою Горою, близь Шербурга.

Видъ Квебека великолѣпенъ. У подножія скалъ, на которыхъ стоитъ городъ, рѣка Сен-Шарль впадаетъ въ рѣку Св. Лаврентія. На другомъ берегу разсѣяны красивыя деревни, бѣлые домики, группы зеленѣющихся деревьевъ. Множество большихъ и малыхъ судовъ оживляютъ рѣку безпрестанным движеніемъ, покуда не исчезнутъ за мысомъ Турмантомъ.

Съ сердечною тоскою вспомнилъ я, что было время, когда Франція владѣла пространствомъ на тысячу-двѣсти льё отъ Нью-Фаундленда до Миссисипи. Я видѣлъ карту Америки 1688 года, и мнѣ казалось, что вижу новую Францію. Озеро Онтаріо называлось тогда Сен-Луи, Эріе — озеромъ Конти, Гуронское — Орлеанскимъ, Мичиганъ — Дофиновымъ, Верхнее — озеромъ Конде. Въ 1629 году, Канада была на-время занята Англичанами. Совѣтъ Лудовика XIII такъ мало дорожилъ этою колоніею, что не хотѣлъ требовать ее обратно. Но Ришльё былъ другаго мнѣнія. Онъ снарядилъ шесть кораблей, чтобъ поддержать свое требованіе, и черезъ три года возвратилъ Франціи Канаду.

Задумчиво гулялъ я по улицамъ Квебека; вдругъ взглянувъ, увидѣлъ гранитный обелискъ. На одной сторонѣ начертано было имя Монкальма, а на другой Вольфа. Это приноситъ честь Англіи, воздвигшей памятникъ своему побѣжденному генералу и непріятельскому полководцу, павшимъ въ одномъ и томъ же сраженіи. Какъ проста и трогательна надпись на монументѣ: *mortem virtus, communem famam historia, monumentum posteritas dedit* (мужество было причиною ихъ смерти, исторія дала имъ общую славу, потомство воздвигло памятникъ).

Я ходилъ восхищаться водопадомъ Монморанси и навѣщалъ поселенцевъ въ окрестностяхъ Квебека, сохранившихъ еще нравы и языкъ Франціи. Эта колонія была составлена не изъ сброда разнаго званія людей и промышлениковъ, но изъ честныхъ, трудолюбивыхъ поселянъ, мелкихъ дворянъ и солдатъ. Однажды пріѣхалъ сюда транспортъ съ поселенцами двусмысленной нрав-

ственности, и здѣшніе колонисты отправили его на свой счетъ обратно во Францію.

Соединенные Штаты далеко превосходятъ Канаду образованностью: тамъ вездѣ школы; всякій житель долженъ умѣть читать. Въ Канадѣ не заботятся объ этомъ и не даютъ денегъ на училища.

Въ прежнія времена торговля Канады состояла изъ мѣховыхъ товаровъ; теперь торговля эта состоитъ болѣе всего изъ лѣса.

30 Сентября, Монреаль.

Я бы очень желалъ еще долго пробыть здѣсь, но приближается зима. Спѣшу подняться вверхъ по рѣкѣ Св. Лаврентія, переѣду черезъ озеро Онтаріо, посмотрю на Ніагару, побываю въ деревнѣ Ирокезовъ, принявшихъ христіанство. Сегодня пробуду еще между Французами, завтра буду у Ирокезовъ.

У самаго Монреаля находится деревня Канкавгага, обитаемая Ирокезами-христіанами. Теперь ужь трудно найдти настоящихъ дикихъ: надобно ихъ отъискивать по ту сторону Орегона, за Миссисипи, у Скалистыхъ Горъ. Канкавгайскіе жители одѣваются какъ канадскіе крестьяне, но женщины сохранили почти весь прежній нарядъ. Всѣ они, разумѣется, говорятъ только поирокезски; языкъ этотъ очень-звученъ и нѣженъ; онъ похожъ по мягкости произношенія на ново-греческій.

У каждаго племени свои собственныя имена. Имена умирающихъ передаютъ ихъ дѣтямъ. Жена у нихъ — служанка своего мужа: она носитъ на себѣ всѣ тяжести, ищетъ дичь на охотѣ и пр., но зато мать въ дѣлахъ семейства важнѣе отца. Всѣ дѣти принадлежатъ ей, а по смерти матери — ея брату, а не отцу.

Ирокезы страстно любятъ музыку и пѣніе, хотя дурно поютъ, что̀ случается, впрочемъ, и у образованныхъ народовъ. Они всякій день утромъ и вечеромъ ходятъ въ церковь на молитву. Какъ всѣ дикари, они страстно любятъ водку. Проповѣди о умѣренности патера Шники, сотрудника Метьюса, принесли здѣсь большую пользу.

Въ сравнительной исторіи всемірныхъ языковъ, изученіе американскихъ діалектовъ должно занять важное мѣсто. Сперва думали, что племена Сѣверной Америки говорятъ совершенно-разными діалектами, но ближайшія изслѣдованія доказали, что всѣ діалекты Сѣверной Америки, и даже нѣкоторые Южной, различные въ словахъ, имѣютъ большое сходство въ грамматическихъ правилахъ, что̀ доказываетъ одинаковое происхожденіе всѣхъ этихъ племенъ. Слова измѣняются, но грамматика составляетъ неизмѣнную форму языка. Въ странахъ, весьма-далекихъ отъ Америки, есть діалекты, которыхъ грамматическое свойство одинаково со здѣшними. Оно состоитъ въ выраженіи однимъ словомъ множества идей. Этотъ разрядъ языковъ названъ *полисинтетическимъ*. Языкъ Басковъ во Франціи и Испаніи, финскій въ Сѣверной Европѣ, Воловскихъ Негровъ въ Африкѣ, имѣютъ то же свойство.

Слѣдственно, можно почитать это явленіе не причиною одинаковаго происхожденія племенъ, а недостаткомъ образованности народовъ.

Марку, здѣшній католическій священникъ, составилъ ирокезскую грамматику и лексиконъ этого языка, но не издаетъ ихъ въ свѣтъ. Я спросилъ о причинѣ, и онъ отвѣчалъ, что дѣлаетъ это изъ опасенія, чтобъ Англичане не перевели Библію на ирокезскій языкъ.

Въ ирокезской грамматикѣ замѣтилъ я слѣдующія странности: въ языкѣ этомъ нѣтъ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ. Вмѣсто того, чтобъ сказать: *я хочу любить*, надобно говорить: *я хочу, чтобъ я любилъ.* Замѣчательно, что въ ново-греческомъ тотъ же самый недостатокъ. Говорятъ, у Цыганъ то же самое. Но въ древне-греческомъ – неопредѣленное наклоненіе было. Слѣдственно оно утратилось отъ простонароднаго употребленія, а у Ирокезовъ языкъ не доходилъ еще до литературнаго. Прилагательное у Ирокезовъ не можетъ быть употреблено отдѣльно, за-то у Ирокезовъ много временъ въ спряженіи глаголовъ. Самихъ глаголовъ у нихъ множество родовъ: дѣйствительный, страдательный, повторительный, возвратный, взаимный, относительный, и всѣ они спрягаются на пять разныхъ способовъ. Сверхъ-того, составныя ихъ слова можно назвать чудовищными. Напримѣръ, одно ирокезское слово состоитъ изъ 21 буквы: и значитъ *я даю деньги тѣмъ, которые прибыли для покупки себѣ платья на это.* Въ санскритскомъ языкѣ есть тоже такія длинныя слова. Такимъ-образомъ самый бѣдный языкъ и самый образованный имѣютъ одинаковое свойство составлять безконечныя слова.

Съ сожалѣніемъ уѣхалъ я отъ Марку. Ночью перевезли меня черезъ рѣку два Ирокеза, которые подъѣхали къ пароходу, ѣдущему по рѣкѣ Св. Лаврентія въ озеро Онтаріо. Я простился съ Канадою, и грусть разлуки уменьшилась нѣсколько отъ ожиданія Ніагары.

Ночью пароходъ поднимался по шлюзамъ канала, прорытаго вдоль рѣки, для избѣжанія пороговъ. Въ Огденсбургѣ пригласили меня пересѣсть на другой пароходъ; но покуда я справлялся и выбиралъ пароходъ, всѣ они уѣхали, и остался всего одинъ, который выйдетъ послѣ-завтра. Слѣдственно, я пробуду здѣсь два дня.

Желѣзная дорога, соединяющая Бостонъ чрезъ Онтаріо съ западною линіею дорогъ, идетъ чрезъ Огденсбургъ. Теперь это еще небольшое мѣстечко, но оно вскорѣ превратится въ значительный городъ.

Для Европейца всего любопытнѣе видѣть происхожденіе городовъ, отъ первыхъ деревянныхъ домиковъ до каменныхъ и огромныхъ зданій. Огденсбургъ представляетъ это развитіе: все еще здѣсь неокончено, не сформировано. Вообразите себѣ правильныя, прямыя, широкія улицы, а посреди улицъ непроходимую грязь, потому-что улицъ еще не вымостили. У домовъ дере-

вянные мостки вмѣсто троттуара. Мѣстами на улицахъ растутъ еще группы деревьевъ, принадлежавшія къ первобытнымъ лѣсамъ. Большія пространства земли отгорожены, но еще не застроены, а подлѣ нихъ ужь разведены прелестные сады и построены красивые домы. Подлѣ магазина модъ пасутся коровы. На улицѣ свалены тюки товаровъ. Черезъ двадцать лѣтъ здѣсь будетъ 100,000 жителей.

На третій день мы поѣхали дальше вверхъ по рѣкѣ и вскорѣ начали встрѣчать острова, которыми усѣянъ въѣздъ въ озеро Онтаріо; ихъ называютъ: *Архипелагомъ тысячи островов*ъ. Они всѣ почти въ-уровень съ водою и покрыты деревьями, выходящими какъ-бы изъ рѣки. Пароходъ безпрестанно объѣзжаетъ ихъ. Когда мы проѣхали послѣдніе острова, озеро, которое дотѣхъ-поръ похоже было на рѣку, вдругъ открылось въ видѣ необозримаго моря.

Пароходъ приставалъ къ Кингстону, канадскому городу, и къ Освего, принадлежащему Соединеннымъ Штатамъ. Противоположность ихъ поразительна. Кингстонъ старинный, тихій городъ, а Освего маленькая гавань съ 12,000 жителей, но заваленная судами и кипящая жизнью. Все здѣсь работаетъ, спѣшитъ. Сваливаютъ уголь, желѣзо, чинятъ суда, свозятъ тюки товаровъ.

7 Октября, Ніагара.

Поутру пріѣхалъ я къ Ніагарѣ и тотчасъ же бросился къ водопаду.

Первое впечатлѣніе изумительно. При блѣдномъ утреннемъ свѣтѣ, борющемся съ туманомъ, водопадъ кажется падающимъ съ облаковъ. Это было чудное зрѣлище, сверхъестественное видѣніе.

Пріймя въ себя отъ перваго впечатлѣнія, я сталъ осматриваться и увидѣлъ два водопада. Одинъ въ глубинѣ такъ-называемой *подковы*, выбрасывающій изумрудно-бѣло-снѣжную массу воды; другой, не такъ широкій, низвергающійся по обѣимъ сторонамъ скалы, раздѣляющей водопадъ. Оба они сливаются потомъ въ одну огромную котловину, изъ которой постоянно поднимается облако бѣлыхъ паровъ, какъ надъ кипяткомъ. Двойная радуга, въ видѣ фантастическаго моста, въ два круга, кажется переброшена черезъ шумную бездну пѣны.

Этотъ шумъ превосходитъ все, что̀ человѣческое ухо можетъ слышать. Громъ не сильнѣе его. Индійцы справедливо назвали этотъ водопадъ Ніагарою (О-ни-авга-рахъ, на чиппевайскомъ языкѣ это значитъ «водяной громъ»).

На скалѣ между двумя водопадами построена башня. Съ вершины ея, безпрестанно потрясаемой силою воды, видны вдругъ обѣ полосы воды. Человѣкъ невольно пораженъ величіемъ этого зрѣлища, которое возвышаетъ и успокоиваетъ душу. Внизу картина хаоса; надъ вами правильное движеніе величественной природы.

Оторвитесь отъ этой сцены и обойдите островъ, раздѣляющій

воды Ніагары, вы услышите позади себя одинъ неявственный шумъ. Вы пойдете подъ сводомъ прекрасныхъ деревьевъ; у ногъ вашихъ быстрый, чистый потокъ, въ видѣ ручейка между цвѣтами, черезъ который переброшено нѣсколько досокъ. Сядьте на скамью и наслаждайтесь зрѣлищемъ, но не вѣрьте этому ручью; опуститесь въ него—и вы погибли, хотя вода въ немъ только по поясъ. Всякій годъ здѣсь погибаютъ слишкомъ-довѣрчивые путешественники. Еще недавно одинъ женихъ шутя толкнулъ въ ручеекъ свою невѣсту и самъ за нею вскочилъ въ воду. Видя, что у берега такъ мелко, онъ думалъ, что легко выскочитъ, но сила теченія тотчасъ же унесла ихъ въ водопадъ.

Сегодня ввечеру видѣлъ я, при лунномъ свѣтѣ, лунную радугу надъ водопадомъ. Столбъ паровъ, надъ котловиною то подни- мался, то опускался, какъ фантастическое привидѣніе.

На другой день утромъ казалось мнѣ, что я вчера ничего не видалъ. Видъ, представляющійся съ англійскаго берега, превосходитъ картину, видимую съ американскаго. Всего величественнѣе видъ водопада съ середины рѣки. Можно ходить между скалою и водопадомъ. Я дѣлалъ эту прогулку, которую Вольней почиталъ невозможною и которая теперь совершается почти безъ малѣйшей опасности. Она болѣе любопытна, нежели пріятна. Невесело стоять подъ дождевою трубой.

Другой видъ, который путешественники прежде расхваливали, со скалы *Table-Rock*, ужь не существуетъ. Скала эта недавно обрушилась отъ напора водъ.

Видъ водопада болѣе всего поразителенъ съ оконечности большаго бревна, выдающагося надъ скалою у самой бездны. Стòя на этомъ бревнѣ, зритель видитъ подъ собою водопадъ; но лучше всего сѣсть, чтобъ избѣжать головокруженія. Все вокругъ кажется фантастическимъ. При этомъ шумѣ мысль переноситъ васъ къ тѣмъ временамъ, когда существовали колоссальныя растенія, гигантскія животныя, когда океанъ изрывалъ себѣ котловину и громадныя силы природы выдвигали цѣпи горъ изъ нѣдръ земли.

Я читалъ, что нѣкоторые путешественники находили Ніагару не такъ величественною, какъ ожидали. Это значитъ, что идеи ихъ не могли обнять всего, чтò видѣли глаза.

Сравнивать Ніагару съ другими водопадами, значитъ сравнивать океанъ съ озеромъ. Я видѣлъ ихъ множество въ Швейцаріи, Шотландіи, Норвегіи, но всѣ они, вмѣстѣ взятые, утонули бы въ Ніагарѣ. Для меня изъ всѣхъ памятниковъ, трудовъ рукъ человѣческихъ, выше всего развалины египетскихъ Ѳивъ, а изъ картинъ природы — Ніагара.

Надобно вспомнить, что огромныя озера, сообщающіяся между- собою: Эріе, Мичиганъ, Сен-Клеръ, Гуронское, Верхнее и Онторіо составляютъ величайшую массу прѣсной воды на земномъ шарѣ и со всѣми впадающими въ нихъ рѣками не имѣютъ дру-

гаго истока, кромѣ этого водопада. Это цѣлое низвергающееся море.

Высота паденія водъ была сперва преувеличена. Гонтанъ, неславившійся точностью, полагалъ ее въ семьсотъ, или восемьсотъ футовъ; Ласалль считалъ только шестьсотъ. Древніе говорили же, что нильскіе водопады, которые не что иное, какъ пороги, падаютъ съ такой огромной высоты, что ближайшіе жители всѣ оглохли отъ нихъ. Человѣкъ всегда преувеличиваетъ даже и то, что̀ само-по-себѣ велико.

Высота водопада простирается всего до ста-пятидесяти футовъ; но посреди подковы струя воды имѣетъ, какъ говорятъ, двадцать футовъ толщины. Считаютъ, что въ сутки изливается пять тысячъ мильйоновъ бочекъ (barrels) воды, то-есть около шестидесяти-девяти тысячъ въ секунду. Исчислена также гидравлическая сила паденія. Она въ 4,533,344 лошадиныхъ силъ, то-есть въ девятнадцать разъ болѣе, нежели всѣ машины Англіи, и больше, нежели нужно для приведенія въ движеніе всѣхъ заводовъ. Боюсь, чтобъ Американцамъ не вздумалось когда-нибудь устроить тутъ огромную фабрику.

Кто видѣлъ водопадъ, тотъ не все еще видѣлъ. Онъ долженъ слѣдовать дальше по рѣкѣ, которой зеленоватая вода заключена между обрывистыми, скалистыми берегами, то голыми, то поросшими деревьями. Мѣсто, называемое *вихремъ* (Whirlpool), представляетъ самую дикую картину, какую можно встрѣтить въ Америкѣ. Это родъ воронки, въ которой вода кружится, увлекая все въ этотъ кругъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда переброшенъ черезъ рѣку легкій висячій мостъ. Онъ какъ нитка виситъ надъ тѣсниною въ двѣсти-сорокъ футовъ вышины, на днѣ которой тихо течетъ рѣка, образующая вдали Ніагарскій Водопадъ.

Буффало, 10 октября.

Когда путешествуешь по Италіи, то въ *Путеводителѣ* каждаго города сказано: «Основаніе этого города теряется во мракѣ отдаленныхъ временъ». Въ Соединенныхъ Штатахъ нельзя этого сказать. Вмѣсто героическихъ и миѳологическихъ основателей, вотъ что мнѣ разсказывали объ основаніи Буффало.

Одинъ спекуляторъ вздумалъ выпустить нѣсколько фальшивыхъ векселей. Сумма простиралась до десяти мильйоновъ; и какъ скоро ему представляли ихъ къ уплатѣ, онъ аккуратно выдавалъ деньги и выпускалъ новый вексель. Онъ прославился огромными предпріятіями, основалъ Буффало, построилъ цѣлые кварталы, даже театръ. Наконецъ обманъ открылся и его на десять лѣтъ посадили въ тюрьму. Выдержавъ его узаконенный срокъ въ тюрьмѣ, ему объявили, что онъ свободенъ. Надобно сознаться, что это былъ странный основатель города.

Я осматривалъ въ Буффало гидравлическія работы для снабженія города водою. — «Давно ли это устроено?» спросилъ я. — «Дав-

но», отвѣчали мнѣ : — ужь годъ!» Въ Соединенныхъ Штатахъ годъ составляетъ цѣлый вѣкъ.

На прошедшей недѣлѣ пожаръ истребилъ часть города, и слѣды пожара вездѣ еще видны. Но ужь домы опять отстраиваются; первые этажи готовы. Черезъ мѣсяцъ не видно будетъ и слѣдовъ несчастія.

Желѣзная дорога идетъ по городу до большой площади, гдѣ стоятъ фіакры. Только поѣздъ ѣдетъ тише, звоня въ колоколъ, чтобъ предупредить проѣзжающихъ.

Здѣсь улицы правильны и широки. Въ Парижѣ нѣтъ такой широкой и длинной, какъ *Mainstreet.* А въ 1795 году на мѣстѣ города была деревня Индійцевъ Сенекасскихъ въ сорокъ хижинъ. Есть еще, впрочемъ, въ городѣ обширныя пространства, гдѣ пасутся коровы и свиньи. Вскорѣ будутъ тутъ скверы.

Мнѣ нужно было купить булавокъ, нотъ и стальныхъ перьевъ: я зашелъ къ часовому мастеру, гдѣ все это продается вмѣстѣ, и гдѣ, кромѣ-того, были ножи, скрипки и множество другихъ товаровъ.

Фамильярность здѣшней черни весьма-странна для путешественниковъ. Одинъ вояжёръ нанялъ у ямщика коляску до слѣдующаго города. Поутру ямщикъ вошелъ къ нему съ хлыстомъ и въ шляпѣ и спросилъ: — «А гдѣ тотъ *человѣкъ,* котораго я долженъ везти?» — «А ты кто?» — «Я тотъ *джентльменъ,* который повезетъ его».

Въ газетахъ встрѣчаются слѣдующія объявленія: «Одна *леди* ищетъ мѣсто горничной».

Сажусь на пароходъ при великолѣпномъ закатѣ солнца, отражающагося въ водахъ необозримаго озера Эріе, и проснувшись поутру, не вижу ужь береговъ. Это цѣлое море, а пароходъ нашъ — пловучій домъ въ нѣсколько этажей. Въ нижнемъ переселенцы, отправляющіеся на Западъ. Въ первомъ этажѣ обширная зала, уставленная диванами, столами, стульями, печами, фортепіано. Одна часть залы назначена для дамъ. У каждаго маленькая каюта съ окномъ на озеро — и всѣ какъ-будто дома. Когда раздастся ударъ там-тама, садятся за столъ, выжидая, впрочемъ, чтобъ усѣлись дамы: до-тѣхъ-поръ служители не позволяютъ садиться *джентльменамъ.*

Между пассажирами и капитаномъ никогда не случается ссоръ. Если пассажиръ дурно ведетъ себя, капитанъ высаживаетъ его на берегъ, часто въ необитаемыхъ мѣстахъ, и никто объ этомъ не заботится.

Въ Соединенныхъ Штатахъ женщины вообще пользуются особеннымъ уваженіемъ. Онѣ могутъ однѣ ѣздить повсюду и никто не рѣшится оскорбить ихъ. По моему мнѣнію, иногда это уваженіе къ дамамъ переходитъ за предѣлы въ-отношеніи къ мужчинамъ, у которыхъ есть на попеченіи дама *(who have a lady in charge).* Эти люди также пользуются тогда преимуществами, предоставленными дамамъ. Я бѣсился подчасъ, видя, какъ эти

счастливцы сидѣли ужь спокойно за столомъ подлѣ своихъ дамъ, тогда-какъ триста человѣкъ стояли въ-ожиданіи какой-нибудь запоздавшей къ столу пассажирки. Когда всѣ идутъ за билетами, дамамъ даютъ мѣсто, а съ ними и мужчинамъ, которые провожаютъ ихъ. Я видѣлъ, какъ одинъ хитрый Американецъ отъискивалъ всегда старую крестьянку изъ нижняго жилья и шелъ впереди насъ, потому-что у него *lady in charge* (дама на попеченіи). Это уже, конечно, злоупотребленіе.

Одинъ англійскій путешественникъ сказалъ, что и это уваженіе къ женщинамъ происходитъ оттого, что ихъ мало въ Соединенныхъ Штатахъ. Не думаю. Уваженіе это здѣсь вездѣ одинаково, даже тамъ, гдѣ много женщинъ. Тамъ, гдѣ вообще очень-мало учтивости въ обращеніи, была бы, безъ этого обычая, въ сношеніяхъ съ женщинами нестерпимая грубость. Въ среднихъ вѣкахъ было почти то же. Рыцари должны были преклоняться предъ женщинами, чтобъ не угнетать ихъ. Въ обществахъ, гдѣ нѣтъ свѣтскости, самый инстинктъ требуетъ защиты слабаго пола, и потому въ Соединенныхъ Штатахъ это необходимо.

Чикаго.

Многіе рекомендовали мнѣ, чтобъ я непремѣнно съѣздилъ въ Чикаго. Это городъ, стоящій на берегу Мичиганскаго озера и на границѣ луговыхъ степей, простирающихся до Миссиссипи и далѣе, составляетъ житницу Соединенныхъ Штатовъ.

Луговыя степи—волшебное слово для Американцевъ. Это ихъ поэзія, ихъ будущность. Сюда стремятся всѣ колонисты, потому-что обработка этой почвы легче. Здѣсь встрѣчаются еще кочующія племена Индійцевъ, стада дикихъ буйволовъ и лошадей.

Чикаго теперь то же, чѣмъ было за тридцать лѣтъ Цинциннати. Это форпостъ образованнаго міра на берегу Миссиссипи.

Я хотѣлъ посмотрѣть на Сен-Луи, но для этого надобно подняться вверхъ по Огіо, которая теперь почти пересохла. По желѣзной дорогѣ доѣхалъ я до Мичиганскаго Озера; тутъ ночью переѣхалъ я на пароходѣ и поутру былъ въ Чикаго.

Нельзя никогда вѣрить дурнымъ предсказаніямъ объ участи городовъ. Кетингъ, объѣзжавшій здѣшній край въ 1823 году, сказалъ, что опасное плаваніе по Мичиганскому Озеру и недостатокъ гаваней на немъ будутъ всегда препятствовать приращенію народонаселенія въ Чикаго. И однакожь, въ этомъ городѣ, который пятнадцать лѣтъ тому назадъ не существовалъ, теперь 34,000 жителей.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Чикаго находится точка раздѣла плоской возвышенности, по склонамъ которой бѣжатъ въ одну сторону рѣки въ Миссиссипи, а въ другую—въ рѣку Св. Лаврентія. Оба эти бассейна соединены каналомъ.

Трактиръ, въ которомъ я остановился, одинъ изъ лучшихъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Самый городъ похожъ на разбитый корабль, выброшенный волнами Мичигана. Но предмѣстье, обитае-

мое богатыми жителями, составлено изъ прекрасныхъ алей, красивыхъ домовъ съ колоннами и портиками, садами и цвѣтами.

Я познакомился съ однимъ жителемъ, помнящимъ основаніе Чикаго. Онъ показывалъ мнѣ одно дерево въ своемъ саду, оставшееся отъ первобытнаго лѣса. «Пятнадцать лѣтъ тому назадъ», сказалъ онъ: «пріѣхалъ я сюда и привязалъ свою лошадь къ этому дереву, стоявшему посреди лѣса».

Бѣдные Индійцы! ихъ все болѣе-и-болѣе вытѣсняютъ изъ этихъ странъ. Одинъ уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ пріѣхалъ нѣкогда для объясненій къ одному предводителю индійскаго племени. Тотъ посадилъ его подлѣ себя на широкій срубленный пень, и покуда посланный разсказывалъ о предметѣ своего посольства, Индіецъ помаленьку сдвигалъ его съ пня. Наконецъ, бѣлый замѣтилъ это и вскричалъ: «Ты меня совсѣмъ на край придвинулъ; мнѣ ужь негдѣ сидѣть».—«Вотъ это-то вы съ нами дѣлаете!» отвѣчалъ ему Индіецъ.

Дѣйствительно, всѣ слѣды Индійцевъ мало-по-малу сглаживаются: еще недавно было въ Чикаго ихъ селеніе и кладбище. «Гдѣ оно?» спросилъ я. «*Washed away* (воды смыли)», отвѣчали мнѣ. Не помогали ли люди водѣ?

Въ Чикаго шесть публичныхъ школъ, въ которыхъ учатся *3000* дѣтей; на содержаніе ихъ всякій даетъ $^1/_{30}$ часть своего дохода съ земель. Учителямъ платятъ по 1200 фр. въ годъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ первоначальнымъ воспитаніемъ въ школахъ занимаются женщины. Есть общество, которое нарочно разсылаетъ учительницъ по заведеніямъ. Въ Чикаго живетъ изобретатель жатвенной машины, принятой съ такимъ успѣхомъ въ Англіи.

Прежде отъѣзда изъ Чикаго хотѣлось мнѣ взглянуть на луговыя пустыни. Туда проведена желѣзная дорога, оканчивающаяся станціею, за которою неизмѣримая степь; нѣтъ ни движенія, ни шума, ни жизни; небо сливается съ землею.

Два часа провелъ я въ этой безпредѣльной пустынѣ и возвратился опять въ Чикаго.

Безпрестанныя поѣздки, продолжающіяся уже два мѣсяца, утомляютъ меня; здоровье видимо слабѣетъ. Безъ этого я бы отправился въ Сен-Луи чрезъ равнины, по каналу и по рѣкѣ Иллинуа; но, кажется, благоразумнѣе будетъ воротиться въ Нью-Йоркъ; я далеко ужь заѣхалъ. Не совѣтую никому хворать въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно въ отдаленности отъ большихъ городовъ: здѣсь всякій такъ занятъ, такъ торопится, что ему некогда заняться больнымъ.

Надобно, однакожь, побывать въ Цинциннати, посмотрѣть на берега Огіо и на индійскія древности, найденныя въ долинѣ, называемой *прекрасною рѣкою* (переводъ индійскаго слова *Огіо*).

Сажусь опять на пароходъ, переѣзжаю снова озеро Мичиганъ и являюсь въ Буффало слишкомъ-поздно, чтобъ въ тотъ же вечеръ отправиться по желѣзной дорогѣ. Мы сдали свою поклажу

въ контору, и намъ сказали, что мы отправимся въ шесть часовъ утра.

Нѣтъ средства достать себѣ ни кровати, ни матраца на ночь. Насъ, какъ стадо, заперли въ огромной столовой вмѣстѣ съ пассажирами другаго парохода. Это эмигранты, люди довольно-бурливые и необразованные. Я помѣстился на столѣ и, положивъ подъ голову мѣшокъ съ книгами и записками, принялся читать въ ожиданіи, покуда мужчины перестанутъ шумѣть, женщины—бранить своихъ ребятъ, а дѣти—кричать. Тогда я попробовалъ заснуть.

Меня довольно-неучтиво разбудилъ трактирный мальчикъ, бросивъ въ меня салфеткою и закричалъ: «Эй, товарищъ, проснись!» Правда, что я спалъ на столѣ, на которомъ ему надобно было ставить кофе и приборъ.

Необращая вниманія на нецеремонность здѣшнихъ служителей, я отправился на станцію, гдѣ оставилъ съ вечера свои вещи. Тамъ не видно было ни вагоновъ, ни машины, ни приготовленій къ отъѣзду. Я спросилъ: скоро ли поѣдутъ? Мнѣ отвѣчали, что черезъ двадцать минутъ, безъ всякихъ другихъ объясненій. Американцы терпѣть ихъ не могутъ.

Время проходитъ, а я все ничего не вижу похожаго на отправленіе. Наконецъ, встрѣчаю путешественника, который тоже торопится и спрашиваю его объ отправленіи. Теперь только узнаю я, что мы поѣдемъ съ другаго пункта, за четверть мили отсюда. У насъ взяли, наконецъ, вещи, но никто не думалъ насъ увѣдомить о распоряженіяхъ къ отъѣзду. Еще минута — и я опоздалъ бы, а вещи мои уѣхали бы на берегъ озера Эріе.

Я разсказываю все это не длятого, чтобъ подробности всѣхъ случаевъ со мною могли быть интересны, но они обрисовываютъ національный характеръ, который виденъ какъ въ большихъ вещахъ, такъ и въ малыхъ. Основаніе американскаго общества состоитъ въ томъ, чтобъ каждый выпутывался какъ умѣетъ изъ всѣхъ затрудненій. Никто не предупреждаетъ его. Онъ самъ долженъ узнавать: откуда ѣдетъ поѣздъ и справляться обо всемъ. Здѣсь все основано на поговоркѣ: *Help oneself* (помогай самъ себѣ).

Если Американцы узнаютъ о моемъ отзывѣ, то конечно не оскорбятся истиною моихъ словъ. Впрочемъ, долженъ я сказать, что не встрѣтилъ здѣсь той грубости нравовъ, о которой много слышалъ. Прежде у нихъ зритель въ театрѣ клалъ очень-спокойно свои ноги на стулъ сидящаго передъ нимъ; теперь этого нѣтъ; а еслибъ кто забылся, ему тотчасъ же закричатъ: *Тролоппъ! Тролоппъ!* напоминая о писательницѣ, выставившей въ такихъ яркихъ краскахъ всѣ недостатки американскаго общества. Теперь американскіе нравы смягчаются.

Всю дорогу я ничего не ѣлъ. Правда, что станціи построены въ недавно-прорубленномъ лѣсу; но если ужь сдѣлали желѣзную дорогу, то не мѣшало бы имѣть на станціяхъ какую-нибудь пищу для вояжёровъ.

Цинциннати, 30 сентября.

Я поздно всталъ и наугадъ пошелъ бродить по улицамъ этой западной столицы. Погода холодная, вѣтеръ рѣзкій, небо пасмурное. Берега Огіо низки и безъ набережной. Мостовъ очень-мало. Пароходы служатъ здѣсь мостами. Улицы называются по именамъ деревьевъ: каштановая, орѣховая, сосновая, а для сокращенія (Американцы не любятъ лишнихъ словъ), на дощечкахъ уничтожено слово *street* (улица). Троттуары, гдѣ они есть, очень-хороши и широки, по мѣстами вдругъ прерываются натуральною почвой. Вездѣ виденъ недавно еще построенный городъ. Все это не лѣсъ, не поле, но еще и не городъ и, однакожь, въ Цинциннати 116,000 жителей, между которыми есть многіе старѣе самаго города. Въ послѣднія восемь лѣтъ народонаселеніе города болѣе нежели удвоилось, потому-что городъ сдѣлался средоточіемъ внутренней торговли Соединенныхъ Штатовъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, Цинциннати былъ на границѣ независимыхъ индійскихъ областей. Теперь онѣ далеко ужь отодвинуты.

Здѣсь чрезвычайно меня удивило удобство развода. Мужъ ли, жена ли явится къ судьѣ, и онъ расторгаетъ бракъ, не сообщая другой половинѣ о требованіи. Пьянство и двухлѣтнее отсутствіе составляютъ главные поводы развода.

Изъ забавныхъ разсказовъ мистриссъ Троллопъ извѣстно, что Цинциннати производитъ значительный торгъ свиньями. Но ни надъ какимъ предметомъ торговли, развивающимъ благосостояніе страны, смѣяться не должно. Здѣсь продаютъ тысячи свиней, но зато въ пятьдесятъ лѣтъ составился здѣсь городъ во сто тысячъ жителей съ множествомъ школъ, театровъ и даже съ обсерваторіею. За полвѣка предъ тѣмъ, здѣсь Индійцы *скальпировали* путешественниковъ. Изъ одного заведенія отправляютъ въ годъ 18,000 свиней. Во всемъ же городѣ круглымъ числомъ 300,000; въ одинъ годъ было даже 725,000. Во всей же долинѣ Миссиссипи продаютъ ихъ нѣсколько мильйоновъ.

Послѣ обѣда погода поправилась, и я бродилъ по теченію Огіо. Виды были прелестны, потому-что теперь солнце освѣщало ихъ; не было дождя, тумана. Часто отзывы путешественниковъ о красотѣ мѣстъ зависятъ отъ погоды и расположенія духа. Ночь принудила меня возвратиться; но видя богатство и благоустройство города, я не могъ не сказать: «и всему этому причиною—свиньи!»

Цинциннати почитается городомъ художниковъ. Здѣсь теперь въ славѣ скульпторъ Поуель, котораго исторія весьма-любопытна. Онъ въ молодости занимался набивкою чучелъ для здѣшняго музея. Одинъ богатый житель, Лонгвартъ, послалъ его въ Римъ на свой счетъ, для изученія живописи и скульптуры—и онъ возвратился отличнымъ художникомъ.

Этотъ же Лонгвартъ подарилъ городу землю на построеніе обсерваторіи. Любопытенъ составъ здѣшняго астрономическаго общества. Въ немъ 25 врачей, 33 адвоката, 39 торговцевъ пряно-

стями, 5 пасторовъ, 16 купцовъ. Докторъ Лакке составилъ электрическіе часы, которые при соединеніи съ электрическимъ телеграфомъ, дали лучшій способъ опредѣленія долготъ.

Я справлялся какъ бы мнѣ осмотрѣть древности долины Огіо. Мнѣ сказали, что въ городкѣ Чиликотъ найду я г. Девиса, который написалъ объ этомъ предметѣ превосходное сочиненіе. Чувствуя, что мое здоровье поправилось, я рѣшился отправиться въ Колумбусъ, чтобъ оттуда добраться до Чиликота.

25-го сентября. Колумбусъ.

Правительственныя мѣста области Цинциннати находятся не въ этомъ городѣ, а въ Колумбусѣ, въ которомъ въ десять разъ меньше жителей. Весь городъ состоитъ изъ одной улицы, длиною почти въ англійскую милю и довольно-широкой. Въ концѣ улицы лѣсъ. Есть, правда, и другія улицы, но онѣ еще большею-частью въ лѣсу. Американская архитектура мнѣ не нравится. Здѣсь преобладаетъ готическій стиль. Не только церкви, но таможни, банки, школы, биржи — все готическое; чувство изящнаго не успѣло еще здѣсь развиться. Впрочемъ, Американцы часто любятъ быть и оригинальными. Мнѣ попалось на глаза кирпичное зданіе съ большою шестиугольною башнею, множествомъ башенокъ, дверями и окнами бѣлаго мрамора. Все это подражаніе, очень-неудачное, Альямбрѣ. Я спросилъ у прохожаго: «что это за зданіе», и тотъ съ самодовольною улыбкою отвѣчалъ: «это медицинское училище.»

25-го сентября. Чиликотъ.

Изъ Колумбуса въ Чиликотъ ѣздятъ въ дилижансѣ. Надобно узнать, какъ здѣсь путешествуютъ въ дилижансахъ, чтобъ вполнѣ оцѣнить благодѣтельное учрежденіе желѣзныхъ дорогъ и чтобъ простить всѣ неудобства послѣднихъ. Мой дилижансъ напоминалъ объ этомъ безпрестанно. Это телега, худоприкрытая кожаными занавѣсками. Дорога несносная, толчки безпрестанные. Удивляюсь путешественникамъ, которые могутъ часто ѣздить по этимъ дорогамъ. Но дѣлать нечего: я рѣшился добраться до Чиликота и Девиса.

По-несчастью, и тутъ встрѣтилась неудача. Девисъ въ Нью-Йоркѣ, но тесть его съ особенною любезностью далъ мнѣ книгу своего зятя и свелъ меня съ нѣмецкимъ докторомъ, который не разъ провожалъ Девиса во время археологическихъ его изъисканій. Ротингеръ принялъ меня очень-радушно и отвезъ въ своей коляскѣ для осмотра насыпныхъ холмовъ, доказывающихъ, что эти страны были прежде обитаемы сильнымъ и многочисленнымъ народомъ, а не тѣмъ, который Европейцы здѣсь застали. За большими озерами и даже за Миссиссипи найдены значительныя земляныя укрѣпленія и насыпи, содержащія въ себѣ вещи, совершенно-различныя отъ тѣхъ, которыя употребляло послѣдующее поколѣніе. Въ Цинциннати видѣлъ уже я въ музеѣ нѣсколько

предметовъ, отрытыхъ здѣсь, но хотѣлъ прежде на мѣстѣ посмотрѣть ихъ.

Насыпи и ограды принадлежали однѣ храмамъ, другія—укрѣпленіямъ. Онѣ четыреугольны, или круглы и образуютъ правильные квадраты или круги. Есть квадраты по тысячѣ футовъ съ каждой стороны. Служившіе укрѣпленіемъ окружены рвомъ. Валъ большею-частью земляной; есть однакожь и каменныя стѣны, сложенныя изъ такого камня, который привозимъ былъ издалека. Эти работы заставляютъ предполагать народонаселеніе, занимавшееся не однимъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, какъ жители, найденные здѣсь Европейцами при открытіи Америки. Деревья, росшія на этихъ мѣстахъ, доказывали, по слоямъ своимъ, что имъ уже болѣе восьми-сотъ лѣтъ. А какъ при построеніи укрѣпленій, очевидно не могло быть тутъ деревьевъ, то постройку ихъ надобно отнести за 1000 лѣтъ назадъ, слѣдственно задолго до открытія Америки.

Въ другихъ мѣстахъ долины Огіо, формѣ этихъ укрѣпленій данъ видъ разныхъ животныхъ: одно представляетъ большаго змѣя въ сто-пятьдесятъ футовъ длины съ яйцомъ подлѣ головы. Эга фигура тѣмъ любопытнѣе, что въ Англіи знаменитый памятникъ Стон-Генджъ въ Салисбюрійской Равнинѣ имѣлъ ту же форму. Сквейерсъ, сотрудникъ Девиса, составилъ изъ этого цѣлую историческую систему поклоненія змѣямъ. Хотя сходства и не могутъ служить доказательствами, но сближеніе все-таки замѣчательно.

Какъ бы то ни было, очевидно, что за шестьсотъ лѣтъ до открытія Америки жилъ здѣсь народъ гораздо-образованнѣе тѣхъ, которые найдены потомъ Европейцами. Любопытно и то обстоятельство, что на востокѣ Аллеганскихъ Горъ нѣтъ ужь слѣдовъ этого древняго народа и, слѣдовательно, они не переходили за эту горную цѣпь. Девисъ составилъ карту областей, которыя занималъ этотъ народъ.

Весьма было бы желательно, чтобъ какая-нибудь европейская нація произвела ученыя изъисканія въ этихъ насыпяхъ. Американцамъ нѣкогда. Они строятъ новые города, а о древнихъ не заботятся. Они раскапываютъ, правда, всѣ эти насыпи и укрѣпленія, но только длятого, чтобъ превратить ихъ въ пашни. Чрезъ двадцать лѣтъ не будетъ и слѣда этихъ древностей; надобно спѣшить, если хотятъ спасти что-нибудь изъ нихъ.

Индійцы равнинъ называютъ исчезнувшее племя: *великій Маниту*, но преданій о немъ не сохранили. Гекенвейлеръ, моравскій миссіонеръ, долгое время жившій между дикими Индійцами, говоритъ, однакожь, что они сохранили въ своихъ преданіяхъ имя какого-то народа Таллигеви или Аллигеви, который обиталъ нѣкогда на западѣ отъ Миссиссипи на берегахъ Огіо, и былъ исполинскаго роста.

Видя эти странные памятники, идущіе отъ береговъ рѣки Св. Лаврентія до Мехики, невольно приходитъ на умъ одно предпо-

ложеніе. Неизвѣстный народъ не тотъ ли самый, который изображенъ на древнихъ мехиканскихъ картинахъ идущимъ съ сѣвера на югъ. Въ немъ думали видѣть азіатскую эмиграцію, вступившую въ Сѣверную Америку. Между укрѣпленіями этого неизвѣстнаго народа и мехиканскими есть нѣкоторое сходство, напримѣръ, между пирамидами съ усѣченными уступами и мехиканскими. Это было первое усиліе развивающейся образованности, которой позднѣйшій видъ является уже въ Мехикѣ. Народъ этотъ слился потомъ съ Мехиканцами.

Вѣроятно, тому же народу надобно приписать и разработку мѣдныхъ рудниковъ у Верхняго Озера. Въ рудникѣ сдѣланы галереи и устроены своды для поддержанія галерей. Видна до-сихъ-поръ огромная масса самородной мѣди, которую рудокопы старались поднять посредствомъ клиньевъ, но, по недостаточности средствъ, оставили на мѣстѣ ея рожденія. Масса эта вѣсомъ до 13.000 фунтовъ. Вокругъ нея видны до-сихъ-поръ груды угля и золы. Гора, которую этотъ народъ разработывалъ, длиною въ нѣсколько миль и состоитъ изъ весьма-твердаго камня. Доказательствомъ древности этой разработки служитъ то, что не видно никакихъ желѣзныхъ инструментовъ, а найдено множество каменныхъ молотковъ, и что надъ найденною массою мѣди выросло уже дерево, которому по слоямъ болѣе двухъ-сотъ-девяноста лѣтъ, то-есть работы здѣсь были оставлены за долго до поселенія Европейцевъ у Верхняго Озера.

Слѣды обширнаго земледѣлія, разработка рудниковъ, устройство земляныхъ укрѣпленій и предметы домашняго потребленія, довольно-искусной обдѣлки, найденные въ насыпяхъ: все обнаруживаетъ существованіе народа многочисленнаго и недикаго. Но почему этотъ народъ исчезъ, оставивъ дикимъ, кочующимъ племенамъ нѣкоторыя идеи нравственности и религіи — все это заслуживаетъ изслѣдованія, и я бы желалъ внушить ученымъ европейскимъ обществамъ мысль объ этомъ изслѣдованіи.

Ромингеръ, бывшій моимъ путеводителемъ по этимъ мѣстамъ, пріѣхалъ въ Америку для геологическихъ изъисканій, но принужденъ былъ потомъ заняться торговлею. Онъ мнѣ показывалъ любопытную коллекцію раковинъ рѣки Огіо, и я пилъ у него американское шампанское *катавба*, котораго вкусъ еще немного-жестковатъ, но которое вскорѣ не уступитъ французскому. Въ долинѣ Огіо ужь 1300 акровъ земли подъ виноградниками. Главный хозяинъ ихъ выписалъ ужь себѣ опытнаго винодѣлателя для приготовленія шампанскаго, и продаетъ теперь 100,000 бутылокъ въ годъ. Ромингеръ имѣетъ, однакожь, большой недостатокъ: онъ Нѣмецъ, а здѣсь натура германская совершенно противорѣчитъ американской. Первая—натура мыслительная, интеллектуальная, мечтательная, живущая для теоріи и для наукъ; другая—чисто-практическая, матеріальная, дѣятельная, предпріимчивая, положительная, энергическая, и однакожь, въ Соединенныхъ Штатахъ ужь нѣсколько милліоновъ Нѣмцевъ, составляющихъ

самый трудолюбивый классъ земледѣльцевъ. У Нѣмцевъ здѣсь свои общества, свой кругъ и всѣ они сохраняютъ прежнія свои привычки и нравы. Простой народъ не любитъ ихъ.

Видѣлъ я здѣсь уголокъ первобытныхъ лѣсовъ—какое величіе, какое молчаніе! Деревья переплетены ліанами и дикими виноградниками, вьющимся на высотѣ пятидесяти футовъ. Но и тутъ, гдѣ топоръ еще не успѣлъ доказать присутствіе образованности, люди начали ужь присвоивать себѣ частички лѣса. Одинъ при мнѣ огородилъ большой участокъ, самъ еще незная, что̀ онъ изъ него сдѣлаетъ. Можетъ-быть, черезъ годъ будетъ ужь тутъ ферма, или даже улица. Скоро пустыни и лѣса Сѣверной Америки останутся только въ романахъ.

(Revue des deux mondes).

АНГЛО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА ПО КИТАЙСКИМЪ ДОКУМЕНТАМЪ.

Война Англіи съ Китаемъ, начавшаяся въ 1840 г. и окончившаяся 26 августа 1842 г. нанкинскимъ трактатомъ, будетъ, конечно, считаться въ исторіи однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій XIX вѣка. Нація въ триста милліоновъ жителей, побѣжденная горстью Европейцевъ; величайшая имперія въ Азіи, открытая для торговли и просвѣщенія западныхъ народовъ — вотъ результаты этой борьбы. Донесенія начальниковъ англійской экспедиціи объ этой кампаніи напечатаны въ оффиціальныхъ изданіяхъ, раздаваемыхъ въ Парламентѣ. Нѣкоторые офицеры, по возвращеніи въ Англію, тоже описали, для своихъ соотечественниковъ, впечатлѣнія англійской арміи въ непріятельской землѣ. Во Франціи также нѣсколько разъ описывали событія 1840—1842 годовъ въ Китаѣ, но не все еще было сказано объ англо-китайскомъ вопросѣ въ послѣднее время. Сэръ Джонъ Франсисъ Девисъ, бывшій губернаторъ гонг-конгской колоніи и англійскій посолъ въ Китаѣ, обнародовалъ книгу подъ названіемъ: *China during the war and since the peace* («Китай впродолженіе войны и послѣ мира»), въ которой онъ разсказываетъ о своемъ участіи въ событіяхъ послѣ нанкинскаго трактата. Онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о причинахъ, по которымъ Китай такъ отсталъ отъ Европейцевъ. Книга сэра Джона Девиса чрезвычайно-любопытна. Она переноситъ читателя на край Азіи, въ середину китайскихъ армій, и это зрѣлище совершенно-ново для европейскихъ читателей, малознающихъ Китай, несмотря на всѣ описанія о немъ.

Какое мнѣніе имѣло китайское правительство до войны 1840 года объ этихъ *варварахъ*, съ которыми готовилось вступить въ борьбу? Какое впечатлѣніе производили въ Пекинѣ и въ провинціяхъ происшествія, привозимыя каждымъ курьеромъ? Въ какомъ смыслѣ написаны были инструкціи мандаринамъ и донесенія мандариновъ императору? Однимъ словомъ, что̀ происходило внутри имперіи въ ту минуту, когда англійская эскадра и армія такъ

спокойно совершали свою военную прогулку отъ береговъ Шу-Кіанга до Печилійскаго Залива? Это самая занимательная сторона англо-китайской экспедиціи. Письма и донесенія, перехватываемыя повсюду и оставляемыя во время быстраго отступленія Китайцевъ, были собраны, переведены докторомъ Гуцлафомъ и представлены сэру Джопу Девису. Въ нихъ ясно изображены всѣ картины и лица странной драмы, которая разъигрывалась далеко отъ поля сраженій. Надобно внимательно слѣдить за ходомъ этой драмы, иногда довольно-комической, чтобъ понять развязку вынужденнаго союза Европы съ Китаемъ. Въ этой картинѣ заключается много полезныхъ уроковъ.

Китай посправедливости почитается грамотною землею: образованность тамъ въ большой чести. Въ каждой деревнѣ есть школа, гдѣ дѣти самыхъ бѣдныхъ простолюдиновъ получаютъ элементарное воспитаніе. Въ главныхъ городахъ провинцій профессоры публично объясняютъ книги Конфуція и Менція. Число печатаемыхъ и продаваемыхъ книгъ въ Китаѣ чрезвычайно-велико. Какимъ же образомъ Китайцы не имѣютъ понятія о прочихъ народахъ земнаго шара? Литераторъ, членъ знаменитой академіи Ганъ-Линъ панзусть прочтетъ всѣ сентенціи Ся-Шу и перечтетъ всѣ династіи, начиная съ баснословныхъ временъ китайской миѳологіи; но о томъ, что́ дѣлается за границею, въ мірѣ *варваровъ*, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Странная нація! Невѣдѣніе всего иноземнаго составляетъ у нихъ черту народной гордости. Политика ихъ, поэты, чернь не знаютъ ничего, кромѣ Серединной Имперіи, Царства Цвѣтовъ, Поднебеснаго Государства: о прочемъ они не заботятся.

Посмотрите на китайскую географическую карту: какое огромное пространство занимаетъ отчизна Конфуція, и ка́къ мало оставлено мѣста — и то изъ милости — прочимъ народамъ! И это конфискованіе земнаго шара въ пользу Китая жители его почитаютъ дѣломъ дѣйствительнымъ, серьёзнымъ. Іезуитскіе миссіонеры, допущенные въ прошедшемъ столѣтіи ко двору императора Канго-ги, составили нѣсколько картъ, гдѣ Европа и Америка изображены съ бо́льшею вѣрностью, но эти труды не перешли въ народное обученіе, которое очень-довольно классическимъ невѣжествомъ своихъ первобытныхъ географовъ.

Прежде нежели начать войну съ Англичанами, намѣстникъ Кантона, Линъ хотѣлъ узнать средства непріятелей. Онъ очень-хорошо зналъ, что гордость Китайцевъ весьма ошибается въ мнимомъ превосходствѣ Поднебесной Имперіи надъ всѣми народами земли, и потому чувство лежащей на немъ отвѣтственности (ему дано было приказаніе наказать варваровъ) внушило ему естественное желаніе изучить со вниманіемъ взаимныя отношенія европейскихъ народовъ. Конечно, онъ взялся за это немного-поздно но тотчасъ же принялся за дѣло; на́скоро собралъ всѣ иностранные документы, которые могъ достать въ Китаѣ, или Остиндіи, совѣтовался со всѣми иностранцами, которыхъ почиталъ безпри-

страстными въ англо-китайской ссорѣ, и послѣ усиленныхъ трудовъ умѣлъ наконецъ собрать двѣнадцать томовъ разныхъ выписокъ, которыя и назвалъ: статистическими свѣдѣніями о западныхъ государствахъ.

Въ этихъ выпискахъ открываются очень-любопытные факты. Открывъ, что на западѣ Англичане имѣютъ сильныхъ соперниковъ во Франціи, въ Соединенныхъ Штатахъ и Россіи, китайскіе документы утверждаютъ, что и въ Азіи сильно безпокоятъ Англичанъ Кохинхина, Сіамъ, Ава, Непалъ. Сообразивъ все это, ученый составитель записокъ очень-серьёзно указываетъ на два плана кампаніи. Онъ предлагаетъ послать китайскую армію чрезъ Россію для овладѣнія Англіею, или отправить флотъ китайскихъ джонокъ для завоеванія Остиндіи.

И это пишетъ важный сановникъ, литераторъ, намѣстникъ, въ представленіяхъ своему двору! Вотъ свѣдѣнія, на которыхъ основались стратегическіе планы китайскаго правительства! Послѣ этого, можно ли удивляться, что это невѣжество было гибельно для Китая, какъ на полѣ сраженія, такъ и въ переговорахъ.

Всего страннѣе то, что во все время войны китайское правительство, получавшее ежедневно, при всякой встрѣчѣ, самые горькіе уроки, съ упрямствомъ оставалось вѣрно своимъ древнимъ предразсудкамъ, отвергая всякое прямое указаніе, получаемое послѣ пораженія. Между гражданскими мандаринами и военными предводителями была какая-то стычка лжи, чтобъ усыплять пекинскій дворъ въ гибельной самонадѣянности и превращать самыя жестокія пораженія въ блистательныя побѣды. Китайскіе генералы никакъ не хотѣли сознаться, что разбиты. Они съ удивительною смѣлостью разсказывали о своемъ торжествѣ во время самаго бѣгства, и въ прокламаціяхъ къ народу, въ донесеніяхъ императору пышными фразами возвѣщали скорое истребленіе варваровъ.

Китайскій народъ съ удовольствіемъ принималъ эти извѣстія, которыя казались ему, впрочемъ, очень-естественными и правдоподобными. Какъ могъ онъ вообразить, что горсть иноземцевъ побѣдитъ армію императора? Даже теперь, когда ужь почти все извѣстно, во внутреннихъ провинціяхъ Китая все еще убѣждены, что богдыханъ побѣдилъ всѣхъ враговъ и что Европейцы обязаны только неисчерпаемому его милосердію, позволеніемъ жить и торговать на нѣкоторыхъ пунктахъ китайскихъ береговъ.

Въ любопытномъ путешествіи въ Татарію и Тибетъ, г. Гюкъ разсказываетъ о разговорѣ съ двумя Татарами, принадлежавшими къ *Знамени Чакаръ*, то-есть къ резервной арміи, которая созывается только въ важныхъ случаяхъ. Они наивно говорили, что Англичане, узнавъ о приближеніи побѣдоносной милиціи, испугались и стали просить мира, а великій богдыханъ, въ неизреченной милости, даровалъ имъ прощеніе, и *знамя Чакаръ* возвратилось тогда попрежнему пасти свои стада.

Въ гавани Шин-Гап, на островѣ Чусанѣ, произошла первая встрѣча между Англичанами и Китайцами. Островъ этотъ лежитъ противъ устья рѣки Янг-це-Кіангъ, протекающей по Китаю съ востока на западъ и омывающей стѣны Нанкина. Этотъ островъ весьма-важенъ въ военномъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Когда начальникъ англійской эскадры потребовалъ сдачи города, китайскій адмиралъ очень удивился, что Англичане пріѣхали издалека длятого, чтобъ съ нимъ ссориться.

— Вы въ раздорѣ съ жителями Кантона, отвѣчалъ онъ. Атакуйте Кантонъ, а меня оставьте въ покоѣ.

Но сэръ Гордонъ Бремеръ не уважилъ этой логики. Въ-теченіе девяти минутъ всѣ джонки, разставленныя у берега, были истреблены, а на другой день Англичане вступили въ Шин-Гап. На валахъ насыпаны были кучи извести, чтобъ бросать въ глаза варварамъ, которые бы полѣзли на стѣны.

Губернаторъ Че-Кіанга не могъ скрыть этой неудачи, но въ донесеніи своемъ поверхностно говоритъ объ истребленіи нѣсколькихъ джонокъ и о взятіи Шин-Гап, посредствомъ нечаяннаго нападенія и оплошности адмирала, и прибавляетъ: «подождемъ прибытія нашей великой арміи: мы тогда нападемъ на Англичанъ и живьемъ возьмемъ ихъ».

Ю-Кіенъ, губернаторъ области Кіанг-су употребилъ въ своемъ донесеніи еще болѣе храбрости. Вотъ какъ онъ успокоиваетъ правительство и народъ:

«Выгнанные изъ Кантона и Макао, гдѣ они торговали опіумомъ, Англичане пришли въ Фо-Кіенъ, откуда ихъ тоже прогнали. Вдругъ, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, они поднялись къ сѣверу. Но какъ корабли ихъ сидятъ по шестидесяти футовъ въ водѣ, то и не могутъ пристать къ нашимъ берегамъ. Слѣдовательно жители могутъ спать спокойно. Я, читавшій съ юности множество книгъ о военномъ искусствѣ и распространившій страхъ моего имени въ Туркестанѣ, почитаю этихъ непріятелей столь же слабыми, какъ тростникъ. Горе имъ, если они пойдутъ противу насъ!

Другой мандаринъ, представляя длинное донесеніе императору о тѣхъ же событіяхъ, объявляетъ, что стоитъ только пустить нѣсколько брандеровъ въ англійскій флотъ, открыть по немъ огонь со всѣхъ батарей— и тогда *наславъ на враговъ небесный ужасъ*, можно истребить всѣхъ непріятелей, непотерявъ ни одного человѣка. Вотъ какими оффиціальными документами пишется китайская исторія!

Однакожь, императоръ Тао-Квангъ едва не узналъ истины, когда англійская эскадра съ посланникомъ Эллiотомъ смѣло вошла въ Печилійскій Заливъ и бросила якорь у устья Пеи-го. Никогда еще непріятельская армія не приближалась на такое близкое разстояніе къ столицѣ. Надобно было найдти средство сопротивляться Англичанамъ. Мандаринъ Ки-шенъ, исправлявшій тогда должность перваго министра и бывшій всегда противникомъ же-

стокихъ мѣръ кантонскаго намѣстника, видѣлъ теперь торжество своей политики. Онъ предложилъ удалить Англичанъ миролюбивыми средствами— и представленіе его было принято.

Необходимо было, во что бы то ни стало, удалить опасныхъ сосѣдей. Ки-шену удалось это. Удачу эту надобно причислить къ великолѣпнѣйшимъ успѣхамъ, пріобрѣтеннымъ хитростью и обманомъ. Мандаринъ ни слова не доносилъ императору о требованіяхъ Англичанъ, а Эллiоту ни слова не сообщалъ о рѣшеніи пекинскаго двора, который все еще думалъ предписывать законы варварамъ. Онъ самъ составлялъ и переиначивалъ вопросы и отвѣты; англійскаго уполномоченнаго увѣрялъ онъ, что предложенія его благопріятно приняты императоромъ, а богдыхану доносилъ, что варвары раскаяваются и покоряются, всенижайше прося о милосердіи и пощадѣ, однимъ словомъ, онъ такъ хорошо умѣлъ лгать, что Англичане сдѣлали ошибку, удалясь отъ Печили, а императоръ, обрадованный *бѣгствомъ* непріятеля, далъ Ки-шену полномочіе продолжать въ Кантонѣ мирные переговоры.

Но на берегахъ Шу-Кіанга ходъ дѣла измѣнился. Хитрый мандаринъ надѣялся долѣе протянуть переговоры и утомить непріятелей безконечными конференціями. Онъ видѣлъ англійскую эскадру довольно-близко и не расположенъ былъ къ пушечнымъ неговорамъ. По-несчастью для Ки-шена, жители Кантона были иначе расположены. Они вздумали сдѣлать заговоръ противъ Англичанъ, а тѣ, открывъ его, напали на фортъ Шу-енъ-пи и разрушили его. Для избѣжанія дальнѣйшихъ несчастій, Ки-шенъ спѣшилъ подписать конвенцію, которою обязался заплатить Англичанамъ шесть мильйоновъ долларовъ и уступить имъ островъ Гон-Конгъ съ тѣмъ, чтобъ они возвратили Чусанъ.

Ка̀къ донести императору объ этихъ печальныхъ событіяхъ? Положеніе было затруднительное. Уѣзжая изъ Пекина, Ки-шенъ обязался усмирить варваровъ. Тутъ начались самыя любопытныя его депеши.

«Кантонъ не вооруженъ еще и не готовъ къ сильной защитѣ (пишетъ онъ сперва), и потому я долженъ былъ согласиться временно на условія непріятеля; но эти варвары, страхъ какъ надоѣли мнѣ, и я хочу ихъ истребить, во что̀ бы то ни стало. Надо только найдти для этого удобный часъ.»

«Эти варвары (пишетъ онъ въ другомъ донесеніи) ничего не хотятъ слушать. Несмотря на приказанія собственныхъ ихъ офицеровъ, они овладѣли укрѣпленіями Шу-эн-пи. Правда, что съ этой минуты обнаруживаютъ они искреннее раскаяніе и чрезвычайно боятся насъ...»

Наконецъ истина достигла до императора. Тао-Квангъ, повелѣвшій Ки-шену *прислать ему въ корзинахъ головы Англичанъ*, вознегодовалъ, получивъ вмѣсто этого проектъ конвенціи, отнимающей у него деньги и островъ Гонг-Конгъ. Вотъ отвѣтъ его на депеши Ки-шена.

«Англичане дѣлаются день-ото-дня безрасуднѣе, и потому я предписалъ Ки-шену быть осторожнымъ и воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ напасть на нихъ. Вмѣсто того, онъ далъ варварамъ перехитрить себя и подкупить. Какъ можно уступить Англичанамъ Гонг-Конгъ и позволить имъ торговать въ Кантонѣ! Развѣ каждая частица земли, каждый китайскій подданный не составляютъ исключительной и неотъемлемой собственности государства? Стыдъ Ки-шену! Разжаловать его, заковать въ цѣпи и привезти подъ карауломъ въ столицу; имѣніе его конфисковать». И у несчастнаго Ки-шена, обладавшаго еще наканунѣ имуществомъ, оцѣненнымъ самими Китайцами въ двѣсти мильйоновъ, осталось только нѣсколько мѣдныхъ монетъ, когда его заключили въ тюрьму съ цѣпью на шеѣ.

Впрочемъ, Ки-шена судили. Ему предъявили тринадцать обвинительныхъ пунктовъ. Главное его преступленіе состояло въ томъ, что онъ не побѣдилъ англійской эскадры. Но его обвиняли также въ томъ, что онъ приглаеилъ къ себѣ обѣдать капитана Элліота, что унизился до подписанія конвенціи и пр. Ки-шенъ униженно отвѣчалъ, что вся вина произошла отъ его невѣжества; что онъ не приглашалъ къ обѣду начальника варваровъ, но какъ тотъ, послѣ продолжительной конференціи проголодался, то ему и подали позавтракать; что заключенный договоръ только одна хитрость, чтобъ обмануть Англичанъ до прибытія войскъ, но что онъ самъ, Ки-шенъ, вовсе не думалъ исполнять этого договора и т. п.

Изъ документовъ этого страннаго процеса видно, ка̀къ китайскіе мандарины понимаютъ народныя права. Ки-шенъ былъ осужденъ на смертную казнь, какъ уличенный въ измѣнѣ; но получилъ прощеніе. Гюкъ и Габе видѣли его въ Тибетѣ. Теперь онъ губернаторомъ провинціи Ссе-чуэнъ, и снова собралъ огромныя богатства.

Чрезвычайно-любопытенъ разговоръ Гюка въ Лассѣ съ Ки-шеномъ. «Ки-шенъ спросилъ у насъ о лордѣ Пальмерстонѣ и о томъ, управляетъ ли онъ попрежнему иностранными дѣлами... «А что *Илу?* (Элліотъ) что̀ съ нимъ сдѣлали, не знаете ли?» — Его отставили. Твое паденіе было причиною и его паденія.— «Очень жаль. У *Илу* было доброе сердце, но онъ былъ нерѣшителенъ.—«Что? его казнили, или сослали?» — Ни того, ни другаго. Въ Европѣ не такое правосудіе, какъ у васъ, въ Пекинѣ.— «Это правда. Ваши мандарины счастливы. Наше правительство не можетъ всего знать, однакожъ оно судитъ всѣхъ. Если намъ скажутъ: «это бѣло!» мы повергаемся на землю и говоримъ: «точно бѣло!» Потомъ ту же вещь назовутъ черною, и мы снова падаемъ на колѣни и повторяемъ: точно, очень-черно!»— Но еслибъ кто изъ васъ сказалъ, что одна и та же вещь не можетъ вдругъ быть и бѣлою и черною?.. Можетъ-быть, ему отвѣчали бы: «ты правъ»; но въ то же время велѣли бы все-таки казнить его».

Во время англо-китайской войны вмѣстѣ съ Ки-шеномъ является на первомъ планѣ событій мандаринъ Эли-пу, долгое время управлявшій провинціею Ю-панъ въ Южномъ Китаѣ на бирманскихъ границахъ. Онъ не разъ слышалъ о могуществѣ Англичанъ въ Остиндіи и могъ понять, какой опасности подвергается его отечество, какъ вдругъ повелѣніемъ пекинскаго двора онъ былъ назначенъ правителемъ двухъ Кіанговъ. Онъ отправился къ своему посту, вовсе не раздѣляя самоувѣренности своихъ соотечественниковъ. Ему дали точно такія же инструкціи, какъ и его предмѣстникамъ. Онъ долженъ былъ защищать берега обѣихъ провинцій, подверженныхъ непріятельскимъ нападеніямъ, прогнать Англичанъ съ острова Чусана и поддержать славу китайскаго оружія на сухомъ пути и на морѣ.

Впрочемъ, ему указано было какимъ средствомъ пріобрѣсть эти побѣды. Онъ долженъ былъ отлить пушки большаго калибра и вмѣсто джонокъ построить такіе же корабли, какъ у Англичанъ. Это вѣрное средство найдено было мандаринами *съ красною пуговицею*, присутствующими въ совѣтѣ императора. Имъ, правда, совѣстно было унизиться до-того, чтобъ подражать врагамъ, оставляя древній образъ постройки джонокъ, но важность и обстоятельства требовали этого хоть на-время.

Мудрый Эли-пу принялся исполнять данныя ему приказанія. Въ Шин-гап былъ учрежденъ обширный литейный дворъ, на которомъ отлили огромнѣйшія пушки. По-несчастію, когда ихъ стали испытывать, пушки разорвало и перебило артиллеристовъ, наскоро выписанныхъ изъ Фо-Шена. Что жь касается до линейныхъ кораблей, которые бы могли бороться съ англійскими, никто не умѣлъ составить имъ даже рисунка. Инженеръ, котораго выбрали для этой работы, не придумалъ ничего лучше, какъ лишить себя жизни.

Когда стали обвинять и Эли-пу въ неспособности и робости, онъ принужденъ былъ приняться за пышныя донесенія и воспѣвать свои побѣды, какъ прежніе мандарины. По конвенціи, подписанной въ Кантонѣ, капитанъ Эллiотъ обязался очистить островъ Чусанъ. Какъ скоро онъ оставилъ Шин-Гап, генерал-губернаторъ обоихъ Кіанговъ спѣшилъ донести императору, что, «видя приближеніе китайской эскадры въ сто-тридцать джонокъ, раздѣленной на три дивизіи подъ начальствомъ трехъ генераловъ, варвары бѣжали съ острова въ величайшемъ безпорядкѣ».

Эта невинная ложь не спасла Эли-пу. Бѣднаго старика вызвали въ Пекинъ, отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Трои сутки стоялъ онъ на колѣняхъ передъ воротами дворца въ ожиданіи аудіенціи. Наконецъ его стали судить, какъ Ки-шена, и приговорили къ ссылкѣ на берега Амура, куда отправляютъ преступниковъ низшаго разряда. Такъ возвысился и палъ второй герой кампаніи.

Мѣсто Ки-шена занялъ въ Кантонѣ тріумвиратъ генераловъ подъ предсѣдательствомъ Их-Шана, родственника императора.

Англичане поднялись вверхъ по Шу-Кiангу и въ маѣ 1841 года осадили городъ. Хотя Их-шанъ и писалъ въ Пекинъ депешу за депешей, что *бунтовщики* разбиты, но принужденъ былъ, однакожь, сдаться на капитуляцiю. Надобно было и объ этомъ донести. Это былъ первый примѣръ скромнаго донесенiя, гдѣ китайскiй генералъ сознается, что онъ не успѣлъ побѣдить всѣхъ непрiятелей.

«Наши артиллерiйскiе залпы продолжались безпрерывно, но невозможно было отразить всѣ корабли варваровъ. Непрiятель успѣлъ произвесть высадку; онъ напалъ на крѣпости, находящiяся въ сѣверной части города, и осыпалъ ихъ такимъ количествомъ ядръ и брандскугелей, что убилъ и переранилъ много офицеровъ и солдатъ. Жители наполнили улицы, кричали, плакали и умоляли насъ спасти ихъ. При этомъ видѣ я поколебался, пошелъ къ варварамъ и спросилъ ихъ : чего они требуютъ. Они мнѣ отвѣчали, что не получили еще вознагражденiя за схваченный у нихъ опiумъ, котораго цѣнность простирается на нѣсколько мильйоновъ таэлей. Они требовали только уплаты этой суммы, обѣщая потомъ отступить за Богý. Я настаивалъ, чтобъ они возвратили намъ Гонг-Конгъ, но они отвѣчали, что этотъ островъ уступленъ имъ Ки-шеномъ законнымъ порядкомъ и что у нихъ есть письменное на это доказательство. Видя, что Кантонъ подвергается очевидной опасности и что вокругъ меня царствуетъ смятенiе и нищета, я временно согласился на ихъ просьбу. Однакожь я прiйму потомъ мѣры взять обратно Гонг-Конгъ. Теперь умоляю наказать меня и моихъ товарищей за сдѣланныя нами ошибки, но, трепеща, заклинаю отъ имени всего народа утвердить условiя мира».

Когда Англичане ушли съ шестью мильйонами долларовъ, Их-шанъ тотчасъ же заговорилъ иначе. Онъ послалъ въ Пекинъ голову одного англiйскаго солдата, выдавая ее за голову адмирала Гордона Бремера. Подарокъ этотъ былъ очень-прiятенъ пекинскому двору.

«Я получилъ, говоритъ Тао-Кванг, депешу отъ Их-Шана съ донесенiемъ, что варвары напали на городъ, но двукратно были отражены. Мужество нашихъ войскъ довело непрiятеля до крайности: онъ униженно просилъ исходатайствовать ему милость императора. Ваша мудрость думаетъ, что ненадобно имъ отказывать въ дозволенiи производить торговлю; но, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, вы бы должны были приказать имъ, чтобъ они тотчасъ же отправились обратно зá-море... Укрѣпленiя сейчасъ исправить... Если Англичане окажутъ хотя малѣйшее сопротивленiе, вы, съ своею армiею, изрубите ихъ въ куски».

Вскорѣ послѣ экспедицiи по Шу-Кiангу, англiйская эскадра подверглась сильному тифону. Тао-Квангъ получилъ донесенiя мандариновъ, что море было покрыто трупами и приказалъ, чтобъ въ кантонскихъ пагодахъ сожгли въ честь кумировъ двадцать палокъ ѳимiама. Тотъ же обрядъ совершенъ былъ въ Пекинѣ четырьмя принцами императорскаго дома. Потомъ обнародовано

было, что Агличане истреблены, солдаты ихъ всѣ утонули, корабли разбились; а въ-самомъ-дѣлѣ эскадра быстро исправила свои поврежденія и лондонскій кабинетъ прислалъ новаго начальника экспедиціи, сэра Генриха Поттинджера, надѣлавшаго столько безпокойствъ богдыхану и мандаринамъ.

Предъидущія депеши обнаруживаютъ только корреспонденцію между китайскими генералами и Тао-Квангомъ. Но кромѣ этихъ лицъ, часто-дѣйствовавшихъ по разсчету, любопытно видѣть, что̀ думалъ народъ? Можно допустить, что Тао-Квангъ, заключенный въ своемъ дворцѣ за оградою нѣсколькихъ стѣнъ, могъ долгое время оставаться обманутымъ своими мандаринами и вѣрилъ ихъ донесеніямъ о мнимыхъ побѣдахъ; но туземные жители, видѣвшіе англійскія эскадры, но китайскіе солдаты, испытавшіе все превосходство европейскаго оружія, всѣ эти мильйоны свидѣтелей истины, могли ли они вѣрить непобѣдимости Поднебесной Имперіи? И что̀ же? Всѣ документы доказываютъ, что народныя массы, спасавшіяся бѣгствомъ отъ Англичанъ, вполнѣ увѣрены были въ своихъ побѣдахъ. Всѣ эти неуспѣхи и потери, приписывали они неспособности предводителей, слабости Ки-шена, который не умѣлъ во̀-время собрать войскъ, и измѣнѣ множества Китайцевъ, перешедшихъ въ ряды непріятелей. Послѣднее обвиненіе постоянно упоминается во многихъ прокламаціяхъ, адресованныхъ литераторами къ народу, повторявшими ему при этомъ случаѣ всѣ поученія Конфуція. Такимъ-образомъ Китайцы оставались въ полной увѣренности, что были побѣждаемы Китайцами же. Самыя побѣды враговъ питали національную ихъ гордость. Едва англійская эскадра вышла изъ Шу-Кіанга, какъ стѣны Кантона были покрыты объявленіями, въ которыхъ самолюбивая кисть литераторовъ мстила за народную честь слѣдующими словами:

«Мы дѣти Поднебесной Имперіи и довольно-сильны, чтобъ защищать наше отечество. Намъ ненужно мандариновъ, чтобъ истребить нашихъ враговъ, которыхъ злодѣянія дошли до крайнихъ предѣловъ. Еслибъ предводители наши не подписали мирнаго договора и не уничтожили этимъ нашихъ намѣреній, враги почувствовали бы силу нашихъ рукъ. Но впредь не оскорбляйте насъ; мы рѣшились наказать васъ примѣрно. Въ другой разъ вы не спасетесь отъ насъ».

Эти смѣшные возгласы, съ жадностью читаемые и одобряемые всѣми, объясняютъ вполнѣ оффиціальную ложь мандариновъ. Какъ-скоро непріятель скрылся, жители Кантона думали, что они побѣдители. Какъ же иначе могли говорить предводители? Они писали свои донесенія подъ диктовку народнаго восторга.

Новый главнокомандующій сэръ Генрихъ Поттинджеръ понялъ, что надобно дѣйствовать рѣшительно и оставить систему этихъ временныхъ конвенцій, которыми обманывали капитана Эллиота. Кампанія, предпринятая имъ съ твердою рѣшимостью не влагать

меча въ ножны до настоящей капитуляціи, окончилась въ нѣсколько мѣсяцевъ панкинскимъ трактатомъ.

Островъ Чусанъ былъ снова занятъ. Амои, Килонгсу, Чингаи, Нинг-по, Шап-гап, То-пу поочередно подпали подъ власть Англичанъ, быстро перевозимыхъ на пароходахъ, болѣе всего удивившихъ Китайцевъ плаваніемъ противъ теченія и вѣтра, безъ парусовъ.

Мандарины продолжали доносить безпрестанно императору о своихъ побѣдахъ; но, по мѣрѣ дальнѣйшаго вторженія Англичанъ, мандарины начинали ужь обнаруживать менѣе самоувѣренности. Объ этомъ можно судить по страннымъ военнымъ хитростямъ, которыя они придумывали и обсуждали въ своемъ лагерѣ. «Надобно (предложилъ одинъ изъ нихъ) окружить варваровъ облаками дыма и напасть на нихъ въ-расплохъ». Другой предложилъ «послать экспедицію водолазовъ, которые, подплывъ подъ англійскіе корабли, пробили бы въ нихъ отверстія для потопленія ихъ». Третій требовалъ, «чтобъ запретили вывозить изъ Китая сѣру и селитру, лишивъ чрезъ то Англичанъ возможности приготовлять порохъ».

Головы кружились и создавали самые странные проекты. Одни прибили объявленіе, въ которомъ приглашали Англичанъ возвратиться во-свояси, чтобъ заботиться о престарѣлыхъ своихъ родителяхъ. Совѣтъ этотъ былъ искренній, потому-что сами Китайцы религіозно исполняютъ сыновній долгъ. Въ другой прокламаціи генералъ Іи-Кингъ обѣщалъ пощаду сипаямъ, если они не будутъ стрѣлять въ Китайцевъ, и предлагалъ каждому изъ нихъ пуговицу мандарина, если онъ выдастъ англійскаго офицера. Генералъ этотъ узналъ, что сипаи — *черные люди*, принадлежатъ къ племени, завоеванному Англичанами, и потому думалъ, что они тотчасъ же воспользуются случаемъ избавиться отъ своихъ властителей.

«Наконецъ (разсказываетъ сэръ Джонъ Девисъ), нашли въ оставленномъ китайскомъ лагерѣ копію съ письма, адресованнаго къ англійскому генералу, съ приглашеніемъ положить оружіе со всѣми своими войсками, за что́ обѣщали ему особенныя милости богдохана».

Вотъ до чего доведены были мандарины! Они ужь не знали ка́къ сбыть съ рукъ варваровъ: угрозы, просьбы, совѣты, ложь — ничто не удавалось, и враги болѣе-и-болѣе подвигались къ столицѣ. Тогда не только военачальники, но и гражданскіе мандарины, чтобъ не сознаваться предъ императоромъ въ своемъ пораженіи, лишали себя жизни. Эти случаи были очень-часты.

Впрочемъ, надобно прибавить, что самоубійства не всегда бываютъ смертельны. Послѣ приступа къ Чин-Гаи мандаринъ бѣжалъ и скрылся на близлежащій островъ; но передъ тѣмъ оставилъ на берегу канала свой парадный костюмъ и сапоги. Всѣ думали, что онъ съ отчаянья утопился, и прославили его геройство. По-несчастью, черезъ нѣсколько времени, открылась эта

невинная хитрость и бѣднаго мандарина осудили на казнь, какъ дезертира, бѣжавшаго съ своего поста. Потомъ его простили и сослали; наконецъ онъ отдѣлался только значительною пенею и сдѣланъ былъ опять губернаторомъ. А какъ онъ во время войны былъ человѣколюбивъ къ англійскимъ плѣннымъ солдатамъ, то и былъ назначенъ въ число уполномоченныхъ при заключеніи нинкинскаго мира.

Мы ужь сказали, что Эли–пу былъ сосланъ на границу Сибири, но онъ еще не успѣлъ доѣхать до мѣста своего заточенія, какъ ужь былъ возвращенъ въ Пекинъ. Богдоханъ, устрашенный неблагопріятнымъ оборотомъ дѣлъ, ввѣрилъ ему вторично управленіе. Долго слѣдуя совѣтамъ тѣхъ, которые говорили, что надобно вести съ варварами вѣчную войну, Тао–Кватъ склонился наконецъ къ той партіи, которая совѣтовала заключить миръ. Онъ объявилъ, что усталъ уже получать ежедневныя донесенія о побѣдахъ съ извѣстіемъ притомъ, что Англичане подвинулись впередъ. Онъ требовалъ остановить дальнѣйшій ходъ враговъ, во что̀ бы то ни стало.

Таковы были инструкціи, данныя Эли–пу, которому теперь придали товарищемъ мандарина Ки–инга, игравшаго важную роль во внѣшней политикѣ Поднебесной Имперіи.

Оба уполномоченные, которымъ Тао–Квангъ ввѣрилъ заключеніе мира, были татарскаго происхожденія. При этомъ случаѣ надобно замѣтить одно любопытное обстоятельство, объясняющее характеръ обоихъ главныхъ племенъ, живущихъ въ Китаѣ. Въ продолженіе всей войны, мандарины татарскаго происхожденія, какъ въ Пекинѣ, такъ и въ провинціяхъ, принадлежали всегда къ миролюбивой партіи. Китайцы же были самыми жаркими совѣтниками войны, кровожадными фанатиками, всегда возставэвшими противъ всякаго снисхожденія къ варварамъ. Эти литераторы, украшенные павлиньими перьями, составляли самыя пышныя прокламаціи и мстили фразами за вторженіе Англичанъ. Зато, на полѣ сраженія, китайскіе военачальники, краснорѣчивые и храбрые въ совѣтѣ, отличались чрезвычайною осторожностью и быстрыми отступленіями. Татары же, напротивъ, защищались съ неустрашимостью, которой сами Англичане отдавали всегда справедливость. Борьба была только тамъ серьёзна, гдѣ сражались татарскія войска.

Англійская эскадра бросила якорь передъ Нанкиномъ. Всякое сопротивленіе сдѣлалось безполезнымъ. Татары храбро погребли себя подъ развалинами Чин–Кіанг–Фу, а китайскіе мандарины и солдаты растерялись, видя неизбѣжную гибель. Солнечное затмѣніе предсказало имъ пораженіе. Эли–пу и Ки–ингъ принялись тогда за свое порученіе, покорились волѣ побѣдителей и донесли императору въ длинной депешѣ объ этомъ печальномъ событіи.

«Мы предлагаемъ (пишутъ они)— и за наше преступленіе смерть была бы слишкомъ слабымъ наказаніемъ— мы предлагаемъ при-

нять условія Англичанъ. Знаемъ, что требованія ихъ обнаруживаютъ ненасытную жадность; но они хлопочутъ только о выгодахъ торговли и не имѣютъ никакихъ враждебныхъ замысловъ; а потому, чтобъ спасти провинцію и прекратить бѣдствія войны, мы рѣшились принять условія непріятеля. Подъ присягою обѣщали мы Англичанамъ согласиться на ихъ предложенія, если они обнаружатъ сколько-нибудь раскаянія въ оказанномъ ими намъ злѣ и если заключатъ перемиріе».

Въ другомъ донесеніи китайскіе уполномоченные сообщаютъ объ успѣхѣ переговоровъ, общій смыслъ которыхъ былъ утвержденъ богдыханомъ послѣ нѣкоторыхъ оговорокъ. Въ условіяхъ Англичанъ помѣщено было, что Европейцы имѣютъ право жить съ своими семействами въ тѣхъ гаваняхъ, которыя будутъ открыты для ихъ торговли.

«Мы замѣтили (пишутъ уполномоченные), что варвары покоряются вліянію своихъ женъ и слушаются ихъ съ любовью. Пребываніе женщинъ въ гаваняхъ смягчитъ ихъ характеръ и послужитъ намъ къ бо̀льшей безопасности. Если варвары будутъ имѣть при себѣ все, что̀ имъ дорого, и если магазины ихъ будутъ наполнены товарами, они будутъ совершенно въ нашей власти, и намъ легко ими управлять. Убѣдясь въ этомъ, мы приложили печать къ договору и, подъ опасеніемъ гнѣва великаго императора и строжайшихъ наказаній, смѣемъ вновь умолять объ утвержденіи этого трактата».

Дѣйствительно, трактатъ, подписанный въ Нанкинѣ 26 августа 1842 года, былъ утвержденъ богдоханомъ.

Результатъ войны съ Китаемъ не могъ быть ни на минуту сомнителенъ. Европейская образованность и дисциплина должны были побѣдить. И однакожь, у императора были неистощимыя средства къ защитѣ. Какъ полновластный владѣтель обширной имперіи, онъ по волѣ своей располагалъ многочисленнымъ и вѣрнымъ народомъ. Казна его изобиловала деньгами. Однѣ издержки этой двухлѣтней войны стоили 250 мильйоновъ. Оружія всякаго рода было въ Китаѣ достаточно, потому-что Англичане захватили и заколотили въ городахъ и на полѣ сраженія двѣ тысячи триста-пятьдесять-шесть пушекъ. Даже въ смѣшныхъ прокламаціяхъ видна увѣренность въ неприкосновенности границъ и сильная ненависть къ иноземцамъ. Но предъ англійскою эскадрою и нѣсколькими полками, все это было недѣйствительно. Императоръ Тао-Квангъ принужденъ былъ утвердить договоръ.

Во всемірной исторіи нѣтъ другаго примѣра подобной войны. Почему Китай былъ такъ скоро побѣжденъ? Доказываетъ ли это малодушіе цѣлой націи? Подобное заключеніе было бы несправедливо и оскорбительно. Китайцы, и въ-особенности Татары, презираютъ опасности и готовы жертвовать жизнью. Хотя гражданское званіе у нихъ важнѣе военнаго, однакожь они уважаютъ храбрость и мужество. Они часто воевали, часто одерживали побѣ

ды; въ ихъ лѣтописяхъ хранятся имена государей-завоевателей и славныхъ полководцевъ. Не солдаты Англіи, не оружіе Запада побѣдили Китайцевъ : они пали жертвою своего невѣжества, но не малодушія. Kàкъ могли они сражаться своими саблями, ружьями, стрѣляющими посредствомъ фитилей, и съ неподвижными пушками? Kàкъ могли противостать дисциплинѣ и картечамъ? Произведя залпъ изъ множества пушекъ, они съ удивленіемъ видѣли, что англійскія колонны безвредно идутъ впередъ, а пушки ихъ разрываются. Китайцамъ оставалось бѣжать, несмотря на свою многочисленность. Въ глазахъ ихъ Англичане были не люди, а злые духи.

Да и могла ли быть равна эта борьба? Китай, столько вѣковъ отдѣленный отъ остальнаго всемірнаго семейства народовъ, долженъ былъ рано или поздно заплатить за безумную гордость этого удаленія. Онъ все-еще надѣялся на твердость своихъ древнихъ кольчугъ; прочіе народы давно ужь узнали всѣ тайны военной науки. Презирая образованность Европы, Поднебесная Имперія готовила себѣ вѣчное раскаяніе. Урокъ людямъ и націямъ, живущимъ отдѣльно!

Китай всегда существовалъ отдѣльно. Чуждый успѣховъ военнаго искусства, онъ не зналъ даже, что можно союзами замѣнять въ минуту опасности недостатокъ собственныхъ силъ. Политика его запрещала всякое воззваніе къ помощи другихъ націй. Онъ не чувствовалъ, что борьба его съ Англіею представляла борьбу Азіи съ Европою, и что Азія должна была содѣйствовать ему. Въ Европѣ многіе опасались, что Англія послѣ побѣды заключитъ условія, исключительно-выгодныя для ея торговли. Эти опасенія не оправдались. Нанкинскій договоръ открылъ китайскіе порты для всемірной коммерціи.

Въ 1840 году Горкасы, сильное племя, живущее на границахъ Китая и Остиндіи, предлагали китайскому резиденту въ Лассѣ вторгнуться въ Остиндію и овладѣть ею; но для этого требовали они у Китайцевъ пушекъ и солдатъ. Пекинскій дворъ отвергъ это предложеніе, и диверсія не была произведена.

Во время этой войны были въ Китаѣ и Французскіе корабли; но Китайцы не понимали значенія ихъ прибытія. Сперва боялись они ихъ, потомъ думали, что будутъ помогать имъ. Их-Кингъ, назначенный *генераломъ, внушающимъ ужасъ*, объявилъ однажды въ своей прокламаціи, что Англичане доведены до послѣдней крайности и прибѣгнули подъ защиту Французовъ, которые по одеждѣ похожи на нихъ. Вотъ одно любопытное донесеніе императору отъ И-шана, одного изъ генераловъ кантонской арміи:

«Въ-теченіе двѣнадцатой луны прошлаго года (въ январѣ 1842) прибыли въ Гонг-Конгъ на военномъ кораблѣ иноземные начальники Жансильи и Сесиль, говоря, что вслѣдъ за ними будутъ и другіе. Покуда мы предписывали произвесть слѣдствіе по этому происшествію, мы узнали, что Сесиль на лодкѣ пріѣхалъ въ Кантонъ и требовалъ свиданія съ мандаринами. Зная, что Фран-

цузы всегда были почтительны и послушны въ торговыхъ сношеніяхъ, тогда-какъ Англичане оказались бунтовщиками, начавшими войну, и видя, что Французы просятъ только свиданія, мы снизошли къ ихъ просьбѣ и отступили отъ своихъ правилъ, чтобъ посѣять раздоръ между варварами. Во время свиданія, Сесиль объявилъ, что государь его извѣстился о войнѣ Англичанъ противъ насъ, а потому послалъ Сесиля, чтобъ защищать французскіе корабли, а въ-случаѣ нужды, предложить посредничество. На это отвѣчали мы: «Король вашъ *былъ всегда послушенъ и преданъ,* мы отдаемъ ему въ этомъ справедливость; Англичане злы, строптивы и неисправимы. Они оскорбляютъ всѣ націи. Если вашъ король прислалъ васъ сюда съ военнымъ кораблемъ, то окажите ваше мужество, и тогда мы донесемъ объ этомъ своему великому императору, который, безъ сомнѣнія, наградитъ васъ за это достойнымъ-образомъ». Сесиль отозвался, что если Англія въ войнѣ съ Китаемъ, то Франція въ мирѣ съ Англіею и ему не за что̀ начинать военныхъ дѣйствій. «Если я нападу на нихъ безъ причины, прибавилъ онъ: всѣ народы вознегодуютъ на меня. Лучше пусть Серединная Имперія окончитъ войну и заключитъ миръ». Мы спросили его тогда: какимъ образомъ надѣется онъ достигнуть примиренія? Онъ сказалъ, что обратится къ Англичанамъ, и если они пріймутъ его предложеніе, то всѣ затрудненія исчезнутъ; если же откажутся, то война неизбѣжна. А какъ въ это самое время Англичане заслужили императорскій гнѣвъ взятіемъ Нинг-по и другихъ городовъ, и какъ генералъ, внушающій ужасъ (Их-кингъ), получилъ ужь приказъ истребить ихъ, то мы и не могли поручить Сесилю сдѣлать мирныя предложенія варварамъ. Онъ, однакожь, объявилъ намъ, что увидится съ англійскимъ генераломъ, и если узнаетъ что-нибудь новое, то сообщитъ намъ. За эту услугу рѣшились мы наградить его...»

Читая это донесеніе, невольно вспомнишь о политикѣ Китая съ морскими разбойниками, безпрестанно-опустошающими берега его. Когда разбои сдѣлаются слишкомъ-частыми и разорительными, пекинскій дворъ отправляетъ къ одному изъ сильнѣйшихъ пиратовъ посольство, предлагаетъ ему большую денежную награду и золотую или хрустальную пуговицу мандарина съ тѣмъ, чтобъ новый сановникъ напалъ на своихъ бывшихъ товарищей и истребилъ ихъ, потому-что императорскій флотъ не въ-состояніи съ ними справиться.

Въ донесеніи И-шана есть тоже любопытное мѣсто: «Въ-теченіе второй луны (мартъ 1842) Жансинъи прислалъ намъ депешу, въ которой тоже говорилъ о мирѣ, выражая надежду, что мы оставимъ Гонг-Конгъ въ рукахъ бунтовщиковъ. Разсмотрѣвъ внимательнѣе поведеніе Французовъ, мы убѣдились, что они друзья Англичанъ и хотятъ взять съ насъ за свое посредничество что-нибудь и подѣлиться съ ними. Тогда мы стали поступать съ ними какъ съ хитрецами и варварами. Мы отвергли ихъ

предложенія, совѣтуя не помогать бунтовщикамъ, подъ опасеніемъ, чтобъ дорогіе камни не были истолчены съ голышами въ одной ступкѣ. Мы, однакожь, обѣщали имъ награду, если они будутъ служить намъ, и предписали всѣмъ начальникамъ строго за ними присматривать.»

Это донесеніе получено было императоромъ въ августѣ 1842 года, когда нанкинскій трактатъ ужь былъ подписанъ. Китайцы заплатили 21 мильйонъ долларовъ за военныя издержки. Островъ Гонг-Конгъ уступленъ былъ Англіи. Иностранцамъ дозволялось жить и торговать въ пяти гаваняхъ. Торговля объявлена свободною. Особенный тарифъ опредѣлялъ ввозную и вывозную пошлину. Объ опіумѣ не упоминалось въ этомъ тарифѣ; онъ оффиціально былъ запрещенъ. До уплаты денегъ Англичане оставляли за собою Чусанъ, который, впрочемъ, возвращенъ былъ Китаю въ 1846 году.

Въ 1847 году война едва-было не возобновилась. Китайцы ужь забыли данный имъ урокъ, перестали исполнять условія трактата, и на представленія англійскихъ консуловъ отвѣчали дерзостями. Вдругъ сэръ Джонъ Девисъ явился съ нѣсколькими кораблями передъ Кантономъ, овладѣлъ фортами, заколотилъ и побросалъ въ воду 127 пушекъ и испуганные Китайцы спѣшили извиниться и исполнить все требуемое Англичанами.

(*Revue des Deux Mondes.*)

VII.

ШАХМАТЫ.

Omne tulit punctum qui miscuit utile dulci.
(Мысль старая).

Нѣсколько строкъ, посвященныхъ этой игрѣ глубокаго соображенія въ то время, когда открытіе въ Петербургѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, Общества Любителей Шахматной Игры и извѣстныя всѣмъ имена первыхъ членовъ его, обращаютъ на себя заслуженное вниманіе просвѣщенныхъ классовъ общества, не будутъ конечно лишними въ періодическомъ изданіи, слѣдящемъ за требованіями общественной любознательности, и считающемъ своей цѣлью встрѣчать и удовлетворять ихъ. — *Игра, дошедшая до предѣловъ науки,* и вмѣстѣ *наука, облекшаяся въ заманчивыя и легко-доступныя формы игры* — шахматы должны найдти мѣсто на страницахъ газетъ и журналовъ, по двойному праву, какъ дѣло пріятное и полезное. Сказать о нихъ можно всегда очень-многое, такъ-что единственное затрудненіе автора, посвящающаго имъ неспеціальную статью, состоитъ въ томъ, чтобъ не увлечься и не сказать слишкомъ-многаго, и чтобъ статья эта, отражая характеръ своего предмета, соединила въ себѣ и его неутомляющую глубину и его занимательную игривость. «Играть умомъ и умно играть имъ»... это такъ трудно — хотѣли мы было присовокупить, въ сознаніи указаннаго затрудненія, но вспомнили, что на этомъ-то именно и основана игра въ шахматы, что она составляла и составлять будетъ всегда пріятное препровожденіе времени для людей, играющихъ избыткомъ ума, людей мыслящихъ, для которыхъ, при безпрерывномъ напряженіи ихъ умственныхъ силъ, игра эта служитъ какъ-бы необходимой посредствующей ступенью къ переходу изъ высшихъ сферъ въ колею обыкновенныхъ мелочей жизни, какъ-бы камертономъ, по которому спускается настроеніе ихъ духовныхъ силъ, до созвучія съ обыкновеннымъ, нормальнымъ настроеніемъ всего ихъ окружающаго. Итакъ, посвящая шахматамъ нѣсколько строкъ, мы попробуемъ извлечь ихъ содержаніе изъ огромной литературы, спеціально-посвященной этому предмету, литературы, изъ произведеній

которой можно бы составить порядочную библіотеку, и въ которую, сознаемся, мы едва заглянули сами, но заглянули съ любопытствомъ профана и съ любовью будущаго адепта (*).

I. Историческія замѣтки.

Война между филологами — навѣрное, самая продолжительная изъ всѣхъ войнъ.

Оставимъ филологамъ изслѣдованіе о древности изобрѣтенія шахматовъ. Они отъискали полустертыя вѣками изображенія шахматовъ среди египетскихъ іероглифовъ и тайнаго достоянія жрецовъ на стѣнахъ храма древнихъ Ѳивъ; они нашли отрывочные на нихъ намёки въ текстахъ Іудеевъ и Индусовъ, они обрѣли и названіе и объясненіе этой игры въ классическихъ книгахъ Греціи и Рима, которымъ гордость нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, непризнающая древняго первенства Азіи и вспомоществуемая силой знанія и искусствомъ убѣжденія, успѣла почти отдать пальму изобрѣтія шахматовъ.

Многоученые «любословные», а подчасъ, можетъ-быть, и «многоглаголивые» филологи доказываютъ, на основаніи стихотворенія «Медени мелехъ» (увеселеніе царя), ученаго *Абэн-Эзры,* что игра эта называлась у Евреевъ *Сакакъ* или *Шакакъ* — словомъ весьма-созвучнымъ съ тѣмъ, которымъ означается она почти у всѣхъ европейскихъ народовъ, гдѣ русское «Шахъ-маты», нѣмецкое Schach, итальянское Scacchi, французское Échecs, англійское Chess, шведское Schak, голландское Schaak (spell) изобличаютъ такъ краснорѣчиво ея неевропейское происхожденіе, и ея заимствованіе изъ Азіи, вмѣстѣ съ названіемъ.

У Грековъ, говорятъ филологи, шахматы назывались *петтея*; они изобрѣтены греческимъ философомъ *Паламедомъ* и, какъ видно изъ Одиссеи, служили ужь забавой браннымъ героямъ Гомера; но все это оспоривается г. Северино въ книгѣ: Dell antica pettia et. Napoli, 1690, 1 v. in 4°.

У Римлянъ наконецъ, говорятъ опять филологи, шахматы назывались Calculi (камни, то-есть шашки) или Latrunculi. Шахматная игра упоминается и даже описывается нѣсколькими мастерскими стихами поэта Овидія (въ его Ars amandi — искусствѣ любить и въ его liber tristium), который научаетъ прекрасныхъ и воспріимчивыхъ Римлянокъ искусству кокетничать и плѣнять, даже играя въ шахматы.

Допытываясь всюду и вездѣ данныхъ о игрѣ — подобіи войны, филологи ведутъ между собой настоящую чернильную войну, выступаютъ другъ противъ друга въ непроницаемой бронѣ своихъ текстовъ, стрѣляютъ бомбическими фразами и дѣлаютъ другъ другу *шахъ и*

(*) Шахматная библіотека *г. Альей* (Alliey), градоначальника города Турнона, въ Ардешскомъ Департаментѣ Франціи, состоитъ изъ 760 нумеровъ. Въ Германіи извѣстна шахматная библіотека покойнаго *Бледова*; въ Россіи самая значительная, кажется, у *г. Янкиша*, непремѣннаго секретаря С.-Петерб. Общества любителей шахматной игры.

матъ побѣдоносными цитатами. Предоставимъ же продолженіе спора филологамъ, и, не облекаясь во всевооруженіе сухой учености, выскажемъ нѣсколько простыхъ данныхъ изъ запутанной исторіи о происхожденіи шахматовъ.

И именно, къ слову о всевооруженіи. Знаменитый оріенталистъ и фило... нѣтъ, санскритологъ *Виллъямъ Жонесъ* полагаетъ, что шахматная игра вышла во всевооруженіи изъ головы своего изобрѣтателя точно также, какъ Минерва, богиня мудрости, вышла изъ головы громовержца Юпитера. Оставляя за шахматами честь сравненія съ Минервою, оставляя, еще съ бо́льшею справедливостью, вторую часть фразы Жонеса за открытіемъ Петербургскаго Общества Любителей Шахматной Игры, мы думаемъ, однакожь, что г. Жонесъ не хотѣлъ сказать этимъ, будто-бы вся нынѣшняя *шахматная мудрость* была созданіемъ ея почтеннаго изобрѣтателя, потому-что мы могли бы указать довольно-отчетливо на длинный рядъ мужей, способствовавшихъ ея развитію, и привести весьма-опредѣлительно улучшенія и открытія, сдѣланныя каждымъ изъ нихъ въ сферѣ безчисленныхъ ея комбинацій, и въ ряду этихъ именъ читатели наши увидѣли бы не безъ удовольствія и національной гордости, какія новыя и сильныя орудія атаки и защиты присоединили, очень-недавно еще, наши гг. Петровъ и Янишъ къ этому мнимому всевооруженію болѣе, чѣмъ тысячелѣтней Минервы Жонеса. Да̀, Жонесъ хотѣлъ, вѣроятно, только сказать, что шахматы были искони шахматами, и не суть перерожденіе какой-нибудь другой подобной шашечной игры или, точнѣе, eines Brettspiels «игры на доскѣ»; онъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать, что основные законы шахматной игры (то-есть качество фигуръ ея, и сила дѣйствія, присвоенная имъ), послужившія впослѣдствіи къ чудесному развитію ея теоріи, были созданы всѣ вдругъ единымъ и, какъ онъ выражается «величественнымъ соображеніемъ» изобрѣтателя. Увѣреніе это имѣетъ, конечно, болѣе правдоподобія, чѣмъ первое, но доказать его, во всякомъ случаѣ относительную, истину невозможно теперь, за неимѣніемъ подробныхъ и положительныхъ данныхъ о первобытныхъ шахматахъ, древнѣе *тысячи трехсотъ-шестьнадцати лѣтъ* тому назадъ. 1316 лѣтъ?! Точно такъ. Есть, правда, одно, еще древнѣйшее, относящееся къ шахматамъ хронологическое опредѣленіе; оно индійскаго происхожденія и относится ко времени осады *Рамою* столицы королевства *Ланки* (нынѣшняго острова Цейлона), причемъ супруга осажденнаго короля *Раванны* изобрѣла будто бы шахматы вслѣдствіе той же причины — скуки уединенія, которая въ новѣйшія времена, при осадѣ г. Бостона, произвела игру бостонъ. Время этого событія (то-есть осады), относится, по вычисленіямъ г. Жонеса, къ 2029 году до Р. Х.(!); но мы не знаемъ санскритскаго языка, не довѣряемъ хронологіи Индусовъ, не можемъ принять за достовѣрное индійскій фактъ, такъ неразрывно-соединенный съ чудесной космогоніей Индусовъ, и потому предпочитаемъ вышеприведенный фактъ, которымъ обязаны акуратности и положительности Китайцевъ.

Въ обширномъ словарѣ ихъ «Хаи-пьень», въ этомъ *морѣ (хай)*

261 тысячи словъ, говорится подъ словомъ «шахматы», что игра эта перешла въ Китай изъ Индіи въ 35-мъ году царствованія государя, основавшаго непродолжительную династію Лянъ, и потому получившаго посмертное историческое имя *Гао-цзу-Ву ди* (что̀ значитъ *первый почтенный* (то-есть династическій) *предокъ и воинственный государь*), или сокращенно, просто *Ву-ди*. Государь этотъ царствовалъ съ 502 по 550 годъ по Р. Х. и, слѣдовательно, опредѣленный въ *Хай-пьень*, китайскими лѣтосчисленіемъ и терминомъ, годъ правленія его соотвѣтствуетъ 537 нашего лѣтосчисленія, по Р. Х. Останавливаясь съ удовольствіемъ на этомъ первомъ исторически-достовѣрномъ державномъ протекторѣ шахматовъ, мы присовокупимъ, что онъ былъ однимъ изъ великихъ государей Поднебесной Имперіи, и былъ надѣленъ лицомъ въ высшей степени величественнымъ, обширнымъ умомъ и сильною волей, что онъ утвердилъ въ Китаѣ систему общественнаго воспитанія и усовершенствовалъ во многомъ уголовные законы Китая («законы о наказаніяхъ»), что мудрое и твердое правленіе его заслужило ему уваженіе сосѣднихъ государей Индіи и что, наконецъ, послѣ тяжелыхъ государственныхъ трудовъ, воинственный Ву-ди любилъ отдыхать за подобіемъ войны—за игрой въ шахматы. Въ тѣ времена не знали еще *военной игры* (*).

Это сознаніе самихъ Китайцевъ можетъ, кажется, служить достаточнымъ свидѣтельствомъ въ процесѣ, заведенномъ филологами съ сѣдою древностью о происхожденіи шахматовъ, и окончательнымъ доказательствомъ противу приписывающихъ Китайцамъ изобрѣтеніе этой игры (**). Фактъ этотъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прямымъ указаніемъ на настоящихъ изобрѣтателей шахматовъ, на Индусовъ и на Индію. И еслибъ не прямое сознаніе Китайцевъ, то ужь самыя особенности нынѣшней шахматной игры ихъ, особенности странныя, но вѣроятно, современныя ея введенію въ Китаѣ— мы имѣемъ право полагать это, зная характеръ этого народа и его религіозное уваженіе ко всему, завѣщанному древностью—изобличили бы искаженіе Китайцами заимствованнаго ими изобрѣтенія и заставили бы усомниться въ достовѣрности даже туземнаго свидѣтельства, которое приписывало бы имъ первенство изобрѣтенія шахматовъ. Не утомляя ни себя, ни читателей нашихъ безполезнымъ изложеніемъ этихъ особенностей, мы укажемъ только на то существенное различіе, что шахматная доска ихъ раздѣлена рѣкою и что, по свойственному Китайцамъ пристрастію къ внѣшнимъ формамъ приличія, они столько же должны

(*) Защищая, хотя сколько-нибудь, наши сближенія отъ извѣстнаго: Si non e vero, e ben trovato, мы принуждены оправдаться цитатами La Chine p. Pauthier. Paris 1837. T. 1, p. 276, 483. De Mailla Histoire génér. de la Chine. Paris, 1778, T. V, p. 213—372.

(**) Какъ доказываютъ, напримѣръ, Daines Barrington въ 9 т. своей Archaeologia и капитанъ Coxe въ Asiatic Researches. T. VII, p. 485, гдѣ изобрѣтеніе это приписывается, впрочемъ, одному китайскому военачальнику, за 174 года до Р. Х., во время династіи *Хань*, и правленія *Вынь-ди* (то-есть *просвѣщеннаго*, или собственно *письменнаго-государя*).

думать при каждомъ ходѣ о слѣдствіяхъ его, сколько и о поставленіи двигаемой шашки на извѣстный уголъ клѣтки, строго-опредѣляемый церемоніаломъ, внесеннымъ даже и въ сферу игры этимъ церемоннымъ народомъ.

Итакъ, подымаясь съ усиліемъ противъ теченія вѣковъ, мы дошли наконецъ и до Индіи... Но тщетно будемъ вопрошать ее, тщетно будемъ ожидать отъ нея точнаго отвѣта, искать въ ней положительнаго свидѣтельства!... Индія отдала намъ всё, что̀ имѣла своего, отдала всё, что̀ могла, добровольно и давно; а чего не отдала, то у нея отняли. Старушка-Индія, нѣкогда мощная и мудрая, теперь дѣтски-старческая не можетъ и не хочетъ отвѣчать намъ. Она путается въ своихъ воспоминаніяхъ, и отвѣчаетъ намъ сказками вмѣсто фактовъ, мильйонами лѣтъ, вмѣсто хронологическихъ данныхъ. Если желаете знать эту сказку, раскройте первый томъ *шахматной игры* г. Петрова (С.-Петербургъ. 1825 года, часть 1-я и 2-я, стр. 10-я и 11-я), вы найдете тамъ, ка̀къ нѣкій мудрый и хитрый браминъ, жившій на берегахъ Гангеса, поднесъ изобрѣтенныя имъ шахматы обладателю страны своей, и попросилъ у него въ награду лишь одно пшеничное зерно, прогрессивно-удвоенное 64 раза, по числу клѣтокъ шахматной доски, что̀ составило бы, какъ оказалось, около 300,000 мильйоновъ четвертей(!), которыхъ не могъ ему, разумѣется, дать владѣтель страны, но которыя Индія выдаетъ, однакожь, теперь нѣкоторымъ изъ господъ, играющихъ въ шахматы въ Великобританіи. Сказка хороша, но присказка еще лучше: мильйоны *текутъ*, какъ говорится, *по усамъ* Индусовъ и весьма-немногія рисовыя зерна попадаютъ въ ротъ бѣдняковъ, которые платятъ за г-жу Минерву Жонеса — *Компейр-сагебъ-багадуръ* то-есть *достопочтенной и побѣдоносной госпожѣ компаніи* (остиндской) (*).

Допросимъ, однакожь, Индію. Поклонникъ шахматовъ Вильямъ Жонесъ, который ужь выполнилъ наше желаніе, увѣряетъ насъ, что онъ не нашелъ въ древнихъ книгахъ Индусовъ ни одного мѣста, *вполнѣ и непремѣнно относящагося къ шахматамъ*. Подобное свидѣтельство знаменитаго санскритиста поражаетъ насъ тѣмъ большимъ удивленіемъ, что въ этихъ книгахъ всякій находитъ всегда, болѣе или менѣе-удачно, то̀, чего онъ ищетъ. Санскритскій языкъ, сдѣлавшійся мертвымъ ужь съ половины IV вѣка до Р. Х., понимается иногда точно также, какъ и жесты глухонѣмаго, которые всякій разумѣетъ по-своему, и на это онъ никогда не жалуется; а поэтому нѣкоторые филологи, не знаемъ, болѣе ли счастливые или только менѣе-опытные, чѣмъ Жонесъ, нашли гдѣ-то *два санскритскія выраженія именно для нашихъ шахматовъ:* «эти выраженія *шатуръ-анга*(?) и *шатуръ-раджя*(?); говорятъ они, «и въ обоихъ первое слово значитъ *четыре* (?).

Первое выраженіе должно бы значить *четыре разряда* шахматныхъ силъ, соотвѣтствующіе четыремъ родамъ воинскихъ силъ древ-

(*) Изложеніе этихъ *нешахматныхъ* фактовъ можно видѣть въ изданномъ нами и посвященномъ Остиндіи первомъ томѣ *Правовъ и Обычаевъ всѣхъ народовъ земнаго шара* (Москва, 1846 г.).

нихъ Индусовъ, или составу ихъ армій: *падматамъ* (французское pions, руск. *пѣшки*) соотвѣтствуютъ начинавшей битву пѣхотѣ. *Асва* (*кони*, cavaliers) выражаютъ конницу, неистово-бросавшуюся въ атаку и безпрепятственно проникавшую, какъ и въ шахматахъ, въ нестройные ряды пѣхоты. *Гости — слоны*, могущественныя животныя, составлявшія главную силу индійскихъ армій, какъ и главную силу въ шахматахъ временъ Филидора или XVIII вѣка; *рата* (колесницы и башни, у Французовъ tours и roc, у Нѣмцевъ Rochen, откуда Rochade, rochiren, у насъ *ладьи* или иногда *пушки*) соотвѣтствуютъ боевымъ колесницамъ и подвижнымъ башнямъ, служившимъ вмѣсто артиллеріи, прикрывавшимъ въ началѣ битвы, какъ и въ шахматахъ, фланги арміи, а потомъ довершавшимъ пораженіе дрогнувшихъ и смѣшавшихся враговъ. Таково чудесное, хотя нѣсколько-натянутое, сближеніе состава арміи и даже тактики древнихъ Индусовъ, съ игрою, въ которой они хотѣли будто бы выразить подобіе дѣйствительной войны... Но прежде, чѣмъ дѣлать подобныя сближенія, нужно бы знать, что̀ именно значитъ посанскритски слово *анга*. Оно значитъ *части войска*, говоритъ *Гейдебрандтъ фонъ деръ Лаза* (Handbuch des Schachspiels — v. Bilguer und v. der Lasa, Berlin 1843 и 1852, in 8⁰, p. 1), причемъ онъ дѣлитъ неправильно санскритское слово, такъ-что въ послѣдней половинѣ его остается *ранга*... Но, увы! другіе писатели хотятъ безжалостно разрушить прекрасное зданіе догадокъ и сближеній увѣреніемъ, будто бы *анга* не имѣетъ вышеприведеннаго значенія и будто бы *шатуръ* значитъ не числительное *четыре*, а именно *шахматы*, какъ называютъ ихъ и Малайцы острова Борнео, гдѣ, замѣтьте, тоже играютъ въ шахматы (Schachzeitung, 1848, № 10, p. 375). Изъ такого обстоятельства эти г. писатели выводятъ, что если шахматы не изобрѣтены Малайцами, то по-крайней-мѣрѣ и не Индусами, и, однимъ словомъ, разрушая все, не создаютъ сами ничего. Вслѣдствіе такого жалкаго положенія шахматовъ, мы обратились опять къ санскритистамъ, и при помощи Жонеса (Recherches asiatiques T. II, p. 207—214) и санскрито-англійскаго словаря г. Вильсона (Calcutta 1819. l'edit. p. 10), можемъ сказать утвердительно: 1-е) что истинное названіе игры, встрѣчаемой въ классическихъ книгахъ Индусовъ, сходной съ шахматами, но недовольно-обстоятельно описанной, чтобъ завѣрить, что она протопипъ нашихъ шахматовъ, есть *Чатуръ-а̀нга* или *Чатера̀нга*, а не *Шатуранга*, какъ встрѣчается оно въ книгѣ г. Гейдебрандта и многихъ другихъ; 2-е) что *а̀нга* значитъ посанскритски: членъ, составъ, часть и проч., и проч., и 3-е) что *чатуръ* есть четвертое въ ряду санскритскихъ числительныхъ именъ: *эка*, *двойа*, *тройа*, *чатуръ* и, слѣдственно, значитъ столь же навѣрное *четыре*, какъ и греческое *тессаресъ*, латинск. quatuor, китайск. *сы*, тибетск. *жи*, японск. *ющцы*, еврейск. *далеть*, арабск. *даль* и проч., и проч., изъ чего мы убѣждаемся, въ свою очередь, что не только *чатуръ-а̀нга* означаетъ, какъ мы ужь сказали выше, *четыре разряда* шахматныхъ силъ, но даже, что въ названіе шахматовъ у разныхъ древнихъ народовъ не входитъ звукъ слова, означающаго у нихъ четыре, кромѣ, развѣ, названія игры у Китайцевъ, которое подтверж-

даетъ еще болѣе, что игра заимствована ими изъ Индіи, ибо китайское *сы* соединено въ немъ съ санскритскимъ *анга*. Что же касается, наконецъ, до малайскаго *шатуръ*, то хотя не трудно было доказать, что оно есть сообразное ихъ выговору измѣненіе санскритскаго *чатуръ* — по каковой же причинѣ и у Арабовъ оно измѣнилось также изъ персидскаго уже *чатранджа въ шатранджъ;* но намъ кажется, что выводить какое-нибудь слѣдствіе изъ случайнаго созвучія этого малайскаго слова съ корнемъ *ша* европейскаго названія шахматовъ, столь же нелѣпо, какъ и увѣрять, напримѣръ, что игра изобрѣтена Остяками, на томъ основаніи, что вторая половина русскаго названія ея *мать* значитъ на языкѣ Остяковъ *шесть*.

Названіе другой индійской игры, подобной шахматамъ, есть *чатур-раджи*; оно значитъ *четыре раджи* или *короля*, и споръ объ этомъ невозможенъ. Жонесъ, нашедшій описаніе ея въ Пуранахъ, не видитъ, однакожь, въ этой игрѣ, называемой впрочемъ иногда и именемъ *чатуръ-анга*, сходства съ нынѣшними шахматами только потому, что она составляетъ родъ четвернаго шаха, въ которомъ на четырехъ сторонахъ подобной нашему доскѣ о 64 клѣткахъ располагались силы четырехъ королей, состоящія каждая изъ слона, коня и ладьи (то-есть перевознаго судна, а не индійской пушки или боевой колесницы) и четырехъ пѣшекъ. Ходы и дѣйствія всѣхъ шашекъ *чатуръ-раджи* были, однакожь, почти одинаковы съ нынѣшними, а разстановка ихъ соотвѣтствовала еще полнѣе разстановкѣ теперешнихъ шахматовъ, хотя разумѣется съ одной только, и именно съ лѣвой стороны короля, такъ-что, соединяя двѣ рати этихъ, всегда попарно союзныхъ, королей индійской *чатур-раджи*, мы получимъ числительныя силы двухъ ратей нынѣшнихъ шахматовъ. Сходство поразительное для насъ, нераздѣляющихъ идеи Жонеса о созданіи шахматовъ, «единымъ великолѣпнымъ соображеніемъ!» Вся разница только въ двухъ лишнихъ короляхъ, вмѣсто теперешнихъ двухъ королевъ, и въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, видимо-сдѣланныхъ ужь впослѣдствіи, напримѣръ, въ томъ, что хотя очередь ходить была послѣдовательная для играющихъ, но выборъ хода былъ ограниченъ жребіемъ, то-есть случаемъ, и производился королемъ или одной изъ шашекъ четырехъ разрядовъ его рати, опредѣляясь каждый разъ числомъ очковъ бросаемыхъ костей. Сходство, повторяемъ, поразительное! Остается только объяснить слитіе четырехъ ратей въ двѣ, и измѣненіе двухъ королей въ королевы или ламы — и тогда обычное *увѣреніе* о происхожденіи нашихъ шахматовъ изъ Индіи будетъ доведено до ясности и полноты *убѣжденія*.

И точно, публикованные шахматистомъ Валькеромъ переводы съ персидскихъ манускриптовъ о шахматной игрѣ, перешедшей къ Персіянамъ, по собственному ихъ сознанію, изъ Индіи, изобличаютъ игру еще болѣе-подходящую къ европейскимъ шахматамъ. Если въ Индіи, раздробленной съиздавна на нѣсколько государствъ, вели войну короли союзные противъ другихъ союзныхъ же, то понятно, что въ единовластной Персіи этотъ элементъ союзничества долженствовалъ быть отброшенъ, какъ лишній, и въ дѣйствительной войнѣ и въ ея

подобіи—шахматахъ; четыре рати ихъ должны были слиться въ двѣ, и второй король каждаго войска замѣнится его визиремъ (поперсидски ферзь), который, по духу персидскаго правленія, былъ во всемъ тождественъ съ остальнымъ королемъ, кромѣ титула и значенія въ минуту — *Шахъ и Мата.* Власть этого ферзя, переименованнаго въ даму, вѣроятно, европейскими рыцарями, согласно ихъ глубокому поклоненію прекрасному полу, и надѣленнаго полномочіемъ военачальника, развилась до теперешняго ея значенія только въ Европѣ съ XVI вѣка, гдѣ, еще въ 1567 году, королева могла ходить лишь на ближайшую клѣтку, и въ первомъ ходу своемъ имѣла тоже, подобно королю, право дѣлать коневой скачокъ (Handbuch des Schachspiels v. Bilguer und v. d. Lasa p. 8.)

Мы не оспориваемъ выраженною здѣсь нами мыслью справедливости другаго мнѣнія о переименованіи персидскаго *ферзя* въ *даму*, а именно будто бы *ферзь* перешло чрезъ испорченное произношеніе въ *фіерше* (Fierche), оттолѣ въ vierge и наконецъ въ *даму*; но полагаемъ, что послѣдній переходъ необъяснимъ безъ основанія приведеннаго нами. Намъ кажется, что мнѣніе это допускаетъ слишкомъ—преувеличенное на шахматную номеклатуру вліяніе того народа, которому принадлежитъ слово Vierge. Рыцари не говорили «ma vierge» о дамѣ своего сердца, и «ma dame», неуниженное еще до «мадамы» нашего времени, было поэтическимъ означеніемъ высокой избранной личности, на которую поднимался лишь взоръ глубокой и чистой преданности, для которой не жалѣли никакихъ усилій и за которую жертвовали всѣмъ, кромѣ невозможнаго, то-есть кромѣ своей чести и своего короля, этихъ синонимовъ для благородныхъ людей, какъ и теперь въ шахматахъ, гдѣ дама служитъ тоже послѣднею искупительною жертвою для спасенія чести и короля (*).

Какимъ путемъ и когда именно проникли шахматы изъ Азіи въ Европу? Объ этомъ опять множество столько же противоположныхъ, сколько и неточныхъ данныхъ, группирующихся, однакожь, вокругъ двухъ главныхъ мнѣній. Оба эти мнѣнія согласны въ томъ, что шахматы перешли къ намъ изъ Азіи, и, въ доказательство, они могутъ точно привести ихъ видимо-азіатскую номенклатуру: общее названіе игры персидскимъ словомъ *шахъ;* терминъ *матъ*, заимствованный у Арабовъ и означающій *умеръ;* названіе той фигуры, которая у Русскихъ получила означеніе переводнымъ словомъ съ персидскаго и арабскаго названія ея al-fil *(слонъ)*, а у Итальянцевъ и Французовъ нашла названіе свое въ созвучныхъ съ восточнымъ alfiere и le fol, le fou, и, наконецъ, названіе башни, или боевой колесницы древнихъ Индусовъ, которое изъ санскритскаго *рата* и *ратъ*, перешло въ бенгальское *ротʼъ* (съ придыханіемъ), въ персидское *рокʼъ* и потомъ въ европейскія das Roch (у Селена), roc и rouc, и въ нашу русскую,

---

(*) Еще доказательство: въ древнѣйшихъ европейскихъ шахматныхъ сочиненіяхъ не находили мы *фіерше*, а встрѣчали *regina* (то-есть la dame du roi); въ древнѣйшихъ европейскихъ шахматныхъ фигурахъ *(Карла-Великаго)* ферзь изображенъ дамой въ коронѣ.

какъ-будто прямо изъ индійской чатур-раджи взятую *ладью*, происхожденіе которой можетъ служить теперь дополненіемъ къ статьѣ г. Янша (Linguistique de l'échiquier russe Palamède 1842), доказывающей непосредственный переходъ шахматовъ съ Востока къ Грекамъ и къ Русскимъ (*). Но, соглашаясь въ исходной точкѣ шахматовъ, одни увѣряютъ, что игра перешла сначала въ Восточную Римскую Имперію, еще во времена *Юстиніана*, въ началѣ VI вѣка нашей эры, а другіе доказываютъ, что она принесена Арабами въ Пиренейскій Полуостровъ, завоеванный ими въ началѣ VIII столѣтія (713 по Р. Х.).

Намъ кажется возможнымъ примирить оба мнѣнія тѣмъ, что вліяніе Арабовъ на Европу, неисключая вліянія на нее другихъ азіатскихъ народовъ, было сильнѣе и продолжительнѣе. За 40 лѣтъ до завоеванія Пиренейскаго Полуострова, осаждали они Константинополь и опустошали Сицилію, слѣдовательно, столкновеніе черезъ нихъ съ Азіею было почти единовременное въ крайнихъ восточныхъ и западныхъ предѣлахъ Европы и по всей южной полосѣ ея. Окончательное изгнаніе Арабовъ изъ Испаніи произошло лишь въ началѣ XVII вѣка (въ 1610 г. по Р. Х.), слѣдовательно, имъ было когда поиграть въ шахматы и съ порабощенными ими, и съ союзными христіанами. Прежде столь-воинственные и нынѣ столь-хищные, Арабы были, какъ видно, страстные поклонники шахматовъ, если и теперь еще они, какъ извѣстно, проводятъ за ними часы своихъ длинныхъ досуговъ, замѣняя, въ простотѣ своего комфорта, шахматную доску сбивчивымъ начертаніемъ ея на пескѣ, а шахматныя фигуры разной величины камешками и финиковыми косточками; но сношенія съ Азіей не были же вызваны впервые набѣгами этихъ фанатиковъ; они существовали и прежде, мирныя и торговыя. Въ 555 году по Р. Х. привезены были изъ Персіи въ Грецію первыя сѣмена шелковичныхъ червей, и въ это же время могли быть перенесены въ нее и шахматы. Мы тѣмъ болѣе готовы вѣрить этому сближенію, что оно ведетъ къ другимъ, еще болѣе-удивительнымъ. Императоръ Юстиніанъ былъ великій законодатель, и поэтому ужь ему было какъ-бы предназначено быть первымъ державнымъ протекторомъ шахматовъ въ Европѣ, подобно богдыхану *Ву-ди* въ Китаѣ. И замѣтьте еще, что если годъ введенія шахматовъ въ Грецію совпадаетъ съ 555 годомъ, то за 12-ть лѣтъ передъ тѣмъ (!), въ 543 году, былъ изданъ 2-й кодексъ, или Сводъ Юстиніановыхъ Законовъ Имперіи! Насъ утверждаетъ, впрочемъ, въ правѣ подобныхъ сближеній еще и то, что *Анна Комнина* говоритъ, именно въ XII книгѣ жизнеописанія своего родителя, императора *Алексья Комнина*, что Греки и Римляне заимствовали шахматы отъ Персовъ, чрезъ посредство которыхъ они, какъ нынѣче достовѣрно извѣстно, вели свои торговыя сношенія съ Индіей и Китаемъ, получая изъ первой страны свои благовонія, а изъ второй, прозванной ими Серика, свой шелкъ (*сиръ* — сирецъ).

(*) Въ Analyse nouvelles, того же почтеннаго автора, сказано (T. I, p. IX): «... les anciens Russes les ont pris pour des vaisseaux (ladi)».

Во всякомъ случаѣ, сохранившіеся еще и понынѣ въ Парижѣ, въ Сент-Денискомъ Аббатствѣ разрозненныя, рѣзныя изъ слоновой кости, шахматныя фигуры императора Карла-Великаго, полученныя имъ, какъ увѣряетъ преданіе, въ даръ отъ цареградскаго императора, и на которыхъ, однакожь, начертанное арабскими буквами имя рѣзчика допускаетъ сомнѣніе въ достовѣрности этого преданія, доказываютъ положительно и окончательно, что шахматы были ужь въ Европѣ въ началѣ VIII столѣтія нашего лѣтосчисленія.

Шахматы были въ Европѣ, но составляли, вѣроятно, занятіе немногихъ избранныхъ, потому-что о нихъ не было вовсе слышно. Подаренныя императору Карлу-Великому фигуры не могли, какъ и понятно, послужить къ распространенію трудной игры между разными классами народа его имперіи, хотя бы даже вмѣстѣ съ этими шахматными фигурами были переданы государю и основные законы употребленія ихъ. Шахматы проникали, вѣроятно, медленно и незамѣтно, по среднимъ и въ то время менѣе-смѣшаннымъ классамъ общества, въ домашній бытъ Европейцевъ отъ Грековъ и изъ Константинополя чрезъ Италію, отъ Арабовъ и изъ Пиренейскаго Полуострова чрезъ Францію. Шахматы не интересовали всего общества, на нихъ не имѣлъ причины останавливаться ни ученый, ни поэтъ, ни лѣтописецъ. Для-того, чтобъ сдѣлать ихъ замѣтными, нужно было столкновеніе разнородныхъ слоевъ тогдашняго общества, и это, какъ извѣстно, совершено крестовыми походами. Они двинули Европу на Азію и въ движеніи этомъ, какъ отъ прилива и отлива волны, многое, прежде сокрытое, поднялось на поверхность и стало видимо. Сверхъ-того, возвращавшіеся крестоносцы принесли съ собою множество новыхъ привычекъ и потребностей, и въ числѣ ихъ, не новые уже для Европы, но бывшіе въ то время въ большомъ употребленіи на Востокѣ шахматы.

Рыцари не вводили благородной шахматной игры, но они облагородили ее, сдѣлали ее извѣстною и способствовали ей занять нынѣшнее почетное и заслуженное мѣсто въ сферѣ другихъ игоръ. Не даромъ же называется она королевской игрой! Они облагородили ее, внося клѣтки шахматной доски въ знаменитые гербы и щиты свои. Живое доказательство этому видимъ мы въ Германіи, гдѣ нѣсколько древнѣйшихъ фамилій (и въ томъ числѣ владѣтельные князья *ангальтскіе* и *гогенцоллернскіе)* имѣютъ въ гербѣ своемъ ужь съ X вѣка—иные всю шашечницу, другіе отдѣльныя части ея, а иные нѣкоторыя фигуры шахматовъ. Англійскій ученый, Пуде, говоритъ (Archaeologia. London, p. 95), что въ Англіи считалось, вскорѣ по покореніи ея Норманнами, слѣдовательно около половины XI вѣка, 26 такихъ гербовъ, и учрежденное вскорѣ послѣ этого Англійское Государственное Казначейство (Court of exchequer, то-есть шахматной доски), доказываетъ, что Англичане, перенявшіе шахматы отъ Норманновъ, умѣли ужь цѣнить ихъ и тогда.

Съ уваженіемъ взирала толпа на изображеніе шахматовъ, являвшееся на гербѣ, щитѣ и знамени, этихъ клейнодахъ представителей могущества и настоящихъ *львовъ* своего времени! Могучія, огрубѣлыя въ

бою руки храбрыхъ витязей требовали огромныхъ размѣровъ въ шахматныхъ доскахъ и фигурахъ, и фигуры эти сдѣлались въ десницѣ ихъ опаснѣе камней гомеровскихъ героевъ. Внося свой безпокойно-воинственный духъ въ игру, требующую строгой тишины и ничѣмъ неразвлекаемаго вниманія, рыцари, за отсутствіемъ войны, и какъ-бы для практики, стали поражать другъ друга орудіями мирной забавы... *Канутъ* положилъ на мѣстѣ одного скандинавскаго рыцаря! Шахматы слились съ событіями общаго интереса; о нихъ заговорили. Игра, утрачивая непризнанную дотолѣ скромность, пріобрѣтала громкую извѣстность и имя ея внесено въ вѣчныя скрижали исторіи, благодаря несогласныхъ съ ея характеромъ представителей!.. Миръ праху вашему, храбрые рыцари, носившіе на благородномъ лицѣ своемъ слѣды шахматовъ, жертвовавшіе своей личностью и создавшіе на ней такой несокрушимый памятникъ шахматамъ!

Какъ именно играли рыцари? Объ этомъ молчитъ преданіе. Писчія перья вращались тогда въ другихъ сферахъ и почтительно склонялись передъ перьями шлемовъ, окруженныхъ сіяніемъ славы, блескомъ величія и туманомъ поэзіи. Партіи не записывались, нынѣшняя метода, или, вѣрнѣе, нынѣшнія методы для этого изобрѣтены гораздо-позднѣе, въ XVII и XVIII вѣкахъ. Но мѐркнулъ ужь этотъ блескъ, отлетало величіе, рыцари сходили съ арены міра и шахматовъ, и окружавшій ихъ туманъ разсѣявался ужь иногда передъ пытливыми и завистливыми взорами окружающихъ... И, вѣроятно, въ одну изъ этихъ минутъ создался сохранившійся и понынѣ французскій шахматный терминъ: «Le coup de berger» (матъ съ нѣсколькихъ ходовъ — «ребячій шахъ (?)»).

Да̀, рыцари играли дурно; тогда не было еще шахматной теоріи!.. Она ждала средства, основываясь на которомъ, посѣдѣвшій въ шахматныхъ бояхъ игрокъ могъ бы сказать всѣмъ другимъ: «Вотъ гдѣ остановился я въ своихъ изъисканіяхъ; начиная отсюда, вамъ легче идти далѣе.» Средство это было — *книгопечатаніе!*

II. Взглядъ на шахматную литературу.

> Собственныя имена суть тѣ слова, которыя имѣютъ менѣе смысла, чѣмъ всѣ другія, если они не заключаютъ въ себѣ смысла самаго обширнаго. Собственныя имена — буквы; авторъ — болѣе или менѣе-искусный наборщикъ.

Пиренейскій Полуостровъ, наслѣдовавшій всю опытность Арабовъ, выступилъ, какъ и слѣдовало ожидать, первый на арену шахматной литературы. Корабль Колумба отплывалъ въ 1492 году отъ береговъ Полуострова, для открытія Америки; Испанецъ *Луцена* выходилъ въ 1495 году первою книгою въ море комбинацій шахматной игры. Эта книга *потонула,* можно сказать, *и въ морѣ книгъ и въ морѣ шахматномъ;* въ обоихъ она замѣчательна только по своей крайней рѣдкости, такъ что неизвѣстно, существуетъ ли теперь хотя одинъ экземпляръ ея. Вообще древнѣйшія сочиненія составляютъ библіографическую рѣд-

кость: 18 изъ этихъ сочиненій принадлежатъ къ числу первопечатныхъ книгъ или «инкунабулъ». За Луценой слѣдовали вскорѣ Португалецъ аптекарь(?) *Даміано* (въ 1592 году) и Испанецъ *Рюй-Лопецъ де-Сегуэра* (въ 1561 году), извѣстность которыхъ, и въ-особенности Лопеца, оправдывается нѣсколькими замѣчательными варіантами игры, удержавшими за собой и понынѣ имя ихъ изобрѣтателей. Полустолѣтіемъ позже, является за ними еще одинъ компиляторъ, Португалецъ, монахъ, и съ-тѣхъ-поръ замолкъ навсегда для шахматовъ, и, замѣтимъ, почти совершенно-единовременно съ окончательнымъ изгнаніемъ Арабовъ (въ 1610 году), голосъ Пиренейскаго Полуострова, какъ-бы замирая вмѣстѣ съ его политическимъ значеніемъ.

Другой полуостровъ Европы — второй европейскій бассейнъ азіатской опытности въ шахматахъ — и другая нація выступаетъ теперь на арену. Изъ 21 имени мужей аристократической Италіи, посвятившихъ съ-тѣхъ-поръ шахматамъ труды свои, мы видимъ: 8-мь дворянъ, 4-хъ юристовъ, 1-го доктора медицины, 2-хъ особъ духовнаго званія, 1-го іезуита *(Saccheri)*, котораго самая фамилія какъ-будто призывала ужь къ шахматамъ и 5-ть поэтовъ(!). Здѣсь являются: *Джіануціо* (въ 1597 году), внесшій въ игру новый элементъ жизни и силы, изобрѣтенною имъ рокировкою; докторъ правъ *Сальвіо* (въ 1604 году), *Гіахимо Греко* (въ 1615 году), родомъ Грекъ, но Итальянецъ по пріютившей его землѣ и прозванный по ней *Калабрійцемъ* (Calabrois), сильнѣйшій игрокъ своего времени, составившій себѣ большое состояніе (до 50,000 червонцевъ) единственно игрою въ шахматы и пріобрѣтшій заслуженную извѣстность изданіемъ своихъ чрезвычайно-блистательныхъ варіантовъ, въ которыхъ онъ показываетъ, какія поразительныя атаки представляются начинающему игру, при обыкновенныхъ въ практической игрѣ ошибочныхъ ходахъ втораго игрока, и слѣдовательно, научаетъ ими пользоваться. XVII вѣкъ замыкается для Италіи сочиненіемъ ученаго Сициліанца-историка *Карреры* (1617 г.), но имя его меркнетъ въ славѣ современнаго Калабрійца. Далѣе, особенно-замѣчательны юристы по занятію и Моденцы по мѣсту рожденія, извѣстные отчасти подъ именемъ *моденскихъ анонимовъ* (городъ Модену можно назвать *итальянскими Аѳинами шахматовъ*) *Дель-Ріо* (1750 г.), *Лолли* (1760 г.), *Понціани* (1769 г.) и присоединившійся къ нимъ знаменитый Туринецъ *графъ Коціо* (1766 г.)— всѣ четыре классическіе писатели о шахматахъ и основатели *итальянской школы* ихъ, или игры попреимуществу офицерами, то-есть аристократами шахматныхъ шашекъ.

На нихъ-то пресѣкается опять и шахматный теноръ Италіи; но подъ конецъ этой эпохи, которую можно назвать *итальянскою*, изысканія въ сферѣ нашей игры не оставались уже, какъ прежде, въ *эпоху испанскую*, привилегированнымъ достояніемъ какой-либо одной европейской націи... Отличные игроки каждой изъ нихъ приносили уже труды свои на сооруженіе зданія теоріи шахматовъ. Имена писателей быстро умножаются, языки смѣшиваются, шахматная литература становится новымъ вавилонскимъ столпотвореніемъ!.. Являются *брауншвейг-люнебургскій владѣтельный герцогъ Августъ*, писавшій подъ

псевдонимомъ *Селена* (Selenus, въ 1616 г.), англійскій капитанъ *Бертень* (1735), излагавшій опыты *Кунингама*, Персіянинъ-Англоманъ-Сиріецъ *Стамма* (1737), изобрѣтшій шахматные стратагемы или проблемы (извѣстное положеніе игры, гдѣ задача состоитъ въ произведеніи мата съ извѣстнаго числа ходовъ, въ быстромъ разрѣшеніи и глубокомъ составленіи которыхъ отличаются теперь наши *Кизерицкій*, *Петровъ* и *Шумовъ)*, и, преимущественно употребляемое нынѣ, сокращающее письмо и трудъ, чрезвычайно-удобное означеніе ходовъ извѣстнымъ сочетаніемъ восьми буквъ и цифръ. Далѣе, съ 1749 по 1777 г., *Андре Даниканъ Филидоръ*, Французъ по націи и музыкант-композиторъ по роду занятія, никѣмъ непобѣжденный и всѣхъ побѣждавшій, даже не глядя на шахматную доску, геній шахматовъ, первый игрокъ своего XVIII-го и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ, Филидоръ, положившій основаніе *французской школы* шахматовъ. Потомъ цѣлое *общество Французовъ любителей шахматной игры*, писавшее подъ именемъ *Amateurs* (въ 1775 г.), далѣе, голландскій генералъ *фанъ Нивельдъ* (1792), писавшій преимущественно для любительницъ шахматовъ (!) и, однакожь, внесшій въ игру бездну военныхъ и другихъ разсужденій, и, наконецъ, нѣсколько Нѣмцевъ, замыкающихъ старое и открывающихъ новое столѣтіе, и, между ними, знаменитый *Алгайеръ* (въ 1795 г.).

Замѣтьте, что изслѣдованія о шахматахъ идутъ видимо съ юга на сѣверъ и отъ запада къ востоку Европы, какъ будто-бы стремясь снова въ Азію; замѣтьте, что изслѣдованія эти въ разныхъ государствахъ совпадаютъ съ эпохами ихъ силы и значенія (!), съ эпохами высшаго развитія, въ которыя чаще *играютъ*, какъ мы сказали ужь въ началѣ этой статьи, *избыткомъ ума*, и что въ самыхъ измѣненіяхъ, дѣлаемыхъ и сдѣланныхъ разновременно въ законахъ и правилахъ шахматной игры, въ самыхъ школахъ ея отразилось направленіе ума ихъ изобрѣтателей и основателей, и даже ихъ послѣдователей...

Въ XIX-мъ вѣкѣ тоже видимо усиливаются опять шахматныя изъисканія. Слѣдовать за ними почти невозможно, описать трудно... То-и-дѣло *поворачиваешь перо*, слѣдуя правилу Горація, и *вычеркиваешь* имена и факты, имъ начертанныя. Мы раздѣлимъ дѣятелей въ группы по націямъ, къ которымъ они принадлежатъ или ужь только принадлежали, отмѣчая послѣднихъ крестомъ ихъ могилы. Тутъ выдвигаются впереди другихъ Англичане: *Сарратъ* (†), *два Кохрана* (†) и сотрудникъ, младшаго изъ нихъ, *Индіецъ (!) Гуламъ Кассимъ* (†), даровитый и плодовитый, сошедшій нынѣ съ поприща шахматовъ, *Левисъ*, ученый и доблестный *Макъ Доннель* (†), *Валькеръ* (†) и *Стаунтонъ*, удерживающій еще за собою, правда, несильно-оспориваемую пальму современнаго первенства въ практической игрѣ. Потомъ Французы: знаменитый *Де-Лабурдонне* (†), наслѣдникъ практической славы Филидора и основатель перваго шахматнаго журнала «Le Palamede», *Сент-Аманъ* и *г. Александръ* (†), авторъ самаго обширнаго, по числу варіантовъ, въ шахматной литературѣ сочиненія: «Encyclopedie des Echecs». Paris 1837. Далѣе, Нѣмцы: офицеръ прусской службы *Бильгеръ* (†), учитель *Бледовъ* (†), *Майетъ* (†), *Андерсонъ* (бреславскій), *побѣдитель* на быв-

шемъ недавно въ Лондонѣ *всемірномъ шахматномъ турнирѣ*, и, въ-особенности, *Гейдебрандтъ фонъ деръ-Лаза*, сильнѣйшій современный германскій игрокъ и теоретикъ. Поляки: *Житогарскій* и *Крупскій* и, наконецъ, Русскіе: *Кизерицкій*, *Александръ Дмитріевичъ Петровъ*, единогласно признаваемый первымъ русскимъ и однимъ изъ первоклассныхъ современныхъ шахматныхъ атлетовъ, авторъ «Шахматной игры», С. Петербургъ, 1824 г., и *Карлъ Андреевичъ Янишъ*, непремѣнный секретарь Общества Любителей Шахматной Игры въ С. Петербургѣ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Analyse nouvelle des ouvertures du jeu des Échecs» и другихъ, и замѣчательнѣйшій изъ современныхъ теоретиковъ шахматной игры.

Вотъ повозможности сокращенный рядъ писателей, занимавшихся созданіемъ теоріи шахматовъ. Мы опускаемъ имена знаменитыхъ, но единственно практическихъ игроковъ; опускаемъ имена людей, занимавшихся другими сторонами игры, а также и имена авторовъ, которые избрали шахматы предметомъ своихъ беллетрическихъ произведеній разныхъ родовъ разсказовъ, повѣстей, романовъ, стихотвореній и поэмъ. Изъ послѣднихъ замѣчательна, однакожь, въ-особенности «Scacchia ludus», написанная въ XV вѣкѣ альбійскимъ эпископомъ *Вида*, какъ по своему поэтическому достоинству и образцовому латинскому языку, такъ и по своей извѣстности, доказываемой 73 изданіями, изъ которыхъ она имѣла 36 въ оригиналѣ и 37 въ переводахъ (15 на итал., 10 на англ., 6 на франц., 5 на нѣмец. и 1 на испанск. языкахъ).

III. Набѣгъ на теорію шахматной игры.

П. — Продолжайте. Я люблю дремать подъ-шумокъ.
С. — Жалѣю, что вашъ сонъ не будетъ продолжителенъ...
(Изъ одной неизданной комедіи.)

Предупреждаемъ читателя, что мы не намѣрены излагать здѣсь, въ чемъ именно состоитъ эта теорія, и примѣнима ли она, полезна ли въ практической игрѣ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ можно найдти въ одной изъ вышеприведенныхъ книгъ, и мы рекомендуемъ искать его въ сочиненіяхъ нашихъ любимыхъ авторовъ *г. Фонъ-дер-Лазы* (Handbuch. 1852, и прекрасномъ Leitfaden. 1848) и *Яниша* (Analyse и проч., 1842 и 1843 г.) Теорія эта, «конечно, труднѣе даже интегральныхъ вычисленій» говоритъ Analyse d. T. 1 p. VII, но мы намѣрены рѣшить здѣсь вопросъ: существуетъ ли эта теорія и можетъ ли существовать она? и предупреждаемъ читателя, что предметъ предстоящаго отдѣла тоже очень-серьёзенъ, хотя ограниченія, налагаемыя на насъ обычною рамкой журнальной статьи и завѣряютъ въ непродолжительности изложенія его.

Вопросъ: существуетъ ли теорія шахматной игры, не разрѣшается еще простымъ указаніемъ на богатую шахматную литературу, въ массу которой первоклассные всѣхъ націй любители игры приносили свой трудъ и свои изысканія, также, какъ указаніе на труды алхими-

ковъ не приводитъ еще къ убѣжденію въ пользѣ, дѣйствительности средствъ и исполнимости цѣлей алхиміи.

Теорія шахматовъ должна бы быть, какъ и всякая другая, систематическимъ изложеніемъ непреложныхъ истинъ, выведенныхъ изъ многообразныхъ комбинацій различныхъ правъ и силъ данныхъ шахматнымъ шашкамъ. Изложеніе этихъ правъ и силъ — только *основные законы* игры; ходы и партіи, составляющіеся изъ ряда ихъ, суть только *комбинаціи* или *явленія шахматнаго міра*; указаніе всегдашней связи въ цѣпи этихъ ходовъ, доказательство необходимости ея, и вѣрная оцѣнка каждаго звѣна этой цѣпи, какъ средства къ достиженію предположенной и законами игры предопредѣленной цѣли—все это входитъ ужь, конечно, въ предѣлы теоріи, все это составляетъ предметъ ея изъисканій, но еще далеко не цѣль и не результатъ ея.

И, однакожь, разсматривая съ этой точки зрѣнія содержаніе шахматной литературы, мы находимъ, что несравненно-бо́льшая часть писателей занимались только разсмотрѣніемъ возможно-большаго числа разнообразныхъ комбинацій, но не возвышались до общихъ правилъ или абстрактныхъ выводовъ, которые могли бы служить каждому вѣрнымъ мѣриломъ для оцѣнки даннаго положенія игры и указаніемъ къ единственно-безошибочному продолженію ея. Слѣдственно игра дошла до предѣловъ науки, но не вошла еще въ нихъ: *теоріи не имѣется еще для шахматовъ*. Соображеніе, воображеніе и умъ внесены съ избыткомъ съ сферу шахматовъ; разумъ не нисходилъ еще до нихъ.

Всѣ изъисканія были доселѣ обращены преимущественно на *открытія игры* или начальные ходы ея, а также и на *окончанія игры*, то-есть конечные, заключительные ходы. Но для изслѣдованія непогрѣшительности даннаго хода не имѣется доселѣ другаго средства, какъ продолжать игру, доколѣ полученный практически результатъ не выкажетъ первыхъ очевидныхъ признаковъ вреда и пользы этого хода. Вѣрность результата и вывода предполагаютъ, однакожь, непогрѣшительность всѣхъ ходовъ слѣдующихъ за разсматриваемымъ, и, слѣдовательно, какъ бы ни были сильны соображеніе, проницательность и воображеніе изслѣдователя, тѣмъ не менѣе, всякій подобный выводъ будетъ непремѣнно только дитя опыта и плодъ условныхъ силъ. Именно поэтому и были изслѣдованія обращены на открытія и окончанія игры, гдѣ стѣсняется поле ея комбинацій; именно поэтому и непримѣнимы они къ ея серединѣ, гдѣ безконечное разнообразіе комбинацій содѣлывало безконечнымъ и этотъ путь доказательства опытомъ.

Напрасно *г. Александръ* увѣряетъ въ предисловіи къ своему «Collection de problemès», что «прослѣдить и описать всѣ возможныя «комбинаціи шахматной игры было бы трудомъ, превышающимъ «человѣческія силы», и что «еслибъ какой-нибудь геній совершилъ «этотъ подвигъ, то онъ уничтожилъ бы имъ всю прелесть игры, «уничтожая ея разнообразіе, содѣлывая безполезною изобрѣтатель-«ность и ограничивая на одной памяти всѣ способности ума, уча-

«ствующія нынѣ въ игрѣ.» Г. Александръ ошибается. Выполненіе предполагаемаго имъ труда, конечно, невозможно, по своей громадности; но прибавимъ: оно было бы и безполезно, по отсутствію цѣли, и геній не предприметъ подобнаго подвига.

Очевидная безполезность нѣкоторыхъ комбинацій игры исключила ужь ихъ навсегда изъ предмета изслѣдованій также, какъ и геометрія исключила, въ большемъ еще размѣрѣ, изъ предмета своихъ изъисканій безконечное разнообразіе чертежей, неимѣющихъ смысла. Въ обоихъ случаяхъ очевидность эта тѣмь яснѣе, чѣмъ непреложнѣе правила или аксіомы, опредѣляющія въ шахматахъ цѣль и пользу хода, въ геометріи цѣль и смыслъ чертежа. Съ другой стороны, неизмѣняемость правилъ вычисленія, указанныхъ, напримѣръ, ариѳметикой, не ограничила ни разнообразія самыхъ вычисленій, ни способовъ ихъ примѣненія, также, какъ ни число, ни разнообразіе, ни интересъ явленій физическаго міра не уменьшились оттого, что человѣкъ успѣлъ найдти нѣкоторые общіе законы, управляющіе ими. И напротивъ, то немногое, что̀ найдено доселѣ человѣкомъ, не только не послужило къ ограниченію его способностей, но даже потребовало неослабнаго изощренія и усиленія ихъ... Чѣмъ тверже будетъ доказана непреложность какихъ-либо общихъ основныхъ правилъ въ шахматной игрѣ, тѣмъ на бо̀льшее число ея комбинацій распространится очевидность ихъ нелѣпости, и не будетъ ужь нужды удостоивать ихъ изслѣдованіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе обращено будетъ изслѣдованій на комбинаціи осмысленныя, правильныя, и тѣмъ большаго соображенія и болѣе тонкой разсчетливости потребуетъ игра, неутрачивая нисколько своего интереса и разнообразія, ни для посвященныхъ въ ея тайны, ни даже для тѣхъ непосвященныхъ, которые будутъ встрѣчаться другъ съ другомъ въ преданныхъ уже давно-заслуженному забвенію сферахъ искусства. Поэтому мы смѣемъ думать, что le père Alexandre точно ошибается: въ сферѣ шахматовъ долженъ быть другой и настоящій путь изслѣдованіямъ, и то, что̀ было бы невыполнимо одному, даже генію, то сдѣлается возможнымъ соединеннымъ усиліямъ многихъ талантливыхъ и умныхъ любителей: *теорія шахматной игры возможна!*

Мнѣніе о сродствѣ шахматовъ съ математическими науками, основанное на логической послѣдовательности извѣстныхъ ходовъ игры, это мнѣніе, конечно, столько же древне, какъ и самые шахматы; но противорѣчіе сужденій разныхъ теоретиковъ, при обсужденіи и оцѣнкѣ одного и того же хода, доказываетъ, что теорія шахматовъ не дошла еще до абсолютности математическихъ наукъ, и что знатоки игры допускаютъ это мнѣніе, а слѣдовательно (и это главное) и математическую необходимость извѣстныхъ ходовъ, болѣе какъ предположеніе возможное, но еще ничѣмъ-недоказанное, чѣмъ какъ истину непреложную, но еще невполнѣ-уясненную. И однакожь, возможна ли безъ этого теорія?! Теоретики и знатоки говорятъ вамъ нерѣдко, что̀, въ отвѣтъ на данный ходъ, вы можете отвѣчать такимъ-то и такимъ-то... Не доказательство ли это шаткости ихъ убѣжденія и недовѣрія къ собственному опыту? Они указываютъ вамъ два рав-

носильные хода, и послѣ этого вы вѣрите еще въ существованіе теоріи шахматовъ? Вы вѣрите, что къ этой точкѣ стремленія можно достигнуть двумя путями? что къ одной и той же цѣли вашего стремленія ведутъ двѣ кратчайшія прямыя линіи?! Мы не вѣримъ этому, и потому видимъ доселѣ только начатки теоріи, и видимъ ихъ только въ трудахъ двухъ-трехъ теоретиковъ нашего времени, которые внесли строгій анализъ въ прежній наборъ варіантовъ или матеріаловъ теоріи.

Не знаемъ, вовсе ли непримѣнима сила математическихъ вычисленій въ сферѣ шахматовъ? Имъ подвергали доселѣ исчисленіе возможнаго числа шахматныхъ комбинацій; но ясно, что это было безъ всякой пользы для игры, предметъ которой не количество, а качество этихъ комбинацій. Вычисленіямъ подвергали опредѣленіе стоимости разныхъ шахматныхъ фигуръ между собою; но и это должно было оказаться и оказалось невыполнимымъ, по причинѣ безпрерывно-измѣняющейся и обусловливаемой различіемъ положенія игры — цѣнности фигуръ. Изъ этихъ неудачныхъ опытовъ можно, слѣдовательно, вывести только одно вѣрное заключеніе, что доселѣ не найдено еще настоящихъ средствъ примѣненія силы вычисленій къ комбинаціямъ шахматной игры; хотя, если они и будутъ найдены когда-нибудь, игра, содѣлываясь настоящею наукою для немногихъ, не перестанетъ и тогда быть только игрою для большинства.

Но въ-замѣнъ силы точныхъ вычисленій, новѣйшіе теоретики указали ужь снова на важность главныхъ и основныхъ правилъ игры, которыя служатъ какъ-бы путеводными звѣздами или спасительнымъ компасомъ въ хаосѣ ея комбинацій, правилъ, которыя ведутъ къ единственно-правильной классификаціи всѣхъ возможныхъ открытій игры, и вліяніе которыхъ распространяется равномѣрно и на начало, и на середину, и на конецъ ея. Правила эти (мы должны высказать ихъ, потому-что несогласны въ нихъ съ однимъ изъ первыхъ современныхъ теоретиковъ), правила эти: 1-е *правильное употребленіе пѣшекъ*, образованіе ими центра и его сохраненіе; 2-е незамедлительное расположеніе другихъ, болѣе-подвижныхъ силъ *(развитіе игры)* такъ, чтобъ они были всегда готовы и къ атакѣ и къ защитѣ большаго числа пунктовъ. Эти правила именно тѣ непреложныя истины, о которыхъ мы упомянули, говоря о томъ, чѣмъ бы должна быть теорія шахматовъ. Вся разница ихъ отъ точныхъ математическихъ формулъ только въ томъ, что правила эти лишены строгой абсолютности, невозможной при разсматриваніи качественныхъ величинъ; что для примѣненія ихъ не требуется знанія вычисленій, и что примѣненіе это, основываясь на природномъ соображеніи, оставляетъ обширное поле вліянію разнообразныхъ способностей играющаго.

Вокругъ этихъ правилъ группируются всѣ остальныя, какъ отъ нихъ зависящія и изъ нихъ истекающія, и, основываясь на нихъ, всѣ различныя комбинаціи игры становятся къ нимъ въ-отношеніе *теоремъ* къ *аксіомамъ* математики.

Доказать непреложность этихъ основаній, утвердить ихъ незыблемость, оправдать ихъ примѣненіемъ всѣ категоріи атаки и защиты и

даже всякое звѣно этихъ рядовъ, указанные уже опытомъ, какъ правильные и скорѣе къ цѣли достигающіе, или доказать необходимость пріисканія новыхъ ходовъ тамъ, гдѣ прежніе, признанные доселѣ путемъ опыта за лучшіе, не выдерживаютъ повѣрки основными аксіомами и, слѣдовательно, изобличаютъ неполноту опыта или неполноту средствъ и силъ, производившихъ его — вотъ *теперешняя цѣль чистой теоріи* шахматовъ, призывающая на тяжелый, но благодарный трудъ первоклассныхъ любителей и знатоковъ игры!... Мы вручаемъ имъ пальму!

IV. Нападки на игру-науку.

Искусство фехтованія состоитъ въ умѣньи хорошо парировать и наносить удары.

Вопросъ: «стоитъ ли игра научныхъ изъисканій», повторяемый профанами шахматной игры, какъ эхомъ вслѣдъ за послѣдними слогами возраженія, сдѣланнаго противъ шахматовъ нѣкоторыми извѣстными мужами, возвращается послѣ высказаннаго выше нами: *шахматы не наука*, упрекомъ въ непониманіи науки, на тѣхъ, которые необдуманно повторяютъ его. Мы знаемъ, что знаменитый *Бэконъ* отбросилъ шахматы, какъ «игру слишкомъ-ученую», что *Вальтер-Скоттъ* не хотѣлъ заняться ими, потому-что «съ меньшимъ прилежаніемъ(?) можно пріобрѣсти знаніе одного живаго языка...» Мы знаемъ десятки подобныхъ замѣчаній славныхъ мужей, и выслушиваемъ ихъ съ должнымъ уваженіемъ; но Бэконы, Вальтер-Скотты ли, всѣ тѣ, которые повторяютъ ихъ возраженіе? На науку ли, на языкъ ли или на нечуждый еще, впрочемъ, ни ума, ни характера, преферансъ употребляютъ они de préférence свои досуги? Владѣютъ ли они своимъ живымъ языкомъ? Пріятенъ ли разговоръ ихъ? богата ли и разнообразна ли его тэма? подарило ли ихъ обиліемъ и глубиной свѣдѣній время, нерастраченное на игру?...

Впрочемъ, вопросъ не новъ: онъ высказанъ ужь очень-давно однимъ китайскимъ ученымъ, по поводу излишняго во-время-оно пристрастія его согражданъ къ шахматамъ, и выраженъ съ такою силой и откровенностью ничѣмъ неограничиваемаго убѣжденія, что мы намѣрены привести здѣсь, хотя нѣсколько сокращенно, тираду Китайца (*).

«Они—понятно о комъ говоритъ ученый Китаецъ—они забываютъ «все для своихъ шахматовъ. Они не довольствуются днемъ и, не жа-«лѣя свѣчъ, посвящаютъ шахматамъ вечера и ночи; они пренебре-«гаютъ дѣломъ, не поддерживаютъ полезныхъ связей (!) и истощаютъ «на этой игрѣ и свой умъ, и силы своего тѣла (?).»

«Никакія требованія общежитія не могутъ отвлечь страстнаго шах-

(*) Желающіе убѣдиться въ ея дѣйствительномъ существованіи, не имѣютъ нужды ни ѣхать въ Китай, ни знать читать покитайски: они могутъ найдти ее въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Déscription de la Chine, par Duhalde. Paris 1735. 4 vls. in-folio. T. II, p. 614 et suiv.

«матиста отъ поля его битвы, фигурируемаго простой доскою, и на «которомъ ни одинъ побѣдитель не пріобрѣталъ еще никогда ни ти-«туловъ, ни жалованья, ни недвижимой собственности.»

«Въ шахматахъ нужно точно умѣнье и искусство» (и знаніе шахматнаго церемоніала могъ бы прибавить почтенный Китаецъ); но «ис-«кусство это равно безполезно и самому искуснику, и его семейству, «и обществу, къ которому принадлежитъ онъ. Чему научится онъ «въ шахматахъ? что̀ извлечетъ изъ нихъ для жизни?» (Въ китайскомъ слогѣ любятъ вопросы, хотя у Китайцевъ и не имѣется вопросительныхъ знаковъ; они обходятся безъ крючковъ). «Тактика игры не со-«гласна съ тою, которую передала намъ священная древность для «войны дѣйствительной. Еще менѣе согласія въ политикѣ и управле-«ніи между дѣйствительностью и шахматами(?). Въ этихъ послѣднихъ «нужно перехитрить противника, поймать его на ошибкѣ, воспользо-«ваться его неопытностью... Взять! отнять! поразить! убить(?)—вотъ «обыкновенные термины и цѣли игры... Тому ли учитъ насъ му-«дрость прошедшихъ вѣковъ!? У частнаго человѣка не можетъ быть «недостатка въ полезныхъ занятіяхъ: нужды семейства и домашняго «хозяйства призываютъ ежечасно всю его дѣятельность, требуютъ «нераздѣльно всего его времени. У человѣка, занятаго службою, все «вниманіе, всѣ силы должны быть направлены на одно *выказать* (!) «похвальное въ ней рвеніе. Вмѣсто того, чтобъ сражаться безъ цѣли «въ шахматы, сражайтесь съ затрудненіями, встрѣчающими каждаго «на пути къ страницамъ исторіи (то-есть къ славѣ). Что̀ лучше, что̀ «возвышеннѣе: командовать ли нѣсколькими деревянными(!) пѣшками «или повелѣвать нѣсколькими тысячами людей? Что̀ полезнѣе, выгод-«нѣе: почести ли и доходы значительнаго мѣста (*доходцы* эти—вещь «самая обыкновенная въ Китаѣ), или жалкій выигрышъ и шансъ «распроиграться до нитки въ шахматы?» Они играли на интересъ! Фи, корыстолюбцы!).

«Сколько бы людей сдѣлалось знаменитыми военачальниками, слав-«ными администраторами и людьми богатыми, если бы время, упо-«требленное ими на шахматы, посвятили они ученію!» (чтобъ понять этотъ возгласъ, нужно знать, что въ Китаѣ всѣ мѣста государственной службы и сопряженные съ ними *доходцы*, даются конкурентамъ по экзамену и доказанному на нихъ знанію). «Чай! чай! чай!» восклицаетъ ученый Китаецъ, что̀ значитъ наши *жаль!* и *увы!* покитайски, и переходитъ къ обычному доказательству примѣрами изъ древности.

Кажется, тирада довольно-сильная! и противники шахматовъ могутъ теперь смѣлѣе присоединиться къ убѣжденію ученаго Китайца... Но знаютъ ли они Китай, эти господа противники? Знаютъ ли они, что, присоединяясь въ чемъ-нибудь къ убѣжденію Китайцевъ, они отчуждаются отъ всѣхъ убѣжденій Европейца? Не ясно ли, что если тирада Китайца есть вѣрный выводъ изъ китайской народности, отраженіе туземнаго быта и элементовъ, его составляющихъ, то она должна быть несогласна съ нашей дѣйствительностью, діаметрально-противоположною китайской? Знаютъ ли они, наконецъ, что, повторяя слова

китайскаго ученаго, они становятся копіей, можетъ-быть, незавиднаго оригинала, и что, однакожь, копія всегда и во всемъ хуже подлинника?

Ученый Китаецъ говоритъ о преувеличенной страсти къ игрѣ, о цѣлой нераздѣльно-посвященной ей жизни, и въ этомъ отношеніи онъ, конечно, правъ: онъ говоритъ о предпочтеніи игры наукѣ, и опять правъ, хотя наука въ Китаѣ не то, что̀ въ Европѣ, гдѣ наука требуетъ болѣе-безкорыстной любви и сулитъ—увы! несравненно-менѣе почестей, доходовъ и недвижимой собственности. Но между игрой, ведомой съ убійственной цѣлью—убить время и съ жалкимъ стремленіемъ зашибить копейку, и игрой, служащей заслуженнымъ отдохновеніемъ умному и занятому человѣку, для котораго и забава не должна быть лишена ума, есть кажется страшная разница. Счастливы тѣ рѣдкіе избранные, которымъ наука служитъ отдохновеніемъ! Но тѣмъ неменѣе мы удивляемся высокому направленію ума, возведшаго даже игру свою почти на степень науки!

Всѣ нападенія на шахматы группируются обыкновенно вокругъ извѣстной дилеммы: *шахматы слишкомъ-серьёзны для игры и предметъ слишкомъ-пустой для науки...* Удивительно, право, что умъ людей одѣвается гораздо-чаще, чѣмъ ихъ тѣло, въ чужія и изношенныя ужь одежды! Ихъ смѣшитъ и забавляетъ всегда фигура человѣка, выросшаго изъ своего платья; но они остаются равнодушными при видѣ ума, щеголяющаго въ старомодныхъ и чужихъ мысляхъ. Если однакожь мысли—эти ткани нитей знанія—прочнѣе тѣхъ старинныхъ тканей, которыя служили во времена нашихъ прабабушекъ украшеніемъ трехъ поколѣній, то, сохраняя ихъ, не мѣшало бы иногда ихъ перешить или хотя почистить, а не носить до износки, какъ носятъ бѣлье на Востокѣ. Такъ и высказанная нами дилемма принадлежитъ еще къ тѣмъ временамъ, когда науку, окруженную недоступнымъ педантизмомъ схоластиковъ, показывали за деньги, а игрой забавлялись только для денегъ. Времена эти, конечно, не очень еще далеки, но для ума, какъ и для быстро-растущихъ дѣтей, но̀ска одежды измѣряется не временемъ ея существованія, а ростомъ употребляющаго ее. Современный умъ выросъ изъ сказанной дилеммы, распадающейся въ лохмотья отъ частаго ея потребленія!

Шахматы — не наука и называются справедливо игрою; но что̀ причиной этого названія? Именно то, что̀ сближаетъ ихъ съ наукой: ихъ точные законы, логическая связь занятаго ими мышленія, систематическое развитіе ихъ тэмы и ихъ правилъ, безпредѣльность ихъ комбинацій и ихъ вѣчная юность. Но законы шахматной игры такъ просты, логичность такъ ясна, систематичность такъ видима, что, почти лишенная всякой сухой терминологіи, эта *игра-наука* доступна каждому, и поэтому ей *дали* названіе *игры.* Шахматы *сдѣлались* игрою, потому-что за ними отдыхали, забывая заботы и невзгоды житейскія, и, наконецъ, *ихъ заклеймили* ужь названіемъ игры за то, что, можетъ-быть, иногда отвлекая человѣка отъ обыкновенной колеи жизни, отъ обыденнаго труда, дающаго ему насущный хлѣбъ, шахматы не давали своимъ любителямъ ни почестей, ни титуловъ, ни значенія въ обществѣ, хотя и наука тоже не даетъ ихъ всегда и

всякому. Поэтому, если шахматы и точно *игра* для большей части людей, то нѣкоторые имѣютъ право называть ее *игрой-наукой* и, не обижаясь невсегда справедливо-даваемымъ шахматамъ названіемъ игры, не обижать другихъ, давая игрѣ названіе науки.

«Шахматы слишкомъ-серьёзны для игры...» слышится отовсюду; но кто жь виноватъ, если для инаго и азбука ужь наука? Назовите эту игру занятіемъ, если, какъ часто случается, имя примиряетъ съ самой вещью. А если занятіе это должно называться игрою только потому, что ему недостаетъ видимой и непосредственной пользы, что оно не имѣетъ осязательныхъ результатовъ въ жизни, то вспомните, что и настоящія науки — цѣли сами себѣ, копи и розсыпи духовныхъ, а не вещественныхъ богатствъ; вспомните, наконецъ, что и настоящія науки подверглись бы неподвижимости и поле ихъ заглохло, какъ въ Китаѣ, еслибъ на пытливость ума наложена была узда одной видимой пользы. «Еслибъ» сказалъ кто-то «университеты производили только паровыя и другія машины, тогда вся наша земная жизнь содѣлалась бы громаднымъ политехническимъ институтомъ», и прибавимъ отъ себя: «ланкарстерскою школою взаимнаго обученія, въ которой бы, наконецъ, ничему не учились, кромѣ того, чему *должно учиться.*» Хорошая игра имѣетъ всегда ту несомнѣнную пользу, что чрезъ нее *наука не унижается до игры и не становится пагубной игрушкой.*

V. Польза шахматной игры.

С. — *Я* приведу вамъ тысячу доказательствъ...
П. — Не *приводите* тысячи, а *дайте* одно, такое, чтобъ я могъ спрятать его въ карманъ.
(Изъ одной неизданной комедіи.)

Еслибъ кромѣ того, что̀ мы сказали ужь выше, польза шахматовъ могла доказываться авторитетами, тогда мы привели бы мнѣніе *Франклина*, этого ученаго и вмѣстѣ практически-умнаго мужа, перевоспитавшаго самого-себя и совершившаго труднѣйшую и славнѣйшую для человѣка побѣду надъ самимъ-собою. Франклинъ говоритъ, что «шахматы имѣютъ большое вліяніе на образованіе характера», что, «требуя отъ играющаго постоянно-напряженнаго благоразумія и предусмотрительности, они научаютъ его переносить съ твердостью неудачи дѣйствительной жизни и выходить собственными силами изъ затруднительныхъ положеній ея.» Мы привели бы потомъ мнѣніе извѣстнаго юриста *Варрена* (Introduction à l'étude des lois), который, подобно Франклину, рекомендуетъ молодымъ людямъ изученіе шахматной игры, какъ «лучшее средство къ образованію характера и развитію твердой воли». Замѣтьте, что въ обоихъ случаяхъ рекомендуется *изученіе*, то-есть игра сознательная, а не безполезное колобродство по шахматной доскѣ, на которое осуждены люди, играющіе лишь съ цѣлью убить время, вѣчно для нихъ скучное и лишнее. Мы могли бы привести еще мнѣніе *Лейбница*, совѣтующаго «искать научныхъ цѣлей и умственнаго занятія въ игрѣ шахматной», Лейбница, философа

и математика, положительный умъ и обширные труды котораго служатъ порукой въ томъ, что похвала шахматамъ не была въ устахъ его плодомъ пристрастія игрока, старающагося оправдать предметъ своей предилекціи. Мы бы могли, наконецъ, сослаться на всеобъемлющаго германскаго поэта, который сказалъ (1), что «шахматы — пробный камень умственныхъ способностей» и на книгу испанскаго врача Хуарта, написанную еще въ началѣ XVI вѣка, въ которой та же мысль выражена гораздо-полнѣе и чрезвычайно-остроумно (2).

Благодаря просвѣщенному начальству Императорской Публичной Библіотеки, благосклонно и предупредительно открывающей всѣмъ и каждому свои сокровища (3), въ авторитетахъ не можетъ быть недостатка и мы могли бы умножить ихъ до *тьсть числа*, набирая изреченія великихъ и славныхъ мужей, имена которыхъ встрѣчаются нерѣдко (противно вышеприведенному нами убѣжденію китайскаго ученаго) на страницахъ всемірной исторіи, хотя они и отдавали должную дань шахматамъ. Но намъ нѣтъ нужды тревожить сѣдую древность и приводить имена *Геродота*, *Гомера*, *Аристотеля*, *Платона*, *Овидія*, *Сенеки*, и проч., и проч., которые упоминали о шахматахъ (?) своего времени, и, вѣроятно, болѣе или менѣе играли и сами въ нихъ; намъ не длячего доказывать совмѣстность этой игры съ величайшею дѣятельностью, именами *Карла-Великаго*, *Екатерины Медичи*, *Лудовика XI*, *Франциска I*, *Карла XII*, *Фридриха-Великаго* и *Наполеона*, того Наполеона, для обозначенія котораго не нужны никакіе эпитеты... Къ-чему намъ великіе покойники? Мы остановимся въ безмолвномъ уваженіи предъ именами великихъ, еще играющихъ въ шахматы, и пригласимъ читателей нашихъ спуститься вмѣстѣ съ нами въ скромную германскую деревушку *Штрёбекъ* (4). Народонаселеніе этой деревни (гдѣ шахматы составляютъ занятіе всѣхъ досуговъ и необходимое угощеніе

---

(1) Göthe: Götz von Berlichingen. Zweiter Act.

(2) Книга: Examen de ingenios etc., переведена на французскій и нѣмецкій языки. Въ послѣднемъ переводѣ извѣстнаго Лессинга: Joh. Huart's Prüfung der Köpfe zu den Wissenschaften etc. 1752 und 1785 (2e édit.); къ шахматамъ относятся страницы 147 и слѣд., 296, 313, 317, 322.

(3) Несмотря на громадность книгохранилища этой истинно *всемірной выставки произведеній ума*, мы могли, благодаря систематическому каталогу, составленному по отдѣленію искусствъ и художествъ, узнать въ нѣсколько минутъ, что именно имѣется въ Библіотекѣ по части шахматовъ, и были пріятно удивлены, найдя въ ней даже по этой относительно весьма-неважной части знанія до сорока сочиненій и, между ними, нѣсколько весьма-рѣдкихъ въ библіографическомъ отношеніи, какъ-то: *Лопеца* (въ итал. переводѣ *Торзія*. 1584, 1 v. in-4, 214 стр.), *Селена*, *Стаммы* (изд. à la Haye, 1741. 1 v. in 12 и à Utrecht. 1777, 1 v. in-8) и *Жіануціо* (Turino, 1597, in-4); потомъ сочиненія: *Греко*, *Филидора* (четыре изданія), *Фан-Нивельда*, *Крупскаго* (Варшава, 1844, 1 v. in-8), *Петрова* и *Яниша* и проч.

(4) Stroebeck или Ströpke, въ Прусской Саксоніи, близь городовъ Гальберштадта и Ашерслебена, имѣющаго шахматную доску въ гербѣ своемъ. Владѣтельные князья ангальтскаго дома, бывшіе графы асканійскіе (по графству, заключавшему въ себѣ оба помянутые города), сохранивъ этотъ титулъ, удержали и понынѣ часть шахматной доски въ гербѣ своемъ.

гостя, и гдѣ шахматная доска передается отцомъ сыну, вмѣстѣ съ немногими книгами и многими орудіями земледѣлія) представляетъ разительный примѣръ вліянія шахматной игры на характеръ ея поклонниковъ и на практическую сторону ихъ жизни. Стробекцы отличаются здоровьемъ, чистотой нравовъ и отсутствіемъ порочныхъ привычекъ, легко-прививающихся къ низшимъ классамъ народа; они не знаютъ ни дракъ, ни процесовъ, и наслаждаются довольствомъ и спокойствіемъ— этими всегдашними результатами разсчетливой дѣятельности и благоразумной экономіи; а въ умственномъ развитіи своемъ могутъ служить замѣчательнымъ исключеніемъ между простолюдинами, и доказательствомъ того вліянія, которое имѣетъ всегда на человѣка все умное, хотя бы оно служило забавой и называлось игрою.

Англичане—страстные любители шахматовъ и, однакожь, никто не скажетъ, чтобъ они не были дѣятельны и опускали бы изъ вида свои матеріальныя выгоды. «Англія покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ», говорятъ поклонники ея промышлености: «и на каждомъ перекрёсткѣ этой сѣти вы найдете по шахматному клубу», можетъ присовокупить поклонникъ шахматовъ. Мы отнюдь не хотимъ сказать этимъ, чтобъ шахматы *сугубили* дѣятельность, но хотимъ только доказать, что они совмѣстны съ дѣятельностью, что они не *губятъ* ея, и, невредя ни уму, ни нравственности, способствуютъ образованію характера. Для игры очень-довольно и этого!

«Сколько молодыхъ людей сдѣлались бы полезными своему отечеству», могли бы мы сказать въ отвѣтъ на возгласъ, заключающій тираду китайскаго ученаго: «еслибъ они не мечтали о томъ, что могутъ быть знаменитыми администраторами и проч., и еслибъ вмѣсто того, чтобъ наполнять свою голову плодами жаднаго и неразборчиваго чтенія (какого, разумѣется, не представляетъ истинная наука), они посвятили бы часть своихъ досуговъ изученію шахматной игры, *научающей если не думать, то, по-крайней-мѣрѣ, не говорить необдуманно.*

Игра, разсматриваемая не сама-по-себѣ, но въ ея отношеніи къ человѣку, становится для человѣка тэмой столь же обильной, какъ и самъ человѣкъ. Занятія и удовольствія его — вѣрныя, другъ друга пополняющія отраженія его силъ и его потребностей, и въ удовольствіяхъ отражается онъ даже едва-ли не вѣрнѣе, чѣмъ въ занятіяхъ.

Науки походятъ на тѣ высшія части нынѣшнихъ громадныхъ составныхъ зеркалъ, въ которыя могутъ смотрѣться въ натуральномъ положеніи лишь одни великаны; обыкновенные люди представляютъ полированной поверхности стекла свои лица, утомленныя усиліемъ взобраться на необходимыя для нихъ подмостки и измѣненныя чувствомъ страха, видѣть себя такъ высоко взгроможденными. Въ нижнихъ частяхъ зеркала являются эти обыкновенные люди безъ ходуль и безъ афектаціи, иногда развѣ только при помощи высокихъ каблуковъ своихъ, несообщающихъ однакожь лицу ихъ никакого сторонняго выраженія; эти нижнія части отражающаго зеркала, болѣе до-

ступныя пыли, легче подвергающіяся слѣдствіямъ неосторожности зрителей, чаще тускнущія отъ ихъ дыханія и чаще отираемыя бережливою рукою — то же, что̀ удовольствія и игры для людей.

Выше ли, ниже ли предметъ отражающій, что̀ въ томъ для человѣка, изслѣдующаго отраженія человѣка, совершающіяся и тамъ и здѣсь на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ?

Тэма наша далеко еще не исчерпана; переходя къ другимъ сторонамъ шахматовъ, мы могли бы указать мѣсто, занимаемое ими въ ряду другихъ игоръ, а также и мѣсто игры вообще въ сферѣ жизни человѣческой; мы могли бы потомъ развить мысль *Хуарта* и *Гёте* и объяснить степень проявленія умственныхъ и нравственныхъ способностей игрока въ характерѣ шахматной игры его, причемъ извѣстная игра великихъ мужей могла бы служить намъ почти такъ же, какъ извѣстные черепы послужили къ выводамъ кранологіи Галля; далѣе... Но мы останавливаемся, предоставляя, кому слѣдуетъ по праву, сказать за насъ шахматамъ: «прощайте навсегда», или «до свиданія!»

А. Стойковичъ.

РАЗБОРЪ «БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ» Г. ГАЕВСКАГО О СОЧИНЕНІЯХЪ ПУШКИНА И ДЕЛЬВИГА.

Въ 6-мъ № «Москвитянина» мы высказали нѣсколько замѣчаній о статьѣ г. Гаевскаго: *Дельвигъ*, и предложили вопросъ о томъ, были ли исправляемы постороннею рукою стихотворенія Пушкина, напечатанныя въ «Сѣверной Звѣздѣ», альманахѣ 1829 года. Напечатанныя въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» (№ 6, отд. VII, стр. 137—156) *Библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига* обѣщаютъ «разсмотрѣть по порядку *всѣ* наши замѣчанія», а потомъ приступить къ рѣшенію предложеннаго вопроса. Благодаря автора «замѣтокъ» за готовность разрѣшить наши недоумѣнія, мы должны сказать, что онъ бо̀льшею-частью невѣрно понялъ смыслъ нашихъ замѣчаній, а потому и въ его отвѣтѣ на нихъ есть нѣкоторыя несообразности, представляющія дѣло не въ истинномъ свѣтѣ. Постараемся указать ихъ.

Въ нашей статьѣ было сказано:

«Въ исчисленіи стихотвореній Дельвига, пропущенныхъ въ смирдинскомъ изданіи, авторъ указываетъ, между прочимъ, на два стихотворенія, помѣщенныя въ «Полярной Звѣздѣ», альманахѣ 1832 года. Подъ этими стихотвореніями находится подпись Д—гъ, *и мы сомнѣваемся, точно ли принадлежатъ они Дельвигу*. Сомнѣвается въ этомъ и г. Гаевскій, обѣщая «причины сомнѣній и самыя стихотворенія привести въ одной изъ слѣдующихъ статей» (стр. 51). Ясно, что эти сомнительныя стихотворенія упомянуты авторомъ для полноты. Но тогда слѣдовало бы также указать на стихотвореніе «Черкесская Пѣсня», напечатанное въ *Цинтіи*, альманахѣ на тотъ же 1832 годъ (стр. 259 — 260).

Подъ пѣснею тоже подпись *Д — гъ.* Думаемъ, что *наше указаніе можетъ способствовать рѣшенію сомнѣній г. Гаевскаго,* тѣмъ-болѣе, что *Черкесская Пѣсня* напечатана также въ *московскомъ* альманахѣ, въ *томъ же* году и съ *тою же* подписью, какъ и сомнительныя стихотворенія, упомянутыя г. Гаевскимъ. То́ кажется несомнѣнно, что авторъ этихъ трехъ стихотвореній одно лицо; *но едва ли это былъ Дельвигъ. Не-уже-ли издатели довольно-сѣренькихъ альманаховъ, сложившихся изъ самыхъ посредственныхъ произведеній, не упомянули бы имени такого извѣстнаго поэта, какъ Дельвигъ?»*

Вотъ наши слова. Пусть читатель обратитъ вниманіе на строки, напечатанныя курсивомъ, и онъ увидитъ, 1) что мы не соглашаемся приписать два сомнительныя стихотворенія, упомянутыя г. Гаевскимъ; Дельвигу, по-крайней-мѣрѣ, оставляемъ это подъ большимъ сомнѣніемъ, что 2) въ доказательство справедливости этого мнѣнія указываемъ на *Черкесскую Пѣсню,* что 3) цѣлью этого указанія было *способствовать рѣшенію сомнѣній* г. Гаевскаго, потому-что мы полагали, что онъ не обратилъ вниманія на *совпаденіе* подписей, мѣста и времени печатанія трехъ сомнительныхъ стихотвореній, что 4) мы прямо высказались противъ возможности приписать *Черкесскую Пѣсню* Дельвигу, говоря: *едва ли* авторомъ этихъ трехъ стихотвореній былъ Дельвигъ. *Не-уже-ли и т. д.* Между-тѣмъ г. Гаевскій выводитъ изъ нашихъ словъ заключеніе, что *мы приписываемъ Черкесскую Пѣсню Дельвигу.* Но пусть найдетъ онъ въ нашей статьѣ хоть одно слово, которое бы подтверждало выведенное имъ заключеніе. Мы имѣли полное право указать г. Гаевскому *Черкесскую Пѣсню,* полагая, что онъ не обратилъ вниманіе на совпаденіе подписей, мѣста и времени печатанія; но онъ не имѣетъ права приписывать намъ мнѣніе, противъ котораго мы прямо высказались. Къ-чему же, позволимъ себѣ спросить, *авторъ на цѣлыхъ семи страницахъ возстаетъ противъ мнѣнія, нами невысказаннаго?* Или что̀ значатъ слѣдующія слова:

«Еслибъ г. Тихонравовъ потрудился внимательно пересмотрѣть «Цинтію», альманахъ, въ которомъ напечатано это стихотвореніе, онъ самъ увидѣлъ бы причины, по которымъ нельзя приписать это стихотвореніе Дельвигу. Причины эти слѣдующія: въ томъ же альманахѣ находимъ «Романсъ» (стр. 51—52) съ подписью *Д—гъ,* «Пѣсню» (стр. 132—133) съ подписью *—гъ* и стихотвореніе «Земля» (стр. 163) съ подписью *Д—бергъ. Послѣдняя подпись достаточно разоблачаетъ первыя три,* и доказываетъ, что всѣ онѣ не принадлежатъ Дельвигу. Зачѣмъ же г. Тихонравовъ прежде, чѣмъ указывать мнимый пропускъ, не справился обстоятельно, точно ли Дельвигу принадлежитъ это стихотвореніе, а если справился, то зачѣмъ умолчалъ объ остальныхъ подписяхъ, совершенно опровергающихъ его указаніе?» (Стр. 139—140.)

Вопервыхъ, логично ли заключать, что подпись *Д—бергъ* достаточно разоблачаетъ первыя три? На основаніи какого силлогизма можно вывести такое заключеніе? Гдѣ доказательства, что дѣло именно такъ было и что это не предположеніе автора? Доказательствъ нѣтъ; ergo: это простое предположеніе. А можно ли возражать предположеніями (хотя авторъ *возражаетъ* противъ мнѣнія, имъ самимъ придуманнаго), давать имъ видъ и несомнѣнность истины и, опираясь на нихъ, упрекать другихъ въ умышленномъ умолчаніи? Но допустимъ и это ору-

жіе, за неимѣніемъ другаго, и опять спросимъ: что логичнѣе, по мнѣнію автора: то ли, что *одно* лицо выбрало *четыре* разныя подписи, или что *четыре* различныя подписи принадлежатъ разнымъ лицамъ? И для чего прибѣгать ко всѣмъ подобнымъ догадкамъ? Для того только, чтобъ доказать, что *Черкесская Пѣсня* принадлежитъ не Дельвигу. Но мы опять спросимъ, гдѣ и въ какихъ словахъ высказали мы подобное мнѣніе? Сражаться же противъ призрачнаго очень-легко... Между-тѣмъ нашъ авторъ посвящаетъ этой борьбѣ цѣлую треть своей статьи.

«Въ современныхъ журналахъ и альманахахъ (говоритъ онъ) являлось множество стихотвореній и прозаическихъ статей съ подписями *Д*, *Д—ъ*, и т. п. Въ одномъ «Вольномъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности» (или «Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія»), въ занятіяхъ котораго Дельвигъ принималъ участіе, было много членовъ съ фамиліею, начинавшеюся съ буквы *Д*, именно: Данилевскій, Добровольскій, Доброхотовъ, Долгорукій, два Дурона, и проч.; они нерѣдко подписывались одною начальною буквою. Не-уже-ли и эти статьи могутъ возбудить сомнѣніе касательно принадлежности ихъ Дельвигу? Разумѣется, *нѣтъ*, если руководствоваться въ библіографическихъ изысканіяхъ живымъ, всестороннимъ изученіемъ, и *да*, если ограничиваться въ нихъ только мертвою буквою. Можно ли послѣ этого полагаться на сокращенныя подписи фамилій извѣстныхъ авторовъ, какъ сдѣлалъ (?) въ настоящемъ случаѣ г. Тихонравовъ?» (Стр. 143.)

Насъ упрекаетъ авторъ въ томъ, что мы «полагаемся на сокращенныя подписи фамилій извѣстныхъ авторовъ», и потому на насъ, очевидно, падаетъ и косвенное обвиненіе его, что «въ библіографическихъ изъисканіяхъ мы руководствуемся не живымъ, всестороннимъ изученіемъ, а только мертвою буквою». Приговоръ нѣсколько-строгъ и поспѣшенъ. Можетъ возникнуть вопросъ: позволительно ли, на основаніи одного промаха (хотя бы онъ былъ и дѣйствительный, а не сочиненный критикомъ), дѣлать подобное заключеніе? Авторъ дѣлаетъ такое заключеніе; но, къ-сожалѣнію, онъ не объясняетъ, что понимаетъ онъ подъ именемъ всесторонняго изученія, въ чемъ полагаетъ его конечный результатъ. Сколько мы понимаемъ изъ его словъ, *живое* изученіе поэта состоитъ въ томъ, чтобъ вполнѣ проникнуться духомъ поэта, сознать ясно его «направленіе», приглядѣться даже къ «отдѣлкѣ его стиха» (*); *всестороннее* же изученіе не ограничивается знакомствомъ съ кругомъ дѣятельности одного поэта разбираемаго, но обнимаетъ всю литературу того времени, къ которому онъ относится, не говоря ужь о необходимости ознакомиться съ иностранными литературами. Авторъ, надѣемся, не возстанетъ противъ такого пониманія *живаго*, *всесторонняго* изученія, котораго онъ требуетъ. Мы распространяемся объ этомъ не для того, чтобъ оправдывать себя: *Черкесской Пѣсни* мы не приписывали Дельвигу, и г. Гаевскій не можетъ доказать, чтобъ произведеніе одного поэта мы навязали другому. Между-тѣмъ, отъ этой ошибки не спасло нашего автора *живое*, *всестороннее* изученіе. Во второй статьѣ о Дельвигѣ онъ говоритъ:

«Въ первой статьѣ о Дельвигѣ мы..... исчислили напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ и пропущенныя въ Смирдинскомъ собраніи стихотвореній Дельвига.

Изъ находящихся у насъ рукописей оказывается, что Дельвигу принадлежатъ еще, *по крайней мѣрѣ*, два напечатанныхъ стихотворенія, именно: *Е. А. Б....вой* (отсылая ей за годъ предъ тѣмъ для нея написанные стихи съ подписью *Д*, въ «Благонамѣренномъ» 1820 года (часть IX, № 1, стр. 116), и *Эпиграммы рецензенту поэмы Русланъ и Людмила* (изъ двухъ принадлежитъ Дельвигу одна навѣрно, *а можетъ быть и обѣ*) въ «Сынѣ Отечества» 1820 г. (Часть 64, № XXXVIII, стр. 253)» (*).

Вотъ вторая эпиграмма, которую г. Гаевскій не прочь приписать Дельвигу:

Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка (**).

Довольно выписать эту эпиграмму, чтобъ читатели (не говоря ужь о спеціалистахъ, *всесторонне*-изучающихъ предметъ) узнали, кѣмъ она написана. Кто изъ образованныхъ людей не читалъ прекрасной статьи П. А. Плетнева: *Жизнь и сочиненія И. А. Крылова*, этого драгоцѣннаго историко-литературнаго мемуара, которыхъ такъ немного въ нашей литературѣ. Для тѣхъ, которые могли бы позабыть то мѣсто этой замѣчательной статьи, которое относится къ нашему предмету, мы выпишемъ его:

«При появленіи въ свѣтъ Пушкина «Руслана и Людмилы», почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

Напрасно говорятъ, что критика легка (***) и т. д.

Итакъ, г. Гаевскій готовъ приписать *Дельвигу* эпиграмму, о которой *достовѣрно* извѣстно, что она сочинена *Крыловымъ*. Не будемъ дѣлать выводовъ изъ этого замѣчанія Мы могли многое опустить, во многомъ ошибаться, но смѣемъ сказать, что разсматривали дѣло по крайнему нашему разумѣнію, не позволяя себѣ представлять въ невѣрномъ видѣ мысли разбираемой статьи, а равно дѣлать выводы *о живомъ и всестороннемъ изученіи*.

Готовы признаться, что намъ совершенно не были извѣстны статьи о Дельвигѣ въ Esthona, Le Furet, Dorpater Jahrbücher и пр., что мы сдѣлали нѣсколько дѣйствительныхъ пропусковъ, указывая на статейку Tygodnik'а. Но мы не можемъ принять на себя того упрека, который дѣлаетъ намъ г. Гаевскій, говоря:

«Вообще мы не понимаемъ, на какомъ основаніи указываются пропуски въ трудѣ, котораго только седьмая часть явилась въ печати. Едва-ли что́ можетъ быть легче подобныхъ указаній, потому-что въ первой части пропущены всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ остальныхъ шести: стоитъ только собрать нѣкоторыя изъ нихъ и предупредить автора» (стр. 145).

(*) «Современникъ», 1853 г., № 5, Отд. III, стр. 2—3.
(**) «Сынъ Отечества», 1820 г., № 38, стр. 233.
(***) «Сочиненія Ивана Крылова», Спб. 1847, т. I, стр. LXVI—LXVII.

Нѣтъ нужды подробно говорить о томъ, что всякое сочиненіе должно имѣть свою органическую связь, изъ сколькихъ бы частей оно ни состояло. При этой необходимой связи каждая часть имѣетъ свое извѣстное мѣсто въ организмѣ, получивъ которое, она не можетъ проскакивать и повторяться въ другомъ; иначе, нарушится органическая связь цѣлаго и т. п. Г. Гаевскій самъ изложилъ планъ своего сочиненія въ слѣдующихъ словахъ:

«Прежде, чѣмъ приступимъ къ критическому разбору его (Дельвига) произведеній, мы сообщимъ объ авторѣ тѣ немногія біографическія свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать, а потомъ ужь займемся обозрѣніемъ его литературной дѣятельности, раздѣливъ это обозрѣніе по группамъ однородныхъ произведеній въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала разсмотримъ лирическія подражанія древнимъ, потомъ идилліи, элегіи, пѣсни, романсы, сонеты, прозаическія сочиненія, *переводы стихотвореній Дельвига на иностранные языки* и наконецъ представимъ хронологическій перечень *всѣхъ* его произведеній, съ указаніемъ, гдѣ они были напечатаны («Современникъ» 1853 года, № 2, отд. III, стр. 53—54).

Имѣя въ виду этотъ планъ автора, мы указали на статью о Дельвигѣ въ Tygodnik Peterbursk, полагая, что авторъ не возвратится въ другой разъ къ указанію біографическихъ статей о Дельвигѣ. Въ планѣ г. Гаевскаго (или «программѣ», какъ онъ говоритъ), не упомянуто о томъ, что перечень біографическихъ статей повторится. Имѣли ли мы право упомянуть о статьѣ Tygodnik'а, не прибѣгая къ той тактикѣ, о которой говоритъ г. Гаевскій? Въ *Библіографическихъ Замѣткахъ* авторъ замѣчаетъ, что «въ одной изъ слѣдующихъ статей о Дельвигѣ будетъ сказано объ извѣстности его въ *иностранной литературѣ*, то-есть будутъ указаны и разобраны переводы его стихотвореній на иностранные языки, и приведены *отзывы и извѣстія о Дельвигѣ на иностранныхъ языкахъ*». Къ числу такихъ извѣстій отнесена и статья газеты «Tygodnik» (стр. 145).

Опять повторимъ, что въ программѣ автора не было и рѣчи объ «отзывахъ и извѣстіяхъ о Дельвигѣ на иностранныхъ языкахъ». Съ другой стороны мы не понимаемъ, какимъ образомъ статья «Tygodnik'а» отнесена авторомъ къ иностранной литературѣ? Въ такомъ случаѣ письмо Карамзина къ графу Каподистрія принадлежитъ французской литературѣ? Въ такомъ случаѣ ей же принадлежатъ и нѣкоторыя сочиненія Растопчина, Пушкина, Озерова и др.? Къ какой литературѣ отнесетъ тогда авторъ многочисленныя диссертаціи, появившіяся и появляющіяся въ Россіи на латинскомъ языкѣ? Не-уже-ли къ римской?.. Но даже и тогда, если мы согласимся съ авторомъ отнести статью «Tygodnik'а» къ иностранной литературѣ, можетъ возникнуть вопросъ: почему же въ первой статьѣ о Дельвигѣ упомянуты два «незначительные» (по словамъ автора) разсказа о немъ въ Russisches Almanach für 1832 und 1833, а между-тѣмъ они писаны на нѣмецкомъ языкѣ и Нѣмцемъ. Почему они не отнесены къ числу «извѣстій о Дельвигѣ на иностранныхъ языкахъ»?

Но вотъ мы подошли къ главному пункту всѣхъ «Библіографиче-

скихъ Замѣтокъ» г. Гаевскаго и вмѣстѣ къ самому непонятному для насъ возраженію. Въ нашей статьѣ было сказано:

«Несправедливо говоритъ авторъ *Біографіи,* что стихотворенія Пушкина печатались въ *одномъ* изъ тогдашнихъ журналовъ: они есть въ «Россійскомъ Музеумѣ», въ «Сынѣ Отечества», въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ». Въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., № 25 и 26, стр. 240, напечатано стихотвореніе Пушкина: «Наполеонъ на Эльбѣ», съ подписью: 1 . . . . 14—17. Этотъ псевдонимъ не указанъ г. Гаевскимъ. Въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817 года, также напечатаны были лицейскія стихотворенія Пушкина: «Пѣвецъ», «Эпиграмма на смерть стихотворца», «Къ ней», «Посланіе Лидѣ».

Смыслъ этого мѣста очень-ясенъ и не подалъ бы никакого повода къ недоразумѣніямъ, еслибъ услужливое невѣдѣніе корректора не постаралось поставить запятой передъ словомъ: *говоритъ* (*), и такимъ образомъ, наши слова сдѣлались словами автора *Біографіи.* Послѣдній говоритъ, что юношескія произведенія Пушкина печатались въ *одномъ* изъ тогдашнихъ журналовъ; мы возразили, что они есть и въ «Россійскомъ Музеумѣ», и въ «Сынѣ Отечества», и въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ». Не имѣя передъ глазами *Біографіи А. С. Пушкина,* о которой идетъ дѣло, можно было не замѣтить ошибки корректора. Потому г. Гаевскій такъ понялъ наши слова:

«Далѣе, г. Тихонравовъ, исправляя нѣкоторыя ошибки въ біографіи Пушкина, напечатанной въ «Современникѣ» 1838 года, *гдѣ сказано,* что лицейскія стихотворенія Пушкина печатались въ «Россійскомъ Музеумѣ», въ «Сынѣ Отечества», въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ», указываетъ одно стихотвореніе *(Безвѣріе),* напечатанное въ «Трудахъ Общ. Л. Р. С. при Алек. Университетѣ» и говоритъ: Въ «Сынѣ Отечества», 1815 г., и т. д. (См. только-что выписанное мѣсто изъ нашей статьи). «Въ этихъ немногихъ строкахъ оказалось много пропусковъ и ошибокъ... Г. Тихонравовъ, *указывая изданія, въ которыхъ печатались лицейскія стихотворенія Пушкина,* пропускаетъ: 1) Вѣстникъ Европы, 2) Невскій Зритель, 3) Памятникъ Отечественныхъ Музъ, изданный на 1827 годъ, Бор. Федоровымъ.»

Наше дѣло было доказать невѣрность того извѣстія въ *Біографіи,* что стихотворенія Пушкина печатались въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, и мы достигли цѣли, сдѣлавъ указанія (которыхъ не было въ статьѣ г. Гаевскаго) на «Сынъ Отечества» и на «Сѣверный Наблюдатель». Этимъ мы доказали справедливость нашего упрека автору *Біографіи*; но указывать лицейскія стихотворенія Пушкина мы совершенно не имѣли въ виду, и поводъ къ обвиненію насъ во многихъ пропускахъ подала единственно ошибка корректора. Hinc illae lacrimae! Съ этимъ согласится всякій, кому извѣстна упомянутая *Біографія.* Лицейскія стихотворенія Пушкина въ «Вѣстникѣ Европы» намъ были извѣстны и упомянуты г. Гаевскимъ въ томъ же мѣстѣ его статьи, по поводу котораго зашла рѣчь о погрѣшностяхъ въ *Біогра-*

(*) Этимъ страдаютъ болѣе или менѣе почти всѣ наши журналы, а всѣхъ болѣе «Москвитянинъ», гдѣ уродуются цѣлыя страницы, не только что какая-нибудь строка. *Прим. автора.*

фіи А. С. Пушкина. Мы можемъ, съ другой стороны, представить г. Гаевскому *печатныя* доказательства, что намъ точно также извѣстны «Невскій Зритель» и «Памятникъ Отеч. Музъ»; въ составленномъ нами спискѣ сочиненій Жуковскаго, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, онъ найдетъ ссылки и на «Невскій Зритель» и на «Памятникъ Музъ». Слѣдовательно, хотя авторъ, въ силу вышеупомянутой ошибки корректора, могъ упрекать насъ въ пропускахъ, но мы не можемъ принять ихъ на себя.

Вотъ наше объясненіе касательно пропусковъ; теперь перейдемъ къ ошибкамъ, въ которыхъ насъ упрекаетъ авторъ. Онъ говоритъ:

«Изъ числа четырехъ стихотвореній Пушкина, напечатанныхъ въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ», причисляемыхъ г. Тихонравовымъ къ лицейскимъ, дѣйствительно лицейскихъ только два, именно: «Пѣвецъ» и «Посланіе Лидѣ»... Остальныя же два стихотворенія: «Эпиграмма на смерть стихотворца» и «Къ ней», хотя и помѣщены въ собраніи стихотвореній Пушкина въ числѣ лицейскихъ, но написаны ужь послѣ выпуска изъ Лицея. *Мы думаемъ* это (?) на томъ основаніи, что въ рукописной тетради ненапечатанныхъ лицейскихъ стихотвореній, сообщенной автору предлагаемыхъ замѣтокъ барономъ М. А. Корфомъ, этихъ двухъ стихотвореній нѣтъ» (стр. 147).

Предположеніе не есть еще фактъ, въ силу котораго другіе могутъ быть обвиняемы *во многихъ ошибкахъ.* Странно, что г. Гаевскій достовѣрное превращаетъ въ сомнительное (*), и сомнительное въ достовѣрное, то-есть фактъ въ предположеніе и *свое* предположеніе въ фактъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что не всѣ лицейскія стихотворенія Пушкина попали въ упомянутую авторомъ тетрадь. Г. Гаевскій въ спискѣ лицейскихъ стихотвореній Пушкина не упомянулъ же о его стихотвореніи *Въ Альбомъ А. Н. Зубову* («Москвитянинъ», 1842, № 6): вѣроятно, его нѣтъ въ упомянутой тетради, между-тѣмъ, подъ нимъ подпись: *1817 года, при выпускѣ изъ Лицея.* Кто послѣ этого поручится, что *всѣ* лицейскія стихотворенія Пушкина находятся въ упомянутой тетради? Скорѣе можно предполагать, что непопавшихъ въ эту тетрадь лицейскихъ стихотвореній довольно. Въ числѣ стихотвореній отнесенныхъ авторомъ къ 1815 году, находимъ *Къ П. Г. Л—ову* (Ломоносову, лицейскому товарищу Пушкина). Оно было напечатано въ журналѣ 1815 года, и потому г. Гаевскій отнесъ его сочиненіе къ тому же году. Время напечатанія произведенія, разумѣется, не всегда совпадаетъ съ временемъ его написанія, и потому *только при неимѣніи данныхъ о послѣднемъ* мы должны обращать вниманіе на первое. Въ настоящемъ случаѣ, мы имѣемъ основаніе полагать, что стихотвореніе *Къ Н. Г. Л—ову* написано *прежде* 1815 года. Оно напечатано было въ «Современникѣ» 1830 (т. XIII, стр. 175), съ пропусками (подъ заглавіемъ *Путешественнику*) и съ замѣчаніемъ: «*Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ*».

Вопросъ объ исправленіи посторонними стихотвореній Пушкина, напечатанныхъ въ «Сѣверной Звѣздѣ», рѣшенъ г. Гаевскимъ невпол-

(*) Мы разумѣемъ эпиграмму Крылова, которую г. Гаевскій готовъ приписать Дельвигу.

нѣ-удовлетворительно. По его словамъ, разница въ редакціи стихотвореній Пушкина въ «Сѣверной Звѣздѣ» и въ «Сочиненіяхъ» происходитъ «отъ исправленій, сдѣланныхъ впослѣдствіи самимъ Пушкинымъ, который даже въ зрѣломъ возрастѣ исправлялъ многія изъ своихъ юношескихъ произведеній» (стр. 156). Какая же редакція новѣе? По нашему мнѣнію, «Посланіе къ Каверину» въ томъ видѣ, какъ оно напечатано въ «Сѣверной Звѣздѣ», выше по поэтическому достоинству, нежели редакція его въ «Сочиненіяхъ».

Н. Тихонравовъ.

Москва, 15 іюня.

═

НОВОСТИ

НАУКЪ, ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ (*).

Путешествіе въ Уадай шейха Мухаммеда-ибн-Омара-эль-Тунси, главнаго ревизора Каирской Медицинской Школы. — Докторъ Перронъ перевелъ съ арабскаго и издалъ недавно путешествіе въ Дарфуръ шейха Мухаммеда эль-Тунси. При поѣздкѣ въ Барну, Денгама и Клаппертона, открытіе большаго озера *Чадъ* привело къ открытію двухъ обширныхъ областей Судана, куда, однакожь, эти путешественники не могли проникнуть. Область *Канемъ* простиралась къ сѣверо-востоку отъ озера, а *Уадай* далѣе къ востоку. Бурхардъ ужь зналъ въ 1816 году о существованіи послѣдней страны, но ни одинъ Европеецъ не посѣщалъ ее. Шейхъ Мухаммедъ проникнулъ въ нее съ восточной стороны черезъ Дарфуръ.

Въ 1804—1811 годахъ Уадай находился подъ управленіемъ султана Мухаммедъ-Абд-эль-Керима. Путешественникъ разсказываетъ о султанѣ много подробностей, изъ которыхъ видно, что этотъ султанъ былъ образованнѣе прочихъ дикарей Африки. Онъ былъ пятымъ преемникомъ и потомкомъ *бѣлаго человѣка* (Араба, или Бербера), который силою оружія ввелъ въ Уадаѣ мухаммеданскую религію. Впрочемъ, въ южной части живетъ еще въ горахъ идолопоклонническое племя Дженахераховъ, противъ которыхъ часто производятся экспедиціи для пріобрѣтенія невольниковъ, какъ дарфурскіе мухаммедане дѣлаютъ это съ фертитскими идолопоклонниками. Султанъ выдаетъ дозволенія на эти экспедиціи, производимыя иногда Арабами, привлеченными жадностью.

(*) Составлено по журналамъ: Comptes rendus de l'Académie des Sciences, Botanische Zeitung, Annalen der Chemie und Pharmacie, Mechanic's Magazine, Bulletin de la société d'encouragement pour l'industrie nationale, Journal des Débats, Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Indépendance Belge, das Ausland.

Уадайская область раздѣляется на *пять королевскихъ племенъ*, которыя прежде всѣхъ приняли исламизмъ. Одно изъ этихъ племенъ хвалится происхожденіемъ изъ Ирака. Это, можетъ-быть, и правда, потому-что здѣсь говорятъ чистымъ арабскимъ языкомъ. Этимъ Арабамъ поручено провожать невольничьи караваны на рынки.

Несчастные дженахерахскіе негры ведутъ несовсѣмъ-дикую жизнь: они хорошо обрабатываютъ желѣзо, черное дерево и разнаго другаго рода издѣлія; они не людоѣды. У ферфитскихъ сосѣдей ихъ строго запрещены браки во всякой степени родства.

Шейхъ Мухаммедъ говоритъ, что уадайская область простирается на тридцать дней ходьбы съ сѣвера на югъ и двадцать-четыре часа съ востока на западъ. Она занимаетъ весь промежутокъ между Дарфуромъ на востокѣ и Бигирмехомъ на западѣ, то-есть по-крайней-мѣрѣ половину Франціи. Буркхардъ, Френель и шейхъ Мухаммедъ говорятъ, что Уадай называется туземцами *Салій*, или *Селейхъ*, восточными сосѣдями—*Борго*, или *Боргу*, а западными—*Уадай*. Другіе прибавляютъ названіе Мобба, что̀ подтверждается послѣднимъ письмомъ доктора Барта. Отъ 14-го іюля 1802 года писалъ онъ изъ Мас-энья, столицы Бигирмеховъ, что Уадай носитъ еще названіе *Дар-Мабо*. Въ томъ же письмѣ описываетъ онъ гидрографію этой страны и точки раздѣла водъ, текущихъ съ одной стороны въ Бѣлый Нилъ, а съ другой, впадающихъ съ запада въ озеро *Чадъ*, или притоки Нигера. Но какъ эти свѣдѣнія получены Бартомъ отъ туземцевъ, то они такъ же неопредѣлительны, какъ извѣстія шейха Мухаммеда. Арабы не имѣютъ ясныхъ понятій о гидрографіи страны.

Кромѣ южныхъ горъ Дженахераха, есть въ Уадаѣ и на сѣверѣ много горъ. Почва здѣсь плодоноснѣе Дарѳура; климатъ прекрасный, хотя въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ и частью сентябрѣ бываютъ сильныя грозы. Здѣсь вездѣ течетъ множество источниковъ и рѣчекъ, которыя съ тропическими дождями поддерживаютъ весь годъ роскошную растительность страны. Хлѣбъ и плоды тѣ же, какъ и въ Дарфурѣ, и урожай всегда богатый. Арабы разводятъ многочисленныя стада на богатыхъ пажитяхъ Уадая. У принца Джафара (о которомъ будетъ говорено дальше) много родится кофе въ Бигирмехѣ; это очень-любопытный фактъ, подтверждающій мнѣніе Кандаля, что кофе первоначально произошелъ изъ Африки.

Черезъ степь Сахару есть дорога для сообщенія между Багирмехомъ и Уадаемъ съ бенгазійскою гаванью на Средиземномъ Морѣ, лежащей между Египтомъ и Триполи. Этою дорогою уадайская торговля можетъ производиться независимо отъ египетскаго паши. Одинъ Арабъ предложилъ султану провести караванъ въ Варварійскія Владѣнія, минуя Феддуанъ. Караванъ заблудился въ пустынѣ; оказался недостатокъ воды. Множество невольниковъ, купцовъ и верблюдовъ погибло при этомъ случаѣ. Это несчастіе не помѣшало другимъ караванамъ пуститься по той же дорогѣ. Племя Тиббусовъ поставило имъ другія преграды, разграбивъ караванъ.

Султанъ хотѣлъ, чтобъ тринадцатилѣтній сынъ его Джафаръ отправился въ Каиръ, для воспитанія у тамошнихъ улемовъ, но этотъ

принцъ не прежде, какъ черезъ одиннадцать лѣтъ по отъѣздѣ изъ Уараха, достигъ до Египта. Триполійскій паша держалъ его все это время въ заключеніи. Только по ходатайству Англіи получилъ онъ свободу. Съ-тѣхъ-поръ старается онъ возвратить себѣ престолъ отца, похищенный въ это время дядею, но до 1849 года жилъ онъ еще въ въ Дарфурѣ и не успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Уарахъ, столица Уадая, построена изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ. Всѣ домы въ одинъ этажъ, только дворецъ и мечеть изъ камня и дерева. Гаремъ охраняется множествомъ евнуховъ. Семь дверей ведутъ къ комнатѣ, гдѣ обыкновенно находится султанъ. Когда онъ даетъ аудіенцію, то посѣтитель обязанъ у каждой двери оставлять часть своей одежды, такъ-что входитъ къ султану почти нагій. Самъ султанъ скрытъ за занавѣскою. Это заведено для безопасности. Когда султанъ заговоритъ съ посѣтителемъ, тотъ долженъ ударить въ ладони и поклониться направо и налѣво, касаясь лбомъ до пола и приговаривая: «повинуюсь моему господину! господину моего отца! господину моего дѣда!»

На войнѣ существуетъ замѣчательный обычай. Это родъ поединка, напоминающій бой двухъ центуріоновъ въ *Комментаріяхъ* Юлія Цесаря. Если кто обиженъ кѣмъ-либо, то ждетъ дня битвы и вызываетъ своего обидчика, который долженъ явиться и принять бой. Если обидчикъ откажется, или отступитъ, то покрывается безчестіемъ. Жена потребуетъ развода съ нимъ; никто не захочетъ выдать за него свою дочь, или сестру. Этотъ же обрядъ наблюдается и между должностными лицами, которыя происками достигаютъ своихъ мѣстъ. Отставной вызываетъ въ день битвы своего преемника. Если послѣдній сражался храбро, то заплатилъ долгъ чести; если же, напротивъ, отказался, или нехрабро дрался, то лишается должности, а прежній получаетъ ее Наконецъ, если онъ бѣжалъ передъ непріятелемъ, то соперникъ можетъ его безнаказанно убить.

Вотъ какъ эти дикари понимаютъ чувство чести.

Оцѣнка хронометровъ или морскихъ часовъ. — Новость, важность и польза предмета заставляютъ насъ предложить здѣсь почти полный переводъ донесенія Ложье, представленнаго Парижской Академіи Наукъ отъ имени коммиссіи, которой членами были Араго, Ложье и Дюперрей, и которая разсматривала чрезвычайно-любопытныя изслѣдованія о перемѣнѣ хода хронометровъ инженера Льёссу (Lieussou).

Между изобрѣтеніями, способствовавшими успѣхамъ мореплаванія, первое мѣсто занимаетъ устройство такихъ часомъ, посредствомъ которыхъ мореходецъ можетъ всегда знать время на меридіанѣ начальнаго пункта его путешествія. Правила, служащія основаніемъ для устройства хронометровъ, найдены знаменитыми часовщиками въ срединѣ прошедшаго столѣтія. До-сихъ-поръ эти правила не получили никакихъ важныхъ измѣненій: новѣйшіе часовщики старались только совершенствовать отдѣлку существенныхъ частей машины и изучали свойство различныхъ родовъ тренія. Нынѣ отдѣлка доведена до та-

кого совершенства, которое во время Сюлли (Sully), Гаррисcона и П. Леруа считалось совершенною невозможностью. Такіе успѣхи въ механической части часовъ доказали, что упомянутыя правила не подлежатъ сомнѣнію, и что устроенные по нимъ часы оказывались неудовлетворительными единственно отъ худаго исполненія предположеній изобрѣтателей.

Благодаря совершенству работы, мы теперь въ состояніи изучать перемѣны въ ходѣ хронометровъ и даже открыть законъ этихъ перемѣнъ: нужны были только непрерывныя и соотвѣтствующія вопросу наблюденія. Въ послѣдніе годы, два обстоятельства помогли основать такія наблюденія: конкурсъ и утвержденіе при Адмиралтействѣ особеннаго инженер-гидрографа для надзора за хронометрами. Правила конкурса предложены и исполняются Парижскою Обсерваторіею; на основаніи этихъ правилъ, мореходецъ можетъ избирать лучшіе хронометры, которые испытываются впродолженіе двѣнадцати мѣсяцовъ правильнымъ сравненіемъ съ нормальными часами обсерваторіи, повѣряемыми астрономическими наблюденіями. Къ этому сравненію присоединяются показанія термометра, и потому г. Льёссу, который нѣсколько ужь лѣтъ смотритъ за часами Морскаго Депо, имѣлъ возможность изучить вліяніе температуры и сгущенія масла на ходъ хронометровъ. Изъ всѣхъ своихъ изъисканій онъ составилъ особенное сочиненіе, которое и было подвергнуто разсмотрѣнію Академіи.

Ходъ хронометра существенно зависитъ отъ движенія *баланса*. Если балансъ выводитъ свои зубцы съ строгою равномѣрностью изъ колеса, поддерживаемаго пяткою, называемою *основаніемъ* (repos), или другими словами: если размахи баланса остаются всегда равномѣрными, то и движеніе секундной стрѣлки по циферблату бываетъ также равномѣрно и ходъ часовъ не измѣняется; но когда размахи баланса то ускоряются, то замедляются, тогда и часы идутъ неправильно.

Измѣненія въ размахахъ баланса происходятъ отчасти отъ перемѣнъ въ температурѣ, отъ которыхъ перемѣняются размѣры и физическій составъ пружины, приводящей балансъ въ качательное движеніе. Чтобъ уничтожить дѣйствіе перемѣнъ въ размѣрахъ баланса, на концахъ одного его діаметра придѣлываются двѣ полукруглыя пластинки, составляемыя изъ двухъ сплавленныхъ металловъ, имѣющихъ различныя способности расширяться отъ тепла, или, какъ говорятъ обыкновенно: имѣющія различную расширяемость; на концы каждой пластинки надѣваются металлическіе шарики. Когда температура перемѣняется, тогда эти шарики приближаются или удаляются отъ центра качанія баланса: поэтому опытомъ опредѣляется то положеніе шариковъ, при которомъ размахи баланса остаются равномѣрными при разныхъ температурахъ.

Хорошо-устроенная компенсація баланса, поддерживающая равномѣрность его размаховъ при всякой температурѣ, вполнѣ обезпечивала бы правильность хода хронометра, еслибъ размахи баланса сохраняли постоянную широту; но эта широта измѣняется между далеко-отстоящими предѣлами, причемъ перемѣняется и продолженіе

размаховъ. Ширина размаховъ зависитъ отъ силы двигателя, дѣйствующаго посредствомъ вышеупомянутаго колеса, и отъ способности самого баланса принимать впечатлѣнія двигателя. Итакъ понятно, что когда возобновляется масло, тогда двигатель, встрѣчая мéньшее сопротивленіе во всей машинѣ, сообщаетъ балансу сильнѣйшее дѣйствіе, которое, по прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ послѣ смазки, значительно ослабляется: тогда сгустившееся масло препятствуетъ свободному движенію различныхъ осей; широта размаховъ баланса и ихъ продолженіе уменьшаются; ходъ часовъ начинаетъ ускоряться.

Кажется Сюлли первый началъ заниматься этою причиною невѣрности часовъ. Чтобъ уничтожить ее, онъ придумалъ особенный механизмъ, который, однакожь, не дѣйствовалъ постоянно; П. Леруа нашелъ наконецъ средство помочь такому недостатку. Онъ открылъ, что спиральная пружина, при извѣстной своей длинѣ, производитъ большіе и малые размахи въ одно и то же время; если, опредѣливъ эту длину, укоротятъ пружину, то большіе размахи совершаются скорѣе, нежели малые; напротивъ, съ увеличеніемъ длины пружины, малые размахи производятся скорѣе большихъ. Итакъ, посредствомъ спиральной пружины опредѣленной длины, продолженіе размаховъ баланса можно сдѣлать совершенно независимымъ отъ перемѣны въ ихъ широтахъ. Но уставка одновременности размаховъ баланса остается безполезною, если онъ не пользуется почти полною свободою въ своихъ движеніяхъ; потому-что эта одновременность нарушается треніемъ на концахъ оси баланса.

Въ обыкновенныхъ часахъ необходимая свобода движенія баланса безпрестанно нарушается дѣйствіемъ задерживающаго колеса (échappement); въ хронометрахъ же, задерживающее колесо устроивается особеннымъ образомъ; это устройство было изобрѣтено также П Леруа и названо *свободною задержкою* (échappement libre); оно сообщило хронометрамъ неожиданное совершенство. Хронометръ или морскіе часы, представленные П. Леруа Академіи Наукъ въ 1766 году, по словамъ Бордо, одного изъ коммиссаровъ Академіи, не оставляли ничего желать относительно идеи устройства, но требовали лучшей отдѣлки.

Теорія морскихъ часовъ, предложенная П. Леруа въ особенномъ его разсужденіи, и нынѣ служитъ главнымъ основаніемъ для устройства хронометровъ. Но, кажется, нѣкоторые изъ знаменитыхъ художниковъ невполнѣ согласны съ идеями П. Леруа; они увѣрились, что въ новѣйшихъ часахъ спиральная пружина, производящая равновременные размахи и дѣйствующая на балансъ съ правильною компенсаціею для двухъ крайнихъ предѣловъ температуры, напримѣръ, для 0° и 30°, недостаточна для правильнаго хода часовъ. Причина небольшихъ неправильностей этого хода еще не открыта; замѣчено только то, что ходъ замедляется при большихъ измѣненіяхъ температуры. Поэтому опытнѣйшіе художники не дѣлаютъ спиральную пружину совершенно-равновременною (изохроническою); они допускаютъ въ ней небольшое ускореніе въ малыхъ дугахъ, и чрезъ то уменьшаютъ

измѣненія въ ходѣ часовъ, но никогда не уничтожаютъ ихъ совершенно.

Итакъ принято постояннымъ правиломъ, что самые лучшіе балансы болѣе или менѣе подлежатъ дѣйствію непостоянства температуры, и перемѣняютъ свои размахи отъ препятствій въ сообщеніи имъ движенія; важнѣйшее изъ этихъ препятствій состоитъ въ постепенномъ сгущеніи масла.

Г. Льёссу доказываетъ въ своей запискѣ, что въ хронометрахъ оказывается чрезвычайная правильность въ дѣйствіи двухъ изъясненныхъ причинъ, и даетъ средство вычислять перемѣну хода часовъ, происходящую отъ опредѣленной температуры.

Эта возможность принимать въ разсчетъ дѣйствіе температуры была показана въ запискѣ П. Леруа, представленной запечатанною въ канцелярію Академіи Наукъ 1754 г., и имѣвшей заглавіе: *Описаніе часовъ, способныхъ для употребленія на море.* Здѣсь было сказано: «чтобъ «уничтожить погрѣшность, происходящую отъ перемѣнъ температу- «ры, надобно поставить термометръ въ часовомъ ящикѣ (*), и пере- «носить часы изъ весьма-теплаго мѣста въ весьма-холодное; тогда, «сравнивъ перемѣны въ ходѣ часовъ съ показаніями термометра, мо- «жно составить таблицу замедленія и ускоренія часовъ, соотвѣтствую- «щія каждому градусу термометра; слѣдственно тогда ихъ погрѣш- «ность будетъ извѣстна; извѣстная же погрѣшность не есть уже по- «грѣшность. Послѣ того надобно только требовать, чтобъ дежурный «офицеръ на кораблѣ записывалъ показанія термометра при заведе- «ніи часовъ».

Когда, въ 1767 году, астрономъ Маскелинъ получилъ порученіе испытать часы Гаррисона, тогда этотъ знаменитый художникъ объявилъ, что «его часы должны уходить въ день *одну* секунду, если

(*) П. Леруа не ограничился описаннымъ средствомъ исправленія хода часовъ. Въ Консерваторіи Искусствъ и Ремеслъ можно видѣть морскіе часы, представляемые сужденію Академіи Наукъ тѣмъ же великимъ художникомъ, и въ которыхъ компенсація производится посредствомъ стальнаго баланса, обращающагося на оси, съ придѣланными къ ней двумя стеклянными, загнутыми трубками, оканчивающимися двумя пустыми и другъ-другу противоположными шариками. Оси трубокъ и баланса, и центры шариковъ находятся въ одной плоскости. Шарики наполняются виннымъ спиртомъ, а въ трубки наливается ртуть. Когда температура возрастаетъ и діаметръ баланса увеличивается, тогда винный спиртъ, расширяясь, передвигаетъ часть ртути отъ окружности баланса къ его центру; напротивъ, при пониженіи температуры и при уменьшеніи размѣровъ баланса, винный спиртъ сжимается въ шарикахъ, и часть ртути переходитъ отъ центра къ окружности. На основаніи этихъ передвиженій ртути, для устроенія компенсаціи, надобно 1) выбрать шарики приличной вмѣстимости, 2) болѣе или менѣе приблизить или удалить отъ центра баланса концы трубокъ съ шариками, 3) употребить болѣе или менѣе крѣпкій спиртъ. Этотъ балансъ П. Леруа имѣетъ 108 миллиметровъ въ діаметрѣ, и широты его размаховъ перемѣняются отъ 60 до 120 градусовъ. Въ новѣйшихъ хронометрахъ балансы имѣютъ меньшіе діаметры и, качаясь, они описываютъ дуги отъ 330 до 420 градусовъ.

«температура уменьшается на 10 градусовъ по фаренгейтову термо-«метру, и напротивъ, они должны отставать также на *одну* секунду «при возвышеніи температуры на то же число градусовъ и по тому «же термометру». Но кажется, что гаррисоновы часы не имѣли правильнаго хода потому, что художникъ не настаивалъ на такой постоянной поправкѣ своего снаряда.

Чтобъ объяснить двойное вліяніе температуры и сгущенія масла, вообразимъ, что хронометръ заключенъ въ опредѣленное пространство (въ шкафъ) съ постоянной температурою; его ходъ немного измѣнится въ-продолженіе нѣкотораго времени; если чрезъ a изобразимъ этотъ ходъ въ началѣ опыта, то чрезъ x дней онъ выразится уже чрезъ $a + bx$, гдѣ b означаетъ суточную перемѣну хода (*). Такое измѣненіе хода, пропорціональное времени, г. Льёссу приписываетъ недостатку изохронизма или равновременности спиральной пружины. Но какъ часовщики обыкновенно уставляютъ пружины такъ, что малые размахи совершаются скорѣе большихъ, то можно вообще сказать, что упомянутый недостатокъ изохронизма производитъ не замедленіе, а ускореніе въ ходѣ хронометровъ.

Постоянное число b опредѣляетъ мѣру точности равновременныхъ размаховъ. Въ большей части хронометровъ, доставляемыхъ въ Морское Депо, это число рѣдко достигаетъ до сотой доли секунды и, кажется, оно сохраняетъ свою величину, если не перемѣняется состояніе спиральной пружины.

Еслибъ хронометръ оставался въ одной температурѣ, то ходъ его всегда бы выражался приведенною простѣйшею формулою, по которой не трудно вычислять погрѣшность хронометра; но когда температура перемѣняется, тогда, какъ увидимъ ниже, эта формула становится сложнѣе.

Положимъ, что художникъ уставилъ свой хронометръ для 0° и для 30°, то-есть для этихъ температуръ онъ опредѣлилъ положеніе компенсаціонныхъ шариковъ, и при этихъ температурахъ суточный ходъ хронометра бываетъ совершенно-одинаковый; помѣстимъ такой хронометръ въ шкафъ, въ которомъ температура перемѣняется постепенно, градусъ за градусомъ, отъ 0 до 30: тогда суточный ходъ начнетъ сперва ускоряться отъ 0 до 15°, а потомъ отъ 15° до 30° ходъ этотъ будетъ замедляться, и при 30° получитъ ту же величину, какую имѣлъ при 0°. Такое уменьшеніе въ ускореніи хода обнаружится и ниже *нуля* температуры и выше 30°, и тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе отходитъ температура отъ 15.

Г. Льёссу доказалъ это явленіе наблюденіями надъ 60-ю хронометрами въ Парижской Обсерваторіи; сверхъ-того, онъ нашелъ, что если T представляетъ среднюю температуру между тѣми, для которыхъ уставленъ хронометръ, то уменьшенія суточнаго хода всегда одинаковы при температурахъ, равно-отстоящихъ отъ T. Законъ такого

(*) Статья наша назначается для желающихъ изучить вполнѣ достоинство хронометровъ, и потому мы рѣшились удержать въ нашемъ переводѣ простѣйшія алгебраическія выраженія.

уменьшенія Льёссу старался представить чертежемъ или графически, и открылъ, что оно пропорціонально квадрату разности температуръ T и t, разумѣя подъ t дѣйствительную температуру наблюденія. Итакъ, если чрезъ a представимъ суточный ходъ хронометра при температурѣ T, то m, суточный ходъ при температурѣ t выразится чрезъ $m = a - c(T - t)^2$, гдѣ C есть постоянное число, показывающее перемѣну суточнаго хода a, когда температура переходитъ изъ T въ $T \pm 1^0$. Это число постоянно только для одного хронометра, и для каждаго хронометра должно быть опредѣлено наблюденіями; оно выражаетъ точность компенсаціи. Въ хронометрахъ, купленныхъ Морскимъ Департаментомъ, величина этого числа не выше 0,015 сек. или пятнадцати тысячныхъ долей секунды.

Изъ сказаннаго видно, что поправка хода хронометровъ зависитъ единственно отъ средней температуры изъ крайнихъ, выбранныхъ художникомъ для устройства баланса, и что эта поправка не перемѣняетъ своей величины, если средняя температура остается одна и та же, хотя бы крайнія были различны. Чтобъ объяснить это замѣчаніе, возьмемъ два хронометра A и B, уставленные съ одинаковымъ искусствомъ, то-есть для обоихъ изъ нихъ число c имѣетъ одну величину, напримѣръ, 0,02 сек. Если хронометръ A былъ уставленъ при 8^0 и 38^0, то средняя температура будетъ 23^0 и поправка выразится чрезъ $0{,}02(23 - t)^2$; если же хронометръ B уставленъ при 0 и 26^0, то его поправка будетъ $0{,}02(13 - t)^2$. Взглянувъ на эти выраженія, тотчасъ видимъ, что когда хронометры будутъ находиться въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ годичная средняя температура есть 13^0, какъ въ шкафѣ Парижской Обсерваторіи, тогда вліяніе измѣненій этой температуры произведетъ въ ихъ ходѣ значительныя разности: ходъ хронометра B, уставленнаго при 13^0, будетъ измѣняться весьма-мало, потому-что измѣненія температуры будутъ держаться весьма-близко къ 13^0; слѣдовательно этотъ хронометръ въ Парижѣ будетъ считаться лучше хронометра A. Но перенесите хронометры въ такое мѣсто, въ которомъ средняя температура есть 22^0, тогда A покажется лучше, чѣмъ B.

Кажется, что вліяніе средней температуры при уставкѣ хронометровъ замѣчено тѣми художниками, которые приняли за правило уставлять свои хронометры при 13^0. Но если это правило помогло имъ одержать побѣду на конкурсѣ Парижской Обсерваторіи, то ихъ часы должны были оказаться неудовлетворительными на корабляхъ подъ тропиками. Итакъ, вообще сужденіе о достоинствѣ хронометровъ зависитъ отъ средней температуры или отъ географической широты мѣста, въ которомъ они дѣлаются. По этой причинѣ г. Льёссу предложилъ нѣкоторыя перемѣны въ условіяхъ конкурса, объявленнаго Морскимъ Министерствомъ въ 1839 г.

Программа этого конкурса состоитъ въ слѣдующемъ: конкурсъ открывается навсегда въ Парижской Обсерваторіи. Хронометры будутъ сравниваемы съ нормальными часами, уставленными по среднему времени, и которыхъ ходъ опредѣляется астрономическими наблюденіями. Средній суточный ходъ каждаго хронометра выводится изъ

первыхъ десяти дней каждаго мѣсяца, и потомъ вычисляется погрѣшность по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, въ предположеніи, что ходъ первыхъ десяти дней оставался безъ перемѣны; такимъ-образомъ каждый мѣсяцъ даетъ особенную погрѣшность, кромѣ двухъ послѣднихъ мѣсяцовъ года. Судя по средней величинѣ изъ такихъ десяти погрѣшностей, опредѣляется достоинство хронометра. Всякій хронометръ, котораго погрѣшность простирается до 120 секундъ, считается неспособнымъ для морской службы. Слѣдующіе за нимъ хронометры по достоинству допускаются на корабли, и оцѣниваются на основаніи слѣдующихъ условій:

Средн. погр.	*Наибольшая погр.*	*Цѣна хроном.*
30″	60″	1000 франк.
20″	50″	1500 —
15″	40″	2000 —
10″	30″	2500 —

Начиная съ 1 января 1840 г. по 1 января 1851 г., было представлено на конкурсъ 90 хронометровъ, то-есть среднимъ числомъ по 9 въ годъ, и четыре изъ нихъ были куплены, по 1,000 ф. за каждый.

Изъ предъидущаго изложенія заключеній, выведенныхъ г. Льёссу, открывается, что условія конкурса выгодны для хронометровъ, уставляемыхъ въ Парижѣ при средней температурѣ въ 13°; несмотря на то, изъ 90 хронометровъ, только четыре были куплены. Съ другой стороны, тѣ же заключенія показываютъ, что купленные хронометры могли быть не лучшіе, и что, напротивъ, отвергнуты благонадежные. По этимъ причинамъ г. Льёссу предлагаетъ ввести въ конкурсъ новыя условія:

1) Какія бы ни были крайнія температуры, при которыхъ уставленъ хронометръ, онъ можетъ быть принятъ для морской службы, если отъ перемѣны на 15°, въ полусуммѣ этихъ температуръ, суточный ходъ его перемѣняется не болѣе, какъ на 4,5 сек.

2) При постоянной температурѣ замедленіе или ускореніе хронометра не должно быть болѣе 0,8 сек. впродолженіе 90 дней

Въ запискѣ своей, г. Льёссу занимается не одною правильною оцѣнкою хронометровъ: составленныя имъ формулы онъ примѣняетъ къ употребленію хронометровъ для опредѣленія географическихъ долготъ. Этотъ предметъ, безъ сомнѣнія, обратитъ полное вниманіе практическихъ астрономовъ, и для любителей географіи мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ французскаго инженер-гидрографа.

Извѣстно, что абсолютное время, показываемое хронометромъ и вычисляемое въ предположеніи суточнаго хода постояннымъ, можетъ произвести значительныя ошибки въ географическихъ долготахъ. Чтобъ опредѣлить ихъ величину, г. Льёссу предполагаетъ хронометръ, въ которомъ перемѣны, зависящія отъ времени и отъ температуры, весьма-малы, и потомъ вычисляетъ его абсолютное время послѣ продолжительнаго морскаго путешествія. Вычисленія свои производитъ онъ по изъясненному новому способу и по способу обыкновенному, досихъ-поръ употребляемому. Послѣ тридцати дневнаго плаванія, впро

долженіе котораго температура переходила отъ 0° до 15°, для хронометра, уставленнаго при 24°, разность результатовъ обоихъ вычисленій оказывается въ 2 мин. 10,5 секундъ, то-есть въ одиннадцать льё по долготѣ. Но эта разность простиралась бы только до 2,3 сек. или до двухъ десятыхъ долей льё, еслибъ температуры начальнаго и окончательнаго пунктовъ были 19° и 34°. Итакъ, замѣчаетъ г. Льёссу, предположенный хронометръ считался бы весьма-хорошимъ подъ тропиками и весьма-дурнымъ подъ широтами сѣверными. Жалобы командировъ кораблей, весьма-часто представляемыя въ Морское Депо на получаемые изъ него часы, справедливы не абсолютно, но относительно. Такія жалобы возникали бы весьма-рѣдко, еслибъ мореходцы производили свои вычисленія не на основаніи постояннаго хода хронометровъ, который случается только при особенныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, но съ принятіемъ въ разсчетъ измѣненій этого хода, подлежащихъ постоянному закону.

Наконецъ г. Льёссу замѣчаетъ, что случайныя возмущенія въ ходѣ хронометровъ впродолженіе мореплаванія, происходящія отъ бурь, отъ пушечныхъ выстрѣловъ, и проч. должны быть кратковременны, то-есть они должны прекращаться съ уничтоженіемъ ихъ причины, и потому они не должны входить въ вычисленія по формулѣ, содержащей перемѣны отъ времени и отъ непостоянства температуры. Если эти вычисленія нѣкоторымъ морякамъ покажутся продолжительными и обременительными, то трудъ можно облегчить посредствомъ особенныхъ таблицъ, которыя давали бы желаемыя поправки прямо, безъ вычисленій.

Количественныя изслѣдованія въ Химіи. — 3) Въ мартовской книжкѣ передали мы главные результаты послѣднихъ изслѣдованій Бунзена надъ химическимъ сродствомъ; мы видѣли въ нихъ, что законъ кратныхъ отношеній примѣняется и къ тому случаю, когда количество одного тѣла, соединяющагося съ двумя, напримѣръ, другими, недостаточно для полнаго насыщенія всѣхъ ихъ. Изслѣдованія Дебуса (Annal. der Chemie u Pharm., 1853, Januar.) въ этомъ отношеніи очень-замѣчательны.

Вопросъ объ измѣреніи *химическаго сродства*, той силы, которая обусловливаетъ химическія соединенія, давно занимаетъ ученыхъ; мы видѣли однако, что законы, выведенные Бертолле, не подтверждаются опытами. Понятіе *сродства* тоже опредѣлено дурно: «силу эту, «говоритъ Дебусъ, то считаютъ тождественной съ тяготѣніемъ, сцѣп«леніемъ, электрическими силами, то чѣмъ-то совершенно-особен«нымъ... Сцѣпленіе, температура, свѣтъ и электричество имѣютъ влія«ніе, то благопріятное, то неблагопріятное, на актъ химическаго сое«диненія. Эти различныя силы слагаются въ одну равнодѣйствующую, «которой направленіе и величина обусловливаютъ родъ и быстроту «химическаго дѣйствія, также напряженіе, съ которымъ связыва«ются элементы, если произошло соединеніе. Эту равнодѣйствующую «мы будемъ называть сродствомъ». Если къ раствору барита въ водѣ прибавимъ углекислоты, то получится осадокъ углекислаго барита;

здѣсь расширительная сила углекислоты, сродство между баритомъ и водою, сродство между баритомъ и кислотою и пр. слагаются въ равнодѣйствующую, которая и производитъ образованіе осадка. Если къ водѣ, въ которой растворены известь и баритъ, въ такихъ количествахъ, что отношеніе между ними

$$\frac{B}{K} = \alpha,$$

гдѣ B—баритъ, K—известь, если къ такой водѣ прибавить углекислоты, то она соединится съ известью и баритомъ въ количествѣ, соотвѣтствующемъ сродству ея къ каждому изъ этихъ основаній; при промываніи осадка получимъ среднія соли барита и извести, и отношеніе между количествами этихъ основаній, соединившихся съ углекислотою, будетъ

$$\frac{B}{K} = \beta;$$

это даетъ намъ понятіе объ относительномъ сродствѣ барита и извести къ углекислотѣ; нужно только, чтобъ во время опыта 1) отношеніе α не измѣнилось, 2) соли были вполнѣ осаждены и 3) опыты производились при опредѣленной температурѣ.

Мы, къ-сожалѣнію, не можемъ здѣсь показать, какъ выполнены были эти условія при изслѣдованіяхъ Дебуса; замѣтимъ только, что при началѣ опыта $\alpha = 1{,}5$, въ концѣ, по выдѣленіи осадка, $\alpha = 1{,}7$, слѣдственно измѣненіе было незначительно.

Результаты изслѣдованій представляетъ слѣдующая таблица; причемъ мы беремъ изъ 16 только четыре опыта:

опыты	растворъ $\frac{B}{K} = \alpha$	осадокъ $\frac{B}{K} = \beta$	отношеніе $\alpha : \beta$.
I	0,63	0,077	8,1.
VIII	5,02	1,623	3,1.
X	6,4	1,55	4,1.
XVI	45,5	22,6	2,0.

Другими словами, если увеличивать въ растворѣ количество барита, то, соотвѣтственно съ этимъ, растетъ количество его въ осадкѣ (опыты I—VII); но если барита въ растворѣ будетъ въ пять разъ болѣе, чѣмъ извести, то отношеніе между основаніями въ растворѣ измѣняется и изъ всего количества барита осаждается только третья часть, затѣмъ, при дальнѣйшемъ прибавленіи барита, четвертая, потомъ (опытъ XVI), половина.

Очевидно, что въ опытахъ этого рода ошибки неизбѣжны; принявъ ихъ во вниманіе, увидимъ, что величины β и α находятся въ простомъ отношеніи = 8, 4, 3, 2, или, если принять одно количество извести за единицу, что барита въ растворѣ въ 8, 4, 3, 2 раза больше, чѣмъ въ осадкѣ, такъ-что, при извѣстномъ увеличеніи массы барита, или уменьшается сродство его къ углекислотѣ, или увеличивается сродство къ ней извести. Это выражаетъ *вліяніе массы на сродство.*

Замѣчательно, что не все-равно, возьмемъ ли мы смѣсь водныхъ растворовъ барита и извести, или къ раствору извести прибавимъ безводнаго барита; при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ было

опыты :	α	β	$\alpha:\beta$.
II	1,12	0,136	8,2
III	1,40	0,198	7,0,

когда соединяли растворы, и

XVII	1,55	0,478	3,2
XVIII	1,65	0,537	3,0,

когда къ раствору извести прибавляли безводнаго барита.

Когда къ жидкостямъ XVII и XVIII прибавлено было еще столько же воды, то $\alpha:\beta=2,5$. Итакъ употребленіе безводнаго барита вмѣсто гидрата, также разведеніе жидкостей водою уменьшаютъ отношеніе $\alpha:\beta$. Нужно, слѣдовательно, заключить, что распредѣленіе элементовъ извести, барита и воды въ растворѣ различно, смотря по тому, прибавленъ ли къ раствору извести водный или безводный баритъ. Чтобъ объяснить это интересное явленіе, Дебусъ говоритъ слѣдующее: если въ растворъ извести внесемъ кусокъ барита (безводнаго), то баритъ растворится не иначе, какъ выдѣливъ нѣкоторое количество извести; когда растворяется водный баритъ въ такомъ же растворѣ, то известь тоже осаждается, потому-что менѣе растворима въ щелочахъ, чѣмъ въ водѣ. Тогда баритъ, образующій гидратъ, сталкивается съ водной известью, выдѣляемой изъ жидкости, въ моментъ образованія (in statu nascenti), а извѣстно, что при этомъ соединяются часто тѣла даже при слабомъ сродствѣ. Съ атомомъ барита могутъ соединиться 10 атомовъ воды; одинъ или нѣсколько изъ нихъ, вѣроятно, могутъ быть замѣнены известью, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, или

$$BaO + HO + 9\,HO.$$
$$BaO + CaO + 9\,HO.$$

(гдѣ Ba O — баритъ, Ca O известь); такое соединеніе трудно предположить, если смѣшиваются два раствора. Какъ бы то ни было, опытъ показываетъ, что отношеніе между известью, баритомъ и водою въ свойствахъ можетъ быть различно при тѣхъ же количественныхъ отношеніяхъ; это — *изомерія жидкостей.*

Замѣчателенъ еще одинъ фактъ, подмѣченный Дебусомъ: если растворъ барита и извести извѣстной крѣпости оставить нѣкоторое время стоять спокойно и потомъ анализировать верхнюю часть жидкости, то въ ней окажется менѣе барита, чѣмъ было въ первоначальномъ растворѣ. При опытѣ XIV, вначалѣ отношеніе извести къ бариту было 1 : 12, 4; послѣ опыта это отношеніе должно бы быть 1 : 13,4, а оно было 1 : 12, 6; чрезъ двѣ недѣли это отношеніе было уже 1 : 10,8. Въ трубку, длиною въ 2 метра (сажень) налита была жидкость, въ которой отношеніе извести къ бариту было = 1 : 13; оба конца были закрыты пробками и трубка оставлена на шесть дней въ вертикальномъ положеніи; послѣ шести дней отношеніе было:

Вверху трубки К : В = 1 : 11,0.
Внизу — К : В = 1 : 13,8.

При другомъ опытѣ найдено:

Вверху трубки К : В = 1 : 11.8.
Внизу — К : В = 1 : 14,6.

Если, напротивъ, взять растворъ чистаго барита, то жидкость даже чрезъ 14 дней остается вездѣ равномѣрною. Наконецъ въ жидкости, содержавшей известь и баритъ въ отношеніи 1 : 11 и полученной раствореніемъ безводнаго барита въ известковой водѣ, послѣ 12-ти-дневнаго стоянія, не было никакой неравномѣрности въ верхнемъ и нижнемъ слояхъ. Дебусъ приводитъ эти обстоятельства, какъ причины, нарушающія точность опытовъ; впослѣдствіи намѣренъ онъ изслѣдовать ихъ. «Старое, принятое за заблужденіе, мнѣніе практиковъ «(прибавляетъ онъ), что маточный растворъ въ ящикахъ градирень, «послѣ долгаго стоянія, становится у дна болѣе-сгущеннымъ, дѣ«лается поэтому не столь невѣроятнымъ, какъ его старались выста«вить».

При опытахъ своихъ, Дебусъ принялъ, что осадокъ, послѣ промыванія, представляетъ только среднія соли барита и извести; но при двухъ, болѣе-точныхъ опытахъ, сдѣланныхъ съ цѣлью повѣрить это, оказалось, что въ осадкѣ была известь (щелочная), впрочемъ, количество ея такъ мало, что она не имѣетъ никакого вліянія на результатъ ($^1/_3$ процента).

Дебусъ намѣренъ продолжать свои изслѣдованія.

Солнечныя пятна. — Въ многочисленной группѣ физическихъ наукъ всегда существуетъ взаимная зависимость ихъ одной отъ другой, круговая порука, относительно ихъ развитія: развитіе одной часто обусловливается успѣхами другой; иногда изученіе какой-нибудь отрасли физическихъ знаній останавливается на нѣкоторое время какъ-бы въ-ожиданіи усовершенствованій въ другой отрасли, съ которой она находится въ тѣсной связи. Особенно развитіе нѣкоторыхъ отраслей подвигается впередъ медленно, шагъ за шагомъ, потому-что вполнѣ зависитъ отъ успѣховъ болѣе-обширной области познаній. Къ числу такихъ зависимыхъ отраслей точныхъ наукъ принадлежитъ и изученіе физическаго устройства солнца. Это изученіе чрезвычайно-важно, не только по высокому интересу самаго предмета его, обѣщающаго увѣнчать изслѣдованія богатыми результатами, но и по прямому значенію его для развитія теоріи свѣта. Съ другой стороны, изученіе физическаго строенія солнца, по причинѣ большаго удаленія этого свѣтила отъ нашей планеты, возможно только посредствомъ тщательнаго изслѣдованія исходящихъ изъ него лучей свѣта и теплорода. Поэтому-то успѣху въ изученіи солнца необходимо должно предшествовать многостороннее и глубокое изслѣдованіе явленій, представляемыхъ этими міровыми дѣятелями въ ихъ связи съ другими, аналогическими съ ними, и изобрѣтеніе въ высшей степени деликатныхъ, чувствительныхъ инструментовъ для наблюденій надъ этими явленіями.

Извѣстно, что солнце дѣлаетъ полный оборотъ около своей оси, почти перпендикулярной къ эклиптикѣ, въ періодъ около 25-ти дней и, поэтому, обращаетъ къ землѣ впродолженіе этого періода послѣдовательно всѣ свои меридіаны; сверхъ-того, извѣстно, что поверхность его усѣяна многими огромными темными пятнами, и что въ свѣтлой оболочкѣ, окружающей солнце (фотосферѣ), происходятъ без-

прерывныя измѣненія съ этими пятнами: появляются новыя пятна, которыхъ прежде не было, измѣняются въ формѣ или совсѣмъ исчезаютъ старыя и проч. Уже доказано, что фотосфера, въ которой, по-видимому, происходятъ темныя пятна, есть газообразная масса; но самыя пятна еще не имѣютъ удовлетворительнаго объясненія. Понятно, что ближайшее средство къ изученію ихъ заключается въ изслѣдованіи поверхности солнца относительно свѣта и теплорода, издаваемаго различными ея точками. Уже давно ощутили потребность въ изслѣдованіи этого рода и оно было давнишнимъ и однимъ изъ любимыхъ предположеній Араго̀. Относительно свѣта онъ дѣлалъ подобныя изслѣдованія съ большимъ успѣхомъ и въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» была сообщена записка его о свѣтѣ. Въ прошедшемъ году осуществлено отчасти это предположеніе и относительно теплорода, г. Секки (Secchi), директоромъ обсерваторіи въ Римѣ (Compt. Rend. T. XXXV, p. 165) и г. Вольпичелли (Volpicelli) (ibid. p. 953). Секки дѣлалъ наблюденія надъ лучистымъ теплородомъ различныхъ частей солнечнаго диска и нашелъ между ними большое различіе въ этомъ отношеніи. Наблюденія свои онъ производилъ посредствомъ термомультипликатора, термоскопическая часть котораго была извѣстнымъ образомъ помѣщена передъ окуляромъ экваторіальнаго телескопа. Напряженіе теплорода вообще уменьшается отъ центра къ окружности; но это уменьшеніе довольно-правильно распредѣлено по направленію, перпендикулярному къ оси вращенія солнца, и совсѣмъ-иначе по направленію, параллельному къ этой оси. И въ-самомъ-дѣлѣ, наибольшее напряженіе теплорода въ этомъ послѣднемъ случаѣ не соотвѣтствовало центру солнечнаго диска, но находилось выше его, а именно, очень-близко къ точкѣ пересѣченія видимаго положенія солнечнаго экватора съ оси вращенія. Основываясь на этихъ наблюденіяхъ и на томъ понятіи, что существованіе предполагаемой атмосферической жидкости надъ фотосферой обусловливаетъ возрастающее во всѣ стороны отъ центра поглощеніе теплородныхъ лучей этою жидкостью, г. Секки пришелъ къ заключенію, что напряженіе лучистаго теплорода больше на экваторѣ, чѣмъ на остальныхъ поясахъ. Меллони признаетъ это заключеніе весьма-точнымъ.

Значительная разница между температурами въ соотвѣтственныхъ точкахъ верхней и нижней частей солнечнаго дика, замѣченная въ центральной его части, совершенно исчезаетъ съ приближеніемъ къ его окружности. Причина этого явленія, по мнѣнію г. Секки, очевидна, если признать существованіе солнечной атмосферы, которая, поглощая часть проходящаго чрезъ нее теплорода, можетъ уничтожить разницу въ теплотѣ лучей, выходящихъ изъ краевъ диска, подобно тому, какъ способность нашей атмосферы поглощать свѣтъ и теплородъ чрезвычайно уменьшаетъ въ солнечныхъ лучахъ яркость и теплоту, когда солнце находится при горизонтѣ.

Итакъ, авторъ предполагаетъ, что законъ распредѣленія теплорода по направленію оси, замѣченный только въ центральной части солнечнаго диска, остается одинъ и тотъ же по всему протяженію оси до ея полюсовъ; и это дѣйствительно довольно-вѣроятно. Но предпо-

ложивъ, что въ двухъ соотвѣтствующихъ точкахъ, лежащихъ близко къ противоположнымъ краямъ диска, происходятъ различныя температуры, должно объяснить, какимъ образомъ неравныя лучеиспусканія теплорода въ двухъ точкахъ могутъ пріобрѣсти одинаковую температуру, пройдя чрезъ солнечную атмосферу? Меллони, который вообще дѣлаетъ свои замѣчанія на эти изслѣдованія Секки, сообщая о нихъ въ письмѣ къ Араго̀, не находитъ ничего общаго между предполагаемымъ ослабленіемъ теплорода, проходящаго чрезъ солнечную атмосферу и уменьшеніемъ свѣта и теплорода солнечныхъ лучей при захожденіи солнца. Меллони не считаетъ возможнымъ объяснить это явленіе, не допустивъ сначала, что на двухъ концахъ солнечной оси происходитъ теплородъ различнаго свойства. При такомъ только предположеніи возможно допущенное Секки неравенство вліянія солнечной атмосферы въ разныхъ точкахъ окружности диска, въ такомъ только случаѣ возможно большее поглощеніе теплорода этою атмосферою въ извѣстныхъ точкахъ окружности диска и меньшее въ другихъ до того, что лучеиспусканіе и въ тѣхъ, и въ другихъ точкахъ сравнивается. Притомъ лучеиспусканія теплорода, различнаго своими свойствами въ разныхъ точкахъ окружности диска, пріобрѣвъ даже одну и ту же температуру, должны сохранять эти отличительныя свои свойства. Меллони предлагаетъ гг. Секки и Вольпичелли, сдѣлать нѣсколько опытовъ съ тѣмъ, чтобъ обнаружить эти различныя свойства теплорода, исходящаго изъ двухъ крайнихъ точекъ солнечной оси вращенія, и вообще изслѣдовать разнородность лучеиспусканія теплорода въ разныхъ точкахъ солнечнаго диска. Очень возможно, что теплородъ разныхъ точекъ его представляетъ различія, подобныя тѣмъ, какія мы замѣчаемъ въ нашихъ болѣе или менѣе сильныхъ источникахъ свѣта, различія, напримѣръ, относительно прохожденія испускаемаго ими лучистаго теплорода, относительно преломленія его и разсѣянія. Меллони обнаруживаетъ большое желаніе самъ заняться изслѣдованіями этого рода; но, не имѣя возможности предпринять ихъ вполнѣ, онъ занимался изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ явленій лучистаго теплорода въ предѣлахъ нашей атмосферы, существованіе которыхъ онъ предполагаетъ также въ атмосферической оболочкѣ, окружающей фотосферу. Хотя Меллони еще не могъ представить до-сихъ-поръ полныхъ результатовъ этого изслѣдованія, требующаго времени и весьма благопріятныхъ атмосферическихъ обстоятельствъ, однако онъ пришелъ къ тому заключенію, что различныя составныя части солнечнаго теплороднаго луча, во время прохожденія своего чрезъ земную атмосферу, испытываютъ весьма различныя потери. Вотъ нѣкоторыя обстоятельства, подтверждающія это заключеніе:

Опыты, произведенные въ началѣ іюля прошедшаго 1852 года, показали, что слой воды, заключенный между двумя параллельными пластинками изъ чистаго стекла, чрезъ который проходили солнечные лучи, отраженные геліостатомъ внутрь темной комнаты, пропускали разное количество теплорода въ разные часы дня: 60 частей на 100 падающаго теплорода въ полдень и 32 части на 100 за часъ до заката солнца. Опытъ съ пластинкой изъ горнаго хрусталя, произ-

веденный при тѣхъ же обстоятельствахъ, далъ, напротивъ того, 62 части на 100 за часъ до солнечнаго захода и 30 на 100 въ полдень. Подобныя числа были тѣмъ менѣе различны, чѣмъ въ болѣе-короткій промежутокъ времени производились опыты; при повтореніи этихъ измѣреній, соотвѣтствующія числа представляли едва-замѣтныя измѣненія.

Итакъ, количество теплорода, пропускаемаго даннымъ тѣломъ, измѣняется при прохожденіи его чрезъ болѣе или менѣе-толстый слой атмосферы и притомъ измѣненія эти весьма-различны для разныхъ тѣлъ, пропускающихъ теплородъ. Это различіе измѣненій Меллони считаетъ лучшимъ доказательствомъ того, что разныя составныя части лучистаго теплорода въ различной степени поглощаются земной атмосферой, и поэтому принимаетъ, что солнечный теплородъ, получаемый землею, по мѣрѣ приближенія солнца къ горизонту, или удаленія отъ него, различается не только количествомъ, но и качествомъ. Такое заключеніе, относительно различія въ качествѣ солнечнаго теплорода, можетъ послужить, быть-можетъ, къ рѣшенію весьма-важныхъ вопросовъ науки. Можетъ-быть, оно прибавитъ нѣсколько новыхъ данныхъ для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ касательно сохраненія и развитія органической жизни на земной поверхности.

Вольпичелли воспользовался солнечнымъ затмѣніемъ, 16-го (28-го) іюля 1851 года, для наблюденій надъ распредѣленіемъ теплорода на солнечномъ дискѣ и нашелъ, что напряженіе теплорода возрастаетъ отъ окружности къ центру диска. Онъ производилъ эти наблюденія съ помощью термоактинометра Меллони и геліостата Зильбермана.

Основываясь на научныхъ соображеніяхъ, изслѣдованіяхъ Меллони и замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Араго на опыты Секки, Вольпичелли, прежде, чѣмъ приступилъ къ рѣшенію главной своей задачи, предпринялъ изслѣдованіе солнечнаго лучистаго теплорода относительно его составныхъ частей (thermochrose) и началъ это изслѣдованіе изученіемъ нагрѣвательной силы всего солнечнаго диска длятого, чтобъ перейдти потомъ къ опредѣленію нагрѣвательной силы различныхъ его точекъ. Прежде всего онъ подтвердилъ, посредствомъ многихъ теплопрозрачныхъ тѣлъ, открытіе Меллони (о которомъ было сказано выше), сдѣланное имъ для воды и кварца. Означивъ числомъ 100 напряженіе теплорода падающаго солнечнаго луча, Вольпичелли нашелъ, что явленіе, замѣченное Меллони, подтверждается на многихъ теплопрозрачныхъ тѣлахъ и можетъ служить для раздѣленія ихъ въ теплородномъ отношеніи на двѣ группы. Къ первой группѣ принадлежатъ тѣ изъ теплопрозрачныхъ тѣлъ, которыя, подобно слою воды между двумя стеклами, уменьшаютъ напряженіе теплорода въ падающемъ солнечномъ лучѣ. Въ тѣлахъ, принадлежащихъ второй группѣ, происходитъ обратное явленіе. Къ первой группѣ принадлежатъ, напримѣръ: вода, терпентинное масло, растворъ квасцовъ, азотная кислота, спиртъ, эѳиръ, обыкновенное стекло; ко второй группѣ принадлежатъ: кварцъ, квасцы, сѣрнокислая известь, зеленое, желтое и синее стекло, каменная соль, сѣрная кислота и др. Хотя числа, полученныя для этихъ тѣлъ, можетъ-быть, и измѣнятся впослѣдствіи при

повторенія опытовъ, тѣмъ не менѣе опыты Вольпичелли дали ему право вывести слѣдующія заключенія: теплородные солнечные лучи состоятъ изъ разнородныхъ частей; земная атмосфера поглощаетъ эти составныя части въ разной степени, смотря по толщинѣ слоя атмосферы, чрезъ который проходитъ лучъ; это различное поглощеніе обнаруживается теплопрозрачными (діатермическими) тѣлами, чрезъ которыя проходитъ солнечный лучъ, пройдя сначала чрезъ атмосферу; теплопрозрачныя тѣла составляютъ двѣ группы, которыя представляютъ противоположные результаты относительно поглощенія падающаго луча. Изъ этого слѣдуетъ, что не только напряженіе падающаго солнечнаго луча зависитъ отъ толщины слоя проходимой имъ атмосферы, но что отъ этой толщины слоя зависитъ также качество составныхъ частей теплорода.

Продолжая свои опыты съ тѣлами діатермическими, которымъ онъ давалъ толщину въ одинъ сантиметръ, Вольпичелли пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Кварцъ и стекло, оба прозрачные, суть тѣла наиболѣе-діатермическія для солнечныхъ лучей, достигающихъ земной поверхности; и это обстоятельство полагаетъ значительную разницу между солнечными теплородными лучами и лучами земныхъ источниковъ теплорода. Изъ этого слѣдуетъ, что рефракторы могутъ быть употребляемы для опытовъ надъ распредѣленіемъ теплорода на солнечномъ дискѣ. Разница между отклоненіями стрѣлки галванометра, произведенными свободными солнечными лучами и лучами, прошедшими чрезъ кварцъ и стекло, постоянно была въ одинъ градусъ, начиная съ полудни и до того часа, съ котораго оставалось три часа до захода солнца.

Изъ предъидущаго можно заключить, что кварцъ и стекло свободно пропускаютъ всѣ составныя части солнечныхъ теплородныхъ лучей.

2) Каменная соль значительно уменьшаетъ отклоненіе стрѣлки, производимое свободнымъ солнечнымъ лучомъ; поэтому каменная соль, относительно солнечныхъ лучей, менѣе теплопрозрачна, нежели многія другія тѣла. Въ этомъ явленіи видно новое различіе между солнечными теплородными лучами и лучами, исходящими изъ земныхъ источниковъ теплорода, для которыхъ каменная соль въ высшей степени теплопрозрачна.

Сверхъ того, найдено, что каменная соль, начиная отъ полудня и до времени за полчаса до солнечнаго захода, одинаково уменьшаетъ дѣйствіе свободныхъ солнечныхъ лучей. Это обстоятельство доказываетъ, что каменная соль одинаково дѣйствуетъ на всѣ составныя части теплороднаго солнечнаго луча и, слѣдовательно, тепло-безцвѣтна (атермохроична) для солнечнаго теплорода также, какъ и для земныхъ источниковъ. Если пропускать солнечный лучъ чрезъ кусокъ каменной соли толщиною около 0,15 метра, то совсѣмъ не получится отклоненія стрѣлки, между-тѣмъ, какъ отъ лампы Локателли будетъ отклоненіе на одинъ градусъ. Слѣдовательно, предположивъ, что солнце есть источникъ всѣхъ родовъ теплородныхъ лучей, что̀ весьма-вѣроятно, можно заключить изъ предъидущаго опыта, что атмосферы солнечная и земная поглощаютъ бо̀льшую часть лучей, которыми изоби-

дуютъ земные источники свѣта и которые Меллони называетъ темными лучами. Эти лучи, по изслѣдованіямъ Меллони, имѣютъ свойства прохожденія чрезъ средины и лучеразсѣянія совсѣмъ особенныя и отличныя отъ подобныхъ же свойствъ, принадлежащихъ свѣтлымъ лучамъ теплорода.

3) Есть тѣла, какъ, напримѣръ, дымчатая каменная соль, кристаллическіе квасцы и гипсъ, цвѣтныя стекла, синія или зеленыя, которыя дѣлаютъ равными всѣ различныя отклоненія стрѣлки, производимыя свободнымъ солнечнымъ лучомъ во время различныхъ возвышеній солнца надъ горизонтомъ, такъ-что лучъ, проходящій чрезъ которое нибудь изъ этихъ тѣлъ, производитъ одно и то же отклоненіе стрѣлки термомультипликатора во всѣ часы дня, начиная съ полудня и до времени за три четверти часа до захода. Это приводитъ къ заключенію, что такія и подобныя имъ тѣла обладаютъ способностью поглощать теплородные лучи обратно пропорціонально напряженію свободныхъ лучей, падающихъ на эти тѣла. Въ этомъ явленіи видно новое различіе между теплородными лучами солнца и земными источниками теплорода.

4) Многія теплопрозрачныя тѣла, какъ, напримѣръ, стекло и кварцъ, свободно пропускаютъ солнечные лучи передъ заходомъ солнца, такъ-что отклоненіе стрѣлки почти одно и то же предъ погруженіемъ въ нихъ луча и послѣ выхода его изъ нихъ. Это показываетъ, что солнечные теплородные лучи, по мѣрѣ увеличенія атмосфернаго слоя, чрезъ который они проходятъ, дѣлаются болѣе способными проходить чрезъ означенныя выше теплопрозрачныя тѣла.

5) Если солнечный лучъ пропустить чрезъ три сложенныя вмѣстѣ пластинки, одну изъ каменной соли, другую изъ прозрачныхъ квасцовъ, третью изъ кристаллическаго гипса, то прошедшій чрезъ нихъ лучъ сохранитъ бѣлый свѣтъ, но будетъ замѣтно лишенъ теплородныхъ лучей. Это явленіе доказываетъ, что различныя теплоокрашиванія (termochroses) (*) двухъ пластинокъ, изъ квасцовъ и изъ кристаллическаго гипса, взаимно вознаграждаются. Этимъ способомъ мы можемъ до того ослабить нагрѣвательную силу солнечныхъ лучей, что она сравняется съ нагрѣвательной силой луны, между-тѣмъ, какъ яркость свѣта этихъ лучей будетъ гораздо-больше яркости свѣта лучей лунныхъ.

6) Замѣчено еще, что количество теплорода солнечныхъ лучей, проходящихъ чрезъ нѣсколько различныхъ пластинокъ, не зависитъ отъ порядка, въ которомъ эти пластинки расположены.

7) Свободный солнечный лучъ, то-есть такой, который не прошелъ

(*) Теплоокрашиваніе, или теплоцвѣтность (thermochrôse) — свойство тѣлъ и теплородныхъ лучей, которое, относительно теплорода, есть то же самое, что *цвѣтъ* тѣлъ и свѣтовыхъ лучей относительно свѣта; тепло-безцвѣтность (athermochrôse) — свойство противоположное, соотвѣтствующее безцвѣтности. Поэтому тѣла и теплородные лучи могутъ быть теплоцвѣтные (thermochroiques) и теплобезцвѣтные (athermochroiques). См. La Thermochrôse ou la coloration calorifique, par Macédoine Melloni, première partie, pag. 167. Naples 1850.

ни чрезъ одно изъ теплопрозрачныхъ (діатермическихъ) тѣлъ, кромѣ атмосферы, сохраняетъ неизмѣнно свое теплородное напряженіе съ полудня до 3 час. 30 мин.; послѣ того онъ ослабѣваетъ и дѣлается опять постояннымъ въ послѣднія три четверти часа передъ заходомъ солнца.

Вольпичелли оканчиваетъ свое письмо къ Араго̀, въ которомъ онъ изложилъ свои изъисканія, двумя замѣчаніями: одно касается сдѣланныхъ ужь опытовъ для опредѣленія, какимъ-образомъ напряженіе теплорода распредѣлено на солнечномъ дискѣ, а другое касательно опытовъ, которые должно произвести для этого опредѣленія.

Вопервыхъ, онъ находитъ весьма-естественнымъ наблюденіе Секки, что температуры двухъ крайнихъ, діаметрально-противоположныхъ точекъ на солнечномъ дискѣ, весьма-мало различаются одна отъ другой, потому-что такія двѣ точки вполнѣ взаимно соотвѣтственны, ибо находятся въ одинаковомъ положеніи и относительно полюса, и относительно экватора солнца. Вовторыхъ, по его мнѣнію, наблюденіе должно производить слѣдующимъ образомъ, если допустить предположеніе, что напряженіе теплорода уменьшается отъ экватора къ полюсамъ: въ тотъ періодъ года, когда солнце имѣетъ такое положеніе, что видимый экваторъ его лежитъ выше центра солнечнаго диска и, слѣдовательно, сѣверный полюсъ солнца невидѣнъ, а южный, видимый, находится на самомъ дискѣ, наблюденія должно произвести отъ нижней точки диска до экватора. Кривая линія составленная на основаніи этихъ наблюденій и выражающая послѣдовательныя измѣненія въ напряженіи теплорода на солнечномъ дискѣ по означенной линіи, должна понижаться, начиная отъ нижней точки диска до той точки на самомъ дискѣ, которая соотвѣтствуетъ южному полюсу; здѣсь будетъ наибольшее пониженіе кривой (слѣдовательно наименьшее напряженіе теплорода); далѣе кривизна постепенно повышается и достигаетъ наибольшаго возвышенія выше центра диска, на экваторѣ: здѣсь наибольшее напряженіе теплорода. Въ другой періодъ года, когда экваторъ лежитъ ниже центра солнечнаго диска, южный полюсъ невидимъ, а сѣверный полюсъ находится на дискѣ надъ центромъ его; кривая линія, выражающая измѣненія теплорода на дискѣ, должна имѣть прежнюю кривизну, но только въ обратномъ направленіи, то-есть начиная съ самой верхней точки диска до экватора. Наконецъ, въ третьемъ періодѣ года, когда солнце имѣетъ такое положеніе, что оба полюса его видимы и находятся на противоположныхъ вершинахъ диска, а экваторъ проходитъ чрезъ его центръ, кривая линія напряженій теплорода должна имѣть наибольшія пониженія на краяхъ и, начиная отъ нихъ, должна постепенно возвышаться до цетра, гдѣ высота ея должна быть наибольшая.

Вольфъ изложилъ въ письмѣ своемъ къ Араго̀ (Com. r. t. XXXV. p. 364) результаты, полученные имъ при сравненіи чиселъ солнечныхъ пятенъ, выведенныхъ г. Швабе въ Дессау, для многихъ послѣдовательныхъ лѣтъ, съ годичными средними числами, выведенными Ламономъ въ Мюнхенѣ, для магнитныхъ склоненій. Результатъ этихъ сравненій состоитъ въ слѣдующемъ:

Числа солнечныхъ пятенъ и измѣненія среднихъ склоненій магнитной стрѣлки представляютъ одни и тѣ же періоды въ $10^1/_3$ лѣтъ и сверхъ-того эти періоды соотвѣтствуютъ другъ другу до малѣйшей подробности, такъ-что числа солнечныхъ пятенъ достигаютъ своей наибольшей величины въ то же самое время, какъ и магнитныя склоненія.

Изъ этого можно сдѣлать прямое заключеніе, что первоначальная причина этихъ двухъ измѣненій, на солнцѣ и на землѣ, должна быть одна и та же. Вольфъ полагаетъ, что связь, открытая имъ между этими двумя явленіями, будетъ служить основаніемъ для рѣшенія многихъ важныхъ вопросовъ, которыхъ не было возможности коснуться до настоящаго времени.

Индуктивные токи при скручиваніи желѣза. — Давно извѣстно, что желѣзная проволока, находясь подъ вліяніемъ земнаго магнитизма, намагничивается постояннымъ образомъ, то-есть дѣлается магнитомъ, если ее скрутить такъ, чтобъ она осталась въ этомъ видѣ. Явленіе это стараются объяснить тѣмъ, что скручиваніе дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ и всякое другое механическое сотрясеніе, то-есть, что оно облегчаетъ разложеніе двухъ магнитныхъ жидкостей, и что въ то же время оно сообщаетъ желѣзу извѣстную задерживательную силу (force coërcitive).

Вертеймъ (Wertheim) (Comp. rend. t. XXXV, p. 702) полагаетъ, что понятіе это основывается на неполныхъ наблюденіяхъ; скручиваніе, по его мнѣнію, дѣйствуетъ совсѣмъ особеннымъ образомъ, заставляя матеріальныя частицы располагаться въ спираль и придавая такимъ-образомъ самому веществу желѣза форму, которую Амперъ приписывалъ внутреннимъ токамъ. Сообщаемъ нѣкоторые результаты его опытовъ.

Скручиваніе производитъ магнитныя явленія временныя, когда оно было временное, то-есть не превышало предѣла упругости желѣза, которое подвергали скручиванію, такъ-что оно приняло потомъ прежній свой видъ и частицы его приняли прежнее положеніе; напротивъ того, если скручиваніе желѣза произведено постояннымъ образомъ, то-есть съ такою силою, что желѣзо сохраняетъ сообщенную ему этимъ дѣйствіемъ скрученную форму, то и магнитизмъ, возбужденный въ немъ, будетъ постоянный, то-есть останется въ немъ. Скручиваніе вообще способствуетъ магнитнымъ явленіямъ въ желѣзѣ, слѣдовательно, если они происходили въ немъ, то усиливаются отъ скручиванія; напримѣръ, желѣзная полоса, намагниченная до насыщенія, частью размагничивается въ то время, когда оно подвергается временному скручиванію, и снова намагничивается во время раскручиванія; или, другими словами, въ немъ возбуждается обратный токъ во время скручиванія и прямой — во время раскручиванія, въ какомъ бы направленіи ни производилось скручиваніе. Подъ именемъ намагничиванія до насыщенія (aimantation à saturation) Вертеймъ разумѣетъ состояніе магнитическаго равновѣсія, въ которомъ находится желѣзо въ то время, когда ему сообщено столько магнитизма, сколько оно можетъ принять

при дѣйствіи извѣстнаго тока, или когда оно потеряло, по прекращеніи тока, весь магнитизмъ, который не могло удерживать. Надъ временнымъ скручиваніемъ Вертеймъ производилъ свои опыты такимъ образомъ железная полоса, намагниченная на одномъ своемъ концѣ посредствомъ спиральной проволоки, соединенной съ галванической парой, въ то время, когда ее скручивали, возбуждала на другомъ своемъ концѣ индуктивный токъ въ другой спиральной проволокѣ, соединенной съ гальванометромъ. Отклоненіе стрѣлки этого гальванометра обнаруживало дѣйствіе скручиванія, потому-что, безъ скручиванія, магнитизмъ, возбужденный въ полосѣ на противоположномъ концѣ, не передавался гальванометру. Дѣйствіе постояннаго скручиванія онъ наблюдалъ на двухъ пучкахъ изъ желѣзныхъ проволокъ, которыя были предварительно скручены постояннымъ образомъ въ противоположныя стороны: одинъ пучокъ закрученъ направо, а другой налѣво. Надъ этими пучками опытъ производился такимъ же способомъ, какъ надъ полосами. При временномъ скручиваніи, сообщаемомъ этимъ пучкомъ, происходили магнитныя явленія, а именно: всякое временное скручиваніе или раскручиваніе, которому подвергался пучокъ по направленію постояннаго его скручиванія, производило намагничиваніе или прямой токъ, а скручиваніе или раскручиваніе въ противоположную сторону, производило размагничиваніе или обратный токъ. Вертеймъ полагаетъ, что опыты его должны возбудить довольно-важныя теоретическіе вопросы; онъ предположилъ разобрать ихъ при своихъ теперешнихъ изслѣдованіяхъ надъ скручиваніемъ вообще твердыхъ тѣлъ.

Отъ длины намагниченныхъ полосъ зависитъ ли ихъ притяженіе? — Этотъ вопросъ, весьма-важный для практической физики, до-сихъ-поръ оставался предметомъ спора между гг. Ленцомъ, Якоби, Мюллеромъ и Дубомъ. Первые физики разрѣшали его отрицательно, послѣдній же утверждалъ, что притяженіе электро-магнитовъ увеличивается съ длиною ихъ вѣтвей. Безъ новыхъ опытовъ трудно было рѣшить споръ между физиками, извѣстными своею ученостью и искусствомъ. Эти опыты произвелъ недавно Никлесъ и достигъ до заключенія, что правы и виноваты обѣ спорющія стороны: правы въ своихъ заключеніяхъ, выведенныхъ изъ ихъ опытовъ; но виноваты въ томъ, что заключенія свои почли всеобщими, примѣнимыми ко всѣмъ возможнымъ опытамъ. Гг. Ленцъ, Якоби и Мюллеръ производили опыты надъ электро-магнитами, согнутыми въ видѣ подковы: такіе снаряды дѣйствуютъ на оправы или подставки обоими полюсами, и потому длина ихъ вѣтвей не имѣетъ никакого вліянія на ихъ силу притяженія. Но совсѣмъ другое оказывается въ электро-магнитахъ прямолинейныхъ: въ нихъ каждый полюсъ дѣйствуетъ отдѣльно и вмѣстѣ съ тѣмъ они противодѣйствуютъ другъ другу; слѣдственно *à priori* можно предвидѣть, что чѣмъ длиннѣе электромагнитъ, тѣмъ сильнѣе будетъ его притяженіе, потому-что тѣмъ слабѣе будетъ противодѣйствіе полюсовъ. Эту теорію Никлесъ доказалъ опытами простыми, которые можно показывать на лекціяхъ,

*

и опытами *учеными*, которые возможны только въ кабинетахъ профессоровъ и академиковъ. Мы упомянемъ здѣсь только объ опытахъ перваго рода.

Для оправъ или подставокъ Никлесъ выбиралъ куски желѣза, которыхъ массы соотвѣтствовали силѣ магнитныхъ токовъ, и которые были притягиваемы, но не могли быть удерживаемы электро-магнитами; но когда на верхній полюсъ магнита накладывался цилиндръ изъ мягкаго желѣза, тогда самая тяжелая изъ подставокъ приставала къ этому цилиндру. Подобные опыты можно разнообразить и рѣшительно увѣриться, что сила магнита увеличивается съ его длиною. Притомъ, если токъ ослабѣваетъ, то и притяженіе магнита становится слабѣе; оно опять усиливается съ возобновленіемъ силы магнитнаго тока.

Самородное желѣзо въ окаменѣломъ деревѣ.—Г. Баръ нашелъ желѣзо въ окаменѣломъ деревѣ на одномъ изъ пловучихъ островов Ралонгенскаго Озера въ Смоландѣ (Швеціи). Пловучими островами называютъ острова, по временамъ являющіеся на поверхности воды, обыкновенно осенью, въ августѣ или сентябрѣ, а потомъ снова исчезаютъ и нѣсколько лѣтъ иногда остаются подъ водою. Островъ, который наблюдалъ г. Баръ, составляетъ, кажется, мысъ, потопленный нѣкогда наводненіемъ и поросшій до того времени лѣсомъ, изъ котораго многіе пни еще свѣжи и принадлежатъ къ породѣ елей.

Образцы окаменѣлаго дерева, представленнаго для химическаго анализа, были отдѣлены отъ самаго толстаго пня графомъ Шпарре, когда островъ, послѣ четырехлѣтняго погруженія, снова появился на поверхности озера, въ 1798 году. На этомъ толстомъ пнѣ видны надписи, указывающія на эпохи, когда островъ этотъ появлялся въ прежнее время.

При первомъ взглядѣ, окаменѣлое это дерево похоже на болотное желѣзо; но, разсмотрѣвъ его внимательно, открывается, что это настоящее дерево, принадлежавшее широколиственной породѣ, и вѣроятно дубу. Оно твердо, но не такъ хрупко, какъ болотное желѣзо. Превращенное въ порошокъ, оно бываетъ темножелтаго цвѣта. Специфическій вѣсъ отъ 3, 8 до 39. Впрочемъ, это зависитъ отъ количества и содержащагося въ немъ желѣза.

Это ископаемое вещество легко можно растолочь въ иготи; но подъ ступкою слышны частицы желѣза, противящіяся ударамъ. Желѣзо встрѣчается то въ видѣ мелкаго порошка, то круглыми зернами, то полосками. Нѣкоторыя изъ зеренъ вѣсомъ около дециграмма. Просѣявъ желѣзный порошокъ сквозь сито и отдѣливъ мелкія частицы отъ крупныхъ, можно, посредствомъ магнита, отдѣлить порошокъ, который, въ соединеніи съ хлористоводородною кислотою, освобождаетъ водородъ.

Желѣзныя зерна, смѣшанныя съ крупнымъ порошкомъ, легко отсѣляются отъ желѣзистой окиси водорода. Они весьма скважисты плющиваются молотками и при дистиллировкѣ обнаруживаютъ слѣды,

органической матеріи, что препятствуетъ точному опредѣленію специфическаго вѣса.

Разсматривая въ сильный микроскопъ частицу массы, содержащейся между желѣзными частицами, смочивъ ее сперва каплею хлористоводородной кислоты, чтобъ распустить желѣзистую окись водорода, явно видны слѣды древесины со всѣмъ ея органическимъ устройствомъ, принадлежащимъ, по мнѣнію профессора Вальберга, къ породѣ широколиственныхъ деревьевъ.

Погрузивъ кусокъ этого минерала въ разжиженный растворъ мѣдно-сѣрнокислой соли, мѣдь осаждается въ видѣ сѣти изъ шестиугольной нити. Эта форма осадка доказываетъ, что для опыта взята была поперечная часть дерева. Съ другимъ кускомъ обнаружились еще явственнѣе продольныя фибры дерева. Для сравнительнаго опыта, брали кусокъ палласова желѣза. Мѣдь осаждалась также неровно, но не представляла ужь ни малѣйшихъ слѣдовъ органическаго устройства.

При химическомъ разложеніи оказалось въ этихъ желѣзныхъ зернахъ, кромѣ желѣза, частицы ванадія, никкеля, кобальта, слѣды марганца, извести, магнезіи, глинозема, фосфорической и кремнеземной кислотъ.

Эти опыты, дѣланные для доказательства, что металлическое желѣзо, находящееся въ окаменѣломъ деревѣ, самородное, вполнѣ подтверждаются.

Г. Баръ полагаетъ, что желѣзо это произведено реакціею желѣзныхъ солей при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, подъ вліяніемъ какого-нибудь электрическаго тока, между древесиною и поглощаемыми ею веществами. Во всякомъ случаѣ открытіе этого самороднаго желѣза весьма-замѣчательно.

Голкондскія брильянтовыя копи.— Металлическія богатства Деканской Области ограничиваются теперь нѣкоторымъ количествомъ кварца разныхъ цвѣтовъ, гранатовъ и аметистовъ, до того малоцѣнныхъ, что ихъ толкутъ для составленія цемента, изъ котораго выдѣлываютъ точильные камни. Знаменитыя брильянтовыя копи, изъ которыхъ добытъ ко-и-нуръ, находятся въ Пуртеалѣ между Гейдерабадомъ и Мазулипатамомъ. Разработываемая почва лежитъ на слою гранита. Но прежнія разработки произвели столько обваловъ, что не болѣе, какъ въ двухъ мѣстахъ производятся теперь копи. Правительство отдало ихъ крестьянамъ на откупъ за 25 фр. въ годъ; и если откупщики находятъ камни цѣною въ 4—5 рупій (10—12½ фран.) каждый мѣсяцъ, то почитаютъ себя счастливыми. Вотъ въ какомъ положеніи находятся теперь знаменитыя нѣкогда голкондскія копи.

Рыбная ловля въ Ирландіи. — Нѣкогда Ирландія жаловалась на чрезмѣрное изобиліе рыбы; теперь сѣтуетъ на недостатки ея.

Стенгорстъ, историкъ XIV-го вѣка, пишетъ, что рыболовы Нигскаго Озера и береговъ рѣки Банна, на сѣверѣ Ирландіи, съ горестью ежедневно видѣли, что сѣти ихъ разрываются отъ тяжести наловленной рыбы. По генеалогическимъ манускриптамъ узнаемъ мы, что графъ

Тирконель, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Ирландіи, вымѣнивалъ свою рыбную ловлю на иностранныя вина. По изобилію рыбы въ его помѣстьи, его прозвали *Рыбнымъ Королемъ.*

Въ 1610 году одна лондонская компанія платила тысячу серебряныхъ марокъ въ годъ за аренду рыболовства въ Фойлѣ и Баннѣ, а потомъ сэръ Джемсъ Гамильтонъ давалъ ужь за этотъ откупъ 800 фунтовъ стер. Въ 1628 *году* за одну фойльскую аренду платили 1000 ф. стер. Надобно замѣтить при этомъ, что деньги были тогда въ десять разъ дороже нежели теперь. Въ 1838 же году фойльская, баннская и мойская аренды давали всѣ три вмѣстѣ только 1250 фун. стерлинговъ.

Спенсеръ описываетъ, что въ сюирскихъ водахъ семга тысячами бросала икру. Наконецъ при Карлѣ I, герцогъ Ормондъ писалъ Эвелейну, что семги такъ много въ ирландскихъ рѣкахъ, что ее ловятъ собаками.

Въ прежнія времена вывозилось множество семги изъ Ирландіи въ Англію, а еще болѣе въ Италію, гдѣ эту рыбу любятъ во время поста. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія торговля эта еще болѣе усилилась употребленіемъ шотландскихъ сѣтей, выставляемыхъ въ низовьяхъ рѣкъ. Наконецъ пароходы быстрою перевозкою рыбы вполнѣ развили эту промышленость.

Какимъ же образомъ, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, семга теперь сдѣлалась въ Англіи совершенно-аристократическимъ блюдомъ? Почему, въ лучшее время года, для ловли хорошая большая семга стòитъ дороже барана? Надобно объяснить этотъ фактъ.

Со времени Карла-Іоанна законы старались всегда не допускать никого до исключительныхъ правъ на ловлю семги; но помѣщики устроивали въ рѣкахъ множество запрудей; иныя изъ нихъ сооружались изъ прочнаго матеріала со шлюзами, или рѣшетками для спуска воды; но бòльшая часть состояли изъ палисадника, переплетеннаго вѣтками, сквозь который не могли проходить не только рыбы, но и икра, оставшаяся при отливѣ на сухомъ пути и погибающая вся даромъ.

Этихъ запрудей теперь въ Ирландіи двадцать-четыре въ рѣкахъ Ватерфордскаго Графства и двадцать-двѣ въ Лисморскомъ Округѣ. Капитанъ Фразеръ, осматривавшій судоходство блакуотерское, нашелъ тридцать-три запруди на пространствѣ шестнадцати миль. Онъ говоритъ, что въ этихъ огромныхъ запрудяхъ, гдѣ и окунь съ трудомъ пройдетъ, остается при каждомъ отливѣ огромное количество рыбъ, а въ томъ числѣ и семги, что̀, безъ-сомнѣнія, было причиною истребленія и нынѣшней рѣдкости этой породы рыбъ.

Приверженцы этихъ запрудей увѣряютъ, что запруди спасаютъ семгу отъ хищности тюленей и морскихъ свинокъ, по поговоркѣ рыболововъ, что гдѣ много тюленей, тамъ много и семги; но запруди, напротивъ того, благопріятствуютъ этимъ врагамъ семги. Смѣлость тюленей извѣстна. Они перескакиваютъ черезъ обыкновенныя сѣти въ ту минуту, когда ихъ тянутъ на берегъ и въ глазахъ рыболововъ похищаютъ рыбу. Вообще нѣтъ ни одной запруди, или сѣти, которая бы не была осаждаема двумя-тремя тюленями, а иногда и болѣе. Недавно одного нашли въ самой запруди. Онъ былъ величиною съ по-

порядочнаго медвѣжонка. Когда его притащили на берегъ, онъ выбросилъ изъ желудка своего пять, или шесть головъ семги.

Морскія свиньи не такъ умны, но быстрѣе тюленя. Онѣ вездѣ преслѣдуютъ семгу по рѣкамъ Шаннону, Теѣ и другимъ; они охотятся цѣлыми стаями, плывя на поверхности воды. Морскія свиньи преслѣдуютъ, однакожь, семгу въ глубокихъ водахъ, а не пускаются на мелководныя мѣста, тогда-какъ семга любитъ отмели и не любитъ большой глубины. Въ заливахъ слѣдуетъ она по всѣмъ изгибамъ, хотя бы не было тутъ рѣкъ, и никогда не переплываетъ бухту поперегъ. Но здѣсь ждутъ рыбу всѣ опасности. На берегу разставлены рыболовныя сѣти: если она уклонится отъ нихъ въ глубину, тамъ караулитъ морская свинья — и семга погибаетъ. Замѣчательно, что съ-тѣхъ-поръ, какъ въ Теѣ сняли сѣти, исчезли тамъ и морскія свиньи.

Изъ этого видно, что постоянныя сѣти, дозволенныя закономъ 1842 года, гораздо-вреднѣе прежнихъ запрудей. До 1842 года ирландскія рыбныя ловли давали круглымъ числомъ въ годъ по двѣсти тоннъ каждая; въ этомъ же году фойльская дала триста тоннъ, баннская столько же, а шаннонская больше всѣхъ. Въ одномъ городѣ Глиннѣ продано семги на 8,000 фунтовъ стерлинговъ. Теперь, что̀ осталось изъ всего этого богатства? Что̀ даютъ эти рыбныя ловли въ тысячу, двѣ даже три тысячи дохода прежняго времени?

Въ февралѣ 1851 года фойльская рыбная ловля отдавалась на откупъ. Никто не являлся на торги. По донесеніямъ судебныхъ мѣстъ видно, что многія небольшія рыбныя ловли, приносившія прежде до 600 фунт. стер., не давали и пяти пенсовъ. Въ послѣднія десять лѣтъ всѣ разорены, или близки къ разоренію.

Для Ирландіи это самое печальное положеніе. Поля ея безплодны, потому-что хлѣбъ истребляется насѣкомыми, картофель ея пораженъ болѣзнью, деревни опустѣли отъ переселеній въ Америку, наконецъ и рѣки, гдѣ прежде такъ было много рыбы, не питаютъ больше жителей.

Закономъ 1842 года предписано было прекращать рыбную ловлю 20 августа. Въ 1846 году срокъ этотъ продолженъ до 31 числа, кромѣ тѣхъ, которые ловятъ рыбу удочками и которымъ позволено было продолжать свои занятія до 14 сентября.

Время бросанія икры семги начинается съ октября Самый сильный періодъ бросанія въ половинѣ ноября и продолжается до конца декабря. Въ это время семги попарно поднимаются вверхъ по рѣкамъ, дѣлаютъ углубленія въ пескѣ и кладутъ туда икру. Въ октябрѣ, когда еще температура довольно-тепла, икра скоро развивается, то-есть въ-теченіе девяноста дней; но если начнется ранній холодъ, то для этого нужно отъ ста до ста-сорока дней.

Въ Ирландіи употребляютъ много противозаконныхъ средствъ, чтобъ тайно захватывать рыбу и икру. Фразеръ однажды осматривалъ старую мельницу на берегу одной рѣки Южной Ирландіи. Мѣсто было уединенное; русло рѣки каменистое и проходило по глубокой долинѣ; берега мѣловые. Колеса мельницы ужь разрушались и видимо не могли служить длятого, чтобъ молоть муку. Хозяинъ сознался, что онъ занимается оттачиваніемъ косъ и серповъ. При внимательномъ

осмотрѣ, увидѣли, что вода изъ шлюза проходила подъ одною комнатою, гдѣ въ полу нашли скрытый люкъ, приподнявши который, увидѣли, что тамъ устроена была очень-искусная сѣть для рыбы. Когда семга спускалась внизъ по рѣкѣ, то опускали желѣзную рѣшетку, преграждавшую путь рыбѣ, когда же поднималась вверхъ, то ударялась о желѣзныя острія рѣшетки. Заперевъ шлюзъ, рыбу легко можно было вынуть.

Икра еще легче попадается въ подобныя сѣти. Крестьяне добываютъ ее возами и кормятъ ею свиней. Это подтверждается закономъ, изданнымъ во времена Елисаветы, по которому всѣ свиньи, поядающія на берегахъ рѣкъ икру угрей, семги и другихъ рыбъ, конфискуются въ казну.

Производятся по ночамъ и другія непозволенныя средства къ добыванію рыбы и икры.

Семга мечетъ до 15,000 яицъ. Цѣна ирландской семги въ Лондонѣ сто фунтовъ стерлинговъ за тонну. Положимъ, что изъ всего количества икры спасется хоть 50% отъ враговъ, и что каждое зерно остальной икры дастъ рыбу въ восемь фунтовъ. Цѣнность ея, значитъ, будетъ составлять 225 фунт. стер. Такимъ-образомъ если только пятьсотъ паръ семги воспользуются покровительствомъ законовъ, общество выиграетъ 112,500 ф. стер.

Въ Шотландіи рыбныя ловли въ Люкки и Спинѣ отдаются на откупъ за 470 ф. стер.

Г. Шау съ совершеннымъ успѣхомъ произвелъ изъ икры семгу посредствомъ искусственнаго оплодотворенія и держалъ молодыхъ рыбъ до той минуты, когда инстинктъ ихъ требуетъ свободы для переселеній въ море. Тутъ надзоръ воспитателя кончается. Задержите ихъ — и они всѣ умрутъ. Шау отперъ имъ шлюзы и далъ свободу. Въ морѣ молодая семга растетъ чрезвычайно-быстро; и если сѣти, или другіе враги не остановятъ ее, она непремѣнно придетъ опять въ томъ же году въ ту рѣчку, гдѣ получила жизнь. Въ два мѣсяца пребыванія своего въ морѣ, она отъ двухъ унцій вѣса достигаетъ до пяти–шести фунтовъ.

Цыганы въ Испаніи. — Племя Цыганъ составляетъ такую значительную часть народонаселенія Испаніи, особенно въ южныхъ ея провинціяхъ, что для всякаго любопытно видѣть ихъ нравы, привычки, занятія и изслѣдовать языкъ.

Испанія была послѣднею страною, куда проникли Цыганы и гдѣ они распространились болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Это произошло въ такое время, когда ихъ изгоняли изъ многихъ другихъ государствъ, а именно, въ 1560 году. Нѣтъ ни одной испанской провинціи, гдѣ бы ихъ не было, нѣтъ деревни, которой бы они не посѣщали.

Извѣстно, что цвѣтъ кожи Цыганъ оливковый, а глаза и волосы черные; но нѣкоторые изъ нихъ бываютъ и бѣлокуры. Тѣлосложеніемъ они гибки и сильны. Ни жаръ, ни стужа не производятъ надъ ними неблагопріятнаго дѣйствія, но, несмотря на свою тѣлесную силу,

они малодушны и не иначе рѣшаются на какую-нибудь ссору, какъ сговорившись съ другими соотечественниками и въ большомъ числѣ. И тогда, если сила на ихъ сторонѣ, то можно быть увѣреннымъ, что Цыганъ соединяетъ хитрость съ жестокостью. Къ постоянной работѣ онъ не годится: всякое честное и порядочное ремесло не по его вкусу. Средствомъ къ существованію бываетъ у него не всегдашнее занятіе и трудъ, но дѣятельность спекуляцій всякаго рода, къ которымъ такъ способенъ гибкій его характеръ. Даже лучшіе Цыганы, отличающіеся трудолюбіемъ и честностью, не любятъ быть ремесленниками.

Занятія Цыганъ испанскихъ тѣ же, какъ и въ другихъ земляхъ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ, собственно-принадлежащихъ одной Испаніи. Въ числѣ первыхъ: плетеніе корзинокъ, ситъ и ковка лошадей; къ послѣднимъ принадлежатъ: стрижка муловъ и ословъ. По причинѣ ли здѣшнихъ жаровъ, или для чистоплотности, въ Испаніи существуетъ обыкновеніе обстригать у этихъ животныхъ шерсть съ половины шеи на спинѣ внизъ по брюху, обрѣзывая даже часть хвоста. Дрессировка лошадей, въ которой съ Цыганами соперничествуютъ Евреи, а наконецъ бой быковъ принадлежитъ также къ занятіямъ Цыганъ.

По разнымъ отдѣльнымъ провинціямъ занятія ихъ слѣдующія:

Въ Малагѣ и Кадиксѣ живутъ богатѣйшіе Цыганы, составляющіе между ними родъ аристократіи. Здѣсь нажились они торговлею, и между тамошними богатыми негоціантами много Цыганъ. Въ среднемъ сословіи у многихъ Цыганъ есть свои домы. Больше всего занимаются они продажею мяса, торгуя притомъ волами. Далѣе между Цыганами много берейторовъ и бойцовъ съ быками. Цыганки разносятъ для продажи масло и сами дѣлаютъ колбасы. Низшее сословіе занимается подковываніемъ лошадей и фабрикаціею гвоздей, также стрижкою муловъ и овецъ.

Въ Севильѣ также множество Цыганъ. Предмѣстье Тріано наполнено ими. Уличные мальчишки бо̀льшею-частью изъ Цыганъ, нерѣдко бросаютъ каменьями во всякаго *гача* (не-Цыгана). За то всякій пріѣзжій тотчасъ же узнаетъ прелестныхъ хитанъ съ дико-пламенными ихъ глазами. Всѣ здѣшніе и иностранные живописцы, начиная съ Мурильйо, брали себѣ этихъ красавицъ вмѣсто моделей. Старухи продаютъ печеные каштаны и разносятъ *рекадосы* (любовныя письма). Гаданьемъ занимаются и молодыя и старыя, какъ говоритъ одинъ испанскій поэтъ:

Con gracia y desenvoltura
Dice à todos la Gitana
Su buena ò mala ventura.

(Съ пріятною смѣлостью говоритъ всякому Цыганка будущее его счастіе или несчастіе.)

Мужчины занимаются торгомъ лошадей, объѣзжаютъ ихъ, подковываютъ, стригутъ, и проч.; другіе продаютъ разные мелочные товары. Много есть между ними и ростовщиковъ.

Въ Кордовѣ, Алхезирасѣ, Гибралтарѣ съ одной стороны, въ Мурсіи, Валенсіи и Барселлонѣ съ другой, живетъ самая грязная часть цыганскаго народонаселенія.

О Гренадѣ стоитъ упомянуть въ-особенности. Здѣсь Цыгане во многихъ поколѣніяхъ смѣшались уже съ Испанцами, и Цыгане большею частью живутъ въ Альбансинскомъ Предмѣстьи, гдѣ дѣти танцуютъ знаменитую испанскую пляску, въ-сравненіи съ которой всякіе другіе танцы могутъ назваться чиннымъ менуэтомъ. Пріѣзжіе Англичане часто заказываютъ себѣ эти цыганскіе балеты, прогоняющіе британскій сплинъ. Это настоящія сцены съ Блоксберга.

По улицамъ Альгамбры часто преслѣдуютъ путешественниковъ цыганёнки обоего пола съ отвратительнѣйшими жестами. Отъ нихъ иначе нельзя отдѣлаться, какъ бросивъ имъ нѣсколько квартосовъ (мѣдной монеты).

Цыганы въ Манчѣ благовиднѣе и зажиточнѣе. Они содержатъ харчевни и *посады*, торгуя всѣмъ, что̀ попадется.

Въ Старой Кастиліи и Леонѣ мало Цыганъ, и тѣ занимаются здѣсь торговлею. Они являются большею-частью на ярмарки, потому-что, для пріѣзда своего куда-нибудь обязаны нетолько испрашивать позволеніе мѣстныхъ начальствъ, но и платить за это Даже получивъ дозволеніе, обязаны ночевать за городомъ; а какъ-скоро кончится ярмарка, тотчасъ же уѣхать оттуда. Причиною этой недовѣрчивости не только сомнительная честность Цыганъ, но и суевѣрный страхъ жителей, что появленіе Цыгана предзнаменуетъ несчастіе. Какъ-скоро покажется тамъ Цыганъ, женщины и дѣти прячутся отъ нихъ.

Въ Астуріи и Галиціи почти совсѣмъ нѣтъ Цыганъ. Ихъ тамъ ненавидятъ, какъ воровъ и обманщиковъ. Если гдѣ появятся они — ихъ выгоняютъ.

То же бываетъ и въ басскихъ провинціяхъ, гдѣ полиція не дозволяетъ цыганамъ показываться, или останавливаться. Только изрѣдка проѣзжаютъ они по этой области съ возами корзинъ, ситъ и проч., и тотчасъ же возвращаются оттуда въ Наварру и Аррагонію.

Любопытно, что Цыгане и Баски понимаютъ другъ друга, и никто изъ ученыхъ философовъ не изслѣдовалъ еще этого обстоятельства, могущаго служить объясненіемъ происхожденія обоихъ племенъ. Сами же Баски вовсе не удивляются этому, говоря, что Цыгане, какъ злые духи, понимаютъ всѣ языки на свѣтѣ.

Въ Наваррѣ и Аррагоніи живетъ много Цыганъ въ пещерахъ и подземельяхъ, выкапываемыхъ ими. Тамъ обыкновенно находятся ихъ мастерскія.

Скитающіеся хитаны обыкновенно нечистоплотны и оборваны! Грубые, длинные волосы падаютъ въ безпорядкѣ на лица ихъ, а иногда заплетены въ косы. Обыкновенно носятъ онѣ въ ушахъ большія кольца. Впрочемъ, весь остальной ихъ нарядъ состоитъ въ бѣлой сорочкѣ съ широкимъ, накрахмаленнымъ воротникомъ, длинными лентами и съ нагрудникомъ въ складкахъ. Болѣе-образованныя хитаны любятъ яркіе цвѣта въ своей одеждѣ, и въ-особенности голубой и красный. На праздникахъ, свадьбахъ и крестинахъ онѣ больше всего наряжаются. При этихъ случаяхъ танцуютъ онѣ свои изступленныя пляски халео, Оле, Видо. Для этого онѣ украшаютъ себя цвѣтами; необходимымъ головнымъ уборомъ должна быть блестящая гребенка и пыш-

ная роза. На ногахъ бѣлые тонкіе чулки съ серебряными полосами и яркаго цвѣта башмаки. Черезъ плечо неизбѣжная лента съ гитарою; въ рукахъ кастаньеты изъ гранатоваго дерева съ голубыми кисточками Если у хитаны нѣтъ инструмента, она бьетъ тактъ въ ладони.

При празднествахъ хитаны садятся въ отдаленіи отъ *гачей* (гостей не-Цыганъ), которые, однакожь, обыкновенно платятъ за все.

Плутовство и обманы Цыганъ давно вошли въ пословицу. Ихъ безпрестанно ловятъ въ кражѣ (болѣе всего лошадей и муловъ), и любопытно послушать, какими клятвами они отпираются въ судѣ отъ своего преступленія, какіе удивительные жесты они дѣлаютъ при этомъ, какъ бьютъ себя въ грудь и призываютъ тѣни своихъ праотцевъ. Болѣе всего стараются они увѣрить, что на нихъ возводятъ клеветы.

Надобно замѣтить, что слово *полиція* пугаетъ ихъ больше всего на свѣтѣ. Они знаютъ, что ихъ запрутъ въ тюрьму, а это для нихъ ужаснѣе смерти. Впрочемъ, мы ужь сказали, что трусость принадлежитъ къ врожденнымъ ихъ качествамъ. Къ этой боязливости присоединяется и суевѣріе. Если кто при нихъ сильно расчихается, они тотчасъ же разбѣгутся и осыплютъ чихающаго проклятіями.

Всѣ Цыганы и Цыганки въ Испаніи называются испанскими именами. Особенныя же прозвища большею-частью даются въ насмѣшку.

Испанскіе Цыганы говорятъ своимъ языкомъ, составленнымъ изъ собственнаго ихъ діалекта, смѣшаннаго съ исковерканнымъ испанскимъ.

Народонаселеніе Великобританіи и Ирландіи по послѣдней переписи 1851 года.

Англія и Валлійское Княжество:	мужск. пола	8,762,588	17,922,768.
	женск. »	9,160,180	
Шотландія	мужск. »	1,363,622	2,870,784.
	женск. »	1,507,162	
Острова близь Англіи	мужск. »	65,651	142,916.
	женск. »	76.405	
Ирландія	мужск. »	3,176,726	6,515,794.
	женск. »	3,339,068	
Армія, военный и купеческій флотъ			167,604.
		Итого . . .	27,619,866.

Парижскія новости. — Манія столоверченія все еще продолжается въ Парижѣ. и онъ попрежнему вертитъ столы, шляпы, табуреты, вазы. Парижъ придумалъ множество игрушекъ въ родѣ круглыхъ качелей; кольца, иголки, полишинели, люди — все употребляется для опытовъ; разсказы и анекдоты идутъ своимъ чередомъ. Болѣе всего приписываютъ столоверченію самыя невѣроятныя излеченія болѣзней. Головная боль, зубная, ревматизмъ — все это вылечивается послѣ нѣсколькихъ часовъ сидѣнья передъ пустымъ столомъ. И дешево и удобно! Только говорятъ, что эти болѣзни непремѣнно переходятъ къ другому лицу, участвующему въ опытѣ. Это непріятно для здоровыхъ и заставитъ ихъ быть осторожными, и не со всякимъ составлять цѣпь. Есть даже адепты, увѣряющіе, будто бы

столы, заряженные магнитизмомъ, говорятъ и отвѣчаютъ на вопросы. Разсказываютъ, что однажды одна изъ дамъ, составлявшихъ вокругъ стола цѣпь, чихнула, и столъ сказалъ ей тихо, но внятно: будьте здоровы! И послѣ этого есть еще серьёзные люди въ Парижѣ, которые не вѣрятъ въ движеніе столовъ и называютъ эти великіе опыты игрушкою, шалостью, самообманомъ, даже просто обманомъ, что̀ даже и неучтиво.

Цвѣточная выставка въ Парижѣ была очень-блистательна, хотя и непродолжительна. Она устроена въ Елисейскихъ Поляхъ и убрана такъ живописно, что даже нелюбители растеній приходили любоваться удивительною декораціею, составленною изъ рѣдкихъ цвѣтовъ и плодовъ. Одну изъ наградъ Общества Садоводства получилъ баронъ Джемсъ Ротшильдъ за превосходныя *азалеи*, что̀ очень обрадовало знаменитаго банкира, потому-что онъ страстный любитель цвѣтовъ и въ-особенности предпочитаетъ всему маргаритки.

Ска̀чки въ Шантильи были счастливѣе елисейскихъ, которымъ мѣшалъ холодъ и дождь. Теперь весь Клубъ Жокеевъ выѣхалъ изъ Парижа и вся блистательная колонія спортсменовъ помѣстилась вблизи иподрома. Множество дамъ послѣдовало за ними; и такъ-какъ не возможно скакать цѣлый день, то вечеромъ были собранія, танцы, движенія столовъ; говорятъ даже о великолѣпномъ фейерверкѣ. Вообще давно не запомнятъ на этихъ скачкахъ такого множества публики и спортсмены не могутъ ужь пожаловаться, какъ лѣтъ шесть тому назадъ, что на нихъ нѐкому смотрѣть и не сто̀итъ выигрывать призъ въ пустомъ иподромѣ.

Художественная выставка тоже открылась въ обширныхъ залахъ зданія, называемаго *Menus Plaisirs*. Артисты очень-довольны этимъ помѣщеніемъ; и хотя оно временное, но, до окончанія построекъ въ Луврѣ, у бѣдныхъ картинъ будетъ пристанище и ихъ не будутъ переводить изъ одного зданія въ другое, смотря по надобности. Въ нынѣшнемъ году хвалятъ вообще выставку и достоинство картинъ и статуй. Нумеровъ всѣхъ 1768; одиннадцатью больше, чѣмъ въ прошломъ году, и все-таки художники сердятся, что коммиссія выставки очень-строга и не приняла большей части присланныхъ произведеній. Выставка открыта съ 15-го мая и продолжится до 15-го іюля; одинъ день въ недѣлѣ будутъ брать за входъ по франку и на собранную сумму купятъ нѣсколько картинъ, которыя болѣе всего обратятъ на себя вниманіе публики. Однѣхъ картинъ 1,208, скульптурныхъ произведеній 321, гравюръ 103, литографій 60, архитектурныхъ рисунковъ и плановъ 76.

Самыя замѣчательныя картины: *Поцалуй Іуды* — Гебера, *Апостолы Петръ и Павелъ, идущіе на казнь*—Дюма, *Папа Секстъ II, съ первыми христіанами въ катакомбахъ Рима* — Мезона, *Поклоненіе Волхвовъ*— Ампера, *Благовѣщеніе* — Жалабера, *Лошадиный рынокъ* — г-жи Розы Бонеръ; три картины, изображающія *медицинскія* занятія въ XIII, XVI и XVIII вѣкахъ, работы живописца Мату, и много другихъ. Несмотря на отсутствіе нѣкоторыхъ знаменитостей, выставка все-таки

считается одною изъ лучшихъ и привлекаетъ многочисленную публику.

Въ литературномъ мірѣ мало замѣчательнаго, потому-что въ лѣтнее время мало читаютъ и мало пишутъ. Теофиль Лавале, авторъ многихъ историческихъ сочиненій, издалъ *Исторію Сен-Сирскаго заведенія*, въ которой много замѣчательныхъ подробностей, много знаменитыхъ воспоминаній и именъ. При одномъ названіи Сен-Сира, передъ читателемъ проходятъ тѣни Людовика XIV, Фенелона, Боссюэта, Расина, г-жи Ментенонъ, герцогини бургонской. Стало-быть, книга эта, напоминающая эпоху и нравы знаменитаго вѣка, скорѣе похожа на романъ, чѣмъ на сухую исторію. Притомъ же она издана великолѣпно, съ превосходными гравюрами, портретами, снимками съ подписей и, вѣроятно, будетъ нелишнею въ библіотекѣ каждаго образованнаго человѣка.

Эженъ Пеллетанъ издалъ также новое историческое сочиненіе.

Еще одна книжечка обращаетъ на себя вниманіе публики, потому-что вышла очень-кстати и можетъ понадобиться. Это *Жизнь на водахъ*, Феликса Морнана. Въ ней описаны всѣ извѣстныя воды со всѣми ихъ выгодами, преимуществами, качествами, а главное — приведены цифры необходимыхъ расходовъ, такъ-что всякій больной можетъ тотчасъ же расчитать, какія воды полезны для его здоровья и кармана.

Театральныя новости довольно-значительны, несмотря на неблагопріятный сезонъ. Явилась съ большимъ шумомъ новая опера *Фронда*, музыка Нидермейера, слова Маке и Лакруа. Названіе ужь показываетъ, въ чемъ состоитъ сюжетъ: война, любовь, дуэли, ревность — все это составляетъ драматическій сюжетъ, очень-выгодный для музыки. Въ новой оперѣ очень хвалятъ увертюру, хоры и превосходный финалъ, отъ котораго не отказался бы ни одинъ знаменитый композиторъ. Вообще опера очень понравилась и была разъиграна превосходно. Особенно-хорошъ Рожеръ въ роли Ричарда, и Обенъ— герцога Бофора.

Комическая опера тоже поставила новое сочиненіе Дюпре—*Письмо*, которое очень понравилось публикѣ и въ которомъ очень-хороша Каролина Дюпре. Это небольшая эклога. Молодая крестьянка любитъ бѣднаго охотника, но не смѣетъ думать о замужствѣ, потому-что у ней нѣтъ приданаго. Обстоятельства измѣняются однакожь отъ письма крестьянки. Письмо попадается владѣльцу зâмка, который исполняетъ желаніе крестьянки и присылаетъ ей приданое. Послѣ этого, разумѣется, у ней является множество жениховъ, но она отказываетъ всѣмъ, ожидая своего любимаго охотника; вмѣсто его приходитъ самъ владѣлецъ зâмка, который, подъ видомъ охотника, полюбилъ молодую дѣвушку и узналъ ея сердце и характеръ. Музыка очень-легка, проста и соотвѣтствуетъ наивности сюжета. Очень-вѣроятно, что эту оперу будутъ съ удовольствіемъ слушать и въ будущую зиму.

Передъ самымъ закрытіемъ лирическаго театра явился новый композиторъ г. Векерленъ, поставилъ оперу *Органистъ* и умѣлъ съ перваго раза угодить публикѣ и составить себѣ имя. Сюжетъ ея самый

простой. Это анекдотъ изъ жизни бѣднаго музыканта, который получаетъ выгодное мѣсто органиста, но не можетъ принять его, потомучто у него нѣтъ приличнаго платья и нѣтъ ни знакомыхъ, ни добрыхъ сосѣдей, которыхъ онъ отучилъ отъ своего дома, сберегая невинность своей племянницы. Однако эта самая молодая дѣвушка выручаетъ его изъ бѣды и достаетъ платье чрезъ своего возлюбленнаго, который былъ ученикомъ старика и сдѣлался ужь знаменитымъ композиторомъ. Музыка Векерлена очень-оригинальна; первый успѣхъ доказываетъ талантъ и искусство молодаго маэстро.

Итальянская опера ужь окончила свои представленія оперою Меркаданте *Браво*, и несмотря на великолѣпныя декораціи этой оперы и участіе въ ней первыхъ артистовъ, публика оставалась холодною и ни разу не наградила апплодисментами ни артистовъ, ни дирекцію. Рѣшительно итальянская опера не можетъ удержаться въ Парижѣ, несмотря ни на какія усилія и пожертвованія, и ничего нѣтъ удивительнаго, если въ будущемъ году она совсѣмъ скончается. Богъ знаетъ, еще, будутъ ли сожалѣть о ней. Французы хотятъ все новаго, а новый репертуаръ, то-есть Верди, имъ не нравится, старый надоѣлъ. Композиторы не родятся дюжинами, какъ водевилисты. Пріидется, можетъ-быть, долго ждать новаго Россини, а до-тѣхъ-поръ можно обойдтись и безъ Итальянцевъ, особенно въ Парижѣ, гдѣ, кромѣ Большой Оперы, есть нѣсколько оперныхъ національныхъ театровъ и нѣсколько любимыхъ композиторовъ, которые не даютъ публикѣ опомниться и ставятъ оперу за оперой.

Опера испытала еще большую потерю. Левассоръ отходитъ, прослуживъ тридцать лѣтъ, и ему даютъ прощальный бенефисъ, на который, вѣроятно, сойдутся всѣ почитатели его прекраснаго таланта. Прощай Бертрамъ и Марсель! Трудно будетъ послѣ Левассора исполнить эти роли неопытному дебютанту.

На другихъ театрахъ самая важная новость — *Мраморныя Женщины*, игранныя на театрѣ Водевиля съ такимъ успѣхомъ, который даже превзошелъ *Даму съ Камеліями*; авторъ пьесы г. Барьеръ получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Дѣйствіе начинается прологомъ въ Аѳинахъ, гдѣ Фидій только-что окончилъ три статуи: Аспазіи, Фринеи и Лаисы и приходитъ въ восторгъ отъ своихъ произведеній. Ростовщикъ Горгіасъ является торговать статуи у художника, но Фидій не хочетъ разстаться съ своими лучшими произведеніями и умоляетъ ихъ именемъ любви не покидать его мастерской. Эта любовь ужь оживила ихъ, какъ огонь Пигмаліона, но богачъ гремитъ золотомъ и мраморныя женщины бѣгутъ къ нему, забывая о художникѣ, который съ отчаянья проклинаетъ ихъ мраморную натуру.

Прошло тридцать вѣковъ. Аспазія превратилась въ г-жу Марко Буль-Ружъ, корифею въ оперѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Фидій сдѣлался молодымъ художникомъ Рафаэлемъ, у котораго другъ, въ родѣ Діогена Циника, Дежене, журналистъ. Онъ, разумѣется, по своему ремеслу давно уже разочаровался во всемъ и во всѣхъ и старается спасти молодаго Рафаэля отъ увлеченій сердца, отъ обмановъ и обольщеній. Но тотъ встрѣтилъ на гуляньѣ г-жу Марко, идеалъ античной кра-

соты и влюбился въ нее страстно. Его молодость, красота, талантъ и восторженность произвели впечатлѣніе на мраморную женщину и та на минуту забылась, увлеклась. Но скоро ей наскучила любовь артиста, она разорила его, почти обезславила и потомъ холодно простилась съ нимъ навсегда. Этого удара не могъ перенести Рафаэль. Напрасно Дежене старался привязать его къ жизни, напоминая о старой матери, о молодой невѣстѣ, которыя ждутъ его и охотно простятъ ему все; напрасно говорятъ ему о талантѣ, о искусствѣ, о славѣ: мраморная женщина истребила въ немъ всѣ чувства, всѣ желанія. Онъ помнитъ только ее и не хочетъ, не можетъ жить безъ нея. Смерть его оканчиваетъ грустную пьесу и этимъ-то печальнымъ окончаніемъ доказывается высокая и похвальная цѣль ея—показать безчувственность, корыстолюбіе, безнравственность и лицемѣріе *мраморныхъ женщинъ*, въ честь которыхъ писали поэмы и романы, драмы и водевили. Пьеса сдѣлала глубокое впечатлѣніе на публику и, несмотря на неудовольствіе нѣкоторой части зрительницъ, она долго не сойдетъ съ афиши, хотя и странно, что на одномъ и томъ же театрѣ имѣли такой огромный успѣхъ двѣ пьесы, одинакія по персонажамъ, но различныя по цѣли: *Дама съ Камеліями*, гдѣ извиняютъ кокетство и всякаго рода обольщенія, и *Мраморныя Женщины*, гдѣ тѣ же камеліи представлены въ такомъ отвратительномъ видѣ, что заслуживаютъ одно презрѣніе.

Пьеса была разъиграна превосходно. Фёшта, Феликсъ и г-жа Фаржель превосходно исполнили свои роли и выказали всѣ красоты и достоинства пьесы.

Послѣ этого огромнаго успѣха другія театральныя новости покажутся уже незанимательными; однако было еще нѣсколько хорошихъ пьесъ, о которыхъ надобно упомянуть:

На театрѣ Разнообразія давали пьесу *Свѣтскія Женщины*, гдѣ выведены дамы: благотворительная, покровительница артистовъ, дама, занимающаяся биржевыми дѣлами, жена банкира и просто свѣтская женщина, незанимающаяся ничѣмъ особенно, но которая тайно дѣлаетъ добро, нехвастаясь этимъ, и спасаетъ молодую чету отъ горя и нищеты. Разумѣется, что портреты этихъ дамъ немного-рѣзки и преувеличены, но пьеса все-таки понравилась, болѣе потому, что въ нихъ играютъ пять хорошенькихъ актрисъ.

На театрѣ Монпансье смѣшитъ до слезъ фарсъ *Le bourreau de cranes*, и потому никто не замѣчаетъ его несообразностей и пошлостей. Но отъ фарса нельзя и требовать ничего больше, кромѣ смѣха.

Недавно умерла старинная актриса театра Разнообразія, въ свое время очень-нравившаяся публикѣ и создавшая нѣсколько ролей — *Флора*. Въ молодости она была похожа на свое имя, но также какъ цвѣтокъ жила не долго, то-есть была не долго хороша; жестоко и смѣшно было называть Флорой бѣдную старушку, которая все еще играла на какихъ-то рыночныхъ театрахъ и старалась смѣшить работниковъ и крестьянъ, послѣ того, какъ приводила въ восторгъ лучшую публику Парижа.

Ut de poitrine тоже фарсъ, въ которомъ водевильные пѣвцы и пѣвицы передразниваютъ оперныхъ, но и это нравится одной части публики, что̀ случается и не въ одномъ Парижѣ.

Въ циркѣ тоже окончились представленія, но они возобновятся въ Елисейскихъ Поляхъ, и афиши обѣщаютъ новыя группы, новые костюмы и лошадей и разсчитываютъ на новую публику.

Въ этихъ же Елисейскихъ Поляхъ привлекаетъ многочисленную публику великолѣпное зрѣлище. Вы входите въ узенькую дверь маленькаго строенія и вдругъ видите передъ собою восточное небо, далѣе синее Средиземное Море, въ сторонѣ величественный Нилъ, пальмы. куполы, минареты: это Каиръ; ближе, кажется движется войско, кавалерія и пѣхота, артиллерія гремитъ и дымъ отъ выстрѣловъ стелется далеко. Это новая панорама г. Ланглуа *Битва при Пирамидахъ*, изображенная съ обыкновеннымъ его искусствомъ и вѣрностью.

Извѣстія изъ Англіи и Сѣверной Америки. — Вышелъ въ свѣтъ замѣчательный Журналъ Путешествія въ Архипелагѣ Тихаго Моря. Капитанъ Эрскейнъ, командующій *Гаваною*, очень-подробно описываетъ нравы и обычаи на островахъ Фиджи и Тонга. Англійскіе миссіонеры продолжаютъ свои мирныя побѣды надъ дикарями Полинезіи и подвигаютъ впередъ образованіе ихъ. Знаменитый Притчардъ, едва небывшій причиною войны между Франціею и Англіею, живетъ въ Securityполу, столицѣ острововъ Самоа, консуломъ и не можетъ утѣшиться, что, послѣ милостей королевы Помаре и важной роли на Отаити, онъ сдѣлался незамѣтнымъ и забытымъ. Притомъ же туземцы Securityполу приняли его очень-неблагосклонно и онъ съ трудомъ могъ выхлопотать клочекъ земли, на которомъ построилъ консульскій домъ. Главная причина неудовольствій Притчарда, впрочемъ, вовсе не Французы, какъ можно было предполагать, но его же соотечественники, которые, въ противоположность дикарямъ, желающимъ просвѣтиться, переселясь на острова Полинезіи, стараются забыть объ образованномъ мірѣ и возвращаются къ дикому состоянію.

Вышло еще два тома *Записокъ Томаса Мура*, изданныхъ лордомъ Джономъ Росселемъ. Онъ издалъ тоже *Записки и Корреспонденцію Чарльза-Джемса Фокса*, въ которыхъ много замѣчательнаго. Еще стоитъ упомянуть о *Новомъ путешествіи по Сахарѣ* въ 1845—46 годахъ Ричардсона и объ *Исторіи управленія Индійской Компаніи* Кейя (Kaye), явленіе которой очень-кстати въ настоящее время, когда приближается срокъ окончанія привилегіи знаменитой компаніи. Изъ бельлетристическихъ произведеній замѣчательны *Сивилла* соч. баронессы Таутейсъ и *Гарри Мюиръ*, картина шотландскихъ нравовъ.

Изъ драматическихъ произведеній явились въ это время: комедія въ пяти дѣйствіяхъ — *Похищеніе съ большомъ свѣтѣ* Сюливана, игранная на Геймаркетскомъ Театрѣ и принадлежащая къ второстепеннымъ произведеніямъ автора, и маленькая пьеса поэта Броунинга: *День*

рожденія Коломбы, въ которой миссъ Фоситъ играла главную роль; она оживила своимъ талантомъ созданіе Броунинга, которое можно назвать не пьесою, но небольшою поэмою въ разговорахъ. Однако, несмотря на превосходное исполненіе и обстановку, пьеса не имѣла большаго успѣха, потому-что лондонская публика не любитъ этого новаго рода сочиненій, вошедшаго въ моду на парижскихъ театрахъ.

—Въ Бостонѣ всѣ говорятъ о трогательной судьбѣ мистриссъ Кройфтъ, удивляются ей и превозносятъ геройскій характеръ молодой женщины. Шесть лѣтъ тому назадъ, она вышла замужъ и черезъ мѣсяцъ овдовѣла и ослѣпла. Самое замужство ея было необыкновенное и не походило на другія. Бѣдная восьмнадцатилѣтняя дѣвушка полюбила молодаго человѣка, бывшаго студента медицины, тоже безъ всякаго состоянія. Вдругъ она узнаётъ, что молодому человѣку сватаютъ богатую невѣсту. Тогда она рѣшилась доказать, что, несмотря на бѣдность, достойна любви его, и просила жениха подождать три года и отложить свадьбу. По прошествіи трехъ лѣтъ она принесла ему небольшое приданое... «Этого немного, сказала она Кройфту, но я выработала всѣ эти деньги и могу удвоить капиталъ, продолжая заниматься». Молодая дѣвушка въ это время сама училась, давала уроки и получила еще награду за свое примѣрное поведеніе и неутомимые труды. Женихъ былъ тронутъ такою любовью и объявилъ, что дѣвушка будетъ его женою; но передъ самою свадьбой онъ опасно захворалъ. Молодая невѣста ухаживала за нимъ съ самоотверженіемъ, но болѣзнь усиливалась и объявлена была смертельною. Несмотря на это, бракъ былъ совершенъ въ назначенный день, хотя во время церемоніи умирающій могъ съ трудомъ приподняться на постели. Онъ ужъ не вставалъ съ нея и скоро молодая жена проводила его гробъ на кладбище. Это горе до того поразило бѣдную женщину, она такъ много плакала, такъ много провела безсонныхъ ночей, что глаза ея совершенно ослабли и наконецъ она ослѣпла. Всякая женщина пришла бы въ отчаяніе и потерялась, незная, что̀ дѣлать и къ чему прибѣгнуть. Надобно признаться, что были тяжелыя минуты, когда и мистриссъ Кройфтъ думала о смерти, но воспоминаніе о томъ, кого она такъ горячо любила поддержало ее. Она не хотѣла, чтобъ онъ за гробомъ видѣлъ ея малодушіе, и потому рѣшилась опять трудиться и не быть никому въ тягость. Она вступила въ заведеніе для слѣпыхъ и нашла тамъ средство читать и писать безъ помощи глазъ. Тогда она сама описала свою жизнь и всѣ свои несчастія и издала свою исторію въ видѣ писемъ, на тысячу долларовъ собранныхъ подпискою. Эта книга послужитъ ей пропитаніемъ, потому-что она сама издатель и книгопродавецъ, и продаетъ всѣ экземпляры изданія, непоручая ихъ никому. Трогательный примѣръ твердости и разсудительности въ слѣпой женщинѣ...

═

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Итакъ, снисходительный читатель, вы прочли отдѣлы Словесности и Наукъ, Критики и Библіографической Хроники, Иностранной Литературы и Смѣси, и наконецъ готовы приступить или не приступать къ «Петербургскимъ Замѣткамъ.» Но отчего же не приступать? зачѣмъ не утѣшать мнѣ себя мыслью, что «Замѣтки» читаются вами постоянно, или по-крайней-мѣрѣ постоянно читаются тогда, когда вы не въ Петербургѣ, а удалясь въ ваше хорошенькое село, конечно, на горѣ, у подножія которой бѣжитъ какая-нибудь свѣтлая, узенькая рѣчка Колпинка, Завитайка и т. п., интересуетесь знать, что̀ подѣлывается хорошаго въ Петербургѣ? Худой фёльетонистъ, который не надѣется имѣть читателей, по-крайней-мѣрѣ хоть на тѣхъ условіяхъ, которыя были предположены мною въ отношеніи къ вамъ, мой, удалившійся на лѣто изъ Петербурга, читатель.

Итакъ, вамъ угодно знать, что̀ новаго было въ Петербургѣ въ концѣ мая и въ-теченіе іюня? Спѣшу отвѣчать вамъ: очень-немного. Одни домы ломаются и на мѣсто ихъ строятся другіе; улицы покрыты мостовщиковами; на Невскомъ Проспектѣ прорыты канавы для починки газопроводныхъ трубъ; въ разныхъ частяхъ города открыты магазины «корабельныхъ сухарей»; на Александринскомъ Театрѣ каждый спектакль появляются дебютанты и дебютантки; на Французской сценѣ дебютировалъ новый комикъ г. Нёвиль; въ нѣкоторой части петербургскаго населенія производятъ фуроръ показавшіяся въ магазинахъ резинки, стирающія чернила, и... и... больше ничего, совершенно-ничего. Въ городѣ новостей такъ мало потому, что весь городъ за городомъ. Кто не уѣхалъ за границу или, подобно вамъ, читатель, не удалился въ свое помѣстья, тотъ живетъ на дачѣ, непремѣнно на дачѣ. Наши «Замѣтки» должны бы называться не «Петербургскими» а «Запетербургскими»; но такъ-какъ ужь принято вовсе не обращать вниманія, соотвѣтствуетъ ли заглавіе тому, что̀ подъ нимъ написано, соотвѣтствуетъ ли названіе или имя тому предмету или той вещи, которые его носятъ, и никто не удивляется, что Pierre вовсе не похожъ на камень, даже и въ переносномъ смыслѣ, а Victor въ жизнь свою не побѣждалъ даже сердца старой дѣвы — то почему же подъ рубрикою «Петербургскихъ Замѣтокъ» не писать замѣтокъ о Парголовѣ, Павловскѣ, Петергофѣ, Монплезирѣ и т. п.?

Если слѣдовать тому ученію философовъ, которое говорило, что тотъ счастливъ, кто «своимъ доволенъ уголкомъ», то никогда не бываетъ столько счастливыхъ, какъ лѣтомъ, потому-что никогда не бываетъ столько людей, довольствующихся уголками, какъ въ это прекрасное время года. Какой-нибудь крошечный домикъ съ дырявою крышею, посредствомъ которой дождикъ имѣетъ свободный доступъ въ гостиныя, какой-нибудь узенькій палисадникъ съ двумя кустиками маргаритокъ и жиденькою березкою, и наконецъ какой-

нибудь паркъ, похожій на большое поле, съ проведенными по немъ широкими дорожками, доставляютъ невыразимое наслажденіе дачникамъ и дѣлаютъ счастливыми не одну сотню петербургскихъ переселенцевъ. Постороннимъ кажутся всѣ эти удовольствія несовсѣмъ-понятными, но надобно послушать дачниковъ, надобно посмотрѣть на все ихъ глазами, чтобъ понять прелесть мѣстоположенія ихъ дачъ, окружающей ихъ природы и ту отраду, которую могутъ доставлять два кустика маргаритокъ, жидкая березка и унылые, однообразные парки...

Въ то время, какъ одни скучаютъ въ своихъ роскошныхъ загородныхъ виллахъ съ ихъ чудными садами, надобно посмотрѣть съ какимъ наслажденіемъ дачникъ средней руки спитъ часа четыре послѣ обѣда въ душной комнатѣ своего домика, и ка̀къ отрадно и весело ему послѣ такого отдыха напиться чаю или поиграть въ преферансъ подъ тощею, запыленною березою своего палисадника! Надобно видѣть и слышать съ какою увѣренностью доставить наслажденіе своимъ добрымъ знакомымъ, дачникъ приглашаетъ ихъ къ себѣ напиться чаю на чистомъ воздухѣ или даже провести цѣлый день. Да̀, надобно все это видѣть и слышать, для убѣжденія себя въ высокой истинѣ, открытой философами, что тотъ счастливъ, кто «своимъ доволенъ уголкомъ».

Но будемъ ли мы смѣяться надъ подобнымъ счастьемъ, будемъ ли слѣдовать въ этомъ старымъ обычаямъ (mores majorum) фёльетонистовъ, постоянно-издѣвавшихся надъ подобнаго рода дачными наслажденіями? Нѣтъ, не сдѣлаемъ этого, не сдѣлаемъ потому, что какъ ни опредѣляйте истинное счастье, счастье все-таки останется вещью условною, и что гораздо-менѣе заслуживаютъ насмѣшки тѣ, которые находятъ счастье въ немногомъ, нежели тѣ, которые не находятъ его и во многомъ. Не будемъ смѣяться и потому, что нѣтъ ничего удивительнаго, если обитателямъ Гороховой или Вознесенской улицъ, улицъ стукотни, духоты и шуму, какой-нибудь карточный домикъ на Черной Рѣчкѣ, славящійся своими испареніями, или хижинка Новой Деревни, замѣчательной своею пыльною атмосферою, покажется настоящимъ земнымъ раемъ. Въ этомъ маленькомъ счастьѣ гораздо-менѣе смѣшнаго, нежели во многомъ другомъ, касающемся дачной жизни.

Каждая дачная мѣстность имѣетъ свои нравы, обычаи, свои наслажденія, а иногда даже и наряды. Парголово во всемъ отличается отъ Павловска, Новая Деревня отъ Полюстрово и т. д. Но въ то же время между бо̀льшею-частью этихъ мѣстностей есть нѣчто общее: это порядокъ въ самой жизни дачниковъ. Утро: свѣжій, ароматный воздухъ дышетъ кажется изъ каждаго листочка, изъ каждой травки; въ воздухѣ прохладно, и золотистое солнце только съ боку посматриваетъ на зеленѣющую землю. Но дачники всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ; ставни дачъ заперты; въ садахъ ни одного человѣка. Эта тишина и спокойствіе прерывается лишь тогда, когда лучшая пора для гулянья прошла и въ воздухѣ начинаетъ дѣлаться невыносимо-жарко. Тогда на дачахъ раздаются голоса, на террасахъ появляются накрытые для

завтрака столы; по улицамъ стремятся различныхъ видовъ господа, спѣша къ пароходамъ и омнибусамъ. Затѣмъ движеніе снова стихаетъ; только въ саду раздается неумолкаемый говоръ нянекъ, крикъ и хохотъ дѣтей. Изъ растворенныхъ оконъ несутся звуки фортепьяно, такъ краснорѣчиво-рекомендующіе настоящихъ или будущихъ невѣстъ, потому-что, по заведенному порядку, музыкой занимаются только до замужества. Передъ обѣдомъ, въ садахъ, которые досихъ-поръ были въ исключительномъ владѣніи дѣтей и нянекъ, появляются дамы и барышни, скрываясь отъ жгучаго солнца подъ разноцвѣтными зонтиками. Дамы и барышни гуляютъ съ книгами или безъ книгъ, съ работою или безъ работы, однѣ или въ сопровожденіи кавалеровъ. Въ каждой дачной мѣстности есть кавалеры, которые, неимѣя никогда никакихъ обязанностей, отправляются лѣтомъ отдохнуть на дачу, и здѣсь во всякое время готовы ходить и ухаживать за дамами, и дѣлать комплименты молодымъ дѣвицамъ, а въ случаѣ надобности—и дѣвицамъ не молодымъ. Такіе кавалеры существуютъ на дачахъ всюду, точно такъ же, какъ на тѣхъ же дачахъ существуютъ лица спеціально-занимающіяся собираніемъ новостей, ихъ небольшимъ измѣненіемъ, подкрашиваньемъ, поддѣлываньемъ и передачею новостей своимъ знакомымъ... Дачная жизнь очень-похожа на жизнь маленькихъ провинціальныхъ городковъ, гдѣ тайны не существуютъ, гдѣ всякая домашняя исторійка, случившаяся между четырьмя стѣнами, на другой же день дѣлается достояніемъ всего города, гдѣ семейныя дѣла каждаго обременяютъ собою всѣхъ. На дачахъ у каждаго есть сотня знакомыхъ и столько же знакомыхъ незнакомцевъ. Отъ нѐчего ли дѣлать, отъ большихъ ли знакомствъ, всѣ занимаются другъ другомъ, и свѣдѣнія другъ о другѣ быстро переходятъ изъ устъ въ уста. Всему этому немало способствуютъ ходячія афишки разныхъ половъ и возрастовъ—въ большихъ чепцахъ и въ широкихъ пальто; въ жиденькихъ букляхъ, производящихъ какое-то раздражительное впечатлѣніе на посторонняго, или въ роскошныхъ прическахъ съ проборами, идущими отъ лба до затылка. И ка̀къ смѣшны эти ходячія афишки, ка̀къ странны ихъ занятія и забавна вся ихъ дѣятельность! Можно составить цѣлую физіологію дачнаго вѣстовщика, сплетника, ходячей афишки, или какъ вамъ угодно назвать человѣка, преданнаго подобному ремеслу—и физіологія эта будетъ и нова и небезъинтересна. Я знавалъ одного такого господина, я жилъ съ нимъ на одной дачѣ, слѣдилъ за его дѣятельностью и слышалъ кой-что о его собственной жизни. Это былъ господинъ почтенныхъ лѣтъ, съ широкимъ лицомъ, съ широкими плечами. Рыжеватый цвѣтъ преобладалъ и въ его физіономіи и въ его костюмѣ. Его рыжеватыя бакенбарды окаймляли точно такого же цвѣта щеки; его рыжевато-коричневое пальто осѣнялось порыжѣлой отъ солнца шляпой. Онъ былъ отецъ семейства, нѣкогда мужъ, но потомъ развязанъ судьбою въ брачныхъ своихъ узахъ. Не знаю, долго ли онъ горевалъ послѣ этой разлуки; но какъ всякая печаль проходитъ, то прошла печаль и его. Онъ сталъ развлекаться, и развлеченія искалъ въ любви... Нѣмецъ по рожденію, онъ писалъ нѣмецкія акростишія; но акрости-

шіямъ не везло. Кетхенъ, Линхенъ и Лотхенъ не обращали вниманія на сладкія посланія. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, говоритъ преданіе. Прошла зима, настало лѣто. Для удовольствія своихъ дѣтей, авторъ акростишій переѣхалъ на дачу; для своего собственнаго удовольствія, онъ сталъ ухаживать за хорошенькою дачною хозяйкою. Счастье, неблагопріятствовавшее вдовцу у Линхенъ и Лотхенъ, улыбнулось ему въ лицѣ русской дамы, хозяйки дачи. Она была очень-привѣтлива съ своимъ постояльцемъ, снисходительно выслушивала его замѣчанія о погодѣ и вопросы о ея здоровьѣ, и, несмотря на то, что то и другое было высказываемо далеко-нечистымъ русскимъ языкомъ, очень-лукаво и даже нѣжно иногда поглядывала на нѣмецкаго Ловеласа. Дача, занимаемая имъ, была и сыра и холодна необыкновенно; но любовь, голубые глаза, лукавая улыбка — все это такъ тепло и пріятно, что Нѣмецъ ёжился, закутывался въ іюльскія ночи шубою, но не покидалъ мѣста своего очарованія... Сначала хозяйка лукаво улыбалась, потомъ приводила свои глаза въ какое-то томное состояніе, потомъ вздыхала и всѣми этими манёврами довела отца семейства до-того, что онъ, позабывъ своихъ маленькихъ Карлушъ, Богдашей и пр., по цѣлымъ днямъ просиживалъ на скамейкѣ дачнаго сада, выжидая появленія обожаемой особы. Все шло прекрасно; погода стояла чудесная, какъ однажды на ясномъ горизонтѣ такой пріятной жизни появились тучки въ видѣ двухъ возовъ съ голландскими диванами и такими же стульями, съ этажерками и письменнымъ столомъ, въ видѣ лакея съ большою лягавою собакой, и, наконецъ, высокаго господина, съ длинными черными волосами, который сталъ прохаживаться по саду и оказался новымъ жильцомъ. Тучи эти показались еще грознѣе, когда молодой человѣкъ началъ бесѣдовать съ молоденькою хозяйкою, когда она ему стала улыбаться еще болѣе лукаво, нежели Нѣмцу, вздыхать и придавать глазамъ своимъ особую томность. Къ довершенію всего, отецъ забытой имъ семьи получилъ раздушенную записочку, назначавшую ему rendez-vous на какомъ-то пустынномъ островѣ. Онъ проходилъ здѣсь битые три часа и не встрѣтилъ ни души. Потомъ онъ снова получилъ другую такую же записочку, но и она имѣла тѣ же самыя послѣдствія. Наконецъ, получивъ третью, онъ узналъ при этомъ, что всѣ посланія были не что иное, какъ насмѣшка надъ его страстью. . Смѣялась надъ нимъ та, которая такъ недавно расточала ему улыбки, и писалъ письма тотъ, къ кому обращались тѣ же улыбки въ настоящее время... Досада, огорченіе багровыми пятнами выступили на лицѣ оскорбленнаго вдовца, и тутъ только понялъ онъ все значеніе, весь вредъ тѣхъ сырыхъ пятенъ, которыя выступили ужь давно по всѣмъ стѣнамъ его дачной квартиры... Онъ рѣшился мстить. Онъ вышелъ въ садъ, сѣлъ на скамейку и началъ слѣдить за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ хозяйки и молодаго человѣка, преслѣдовалъ ихъ каждый шагъ и, какъ тѣнь, всюду и вездѣ слѣдовалъ по стопамъ ихъ. Онъ сдѣлалъ это одинъ день, сдѣлалъ другой, третій и т. д. Но этого мало: слѣдуя за одними, онъ не опускалъ изъ вида и другихъ... Всюду и вездѣ онъ видѣлъ обманъ, измѣну, во всемъ казались ему какая-нибудь исторія, любовь и пр.

Первый порывъ ревности и гнѣва давно прошелъ, но страсть слѣдить и подсматривать за всѣми осталась у него на-вѣки. Онъ предался ей ужь не изъ личныхъ какихъ-нибудь интересовъ, а просто изъ любви къ искусству. Многочисленныя догадки и впечатлѣнія не могли оставаться въ его сердцѣ: они требовали изліяній, и мало по-малу бывшій Ловеласъ сдѣлался вѣстовщикомъ, сплетникомъ; фантазія его гуляла насчетъ истины. И вотъ постоянно каждое лѣто, въ извѣстной дачной мѣстности появлялась рыжеватая фигура рыжаго господина, и она какъ геній-бдитель, къ отчаянію многихъ, смотрѣла за своею бывшею страстью и за всѣми черноглазыми и голубоокими красавицами, и за молодыми и немолодыми людьми. Она смотрѣла, наблюдала, сообщала всѣмъ, кого знаетъ, о предметахъ и послѣдствіяхъ своихъ наблюденій и разъисканій, и сообщала даже иногда письменно, хоть и безъ подписи своего имени, подобныя извѣстія тѣмъ, «кому сіе вѣдать надлежало».

Когда я вспоминаю извѣстныя дачи, то въ глазахъ моихъ невольно возстаетъ колоссальная фигура въ рыжеватомъ пальто и рыжеватой шляпѣ, которая, согнувшись, сидитъ на скамейкѣ общественнаго сада и, посасывая толстую сигару, внимательно посматриваетъ на всѣхъ, ее окружающихъ.

Но, заговоривъ о дачныхъ вѣстовщикахъ, я удалился отъ повѣствованія о дачной жизни... Возвращаюсь къ нему. Послѣ обѣда, къ которому изъ города привозятся, конечно, обратно всѣ лица, имѣющія тамъ занятія, снова все затихаетъ на дачахъ, и это время посвящается отдохновенію. Наконецъ наступаетъ вечеръ, эта главная часть дачнаго дня, когда всѣ, кто не садится за ералашъ, отправляются на прогулку. У каждой дачной окрестности, за исключеніемъ развѣ только Парголова, есть одно общее мѣсто для вечернихъ гуляній, есть центръ, къ которому стремятся обитатели всѣхъ окружныхъ дачъ, и этотъ центръ заключается обыкновенно въ какомъ-нибудь музыкальномъ наслажденіи. Еслибъ кто-нибудь обладалъ такими ушами, которыми могъ бы слышать на разстояніи десяти верстъ, то можно себѣ представить, какой хаосъ звуковъ не въ одинъ, а въ каждый лѣтній вечеръ доносился бы до него съ разныхъ сторонъ. Лѣтомъ, въ каждой окрестности Петербурга, гдѣ только есть хоть одно деревцо, хоть квадратный аршинъ дерна, исправляющій должность лужка, непремѣнно есть люди, наслаждающіеся природою, непремѣнно есть музыка, есть тиролька, оказывающаяся невѣрною въ вокальномъ отношеніи и находящаяся въ постоянномъ несогласіи (тоже въ вокальномъ, конечно) съ усатымъ Тирольцемъ; есть пиликающій квартетъ, или, наконецъ, цѣлый оркестръ музыки, иногда даже съ нѣкоторыми немузыкальными прибавленіями. Исключеніе въ этомъ случаѣ, какъ мы сказали, составляетъ только Парголово. Въ немъ нѣтъ ни сборныхъ мѣстъ, ни музыкальныхъ наслажденій; тамъ каждый живетъ для себя, наслаждается звуками своего домашняго фортепьяно. Парголово—страна художниковъ и Нѣмцевъ: однихъ привлекаетъ сюда живописное мѣстоположеніе, другихъ — удаленность отъ города, и совершенная безопасность отъ частыхъ нашествій добрыхъ зна-

комыхъ, которые такъ любятъ ѣздить въ гости на дачу. Парголово — страна съ особымъ характеромъ. Когда я проѣзжаю или прохожу по улицамъ Парголова и окружающихъ его деревень Каболовокъ, Ижоръ и т. п., когда я смотрю на эти уютненькіе домики съ палисадниками, террасами и галерейками, то каждый домикъ, каждая дачная избёнка, представляются мнѣ микроскопическимъ подобіемъ большаго міра, съ его горемъ и радостью, смѣхомъ и слезами. Какой-нибудь отецъ многочисленнаго семейства перевезъ сюда свою жену и дѣтей, чадъ и домочадцевъ. Онъ встаетъ съ солнцемъ, ложится съ курами, пьетъ чай съ бутербродами, начинаетъ обѣдъ молочнымъ супомъ, и весь погруженъ въ свой собственный домашній миръ. Онъ знать не хочетъ о какихъ-нибудь Арабахъ-Кабилахъ, влѣзающихъ на голову другъ другу; онъ не подозрѣваетъ какого-нибудь шествія боговъ олимпійскихъ, не подозрѣваетъ битвъ Амазонокъ и другихъ наслажденій Минеральныхъ Водъ. Новая басня, выученная Ваней—вотъ для него утѣшеніе; маленькая царапинка на рукѣ Ани—вотъ его горе! Еслибъ Вертеръ и Шарлота жили въ Петербургѣ, еслибъ судьбѣ и автору угодно было сочетать ихъ законнымъ бракомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, на лѣто они поселились бы въ Парголовѣ, и здѣсь на одномъ изъ деревъ, обставляющихъ Парнасъ, они непремѣнно вырѣзали бы начальныя буквы своихъ именъ, а подъ ними два пылающія сердца... Если гдѣ-нибудь любовь можетъ найдти себѣ лучшій пріютъ, такъ это вѣрно въ Парголовѣ, посреди его сосновой зелени, его горъ, озеръ и живописныхъ видовъ. Вотъ почему нигдѣ мы не видимъ столько внѣшнихъ выраженій сердечныхъ чувствъ, какъ здѣсь. Ни въ Павловскѣ, ни въ Петергофѣ нѣтъ тѣхъ таинственныхъ вензелей, тѣхъ многозначащихъ для однихъ и ничего-незначащихъ для другихъ словъ, которыя начерчены ножичками и карандашами на деревьяхъ Парнаса, на скамьяхъ Адольфовой и Зеленой Горъ, наконецъ, вездѣ, на всемъ, гдѣ и на чемъ только можно что-нибудь написать. Не одно поколѣніе выражало такимъ страннымъ образомъ здѣсь свои чувства, и какъ часто, можетъ-быть, подъ едва-замѣтными ужь начальными буквами имени матери, свѣжими чертами рисуется вензель ея дочки! Какъ часто, можетъ-быть, какая-нибудь пара, сидя на Парнассѣ, случайно взглянетъ на скамейку или дерево и остановитъ съ улыбкой свои взоры на двухъ буквахъ, начерченныхъ, лѣтъ пять тому назадъ, когда эта пара еще мечтала, надѣялась, ждала и блаженствовала будущимъ счастьемъ такъ же, какъ теперь блаженствуетъ настоящимъ! Какъ часто, можетъ-быть, блѣднѣетъ и краснѣетъ хорошенькая головка, увидѣвъ здѣсь свой еще совершенно-сохранившійся вензель рядомъ съ другимъ, но вензелемъ не того, на чью руку она опирается въ эту минуту съ такою любовью и нѣжностью [1].. Впрочемъ, не одна любовь пишетъ на деревьяхъ и деревѣ: рядомъ съ двойными вензелями, рядомъ съ нѣжными стихами и восклицаніями, и на Парнассѣ, и на Зеленой Горѣ есть простыя надписи въ родѣ «Иванъ С...въ сидѣлъ здѣсь 17 іюня 1851 года», «Н. Н., А. Р—ко и С. Н. были здѣсь 1849 года мая 30 дня» и тому подобныя надписи, вызванныя не какимъ-нибудь желаніемъ сохранить воспоми-

наніе о пріятныхъ минутахъ, а просто желаніемъ не отстать отъ другихъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если вамъ случалось бывать, читатель, въ мѣстахъ, на которыхъ издавна ведется обычай чертить свои имена, будь то на вершинахъ швейцарскихъ горъ, на берегу Иматры, или на площадкѣ парголовскаго Парнасса, вѣроятно, у васъ самихъ являлось желаніе оставить на память и свое имя. Бываютъ, однакожь, люди, у которыхъ не только является подобное желаніе, но которые не могутъ устоять противъ него, у которыхъ страсть вездѣ и на всемъ подписывать свое имя и фамилію сдѣлалась какою-то маніею. Въ Пруссіи жилъ нѣкогда (кажется, въ царствованіе Фридриха-Великаго) одинъ господинъ, отличавшійся подобною страстью. Онъ писалъ свою фамилію на стѣнахъ и заборахъ, на садовыхъ скамьяхъ и дорожкахъ, писалъ карандашомъ и тростью, углемъ и меломъ, перомъ и пальцемъ. Его дѣятельность пересиливала дѣятельность полицейскихъ стражей, смотрящихъ за опрятностью улицъ, и садовыхъ сторожей, наблюдающихъ за цѣлостью скамеекъ. Имя его такимъ-образомъ получило нѣкотораго рода популярность, и король пожелалъ видѣть неутомимаго писателя. Въ одинъ прекрасный день онъ явился во дворецъ и, въ ожиданіи дозволенія войдти съ королю, былъ остановленъ въ маленькой гостиной. Черезъ минуту дверь кабинета отворилась, и оригинальный господинъ предсталъ предъ короля. Государь былъ съ нимъ очень-милостивъ, сдѣлалъ ему нѣсколько ласковыхъ вопросовъ и, въ-заключеніе, дозволилъ ему писать свое имя гдѣ ему заблагоразсудится, за исключеніемъ дворца и дворцовыхъ имуществъ. Гость, обѣщавъ на будущее время исполнить волю государя, удалился. Король вышелъ вслѣдъ за нимъ изъ кабинета; но, проходя сосѣднюю комнату, вдругъ остановился. На маленькомъ мозаическомъ столѣ превосходной отдѣлки, крупнымъ шрифтомъ было выцарапано булавкою имя только-что ушедшаго господина. Одной минуты ожиданія аудіенціи онъ не выдержалъ, чтобъ это время не употребить съ пользою для увѣковѣченія своего имени. Вотъ примѣръ замѣчательной страсти!

Отсутствіе сборныхъ мѣстъ для гулянья способствуетъ какому-то разъединенію парголовскаго общества; и хотя здѣсь почти постоянно каждое лѣто живутъ одни и тѣ же лица, но такъ-называемыхъ дачныхъ знакомствъ дѣлается чрезвычайно-мало. Впрочемъ, никто изъ туземцовъ и не думалъ объ этихъ общихъ мѣстахъ: прекрасная природа замѣняетъ для нихъ и кувырканья различныхъ «профессоровъ гимнастики» и кукольную комедію и сто тысячъ китайскихъ фонарей. Чѣмъ бѣднѣе природа, тѣмъ нужнѣе подобныя удовольствія, и вотъ почему, по мѣрѣ приближенія къ петербургскимъ болотамъ, усиливаются различныя музыкальныя и немузыкальныя наслажденія. Такъ на дачахъ у Лѣснаго Института наслажденія природы оказываются уже недостаточными, и вотъ изъ Дордана (что на петергофской дорогѣ) пріѣзжаетъ сюда два раза въ недѣлю (въ понедѣльникъ и пятницу) оркестръ г. Шиндлера, и здѣсь, въ паркѣ, разъигриваетъ польки, кадрили и даже увертюры передъ многочисленною публикою; а ор-

кестръ кн. Юсупова два раза въ недѣлю играетъ въ саду г-жи Беклешевой — преимущественно для собственнаго удовольствія.

«Лѣсной» отличается во многомъ отъ Парголова. Дамскіе наряды здѣсь свѣтлѣе, шолкъ и бархатъ, батистъ и барежъ играютъ болѣе важную роль нежели кисея, камлотъ, кембрикъ и т. п., столь употребительные въ странахъ припарнасскихъ. Здѣсь громко стараются говорить всегда пофранцузски и только тихо говорятъ порусски и понѣмецки. Музыку здѣсь любятъ чрезвычайно и бо́льшую часть нумеровъ заставляютъ играть по два раза, такъ-что собственно вмѣсто двухъ здѣсь бываетъ четыре концерта въ недѣлю. Музыку слушаютъ одни просто сидя неподвижно на скамейкахъ передъ оркестромъ въ мертвенномъ молчаніи, другіе свысока, сидя въ своихъ экипажахъ, награждающихъ сидящую публику тучами пыли. Музыка устроена такъ, что лошади могутъ принимать живое участіе въ этого рода наслажденіи, и ка́къ знать, можетъ-быть, какой-нибудь гнѣдко, издавая звуки, которые мы привыкли называть «ржаніемъ» ни болѣе, ни менѣе какъ вспоминаетъ вслухъ какую-нибудь слышанную имъ Djamdridi польку! Обитатели «Лѣснаго» или, какъ кто-то сказалъ, «лѣсные обитатели» имѣютъ замѣтную склонность къ соломѣ, и шляпы и фуражки, сдѣланныя изъ этого матеріала, также часто попадаются здѣсь посреди стеоретипныхъ черныхъ шляпъ и фуражекъ, какъ въ Безбородкиномъ Саду и Полюстровѣ часто попадаютъ шляпы сѣрыя пастушескія съ большими полями.

Полюстрово — это двоюродная сестра Парголова. Жизнь здѣсь ведется такъ же мирно, какъ и тамъ, и недостатокъ чувствуется только въ природѣ.

Движеніе полюстровскихъ омнибусовъ лучше всего характеризуетъ эту страну. Если вы хотите провесть вечеръ у кого-нибудь въ Полюстровѣ, и ѣхать туда въ омнибусѣ, то должны отправиться непозже пяти часовъ, потому-что позже этого омнибусы ходятъ только въ десять; въ Полюстровѣ же вы не можете оставаться тоже долѣе десяти часовъ, потому-что въ это время идетъ послѣдній омнибусъ. Десять часовъ урочный часъ, въ который все затихаетъ въ этой дачной мѣстности, за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, сидящихъ на берегу Невы и столькихъ же гуляющихъ по алеѣ около дачъ.

Хотя Полюстрово и не отличается парголовскими видами, но и оно какъ увѣряла одна дама, не лишено прелестей природы. Надъ нимъ тоже иногда бываетъ свѣтлое небо, на которомъ порой свѣтитъ солнце и иногда показывается луна; въ Полюстровѣ даже есть соловьи, распѣвающіе въ окрестностяхъ Тиволи... А Тиволи! этотъ маленькій сырой островокъ, окруженный канавками, островокъ, полный историческихъ воспоминаній о различныхъ лѣтнихъ увеселеніяхъ Петербуга, для которыхъ онъ служилъ разсадникомъ... Здѣсь, на немъ, на Тиволи, впервые раздались звуки садоваго концерта съ платою за входъ. До-тѣхъ-поръ мы не знали этого рода наслажденій и довольствовались просто загородными прогулками. Но Германъ открылъ на Тиволи серебряную руду въ видѣ тридцатиконеечнаго сбора за слушаніе своего оркестра, и его остроумная выдумка породила десятки подража-

телей въ лицѣ гг. Гильмана, Шиндлера, Супе, Лумби, Ладе, Излера и проч. проч. Германъ замѣчателенъ потому, что, за аплодисменты его оркестру, онъ благодарилъ публику изъ дверей ресторана, бывъ довольно-счастливъ въ своихъ музыкальныхъ спекуляціяхъ; но счастье покинуло его преемниковъ. Тиволи опустѣлъ, и жители окрестныхъ дачъ предпочли слушать музыку даромъ на берегу, противоположномъ острову. Каждый вечеръ собиралось сюда много публики: одни слушали гуляя, другіе являлись съ скамеечками и стульчиками и слушали сидя. Молодые люди, наслаждавшіеся музыкою даромъ, любезно бесѣдовали съ дамами и даже нѣжно влюблялись въ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, слушавшихъ музыку также безъ платы; почтенные люди гуляли очень-пріятно, покуривая сигары подъ гармоническіе звуки полекъ, раздававшихся на другомъ берегу. Все шло очень-просто и мило; всѣ были очень-довольны, питали даже искреннюю привязанность къ дирижёрамъ оркестровъ, доставляющихъ имъ такъ много наслажденій. Но странно, что оркестры и дирижёры не были въ свою очередь довольны публикою и мало-по-малу, а наконецъ и совершенно покинули сырой островокъ. Но счастье не покинуло Полюстровцевъ и судьба послала имъ даровую музыку. Оркестръ графа Кушелева-Безбородко теперь играетъ почти каждый день то въ Тиволи, то въ саду, при ключѣ собираетъ воедино всѣхъ дачниковъ и дачницъ, изъ которыхъ послѣднія обыкновенно являются на музыку безъ шляпокъ въ легонькихъ fichus. Было время, когда средній классъ пользовался даровымъ наслажденіемъ въ садахъ многихъ вельможъ русскихъ, но нынѣ изъ этихъ многихъ остались только сады графа Кушелева-Безбородко и графа Строганова, гдѣ тоже иногда по воскресеньямъ играетъ музыка и мѣрно движется толпа вокругъ широкой лужайки...

На полюстровскомъ желѣзистомъ ключѣ (при которомъ есть цѣлебныя ванны) съ конца іюня начались по субботамъ лѣтніе балы (bals champêtres), на которыхъ кавалеры танцуютъ въ сюртукахъ, а дамы въ шляпкахъ и закрытыхъ платьяхъ.

За границей такіе балы въ большой модѣ; у насъ же они бываютъ нечасто и, кромѣ полюстровскихъ, можно назвать только развѣ коломяжскіе, на которыхъ три раза въ недѣлю танцуетъ коломяжское населеніе преимущественно нѣмецкаго происхожденія, и наконецъ—одни изъ лучшихъ баловъ въ этомъ родѣ, въ Петергофскомъ Воксалѣ. Послѣдніе балы, на которыхъ играетъ оркестръ Ладе, начались съ 13 іюня, Но, какъ обыкновенно, на первыхъ изъ нихъ публики собралось мало. «Вечера еще слишкомъ-свѣтлы для баловъ», говорятъ дамы и отчасти онѣ правы. Правы не потому, что для баловъ необходимъ огонь, который такъ много помогаетъ иллюзіи, но потому, что какъ ни прекрасна зала Петергофскаго Воксала, но все-таки жаль промѣнять на нее свѣтлый, какъ день, теплый, ароматный лѣтній вечеръ, и жаль промѣнять особенно въ Петергофѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, какая мѣстность въ окрестностяхъ Петербурга такъ живописна, такъ роскошна, какъ Петергофъ? Чудные сады, великолѣпные дворцы, фонтаны съ ихъ таинственнымъ журчаньемъ и наконецъ море съ его вѣчнымъ плескомъ — все это дѣлаетъ Петергофъ

живописнымъ, величественнымъ и поэтичнымъ въ одно и то же время. Петергофъ, роскошный всегда, нынѣшнимъ лѣтомъ кажется еще роскошнѣе. Бронзовыя статуи, вазы и прочія украшенія лѣстницы, ведущей изъ верхняго сада въ нижній, вызолочены, уступы каскадовъ отдѣланы вновь золотомъ и лазурью, бассейны обложены новымъ камнемъ, и видъ съ площадки дворца на море, или съ мостика на Самсоновскомъ Каналѣ на дворецъ, сдѣлался еще величественнѣе, еще волшебнѣе... Передъ дворцомъ каждый день играетъ музыка и садъ пестрѣетъ группами гуляющихъ въ то время, какъ по алеямъ парка носятся всадники и амазонки... На петергофскихъ дачахъ живутъ почти постоянно одни и тѣ же лица, между которыми есть много принадлежащихъ къ высшему обществу.

Отъ Петербурга до Петергофа 28 верстъ, но здѣсь еще не предѣлъ дачнымъ колоніямъ Петербуржцевъ : онѣ идутъ далѣе, до Ораніенбаума. Хотя бо́льшее число здѣшнихъ лѣтнихъ посѣтителей составляютъ переселенцы изъ Кронштадта, однако вы встрѣтите тутъ нѣсколько дачь, заселенныхъ выходцами изъ Петербурга. Чистый, необыкновенно-здоровый воздухъ, прекрасный паркъ, садъ, живописный видъ на море составляютъ наслажденіе лѣтнихъ жителей этого нѣкогда уѣзднаго городка. Но и здѣсь не обходится безъ музыки, и иногда въ воскресенье всѣ ораніенбаумскіе жители собираются ко дворцу послушать военный оркестръ.

Впрочемъ, здѣшніе дачники, если хотятъ, могутъ, безъ большихъ хлопотъ и издержекъ, пользоваться музыкальными наслажденіями хоть каждый день, отправляясь въ Петергофъ. Сообщеніе чрезвычайно-быстро, и въ какія-нибудь сорокъ минутъ, благодаря омнибусамъ, отправляющимся чрезъ каждые два часа, можно переѣхать съ одного мѣста на другое.

Вообще говоря, лѣтнія сообщенія съ загородными мѣстами у насъ необыкновенно-удобны. Въ Петергофъ каждые два часа отправляются большіе пароходы ; на острова каждые полчаса, а иногда и чаще, отъ двухъ пристаней (у Лѣтняго Сада и Сената) ходятъ маленькіе пароходы, въ Новую Деревню чуть не каждую минуту—омнибусы четырехъ разныхъ величинъ, четырехъ разныхъ цвѣтовъ и четырехъ разныхъ заведеній; въ Лѣсной, въ Полюстрово, на Александровскую Мануфактуру, въ Коломяги, въ Мурино, въ Парголово — множество различныхъ омнибусовъ многаго множества разныхъ заведеній, и наконецъ въ Царское и Павловскъ по нѣсколько разъ въ день, а въ праздники почти каждый часъ, отправляются поѣзды желѣзной дороги.

На омнибусы нѣкоторые посматриваютъ несовсѣмъ-благосклонно, и есть много лицъ пола непрекраснаго, неговоря ужь о полѣ прекрасномъ, которыя ни за что̀ не рѣшатся совершить даже самаго короткаго пути въ этихъ душныхъ коробкахъ, какъ они называютъ общественныя кареты. Напротивъ, ѣздить на пароходахъ большинство находитъ даже удовольствіемъ, и у пароходныхъ пристаней вы постоянно увидите множество экипажей, которыхъ владѣльцы отправились на острова водою... Быстрота ѣзды, отсутствіе пыли, свѣжій воздухъ, живописные берега — все это даетъ и большимъ и малень-

кимъ пароходамъ преимущество предъ всѣми другими способами сообщеній. Но, сверхъ-того, на пароходахъ есть общество, есть жизнь, есть разговоры, бесѣды, сценки, которыя разнообразятъ дорогу путника даже одинокаго. Утромъ физіономія парохода совершенно-другая, нежели въ полдень, въ полдень совершенно иная, нежели вечеромъ. Въ одно время задумчивыя лица, портфёли, узелки, дождевые зонтики, шерстяные бурнусы и соломенныя фуражки, въ другое—свѣжія, веселыя лица и личики, легкіе изящные наряды, свѣжія перчатки, распущенные свѣтлые зонтики, легкій говоръ, сдерживаемыя улыбки, блестящія шляпы; въ третье—зонтики закрытые, маленькое утомленіе на лицахъ, немножко-запыленные, немножко-смятые наряды, маленькіе кружки, неумолкающій говоръ, иногда перерѣзываемый трелью хохота; господинъ, ходящій по палубѣ, которому дурно, и другой, бесѣдующій съ какою-то молоденькою дамою, которому очень-хорошо; дремлющій старичокъ и старушка и ихъ недремлющая дочка, разговаривающая съ офицеромъ; почтенный мужъ (потому-что онъ женатъ) съ поднятымъ кверху воротникомъ пальто, блѣдная женщина возлѣ него, грустно-смотрящая на зеленыя волны моря, дымъ папиросъ и сигаръ, зѣвки, букеты еще незавялые—быть-можетъ, трофеи еще незавялыхъ побѣдъ... Вы смотрите на эту разнообразную толпу, мечтаете, фантазируете на мотивы случайно вами подслушанныхъ словъ, замѣченныхъ вздоховъ, улыбокъ и проч. и проч. и въ головѣ вашей возникаютъ маленькія исторіи, романы, маленькія комедіи. Время идетъ быстро, незамѣтно, а между-тѣмъ вы въ Петербургѣ...

Почти то же самое замѣчаете вы и въ вагонахъ желѣзной дороги, гдѣ, впрочемъ, удается болѣе слышать, нежели видѣть...

Заговоривъ о пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, не могу не сказать двухъ словъ о новыхъ принадлежностяхъ путешествій по этимъ двумъ способамъ сообщенія, именно о raile-road и plaid. Rail-road—по-англійски значитъ «желѣзная дорога»; этимъ словомъ называютъ большіе шерстяные платки темныхъ, чаще всего сѣрыхъ цвѣтовъ съ каймами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, вы догадываетесь, для чего служатъ эти платки. Вамъ извѣстно, что мужчины всѣ свои изобрѣтенія въ нарядахъ, въ буквальномъ смыслѣ, кладутъ къ своимъ ногамъ, будь то пёстрая матерія à la quasimodo, или теплый шерстяной платокъ. Вы угадали; этими платками джентльмены окутываютъ свои ноги во время поѣздокъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Когда же въ rail-road нѣтъ надобности, то онъ складывается и носится на рукахъ, какъ плащъ или пальто̀. За границей подобные платки не новость, но въ Петербургѣ они стали входить въ употребленіе только съ недавняго времени. Что̀ же касается до plaid, подобныхъ же платковъ, только болѣе-нѣжной доброты, которые надѣваютъ мужчины въ видѣ шали, то ихъ видно еще очень-мало.

Отъ платковъ для желѣзной дороги можно бы было перейдти къ Павловску, но посѣтимъ прежде Лѣтній Садъ.

Съ прошлаго мѣсяца въ Лѣткемъ Саду многое перемѣнилось. Вмѣсто пестрыхъ группъ, тамъ и сямъ мелькавшихъ по алеямъ, мѣрно движутся яркоцвѣтныя колонны, съ цѣлымъ садомъ на головахъ прекрас-

наго пола и густыми растеніями на подбородкахъ пола непрекраснаго. Веселый говоръ и болтовня замѣнились молчаніемъ, легкимъ шопотомъ и только зруки музыки, несущейся изъ оконъ кофейни, нѣсколько оживляютъ эти движущіяся живыя группы.

Въ Духовъ-день, по обыкновенію, здѣсь играло нѣсколько оркестровъ полковой музыки, и гулянье, какъ всегда, приняло колоссальные размѣры. Прежде въ этотъ день въ Лѣтнемъ Саду происходила ежегодная выставка жениховъ и невѣстъ, которыми обставлялись алеи. Но вѣкъ идетъ впередъ — невѣсты и женихи не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а переходятъ съ одного на другое, и забавная *выставка*, какъ сказалъ одинъ острякъ (вѣроятно несильный въ своемъ искусствѣ), обратилась въ забавную *выходку*. Впрочемъ, гдѣ же не выставляютъ невѣстъ, гдѣ же не выставляются женихи — вся разница только въ церемоніалѣ выставки. Въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, совершенно-одинаковыя чувства, замыслы и надежды, руководятъ разными классами общества, и одинъ классъ выражаетъ ихъ проще и прямѣе въ то время, какъ другой выражаетъ ихъ кудрявѣе, лукавѣе, хитрѣе. Одни выставляютъ или водятъ невѣстъ просто на-показъ въ Лѣтній Садъ, другіе вывозятъ дѣвицъ въ роскошныхъ экипажахъ въ Старую Деревню, къ Каменно-островскому Театру, чтобъ слушать кавалергардовъ, или въ итальянскую оперу, чтобъ наслаждаться пѣніемъ Віардо и Маріо, а главное (замѣтьте это главное), чтобъ усовершенствоваться въ музыкѣ. Однихъ заставляютъ потуплять глаза въ землю при взглядѣ на краснаго молодца, другихъ — пѣть итальянскія аріи, французскіе романсы и быть привѣтливыми съ тѣмъ, кто имѣетъ хорошее положеніе въ свѣтѣ и т. д.

Близь Измайловскаго Моста, на Фонтанкѣ, помѣщается Лѣтній Нѣмецкій Клубъ. Миръ, тишина и спокойствіе витаютъ надъ этимъ пріятнымъ учрежденіемъ, гдѣ in's grüne проводятъ среды и понедѣльники румяные бюргеры съ своими многочисленными семействами.

Начиная съ самодовольной улыбки швейцара, до того обычая, по которому придверники отнимаютъ у васъ палку или зонтикъ (такъ-какъ вооруженнымъ въ садъ никто не впускается), все здѣсь дышетъ миромъ и довольствомъ. Кàкъ мило на зеленыхъ скамеечкахъ, передъ зелеными столиками, противъ зеленаго павильйона, устроеннаго для оркестра, сидятъ соломенныя шляпки, перемежающіяся съ черными шляпами и фуражками! кàкъ внимательно слушаютъ они польки, вальсы и увертюры изъ «Фрейшюца» и «Фенеллы», исполняемые оркестромъ Ладе, тѣ польки и увертюры, которыя, каждая изъ этихъ шляпокъ, сама-по-себѣ разъигрываетъ на своемъ маленькомъ фортепьяно... Какое самодовольствіе выражается на румяныхъ лицахъ филистеровъ, на ихъ гороховыхъ (непремѣнно гороховыхъ) пальтò и какихъ-нибудь сѣрыхъ шляпахъ, когда они, подъ открытымъ небомъ Нарвской Части, вдыхая воздухъ, напитанный табачнымъ дымомъ и ароматомъ пунша и глинтвейна, посасывая сигары, сидятъ передъ зелеными карточными столами! Кàкъ ярко отражается на ихъ лоснящихся щекахъ пламя свѣчей въ стеклянныхъ колпакахъ и какое дешевое наслажденіе ожидаетъ ихъ потомъ въ видѣ поросенка съ хрѣ-

номъ или раковъ, которые истребляются здѣсь въ несметномъ количествѣ... Въ Лѣтнемъ Нѣмецкомъ Клубѣ, кажется, нѣтъ далекихъ, глубокомысленныхъ разсчетовъ. Здѣсь все ограничивается разсчетами съ буфетчикомъ, да съ партнёрами дешеваго преферанса. Даже эта блѣдная Нѣмочка, съ свѣтлоголубыми глазами, которая такъ внимательно слушаетъ молодаго человѣка, то улыбается ему, то смотритъ на него задумчиво — вѣрно ни на что̀ не разсчитываетъ, не имѣетъ никакихъ такъ-называемыхъ «видовъ» на своего собесѣдника и готова всю свою жизнь, всю свою молодость слушать словоохотнаго кавалера, вздыхать, думать о немъ наединѣ... и мало-по-малу засохнуть и увянуть. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, это кажется; но, между-тѣмъ, по волѣ судебъ все устроивается совершенно-иначе. Вообще, молоденькія Нѣмки скоро дѣлаются мадамами, быстро обращаются въ булочницъ, супругъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и наконецъ (о, ужасъ!) въ сапожницъ — титулъ странный, но для многихъ очень-пріятный, а почему бы и непріятный, особенно, если дающій его хорошо знаетъ свое дѣло!

Нѣмецкій Клубъ часто устроиваетъ семейное счастье; Нѣмецкій Клубъ всегда поощряетъ семейную жизнь. Буфетныя принадлежности какъ-бы хотятъ сказать, что семейная жизнь не дороже одинокой и стаканъ чая сто̀итъ здѣсь то же самое, что̀ и цѣлая порція.

Когда вы смотрите на веселыя и самодовольныя лица, на маленькія компаніи, вкушающія дешевый чай съ бутербродами, на длиннѣйшую афишку пьесъ, играемыхъ отъ 7 до 12 часовъ, на всю эту публику, которая даже подъ небомъ Нарвской Части, въ небольшомъ, съ каждымъ годомъ уменьшающемся садикѣ находитъ лѣтнія наслажденія и находитъ ихъ съ подобающею важностью и сознаніемъ всѣхъ ихъ прелестей, вамъ самимъ дѣлается весело. Тотъ счастливъ, кто счастливъ своимъ уголкомъ.

Павловскъ, безъ-сомнѣнія, одно изъ лучшихъ загородныхъ мѣстъ. Въ немъ есть живописная природа, посреди которой каждый желающій можетъ цѣлые дни проводить въ совершенномъ уединеніи; въ немъ есть и общественное гулянье съ музыкою Іосифа Гунгля. Павловскій садъ, съ его пригорками и холмиками, съ его храмомъ дружбы и крѣпостцою Биби, съ его Розовымъ Павильйономъ и змѣящеюся Славянкою, съ ея водяными уступами — все это хорошо знаютъ павловскіе дачники, точно такъ же, какъ не знаетъ и не видало этого большинство петербургскихъ посѣтителей павловскихъ музыкальныхъ вечеровъ, для которыхъ воксалъ и площадка передъ оркестромъ, составляютъ предѣлы гулянья. Какъ бы то ни было, а много публики постоянно сбирается сюда по четверкамъ, когда бываютъ музыкальные вечера по программѣ, еще болѣе по воскресеньямъ, когда Павловскъ даже нѣсколько утрачиваетъ свой ежедневный характеръ и наполняется обществомъ самымъ разнообразнымъ. Но мало или много бываетъ здѣсь публики, состоитъ ли она только изъ мѣстныхъ жителей или наѣзжихъ, павловскія гулянья кажутся какъ-то монотонными, по-крайней-мѣрѣ въ-теченіе первыхъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Это замѣчено многими.

Оркестръ въ Павловскѣ, говорятъ другіе, очень-хорошъ и въ выс-

шей степени приличенъ. Когда вы, слушая музыку, посмотрите на дирижёра и членовъ оркестра, то невольно остановитесь на ихъ спокойныхъ, ничѣмъ повидимому невозмутимыхъ лицахъ. Вы остановитесь, можетъ-быть, и на ихъ бѣлыхъ жабо, съ полнымъ сознаніемъ своихъ обязанностей подпирающихъ то гладко-выбритыя щеки, то гладко-отдѣланныя бакенбарды, и вамъ прійдетъ очень-вѣроятно мысль, что ни на одномъ изъ этихъ прекрасныхъ жабо не появится ни одной складочки и по окончаніи вечера, не появится потому, что ихъ владѣльцы такъ спокойно поварачиваютъ головы, шевелятъ руками и вообще двигаются такъ осторожно, какъ-будто бы и то и другое и третье они совершали по нотамъ. Оркестръ г. Іосифа Гунгля—это превосходный инструментъ, у котораго нѣтъ однако того, что̀ должно быть у оркестра — души, жизни, огня. Какой-нибудь легкій граціозный вальсъ, какую-нибудь съ веселымъ мотивомъ польку вы слушаете такъ же спокойно, какъ какую-нибудь серьёзную симфонію, и ваши ноги, по словамъ танцоровъ, не шевельнутся съ мѣста. Только сердце говоритъ сердцу: музыка холодна—остается холодною и публика... Такъ говорятъ нѣкоторые любители музыки, разрѣшая вопросъ о монотонности павловскихъ гуляній И странно, какъ-бы въ подтвержденіе ихъ словъ, но въ подтвержденіе, сдѣланное съ ироническою улыбкою, гулянья въ Павловскѣ дѣйствительно тогда только оживляются, когда на нихъ появляется огонь, но не тотъ вдохновенный огонь, который слетаетъ на артистовъ, а тотъ, который улетаетъ отъ земли въ видѣ ракетъ, брызжетъ фонтаномъ, или вертится колесомъ. Въ августѣ, въ Павловскѣ начинаются фейерверки, гулянья оживаютъ и перемѣняютъ свой прежній характеръ. Но вы конечно догадываетесь, что это происходитъ не столько отъ огня, сколько отъ перемѣны публики... Другія времена—другіе люди, другіе нравы... Впрочемъ, какъ бы то ни было, когда бы то ни было, въ іюнѣ или августѣ, при блескѣ солнца, или при свѣтѣ китайскихъ фонарей, а нельзя не сказать, что павловскія гулянья отличаются изяществомъ дамскихъ нарядовъ—этимъ немалымъ украшеніемъ каждаго гулянья.

Любительницы модъ найдутъ здѣсь образчики всѣхъ новостей дамскаго туалета, и простые наблюдатели никогда не встрѣтятъ тѣхъ жалкихъ поползновеній къ роскоши, тѣхъ грустныхъ стремленій къ модамъ, тѣхъ плѣшивыхъ бархатныхъ бурнусовъ и грязныхъ шляпокъ изъ итальянской соломы, которые прійдется имъ видѣть на гуляньяхъ Монплезира, Дардана, Парковъ, Любека, Крестовскаго и проч.

Всѣ люди къ чему-нибудь стремятся. Жизнь безъ цѣли—жизнь скучная, пустая, а цѣль всегда впереди насъ. Если необразованный хочетъ сдѣлаться образованнымъ, если человѣкъ безъ значенія старается сдѣлаться человѣкомъ съ значеніемъ и т. п. — это прекрасно. Но сдѣлаться чѣмъ-нибудь высшимъ довольно-трудно, а потому большинство, избѣгая труда, старается по-крайней-мѣрѣ казаться тѣмъ, чѣмъ не можетъ быть на самомъ дѣлѣ. Многіе, вовсе необразованые, внѣшнимъ лоскомъ, французскими манерами, стараются походить на образованныхъ; люди средняго класса увиваются вокругъ лицъ выс-

шаго общества и стараются казаться аристократами; мелкія чиновницы рядятся какъ знатныя барыни. Каждый живетъ не по своимъ средствамъ; роскошь привилась ко всѣмъ классамъ общества. Но въ классѣ образованномъ роскошь можетъ считаться слѣдствіемъ утонченности вкуса и многихъ потребностей, появившихся изъ нравственнаго развитія членовъ этого общества; здѣсь она совпадаетъ съ комфортомъ; напротивъ, въ другихъ классахъ она является вслѣдствіе безотчетнаго подражанія и является по-большей-части забавною. Не помню, въ какой-то французской комедіи, къ разбогатѣвшему ткачу приходитъ старый пріятель. Ему подаютъ чашку кофе, сахарницу и въ ней серебряныя щипчики. Гость, узнавъ, что щипчики употребляются для взятія сахару, немедленно опустилъ въ сахарницу свои грязные пальцы, вынулъ изъ нея кусокъ сахару и, положивъ его въ щипчики, этимъ способомъ опустилъ сахаръ въ чашку. А сколько есть людей, которые столько же знаютъ употребленіе различныхъ покупаемыхъ ими предметовъ, въ которыхъ они имѣютъ столько же надобности, какъ только-что описанный мною простолюдинъ—въ щипчикахъ для сахару! Какъ забавно нѣкоторыми франтами носятся пиджаки, плащи и шарфы, нѣкоторыми щеголихами-тальмы, шали, браслеты и проч. и проч.! Подражаніе въ людяхъ породило подражаніе въ промышлености. Для удовлетворенія современному стремленію *казаться*, появились различныя издѣлія, которыя только кажутся тѣмъ, чѣмъ они должны бы быть на самомъ дѣлѣ. Стекло исправляетъ должность брильянтовъ, бронза — золота, мельхіоръ — серебра, московскій бархатъ—бархата французскаго и проч. и проч. То, что̀ у однихъ и роскошно и изящно, у другихъ и смѣшно и жалко. Въ настоящую минуту къ бархатнымъ мантильямъ и бурнусамъ страсть въ Петербургѣ, и вотъ на гуляньяхъ, на рынкахъ, на каждомъ шагу вы встрѣтите бархатные бурнусы; но какіе бархатные! то рѣдкіе, какъ кисея, то плѣшивые, то запятнанные, и никто изъ обладающихъ подобными нарядами не думаетъ, что всѣ эти недостатки кажутся еще большими, потому-что они на бархатѣ, а не на какой-нибудь простой матеріи.

Но платье не дѣлаетъ людей, какъ новое прозвище не мѣняетъ стараго характера увеселительныхъ заведеній. Такъ хотя на вывѣскѣ (на одной и той же вывѣскѣ), украшающей одинъ домъ на петергофской дорогѣ и написано три раза *Монплезиръ*, но никто не ошибется, что это заведеніе есть не что иное, какъ прежняя *Марьина Роща*. Поздній кутёжъ купеческихъ сынковъ и прикащиковъ, сиплая музыка и горланящій хоръ—все это тѣсно связано съ именемъ Марьиной Рощи даже у тѣхъ, кто никогда не бывалъ на этомъ гуляньѣ. Какъ какой-нибудь прикащикъ, обрившій бороду, промѣнявшій сибирку на модный пиджакъ и изъ Стёпки превратившійся въ Степана Кузьмича, Марьина Роща окрасилась снаружи, прежнее прозвище перемѣнила на новое—французское, но на самомъ дѣлѣ осталась тою же самою. Грязноватый буфетъ и такая же зала ведутъ васъ въ садъ, въ которомъ, по словамъ афишъ, хозяинъ заведенія не щадитъ издержекъ для доставленія удовольствія публикѣ. Дѣйствительно, здѣсь

есть эстрада, на которой бываютъ иногда аккробатическія представленія, есть другая, на которой играетъ оркестръ подъ управленіемъ г. Васильева, есть кружокъ, на которомъ ходятъ хороводы и поются русскія пѣсни. Г. Васильевъ дирижируетъ съ необыкновеннымъ жаромъ и энергіей. Смычокъ его то погрозитъ на всѣ стороны, то вдругъ заколотитъ по скрипкѣ, то наляжетъ на эту скрипку и задвижется по ней съ такою быстротою и усердіемъ, что можно опасаться за цѣлость инструмента. Но смычокъ г. Васильева — смычокъ волшебный; нѣжные мотивы полекъ несутся со струнъ скрипки, и сама скрипка остается цѣлою. Музыкальный жаръ капельмейстера переходитъ на весь оркестръ и разражается сильнымъ громомъ турецкаго барабана. Единодушные аплодисменты и возгласы раздаются со всѣхъ сторонъ, раздаются съ площадки, на которой сидитъ публика, изъ кустовъ, въ которыхъ повидимому, никто не сидитъ...

— Браво! отлично, Васильевъ! брависсимо, Васильевъ! bis! повторить! слышится со всѣхъ сторонъ; braaaaavo! раздается изъ самой глубины сада... Васильевъ повторяетъ. При этомъ, вызванный ли обязанностью или просто желаніемъ заслужить подобные признаки одобренія, возлѣ капельмейстера является другой господинъ съ скрипкою, который играетъ тоже съ необыкновеннымъ жаромъ, и, судя по жестамъ его, тоже дирижируетъ оркестромъ... За этимъ вторымъ господиномъ скоро появляется и третій, точно съ такими же претензіями.

— Польку Васильевъ!.. польку! требуютъ два господина въ сѣрыхъ шляпахъ.

Дирижёръ начинаетъ и оба господина, нѣжно-обнявшись, начинаютъ, къ вящшему наслажденію публики танцовать польку... Хороводы, представляющіе русскій семикъ и т. п., исполняются съ неменьшимъ усердіемъ, и публика остается довольною и громкими, необыкновенно-крикливыми голосами двадцати дѣвушекъ, которыя поютъ пѣсни, и еще болѣе тѣмъ, что усердіе и труды получаютъ, въ ихъ глазахъ, достойное вознагражденіе въ видѣ пива, которымъ, ничего-нещадящій для удовольствія публики, хозяинъ Монплезира, угощаетъ хористокъ.

Зрители окружаютъ хороводъ. Удовольствіе выражается на ихъ лицахъ.

— Что засмотрѣлся-то, паренёкъ? нравится не-бось? спрашиваетъ длиннополый сюртукъ съ подстриженною бородкой, лукаво подмигивая молодому парню въ синей сибиркѣ.

— Нече нравиться-то, плохія питерскія бабы.

— А чѣмъ плохи-то?

— Да вишь ты цѣлыхъ два десятка собралось, а ни одной, то-есть нѣтъ, какъ слѣдуетъ, всѣ сухопарыя какія, носы словно пуговицы, да и сами, словно не русскія, а какія-то чухонки.

— Ты не здѣшній видно?

— Мы Ярославцы...

— Ну то-то больно и разбираешь: не присмотрѣлся видно къ нашинскимъ-то...

Публика въ Монплезирѣ та же, что прежде бывала и въ Марьиной Рощѣ... Окрестныя дачи, фабрики, а отчасти Петербургъ доставляютъ самыхъ разнообразныхъ посѣтителей этому гулянью. Всѣ здѣсь болѣе или менѣе веселы. Мужчины пьютъ пуншъ и говорятъ безъ умолка; дамы, румяныя какъ маковъ цвѣтъ, заливаются громкимъ хохотомъ отъ каждаго слова своихъ кавалеровъ. Обращеніе однихъ съ другими самое простое, непринужденное, и поэтому какъ-то странно покажется вамъ, если посреди этихъ румяныхъ лицъ и неестественно-блестящихъ глазъ, посреди вытертыхъ бархатныхъ бурнусовъ и грязныхъ шелковыхъ платьевъ, вы встрѣтите вдругъ какое нибудь свѣженькое личико молоденькой дѣвушки въ простенькомъ кембриковомъ платьицѣ и гроденаплевой шляпкѣ.

Кромѣ исчисленныхъ наслажденій, въ Монплезирѣ есть оркестръ изъ пяти музыкантовъ, который, какъ порція бифштексу, какъ стаканъ чая, можно потребовать рѣшительно во всякое время—и онъ появится передъ вами. Но будетъ о Монплезирѣ; перейдемъ къ его сосѣду «Дардану».

— Что такое Дарданъ? спрашивалъ одинъ господинъ у кассира, покупая билетъ для входа.

— Это-съ извѣстный городъ.

— Гдѣ?

— Въ древности-съ.

— Гдѣ же?

— А ужь навѣрное сказать вамъ не могу, надо у хозяина спросить.

— А хозяину фамилія Дарданъ?

— Нѣтъ-съ.

Любознательный господинъ махнулъ рукой и ушелъ.

По всей вѣроятности, ему, какъ и многимъ другимъ посѣтителямъ этого гулянья, вовсе не прійдетъ въ голову, что небольшой участочекъ дачи г. Блока, называвшійся прежде Александріею, нынѣ позаимствовалъ свое имя отъ сына Юпитера и Электры, царицы элидской.

Большой двуэтажный трактиръ съ поющими въ немъ Тирольцами, маленькая площадка передъ оркестромъ, которымъ управляетъ г. Шиндлеръ, и зеленый прудъ, который, вѣроятно, никогда не былъ чищенъ — вотъ главныя части этой увеселительной мѣстности. Но маленькое пространство не мѣшало и прежде, не мѣшаетъ и теперь находить здѣсь гуляющимъ большое удовольствіе.

Имя миѳологическаго героя какъ-нельзя-болѣе соотвѣтствуетъ этому гулянью. Древность проглядываетъ здѣсь и въ покрытомъ тиною прудѣ и въ различныхъ миѳологическихъ изображеніяхъ, стоящихъ на деревянныхъ некрашеныхъ стульчикахъ. Обитатели сосѣднихъ дачъ петергофской дороги, деревень Тентелевой, Волынкиной, находятъ пріятное развлеченіе въ Дарданѣ, гдѣ по вторникамъ и четверкамъ бываетъ оркестръ музыки и Тирольцы, а по воскресеньямъ, сверхъ-того, еще и пѣсенники. Оркестръ г. Шиндлера недуренъ; Тирольцы поютъ такъ же, какъ поютъ и всѣ Тирольцы; что жь касается до пѣсенниковъ, то они не только распѣваютъ различныя народныя пѣсни, но иногда

и разыгрываютъ цѣлыя драматическія сцены въ стихахъ, вѣроятно, своего собственнаго сочиненія, какъ, напримѣръ, «Волжскіе разбойники». Дѣйствующихъ лицъ здѣсь два: атаманъ и есаулъ; прочіе исполняютъ обязанности хористовъ. Представленіе начинается съ того, что всѣ становятся въ кружокъ и потомъ, двигая руками такъ, какъ-бы они гребли веслами, распѣваютъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Затѣмъ начинаются разговоры атамана и есаула, въ которыхъ одинъ допрашиваетъ другаго: невидно ли кого или чего-нибудь на пути, или отдаетъ различныя приказанія, въ родѣ слѣдующихъ:

Атаманъ. — Есаулъ, есаулъ! я вижу вдали домъ; густой садъ растетъ кругомъ. Видишь ли ты его?...

Есаулъ. — Вижу, атаманъ!

Атаманъ. — Тамъ живетъ купецъ съ дѣтьми и съ женой и съ богатой золотой казной. Поди же скажи, что мы къ нему въ гости будемъ, чтобъ онъ насъ ожидалъ и было бъ у него и пиво и вино. Да не прокисло чтобъ оно...

Есаулъ. — Слушаю, атаманъ! и есаулъ, отвертываясь въ сторону, дѣлаетъ языкомъ тррр... вѣроятно, изображая этимъ свой отъѣздъ къ богатому купцу.

Всѣ эти quasi-стихи произносятся усиленными голосами, какимъ-то торжественнымъ тономъ, подобно тому, какъ нѣкогда читались стихи александрійскіе. Сцена длится съ полчаса и болѣе и всѣ участвующіе въ ней исполняютъ свои роли съ замѣтнымъ стараніемъ и удовольствіемъ. Эти страшныя драматическія сцены разъигрываются на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ нѣкогда разъигрывались сцены самыя нѣжныя, сцены любви пылкой, пламенной, любви съ жертвами, но любви безъ взаимности, любви отвергнутой. На этомъ мѣстѣ были другія посѣтительницы и посѣтители, которыхъ теперь ужь нѣтъ, и мало ли что̀ тогда было и чего теперь ужь нѣтъ, какъ нѣтъ и прежняго имени этой мѣстности «Александріи» и вмѣсто ея есть другое «Дарданъ».

Изъ Дардана ближе бы всего отправиться въ Екатерингофъ, гдѣ тоже есть свой оркестръ, подъ управленіемъ г. Меера (лица, совершенно неизвѣстнаго) и гдѣ по воскресеньямъ въ-особенности собираются жители Большой и Малой Коломны; но жизнь Екатерингофа гораздо-болѣе характеристична зимой, нежели лѣтомъ, а потому, мы перенесемся въ Любекъ, на берегъ Малой Невы...

Разгаръ любекскихъ гуляній начинается собственно со времени фейерверковъ и наибольшее веселье посѣщаетъ эту мѣстность въ то время, когда Везувій начнетъ извергать чудовищъ, и между содержателемъ трактира и публикою начнется взаимная борьба хитрости, причемъ первый старается, чтобъ публика не видала ни Везувія, ни чудовищъ безъ особой за то платы, а вторая старается и то и другое видѣть даромъ; но и въ настоящее время въ Любекѣ очень-пріятно. Здѣсь бываетъ оркестръ, который гораздо болѣе куритъ, нежели играетъ; здѣсь есть пропитанная табачнымъ дымомъ и кухоннымъ чадомъ зала, въ которой поетъ многочисленное тирольское семейство, состоящее только изъ лицъ прекраснаго пола; есть буфетъ для дамъ, въ которомъ

торгуютъ дамы, и наконецъ бываютъ пѣсенники, которые поютъ въ саду «при заведеніи». Поютъ они, вѣроятно, не безъ удовольствія, потому-что съ трактирной террасы раздаются въ честь ихъ одобрительные возгласы и даже иногда какой-нибудь господинъ торжественно провозгласитъ тостъ въ честь «отличныхъ пѣвцовъ». Любекъ, это Монплезиръ въ увеличенныхъ размѣрахъ; но въ то время, какъ въ Монплезирѣ господствуетъ языкъ только русскій, въ Любекѣ — русскій и чухонскій.

Прелести любекскихъ гуляній отбили рѣшительно всю публику отъ Нѣмецкаго Трактира, что̀ на Крестовскомъ Острову; однако они не такъ сильны, чтобъ сдѣлать то же съ другимъ гуляньемъ на томъ же острову, именно у Русскаго Трактира. Если для Русскихъ и Финляндцовъ Любекъ совершенно замѣнилъ прежнія извѣстныя гулянья на Крестовскомъ, то для истыхъ Нѣмцевъ Крестовскій незамѣнимъ, потому-что на немъ есть та пріятная горка, на которой съ дѣтства они привыкли по праздникамъ пить чай и пуншъ, играть въ горѣлки и бостонъ, бороться, прыгать другъ черезъ друга, черезъ разведенные огоньки, веселиться цѣлую ночь наканунѣ иванова-дня, однимъ словомъ, есть Кулербергъ. А отъ Кулерберга недалеко и до Русскаго Трактира, гдѣ играетъ музыка. Вотъ причина, приводящая сюда одну часть публики въ то время, какъ другая приводится желаніемъ посмотрѣть на хожденіе по канату семейства Вейнертъ, которое, можетъ быть, въ пятомъ поколѣніи ходитъ здѣсь между небомъ и землею. Въ минуту, когда, подъ звуки громкаго марша, члены этого семейства, одѣтые въ трико тѣльнаго цвѣта, скачутъ, танцуютъ, ложатся и стрѣляютъ на канатѣ, въ эту минуту надобно смотрѣть на лица публики (не только пѣшеходной, но и пріѣзжающей въ экипажахъ), чтобъ полюбоваться съ какимъ жаднымъ вниманіемъ слѣдитъ она за каждымъ шагомъ акробата, ожидая разрѣшенія вопроса — единственной цѣли всѣхъ канатныхъ наслажденій: свалится или не свалится съ высоты господинъ тѣльнаго цвѣта? А когда, наконецъ, господинъ тѣльнаго цвѣта достигнетъ своего высокаго сѣдалища, а другой господинъ, или госпожа, начнетъ совершать съ тарелкою хожденіе по землѣ, то надобно видѣть, ка̀къ важно трогаются съ мѣстъ болѣе или менѣе-изящные экипажи и ка̀къ ловко болѣе или менѣе-неизящныя пальто начнутъ отлавировывать и отъ господина, или госпожи, и отъ тарелки.

Александровскій Паркъ и по мѣстоположенію, и по своей публикѣ, и по характеру своихъ гуляній очень-недалекъ отъ Любека и Крестовскаго Острова.

Такимъ образомъ мы были на всѣхъ гуляньяхъ, которыми пользуется петербургская публика, кромѣ одного, самаго главнаго—Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ. Муза!.. лиру!.. Аполлонъ... вдохновенія! Прочь языкъ смертныхъ... я хочу говорить языкомъ тѣхъ вдохновенныхъ, которымъ данъ свыше талантъ въ гармоническихъ пѣсняхъ выражать свои чувства или воспѣвать славные подвиги героевъ.

Я хочу пѣть, хочу воспѣвать праздники Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ.

Пусть еще одинъ-два листочка прибавятся къ вѣнку, которымъ

вѣнчаютъ петербургскіе фёльетонисты г. Излера; пусть еще одна пѣснь прибавится къ написанной ими «Излеріадѣ», о которой не можетъ быть сомнѣнія какъ объ Иліадѣ, сочинена ли она однимъ лицомъ или нѣсколькими, потому-что Излера воспѣвали и стихами и прозой, прозой полной поэзіи и увлеченія и прозой спокойной, ровной характера самаго серьезнаго.

Вамъ скучно — отправляйтесь къ Ивану Ивановичу и вамъ будетъ весело; вы больны — поѣзжайте къ Ивану Ивановичу и будете совершенно здоровы.

Иванъ Ивановичъ чародѣй и волшебникъ. У Ивана Ивановича вкусы самые разнообразные, самые требовательные найдутъ себѣ удовлетвореніе — пишутъ просто фёльетонисты.

«Хвала тебѣ, нашъ Излеръ благородный!» и проч. пишутъ фёльетонисты-поэты...

Иванъ Ивановичъ — это имя сдѣлалось популярнымъ, это имя, сказанное безъ фамиліи, означаетъ не кого другаго, какъ Излера. Москва называла Фанни Эльслеръ просто Фанни; Москва, вызывая въ театрѣ Ирку Матіасъ, восклицаетъ просто Ирка! но Петербургъ сколько помнится, никого изъ артистовъ не называетъ просто Дуней или Степаномъ и только одного Излера называетъ просто Иваномъ Иванычемъ.

Г. Излеръ чувствуетъ эту привилегію, предоставляемую ему публикою, и въ печатныхъ объявленіяхъ не называетъ себя почти никогда иначе, какъ присоединяя къ фамиліи и вполнѣ-прописанное имя и отчество.

Лѣто для г. Излера—время славы и большихъ сборовъ. Нынѣшнее лѣто не уступаетъ въ этомъ случаѣ предшествующимъ и публика стремится на Минеральныя Воды повидаться съ старыми знакомыми. Всѣ давно-извѣстные Петербургу наслажденія перевезены г. Излеромъ на его дачу. Тамъ живутъ и почтенные львы, и потертые тигры и другіе члены звѣринца г. Зама; тамъ струится рѣка Миссисипи, которая такъ долго-долго струилась въ одномъ изъ домовъ Караванной Улицы; тамъ ломаются Арабы-Кабилы, тѣ самые, которые занимались этимъ и въ балаганахъ на Адмиралтейской Площади; тамъ движутся живыя картины г-жи Беккеръ, которыя двигались и въ Циркѣ и въ Пассажѣ; тамъ даются представленія маріонетокъ г. Спози, который постоянно въ извѣстное время является съ ними на Адмиралтейской Площади; тамъ поетъ тирольское семейство Кнебельсбергера и играетъ на концертино г. Онгери — тѣ самые, которыхъ мы слышали здѣсь еще зимою; тамъ поютъ Цыгане, тѣ самые, которые пѣли и прошлый, и предпрошлый, и три, и четыре и даже пять лѣтъ тому назадъ, хотя число ихъ и уменьшилось наполовину противъ прежняго; наконецъ, тамъ играютъ оркестры гг. Іогана Гунгля и Дено, играютъ солисты гг. Совле (флейта), Мертке (піано), Германъ (віолончель) и Мейеръ (скрипка) и поютъ г-жа Лавковъ, гг. Кревъ и Гедрихъ и, кромѣ-того, нѣмецкіе пѣвцы; тамъ столько удовольствій, что каждое изъ нихъ, по словамъ одного фёльетониста, обходится посѣтителю только по семи коп. сер. Какъ много и какъ мало! воскли-

цаю я въ свою очередь. И послушавъ оркестръ г. Іогана Гунгля, который играетъ такъ хорошо, въ-особенности небольшія пьески, и видя, какъ точно ожили всѣ старые знакомые Петербурга въ ихъ новомъ лѣтнемъ помѣщеніи: есть ли какая возможность сказать, что хоръ Цыганъ ужь слишкомъ-неполонъ, что Миссиссипи лишена при настоящей постановкѣ всякой иллюзіи, что такъ-называемыя живыя движущія картины г-жи Беккеръ, пожалуй, и живыя и движущіяся, но ужь никакъ не картины, что тріо г-жи Ланковъ, гг. Крена и Гедриха заставляютъ думать, что пѣвцы, для сокращенія времени, разомъ поютъ то, что̀ каждый долженъ бы пѣть отдѣльно; что Арабы-Кабилы и прочіе акробаты дѣлаютъ рѣшительно все одно и то же; что трудно найдти развлеченіе, толкаясь и тискаясь, въ саду и залахъ, трудно сберечь здоровье, переходя изъ комнатъ, въ которыхъ всегда жарко, на свѣжій воздухъ, въ которомъ иногда холодно, и что, наконецъ, каждое удовольствіе обходится нѣсколько-дороже вычисленныхъ однимъ фёльетонистомъ семи копеекъ, потому-что едва-ли есть человѣкъ, который бы могъ въ одно и то же время быть въ саду и въ залѣ, гдѣ въ одно и то же время исполняются различныя части программы...

Никто не догадается не только сказать этого, но и подумать даже, неисключая и тѣхъ, которые бывали за границей и не только за подобныя удовольствія, но за слушаніе цѣлыхъ оперъ, оперъ исполняемыхъ на чистомъ воздухѣ, платили вчетверо и впятеро менѣе, нежели платятъ теперь на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ. Да и кому думать, кому говорить объ этихъ пустякахъ? Богатыя семейства живутъ на дачахъ и почти не посѣщаютъ праздниковъ г. Излера; небогатыя не посѣщаютъ ихъ вовсе, потому-что для небольшаго даже семейства зрѣлище Арабовъ-Кабиловъ, Миссиссипи и т п. обходится гораздо-дороже нежели ложа въ итальянской оперѣ, гдѣ оно можетъ слушать артистическія знаменитости. Минеральныя Воды посѣщаются преимущественно людьми одинокими, которые вовсе не разсчитываютъ, стоитъ ли удовольствіе платимыхъ денегъ, которые пріѣзжаютъ сюда вовсе не для музыки и акробатики, а собственно для самихъ-себя.

Минеральныя Воды имѣютъ своихъ habitués обоихъ половъ, которыхъ вы здѣсь встрѣтите и въ праздникъ и въ будни, то-есть почти каждый день, потому-что на Минеральныхъ Водахъ каждый день праздники. Извѣстная часть публики знаетъ г. Излера и не забываетъ своего любимца, точно также, какъ и онъ знаетъ эту извѣстную часть публики и старается удовлетворять ея требованіямъ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить два періода въ лѣтнемъ сезонѣ Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ.

Первый періодъ: съ открытія лѣтнихъ празднествъ до появленія московскихъ Цыганъ, и второй: съ появленія Цыганъ до настоящаго времени.

Прошлогодніе посѣтители Водъ, явясь на первые вечера г. Излера, были поражены и удивлены перемѣною характера этихъ празднествъ. Тамъ, гдѣ прежде происходилъ гамъ и крикъ московскихъ Цыганъ,

какой-то господинъ, въ черномъ фракѣ, нѣжно свисталъ на флейточкѣ; тамъ, гдѣ игралъ цѣлый хоръ духовой музыки, въ граціозной позѣ стоялъ Тиролецъ, окруженный Тирольками, и игралъ на какой-то маленькой скрипочкѣ, звуки которой едва уловимы для слуха. Обычные посѣтители съ удивленіемъ посматривали другъ на друга.

— Пойдемъ отсюда; тутъ кажется ничего нѣтъ хорошаго, говорилъ одинъ господинъ другому, послушавъ съ минуту игру на флейтѣ.

— Что ты! Да вѣдь этотъ, который играетъ, концерты давалъ. .

— А пусть его давалъ... что̀ мнѣ! то-ли-дѣло Цыгане: бывало, поютъ какой-нибудь романсъ...

. . . .

— Пойдемте въ садъ, здѣсь ужь скучно право, все эти Тирольцы поютъ понѣмецки, ничего понять нельзя, говоритъ дама въ самой маленькой шляпкѣ, едва-прикрывающей косу.

— Сейчасъ, вотъ только посмотримъ какъ Тиролецъ будетъ играть на гармоникѣ; онъ играетъ на ней и ртомъ и носомъ даже... говоритъ кавалеръ.

— Можетъ ли быть, чтобъ носомъ?

— Право!

— Посмотримте! А послѣ ужь лучше въ садъ идти, здѣсь такая тоска...

Но въ саду тоже не было замѣтно особаго веселья. Музыкальные вечера на Водахъ были оживлены какъ-то чрезвычайно-мало; публика переходила изъ залы въ садъ, изъ сада въ залы, но ничто повидимому не останавливало ея вниманія. На Водахъ какъ-будто чего-то недоставало. Г. Излеръ понялъ въ чемъ заключается этотъ недостатокъ, и вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ посреди гуляющихъ явились всѣмъ знакомыя лица Маши, Груши, Лизы и другихъ сюжетовъ цыганскаго хора, а въ другой прекрасный вечеръ эти же лица появились на эстрадѣ и зала огласилась звуками «Сарафанчика», «Антипки-балалайки» и проч. и проч. Обычные посѣтители стали веселѣе прежняго; въ залахъ постоянно толпится публика, и въ то время, какъ въ саду Арабы-Кабилы составляютъ живыя пирамиды, въ залѣ зрители занимаются неменѣе хитрыми акробатическими упражненіями. Желая не только слышать, но и видѣть Цыганъ, одна часть публики встаетъ съ своихъ мѣстъ, а другая, кромѣ-того, становится на скамейки. Но недовольствуясь этимъ, стоявшіе на полу влѣзаютъ на скамейки, а стоявшіе на скамейкахъ становятся на ребра скамейныхъ спинокъ и такимъ-образомъ составляютъ группы, часто болѣе-любопытныя и живописныя, нежели тѣ, которыя ставитъ на сценѣ супруга «профессора» Беккера .. Картины эти иногда бываютъ не только прекрасны, но и поучительны даже...

Вотъ наслажденія, которыми пользуются посѣтители Минеральныхъ Водъ; но наслажденія новыя, еще высшія: фейерверки, иллюминаціи и проч. и проч. ожидаютъ ихъ впереди. Г. Излеръ—«чародѣй и волшебникъ», какъ говорилъ одинъ изъ еженедѣльныхъ фёльетонистовъ, и никто въ этомъ не сомнѣвается. Онъ перевезъ старыя городскія удовольствія на Воды: они замѣняютъ собою новыя. Всѣ довольны г.

Излеромъ, неисключая, вѣроятно, и настоящихъ львовъ, которыхъ онъ заставилъ подражать ненастоящимъ и обѣдать въ семь часовъ вечера, неисключая и всѣхъ прочихъ звѣрей г. Зама, кормленіе которыхъ происходило прежде только по праздникамъ и для которыхъ теперь настал̀ъ нескончаемый праздникъ.

И послѣ всего этого можно ли не славить и не воспѣвать г. Излера? можно ли не писать возвышенныхъ диѳирамбовъ въ честь праздниковъ на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ? Нѣтъ, рѣшительно невозможно. Итакъ, пусть фёльетонисты строятъ свои лиры; пусть они сладкими пѣснями прославляютъ прелесть цыганскаго пѣнія, ловкость Арабовъ-Кабиловъ, пластическія красоты группы г-жи Беккеръ; пусть они поютъ рыхлость вафлей г-жи Гебгардтъ, и кстати пусть скажутъ слово поощренія г. Шульцу, который причалилъ барку съ своими восковыми фигурами тоже къ берегу предъ заведеніемъ Водъ. А я... я сочту всѣ эти похвалы, соберу ихъ воедино, выберу изъ нихъ лучшія мѣста и въ однѣхъ изъ моихъ «Замѣтокъ» представлю это читателямъ въ доказательство того, ка̀къ умѣютъ у насъ цѣнить высокія наслажденія... А между-тѣмъ, посреди всѣхъ исчисленныхъ лѣтнихъ удовольствій въ пыльныхъ садахъ и душныхъ залахъ, посреди неумолкающей музыки и безконечныхъ представленій акробатовъ прошелъ іюнь, прошла едва-ли не лучшая часть лѣта.

Вы прочли этотъ длинный перечень петербургскихъ лѣтнихъ гульбищъ и удовольствій, мой деревенскій читатель, и задумываетесь, быть-можетъ, вспоминая свои собственныя наслажденія. Вы вспоминаете ваши раннія, утреннія прогулки по полямъ и лугамъ, ваши веселыя поѣздки съ семьею на какой-нибудь далекій сѣнокосъ, прогулки водою въ обществѣ добрыхъ знакомыхъ; веселую охоту, которую ужь начали нѣсколько дней тому назадъ; вы смотрите изъ окна кабинета, въ которое несется ароматный воздухъ лѣтняго вечера, смотрите на обширный густой садъ, спускающійся подъ гору и оканчивающійся тамъ у самой рѣки, садъ, въ которомъ провели вы столько пріятныхъ вечеровъ — и улыбаетесь, смѣясь внутренно надъ петербургскими лѣтними наслажденіями... Да̀... вы не завидуете намъ, не правда ли?.. но зато я... ка̀къ я вамъ завидую!..

═

МОДЫ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы обѣщались описать дѣтскіе костюмы, и потому прежде всего начнемъ съ нихъ. Теперь главная роскошь дѣтскаго туалета состоитъ въ бѣльѣ, и вотъ образчикъ этого бѣлья, который мы видѣли въ одномъ изъ лучшихъ магазиновъ. Всѣ дѣтскія юбки и панталоны или вышиты англійскимъ шитьемъ, или просто съ одними зубцами; нѣкоторые панталоны,

со множествомъ мелкихъ складокъ и внизу обшиты узенькими кружевами. Кацавейки кембриковыя вышиты или обшиты англійскимъ шитьемъ; но кацавейки изъ англійскаго пике — съ выметанными гладью зубцами. Бѣлые лифы и пелеринки съ передниками для самыхъ маленькихъ дѣтей—тоже съ выметанными зубцами; однимъ словомъ, нѣтъ вещи, которая бы не была съ выметанными зубцами, или вышита англійскимъ шитьемъ. Но рубашки, кофточки и чепчики большею-частью вышиты гладью и обшиты валансьерами.

Платья для дѣвочекъ моложе семи лѣтъ дѣлаются большею-частью бѣлыя, съ мелкими складками или фалбалами, или вышитыя.

Шелковыя платья почти всегда надѣваются съ бѣлыми лифами. Вотъ очень-миленькій фасонъ для шелковыхъ платьевъ: юбка съ тремя воланами; лифъ открытый спереди и сзади и соединяющійся въ трехъ мѣстахъ лентами; рукава безъ обшивки, въ родѣ эполетъ; подъ низъ такого лифа надѣвается другой лифъ, бѣлый кисейный. Очень-красивы платья для дѣтей изъ сѣраго батиста, съ кацавейками, вышитыя цвѣтными снурками. Кисейныя платья непремѣнно должны быть со множествомъ фалбалъ, которыя доходятъ до самой таліи. Верхній костюмъ самый лучшій для дѣтей: это кашемировая тальма сѣраго цвѣта съ цвѣтными тесьмами, или бѣлая кашемировая, на розовой подкладкѣ, съ капишономъ, обшитая кругомъ широкимъ біэ изъ розоваго пу-де-суа.

Обувь также важная вещь въ дѣтскомъ туалетѣ. Для лѣта очень-хороши ботинки изъ каломянки, съ лакированными носками; также очень-красивы ботинки изъ прюнели, одинакаго цвѣта съ платьемъ.

Для мальчиковъ моложе семи лѣтъ самый лучшій костюмъ — русская рубашка; но послѣ семи лѣтъ нужна ужь курточка, которая дѣлается изъ нитяной матеріи, одинакая съ панталонами и жилеткой. Для вечера надѣвается курточка изъ сукна или бархата. Шляпа должна быть или соломенная съ черной бархатной лентой на тульѣ, или жокейская фуражка.

Для дѣвочекъ шляпки, по обыкновенію, дѣлаются соломенныя, круглыя, съ большими полями и убираются клѣтчатыми лентами. Шляпки-капотъ, соломенныя и шелковыя, надѣваются только вечеромъ. Но самый роскошный туалетъ бываетъ у дѣтей, которыя еще не ходятъ, или только-что начинаютъ ходить. Для нихъ необходимы чепчики, которые дѣлаются вышитые, обшитые въ нѣсколько рядовъ кружевами. Ленты для уборки употребляются самыя узенькія и покрываютъ почти весь чепчикъ. Шляпки большею-частью съ небольшимъ страусовымъ перомъ и съ загнутыми напереди полями. Цвѣтъ для платьевъ и верхнихъ костюмовъ преимущественно-бѣлый или сѣрый.

Переходимъ къ нарядамъ для взрослыхъ.

О фасонѣ шляпокъ говорить нечего: онѣ все такъ же малы и легки, какъ были прежде; теперь очень-часто къ концу полей

шляпки пришиваются широкія кружева или блонды вмѣсто вуаля, и это очень-красиво.

Верхніе костюмы большею-частью дѣлаются съ рукавами; но фасонъ тальмы, хоть и съ большими измѣненіями, все-еще существуетъ, и этого надо было ожидать, потому-что легче и удобнѣе костюмъ для лѣта трудно придумать.

Бурнусы и вообще всѣ верхніе костюмы дѣлаются большею-частью безъ капишоновъ; капишоны употребляются только на мантильяхъ; фасонъ мантильи-шаль въ большой модѣ: она дѣлается изъ шелковой матеріи и обшивается широкой бахрамой сверхъ этого въ нѣсколько рядовъ тесьмой одинакаго цвѣта съ матеріей; капишонъ обшитъ одинаково съ мантильей.

Роскошь по части каньзу и манишекъ съ каждымъ днемъ увеличивается: всѣ онѣ покрыты кружевомъ и кружевными прошивками. Фасонъ ихъ бываетъ въ видѣ жилета съ рукавами, чтобъ надѣвать подъ низъ платья, и въ родѣ кацавейки, чтобъ надѣвать сверхъ платья.

Кружевная мантилья для жаркихъ дней—необходимая принадлежность дамскаго туалета. Разумѣется, эту мантилью нельзя надѣть сверхъ каньзу; она очень-красива на шелковомъ платьѣ и съ закрытой таліей.

Зонтики дѣлаются очень-маленькіе и обшиваются бахрамой. Матеріи на зонтикахъ самыя яркія и перемѣшанныя съ золотомъ или серебромъ.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя въ статьѣ г. Вернадскаго, въ 5-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» (Отд. IV, Критика):

Стран.		*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
3	(сверху)	32	наблюденія	несоблюденія
41	—	—	но	но и

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11-й.

Пьесы для фортепьяно.

	Серебр. Р. К.
Breidenstein. — Impromptu en forme de valse (30 к.). Impromptu en forme de sérénade	— 30
Bernard. — Marche (60 к.) La danse des fées. Morceau caractéristique (1 р.). Polka-mazurka de salon. Morceau caractéristique (60 к.). Canzone favorite de l'opéra Rigoletto chantée par Mario transcrite	— 50
Borosdine. — Valse brillante	— 60
Burgmüller. — Fantaisie sur les oiseaux de Notre-Dame (85 к.) La fête des Gondoliers. Schottisch (70 к.). Une soirée de Varsovie. Trois mazurkas	1 40
Beyer. — Rigoletto. Petite fantaisie (60 к.). La Sonnambula. Petite fantaisie gracieuse (60 к.). Souvenirs des bords du Rhin. Trois paraphrases. op 121 № 1 à 6 (каждый 85 к.). Henriette. Polka-mazurka (70 к.). Ophélia-Polka	— 70
Chopin. — Deux valses mélancoliques. Oeuvre posthume	— 60
Dreyschock. — Soirées d'hiver. Suite de six morceaux caractéristiques № 1 à 3 каждый	— 85
Duvernoy. — Amina. Petite fantaisie	— 85
Field. — Andante (avec portrait)	— 75
Golinelli. — Le départ et le retour. Fantaisie	— 85
Goria. — Finale de l'opéra: Lucrezia Borgia varié op 64 (1 р. 15 к.). La chanteuse voilée. Fantaisie	— 85
Herz. — Marche des Bardes. op 164 (70 к.). L'écume de mer. Marche et valse brillante op. 168 (1 р. 15 к.). Le carillonneur de Bruges. Fantaisie op 169 (1 р.). La rosée du matin. Nouvelle fantaisie op 172 (1 р.). La Tapada. Polka caractéristique du Perou (1 р.). Marche méxicaine	— 75
Hünten. — L'utile et agréable. Six petits morceaux. op 181.	1 15
Kerlé. — Polonaise	— 60
Kontski. — Scherzo éxécuté dans tous ses concerts. Nouvelle édition augmentée (1 р. 15 к.). Caprice héroique (le rappel à l'armée) (1 р 50 к.). Le carnaval de Berlin. Galop brillant	1 85

Р. .К

Liszt. — Ты не повѣришь какъ ты мила. Air bohêmien transcrit (1 р. 15 к.). Соловей. Air russe d'Alabieff, nouvelle transcription. . . . . — 85

Litolff. — Tarantelle. op 79 (1 р. 60 к.). La bacchanale. Scherzo. op 97 (1 р. 15 к.). Innocence. Impromptu. op 98 № 1 (70 к.). Clair de lune. Impromptu . . . . — 70

Mayer. — Allegro vivace (75 к.). Le désir. Romance sans paroles (60 к.). Tonbilder. Douze morceaux caractéristiques. op 172. Suite 1 à 4 (каждая 1 р. 15 к.). Frühlingsblüthen. Dix morceaux brillans. op 174 № 1 à 10, каждый . . . — 85

Leschetitzky. — Les adieux. Romance. op 14 (60 к.). Les clochettes. Impromptu. op 16. . . . . — 75

Meyer (Leopold de). — Souvenir d'Italie. Grande fantaisie op 69 (1 р. 30 к.). Luisa Miller. Grande fantaisie. op 70 (1 р. 40 к.). Les espagnols en Flandre. Grande fantaisie. op 71 (1 р. 70 к.). L'Iris. Galop de concert op 72 (85 к.). Fleurs d'Italie. Quadrille de concert op 73 (1 р.). L'espérance. Nocturne élégant op 74 (1 р.). L'adieu. Nocturne (85 к.). Airs styriens. op 76 (1 р. 30 к.). Meyer-Polka. . . . . . — 60

Osborne. — La rosée du soir. Pensée musicale . . . . — 85

Prudent. — Villanelle. op 40 (1 р 40.). Le reveil des fées op 41 1 30

Ravina. — Romance sans paroles. op 27 . . . . — 85

Rosellen. — Le carillonneur de Bruges. Fantaisie op. 134 (1 р. 30 к). Le juiferrant. Fantaisie op 136 (1 р. 50 к.). 25 Etudes de moyenne force. op 133 . . . . 3 40

Выписывающіе нотъ на сумму не менье трехъ рублей серебромъ, *получаютъ* двадцать пять *процентовъ уступки, а выписывающіе на* десять руб. сер., *пользуясь означенною уступкою, кромь того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями* непосредственно *въ магазинъ* М. Бернарда. *На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всь музыкальныя сочиненія, кьмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогь.*

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюля седьмая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XIV), которая содержитъ въ себѣ: *Goria,* Chanson espagnole, solo de concert — *Wallace,* Valse de concert — *Kuhé,* La gondole — *Tedesco,* Air tyrolien — *Bernard,* Polka-mazurka de salon — *Strauss,* Indra-Quadrille-Mazurka favorite de Varsovie — *Beyer,* Petite fantaisie — *Lemoine,* Rondino-Valse — *Быковская,* Романсъ — *Cheret,* Romance.

Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Печатать позволяется, 28-го іюня 1853 г. Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

въ магазинѣ И. Пеца нынѣ СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой Морской, въ домѣ Лауфферта № 116.

Пьесы для фортепьяно въ двѣ руки.

	Сер. Р.	К.
Ark. Ch. — Méditation	—	50
Auber. — 16 Pièces favorites de l'opéra: La Muette de Portici	1	70
Beyer. — Le Siège de Gand. Bouquet de Mélodies	—	85
Robert le Diable. Bouquet de Mélodies	—	85
Carnaval de Venise d'Ernst. varié	—	60
Blankmeister. — La Passionée. Impromptu	—	60
Burgmueller. — Pensées Expressives. Mélodies célèbres op. 73 cah 1, 2, Chaque	1	—
Douze leçons et trois Préludes trés faciles et agréable	—	75
Chaulieu. — Jl segretto. Air favori de Lucrezia Borgia	—	60
Chopin. — Deux polonaises célèbres. Op 40	—	85
Valse brillante. op 34 № 3. (Nouv. Edition)	—	75
Chotek — Fantaisie sur Lucrezia Borgia et Torquato Tasso	—	85
Czerny. — Instructions ou 100 Récréations musicales, doigtés et progréssives à l'usage des premiers commençants. Cah 1, 2, 3, 4, Chaque	—	85
Doehler. — Variations sur l'opéra: Montecchi ed i Capuletti	—	85
Variations sur l'opéra: La Sonnambula	1	—
Tarantelle célèbre	—	75
Romance et Cavatine de l'opéra: La Fille du Regiment	—	60
Petite fantaisie sur l'opéra Norma	—	75
Dreyschock — Trois Andante et quatre Impromptus	1	—
Duvernoy. — Choix d'airs connus, doigtés. Cah. 1, 2. Chaque	—	75
Cavatine de Roberto devereux variée	—	85
Divertissement sur l'opéra: Zanetta d'Auber	—	75
Fuchs. J. — Caprice	1	—
Haberzettel. — Impromptu. La Plainte et la Resolution	—	30
Petites preludes dans tous les tons majeurs et mineurs	—	40
Henselt A. — Mazurka et Polka (Nouv. édition)	1	—
Marche (Nouvelle édition)	1	—
Chant des Néréides d'Oberon	—	75
Air de Balfe chanté par M-me Viardot-Garcia (Nouv. Edition)	1	—
Choeur et Ballet d'Oberon	1	—
Petite Valse nouvelle	—	50
Nouvelles Exercices préparatoires	1	50
Air de Soprano de l'opera: Freyschütz de Weber	1	—
Herz. — Variations sur la Dernière pensée de Weber	1	15
Air de Tenore de Stabat Mater de Rossini	—	60

Пьесы для семиструнной гитары.

	Сер. Р. К.
Моркова. — Венеціанскій-Карнавалъ, соч Ероста, передѣланный для одной гитары или же для двухъ гитаръ, или для гитары съ фортепьяно. Цѣна	1 50
Павлищевъ. — Огрывки изъ оперы: Волшебный Стрѣлокъ (Freyschütz)	— 85
Петровъ. — Этюдъ, соч. Габербира	— 70
Радо. — Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить.	— 40
Саренко. — Фантазія на любимый романсъ: Бывало, бывало, соч. графа Віельгорскаго	— 75
Вальсъ Шопена (Mélancolique)	— 40
Два Этюда	— 40
Романсъ безъ словъ	— 30
Thème et variations	— 50
Этюдъ	— 30
Циммерманъ. — Этюдъ	— 40
Два вальса и Этюдъ	— 60

Школа для скрипки, самая лучшая и употребительная, соч. знаменитыхъ скрипачей: Роде, Бальо и Крейцера, на русскомъ языкѣ. Третье исправленное изданіе съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ съ присовокупленіемъ скрипичнаго грифа, по которому начинающій ясно видитъ, гдѣ и на какой именно струнѣ извлекаются всѣ тоны. Цѣна 3 руб. серебромъ.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо-больше уступки. Магазинъ И. Пеца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейс-курантъ, разсылаются при посылкахъ безденежно

Тутъ же получены на дняхъ свѣжія и отличнаго достоинства итальянскія струны, для всѣхъ иструментовъ, которыя и продаются по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Печатать позволяется, 25-го іюня 1853 г. Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

Отеч. записки
1853
т. 89. № 7.
UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963063